

Руслан Григорьев

ПЕТЛЯ СЕРГЕЯ НЕСТЕРОВА

непридуманная повесть

Руслан Григорьев Петля Сергея Нестерова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69256258

SelfPub; 2023

Аннотация

Написана на основе событий семидесятых-девяностых годов двадцатого века. Развитие сюжета происходит на территории нескольких государств, где живет и работает главный герой книги – профессиональный сотрудник органов госбезопасности СССР Сергей Нестеров. Захватывающие детективные истории органично переплетаются с рассказами о личной жизни главного героя, его взаимоотношениях с окружающими, товарищами и коллегами по работе. Публикуется двумя книгами. Первая – начало профессиональной деятельности в контрразведке КГБ СССР и последующей работе в разведке. Вторая книга – работа в центральном аппарате КГБ СССР и участии главного героя в событиях августа 1991 года.

Содержание

Книга первая	6
Предисловие	6
Лето 1973 года, совещание	12
День рождения	21
Первые последствия	29
Иранская шкатулка с вкраплениями	36
Зитин – «Пехлеван»	66
В Измайлово	73
Краснодарская история	83
Кадровый вопрос	104
«Саблин» и «Архипелаг Гулаг»	128
Девичник	141
Зима 1976 года. Семушкин	159
В 10.15 следующего дня в Управлении	177
Отвальная	187
«Грэг»	208
Из материалов Департамента контрразведки Министерства безопасности	227
Из материалов Департамента контрразведки Министерства безопасности	232
Олежка	234
Из материалов Департамента контрразведки Министерства безопасности	244

Письма	247
Нестеров – Шибанов – Гордин	252
Новогодний подарок	277
Из материалов Департамента контрразведки Министерства безопасности	303
Из переписки с Центром	306
Испытание	310
Из материалов Департамента контрразведки Министерства безопасности	367
Прощальный поцелуй	373
Из переписки с Центром	403
Из материалов Департамента контрразведки Министерства безопасности	406
«Наконец-то мы дома...»	412
Книга вторая	424
Прелюдия	426
Божинский	439
Мастество грузинского танца	466
Гоглидзе	496
В гостях. Гори. Проводы	533
Первые неожиданности	551
Семейное дело	573
Боль	606
Назад к истокам	667
Операция «Капкан»	708
Рассказ командира опергруппы Моренова	792

Исход

819

Послесловие

880

Руслан Григорьев Петля Сергея Нестерова

Книга первая

Предисловие

Несколько лет назад мне принесли на отзыв киносценарий об августе 91-го года. ГКЧП, переворот, путч, революция, контрреволюция – как только не называют эти три дня, кардинально изменившие течение истории нашей страны. Чем дальше я читал сценарий, тем больше приходил в ужас от незнания людьми материала, с которым они работали, и страстного желания потуже завернуть интригу так, как они ее понимали.

Почти все действующие лица – офицеры КГБ СССР. Генерал – маньяк, не пожалевший в политической мясорубке свою единственную дочь. Его помощник – хладнокровный расчетливый убийца. Начальник отдела – подлец и предатель. И остальные не лучше. А что они делали в эти действительно судьбоносные для всех нас дни, в кошмарном сне присниться не может.

Об этом мне пришлось сообщить молодым сценаристам,

добавив, что произведение построено на сотнях больших и маленьких неправд, которые в сумме вырастают в одну громадную ложь. И, как бы ни старались ее приукрасить, зритель все равно поймет и не поверит, а значит, и смотреть такое кино не будет.

«Но ведь никто не знает всей правды! – С возмущением и обидой воскликнули они. – А кто знает, тот молчит! Разве не было в КГБ таких людей, как мы их представили?»

И тогда пришлось, как участнику событий того времени, рассказать о том, что было моей правдой и чем делились со мной коллеги. Как огненным плугом прошелся ГКЧП по нашим судьбам, уничтожив цвет и гордость органов государственной безопасности, верных и преданных сынов своего Отечества. Рассказать, какими были в молодости, что пришлось испытать в жизни, во что свято верили, кого мы любили...

Беседа была долгой. Профессионалы киноиндустрии слушали, не перебивая, и, когда я закончил свой рассказ, спрятали сценарий в портфель. «Жаль, конечно, – прозвучало с разочарованием, – что не получился фильм, но после того, что вы рассказали, снимать нашу «фантастику» – рука не поднимается. – Помолчали, и неформальный руководитель творческого коллектива добавил: – На самом деле, вы располагаете совершенно уникальным материалом. Напишите, поверьте, никто об этом так, как вы рассказываете, не знает...»

Некоторое время спустя родились первые строки будущей повести о жизни и судьбе одного из многих офицеров госбезопасности, чья служба оборвалась после трагических событий августа 1991 года. Писать приходилось вечерами, ночами, в выходные и праздники. Порой останавливался, хотелось все бросить от неверия, что когда-нибудь закончу книгу, и она увидит свет. Но слово-обещание, данное друзьям-чекистам Владимиру Андреевичу Миронову и Виктору Александровичу Петренко, моим родным и близким, которые помогали и поддерживали меня, заставляло вновь и вновь возвращаться к прекрасному, незабываемому времени нашей молодости.

С уважением,

Руслан Григорьев

Дорогой семье Любимых, любимым
детьям Светосле и Руслану;
друзьям, товарищам, коллегам по
работе в разведке и контрразведке
КГБ СССР - безвестным героям, вер-
ными сменявшими своего Ветерана,
исполнившим и правшим

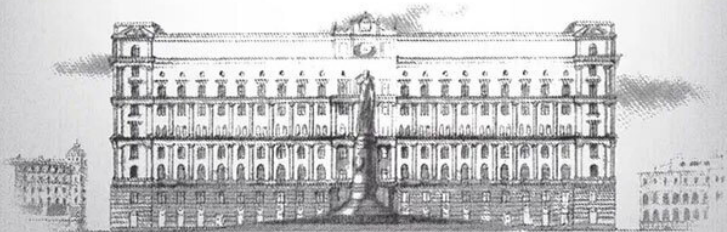
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Р. Гринько

*Останься прост, беседуя с царями;
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями;
Пусть все в свой час считаются с тобой.*

Редьярд Киплинг

ИСТОКИ

Лето 1973 года, совещание

Совещание у заместителя начальника Управления Назарова подходило к концу. Последним выступал один из лучших работников Александр Муравьев, которого коллеги и кое-кто из руководства звали Муравчик. И не только из-за созвучности фамилии; он действительно чем-то напоминал муравья: небольшого росточка, с круглой блестящей на лбу головкой, стремительный и деловой.

Муравьев был на последних аккордах своего в целом мажорного выступления, когда Назаров внезапно спросил:

– Александр Николаевич, а сколько у нас в Союзе учащихся из Индии?

Докладчик пришел в замешательство, поскольку вопрос не был связан с темой совещания, однако заминка длилась секунду, не более. Саша, воробей стреляный, хорошо знал, что нет ничего хуже, чем молчать перед начальством.

– Виктор Петрович, – с умным видом, издалека начал Муравьев, одновременно пытаюсь понять, чего же все-таки хочет высокое руководство, – общая численность граждан Индии, обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях Советского Союза, находится в постоянном движении. Сейчас заканчивается учебный год и Минвуз СССР...

– Извините, вы можете назвать цифру? – перебил На-

заров. Выражение лица у него при этом, как всегда, было непроницаемым.

Какое отношение имеют интересующие Назарова сведения к Универсиаде, главной теме совещания, для всех присутствующих оставалось тайной. Но в Управлении хорошо знали, что Виктор Петрович, прошедший в органах путь от старшины до генерала, поднимавшийся по служебной лестнице последовательно, шаг за шагом, через войну, ранения, учебу по ночам, участие в сложнейших, с риском для жизни, контрразведывательных операциях, никогда ничего не делал и не спрашивал просто так.

– Могу назвать примерную цифру... – попытался уйти от прямого ответа опытный Муравьев. Он интуитивно чувствовал, что в этой ситуации что-то не то: не будет Назаров спрашивать ради простого любопытства.

– Спасибо, мне все понятно, присаживайтесь, – спокойно отреагировал тот. – А вы, Сомов, знаете свой контингент? У вас что, Африка? Сколько, например, нигерийцев у нас учится? – поднял Назаров своим вопросом Бориса Сомова.

– Одна тысяча сто двенадцать человек, без учета лиц, завершающих обучение и прибывших к нам для поступления на учебу, – отчеканил Боб, который, несмотря на хорошо обозначенную приличных размеров лысину, считался молодым сотрудником. Он и еще двое ребят пришли в отдел в начале прошлого года после окончания Высшей школы КГБ и по чекистским меркам считались слабо обстрелянной мо-

лодежью.

– А сколько у вас в обслуживании землячеств?

– Двенадцать, Виктор Петрович.

– Замечательно! Садитесь, пожалуйста.

– Слушай, Борь, – шепотом, с неистребимым армянским акцентом спросил Сомова сидящий рядом с ним Рубен Оганесян. – Ты что, действительно помнишь: сколько, где, кого?

– Нет, конечно, – с усмешкой ответил Сомов. – Так, примерно. Что он, проверять, что ли, будет?

Тем временем Назаров стал подводить итоги совещания.

– В целом я удовлетворен вашими сообщениями. Есть понимание решения предстоящих задач, подготовлены агентурные позиции, рационально, на мой взгляд, задействованы силы и средства Оперативно-технического управления.

Генерал, сделав небольшую паузу, открыл свою папку.

– Товарищи! В свете последней информации, поступившей из Первого главного управления, и без того непростая оперативная ситуация на период проведения международных молодежных спортивных игр еще более усложняется. Резидентурами внешнеполитической разведки в странах Ближнего и Среднего Востока получены данные, что экстремистские и террористические организации попытаются использовать Универсиаду в Москве для осуществления акций устрашения и так называемого возмездия. Есть также заинтересованность спецслужб ряда стран Западной Европы и США дискредитировать Советский Союз как организатора

крупных международных форумов, используя для этого любые удобные предлоги... – Он посмотрел один из документов и отложил его в сторону. – В целях экономии времени не стану повторять положения информационного письма наших коллег из Ясенево, с этим материалом ознакомитесь в рабочем порядке.

Назаров повернулся к начальнику отдела Ляпишеву, сидевшему справа.

– Яков Серафимович, ориентировку Первого главка я вам расписал, получите после совещания.

Ляпишев, встав со стула, кивнул, принимая к исполнению указание. Потом сел и оглядел присутствующих.

В кабинете находилось около двадцати человек.

Напротив сидел его зам Павел Зитин, здесь же за столом совещаний – начальники отделений вперемежку со старшими операми и, уже у стен, молодежь. Непонятно только, как за столом оказался первогодок Семушкин и почему Алексей Иванович Супуртин скромненько притулился недалеко от двери. Может, конечно, это случайность, а может, и нет: уж больно прыток рыженький Семушкин.

Назаров вел совещание в присущей ему манере: не отступая от намеченного плана и четко выдерживая временные рамки.

– Прошу не забывать, товарищи, что наш административный аппарат в подавляющем большинстве не имеет опыта проведения таких масштабных международных спортивных

мероприятий, поэтому сбои могут происходить, что называется, на ровном месте. В свою очередь, любой промах может быть использован не в наших интересах, и в этой связи вы не должны упустить ни одной мелочи, просчитывая возможные негативные последствия действий или бездействий наших чиновников и специалистов, несущих ответственность за положение дел на своем участке.

Виктор Петрович, как один из руководителей Управления, хорошо понимал, что Универсиада – большое испытание для всех государственных, в том числе и силовых структур, перед которыми поставлена конкретная задача: не допустить повторения трагических событий мюнхенской Олимпиады. И в этой связи основная тяжесть решения оперативных задач ложится на отдел Ляпишева – оперативное подразделение, которое на восемьдесят процентов укомплектовано молодыми сотрудниками разных национальностей. Здесь, в его кабинете, помимо украинцев и русских, сейчас находились казах, армянин, чеченец и эстонец. Конечно, ребята все молодые, горячие, некоторые и года не проработали, зато прекрасно подготовлены, чего так не хватало сотрудникам в сороковые и пятидесятые годы, не откажешь им также в остром уме и хорошем нахальстве, что немаловажно в оперативной работе.

Свои мысли Виктор Петрович хорошо умел скрывать от окружающих, поэтому постановка оперативных задач происходила без пауз в заданном ранее темпе.

– Лица, прибывающие на Универсиаду с враждебными намерениями или с целью проведения конкретных акций, должны иметь возможность опереться на людей, знающих местную специфику, и для этого как раз и могут пригодиться сограждане и соплеменники, не первый год находящиеся в Союзе. Указания на это имеются в ориентировке Первого главка, о которой я сказал... – Последние слова были обращены уже к Ляпишеву. – С учетом названных обстоятельств, прошу обратить особое внимание на ситуацию в землячествах иностранных учащихся из стран Ближнего и Среднего Востока, а также Латинской Америки, в первую очередь, взяв под контроль лиц, подозреваемых в принадлежности к террористическим и экстремистским организациям. Усиьте их агентурное сопровождение, «Фараона» и «Дрейка» возьмите под круглосуточное наружное наблюдение.

Генерал закрыл папку, и заключительные фразы выступления произнес в приказном порядке.

– План агентурно-оперативных мероприятий по обеспечению Универсиады прошу представить на утверждение руководства Комитета к восемнадцатому. Ответственный – начальник отдела Ляпишев Яков Серафимович... Вопросы есть? – Он посмотрел в зал. – Раз всем все понятно, тогда за работу, – сказал он, поднимаясь из-за стола.

Кто-то в полголоса подал команду:

– Товарищи офицеры!

Все встали.

– Товарищи офицеры! – ответил Назаров, давая понять, что официальная часть действительно закончена. – Жён предупредили, что переходите на казарменное положение? Если кому-то нужны письменные подтверждения, давайте подпишу, – то ли в шутку, то ли всерьез бросил Виктор Петрович, однако видимой реакции не последовало. Кто знает, чем для тебя обернется такая забота руководства?

Народ с совещания выходил довольный: никого не «расстреляли», ценные указания получили и вообще сегодня – пятница, пора по рюмке да по домам.

Замыкающим в очереди отсовещавшихся оказался заместитель начальника отделения Поздняков Юрий Михайлович – «Михалыч», который немного задержался по просьбе Назарова.

– Сомов! – окликнул он Бориса, – Виктор Петрович просил тебя подготовить справку по обстановке в нигерийском землячестве. У тебя там заготовки наверняка есть. Час тебе хватит? Учти, генерал ждать не любит, так что засучи рукава и за работу... И обязательно укажи численность нигерийцев, сделай еще разбивочку на студентов и аспирантов. В общем, что тебя учить? Вперед, Боб! Ты же у нас ударник и умница, каких мало! – В голосе слышалась неприкрытая ирония, после чего Михалыч жестко, в приказном тоне продолжил. – Документ за своей подписью оставишь в нашем секретариате или у дежурного. Исполниай, боец!

Сомов изменился в лице, а Поздняков, не обращая на него никакого внимания, подхватил под руку Нестерова, шедшего несколько впереди:

– Зайди ко мне.

Через пять минут Сергей был у него в кабинете.

– «Обрадовал» ты Борьку, Михалыч, дальше некуда. У него было планов громадьё, а он бедняга засел за машинку, разложил дело по нигерийскому землячеству и что дальше делать, не знает. Какие-то цифры у него вообще не бьются, расхождение то ли в два, то ли в три раза.

– Ничего, ничего, наука ему будет. Он думает, что самый умный? Всех обманул? Всё-то он помнит и знает! Да Назаров на семь метров под землей видит! Он таких молодцов-мудрецов как орешки щелкает. Вставил мне, конечно, за плохую воспитательную работу с молодыми сотрудниками и в конце приказал: больше внимания уделять воспитанию и обучению молодёжи. Вот теперь я Боба и погружаю в воспитательно-образовательный процесс.

– Жалко мужика, товарищ командир...

– Всех жалеть, жалелки не хватит. Будешь начальником, сам поймешь... Ничего, пусть работает. В последнее время действительно задаваться стал, – Поздняков махнул рукой, отсекая дальнейшие рассуждения по неинтересной для него теме. – Слушай, да хрен с ним, сам виноват, пойдём лучше пообщаемся. Славка идет, Рубенчик, как всё-э-гда. Ты как?

– Не, Михалыч, извини, не могу. На день рождения под-

писался, я и так опаздываю, ещё цветы надо купить.

– Что ж, дело молодое – холостое, может, невесту подберешь. Ты учти, пока не женишься, не видать тебе опера, так и будешь ходить в младших.

– Да какие там невесты, Михалыч? Девчонки замужем уже.

– Тогда зачем тебе этот день рождения? Пошли с нами, водки с друзьями попьешь!

– Не могу, обещал.

– Ну, как знаешь.

По тону чувствовалось, Михалыч раздосадован и обижен. Но Нестеров действительно не мог ничего поделаться. Такой уж у него был характер. Если что пообещал, умри, но сделай.

День рождения

В полвосьмого он позвонил в дверь квартиры «новорожденной».

– Наконец-то! Раздевайся, снимай пиджак и вешай здесь. У нас как в парилке! – встретила его с поцелуями хозяйка бала Татьяна.

Пристраивая на вешалку пиджак, Нестеров обратил внимание, что рядом висит точно такой же.

«То ли приличных вещей маловато, то ли нас многовато», – мелькнуло у него.

Практически всех за столом он знал, кроме грузина, который пришел с Любашей Китаевой. Этот человек в поле его зрения никогда раньше не попадал.

«Интересно, – подумал Нестеров, – что это он такими масляными глазками смотрит на нашу Любочку? Очередную жертву нашел джигит?»

Пока Сергей пил-закусывал, на ухо рассказали, что грузин – не просто грузин, а Заслуженный артист Грузинской ССР – две недели назад познакомился с Любой в центральной клинической больнице, где она оказалась со сложным переломом ноги после горных лыж. Томаз, славный сын кавказских гор, попал туда же с переломом руки, который получил на съемках художественного фильма про войну под Москвой. В Тбилиси у него жена и двое детей, но, видимо, на Любашу

запал здорово. Эта же кокетка, хоть на костылях, но глазками так и стреляет, так и стреляет! Всю информацию и сопровождающий блок в виде охов и ахов, междометий и причитаний ему выдала Алка Поклонская, их общая подруга.

Нестеров увидел Любочку Китаеву первый раз на сцене МИИТа: она вела концерт самодеятельной песни. Что-то в ней было такое, что сразу запало в душу, какая-то изюминка, чертовщинка. Он хотел за ней приударить, но пришлось нажать на тормоза. Друг-приятель, Юрка Панин, разъяснил диспозицию: Любаша Китаева только с виду эдакая стрекоза, а на деле – железобетон, комиссар в юбке, всякие шашни-машни категорически исключены. Можно не пробовать. На таких девушках женятся, а не крутят с ними любовь. И это еще надо заслужить, поскольку не счесть числа отвергнутых ею воздыхателей.

К такому развитию событий Сергей готов не был, поэтому у них с девушкой сложились исключительно дружеские отношения. За два года, что прошли с момента знакомства, они много раз бывали в одних и тех же компаниях; причем, как правило, он приходил на сборища то с одной, то с другой девицей. «Господи, Нестеров, – сказала как-то Люба, не скрывая сожаления, – что ж ты такой бестолковый? Каждая следующая у тебя хуже предыдущей».

Веселье было в разгаре, но нормально выпить-закусить ему не дали, хотя аппетит был зверский: пообедать на работе опять не удалось. В руках Сергея почти сразу оказалась

гитара, и он стал аккомпанировать сначала Танюше, потом Любаше, потом опять Танюше. Так они и пели, две подружки, сменяя друг друга, хотя Татьяна категорически не терпела в своем присутствии ни одного женского певческого голоса и исключение делала только для Любы... Ах, какие замечательные голоса, сколько души и сердца было в каждой вещице! Заслушаешься! Сергей, словно в ударе, извлекал из гитары такое, что никогда ему раньше не удавалось.

Вообще-то гитара была не его инструментом. Почти десять лет он играл на ударных в разных составах вместе с профессиональными и самодеятельными музыкантами. С легкой руки друга своего старшего брата Нестеров начал заниматься этим делом еще в 14 лет, потом играл в клубах, дворцах культуры, на свадьбах, юбилеях, праздниках, знал почти все кабаки Москвы. Музыканты, или как их еще называли «лабухи», выставявшие себя на «бирже труда», считали его, несмотря на молодость и отсутствие музыкального образования, очень неплохим ударником. А это была высокая оценка. На бирже значились, как правило, профессионалы, конкуренция была такая, что многие не выдерживали.

Все устраивалось достаточно просто. В переулке от памятника первопечатнику Федорову к улице 25-го октября в предпраздничную пору стояли музыканты с инструментами, и «купец» (тот, кто нашел «халтуру»), тоже лабух, ходил, подбирая состав. Приглашал, конечно, в первую очередь тех, кого знал, а если из новеньких – то лишь с серьезной ре-

комендацией. Репертуар был универсальный, платили за вечер по десятке на брата. Так что за первомайские праздники Сергей зарабатывал рублей шестьдесят, а за новогодние – «стольник» и больше. Мама, повар в детском саду, за месяц получала меньше.

Она же и научила его играть на гитаре-семиструнке, показав три аккорда; дальше он уж сам: что-то подсмотрит у других, что-то подберет. В музыкальной школе Сергей не учился, в нотах не разбирался, но на слух мог подобрать любую песню и подстроиться под исполнителя так, будто выступал с ним сто лет.

За столом Нестерова обычно выбирали тамадой, посему приходилось и на гитаре играть, и регулировать процесс всеобщего веселья. Татьянин день рождения в этом смысле ничем не отличался от других торжеств. Обычно Сергей всем уделял равное внимание, а в этот раз по неведомым для себя причинам сконцентрировался исключительно на Любаше и ее спутнике.

Нестеров видел, как Томаз смотрит на нее. В его взгляде не было ничего нетактичного. Скорее, наоборот. Обожание и восхищение – вот что было в его глазах; так смотрят родители на своих играющих малышей. Но в то же время он оставался мужчиной, который хочет произвести впечатление на даму, и это было видно по оттенкам в голосе и манере поведения. А Любашка... Ей нравилось быть предметом обожания такого мужчины. Не переходя границ приличий, она

отчаянно кокетничала, и трудно было сказать, понимала ли возможные последствия своего поведения. Может, не отдавая отчета, хотела, чтобы между ними возникли более серьезные отношения? Кто знает. Зато Нестеров понимал, что эта потенциальная любовь несет в себе только горе и разочарование, а для Любы, вероятно, трагедию. От осознания последствий того, что может произойти, ему хотелось что-то сделать, – по крайней мере, не дать Томазу возможности совершить ошибку и больно ранить такого светлого человека, как Любочка. Однако желание желанием, а где для этого возможности? Что реально он мог сделать? Ответов у него не было.

Между тем вечер в его застольной части близился к концу, кто-то уже уехал, кто-то начинал собираться. Обычно Нестеров уходил из компаний в числе последних, но сейчас надо было сделать исключение. Руководство нагрузило: в семь тридцать утра на Белорусском вокзале он должен встретить поезд из Софии и получить посылку. Поэтому хочешь – не хочешь, а пора, как говорится, и честь знать. Времени половина одиннадцатого.

Как только он объявил о своем решении пуститься в путь-дорогу, материализовалась Алка Поклонская, попросившая проводить ее, а то, видите ли, боится одна возвращаться.

Серегу как джентльмен не мог отказать даме, к тому же Аллочка была девушкой привлекательной, глядишь, сложится что-нибудь... В полутемной прихожей она без устали бол-

тала, но главное обозначилось: родители уехали на дачу, а это сигнал, что шансы плодотворно продолжить отдых повышаются.

Перекинув пиджак через плечо, Нестеров обнял спутницу за талию, и, воркуя как голубки, через пять минут они были на остановке. Они поднялись на заднюю площадку подошедшего троллейбуса, и он привычным жестом полез в верхний карман пиджака за удостоверением, чтобы махнуть им как проездным... И вдруг его пробил холодный пот.

– Мамочки родные, пусто!

Реакция была мгновенной. Нестеров выпрыгнул из троллейбуса, слыша вслед недоуменный Аллочкин возглас: «Сережа, ты куда?» Под светом уличного фонаря он увидел, что впопыхах схватил не свой пиджак. Хмель улетучился моментально: за потерю удостоверения уволят из органов как пить дать! Он помчался назад. Пулей, без лифта, взлетел на пятый этаж, ворвался в квартиру и, только когда в руках оказался его пиджак, в кармане которого лежала заветная красная книжечка, с облегчением перевел дух. Никто ничего, конечно, так и не понял, да и объяснять было не нужно – про его работу в КГБ знали лишь Татьяна и ее муж.

Праздник счастливо продолжался, и несильно сопротивлявшийся Нестеров опять оказался за столом. Обрадованный, что все обошлось, на подъеме чувств он завернул что-то немислимое и витиеватое про любовь, фортуны и счастливый случай, который сводит и разводит людей в бурной

реке жизни. Получилось красиво и не хуже, чем в Грузии. Даже Томазу понравилось.

– Слушайте, – в продолжение тоста раздался голос с левого края стола. – Сейчас здесь остались только семейные люди, все женаты и замужем, кроме Сереги и Любы. Давайте мы их поженим!

Все загалдели:

– Даешь комсомольскую свадьбу! Сделаем их счастливыми! Счастье в каждый дом! – «Новорожденная» Татьяна взяла быка за рога.

– Люб, Сереж, вы сами не против? Нет? Тогда, Серый, пиши расписку, что женишься на Любаше.

Откуда-то появились ручка и Нестеров на салфетке, сдвинув свою рюмку и тарелку, написал: «Расписка. Я, Нестеров Сергей Владимирович, 1948 года рождения, проживающий по адресу: Москва, Башиловская ул., д. 28, кв. 62, обещаю, что в течение трёх последующих месяцев по любви и согласию женюсь на Любе Китаевой». Подпись, число.

– И ты, Любаш, напиши.

Смеясь, не придавая значения своим действиям, под парами шампанского, Люба размашисто написала: «Согласна» и расписалась.

Конечно же, сразу выпили за счастье молодых, потом еще и еще, и все это с шутками-прибаутками. Единственный, кто не поддался общему веселью, Томаз, самый трезвый из всех, с грустью и явным неодобрением смотревший на «юмори-

СЛОВ», СИДЯЩИХ ЗА СТОЛОМ.

Первые последствия

На следующее утро Нестеров с великим трудом заставил себя подняться. Съездил на Белорусский, получил посылку и отвез ее домой. В девять он, как ветер, был свободен от всех обязательств, только голова трещала после праздника и во рту, как табун лошадей ночевал. Мало-помалу он все-таки прилично набрался, хотя помнил абсолютно все.

Дождавшись десяти, Сергей спустился в магазин взять пару пива, а дома получил нагоняй от матери за пьянство с утра. Не вступая в дискуссии – все равно мать не переспоришь, – он вышел на улицу позвонить Любаше Китаевой. Можно было, конечно, звякнуть из дома, но не хотелось, чтобы разговор слышали соседи, телефон-то стоял в коридоре.

Люба ответила сразу, будто ждала звонка.

– Люб, привет! Это Сергей.

– А, привет, слушаю...

– Любаш, подъехать хотел, обсудить, как жизнь дальше строить будем... – Он не знал, как ему следует вести себя в возникшей ситуации.

– Сережа, ты о чем? Как жили, так и дальше жить будем. – Голос девушки звучал обыденно, разве что была какая-то слабая, неизвестная нотка.

– Но мы же теперь жених и невеста?

– Слушай, оказывается, ты помнишь, что было вчера? Мо-

лодец! А я думала это так, по пьянке... Нестеров, ты, вообще-то, в своем уме? Или еще не отошел после вчерашнего? Какие мы с тобой жених и невеста, сам подумай!

– Любаш, что ты, честное слово... Просто скажи, могу я приехать или нет?

– Приезжай, если тебе так надо, – вздохнула она.

И Серега поехал в Измайлово.

Дверь открыла Люба. Костыли, левая нога до колена в гипсе; зеленая в белую полоску кофточка и брючки – вот и весь ее наряд. На лице никакой косметики, только ресницы подкрашены, что подчеркивало и без того большие зеленые глаза. Сергей смотрел на нее и видел будто впервые.

– Привет! Чего застыл? Проходи.

– Привет, привет.

С первых же слов возникла неловкость. Такого до сих пор между ними не было; при встречах они всегда по-дружески «чмокались» в щечку, а тут почему-то изменили традиции.

– Давай, проходи на кухню, я геркулесовую кашу варю. Будешь?

– Нет, я её терпеть не могу... А где родители?

– На даче, полевые работы. Отец у меня большой огородник и садовод-любитель. Яблони привез из Мичуринска, помидоры и огурцы – из Краснодара, там у нас родственники... Знаешь, какие помидоры папа выращивает? Вот такие огромные! – Она показала окружность не меньше футбольного мяча. – Красные и желтые! А в прошлом году он ар-

бузы посадил, так ты представляешь, выросли и созрели! Я пробовала. Конечно, не астраханские, но есть можно... Чего стоишь? Садись, не мешайся.

Действительно, на пятиметровой кухне двухкомнатной хрущевки Сергей занимал слишком много места. Он с трудом втиснулся на табуретку между окном и кухонным столиком.

– Слушай, Нестеров! Ты действительно придаешь значение вчерашней шутке?

– Почему ты думаешь, что это шутка? А как же судьба, шанс, который выпадает человеку раз в жизни? Может, это тот самый случай.

– Ты мистик, фаталист? Что-то я раньше за тобой такого не замечала... – Иронии в словах Любаши было через край; и, глядя на него сверху вниз, она резко бросила: – Вот что я тебе скажу, Сергей. Выбрось ты эту дурь из головы. После твоего звонка я позвонила Татьяне и узнала, что ты, оказывается, работаешь в КГБ. Так вот, я с детства ненавижу военных, а кагэбэшников особенно. По-моему, все они достаточно ограниченные люди. У нас в институте был начальник первого отдела, его так и звали: Человек из КГБ. Большого идиота в жизни не встречала! Он меня в институт в брючном костюме не пускал. Девчонок за мини-юбки из института выводил, за социалистическую нравственность боролся... Ну, я ему устроила: брюки – в сумку и на перемене в туалете переделалась. Он как увидел меня в коридоре, так его чуть удар

не хватил. Запомнил, держиморда, и, когда подавали документы на поездку в Германию, из списков вычеркнул. Правда, потом меня в Венгрию все равно пустили. Но за это ректору нашему спасибо надо сказать, заступился... Впрочем, честно говоря, дело в другом... – Она, чуть прищурив глаза, посмотрела на него. – Нестеров, после того, как я видела все твои «шашни» и нежности с девицами, думаешь, ты можешь на что-нибудь рассчитывать?

Сергей не успел понять, что его больше разозлило: ненавистное слово «кагэбэшники» или упоминание о бывших подружках, – но реакция была мгновенной.

– Погоди, Люба, давай по порядку.

Китаева с ироничной улыбкой что-то помешивала в кастрюльке.

– Во-первых, я не военный. Да, у меня воинское звание лейтенант, но я оперативник; нам вообще запрещено появляться в форме.

Что-то в ее взгляде изменилось; может, подействовало непонятное слово «оперативник»?

– Про ограниченность, как ты говоришь, «кагэбэшников». Что-то, дорогая моя, у тебя здесь не клеится. Ты ведь раньше не считала меня ограниченным? А сейчас что изменилось? Ты хоть знаешь, что конкурс в нашу Вышку, или, как ее официально называют, в Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР имени Дзержинского, такой же, как в МГУ? Только у нас перед этим еще отбор со всякими тестами, анке-

тами и прочим. Сама должна понимать, ограниченных туда не берут... – Нестерову показалось, что удалось поколебать незыблемость ее позиций, и окрыленный успехом он поспешил закрепить достигнутый успех. – Теперь про девушек... Что было, то было! Но ведь их уже нет. Кто-то из великих, не помню, кто именно, сказал: «Чтобы найти крупницу золота, надо перелопатить тонну пустой породы».

– Значит, ты шел ко мне, своей мечте? Кстати, ты сегодня понял, что я – мечта твоей жизни или тебя вчера озарило? Шел, говоришь, через пять, десять... не знаю, сколько их у тебя было, этих женщин, чтобы найти девушку своей мечты? На костылях? Вот они, между прочим, костыли... Сережа, не смейся. Вчера Томаз, когда мы ехали от Татьяны, правильно говорил, что не надо шутить такими вещами. Потом люди не знают, как друг другу в глаза смотреть... Прошу, давай оставим все, как было. Хорошо?

– Нет, не хорошо, – голос Сергея изменился, испарились нотки игривости, светской болтовни. – Ты, Любочка, плохо меня знаешь. Какие шутки? Сказал, женюсь – значит женюсь. И никакому Томазу я тебя не отдам, не надейся.

– Причем здесь Томаз? И какое тебе до него дело? Не много ли ты себе позволяешь?

– Нисколько. Я видел, как он на тебя смотрел, и знаю, к чему это может привести. Томаз, сам того не желая, ломает жизнь тебе и себе... Что же касается моих прежних увлечений, все это в прошлом... Любаша, я человек упорный, не в

моих правилах бросаться словами; я скорее умру, но не отступлюсь и своего добьюсь обязательно – выполню обещание, тем более сделанное в письменной форме. Ты не знаешь, кстати, у кого наш с тобой договор?

– У меня точно нет.

– Не суть важно. Главное, мы знаем о его существовании. Любовь... Я давно люблю тебя, а значит, и ты полюбишь меня.

Одновременно Нестеров выбирался из угла, в который сам себя загнал. Сидеть там было крайне неудобно, а разговаривать – тем более. Встав, он оказался рядом с Любой, стоявшей лицом к плите и к нему вполоборота. Взяв ее за плечи, он развернул к себе, хотя и не знал, что сделает в следующую минуту... «Может, поцеловать? – Мелькнуло в голове. – Момент вроде подходящий».

И вдруг она, ударив его в грудь своими маленькими кулачками, заставила сделать шаг назад, один костыль при этом с грохотом упал на пол.

– Нестеров, ты что, выпил? От тебя несет, как от пивной бочки!

Глаза, которые еще недавно были ласково изумрудными, стали нестерпимо холодными, враждебными. Наверное, Люба почувствовала запах пива, выпитого им утром.

– Ты лучше ничего не говори, только хуже будет... Все, на сегодня свидание закончилось! Запомни: еще раз придешь ко мне выпивши, считай, что мы с тобой не знакомы. А сей-

час, прошу тебя, уходи.

Сергей был ошарашен, он никак не ожидал такого поворота событий и смог только смущенно сказать:

– Хорошо, хорошо... извини, пожалуйста.

Оказавшись на улице, Нестеров постепенно стал осознавать, что произошло нечто значительное в его жизни, о чем он, может быть, до конца еще и не догадывается.

На следующее утро он проснулся ни свет ни заря. Лежал тихо на своем диване, стараясь не разбудить мать. Мысли в голову лезли разные, но всё больше светлые. Быть может, причиной были яркое солнышко и синее небо в легких перистых облаках? А может, и что-то другое... Ему представлялось, как он идет с Любой по красной ковровой дорожке Дворца бракосочетания, что на улице Грибоедова: она в красивом подвенечном платье с белыми цветами в руках, а он в дорогом темно-синем костюме и бордовом галстуке, а по краям дорожки – ребята из отдела, довольные, улыбаются, смеются, поздравляют...

– Сынок, ты не спишь? О чем размышлял-то? – Мамин голос расстроил его сладкие фантазии; но настроение не испортилось.

Он знал, что все будет именно так, как ему пригрезилось.

Иранская шкатулка с вкраплениями

Пошли третьи сутки, как Поздняков с Нестеровым заняли номер студенческого общежития на восьмом этаже, и Михалыч ни разу не пожалел, что на Универсиаду напарником взял именно Сергея.

– Как там наши штабные крысы? Что новенького на незримом фронте? – На правах старшего товарища, подающего пример, Поздняков был энергичен и собран.

– Яков Серафимович после суток уехал отдыхать, у штурвала остался Пал Ефимыч. На дежурстве – Колкин Витя и Володя Моренов. Просили передать, чтобы ты подошел и ознакомился с ориентировкой по составу делегации из Ирана. Я уже прочитал... – В интонации Нестерова сквозило недоумение. – Слушай, такое впечатление, что у них половина – сотрудники спецслужб. А кто тогда на соревнованиях выступает?

– Сережа, у иранцев все надежды на борцов, остальные виды спорта их мало волнуют. Так что офицеров из разведки и контрразведки они могут напихать сколько угодно... В ориентировке персоналии есть? Хорошо. А кто с ними из наших работает? Азербайджанцы? За-ме-ча-тель-но. Я сейчас в штаб, а ты предупреди их, чтоб через час были у нас в номере, проведем совещание... Интересно, а как азербайджанцы с ними общаются?

– Запросто. – Эту тему Нестеров знал хорошо. – Назир, он с моим братом еще в Вышке учился, знает фарси, а двое других, по-моему, с английским. Знаешь, персы утверждают, что фарси – самый прекрасный из всех существующих языков. Они даже пословицу придумали: персидский язык – сладкий язык, все остальные языки – вонь осла!

– Сильно! А еще что-нибудь из фольклора?

– Пусть шарик моей любезности катится по коридору вашей благодарности и пусть коридор вашей благодарности никогда не кончается для шарика моей любезности!

– Обалдеть! Как ты говоришь, пусть шарик моей... – Поздняков сбился и с досады хмыкнул в сторону. – Сразу и не запомнишь! Ладно, я пошел...

Вернулся он минут через сорок сосредоточенный и задумчивый.

– Что? – спросил Сергея. – Парни из Баку, когда придут?

– В двенадцать.

– Значит, еще пятнадцать минут есть. Не знаешь, что за фильм по телику показывают? Сейчас шел через вестибюль и мельком успел заметить Тихонова в эсэсовской форме.

– «Семнадцать мгновений весны». Первая серия была в понедельник вечером, повторяют на следующий день утром. В чем там дело трудно сказать, но на фильм народ собирается, и иностранцы тоже, причем языка не знают, но все равно сидят, смотрят.

– А мы с тобой почему не смотрим?

– Когда смотреть?.. Ты что такой озабоченный – озадаченный?

– В штабе пообщался с мужиком из Первого главка, он как раз с иранского направления. Так вот, помимо ориентировки по составу делегации, они еще направили письмо в наше Управление, в котором сообщают о заинтересованности внешней разведки в проведении нашими силами и средствами изучения иранцев, определения лиц, которые могут представить оперативный интерес, и, по возможности, чтобы мы еще установили с ними первичный контакт. В зависимости от результатов изучения и развития отношений будет решаться вопрос о продолжении работы на территории Ирана. Вот такая маленькая, прямо малюсенькая просьбочка! – В голосе Михалыча звучала явная издевка, замешанная на возмущении. – Нет, нормально?! – взорвался он в голос. – Хотят, чтобы мы за десять дней им готового агента сделали?! Дети хреновы, писатели-фантасты! С другой стороны, – уже сдержанней протянул Поздняков, – послать их далеко и надолго тоже нельзя... – Он стукнул кулаком правой руки в ладонь левой. – В общем, надо посмотреть, что мы можем иметь с гуся, как говорят в Одессе. Ребята придут, будем думать.

Азербайджанцы не заставили себя ждать, и пришли не с пустыми руками: принесли виноград, гранаты и двадцатилитровый пластмассовый бочонок коньяка «Баки». Как они сказали, – самый лучший коньяк в Азербайджане, «прямо с

завода, только для членов Политбюро». Очень хотелось попробовать прямо сейчас, но Поздняков, хоть и сам не дурак выпить, не дал возможности расслабиться.

– Гусейн, спасибо, но сейчас не время, давайте вечером. И потом, куда столько? Сереж, найди какую-нибудь тару, отлей, сколько надо, остальное заберете с собой. Вам еще гостей угощать надо, да и в оперативных целях пригодится.

– Юрий Михайлович, дорогой, зачем обижаете? Это вам наш подарок! Есть еще у нас! Всем хватит!

– Это ты ошибаешься: всем не хватит. Тут такие пивцы, что держись! – Поздняков стоял на своем. – Решаем так: Сергей отливает, сколько сможет, а оставшееся забираете с собой. Все, тему закрыли. Давайте по работе, садитесь ближе, обсудим, что делать. Нестеров, слушай и работай на разливе.

Из посуды Сергей нашел электрический чайник литра на полтора – два, заварной чайничек где-то на пол-литра, китайский термос и кувшин для воды с крышкой. Все емкости он аккуратненько наполнил под завязку, и, хоть не разлил ни капли, по комнате поплыл тонкий коньячный запах. Нестеров заметил, как дрогнули ноздри Позднякова, и понял: «Так, запах поймал... что дальше?» Однако Михалыч, вздохнув глубоко, продолжил с пристрастием «допрашивать» азербайджанскую команду.

Бакинцы одного за другим перебирали функционеров иранской делегации, с которыми успели познакомиться, однако именно эти лица интереса для разведки не могли пред-

ставить. Надо было искать контакты с другими. Наметив несколько кандидатур, стали обсуждать варианты выхода на них.

А Нестеров, слушая вполуха, думал: «Как бы вырваться к Любаше! Хотя бы на полчаса! Ехать на общественном транспорте – нереально, два часа в один конец. И кто меня отпустит? Нет, самый супер – на машине. Быстро и солидно. А что? Пусть Люба видит, что я не какой-нибудь там!.. Да вот только хрен с редькой тебе, Нестеров, а не машину. Чином и рожей не вышел, товарищ младший оперуполномоченный...»

Обсуждение тем временем закончилось.

– Ну, что, парни, – бодро сказал Михалыч и, почти напевая, продолжил словами своей любимой песни из старого кинофильма «Тимур и его команда»: – «Возьмем винтовки новые, на штык флажки, и с песнями в стрелковые пойдем кружки...» Вперед, друзья, за работу и до вечера! – Обращаясь к Сергею, он бросил: – Что куксишься? Гляди веселей, боец!

Когда дверь за ребятами закрылась, Нестеров воспользовался благоприятным моментом:

– Михалыч, будь человеком, а? Я хотел к Любаше подскочить, отпустишь?

– Отпустишь, отпустишь... Да, Серый, здорово тебя зацепило! – Поздняков был на удивление серьезным. – Вон, с лица сошел! Как говорят твои древние персы, возмудел и поху-

жал... Ладно, не обижайся, это я так... Когда хочешь ехать?

– Да хоть сейчас. К вечеру обернусь.

– Ты обалдел? Думаешь, я тебя на полдня отпущу? А кто будет вспахивать оперативную ниву? Не, я еще с ума не сошел! Так, а что там у нас штаб о себе думает? Алло, это кто? Моренов, ты? – Не обращая внимания на Сергея, Поздняков уже говорил по телефону прямой связи с дежурным по штабу. – Володя, у тебя машины свободные есть? Нестерову надо по делам в город. Часика на два, максимум – три. Прикроешь? Спасибо, старичок! Ну, ты что, за нами не заржавеет! Номерок машины скажи... Всё, спасибо!

Он записал цифры на листке бумаги и передал Сергею.

– Нестеров, дуй! Даю тебе три часа, укладывайся, как хочешь! Вернешься, ближе к ночи позовешь Моренова к нам, ну, и стаканчик-другой коньячка приговорим... Володька хоть и молодой совсем, но мальчишка, вроде, неплохой. А хочешь, можем объединиться с бакинцами? Ладно, беги! Потом решим.

В Измайлово долетели минут за тридцать, но Нестерову казалось, что машина еле тащится. На заднем сиденье лежал завернутый в целлофан шикарный букет цветов, который ему собрали в киоске в главном вестибюле МГУ. А ему думалось, что этого может быть мало. Любочка девушка непредсказуемая, никогда не знаешь, что ей понравится и что придет в её чудную головку в следующую минуту... Обгоняя друг друга, совершенно беспорядочно неслись в голо-

ве мысли.

«Интересно, как она меня встретит? – думал он. – Наверное, прав Поздняков: здорово я втюрился. Такого со мной еще не было... Необычный все-таки мужик Михалыч! Вроде, несерьезный какой-то, юморит все время, прикольник, каких свет не видел, поддаться любит. Но как он сегодня с азербайджанцами иранский пасьянс разложил! Класс! И машину для меня выбил. А главное, понял моей души прекрасные порывы, что особенно важно для нашего пролетарского сознания...»

Сергей позвонил: один длинный, два коротких. Не сразу, но дверь открылась. Увидеть Нестерова в разгар рабочего дня да еще с красивым букетом цветов Люба не ожидала. Ее и без того большие зеленые глаза стали просто огромными.

– Сережка! – Выдохнула она. – Ты как здесь оказался? В такое время? Господи, какие цветы... Давай, проходи! Ты ведь с Томазом знаком?

– Знаком, знаком, – сказал Сергей, не сумев скрыть разочарования. Он был уверен, что девушка будет одна.

Обменявшись приветствиями, Нестеров понял, что заслуженный артист Грузии тоже не в восторге от этой встречи; наверное, и он меньше всего рассчитывал встретить здесь Сергея. Но что поделать, надо было выходить из неловкого положения, и Нестеров стал вспоминать, как три года назад они с агитбригадой ездили в Грузию с концертами и лекциями. Были в Тбилиси, Ахалцихе, на погранзаставах, их потря-

сающе встречали пограничники и местные жители. А грузинское гостеприимство? Это сказка!

Сразу разговор стал общим, пропала натянутость, скорее, наоборот, образовался теплый кружок единомышленников. Томаз оказался человеком с большим чувством юмора и по ходу Сережкиного рассказа вставлял, очень к месту, всякие были и небылицы, короткие анекдоты из жизни грузин, так что смеха хватало.

Когда Нестеров вышел на кухню покурить, Томаз отправился с ним, хотя и был некурящим. Внезапно, без всякой связи с предыдущим разговором, он спросил:

– Сергей, ты из КГБ?

– Да. А что?

– Да ничего... Просто не похож ты на кагэбэшника.

– Что значит «не похож»? А кто похож? – В голосе Сергея было нескрываемое раздражение. Уже не в первый раз, правда, в разных интерпретациях, он слышал, что не похож на работника Комитета. – Я, что, должен быть в кожанке с маузером наперевес? Или физиомордию надо топором делать?

– Нет, дело не в этом. Не знаю, как объяснить, но ты внутренне, что ли, не такой, как люди из КГБ, которых я знаю.

– Томаз, дорогой, сколько людей, столько и образов... Господи, и кому я это говорю, актеру? Ты не хуже меня все знаешь!

– Знаю... Но я не об этом... – Ему явно хотелось, чтобы разговор стал доверительным. – Сергей, ты, по-моему,

неплохой парень. Прошу, не делайте глупости, пошутили вы с этой свадьбой и хватит! А то совсем заиграетесь... Что потом делать будете? Любу пожалей!

– Вот и я хотел попросить, что бы ты Любу пожалел, – голос Нестерова стал жестким. В одно мгновение из веселого добродушного парня он превратился в мужчину, готового к любым, даже крайним действиям. – Ты взрослый мужик, а она? Девчонка, несмышлениш! Ты влюбился Томаз, сам хоть понимаешь это? Конечно, с такой девушкой, как Люба, по-другому нельзя... Но что дальше? Бросишь семью, пацанов своих? – Томаз отвел глаза. – Вот, то-то и оно! А за меня, вернее, за нас, не беспокойся. Время шуток прошло. Я не могу сказать, что буду делать и как поступлю, но точно знаю: Любаша обязательно меня полюбит и замуж выйдет по любви. В конце концов...

Его перебил голос девушки:

– У вас совесть есть? Бросили меня одну, разговоры себе разговариваете! Ну-ка, давайте сюда, чай будем пить.

Нестеров посмотрел на часы, время поджимало, пора закругляться и мчать в МГУ...

А утром следующего дня Поздняков с утра пораньше поехал в Управление, и Нестеров остался за «старшего».

«Сводку для штаба подготовил... Что дальше день грядущий нам готовит?» – Его размышления прервал стук в дверь. На пороге стоял Назир.

– Привет, Сергей! А Позднякова нет?

– В Управление вызвали, сколько он там пробудет – неизвестно. Сказал, к вечеру вернется... Ты заходи, не стой.

– Жаль... Слушай, а ты здорово изменился. Я тебя мальчишкой помню, ты в ансамбле с нашими ребятами на ударнике играл, точно? А сейчас, смотри, – сотрудник центрального аппарата! Время бежит... Жалко, конечно, что нет Юрия Михайловича, придется самому все решать.

– Приходи часам к одиннадцати, Михалыч точно будет.

– Вечером я по любому с ним обязан буду пересечься.

– По-моему, ты что-то не договариваешь. Толком можешь объяснить?

Назир с трудом, но все-таки преодолел свои сомнения.

– Могу, конечно... Ты же знаешь задание по иранцам, которое поставил нам Поздняков. Я на совещании не стал говорить, поскольку по большому счету сказать было нечего. Однако есть мужик один, зам руководителя делегации. Я его практически сразу заметил, да и он меня тоже вычислил. Глазами встретились, и все нам стало понятно друг про друга. В одну игру играем, только по разные стороны. Как там пословица говорит: рыбак рыбака... Я понаблюдал за ним и окружением, как общается, как к нему относятся. Так вот, по всем моим наблюдениям, он, скорее всего, сотрудник САВАКа. Ты знаешь, что такое САВАК?

– Контрразведка иранская?

– Скорее, спецслужба. Разведка, контрразведка, полиция и еще бог знает что – все вместе. Аппаратище будь здоров!

Почище нашего Комитета! Образование сотрудники получают за рубежом, оперсостав, технических специалистов готовят американцы и англичане... Слушай, что я тебе рассказываю? Ты и так должен знать, в Вышке проходили.

– Было дело, конечно, только всего не запомнишь, сдал экзамен и забыл. Не тормози, что дальше?

– По наблюдениям я понял, что в подчинении у него человека четыре, хотя от этого понимания толку мало. Как говорится, у каждого пастуха свои бараны.

– А почему ты про него на совещании не сказал?

– Я же тебе объясняю: серьезных поводов не было. Подумаешь, один из членов делегации предполагаемый сотрудник САВАКа. Это не открытие. Их в делегации как баранов нерезаных. Опять же тема совещания – совершенно другая. К чему вылезать? Просто так брякнуть, что б заметили? Спасибо большое, меня и так Гусейн Гафуров «очень любит»... – Назир многозначительно поднял палец вверх, а глаза устремил в потолок. – Видел, толстый такой? Это Гафуров и есть. Хан, настоящий хан! И мой начальник, – с грустью добавил Назир. – Извини, отвлекся. Стал я с этим иранцем здороваться. В кино видел, как англичане приветствуют друг друга? Вот так и мы. Разве что шляп-котелков у нас нет. Он мне с улыбочкой: «Здравствуйте, уважаемый!» Ну, и я ему: «Здравствуйте, уважаемый!». А сегодня, вроде случайно, встретились у лифтов на нашем этаже. Только впечатление такое, что он меня ждал. Пошел разговор, ни к чему не

обязывающий: как зовут, женат – не женат, сколько лет, где учился, где живешь, чем занимаешься и все такое прочее. Естественно, я ему свою легенду гну, он мне – свою. Оба все хорошо понимаем, улыбаемся. В конце разговора он говорит: «Давайте встретимся вечером в восемь часов на этом самом месте, чтобы продолжить наше приятное знакомство». Давайте, говорю.

– Так в чем дело? Встречайся, кто тебе мешает, это же наша работа! Хотя предложение, по-моему, неожиданное.

– Ты что, дорогой? Чтобы сотрудник САВАКа инициативно выходил на контакт с офицером КГБ да еще на чужой территории?! Такого во сне не приснится. Он явно хочет что-то получить от встречи. Мне нужно нормальное место, где можно спокойно пообщаться. Лучше всего это сделать, по-моему, в нашем номере, только, конечно, без участия третьих лиц. Можешь моих начальников загрузить часа на два-три?

– Назир, зачем усложнять? Есть резервный номер, оборудованный техникой, вот там и проведешь встречу!

– Можно, конечно. Только опытный человек сразу поймет, что номер нежилой. А это уже грубовато. Я думаю, он прекрасно понимает, с кем имеет дело, но палку перегибать не нужно. А у себя в комнате – шмотки, фотки – все под рукой! Антураж тоже важен...

– Уговорил. Друзей твоих загрузим, технику дадим и условия создадим... О, стих попер! Хороший знак! Назир,

давай, шуруй и в ус не дуй!

– Слушай, какой шуруй, по-русски можешь говорить?

– Не обращай внимания, дорогой! Поговорка такая! Давай, ты – к себе, а я – в штаб, технику для тебя надо получить...

Поздняков явился только в десятом часу. Нижняя челюсть вперед, как у бульдожки, злой, хмурый, водкой несет за километр – подарок еще тот! Сразу стал указания давать: что делать, чего не делать. Потом потребовал отчет за прошедший день. Когда Нестеров рассказал про Назира, Михалыч завелся:

– Ты кто такой, Нестеров? Начальником себя почувствовал? Почему меня в известность не поставил?

– Юрий Михайлович, о чем, собственно, говорить-то? Там еще нет ничего! И где мне вас искать прикажете? – Сергей, прочувствовав ситуацию, перешел на вы.

– Телефон забыл? Сам не можешь найти – дежурному позвони. Говоришь, нет ничего? А что ж ты тогда бакинских оперов из игры вывел, технику дал? Значит, есть что-то! Ты хоть понимаешь, боец, что дал санкцию на проведение оперативного мероприятия с использованием технических средств? А кто у нас, позвольте спросить, по должности товарищ Нестеров? Начальник отделения, отдела, управления? Нет? Он – младший оперуполномоченный! Зато теперь у твоего Назира, если что случится, есть железная отговорка: «Мои действия санкционированы центральным аппаратом!»

Озвученные Поздняковым обвинения и претензии, конечно, были несправедливы, но Сергей знал: когда Михалыч на взводе, поддатый и в расстроенных чувствах, возражать бесполезно. Надо молчать «в тряпочку», глядишь, сам отойдет.

– А если иранец нашего завербует, а тот это скроет? – продолжил Поздняков.

Тут уж Нестеров не мог сдержаться:

– Под техникой?

– Какой техникой? – поперхнулся Поздняков.

– Встреча же пишется!

На этом самом интересном месте диалога и застал их серьезный, сосредоточенный Назир.

– Здравствуйте, Юрий Михайлович!

– Здорово, боец незримого фронта! Что скажешь? – недовольно и агрессивно встретил его Поздняков.

– Сказать есть что. Я и представить не мог, что все может так развернуться... – взволнованно начал Назир. – Мы встретились...

– Ты что-то очень напряженный, боец. – Поздняков моментально сориентировался. – Для начала успокойся. Сядь, приведи кудрявые мысли в порядок, расслабься. Выпить хочешь? Сережа, плесни ему грамм пятьдесят... Замечательно! А теперь рассказывай по порядку.

– Встретились в холле на нашем этаже, зайти к нам в номер он согласился, правда, спросил, один ли я. У меня стол накрыт, так что начали с угощения. Он попросил звать его

«Пехлеван». С фарси «богатырь» значит... А в нем, мужики, действительно, что-то такое есть. Росточком, правда, не задался, где-то под метр семьдесят, зато остальное будь здоров. Крепкий, мускулистый. Борьбой занимается, причем, как я понял, на хорошем уровне; на соревнованиях, правда, по возрасту не выступает, но тренируется регулярно... – Первое волнение прошло, и речь Назира стала более спокойной. – Разговор поначалу шел про всякую всячину. Я рассказывал про Баку, как народ у нас живет, про родителей. Он мне – про детей своих, родственников. Беседовали таким манером с полчаса, коньячок пили, фруктиками, шоколадками баловались. Потом, практически без перехода, он говорит:

– Что же, уважаемый, предлагаю перейти к делу. Давайте перестанем играть, тем более непонятно, кто из нас кошка, а кто мышка. Я знаю, что вы из КГБ, а вы знаете, что я из САВАКа. Молчите? Значит – соглашаетесь. Слава Аллаху! Я не ошибся в вас!

Назир говорил, и было заметно, что он заново переживает перипетии встречи с иранцем.

– Потом «Пехлеван» рассказал, что является заместителем начальника отдела по противодействию разведкам социалистических стран Второго департамента САВАК, воинское звание подполковник. Ему сорок один год, женат, трое детей, по национальности азербайджанец...

Поздняков и Нестеров с недоумением посмотрели на Назира.

– Удивляетесь? – Он заметил реакцию. – В Иране ведь не только персы, там и армяне, и курды, и азербайджанцы живут. «Пехлеван», кстати, высказал мысль, что члены их рода, вероятно, могут проживать у нас в Азербайджане. Проверяется, кстати, элементарно, – нашим ребятам в Баку позвонить, они через час все данные выдадут... Так, что дальше? Потом сказал, что в семидесятом году в составе правительственной делегации он под своей фамилией был в Советском Союзе и принимал участие в переговорах, проходивших в Минвнешторге. С советской стороны с делегацией работал некто Александр Жиздарев, который, как считает «Пехлеван», должен его помнить. Они несколько раз говорили на разные темы, в том числе политические, и у него сложилось впечатление, по интересу к своей персоне и направленности вопросов, что Жиздарев – сотрудник КГБ.

Нестеров хотел что-то сказать, но Поздняков перебил:

– Сергей, помолчи! Продолжай, боец!

– Потом он достал из кармана вот этот листочек. Видите, написаны имена и фамилии. Это, как пояснил мой гость, сотрудники резидентур КГБ и ГРУ в Тегеране, по которым САВАК проводит активные мероприятия. Какие именно, гость уточнять не стал, хотя я и спрашивал... А в заключение иранец сказал буквально следующее: «Я прибыл в Советский Союз со специальным заданием и хочу встретиться с руководящим сотрудником КГБ, имеющим на это полномочия. Необходимо обсудить характер моей миссии, условия ее вы-

полнения, а также ряд важных моментов, которые я могу сообщить только при нашей встрече. Понимаю, мое предложение весьма необычное, но жизнь не сводит раз и навсегда введенных правил. Встреча должна состояться послезавтра, не позже. Надеюсь, полутора суток хватит на то, чтобы проверить сведения, которые я сообщил, и принять решение»... На прощанье выпили по чуть-чуть и разошлись. Вот, такая история.

– М-да, ничего себе кроссворд, – протянул Поздняков. – Нестеров, ты, как санкционировавший это мероприятие, плесни коньячку.

Сам Поздняков пить не стал. Пока Сергей с Назиром посасывали лимон, он напряженно раздумывал, и его челюсть бульдожки ритмично двигалась то вправо, то влево.

– Вот что, орлы, соколы и беркуты! Слушай порядок действий. Времени очень и очень мало, а работы хренова туча, поэтому максимально концентрируемся и делаем все по следующему плану. Назир, возьми ключ у Сергея от резервного номера, иди, включай запись встречи и пиши подробный отчет. Просто, без адреса, отчет о встрече с объектом изучения «ПЕХЛЕВАН». Понял? Давай!

Азербайджанец вышел. Поздняков продолжил:

– Ты, Сергей, берешь бумагу и пишешь черновик рапорта на имя заместителя начальника штаба по оперативному обеспечению международных спортивных студенческих игр в Москве... и так далее. Бумагу, ручку взял? Пиши, Тур-

генов! Преамбула такая: «Во исполнение поручения от такого-то числа номер такой-то, группа оперативных сотрудников Управления контрразведки КГБ СССР и Управления контрразведки КГБ Азербайджанской ССР в интересах внешней политической разведки осуществляет изучение ряда функционеров иранской делегации с целью установления личного контакта с последующей передачей представителям ПГУ КГБ СССР...»

Вступительная часть далась Михалычу без всяких усилий. – Дальше: «В результате разработанных мероприятий старшему оперуполномоченному такому-то удалось осуществить знакомство с заместителем руководителя делегации таким-то. В ходе состоявшейся встречи названному сотруднику КГБ Аз. ССР удалось получить следующую информацию...» И во всех подробностях излагаешь всю историю хорошим русским оперативным языком, как ты умеешь. В конце формулируешь следующие предложения: работу с иранцем, включая проведение личных встреч, продолжить; осуществить срочную проверку сообщенных «Пехлеваном» сведений с целью определения их ценности и достоверности. Последняя фраза: «Просим согласия...» Меня – в подписанты, себя – в исполнители. Сделаешь черновик – и бегом вниз, в штаб, там отпечатаешь, приложишь отчет Назира – и мне на подпись.

Сергей смотрел на Позднякова во все глаза, точно не узнавая. Ведь еще полчаса назад это был хлебнувший лишнего

мужичок, злой и бестолковый. Куда все делось?

А Михалыч был на коне.

– Задание понял, боец? Трудись! А я – к начальству, в штаб... Серега, – он довольно улыбнулся, – ты молодец, я в тебе не ошибся... – и за дверью запел свою любимую. – «Возьмем винтовки новые, на штык флажки! И с песнею в стрелковые пойдем кружки!»

Отписывались до трех часов ночи, а в девять утра Нестеров с документами был в Управлении. Яков Серафимович Ляпишев, начальник отдела, принял его практически сразу. Посадил на стул у приставного столика и принялся читать документы. Сначала рапорт, потом отчет о встрече. Потом опять рапорт, потом отчет. Он всегда все делал медленно, тщательно, повторяясь по нескольку раз.

Нестеров вспомнил, как однажды, около десяти вечера, закончив тяжелейший во всех отношениях день, шел по коридору в сторону лифта. Вдруг открылась дверь кабинета начальника, вышел Яков Серафимович и, увидев его перед собой, сказал:

– Нестеров! Вы домой?

– Домой, Яков Серафимович.

– А где живете?

– На «Динамо».

– А я на «Соколе». Подождите, пойдем вместе.

«Вот повезло, – подумал тогда Сергей. – На машине шефа – домой, как белый человек».

Яков Серафимович закрыл дверь и аккуратно её опечатал. Постоял несколько секунд, подергал ручку, дверь закрыта. Потом вскрыл печать, открыл кабинет, посмотрел в темное пространство, зажег свет, зашел и внимательно осмотрелся. Проверил корзину для бумаг, закрыты ли окна и форточки, погасил свет, несколько секунд смотрел в темноту кабинета, закрыл его и опечатал. Подергал ручку, подумал... Вдруг снова решительно вскрыл печать, распахнул дверь, зажег свет и пристально осмотрел кабинет с порога, подошел к сейфу, проверил, хорошо ли поставлена печать, подергал ручку и убедился: сейф закрыт. Заглянул под стол, вновь осмотрел окна и форточки. Закрыл дверь, опечатал и вроде хотел уже пойти, но опять развернулся, посмотрел на печать, что-то ему не понравилось, и он на ее месте поставил другую. Все действия производил не торопясь, раздумчиво, так что операция заняла не меньше десяти–пятнадцати минут. Нестеров, теряя терпение, смотрел на непонятные для него манипуляции начальника, но стоял и ждал. Конечно, надо было плюнуть на все, извиниться и поехать на метро, но сдерживала счастливая, редкая возможность за считанные минуты домчаться на машине до родимого дома, чмокнуть маму и наконец-то первый раз за день нормально и вкусненько поесть.

– Ну что, Сергей Владимирович, пошли? – наконец произнес Ляпишев.

Выйдя на улицу, где стояла черная «Волга», начальник

повернулся к Нестерову, протянул руку, и сказал безразличным тоном: «Всего доброго, Сергей Владимирович! До завтра!» – сел в машину и уехал. «Козел!» – невольно вырвалось у Нестерова.

Пока Сергей вспоминал былое, Яков Серафимович, закончив «процесс ознакомления с документами», глубоко вдохнул, будто собирался нырнуть в прорубь, и снял трубку спецсвязи.

– Виктор Петрович, доброе утро! Ляпишев... – На лице почтительная улыбка, как будто заместитель начальника Управления видит его. – Пришли документы по иранцу, когда можно доложить?.. Есть, поднимаюсь, Виктор Петрович, – улыбка с лица исчезла. – Нестеров, будьте в отделе! Если понадобится, вызову.

Хуже нет, чем ждать да догонять, и Сергей отправился к ребятам; некоторых он не видел целую неделю. В коридоре встретил взъерошенного, раздосадованного, злого Рубена, который на обычную реплику Нестерова: «Привет! Как дела, дружище?», – чуть ли не с ненавистью посмотрел на него и процедил: «И ты туда же, предатель?»

– Слушай, Сань! – спросил Сергей через минуту своего соседа по кабинету. – Что с Оганесяном? Бросается, как зверь голодный.

– С Рубенчиком? – Муравьев заулыбался. – Ты его жену Галю знаешь? – попытка скопировать армянский акцент явно не удалась, но Сашу смутить было трудно. – Ты никогда не

видел Галочку? Много потерял, настоящая писаная русская красавица! Шикарная блондинка, правда, по-моему, крашенная. Волосы до талии, вот такая задница, в армянском вкусе, большущие голубые глаза, шестой размер бюста. Женщина – мечта поэта! О-о-о! Увидишь – не заснешь неделю! И ревнивая страшно! Она Рубену такие сцены устраивает – будь здоров! Сами видели, когда отделом в дом отдыха выезжали.

– Причем здесь его жена?

– Сейчас поймешь. – Саша явно испытывал удовольствие от своего рассказа. – Вчера разыгрывали продовольственный набор: банка красной икры, армянский коньяк, шпроты, сайра, еще какие-то консервы, колбаса сырокопченая, сервелат финский. И Рубен выиграл.

– Так он же на позапрошлой неделе тем же макаронным продуктом получил!

– То-то и оно! Ребята ему говорят: будь человеком, отдай заказ Рожкову, у него день рождения в понедельник, тридцать лет мужику. Как бы ни так! Рубена жаба задушила. Взял наборчик и – в портфельчик. Тогда мужики – не знаю, кто именно, – нашли где-то бюстгальтер, причем ношенный и несвежий, и перед концом рабочего дня положили его Оганесянчику в портфель. Что там было у них дома, никто, конечно, не знает, но сегодня с утра он как побитый ходит... Может, действительно побитый? Бродит по кабинетам и умоляет: «Слушайте, будьте людьми, а? Скажите, кто это сделал? Пусть жене позвонит, объяснит, как человек».

А Славке говорит: «Слово даю, узнаю, кто эта сука – убью! Он мне семейную жизнь разрушил. Еще бы трусы подкинул, сволочь такая!» Славка ржет втихую. По-моему, он ему и подложил лифчик. А насчет трусов, это Рубен, конечно, зря сказал, идея больно хорошая, обязательно Галя в следующий раз у него в портфеле панталоны найдет!

Как всегда неожиданно, заорал «дымофон» – прямая связь с Назаровым. Александр без промедления взял трубку.

– Муравьев, Виктор Петрович! Нестеров? Здесь, даю.

Сергей выслушал указания руководства, кратко повторил их содержание, попросил время для завершения дел в отделе и повесил трубку.

– Саня, все, дорогой, я полетел.

– Ты же хотел еще что-то сделать?

– Некогда, некогда, Санечка. Пока!

Водитель был тот же, что возил его к Любе раньше.

– Петрович, сможем соколом в Измайлово? Буквально на пять минут – и быстренько-быстренько в МГУ? За час-час двадцать обернемся?

– Не дрейфь, Серега! Бог не выдаст, свинья не съест. Держись, родимец, щас мы с тобой не поедем, а полетим!

По дороге, у метро «Преображенская», две бабульки торговали цветами; у одной георгины в целлофане, а у другой в ведре ромашки и васильки. Серега купил, не торгуясь, полведра ромашек, а немного васильков бабка ему дала как премию. Вот так он и предстал перед своей Любовью: с цветами

в руках и счастливейшей улыбкой.

– Ты извини, что без звонка, но совершенно некогда было... Я на минуточку. Это тебе!

– Господи! Ромашки, васильки! Это мои самые любимые цветы!

Она потянулась поцеловать его в щеку. Получилось не очень ловко, мешали костыли, зато это был ее первый настоящий, а не дежурный поцелуй.

– Ну, проходи, Сереж! Хоть чашку чая выпей!

Он усадил Любу на диван в большой комнате, на коленях охапкой лежали ромашки и васильки, глаза были цвета пронзительной весенней зелени. Сергей, встав на колени, взял ее за руки. Для него в эти мгновения не существовало больше ничего и никого.

– Прости, Любаша, я должен ехать. Прости, пожалуйста, мне надо бежать!

Он наклонился и поцеловал ей сначала одну, потом другую руку и вдруг услышал тихое.

– Нестеров, ты сумасшедший?

Голос Любаши Сергей вспоминал всю дорогу от Измайлово до Ленинских гор, на душе было светло и радостно: все получится, ничто не в силах помешать ему, да он может горы свернуть, да он... и много еще всякой подобной ерунды.

А в иранской заварушке волею судьбы, а скорее начальства, он оказался рабочим механизмом операции по разработке «Пехлевана». На него свалилась вся черная работа. Но,

с другой стороны, кто-то должен писать задания, отправлять запросы, получать ответы, готовить отчеты, разрабатывать планы? Вот этим кто-то и стал младший оперуполномоченный Нестеров.

Разработка была на контроле у руководства Комитета, а это обеспечивало максимально быстрое решение всех вопросов.

Уже к вечеру штаб-квартира разведки в Ясенево прислала сообщение, что сведения «Пехлевана» о принадлежности указанных им лиц к нашим спецслужбам полностью подтвердились. Особо было отмечено, что один из сотрудников резидентуры КГБ, названный иранцем, выехал за рубеж впервые, находится в стране менее полугода, в мероприятиях, которые могли бы привести к его расшифровке, не участвовал. Каким образом САВАКу стало известно, что он является сотрудником советской разведки, оставалось загадкой. В этой связи высказывалась просьба: по возможности установить источник получения «Пехлеваном» информации.

По собственной инициативе Нестеров разыскал Жиздарева, о котором иранец рассказывал Назиру. Александр Иванович действительно оказался сотрудником Комитета и хорошо помнил «Пехлевана». Как сказал Жиздарев, «интересный мужик, жалко, мало было времени, не удалось нормально законтачить».

Достаточно оперативно сработали в КГБ Азербайджана. Конечно, не за час, как говорил Назир, а в течение дня, но

все-таки установили, что родовые корни «Пехлевана» действительно уходят в Азербайджан, и нашли среди его дальней родни людей, которых при необходимости можно будет использовать в разработке.

Таким образом, практически все сказанное иранцем нашло подтверждение; оставался главный вопрос: спецзадание, которое он должен выполнить в Союзе. Решить эту задачу должен был Павел Ефимович Зитин, заместитель начальника отдела, в котором работал Нестеров. Между собой опера его звали Паша.

Сергей нечасто с ним сталкивался напрямую, все-таки между младшим опером и заместителем начальника отдела – дистанция большого размера, но, как полагал Нестеров, больших антиподов, чем Зитин и Ляпишев, их общий начальник, представить было трудно.

Ляпишев пришел в органы из партийных структур, работал секретарем то ли горкома, то ли райкома партии. После курсов по переподготовке руководящего состава ему дали подполковника и назначили заместителем начальника отдела. А через год за неведомые оперсоставу заслуги повысили в должности и звании. Ляпишев слыл жутким перестраховщиком и казался для большинства полузамороженным. Еще одним большим «достоинством» начальника был его почерк, который разбирали всего два человека в отделе: секретарь и Нестеров.

Паша Зитин, напротив, начинал с оперов в пятьдесят ше-

стом, через два года после окончания МГУ. Резкий, прямой, душа нараспашку, он мог врезать правду-матку прямо в лицо, невзирая на чины и звания, за что, как говорили, и пострадал.

Внешне они тоже были, мягко говоря, не похожи.

Яков Серафимович – небольшого росточка, толстенький, кругленький, реденькие волосы, голос тонкий, маловыразительный. Пал Ефимыч – метр восемьдесят с лишним, широкие плечи, серые глаза, черные густые прямые волосы, зачесанные назад, голос как труба иерихонская. Красавец-мужчина, и только. Бабы, глядя на него, так и млели, Сергей сам был свидетелем.

– Михалыч, – поинтересовался Нестеров, – а почему все-таки Пал Ефимыч?

– Паша для этого дела подходит по всем параметрам. Первое, – с этими словами Поздняков поднял указательный палец, – по должности они с «Пехлеваном» равны, оба заместители начальника отдела... – потом он поднял средний палец, и получилась буква V. – Второе: звание у Зитина – полковник, а это на ступень выше, чем у иранца. И третье, – пальцы встали короной, – Пашин английский, как родной русский.

Они сидели в номере, каждый на своей кровати, и Михалыч с удовольствием обрисовывал Сергею Пашину фигуру, делясь попутно соображениями по ситуации, связанной с иранцем.

– Ты, может, не знаешь, но после МГУ он в контрразведку

не сразу попал. Его два года готовили как нелегала, с прицелом, по-моему, на Европу. Но что-то там не сложилось, он и пошел по контрразведывательной стезе... – Поздняков, закурив, продолжил: – Самое главное, Паша мужик абсолютно самостоятельный и самодостаточный, не нужны ему ни подсказчики, ни помощники. Никто не знает, как повернется разговор с иранцем, может, надо будет, как говорится, не отходя от кассы принимать решение, а значит, и отвечать за него. Паша в этом отношении кремень, не дрогнет. Ты, Сергей, только начинаешь работать, так вот запомни, боец, что твой оппонент, визави или как там еще, никогда и ни за что не должен заметить хоть каплю твоей растерянности, неуверенности. Ты – офицер КГБ, самой мощной спецслужбы в мире, и пошли все на хрен!

– Возьмем винтовки новые... – запел Нестеров.

– Вот-вот... возьмем. Только что легко на словах, на деле совсем по-другому. Я на своей первой вербовке иностранца чуть не обделался. Не знаю, что уж он там почувствовал: мандраж мой или что еще. Но в какой-то момент уперся, как баран саблерогий, не сдвинешь. Потом угрожать стал: пойду в посольство, напишу жалобу...

– А ты?

– А у меня мысли в башке самые, как говорится, веселые: вот, думаю, пришел твой конец, Поздняков, выпрут тебя из ЧК за профнепригодность как пить дать. Сижу, молчу и на него гляжу...

– И челюстью влево, вправо... – вставил Сергей.

– Ага. Он разошелся, руками размахивает. А я молчу и в глаза ему смотрю, и все. Он вопросы задает: «Ваше звание? Фамилия?» Кричит, нервничает. Я молчу. И вдруг он сник. Как шарик воздушный, сдулся, растерялся, не поймет, что делать. Он ждал от меня внешней реакции, а ее нет. Зато внутри у меня – все ровно наоборот. Такая злость взяла, представить не можешь. Пропади ты пропадом, думаю, хрен ближневосточный, мне все равно терять нечего, я тебе сейчас устрою бой на Голанских высотах! «Двенадцать», – говорю. Он недоуменно: «Что “двенадцать”?» Я встаю, встреча шла в гостиничном номере, встаю, жестом поднимаю его с дивана и говорю: «Двенадцать лет колонии строго режима в Сибири. Как члену террористической организации, ведущей подготовку акций, направленных на ослабление и свержение политического строя в СССР». И пальчиком легонько в грудь его – тырь, он – шмяк, и на диван – хлесть! Я ему тут же бумагу на стол, ручку – пиши отказ, господин хороший! Не хочешь писать отказ? И двенадцать лет лагерей в Сибири не хочешь? Тогда пиши, падла ржавая, что готов оказывать органам государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик помощь в борьбе с мировой террористической угрозой и выбираешь себе такой-то псевдоним, а иначе отсюда напрямиком в Лефортово, а там и сибирские просторы не за горами. В общем, подписался под все, что надо было.

– А потом нормально работал?

– Больше чем нормально. Лучший источник. Я тебе вот что скажу, Нестеров: на страхе много не наработаешь. На встречах мы столько времени провели в разговорах и беседах абсолютно на разные темы – будь здоров! Терроризм и экстремизм, конечно, были на одном из первых мест, но помимо этого существуют чисто человеческие отношения. Какие-то вопросы для него трудно или вообще неразрешимы, тогда как для нас это не проблемы. Мы помогали ему и по учебе, и по жизни.

– А если бы он все-таки не испугался и не пошел на сотрудничество?

– Хрен его знает. Хотя руководство, уверен, нашло бы выход и из этой ситуации, в Комитете ведь и не такие задачки решаются... – Поздняков на секунду задумался и вспомнил о проблемах более насущных. – Слушай, ты все подготовил для встречи? Что ж, семь футов им под килем, как говорят флотские. Они теперь и без нас обойдутся. Пойдем «Семнадцать мгновений весны» посмотрим! Мюллер – ну вылитый наш Коротков. Лысина, манеры, голосочек: «А Вас, Штирлиц, попрошу остаться!». Пошли, Серега!

Зитин – «Пехлеван»

На следующий день без предупреждения зашел Зитин.

– Так, чем занимаетесь? Пьянствуете? А что тут у вас в шкафу, а?

Голос строгий и настроение совершенно прозрачно: най-ти криминал, свидетельствующий о моральном разложении оперативного состава вверенного ему подразделения.

– Хрень какая-то! – Разочарованно протянул Зитин, обнаружив только брюки Нестерова, куртку и китайский термос для чая. – Так, а здесь что? Опять двадцать пять! Слушай, Юр, – обратился он уже спокойно к Позднякову. – Что происходит, а? Чтоб у тебя не было выпить? Да убить не встать!

– Обижаете, Павел Ефимович! Какое пьянство?! Пьем, конечно, но чай! Только чай! Хотите чайку, Пал Ефимыч? Ребята из Баку привезли, классный чай! Только для членов Политбюро... Нестеров, организуй чаек. И лимончик!

– Поздняков, ты меня пугаешь. Не заболел? Ладно, что поделаешь, чай так чай. После вчерашнего мероприятия мы с ребятами из Первого главка хорошо накатили, до сих пор голова не своя и во рту, пардон, помойка... Одну заварку хлещете? А это что за аромат такой? У-у, так это же... – и первый глоток был сделан. – Слушай, нектар... Настоящий нектар! Нестеров, ты чего чайник к себе прижал? Давай, наливай!

Минут через десять скованность от визита начальника прошла, и вскоре, заправленные «чаем», они подошли к главной для Нестерова и Позднякова теме. Инициатором оказался Михалыч, хотя было понятно, что и Зитину хотелось поделиться своими впечатлениями и мыслями от еще будораживших его событий вчерашнего вечера.

– Пал Ефимыч, расскажите, как вчера все прошло.

– Знаешь, Юр, я, честно говоря, впервые сталкиваюсь с такой ситуацией. – Зитин, положил локти на стол, посмотрел на Позднякова и Нестерова, сидевших напротив.

– Конечно, он профессионал, поэтому, с одной стороны, мне было легко с ним, с другой – у нас постоянно проходило соревнование, кто кого переиграет. Познакомились для начала, поговорили на общие темы и приступили к делу. «Пехлеван» выяснил мои полномочия, подтвердил сведения о своем служебном положении... и рассказал крайне любопытные вещи.

Зитин смотрел на подчиненных, но отчего-то видел, в деталях, до последней мелочи, вчерашнюю встречу.

– По его словам, руководство САВАКа при активном участии советнического аппарата ЦРУ разработало многоходовую комбинацию по нейтрализации действий нашей разведки на Ближнем Востоке. Первый этап, быть может, самый главный: сделать грамотную подставу советской контрразведке. Основные условия проведения мероприятия: реальный, острый интерес к объекту с нашей стороны и край-

ний дефицит времени для организации всесторонней проверки сведений, которые мы получим. Универсиада и «Пехлеван» – что может быть лучше для такого случая? Международные спортивные соревнования – мероприятие временное, а этот человек уже засветился перед советскими спецслужбами. Нестеров, помнишь, как звали того мужика из МВТ?

– Жиздарев Александр Иванович.

– Вот-вот. «Пехлеван» по возвращении из командировки отписался, как положено, и справочка легла в анналы информационно-аналитического отдела. В ней, как сказал иранец, описана ситуация с Жиздаревым. Он сделал предположение, что русский – сотрудник КГБ, работающий в МВТ под прикрытием, заинтересовался его личностью, и только лимит времени не позволил ему более активно начать разработку «интересного иностранца»... – Паша сделал паузу и вдруг воскликнул: – И что вы думаете? Они проверили его информацию и получили подтверждение: Жиздарев – сотрудник КГБ. Возникает вопрос: откуда у них такие возможности и у кого именно, у ЦРУ или САВАКа? Прикиньте, добры молодцы, для этого надо, как минимум, запросить картотеку Главного управления кадров, что ой как не просто. А когда человек под «крышей», там вообще тройные кордоны.

– Может, вы усложняете, Пал Ефимыч? – подал голос Поздняков. – Разведка и контрразведка – мы так или иначе пересекаемся, особенно, когда работаем по одному геогра-

фическому направлению. Если у них есть источники в Комитете, то по человеку в ведомстве информацию можно получить.

– Возможно, ты и прав, Юра... Черт с ним! Рассказываю дальше. Они, по-моему, слишком хорошо о нас думают. Расчет был такой: получив списки членов делегации, КГБ проверяет всех по учетам, выходит на Жиздарева, контактившего с «Пехлеваном», потом на самого иранца и устанавливает с ним личный контакт, в процессе которого последний должен сделать все, чтобы заинтересовать нас. Для него разработана целая легенда: связи, возможности получения сведений из МИДа, министерства обороны и прочая, прочая. В общем, якобы перспективный, ценный для нас источник информации. И вот тут в их операции происходит прокол. Они не знали, что Жиздарев никому не докладывал про «Пехлевана». Проходит день, второй, третий – и ничего не происходит. Никто к нему не подходит, никому он не интересен!

Поздняков с Нестеровым, слушая, сидели как замороженные.

– Они считали такое развитие событий маловероятным, но тем не менее возможным. Если бы так произошло, «Пехлеван» должен был отказаться от активных действий и без результата возвратиться на родину. Они готовы были ждать следующего подходящего случая, правда, забыли спросить самого исполнителя, устраивает ли его такой вариант... – Паша назидательно поднял указательный палец. – У «Пе-

хлевана» свой расчет и своя арифметика; ему необходимо сотрудничество с нами сейчас, а не через год-два. Разгадка проста: старший сын болен и нужна операция за границей. Есть родственники во Франции, готовые помочь найти хорошего специалиста, договориться с клиникой. Но нужны деньги, и немалые, не менее пятидесяти тысяч долларов. И это только на операцию, а потом еще реабилитация, уход, лекарства... Общую сумму представить трудно. Но пятьдесят тысяч на операцию нужны сейчас, иначе мальчишка погибнет. Поэтому «Пехлеван» решает использовать оперативную игру, затеянную американцами, в своих целях. Он предлагает нам свое сотрудничество. Фактически становится агентом-двойником. Для САВАКа, а значит и для ЦРУ, он выполняет их задания, продвигая нужную информацию. А на деле становится нашим агентом. Он готов предоставить сведения по своему ведомству: структуре, персоналиям. Есть серьезные связи в минобороны Ирана и в канцелярии премьер-министра. Условие одно: сейчас пятьдесят тысяч долларов, потом тоже «зеленые» из расчета, что определенную сумму он должен сдавать своим как подтверждение работы за денежное вознаграждение, а остальное – на лечение сына. Естественно, я ему сразу сказал, что за красивые глаза мы платить не будем, только за ценную информацию. Он ответил, что прекрасно осознает серьезность своих шагов, кому, как не ему, знать, что бывает с предателями, но его жизнь ничто по сравнению с жизнью его сына. «Если, – говорит, – у

вас есть дети, вы поймете меня. Передайте вашим коллегам, они не потратят деньги зря. Я постараюсь сохранить свою жизнь, дожить и увидеть, как эти высокомерные, презирующие всех и вся, кроме своей Америки, янки уберутся из Ирана!»

– Пал Ефимыч, а не сказал он, откуда они знают про ребят, которые работают в Тегеране?

– От агента, который сидит или в нашей резидентуре в Тегеране, или в Ясенево. Фамилию не назвал; может, действительно, не знает или не хочет пока говорить... Теперь не у нас голова должна болеть, пусть товарищи-разведчики разбираются и решают, что с ним делать дальше.

– Пал Ефимыч... – Видно было, что Позднякова рассказ Зитина задел за живое. – А вы верите ему?

– Знаешь, Юр! Там, в номере, когда шла встреча, верил, а сейчас, когда вам рассказываю, – не знаю. Повторю: это уже не наше дело. Пусть в Первом главке оценивают, кто он, что он, как с ним работать и работать ли вообще. Пусть колупаются. Я по их просьбе во время встречи всякие там тесты проводил, затем «Пехлеван» еще на микрокассете материалы передал. Нашим доблестным разведчикам есть над чем подумать... А чего мы так просто сидим? Нестеров, ты что, нюх потерял? Давай по полтинничку, и я пошел. Работать надо... Ты меня слышишь, Нестеров? О чем задумался, де-тина?

– Знаете, Пал Ефимыч, а что если рассказанное «Пехле-

ваном» про сына, про свой инициативный выход на нас – легенда, четко выстроенная линия поведения, которую отработали американцы? Главное ведь, чтобы мы поверили. Времени для его доскональной проверки у нас нет, выведем мы на него нашего сотрудника в Тегеране, а это как раз то, что им надо.

– Чего-чего? – протянул Зитин.

– Есть другой вариант, – продолжил Сергей. – Нет никакого задания американцев и САВАКа. «Пехлеван» хочет стать тройным агентом. Если мы соглашаемся с ним работать, отбираем подписку и выдаем деньги, он, возвратившись в страну, выходит на американцев, минуя свое руководство, и сообщает, что на него с вербовочным предложением вышли русские. Учитывая ситуацию, он вынужден был дать согласие, и русские, мол, отработали с ним способы связи в Тегеране. За свое признание и согласие работать на США «Пехлеван» постарается сделать так, чтобы и с американцев получить деньги. Так что в перспективе он будет давать информацию и КГБ, и ЦРУ, и САВАКу. Всем сестрам по серьгам!

– Поздняков, – голос у Зитина был строгий. – Ты где его взял, такого умного? Он нам все мозги запудрит! Нестеров, слышал, что я сказал: пусть в разведке думают! А вообще молодец! Ты ведь эту кашу заварил? Вот я и говорю: молодец! – И, направляясь к двери, Зитин спросил: – Юрий Михайлович, он у тебя до сих пор в младших операх ходит? Скажи Короткову, пусть не зажимает способные кадры!

В Измайлово

– Что за грусть-печаль, Любанчик? Не куксись, пожалуйста, расскажи, что случилось.

Они сидели у нее в комнате, и он пытался понять, что произошло.

– Сереженька, все кончилось... – Губы её дрожали, в глазах собирались слезы. – Сегодня была у врача. Сняли гипс, посмотрели и сказали, что уже никогда не смогу ходить, как раньше. Мышцы отрафировались... Зачем я тебе нужна – калека?

Слезы полились ручьем, она всхлипывала, как ребенок.

Сергей, взяв ее лицо в ладони, стал целовать глаза, щеки, нос, губы, бормоча: «Ничего они не понимают, доктора эти! Разработаем мы твою ножку, посмотришь!» Он тут же оказался на коленях и плавными движениями стал массировать больную ногу, которая действительно была тоньше здоровой.

– Прошу тебя, не слушай никого. Все будет хорошо, обещаю! Ты мне нужна. Я никогда не обманываю женщин, тем более таких замечательных девочек, как Любочка Китаева! Не занимайся саботажем! Знаешь, что делала Всероссийская чрезвычайная комиссия с саботажниками? И хорошо, что не знаешь, – он продолжал массировать ногу, как будто занимался этим профессионально. – Любаш, хочу познакомить

тебя с моими родственниками. С мамой, конечно... Где папа, честно говоря, не знаю и знать не хочу, так что вместо отца будет мой дядя, он как раз в отпуске... ну и братуха старший. Ты как, готова?

– Нестеров, ты ненормальный! – Слезы еще не просохли, но Люба уже не плакала. – Какие родственники? Ты что, хочешь, чтобы я их на костылях встречала?

– А что? Какая есть – такая и есть. Не успеем ногу разработать до свадьбы, значит, будем так жениться.

– Как? Чтобы я на свадьбе с палкой была? Ну, уж нет, ни за что!

– По всему видно, – рассмеялся он, – дело на поправку идет! Впервые ты согласилась со мной, что у нас будет свадьба. Во-вторых, что я слышу? Любочка хочет к свадьбе выздороветь, чтобы танцевать со мной первый вальс?! Значит, так оно и будет! Желание пациента – залог выздоровления!

– Нестеров, откуда ты взялся на мою голову?..

И они стали целоваться, забыв, что в соседней комнате сидят родители и наверняка прислушиваются, что происходит в комнате дочери.

Отстранившись, чтобы ситуация не вышла из-под контроля, Люба сказала, задыхаясь и поправляя кофточку:

– Все, все, Сереж... Что у тебя на работе? Все в порядке?

– А что там может быть?

– Не знаю, но мне кажется, у тебя что-то произошло. Или это секрет и нельзя никому рассказывать?

– В принципе, ничего особенного не случилось. Просто в очередной раз я стал объектом воспитания нашего начальника отделения, любимого и несравненного Борис Максими-ча Короткова, будь он неладен. Я тебе не рассказывал про Короткова? Не может быть! Это же выдающийся человек, уникум! Второго такого во всем Комитете нет! Как у нас говорят: «Кто прошел Короткова, тому никто не страшен»... Пропади он пропадом! – Нестеров не заметил, как завелся. – Знаешь, как он нас воспитывает, как учит отрабатывать документы? Приносишь на подпись исполненные запросы, а это вот такая пачка ежедневно, – Сергей показал пальцами расстояние сантиметров в пять. – Поднимет Борис Максимович голову и скажет: «Оставь, я позвоню». Голос спокойный, но противный, ужас. Сколько времени пройдет, десять минут или час, неизвестно, бывает по-разному. Потом вызывает, и, как только заходишь, уже понимаешь, что будет.

– Это как?

– Видишь ли, у него вот такая лысина... – Нестеров на своей голове пальцем очертил полукруг. – А вокруг венчиком седые волосы, а в середине лысины три волосинки на перекосинки! Если быть точным, то пять, я считал. Так вот, если он в спокойном состоянии, эти волосики у него на лысинке лежат себе тихонечко, будто спят. Сие означает, что все нормально; документы возьмешь и пойдешь себе дальше. Но если волосики стоят, то жди какой-нибудь гадости. Например, он возвращает всю пачку документов неподписанной и

говорит тихим, противнейшим голосом: «Исправь ошибки – потом приходи»... Представляешь, это же тридцать – сорок документов! И где искать ошибки, если он пометок не сделал? Я однажды часа три просидел, не мог найти! Чуть с ума не сошел, пока Сашка не пришел. Он прочитал бумаги, которые я подготовил, и нашел ДВЕ! пропущенных запятых и ОДНУ! орфографическую ошибку во всех сорока с чем-то документах. Даже не ошибку, а опечатку... Бред какой-то! Садист! Что в этих ошибках криминального, не понимаю! – Нестеров был на ногах. Натура артистическая, он, рассказывающая, одновременно представлял все в лицах. Люба и подумать не могла, что у него такие способности. А она в этом знала толк: еще в средней школе занималась в театральной студии МХАТа и в институте играла в команде КВН.

Сергей так вошел в роль, что ничего не замечал вокруг.

– Но самая страшная – это третья стадия. Волосики стоят... – Пальцами Нестеров изобразил процесс. – Он, сидя на стуле, начинает медленно, не повышая тона, говорить что-нибудь в таком роде: «Какие оценки у вас были по русскому языку? Вы давно окончили среднюю школу? Вам никто не говорил, что вы абсолютно безграмотный человек? Нет? Так, я вам это говорю!» По мере того как он говорит, у него над ушами торчком встают седые волосы, краснеет лицо, глаза наливаются кровью, багровеет лысина! Одновременно Коротков медленно встает и последние слова не произносит, а выкрикивает так, что кровь в жилах стынет! И тебя охва-

тывает ужас, чувствуешь себя лилипутом перед великаном, кроликом перед удавом!

– Сереж, ты, по-моему, впечатлительный. Рисуешь фантастические картины! Вы что там, писаниной занимаетесь? А я думала, шпионов ловите... – Поскольку Сергей успел плотно устроиться рядом с ней на диване, она сказала: – Сереж, убери руки, пожалуйста. Ты что, совсем без этого не можешь? Давай спокойно поговорим, прошу тебя... Нет, правда, КГБ чем занимается? Ловит шпионов, в кино ведь так показывают!

– В кино много чего показывают. Врут и не краснеют. Конечно, писанина – дело десятое, но необходимое. Главное для нас, как ты говоришь, ловить шпионов. И не только их... – Нестеров, притиснувшись, попытался вернуть часть утраченных позиций. – Ладно тебе, жадина, дай хоть ручки подержать!

Удовлетворив свое скромное желание, он продолжил:

– У нас в отделе – дела на любой вкус: от антисоветской агитации и пропаганды до валюты и наркотиков. А насчет моей впечатлительности... Так я ведь не одинок. У нас почти все отделение впечатлительное... – Сергей задумался, что-то решая для себя. – Дело прошлое, расскажу один случай... – Он встал, чтобы видеть ее лицо и наблюдать за реакцией. – В начале этого года в районе общежитий Университета дружбы народов на Миклухо-Маклая стали торговать наркотиками. Милиция задержала несколько человек, но партии бы-

ли маленькими, да и с допросами особо не получалось, потому что задержанные были студентами-иностранцами, черные, желтые и прочая живность, «твоя моя не понимай». Не успели мы принять дело к производству, как такой же вид наркоты был обнаружен сразу в нескольких районах Москвы. Распространяли заразу наши подопечные, студенты-иностранцы из УДНа. Дело поручили Сане Муравьеву, моему сокамернику...

– Какому такому сокамернику? – воскликнула Люба.

– Соседу по кабинету, – уточнил Нестеров, – и Борьке Сомову. Куратором – Борис Максимыч. Практически все отделение так или иначе было задействовано. В конце концов, вышли на организатора, одного латиноса; с моей подачи дали ему простенькую кличку «Амиго». И вот почти финал – захват с поличным...

Сергей входил в роль.

– Дело происходит на Цветном бульваре, напротив цирка. «Амиго» в машине с русским водителем передает посреднику упаковку наркоты, тот ему деньги, и тут мы блокируем авто. Я вынимаю ключ зажигания, вытаскиваю шофера, наружка крутит «Амиго» и посредника. Прохожие останавливаются, смотрят и не понимают, что происходит. Мы распикиваем взятых по оперативным машинам, и через несколько минут ошалевший латинос оказывается в отделении милиции на стуле перед Коротковым. И тот начал мягко, тихо и вкрадчиво: «Как вас зовут? Сколько вам лет? Как же вы

оказались в такой неприглядной ситуации?» Дурачок купился, решив, что перед ним мягкотелый дядька, расслабился и с наглым видом заявляет: «Требую пригласить представителя нашего посольства!» Тут Коротков стал медленно подниматься... Любочка, в течение нескольких секунд произошло полное перевоплощение, ты такого ни в одном театре не увидишь! Глаза круглые, лицо, лысина красные, седые волосы торчком: «Кого?! Представителя чего?! Да ты, мразь такая, еще смеешь голос подавать?! Приехал в нашу страну, гадишь да еще защитников себе ищешь?! Ты уголовник! Твое место знаешь где? В камере! На параше!!» И в полный голос, с громовыми раскатами: «Ах ты, змееныш! Воля тебе надоела, в тюрьму захотел, на нары?! В Сибирь, в снега полетишь, засранец! Сгниешь у нас!! Десять лет лагерей хочешь?! Чего молчишь, хочешь?!» «Амиго» трясется весь. Вжался в стул, неотрывно смотрит на Короткова и, как под гипнозом, головой мотает: «Н-е-е-ет!» – «Ах, нет! Тогда бери ручку, пиши! Пиши, сволота поганая! Пиши, что я скажу!» В общем, написал «Амиго» чистосердечное и собственноручное признание, сдал всю свою сеть, каналы поставки и так далее, и тому подобное. Не обошлось без неожиданностей: написал наш «наркобарон», что через соотечественника, работающего в посольстве, поддерживал связь с американским дипломатом, – как потом выяснилось, сотрудником ЦРУ.

Нестеров видел, какое впечатление произвел на Любу рассказ. Она смотрела, как замороженная.

– Мало того, что признание написал, он Борису Максимо-
вичу еще и подписку дал о будущем сотрудничестве с пра-
воохранительными органами Советского Союза... Что улы-
баешься? Я чистую правду рассказываю, честное слово! А
ты говоришь, кто такой Коротков... Коротков – это ого-го!
Сила!

– Сережа, у тебя точно артистические способности: заслу-
шаешься и засмотришься!

– Да какой там талант? Самодеятельность.

– Ладно, не скромничай. Наши ребята мне про тебя много
чего рассказали. А чем закончилась эта история?

– Конец был не такой, как в плохих книжках и фильмах,
дескать, мы умные, они дураки. Н-е-е-т! Эта латиноамери-
канская собака почти час, как пьяная, шаталась по городу без
цели и причины. Глаза ненормальные, будто обкурился... а
потом вдруг преобразился, собрался. Лицо стало жесткое,
целеустремленное; по крайней мере, так описывали ребята
из наружки...

– Это кто? Извини, я ничего не понимаю в вашей терми-
нологии.

– Наружное наблюдение, слежка... Так вот, практически
профессионально он стал проверяться. Вычислил наших,
сделал три коротких звонка, которые засечь не смогли, и рас-
творился, исчез. Ушел, пес! Потом, конечно, установили, что
в тот же день он встретился со всеми своими поделельника-
ми, после чего они сменили адреса. Сам из общежития ис-

через и уже на следующий день оказался за границей. Еще через три дня радиостанция «Свобода» сделала заявление, что органы госбезопасности Советского Союза совершили грубую провокацию в отношении гражданина такого-то государства: подбросив наркотики, гэбэшники пытались завербовать его и вынудили написать обязательство сотрудничать с ними против Соединенных Штатов и все такое прочее.

– Сереж, ты никогда мне ничего подобного не рассказывал. А разве вам можно говорить о своих служебных делах?

– Конечно, нет. Только ведь я не всякому Якову рассказываю, правильно? Ты же моя будущая жена и должна знать, чем занимается твой будущий муж. Кроме того, может, я все придумал, а?

И они рассмеялись.

– Сколько сейчас времени?.. Извини, мне надо позвонить на работу, – сказал Сергей, набирая номер Позднякова. – Михалыч, привет. Нестеров!

По мере того как он слушал, веселость уходила с лица; коротким «да» он подтверждал услышанное.

– Хорошо, выезжаю... Я? В Измайлово... Ничего, такси поймаю, минут через тридцать буду.

– Что-то случилось? – Люба забеспокоилась.

– Ничего страшного, обычная рабочая ситуация, мне надо срочно в Управление.

– Но сегодня суббота, выходной!

– Такая у нас работа, Любовь моя. Ни сна, ни отдыха из-

мученной душе... Привыкай, будущая жена чекиста. Я тебе позвоню, и мы договоримся, когда я приеду со своими любимыми родственниками. Пока, пока! Я побежал!

Краснодарская история

Нестеров хотя и успел к назначенному времени, но все равно на совещании у Позднякова оказался последним.

– Юрмихалыч, здравствуйте! Всем пламенный привет!

– Здорово! Знакомься, наш коллега из Краснодара.

– Нестеров, Сергей.

– Андрей Прокопов.

– Так, все в сборе, начнем. Слово старшему оперуполномоченному УКГБ по Краснодарскому краю Прокопову Андрею Васильевичу.

– Тридцатого августа, – начал тот, – в Краснодаре в восемь часов тридцать две минуты, в самый час пик, в городском маршрутном автобусе приведено в действие взрывное устройство большой мощности. Шесть человек погибли на месте, еще трое в больнице, шестнадцать человек легко и тяжело раненных. В ходе проведения первичных оперативно-розыскных мероприятий установлено, что бомба с часовым механизмом сделана из компонентов, имеющих в открытой продаже. Для многократного усиления поражающих факторов взрывное устройство начинили болтами, гвоздями и металлическими шариками. Все хозяйство упаковали в обычную дерматиновую сумку, каких у нас тысячи. По нашим расчетам, преступник вошел на конечной остановке и занял сидячее место в середине салона у окна, сумку с бом-

бой засунул под сиденье ближе к проходу. Потом, когда люди набились, как сельди в бочке, – а это произошло уже через две, максимум три остановки, – преступник, включив часовой механизм, выбрался из автобуса, оставив сумку. Вскоре произошел взрыв... – Прокопов тяжело вздохнул, заново переживая события тех дней. – Ребята рассказывали, что картина ужасная: оторванные конечности, кровяца, кишки по асфальту, крики, стоны... Сотрудники, кто сразу на место происшествия выехал, были в шоке, некоторые теряли сознание. Ничего подобного у нас никогда не было.

Оперработники, находившиеся в кабинете Позднякова, были поражены. Ни радио, ни телевидение ничего подобного не сообщали. По ориентировкам, с которыми знакомился оперсостав, тоже ничего не проходило.

Прокопов, не делая пауз, продолжил:

– По горячим следам в поиске преступников задействовали все имеющиеся силы и средства и в Управлении, и в ГУВД. Безрезультатно. Стали искать среди недовольных, диссидентов – ноль. Уголовники – ноль. Когда получили результаты экспертизы, пошли по «химикам» – тоже ничего. Потом начальник службы контрразведки полковник Васильев, «Старик» наш, предложил посмотреть по дурдомам и психдиспансерам. На совещании у начальника Управления он так и сказал: «Нормальному человеку в голову прийти не может задумать и совершить подобное. Надо, товарищи, среди психов искать». И точно. Нашли мы человечка, состоя-

щего на учете, пиромана такого. Стали изучать, и вот к чему пришли... – Он заглянул в тетрабочку, которую вытащил из кармана. – Климович Олег Георгиевич, пятидесятого года рождения, родился в Краснодаре в семье военнослужащего, учился в Киевском суворовском училище, отчислен по состоянию здоровья с признаками психического расстройства. Незаконченное высшее образование, обучался на химическом факультете Краснодарского университета, два года назад чуть весь дом не взорвал, опыты, видите ли, проводил. Сразу после взрыва автобуса выехал из города в неизвестном направлении. По данным агентуры, у него есть дальние родственники в одной из станиц. Наши сотрудники в настоящее время осуществляют поисковые мероприятия.

Прокопов нахмурил лоб, что-то вспоминая.

– В ходе негласного осмотра квартиры нашли отдельные компоненты, из которых была приготовлена бомба, а также лабораторное оборудование, чертежи и расчеты по изготовлению взрывного устройства. Все, конечно, запротоколировали как результаты обыска. Соседи Климовича рассказали, что в июле к нему приезжал друг из Москвы. Жара была страшная, а они сидели за закрытыми дверями и окнами, что-то обсуждая. Нам удалось установить этого гостя... – Прокопов перевернул страничку блокнота. – Капсалов Ильяс Рауфович, сорок девятого года рождения, уроженец Ташкента, отец – бывший военнослужащий, вместе с женой проживает там же. Учился Капсалов с Климовичем в одном взводе

в киевском суворовском училище. С мозгами у него тоже было не все в порядке. Сейчас – аспирант МГУ. Ориентировку мы вам дали. Скорее всего, он причастен к изготовлению взрывного устройства, поскольку чертежи и расчеты сделаны не Климовичем, что подтверждено результатами графической и почерковедческой экспертиз. Моя задача: с вашей помощью найти Капсалова, осуществить его задержание и доставить в Краснодар для проведения последующих следственных действий.

– Спасибо, Андрей... Вопросы есть? Кто у нас работал по ориентировке из Краснодара? – спросил Поздняков, оглядев присутствующих. – Семушкин? Давай, Володя, расскажи, что накопал.

– Не так много, как хотелось бы, Юрий Михайлович. – Семушкин посмотрел свои заметки. – Капсалов, аспирант второго года обучения очного отделения физического факультета, который закончил в тысяча девятьсот семьдесят втором году с красным дипломом. В деканате его характеризуют с положительной стороны, тихушник такой, исполнительный, вежливый. Ни с кем близких отношений не поддерживает, весь в учебе, у него даже девушки, насколько известно, нет. Научный руководитель, профессор Целиковский, считает его очень способным человеком. Потом, когда я профессора разговорил, он вспомнил, что Капсалов производит несколько странное впечатление: замкнутый, малоразговорчивый, отстраненный от реального мира. Целиковский ска-

зал буквально следующее: «У меня впечатление, что с головой у него не все в порядке».

– А что он еще скажет сотруднику КГБ, когда сами ОРГАНЫ! проявляют интерес к его аспиранту?! Надо же бедному еврею подстраховаться! – Встрял Саша Муравьев, который не очень-то жаловал заносчивого Семушкина и при всяком удобном случае старался его подколоть.

– Не надо, Александр Николаевич, из меня дурака делать. Я представился ему сотрудником Минвуза.

– Ты на себя в зеркало давно смотрел? – включился Нестеров, тоже «любящий» Семушкина. – Где ты видел таких сотрудников Минвуза? У тебя прямо на лбу – три буквы. Слава богу, не те, что на заборах пишут.

Внешность у Володи действительно была замечательная. Ярко-рыжий, волос в кольцах «мелким бесом», лицо, руки в веснушках, носик маленький, «пимпочкой». Росточком тоже не задался. Исходя из своего общего портрета, и чтоб придать солидности в общении с людьми, особенно незнакомыми, Семушкин напускал на себя серьезный и значительный вид, разговаривая со всеми, кроме начальства, свысока, покровительственным тоном, хмуря при этом свои тоненькие бровки.

– Юрий Михайлович! – Умоляющим голосом призвал он на помощь руководство.

– Так, шутники, заканчиваем! Продолжай, Владимир Александрович.

– Капсалов в общежитии на Шверника не живет, хотя и значится там. По данным, которые я получил, снимает комнату где-то в районе Сокола. Точного адреса не знает никто. Так что где его искать – неизвестно.

– Это все?

– Есть ещё момент... Капсалов заходил в деканат три дня назад, оформил отпуск на месяц по семейным обстоятельствам. Сказал, что на следующей неделе полетит в Ташкент.

– Действительно, негусто... – Поздняков задумался, а потом продолжил: – Семушкин, ты предупредил в деканате, чтобы в случае его появления они сразу звонили нам? А фото взял? Нет? Чтоб завтра же фото Капсалова было! Хотя завтра его не будет: завтра воскресенье и деканат закрыт. Зато есть сегодня, которое суббота. Так что езжай-ка в МГУ, возьми фото, размножишь, сделаешь экземпляров тридцать–тридцать пять.

Следующее указание было обращено к Муравьеву и Кирсанову:

– Александр Николаевич, Петр! Работайте по общежитию, может, кто-нибудь знает его московский адрес. Отправляйтесь прямо сейчас.

Следующим был Нестеров:

– Сергей, в понедельник возьмешь стажера, пойдете в Центральные кассы Аэрофлота, я сегодня же договорюсь с Московским управлением, чтобы вас там приняли. Будете по корешкам билетов искать Капсалова. Нам надо знать рейс,

которым он хочет улететь в Ташкент, а там, как говорится, дело техники. Других вариантов выйти на этого урода у нас пока нет... Предупреждаю, бойцы, дело на контроле у зампреда Комитета. Что этот псих, не дай Бог, ещё может натворить, никто не знает. Он самолетом летит... а если этот придурок его рванет? Посему кровь из носу, но Капсалова мы должны взять до самолета! Вопросы? Как всегда, вопросов нет. По коням!

Все встали, в том числе и Прокопов.

– Андрей, ты, где остановился, в «Пекине»? – спросил Поздняков. – В Москве раньше был? Сереж, возьми пока шефство над Прокоповым. Лады? Ну, давайте, давайте! Потом состыкуемся.

Поручение шефа было не в тягость. Нестерову Прокопов сразу приглянулся.

– Андрей Васильевич, давайте зайдем к дежурному, отметим пропуск, а потом решим, что дальше делать.

– Сергей, извините, не знаю как вас по бабушке, давайте на «ты»? А то с этой дипломатией, кривись она коленом, много не наработаешь.

– Да без проблем! Так что, какие пожелания?

– Слушай, а далеко Петровский пассаж? Жена мне тут список написала, хорошо рука не отсохла, вон, аж на двух листках! Сказала, чтоб я обязательно в ГУМ, это я сам знаю, где он находится, потом Петровский пассаж и ЦУМ. Я ей говорю: «Светочка, миленькая моя, я ведь в служебную коман-

дировку еду, а не по магазинам мотаться». Ничего, говорит, водку меньше жрать будешь... Сам-то женат? И правильно, куда торопиться.

Тем временем они по Кузнецкому мосту практически дошли до ЦУМа, осталось дорогу перейти, и тут Нестеров вспомнил о первом законе гостеприимства.

– Андрей, ты обедал сегодня?

– Перекусил немного, – неубедительно промямлил красnodарец.

– Понятно. Вот кафе, мы тут с мужиками порой закушаем, но сейчас надо будет его использовать по прямому назначению. Всё, возражения не принимаются, давай, заходи. Смотри, вон столик в углу свободный, иди, садись, пока не заняли, а я пивка принесу...

Первая кружка прошла залпом, и разговор завязался.

– Сереж, ты давно в Управлении?

– Больше года, я второй факультет Вышки окончил. А ты?

– А я в Минске, на двухгодичных учился. После срочной в Краснодарский университет поступил, на последнем курсе предложили в органы, потом Минск и обратно домой. Я ж местный, с Кубани; родители, мама с папой, в станице под Тихорецком живут. Зову их в Краснодар, так ты что! Ни в какую! У нас, мол, хозяйство, кура-птица, живность всякая, язви ее в коленку! А у мамы руки больные, летом-то ничего, но зимой беда! Пальцы сжать не может. И боли страшные. Батя говорит, днем она виду не подает, а ночью, во сне, сто-

нет и плачет. Говорю: «Мама, давайте я вас врачам покажу, что ж вы мучаетесь, разве так можно?» Бесполезно. «У вас своя жизнь, – говорит, – ты на ответственной работе, мы тебе и Светочке мешать только будем»... Бесполезно разговаривать... А ты-то как? Родители живы?

– Мама. Я с мамой живу. Родители разошлись, когда мне было тринадцать. Сначала жили втроем в одной комнате в коммуналке: мама, старший брат и я. Потом брат женился, получил квартиру и уехал, а я остался с мамой.

– Вот оно как! Язви меня в коленку! Я-то подумал: «Сынок какого-нибудь крупного начальника»... Чего улыбаешься? А что я должен думать? Парень молодой, работает в центральном аппарате, начальство к нему с уважением, вывод какой? Блатной, как пить дать, блатной. Сереж, не обижайся! Чего дурная голова не придумает? Давай лучше еще по пивку, я возьму.

Их разговор прервал голос Михалыча:

– ...Нет, Слав, я тебе говорил, что они здесь; куда они денутся с нашей подводной лодки? Молодец, Нестеров, не обманул ожиданий старших товарищей... Андрей, сиди! Мест хватит... Та-а-к, чем угощаем гостя? Пивом? Понятно! Пиво без водки – это для разводки!

Услышав слова Позднякова, Нестеров подумал: «Не попадет сегодня Прокопов ни в ЦУМ, ни в Пассаж». И был не прав. Часа через два, перед самым закрытием, в Петровский пассаж они все-таки попали. Все вместе. Правда, ничего не

купили, поскольку в состоянии, в котором находились, никак не могли договориться по расцветкам на отдельные изделия, заказанные Светланой, женой Прокопова. Общим голосованием решили перенести поход Андрея по магазинам на понедельник, а все ранее принятое залакировать красненьким...

Воскресенье прошло для Нестерова в постоянной борьбе с головной болью. А уже в понедельник, с десяти утра, они с Лукашевым, стажером, начали «шерстить» билеты в кассах Аэрофлота.

Когда девчонки, работающие там, принесли им пачки, сшитые суровыми нитками, Нестерову чуть плохо не стало. Во-первых, количество, ну, и качество тоже. Разбирать эти каракули?! Врагу не пожелаешь такого счастья... Через пару часов внимание стало притупляться, работа двигалась крайне медленно. К тому же активно действовали внешние рассеивающие внимание факторы: молоденькие симпатичные блондинки, брюнетки и особенно одна рыженькая, веселая, в коротенькой юбочке. Все они с завидной регулярностью мелькали перед глазами, туда-сюда, туда-сюда. Ножки, ручки, кофточки, бретелечки... Как тут можно работать нормальному человеку?!

Нестеров, чтобы ускорить процесс, стал изобретать всякие методы совершенствования неблагодарного труда: по первой букве фамилии; по номеру паспорта. Потом плюнули и вернулись к первоначальному варианту: к полной проверке

фамилии и паспортных данных. Совершенно ошалевшие, к шести часам они вернулись в Управление. Оказалось, теперь вся надежда на них: нигде никаких зацепок, чтобы выйти на Капсалова, так и не нашли.

Второй день тоже прошел впустую. Только на третий, уже в состоянии отчаянности и безнадежности, Нестеров услышал от Лукашева с сомнением в голосе: «Серег, я, кажется, нашел!» Трижды проверили, все сходится – он! Вылет – завтра, в шестнадцать пятнадцать из Внуково. Бегом рванули в Управление, времени оставалось меньше суток. Поздняков вызвал еще двоих, стали прикидывать, где ждать и брать Капсалова. Получалось, самый ожидаемый вариант – аэровокзал на Ленинградском проспекте. Подготовили план проведения операции: две бригады наружки, Поздняков и с ним три опера работают на аэровокзале; еще одна бригада и два опера в режиме ожидания подстраховывают в аэропорту Внуково.

Доложили заместителю начальника Управления, который после переговоров по «кремлевке» «обрадовал»: дали только одну бригаду наружки в составе шести сотрудников на двух машинах. Начальник своей рукой внес исправления в документ и поставил утверждающую подпись. План перекраивали на ходу.

За два часа до отправления автобуса к ташкентскому рейсу они приехали на Ленинградский проспект, расположились, распределили сектора наблюдения и роли при захвате

Капсалова. Однако прошло два с половиной часа, а объект не появился. По условному знаку Позднякова все собрались в центре зала.

– Дальше ждать бесполезно. Давайте во Внуково, там только Сомов и стажер, вдвоем они ничего не сделают. Всех возьмешь? – спросил он, обращаясь к старшему бригады.

– Возьмем. Плотненько будет, но ничего, не маленькие... Погнали, мужики!

«Жигули» – «копейки» с форсированным движком по Москве двигались в рваном ритме, рывками, то слева, то справа, обходя транспорт. Иногда до борта обгоняемой машины оставался сантиметр и того меньше, но водители не успевали даже испугаться – ненормальные «копейки» были уже далеко впереди. Дважды проскочили на «красный», а на «желтый» – вообще без счета. Несколько раз наперерез бросались гаишники, тогда водители включали проблесковые маячки, спрятанные под решеткой радиатора, и они сразу же понимающе «снимали» претензии. Уже на подъезде к Внуково, там, где тягучий длинный подъем, машины стали сходу обходить грузовик. Вышли на встречу, и Нестеров, сидевший во второй машине на переднем сидении, с ужасом увидел идущий под горку на скорости лоб в лоб панелевоз. Что сделал водитель, Сергей так и не понял: «копейка» будто подпрыгнула и как ракета рванула вперед, чудом пролетев между грузовиками. Когда остановились на стоянке у здания аэропорта, Нестеров отметил, что от пота у него промокла

не только рубаха на спине, но и брюки на заднице. Однако рассусоливать было некогда. В первую очередь нашли своих, потом уже познакомились с опером из внуковского транспортного отдела, одетым в форму гражданской авиации. Выяснилось, что отправление рейса на Ташкент отложили на два часа по метеоусловиям, а что будет дальше с погодой – пока не понятно.

Народу во Внуково, как всегда, было много. Люди сидели и лежали на скамейках, газонах. Поздняков собрал оперработников на автостоянке перед залом прилета.

– Значится так, бойцы! Вот как сейчас стоите – разбиваетесь на пары, отсчет от Воробьева. Первая двойка – площадь перед залом вылета, вторая – стоянка такси и рейсовых автобусов. Третья кто? Нестеров, Лукашев – вы в скверик рядом с вокзалом. К каждой паре на прямой видимости – по сотруднику наружного наблюдения. Фотографии у всех есть? Задача одна: найти! Опять повторяю: найти! Как только засекли, один оповещает сотрудника наружного наблюдения, а второй ведет Капсалова и служит для всех ориентиром.

Михалыч повернулся к оперработнику из транспортного отдела.

– Ваша задача – проверить и убедиться, что это Капсалов. Лучше всего посмотреть документы: паспорт, билет...

– А как я это сделаю? – раздраженно перебил Позднякова транспортник. – Я, между прочим, не милиционер. С какой стати он должен мне документы показывать?

– Хрен тебя знает, как! Я еще за тебя думать должен? – У Михалыча был такой вид, будто он прямо сейчас, не отходя от кассы, двинет транспортника в челюсть. – Не понимаешь, так объясню для тугодумов. Если к психу ненормальному, сумасшедшему, у которого в сумке или чемодане бомба, подойдет милиционер и попросит предъявить документы, что сделает псих? Не догадываетесь, господин хороший? Рванет все к ядрене фене, и привет вашей тете! Ему терять нечего.

Поздняков перед лицом несговорчивого опера руками продемонстрировал, что произойдет.

– Дорогой вы наш, не переживайте! – Тон Михалыча изменился и стал жестким, официальным. – Не в силах выполнить поставленную задачу? Нет вопросов – давайте переоденемся... Вот у Воробьева подходящий размерчик, он вас и заменит.

– Еще чего! Я уж сам... придумаю что-нибудь, – забормотал опер-транспортник.

– Придумайте, дорогой, придумайте! – Поздняков через силу улыбнулся, а для тех, кто его знал, было понятно, что этого человека он из списка бойцов вычеркнул навсегда. – Итак, после того как убедились, что это Капсалов, подаете условный знак: платком вытираете пот со лба. Ясно? Платок есть? Есть, хорошо... Капсалова берем в кольцо. Первыми блокируют его руки сотрудники наружки, остальные забирают вещи, и так в кольцо ведем его в первый корпус. Все понятно? Тогда, вперед, разошлись!

Нестеров с Лукашевым нашли в скверике скамейку с хорошим обзором, удобную для наблюдения, немного потеснили сидящих, устроились и с удовольствием закурили. Надо было хоть немного передохнуть от недавней гонки. К тому же денек выдался замечательный, даже не верилось, что конец сентября. На небе – ни облачка, солнце жарит вовсю, градусов тридцать, наверное.

Минут пять ловили кайф, стало жарковато.

– Борь, – позвал Сергей Лукашева, – видишь, справа палатку? Будь другом, сходи, водички принеси, пожалуйста. А я пока подежурю.

– Тебе лимонад, минералку?

– Минералку, если будет.

Нестеров вновь осмотрелся, никого похожего на Капсалова поблизости не было. Стал изучать пассажиров, сидящих и лежащих в сквере на скамейках и газонах: кто спал, кто ел, кто глазел по сторонам. Ничего особенного, обычная вокзальная картина.

«Интересно, куда Бориска запропастился? Его только за смертью посылать», – подумал Нестеров, посмотрев на часы, и внезапно услышал у своего уха голос Лукашева:

– Серега, сиди спокойно! Не дергайся! Я его нашел! Медленно поворачивайся влево. Видишь, по дорожке идет?

– Вижу, наружку предупредил?

– Конечно! Смотри, наши подтягиваются!

– Вижу, вижу... А где этот козел, летчик-самолетчик?

– Да вот он, миленький, шкандыбает.

Сергей, не спеша, оценил диспозицию: слева, на расстоянии метров десяти от них, шел человек азиатской наружности, худенький, с чемоданом в руке и дорожной сумкой средних размеров на ремне через плечо; с противоположной стороны, метров за тридцать, ему навстречу семенил транспортник. Вид у него, как показалось Нестерову, был несколько испуганный. Наверное, в этот момент он лихорадочно думал, как всё-таки исхитриться и проверить документы у предполагаемого Капсалова. В состоянии крайней задумчивости и видимой растерянности, не доходя до объекта проверки, он достал из бокового кармана брюк носовой платок и стал вытирать пот со лба и шеи.

«Что ж ты делаешь, сволочь? – едва не сказал вслух Нестеров. – Еще документы не посмотрел, а уже условный сигнал подаешь? Вот козлетон, ядрена рашпиль!»

В это время из динамиков пошло объявление, что по погодным условиям вылет самолетов, следующих рейсами в такие-то города, в том числе Бухару и Ташкент, задерживается. Услышав объявление, Капсалов остановился, поставил на землю чемодан, полез в карман пиджака, достал билет и стал его изучать. Потом поднял голову и, увидев «представителя Аэрофлота», идущего навстречу, бросился к нему, возбужденно жестикулируя и что-то спрашивая. Оперативник внешне снисходительно, как бы делая одолжение, посмотрел билет, потом попросил показать паспорт и, наконец,

подавал настоящий долгожданный условный сигнал. Капсалов мгновенно был блокирован сотрудниками наружного наблюдения, которые схватили его за руки; тут же оперативники сжали их двойным кольцом, максимально снижая возможность поражения людей в случае взрыва. Таким ядром вся группа прошла на второй этаж административного корпуса.

В выделенной для этого случая комнате на отшибе здания аэровокзала уже ждал специалист по взрывным устройствам, мужик в возрасте где-то за пятьдесят. Поздняков, видимо, раньше с ним сталкивался, поскольку называл по-свойски Петровичем.

С Капсаловым зашли человек шесть, в том числе Нестеров с Лукашевым. Быстро провели личный досмотр. Задержанный стоял бледный, как полотно, вопросов не задавал. Создавалось впечатление, что он находится в шоковом состоянии: глаза горят, руки и губы дрожат, что-то безостановочно бормочет.

– Так, лишние вышли! – скомандовал спец. – Жить надоело, герои? И подальше по коридору. Вещи нашего пассажира поставили на стол – и скрылись за горизонт.

Внешний вид и интонация голоса «сапера» требовали бесспорного подчинения. Здесь самым главным был он. Посчитав, что его приказ будет выполнен, он повернулся к Капсалову и блокирующим его сотрудникам.

– Вещи ваши? Идите сюда...

Все вышли из комнаты, лишь Нестеров с Лукашевым, не

сговариваясь, остались у дверей и следили за происходящим: интересно же... Петрович их не видел, он стоял к ним спиной у стола, на котором лежали чемодан и сумка.

– Что в чемодане?

– Подарки родственникам: платок маме...

– Понятно, понятно, – нетерпеливо перебил Петрович Капсалова. – А в сумке?

– Рубашки, полотенце, брюки...

– Ты чего из себя дурочку делаешь? Или ты из меня дурака лепишь? Ты, сучонок, не понимаешь, о чем я спрашиваю? Не понимаешь? Смотри, падла лагерная! Ребята, подведите его ближе к столу. Помирать – так вместе!

Петрович, осмотрев чемодан внешне, положил руки на замки и застыл на мгновение. В тягучей тишине щелчок открывшегося замка показался пушечным выстрелом. На рубашке Петровича проступили ручейки пота, бегущие по позвоночнику. Через секунду наступила очередь второго замка... Затем, глубоко вздохнув, он сложил губы трубочкой, медленно выпустил воздух и потихонечку, миллиметр за миллиметром, открыл крышку. Осторожно, вещь за вещью, стал выкладывать на стол содержимое. Потом в том же порядке начал работать с сумкой. Капсалов уже пришел в себя и, наблюдая за действиями кагэбэшника, издевательски, с чувством превосходства улыбался. Со стороны было видно: он прекрасно понимает, что происходит.

Когда Петрович закончил работу, его рубашку можно бы-

ЛО ВЫЖИМАТЬ.

– Ну, слава Богу! Чисто! – Он с облегчением вздохнул, повернулся к двери и увидел стоящих с извиняющимися улыбками Лукашева и Нестерова. – Ах, вы... – Повторить многоэтажный с коленцами мат, где перечислялись ближние и дальние родственники, а также их друзья и знакомые, условия отдыха и труда, в которых они должны существовать все вместе и порознь, не смог бы никто.

Сергея и Борис, как ошпаренные, выскочили из комнаты. Вслед за ними в коридоре появился усталый, постаревший на несколько лет Петрович. Подошедшему Позднякову он сообщил результаты осмотра багажа и не поскупился добавить пару ласковых в адрес Нестерова и Лукашева.

– С вами разберемся в Управлении, при разборе полетов. А тебе, Петрович, спасибо. По результатам операции буду просить руководство о твоём поощрении.

– Это хорошо, конечно, Юра. Но, по-моему, твоя славная инициатива обречена на провал. Не знаю, как у вас, но в нашем Управлении за отсутствие результатов не награждают. А переживания и затраты нервной энергии – неотъемлемая часть нашей работы, как говорит мой начальник, ни разу, падла, не выезжавший на разминирование... Вот если б я хоть пять граммов взрывчатки обнаружил или детонатор какой, тогда другое дело, ты бы мог что-нибудь сочинить про мой героизм. А так, – он безнадежно махнул рукой, – много движений и все без достижений... Бутылку поставишь, и

будем в расчете!

– Иди в баню, Петрович! Твой пессимизм убивает все живое на километр вокруг! Мое дело написать, а там уж как карта ляжет. – Поздняков повернулся и достаточно жестко сказал Нестерову: – Ждите меня здесь, герои. Я пошел в отдел, надо доложить руководству. Никуда и никому без моей команды не отлучаться.

Он вернулся минут через пятнадцать улыбающийся, довольный, в приподнятом настроении.

– Все нормально, мужики, дело за малым. Сдаем нашего дорогого в КПЗ местной милиции, соответствующие распоряжения они, наверняка, получили, и сегодня же его передадут в следственный отдел Комитета. Коллеги со спецтранспортом и конвоем должны быть во Внуково примерно через два с половиной часа. Отсюда его доставят в Лефортово для проведения первичных следственных мероприятий. Муравьев! Моренов! Остаетесь здесь, по факту передачи Капсалова по телефону доложите оперативному дежурному по Управлению, потом свободны. Остальные – в Москву.

Оперсостав с облегчением вздохнул.

– Петрович, ты на своем транспорте? Пару человек моих возьмешь? Отлично! Золотой ты души человек! За мной уже две бутылки.

Сергей вместе со всеми уже разворачивался к выходу, когда его остановил голос Позднякова.

– Нестеров, ты со мной! Как приехали на «жигулях», так

и уедем. Спокойно, не дергайся. На этот раз без риска для жизни, – и, наклонившись, вполголоса добавил: – Поехали, дурила. Андрюха Прокопов ждет! Обмыть же надо это дело!

Кадровый вопрос

Затренил телефон внутренней связи и Нестеров, сняв трубку, услышал голос кадровика.

– Сергей Владимирович, привет! Это Волосов. Как сам? Вот и замечательно, зайдя, будь ласка, разговор есть.

Поднимаясь на девятый этаж, Нестеров перебирал возможные причины вызова, но ничего толкового на ум не шло. А под ложечкой сосало, и предчувствие было нехорошим. Кадровики без повода не беспокоят: то в биографии не там запятую поставил, то какая-нибудь жалоба на тебя пришла. Да мало ли что еще?

– Здравствуйте, Сергей Иванович! Вызывали?

– Это начальство вызывает, а я приглашаю, – доброжелательно улыбнулся Волосов. – Садись, тетка, рассказывай, как жизнь молодая!

Нестерова насторожил чрезмерно «ласковый» голос, но делать нечего, надо подыгрывать.

– Да все нормально! Что не так, Сергей Иванович? Чем провинился младший оперуполномоченный лейтенант Нестеров?

– Так уж обязательно и провинился? Есть один превентивный вопрос, но мы его с тобой обсудим чуток погодя. Взбодрить тебя, что ли? Уж больно ты напряженный. – Кадровик с хитрецей посмотрел на Нестерова. – Готовься,

Сергей Владимирович, скоро будешь для мужиков «поляну» накрывать! Представление на должность оперуполномоченного подготовили, сегодня буду докладывать начальнику Управления. Может, даже в праздничный приказ к Дню Чекиста попадешь. Доволен?

– Да вы что? Конечно. Спасибо, Сергей Иванович!

Нестеров действительно по-настоящему обрадовался. Ведь еще после Универсиады обещали повысить в должности, только обещалки затянулись.

– Ты не меня – Позднякова и Зитина лучше благодари, они прессовали вашего Короткова. «Любит» он тебя, Сережа! Ох, как «любит»! Правда, не понятно, за что... – Волосов помолчал секунду. – Рапорт твой до меня дошел. Свадьба, в принципе, дело хорошее. Хотя, в народе говорят, хорошим делом брак не назовут. Это я так, в шутку. Как безвинно пострадавший. Женишься-то как? По любви или по необходимости? – Заметив, как изменилось выражение лица Нестерова, кадровик шутливо поднял руки. – Понял! Значит, по любви. Давно невесту знаешь?

– Года два, если не больше. – Нестерову с самого начала не нравился этот разговор, и Волосов ему сегодня тоже не нравился, уж больно добреньким был.

– А родителей её знаешь? Что за люди, чем занимаются?

– Обыкновенные, простые люди! Работают на авиационном заводе. Отец мастер цеха, мать то ли токарь, то ли фрезеровщик, не помню точно. А что, собственно, случилось?

– Пока ничего. Ты же еще не женился! – Волосов улыбнулся, будто сказал что-то веселое, а продолжил совсем другим тоном: – Слушай, а ты родственников жены по оперативным учетам проверял? Нет? Это ты, браток, по молодости лет промашку дал. – Глаза кадровика стали холодными, в голосе зазвучала жесткость и бескомпромиссность. – Так вот, Сергей Владимирович, у отца твоей невесты серьезная судимость. В тридцать втором году он осужден за совершение контрреволюционных действий на десять лет. Подчеркиваю, контрреволюционных действий; срок отбывал в лагере в Амурской области. Что-нибудь знаешь об этом?

Сергей был в замешательстве.

– Ничего не знаю. Я с Любиным отцом толком ни разу и не разговаривал. Люба мне тоже ничего не рассказывала, может, сама ничего не знает. – Он не понимал, как надо вести себя в подобной ситуации. – Слушайте, Сергей Иванович, какой он в баню контрреволюционер, нормальный мужик, настоящий работяга! Если даже что-то было, какое это может иметь значение?! Сорок лет прошло! Любы еще на свете не было!

– Ты успокойся, Сергей Владимирович! Не кипятись! Чего взбеленился? Пойми, большой разницы в сроках, когда это произошло, действительно нет, если учитывать серьезность статьи, по которой был осужден и отбывал наказание твой будущий тесть. Контрреволюционные деяния за давностью лет не спишешь. Дело совсем в другом. Ты знаешь пра-

вило: наличие судимостей у близких родственников недопустимо для сотрудника КГБ, тем более занимающегося оперативной работой. Правда, в этом случае речь идет об отце твоей будущей жены, который формально не может считаться близким родственником. Зато статья у него какая! Поверь мне, сколько начальников – столько мнений и подходов. Ты только начинаешь работу в органах, зачем тебе этот геморрой, клякса в формуляре? Женишься, и бумажка ляжет в личное дело. Из органов тебя, может, и не уволят, хотя я бы зарекаться не стал, но осложнений наживешь, это точно. Могут убрать с оперативной работы, перевести в хозяйственное управление куда-нибудь, портянки считать. А если оставят, то каждый раз, когда будет вставать вопрос о твоём перемещении, назначении, повышении, награждении, будут брать личное дело Нестерова и взвешивать все, с учетом, конечно, и данного негативного обстоятельства. Оно вам надо, как говорят в Одессе? У тебя прекрасное будущее, вся жизнь впереди, а ты хочешь жениться на дочери человека с уголовным прошлым. Разве это нормально?

Сергей молчал, придавленный свалившейся на него новостью. Он знал о жестких правилах, применяемых к родственному окружению чекистов, но никогда не предполагал, что хоть каким-то боком это коснется его самого. Все, что говорил кадровик, доходило до его сознания с небольшим опозданием.

– Вы это о чем? – Нестеров с трудом верил в реальность

происходящего, он отказывался понять, чего от него, в конце концов, добиваются. – Вы хотите сказать, что мне не надо жениться?

– Этого я тебе как раз не говорил.

Волосов чувствовал растерянность молодого человека. А от этого состояния до принятия нужного решения всего один шаг. Надо дожать ситуацию, но так, чтобы молодой опер сам сделал надлежащий вывод.

– Жениться надо, кто б спорил. Только важно правильно определиться: на ком и когда. Ты, Нестеров, парень умный и сам сообразишь, как должен поступить.

Наступило молчание. Волосов смотрел на лейтенантика с абсолютным спокойствием; он был уверен, что Нестеров все сделает так, как ему, кадровику, будет нужно. Вернее не ему, конечно, а интересам службы.

Сергей сидел на стуле, повернувшись немного боком к Волосову. Голова опущена, глаза устремлены в нижнюю часть стены, руки, сжатые в замок, локтями упирались в колени. Так прошла почти минута. Кадровик его не торопил. Потом Нестеров распрямился, в упор посмотрел в глаза собеседнику и, уцепившись за последнюю сказанную Волосовым фразу, ответил:

– Уже сообразил. Следуя вашему доброму совету, Сергей Иванович, я, конечно же, женюсь. Фамилия, имя, отчество невесты и назначенная дата свадьбы указаны в моем рапорте. Разрешите идти, товарищ подполковник?

Нестеров встал.

– Что ж, Сергей Владимирович, идите.

Дверь кабинета с небольшим, но совершенно ненужным для этого случая хлопком закрылась, и Волосов остался один.

– Дурак ты, Нестеров! – Сказал он вслух, глядя ему вслед.

Из нижнего ящика стола достал пепельницу, закрыл кабинет на ключ и, вопреки всем инструкциям и приказам по пожарной безопасности, закурил, что делал в исключительных случаях. Мысли его текли в одном направлении. Основываясь на своем печальном опыте общения с женским полом, он считал, что Нестеров совершает громадную, непоправимую ошибку.

Волосов набрал внутренний номер Позднякова.

– Михалыч! Привет еще раз! Разговаривал с твоим подопечным. Тяжелый случай, доложу тебе. У парня крыша точно поехала. Не понимает или не хочет понять, что этой женитьбой ставит жирный крест на своем будущем... – И он по порядку стал растолковывать Позднякову ситуацию: – Планировалось, что в следующем году Нестерова направят на работу в Первый главк. А если Сереженька твой женится в таком раскладе, как сейчас, и его не уволят, хотя это очень даже может быть, то кто ж его в разведку с тестем – политическим уголовником возьмет? У нас, в Управлении, перспектив для него тоже не будет, вот уж Коротков обрадуется! А что? Появится фактически легальная причина тормо-

зить и гнобить Нестерова по полной программе. И ничем ты своему молодцу не поможешь, разве что вместе будете водку пить... – Волосов поморщился, слушая, как Поздняков пытается возражать, и перебил: – Брось из себя девочку строить! Не хуже меня знаешь, как в таких случаях бывает. Работают люди год за годом, других повышают, награждают, а они все работают и работают и ни хрена не получают! И от безысходности начинают пить горькую, спиваются. Не так, что ли? Так. А ты ему еще в этом поможешь по доброте душевной. Поможешь, поможешь! И все из-за кого? Из-за бабы, прости Господи! – Волосов тяжело и искренне вздохнул, он уже во второй раз женился и, кажется, придется опять разводиться. – Все, извини, разбирайся со своим Нестеровым сам, а мне надо к докладу подготовиться. Кстати, по нему тоже доложу. Ну, давай! И тебе не хворать!

Положив трубку, Волосов затушил сигарету и поймал себя на мысли, что не на шутку разозлился, а вот чем его задела ситуация с Нестеровым, так и не понял.

Через два часа он заканчивал свой доклад у начальника Управления.

– У вас все, Сергей Иванович? – спросил тот.

– Последнее, Кирилл Борисович. Третьим отделом подготовлено представление на должность оперуполномоченного на Нестерова Сергея Владимировича.

– Есть какие-то проблемы?

– Нестеров подал рапорт о предстоящем в феврале следу-

ющего года заключении брака с Китаевой Любовью Григорьевной. В соответствии с действующим порядком нами осуществлена проверка Китаевой и ее близких родственников. Компрометирующих материалов в отношении самой Китаевой не получено. Вместе с тем в результате проверочных мероприятий установлено, что отец предполагаемой невесты, Китаев Григорий Кириллович, в тысяча девятьсот тридцать втором году был осужден по статье пятьдесят восемь прим, часть первая, УК РСФСР на десять лет лишения свободы и отбывал срок в одном из лагерей на территории Амурской области.

– Что это за статья? Напомните, пожалуйста!

Волосов предвидел вопрос и зачитал заранее подготовленный текст, выдержку из Уголовного кодекса 1926 года.

– Статья пятьдесят восемь прим. «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных или автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».

– Пятьдесят восемь прим... что-то знакомое. Продолжайте.

– Я решил доложить по данной ситуации, поскольку неиз-

вестно, что стоит за этой судимостью, это первое. И, кроме того, как вы знаете, есть договоренность с Первым главком об откомандировании Нестерова в распоряжение разведки в случае его положительной характеристики и наличии для нас равноценной замены. Три дня назад мы получили по этому поводу напоминание кадрового аппарата ПГУ в связи с предстоящим завершением командировки планируемой замены Нестерова. Однако, если Нестеров женится на дочери бывшего заключенного, осужденного по политической статье, мы можем оказаться в неловкой ситуации, не приняв мер к недопущению...

– Понятно, понятно! – Перебил генерал, в голосе звучало нескрываемое раздражение. – Слушайте, вы нормальным языком разговаривать можете? Ну, что это такое? «Предполагаемая невеста», «не приняв мер к недопущению»...

Начальник Управления был явно недоволен неожиданно создавшейся ситуацией.

– Сами с Нестеровым говорили? Он знает о прошлом отца своей девушки?

– Два часа назад по моей инициативе проведена беседа с Нестеровым. Он якобы не в курсе, что отец невесты с уголовным прошлым. Я недвусмысленно дал понять, что такого рода брак может осложнить ему дальнейшее прохождение службы.

– Какова реакция?

– Отрицательная, Кирилл Борисович. Нестеров понимает

возможные негативные последствия своего шага, но отказываться от своего решения не намерен.

– Интересно... А вы что по этому поводу думаете? Может, Нестерову все равно, где служить, что делать, чем заниматься?

Волосов ответил почти сразу:

– Не похоже, Кирилл Борисович. Он потомственный чекист: отец в органах с тридцать первого года, старший брат, дядя по линии матери – все работают в Комитете. Товарищи характеризуют его с положительной стороны. В парне присутствует смесь романтизма с идеализмом, но, в принципе, человек вроде правильный...

– Правильный, говорите? Это хорошо... – Генерал нажал кнопку вызова начальника информационно-аналитического отдела. – Станислав Михайлович, сейчас к тебе зайдет Волосов и даст установочные данные на человека, который в тридцать втором году был осужден на десять лет. Я тебя попрошу, подключи наши возможности, оперативно свяжитесь с Минюстом и МВД, поднимите архивы, может, сохранилось уголовное дело. Мне нужна полная объективная информация. Нынешний период тоже не упустите... Справку доложите вместе с Волосовым в четверг, семнадцатого декабря, в пятнадцать часов. – Генерал, сделав короткую заметку в календаре, продолжил: – По материалу, который ты отдал сегодня, поговорим через час. Я позвоню. Пока все, – и, обращаясь к Волосову, завершил встречу. – С представлением на

Нестерова пока подождет. Всего доброго, Сергей Иванович!

Поздним вечером того же дня Сергей с Любой шли из Театра Эстрады к метро «Библиотека им. Ленина», находясь в состоянии совершенного восторга от выступления Аллы Пугачевой. Она пела все второе отделение. Собственно, народ-то на нее и шел, а что там будет в начале, мало кого интересовало. Именно поэтому, особенно в первых рядах, были свободные места. Зато ко второму отделению, в перерыв, в театр прикатил весь московский артистический бомонд, в зал набилось столько зрителей, что сидели и стояли в проходах и перед сценой.

Каждая песня была маленьким спектаклем и хорошо подготовленной импровизацией. Так проникновенно, с таким чувством не пел никто из артистов, выступавших на эстраде.

Они были потрясены, как, наверное, и весь зал, когда на одной из песен вдруг отключился микрофон, а Пугачева лишь усилила голос и так легко допела до конца, словно пела без микрофонной техники всю жизнь. Зрители вскочили восхищенные, пораженные, замороженные и, стоя, аплодировали и кричали: «Браво!» Да, это было потрясающее зрелище!

Нестеров находился в странном состоянии. Одна его половинка была с Любой и вместе с ней восторгалась Пугачевой, а вторая – искала ответы на мучающие вопросы: «Что же будет дальше? Неужели вот так и закончится, толком не начавшись, моя карьера в ЧК? Что я скажу дядьке, брату,

маме? Кому нужна такая система – через сорок лет вспоминать, что было? Почему надо людям жизнь калечить?!»

– Сережка! Ты со мной? У тебя сейчас такое странное выражение лица... я даже не знаю, как его описать. Жесткое, что ли... Отрешенное! Неприятности на работе?

– Да нет, солнышко, не обращай внимание. Так, мелочь всякая.

– Мелочь? – Она встала перед ним и взяла за лацканы пальто, будто собралась тряхнуть как следует. – Ты почему глаза прячешь? Ну-ка, посмотри на меня... Понятно! – протянула Люба последнее слово. – Не умеешь ты врать, Нестеров! По крайней мере, мне. Давай рассказывай, что случилось? Говори, пожалуйста, не молчи.

– Я не молчу, только рассказывать, в принципе, нечего.

Секунду или две она смотрела ему в лицо, потом отпустила его пальто.

– Что ж, не хочешь, не говори. Только знаешь, я врунов с детства не люблю. А ты врун, самый настоящий.

Сергей хотел ее обнять и обернуть все в шутку.

– Руки убери! Я сказала: убери руки!

Люба сделала резкое движение, освобождаясь от его объятий.

– Ведь ты сам мне говорил, что единственный человек, от которого у тебя нет секретов, это я. Говорил? Что мы должны полностью доверять друг другу, потому что иначе ничего не получится. Говорил? А сам что делаешь? Мы еще не по-

женились, а ты мне уже врешь. Я же вижу, не слепая, случилось что-то серьезное! Если ты мне врешь сейчас, что тогда дальше будет?

В глазах ее стояли слезы, но она сумела себя сдержать.

– А ничего не будет. Не хочу начинать нашу жизнь со лжи.

Люба решительно повернулась и пошла быстрым шагом, не оборачиваясь и высоко держа голову.

Сергей, догнав ее, схватил за плечи, стал целовать соленые от слез глаза.

– Любушка! Прости меня, пожалуйста, прости дурака! Не хотел тебя во все это вмешивать. Что ж ты у меня такая резкая? Сразу развернулась и пошла, королевна... Ну, все, все, успокойся!

Она начала улыбаться сквозь слезы.

– Все тебе расскажу, Любимочка моя! Только не здесь. Поехали ко мне, мама у дядьки, так что нам никто не помешает.

Дорогой он вспоминал ничего не значащие истории, забавные случаи, происходившие с ним и его друзьями. Люба слушала, но было видно, внутренне она напряжена и находится в ожидании того, что должно произойти, и, может, изменит всю ее жизнь.

Соседи большой еврейской семьей были дома и проявили «скромный» интерес к Любиной персоне. Пока Нестеров и его гостья снимали пальто и обувь в прихожей, каждый из них под тем или иным предлогом выходил в коридор и здо-

ровался. Как же, разве можно такое пропустить? В кои-то веки Сережа привел девицу домой не глубокой ночью!

Любе было не по себе от такого любопытства, но она старалась не подавать вида. Нестеров, заметив «хитрые» соседские маневры, прошептал ей на ухо: «Не обращай на них внимания. Ты самая замечательная девушка в мире!»

Потом был чай с сушками и его рассказ о событиях дня: беседе с кадровиком; встрече с Михалычем, который ненавязчиво пытался наставить его на «путь истинный»; изучении всяких приказов и инструкций в попытке понять серьезность ситуации; разговорах с ребятами из отдела. А еще, чтобы хоть как-то разрядить ситуацию, он покрасовался перед ней в парадной шинели и фуражке, отдавая честь под козырек и маршируя, как на плацу.

Люба слушала молча, не перебивая, задумчиво улыбаясь, потом попросила показать семейный альбом. Внимательно рассматривала фотографии отца в форме майора НКВД, дяди – офицера пограничника, старшего брата, когда он еще был слушателем Высшей школы КГБ.

– Знаешь, Сереж! Папа рассказывал, что был на Дальнем Востоке, строил железную дорогу, его даже грамотой наградили, но как он там оказался, я, честно говоря, не знаю. Не представляю, какое преступление мог совершить мой отец. Конечно, человек он горячий, а как выпьет, может и натворить чего-нибудь. Но это мой отец. И этим все сказано. А еще я знаю, что папа копейки чужой не возьмет.

Она замолчала. Нестеров понимал, что нельзя ее сейчас перебивать.

– Сереженька, ты только не обижайся. Послушай меня спокойно...

Люба взяла его за руку.

– У тебя такая семья, прямо целая династия, ты безумно любишь свою работу и ребят. Когда рассказываешь о них, глаза такие довольные, счастливые. Разве ты сможешь без них и своей любимой работы? А я так понимаю, что, если ты на мне женишься, тебя из Комитета могут уволить. Так? Раз молчишь, значит, я права, могут. Что тогда будет? Подумай: женишься на мне, уйдешь с работы и, наверное, никогда не простишь мне этого... – Она никак не могла справиться с волнением. – Сережа, я поначалу легко ко всему относилась, думала, посмеемся, дурака поваляем и забудем. Но ты же сумасшедший. Ты невероятный сумасшедший! Я и не заметила, как влюбилась в тебя, глупая... Знаю, что не должна говорить этого, не должна...

Он поднял ее, как пушинку, на руки и стал целовать глаза, губы, пряди волос. Стены пошли хороводом, они потеряли чувство времени и пространства... Когда раздался стук в дверь и голос соседки позвал его к телефону, они очнулись на кровати, накрытые почему-то его парадной шинелью...

Ни тогда, ни после Сергей так и не узнал, что судьба его решилась семнадцатого декабря на совещании в кабинете начальника Управления.

– Рассказывайте, Станислав Михайлович. – Кирилл Борисович сразу дал слово начальнику информационно-аналитического отдела.

– Обобщив материалы, которые удалось найти в архивах, мы получили следующую картину... – И Станислав Михайлович открыл папку, на которой золотом было выведено «Для доклада». – Китаев Григорий Кириллович, тысяча девятьсот двенадцатого года рождения, из крестьян, уроженец деревни Волчок Моршанского района Тамбовской области, образование незаконченное среднее, беспартийный. В возрасте шестнадцати лет ушел из дома и перебрался в Москву. В июле тысяча девятьсот двадцать девятого года через биржу труда завербован на строительство Мавзолея на Красной площади, прошел спецпроверку, в материалах ОГПУ сведений компрометирующего характера не содержится. На спецобъекте работал вплоть до октября тысяча девятьсот тридцатого, на заключительном этапе строительства использовался для проведения отделочных работ во внутренних помещениях. Затем в течение полутора лет работал каменщиком на строительстве жилых домов и объектов промышленного назначения. В ноябре тысяча девятьсот тридцать второго года Китаев, работая продавцом булочной номер четырнадцать на Тверской улице, сейчас улица Горького, вместе с двумя рабочими получил на хлебопекарне продукцию, которую доставил к месту назначения. При приемке хлеба администрацией булочной выявлена недостача в количестве двух буха-

нок, что послужило основанием для информирования правоохранительных органов по факту хищения кооперативной собственности.

Он перевернул страницу и обратился непосредственно к начальнику Управления.

– Кирилл Борисович, хочу отметить, что в это время началась широкая компания борьбы с расхитителями. В отношении лиц, уличенных в хищении государственного или кооперативного имущества, применялись санкции закона от седьмого августа тысяча девятьсот тридцать второго года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности», так называемый закон о колосках. В Уголовном кодексе РСФСР деяния, совершенные в рамках названного мной нормативного акта, квалифицировались по статье пятьдесят восемь прим как контрреволюционные действия, направленные на подрыв основ рабоче-крестьянской власти. В соответствии с положениями этого закона в качестве судебной репрессии за хищение, воровство колхозного и кооперативного имущества применялась высшая мера социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и при смягчающих обстоятельствах расстрел заменялся лишением свободы на срок не ниже десяти лет также с конфискацией.

Волосов с интересом и завистью наблюдал за главным информанщиком Управления. Для него, да и многих дру-

гих, оставалось загадкой, как тому удавалось делать доклады, практически не пользуясь подготовленным материалом. Вот и сейчас он заглянул в свои записи лишь в самом начале своего сообщения.

Станислав Михайлович тем временем бросил взгляд на начало второй страницы и продолжил:

– Сигнал по факту хищения поступил в районный отдел ОГПУ. Дело было рассмотрено – от возбуждения до вынесения приговора – в течение десяти дней. Тогда законом были определены такие сроки, не более пятнадцати дней. В этом случае в процессе следствия рабочие, бывшие с Китаевым, свою вину и причастность к хищению категорически отрицали и указали, что неоднократно видели, как Китаев в конце рабочего дня собирал и прятал обрезки и остатки от разрезанного за смену хлеба. В своих показаниях они утверждали, что именно Китаев, используя свое положение старшего при получении и транспортировке хлеба, совершил преступление, ответственность за которое он пытается возложить на них.

Начальник Управления что-то пометил в своем блокноте.

– В ходе проведения очной ставки подозреваемый признал, что действительно собирал остатки хлеба, которые отдавал беспризорникам, постоянно находившимся около булочной, однако свою причастность к хищению двух буханок категорически отрицал. Несмотря на последнее обстоятельство, судебным решением на основании показаний свидетеле-

лей и частичного признания своей вины Китаев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей пятьдесят восемь прим УК РСФСР, и, учитывая смягчающие вину обстоятельства – преступление совершено впервые, размер хищения незначительный – приговорен к десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества.

На этих словах голос Станислава Михайловича почти незаметно дрогнул.

– В декабре тысяча девятьсот тридцать второго года осужденный этапируется в исправительно-трудовой лагерь номер пятнадцать, дробь, сто тридцать девять двести семьдесят шесть, расположенный в Амурской области, на строительство Байкало-Амурской магистрали, где работал рабочим, звеньевым, затем мастером участка. В феврале тридцать восьмого досрочно освобожден и перебрался в Узбекистан...

Начальник Управления опять сделал в блокноте пометку.

– После освобождения, тридцать восьмой–тридцать девятый годы, работал на стройках Ферганы. В конце тридцать девятого Китаев женится и переезжает к родственникам жены в Москву. Устраивается токарем на Машиностроительный завод имени «Двадцать пятого Октября». С началом Великой Отечественной войны завод перепрофилируют на выпуск авиадвигателей для истребительной авиации, рабочие и служащие получают бронь и освобождаются от призыва в

армию. Зимой сорок первого года завод эвакуируют в Киров. В Москву производство возвращается уже в сорок четвертом. После войны, в сорок седьмом году, Китаев разводится с первой женой и женится вторично на Сабалиной Анне Семеновне. В мае сорок восьмого у них родилась дочь, Китаева Любовь Григорьевна...

Еще один листочек отложен в левую сторону и осталась последняя страничка.

– Китаев до настоящего времени работает на предприятии, куда был принят еще до войны. Называется оно сейчас «Маяк» и относится к особо режимным объектам, выпускающим продукцию военного и двойного назначения, входит в систему Министерства среднего машиностроения СССР и находится в оперативном обеспечении Четвертого Управления КГБ. Китаев имеет третью форму допуска к работе с секретными материалами, неоднократно проверялся органами КГБ. Компрометирующих материалов на него не имеется, характеризуется положительно, ударник коммунистического труда, портрет – на Доске почета.

– Образцово-показательный рабочий, – в голосе начальника Управления звучала легкая ирония.

– В общем-то, да, Кирилл Борисович. Хотя был один сигнал... – докладывающий сделал короткую паузу.

– По данным Первомайского райотдела КГБ, Китаев в своем окружении в резких выражениях, проще говоря, матом, – Станислав Михайлович улыбнулся, – критиковал ру-

ководство завода «Маяк» за бесхозяйственность, неумение руководить людьми и распоряжаться народным достоянием и наработанным опытом, агитировал за возвращение к сталинским методам наведения дисциплины на производстве. Ну, и так далее. Проявил себя как закоренелый сталинист. Сигнал проверили, политической составляющей не нашли и закрыли...

– Станислав Михайлович, – начальник Управления посмотрел в заметки, которые делал по ходу доклада. – Вы сказали, что уже в начале тридцать восьмого года Китаев был освобожден. Это фактически половина срока. Удалось выяснить основания, по которым он был освобожден?

– Кирилл Борисович, Китаев был одним из первых заключенных, которых потом в массовом порядке стали использовать на строительстве БАМа. Лагерь, где он отбывал заключение, входил в систему БАМЛАГа ГУЛАГ НКВД. Поскольку строительство проходило в особо тяжелых природных и климатических условиях, то для заключенных, перевыполнивших установленные нормы, на первых этапах прокладки трассы по ходатайству администрации для стимулирования производственной деятельности была введена система зачетов... – Начальник информотдела заглянул в свои бумаги и уточнил: – Три дня работы за четыре дня срока. По информации УКГБ по Амурской области, в архивных материалах имеются сведения, что к Китаеву и еще четверым заключенным было применено положение о зачете рабочих дней, а

также нормы зачета, введенные в начале тысяча девятьсот тридцать пятого года двести сорок первым приказом НКВД. В соответствии с этим документом, заключенным, работавшим в ИТЛ БАМЛАГа, день работы засчитывался за два дня заключения, то есть год шел за два. В июне тридцать девятого существовавшую систему зачетов и условно-досрочного освобождения отменили... – Станислав Михайлович на секунду замолчал, потом продолжил, видимо, приняв для себя какое-то решение: – Извините за отступление, Кирилл Борисович, но, по-моему, это может быть интересно.

Он взял в руки последнюю страницу доклада.

– Мои сотрудники показали мне стенограмму заседания Президиума Верховного Совета СССР от двадцать пятого августа тысяча девятьсот тридцать восьмого года, где обсуждался вопрос о досрочном освобождении заключенных, отличившихся на строительстве вторых путей железнодорожной линии Карымская-Хабаровск. На этом заседании Иосиф Виссарионович высказался следующим образом, цитирую: «Правильно ли вы предложили представить им список на освобождение этих заключенных? Они уходят с работы. Нельзя ли придумать какую-нибудь другую форму оценки их работы: награды и т. д.? Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо. Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться худшие. Нельзя ли повернуть дело по-другому, чтобы люди эти

оставались на работе: награды давать, ордена, может быть. А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться. Может быть, так сказать, досрочно их сделать свободными от наказания с тем, чтобы они оставались на строительстве как вольнонаемные? А старое решение нам не подходит. Давайте сегодня не утверждать этого проекта, а поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте, чтобы не было толчка к их отъезду. Семью нужно дать им привезти и режим для них изменить несколько; может быть, их вольнонаемными считать. Это, как говорилось, добровольно-принудительный заем, так и здесь: добровольно-принудительное оставление».

Станислав Михайлович положил листок в папку.

– Вот с этого времени, принимая во внимание предложение товарища Сталина, практика условно-досрочного освобождения постепенно стала сходить на нет. А еще через год, пятнадцатого июня тысяча девятьсот тридцать девятого года, появился секретный указ Президиума Верховного Совета СССР, номер ВС тридцать С, «О лагерях НКВД», в соответствии с которым органам суда и прокуратуры предписывалось прекратить рассмотрение дел по условно-досрочному освобождению, а Наркомату внутренних дел – практику зачетов одного рабочего дня за два дня срока отбытия наказания.

Станислав Михайлович закрыл папку.

– Так что, можно сказать, в этом плане обстоятельства для Китаева сложились благоприятно.

– Да уж куда благоприятней! – Усмехнулся генерал. – Пять с лишним лет лагерей за крошки хлеба и две буханки... – и он добавил: – Которые, скорее всего, Китаев и не брал.

Начальник Управления встал и вышел из-за стола; офицеры, как по команде, тоже поднялись.

– Спасибо, Станислав Михайлович. Хороший, обстоятельный доклад, а с учетом дефицита времени, вдвойне хороший. Не перестаешь меня удивлять. Еще раз спасибо.

Потом повернулся к Волосову.

– Сергей Иванович, справку по Китаеву – в личное дело Нестерова вместе с материалами проверки родственников невесты. Представление на него у вас с собой? Давайте сюда, и пригласите Нестерова ко мне на семнадцать пятнадцать. После встречи, если все пройдет нормально, я подпишу.

«Саблин» и «Архипелаг Гулаг»

«Саблин» позвонил примерно в час дня и запросился на встречу.

«Интересно, – думал Сергей, – что могло случиться? К чему такая срочность? Наверное, опять что-то накопал».

Нестеров вспомнил, как достался ему этот агент.

Дело на него пришло из Управления военной контрразведки. «Саблин» служил срочную службу в комитетской войсковой части, занимающейся пеленгацией радиостанций, нелегально работающих на территории СССР, и перехватом радиальных сообщений разведцентров противника со своей агентурой. Через год службы он подал рапорт с просьбой оказать содействие в поступлении в Высшую школу КГБ. «Прощение», естественно, оказалось на столе у работника особого отдела, который по заведенному порядку встретился с кандидатом в чекисты. Парень ему понравился, толковый, мозги работают в правильном направлении – значит, можно и помочь такому хлопцу. Но, с другой стороны, у оперработника есть еще и план по вербовочной работе, так почему не совместить приятное с полезным? Пока суд да дело, товарищу сержанту было предложено послужить Родине в качестве негласного помощника органов государственной безопасности, на что тот согласился и выбрал себе псевдоним «Саблин».

К чести работника Управления военной контрразведки, слово свое он сдержал: перед демобилизацией агента оформил на него документы для поступления в Высшую школу. Вот только сам «Саблин» подкачал, не прошел медицинскую комиссию: после суточного дежурства у него подскочило давление, а когда через день его стали вторично экзаменовывать, сработал эффект «белого халата». Так что вместо чекистской школы оказался он в гражданском вузе.

«Саблин» напоминал Сергею сотрудника Комитета, работающего под прикрытием: настолько грамотно и конспиративно вел себя; на хорошем уровне готовил сообщения о проделанной работе. Создавалось впечатление, что он с удовольствием жил своей второй, скрытой от чужих глаз, жизнью. И еще, чего не отнять, был фарт: с завидной и необъяснимой регулярностью «Саблин» оказывался в центре различных оперативно интересных ситуаций.

После восстановления связи на первой же встрече он рассказал Нестерову, что в общежитии его соседом по комнате оказался египтянин по имени Хасан, лет двадцати пяти, будущий студент факультета экономики и права. Объясняются они друг с другом с трудом, главным образом, на примитивной смеси русского с английским. В начале октября «Саблин», в перерыве между занятиями забежав к себе в общагу, застал соседа в обществе трех арабов, что-то горячо обсуждавших. На столе не было ни чая, ни угощения, только бумаги, похожие на документы, и несколько брошюр на

арабском языке. Походило на собрание какое-то или заседание. Когда «Саблин» вошел, арабы прервали свой разговор, а Хасан постарался незаметно убрать бумаги с видного места. Вид у иностранцев был растерянный, ситуация казалась неестественной, но в спешке «Саблин» не придал этому особого значения, хотя в памяти зарубка осталась.

Через несколько дней, устроив генеральную уборку в комнате, на задней внутренней стороне прикроватной тумбочки Хасана агент обнаружил конверт, в котором находилось несколько листов бумаги с машинописным текстом на арабском языке и двумя печатями. Ему показалось, что именно их он видел на столе у Хасана во время недавнего собрания.

Взвесив обстоятельства, «Саблин» решил, что находка может быть интересна для сотрудников Комитета госбезопасности, которые, как предупреждал особист, обязательно должны выйти с ним на связь. Он понимал, что просто изъять документы нельзя, это насторожило бы иностранца, поэтому постарался скопировать арабские письма, а то, что получилось, сохранил.

На взгляд Нестерова, изображенное было очень похоже на арабское письмо, кроме того, на отдельном листе были нарисованы оттиски печатей, однако понять, что там на самом деле, мог, конечно, только специалист. Сергей испытывал большие сомнения, что кто-нибудь, вообще, сможет разобрать эти «завитушки», однако, на всякий случай, показал их Димке Старшинову, главному отдельскому ара-

бисту... Оказалось, что «Саблин» срисовал инструктивное письмо исполкома организации «Черный сентябрь», известной всем по проведению террористической акции на Олимпиаде в Мюнхене. Парадокс ситуации заключался в том, что до этого времени никаких сообщений или ориентировок о деятельности эмиссаров «Черного сентября» на территории Союза не было.

Но это были еще цветочки...

Треньканье звонка у входной двери прервало размышления Нестерова. Он машинально посмотрел на часы: пятнадцать тридцать, как всегда без опозданий.

– Вячеслав, привет. Проходи.

– Здравствуйте, Сергей Владимирович! Нарушил ваши планы?

– Есть немножко, но ты же без серьезного повода не стал бы меня дергать. Правильно?

– Конечно, Сергей Владимирович! Вот, смотрите... – Агент расстегнул молнию своей сумки и достал самодельную книгу, на первой странице которой значилось: «Александр Солженицын. Ахипелаг ГУЛАГ. Часть 1-я. Издательство «ИМКА-Пресс». Париж».

– Так, и что это такое?

– Как мне объяснили, во Франции только что вышла книга Солженицына о сталинских репрессиях тридцатых годов. В Союзе ее еще нет, то есть официально нет. Нелегально завезли несколько экземпляров, которые бродят по рукам. На

нашем курсе в соседней группе учится мой земляк Завадский Миша. Деловой такой парень, у него все время какие-то фарцовые заморочки, что-то покупает, что-то продает. Он и предложил мне «поработать», так сказать, на совместное благо, найти покупателя на книжку за тридцать процентов.

– А стоимость книжки?

– Сорок пять рублей.

– У него с мозгами все в порядке? Кое-кто за месяц такие деньги зарабатывает! Кстати, он что, еврей?

– Честно говоря, не знаю. Внешне вроде не похож, а там, кто их знает этих Завадских? А по цене... Я ему намекал, что продать будет трудно, кто, мол, такие деньги за какую-то хрень отвалит? Но Мишка уперся, как баран. «Ты ничего не понимаешь, – говорит, – за такую вещь можно вообще в два раза больше получить. Не хочешь заработать, не надо. Другого найду!» Пришлось братья, что б не нашел другого, – улыбнулся «Саблин».

– Значит, говоришь, хочет заработать... Тридцать рублей с книжки. Пятнадцать тебе идет, я правильно понял?

«Саблин» кивнул, соглашаясь.

– А лет пять колонии заработать не хочет? Это же семидесятая статья уголовного кодекса – «Антисоветская агитация и пропаганда»!

– Я тоже так подумал, поэтому сразу к вам. Не хватало, чтобы меня по случаю с этим товаром загребли. А что касается Мишки, по-моему, он об этом даже не задумывается. У

него мозги в другую сторону повернуты: джинсы, рубашечки, «шузня» всякая. Купить – продать, вот его стихия. Мне кажется, книга для него лишь очередной товар.

– Хорошо, Вячеслав, твое мнение мне понятно. Давай, садись и пиши, что рассказал.

Нестеров взял в руки самодельное издание. Похоже, при изготовлении использовали ксерокс.

– Кстати, много у него этих книжечек? И где он их делает или у кого берет, тоже не забудь написать.

– Не, Сергей Владимирович! Чего не знаю, того не знаю. Мишка своих источников не сдает, так что...

– Ладно, пиши что знаешь.

Сергей, закурив, отошел к окну, приоткрыл форточку, чтобы дым уходил на улицу, а то хозяйка ругается, когда в квартире курят.

«Вот и твой шанс, Нестеров. Будут тебе грамоты, орден и медали, – подумал он. – Это же антисоветчина, уголовное дело, как пить дать! В отделе ничего похожего нет. Начнем ковать железо, пока горячо. Быстренько план мероприятий по проверке сигнала сварганим, потом дело оперативной разработки заведем – и оп-оп, мальчонка, крути дырку на погонах!»

Он начал представлять, как будет докладывать материал Короткову, и перед ним забрезжила надежда, что с этого момента их отношения изменятся к лучшему: «Наконец-то перестанет гнобить меня, упырь болотный. А то все вре-

мя шпыняет: «Плохо работаешь с агентурой! Не занимаешься воспитательной работой! Недостаточно целенаправленно формируешь и ставишь задания перед подсобным аппаратом!» Ничего, теперь я ему покажу, как я работаю с агентурой».

В таких мыслях прошло минут двадцать, пока «Саблин» излагал свой рассказ на бумаге.

– Готово, Сергей Владимирович.

– Так-с, посмотрим. – Нестеров пробежал сообщение глазами. – Нормально, ничего добавлять не будем. Книгу я беру себе.

– А деньги?

– Думаешь, я сорок пять рублей в кармане ношу? Хотя почему сорок пять? Ты же должен ему вернуть тридцать.

– Э, нет, Сергей Владимирович! Вы давайте, пожалуйста, всю денежку, а то я не в роли буду.

– Ладно, будет тебе сорок пять. – Нестеров еще не знал, как будет списывать деньги, но был уверен, что с задачей справится. – Завтра позвонишь, договоримся, где встретимся. Я тебе деньги передам, и проговорим, как дальше действовать будем. А теперь марш-марш и разбежались.

Через полчаса Сергей был в здании на площади. По коридору шел – как птица летел. Встретил своего куратора по стажировке в отделе Супортина Алексея Ивановича, тот был в пальто и шапке, наверное, направлялся на какое-нибудь мероприятие. Поздоровались, бывший наставник задержал

его руку и, посмотрев на Нестерова, сказал: «Торопишься, Сережа. Вижу, торопишься. Смотри, повнимательней будь! Спешка, она еще никого до добра не доводила». И пошел себе дальше с папкой под мышкой. Нестеров, конечно, отшутился вслед, но замечание Алексея Ивановича пропустить не мог, занозой осталось в голове.

Несмотря на внешнюю медлительность, Алексей Иванович никогда и никуда не опаздывал. Его пронизательности, житейской и оперативной мудрости мог позавидовать любой из сотрудников. Он не стремился выбиться в начальники, но, несмотря на невысокую должность и майорское звание, был для всех непререкаемым авторитетом, в том числе и для руководства отдела. Отчасти возможно потому, что был одним из немногих, награжденных знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», который в чекистской среде ценится не меньше, чем орден. К Сережке он с первого момента знакомства относился по-отечески, – что Нестеров, выросший без отца, ценил. С другой стороны, у самого Алексея Ивановича детей не было, поэтому, наверное, здесь был случай, когда симпатии оказались взаимными.

Нестеров соколом влетел в кабинет. Саня Муравьев оторвался от своих документов и с нескрываемой иронией посмотрел на него.

– Что, Серега, «Саблин» опять сенсацию в клюве принес?

Нестеров молча, с достоинством, не торопясь, достал из папки «Архипелаг «ГУЛАГ» и протянул Муравчику.

– Шо цэ такэ? Ничего себе!

От удивления брови Муравьева поднялись дугой, а глаза стали круглыми, как у филина. Но он, быстро взяв себя в руки, деловито полистал самодельное издание, пару страниц посмотрел на просвет.

– Слушай, Серый, ты хоть знаешь, что это такое? Я уверен, в Управлении еще нет ни одного экземпляра. Вчера только по ориентировке проходило, что в Париже издали книгу Солженицына, но никаких сведений, что она распространяется в Москве, не было... Сергунь, когда будешь начальству докладывать? Надеюсь, не сегодня? Дай мне на ночь, почитать, а? Будь человеком! Коротков же отберет, как пить дать!

Он прижал книжку к груди, как сокровище.

– Нет, сам подумай: тебе надо провести установочные мероприятия, на это уйдет время, а сейчас уже пять и ты все равно ничего не успеешь. Доложишь завтра, ничего не случится, мир не рухнет!

В это время в кабинет зашел Коротков.

– Что это у тебя, Александр Николаевич? – Сказал он, заметив в руках Воробьева книгу. – Твое?

– Нет, Борис Максимович, Нестеров только что со встречи принес.

– Ладно, разберемся. Бери все материалы и заходи, Сергей Владимирович.

Кабинеты рядом, и времени на раздумья не осталось. Нестеров подробно рассказал о встрече с «Саблиным»; Ко-

ротков тем временем читал агентурное сообщение, потом стал по диагонали просматривать «Архипелаг».

Излагая свои соображения, Сергей питал надежду, что заслужил хотя бы одобрения: добыть такой материал – не фунт изюма съесть. Однако Коротков молчал, мало того, за все время доклада ни разу не посмотрел на Нестерова. Не меняя угрюмо-кислого выражения лица, он взял с правой стороны стола Уголовный кодекс, полистал и раскрыл на нужной странице.

– Так, вот она, статья семидесятая – «Антисоветская агитация и пропаганда»... И что она нам говорит? Слушай, Нестеров, слушай!

Борис Максимович с выражением зачитал:

– «Агитация и пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы... – На последних словах он поднял вверх указательный палец, и голос его пошел вверх: – наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет».

Он посмотрел на Сергея и протянул с сарказмом:

– Да-а. Ты у нас прямо первооткрыватель. То «Черный сентябрь» найдешь, то фальшивомонетчиков, теперь вот ан-

тисоветский центр в университете раскопал. Те два сигнала мы на отработку в другие подразделения отправили, а с этим надо будет самим разбираться. Справишься? Может, Муравьева подключить? Не хочешь, по глазам твоим вижу, не хочешь... А головку свою умненькую не сломаешь? Ну-ну.

Коротков и не думал скрывать, что сомневается в возможностях Нестерова объективно разобраться в перипетиях этого дела, но палки в колеса вставлять не стал.

– Хорошо. Зайди сейчас к Риктеву, он поможет побыстрее получить установочные данные на Завадского плюс сведения по близким родственникам; всех проверишь по учетам с пометкой «Срочно». Это первое. Второе: подготовишь рапорт на заведение дела оперативной проверки и, как приложение, план первоочередных оперативных мероприятий. Документы доложишь завтра, к десяти. Все ясно? Действуй!

– Борис Максимович, а книга?

– Что книга?

– Книгу я могу взять? Она идет как приложение к агентурному сообщению, а его еще оформить нужно.

– Сообщение «Саблина» возьми и оформляй, как положено, а книгу оставь. Слушай, что ты опять умничаешь? Иди, куда я тебя послал, умник!

Нестеров, несколько расстроенный, ведь ему, как и Муравьеву, хотелось почитать и понять, чего такого «насочинял» этот Солженицын, пошел к Риктеву, где увидел такую картину: за столом – Славка с телефонной трубкой в руках, рядом

– Рубен Оганесян, еще человек пять толпятся в кабинете с непонятной целью.

– Рубен, прошу, выручи! – проникновенным голосом говорит Славка. – Я сейчас наберу номер, а ты попроси Светлану. Я сам не могу, там подруга жены работает, она знает мой голос. Ты мужик или не мужик? Тебе что, трудно два слова сказать? – В голосе Риктева звучала откровенная обида.

Рубен, конечно, знал, что Славка – любитель всяких розыгрышей, но здесь все вроде бы было чисто. Потом жены – они такие ревнивые! Одна его Галя чего стоит.

– Ладно, давай. – Он взял трубку и со своим ярким армянским акцентом стал спрашивать. – Алло! Это Светлана? Алло! Вы что молчите? Светлану можно? Светлану мне нужно! – И вдруг, услышав голос, побледнел и бросил трубку на стол, будто у него в руке оказалась ядовитая змея.

Все находившиеся в кабинете услышали доносившийся из трубки женский крик:

– Совсем из ума выжил, бабник проклятый?! На работе у меня Свету завел, да? Свету ему надо! Я тебе покажу Свету! Ты у меня света белого не увидишь со своей Светой! – И пошли короткие гудки.

Ребята еле сдерживали смех. Единственный, кому было не до веселья, Рубен. Он сидел бледный на стуле, вытирая носовым платком пот со лба, и сам себе говорил: «Она же не пустит меня домой. Где я ночевать буду?» Потом поднялся, посмотрел на всех, с горечью махнул рукой и, не сказав ни

слова, вышел из кабинета.

Наступила неловкая тишина, в которой громким показался чей-то тихий голос:

– Что-то мы не то сделали, мужики.

Как бы там ни было, через десять минут у Нестерова были все нужные ему данные...

Девичник

План по Завадскому был готов к половине девятого. Спасибо Сашке, помог, светлая голова, без него Нестеров вообще бы до первых петухов копался.

Сергей вышел из Управления, закурил.

«Ну, и куда? Домой? Куда ж еще? Люба на своем девичнике в «Антисоветской». Значит, руки в ноги и домой, к маме, очень кушать хочется. Кстати, надо мужиков тоже пригласить, до свадьбы осталось всего ничего, меньше двух месяцев. Сколько человек наберется? Михалыч, Муравьев, Эдик, Славка, Володька...» – Размышления подобного рода продолжились уже в метро.

– Следующая станция «Белорусская», – объявил приятный женский голос.

Его точно толкнул кто-то в спину: выйди на «Белорусской», пройдишь пешочком, на девиц посмотри, как они там гуляют в «Антисоветской». Место тоже выбрали: шашлычная! Нет, чтобы интеллигентно, скромно, кафе-мороженое. В шашлычной же мужиков, как собак нерезаных. Вмажут водяры – и по бабам, а они тут как тут, родимые, рядышком. Глядишь, до нехорошего дойдёт...

Он пытался найти оправдание своим действиям, хотя, на самом деле, еще со вчерашнего дня, когда удалось выпытать у Ленки, лучшей Любиной подруги, время и место меропр-

ятия, испытывал непреодолимое желание хоть одним глазком взглянуть на это «девичье собрание». Сергей сам себе не мог объяснить, чего здесь больше: ревности, любопытства или опасения, как бы кто не обидел его Любочку.

К началу десятого Нестеров по Ленинградскому проспекту быстрым шагом дошагал до «Антисоветской». Мороза особого не было, где-то минус пять–шесть с ветерком, так что замерзнуть он не успел.

Из громадных окон шашлычной, лишенных каких-либо занавесей и портьер, на тротуар падал достаточно яркий свет от люстр и настенных светильников, на которые не поспешила дирекция заведения. Все, что происходило внутри, с улицы было видно как на ладони. В то же время наблюдающий, если не подходил близко к окнам, оставался невидимым для гуляющих в шашлычной.

Нестеров, прислонившись спиной к дереву у края тротуара, присмотрелся. Девчонки сидели за столиком рядом с окном, так что нашел он их сразу. Четыре подружки – одна другой краше. В глаза бросалась Леночка Заславская. Пару месяцев назад журнал «Огонек» разместил на обложке ее портрет и на последней странице сносочку сделал: фотография «Русская красавица», автор Крутицкий Г. М. А Ленка, между прочим, чистокровная еврейка, по папиной линии у нее в роду одни раввины. Вот уж она поиздевалась над девчонками: «Так кто из нас еврейка? Я или вы?». Это все, конечно, шуточки, но если не знать Леночку лично и ее родослов-

ную, то с обложки журнала на фоне зимнего, запорошенного снегом леса, в белой шали тонкой вязки, большими, прекрасными карими очами на тебя смотрит настоящая русская красавица!

Рядом с ней Татьяна Иванова. Блондинка, причем натуральная, длинные волосы собраны на голове какой-то невообразимой корзиной сложной конструкции. Голубые невинные глаза как будто говорят окружающим мужчинам: «Ах, я так одинока! Кто спасет меня в этом огромном и страшном мире?» Или что-нибудь в этом роде. Каждый из поклонников, а их у нее с десяток разных возрастов и положений придумывал свою легенду иссушающей любви. Правда, обладатели пылких чувств в основном были из числа домогателей до ее роскошного тела. А вот соискатели на звание жениха почему-то не торопились. Танечка пару раз обожглась и поэтому всех своих поклонников держала на определенной дистанции. Сливаться не позволяла, но и не гнала, оставляя для жаждущих свет мерцающей надежды...

Ее полной противоположностью была Галка Рассказова, сидевшая напротив. Красавица – не красавица, но безумно привлекательная девушка с отчаянностью искательницы приключений во всем своем облике. Она не утруждала себя глубокими моральными и философскими проблемами, жила, что называется, одним днем. Находились люди высокой морали, считавшие ее поведение легкомысленностью, граничащей с распутством, однако подавляющее большинство ре-

бят и девчонок принимали ее такой, какая она есть: веселой, бесшабашной, безгранично доброй, органически не способной на ложь и притворство. Тем более что она никогда не вела себя вызывающе, и ее поведение было естественным. А мужики? Что мужики? У каждого свои слабости.

Рядом с Галкой, ближе к проходу, сидела Любочка. Нестеров поймал себя на мысли, что до сих пор так и не смог понять, чем она его так приворожила. Невольно вспомнились слова мамы: «Вон, какие у нее глазищи зеленые. Колдунья, прости меня, Господи! Околдовала она тебя, сыночек! Ты, кроме нее, теперь никого и видеть не хочешь, даже мать родную. А что в ней хорошего? Одно слово – колдунья!»

«Кто знает, может и права мама? – Пронеслось в Сережкиной голове. – Взять хоть сегодняшнюю картинку: девчонки одна другой краше, а мужики только на нее пялятся... А чего это официант им бутылку шампанского принес, у них еще вино не допито? Понятно... Презент вон с того столика, за которым четверо парней в одинаковых клубных пиджаках... Вот, козлы, руками машут... Какая-то эмблема на нагрудном кармане... отсюда не разобрать».

Возмущение Нестерова нарастало.

«Девчонки, вы обалдели? Будете пить шампанское на красное вино? Да вам по мозгам так вдарит, мало не покажется!.. Дурочки, пьют! И еще этим униформистам глазки строят, улыбочки делают... Мужикам этого только и надо, чтобы перейти к активным действиям. Хорошо, хоть танцев

нет... Ладно: Галка – здесь все понятно, она сейчас еще пуговички на кофточке расстегивать будет. Но моя-то куда?! Тоже мне, Мэрилин Монро советское!»

Сергей потерял счет времени и в возбуждении, которое его охватило, не замечал своего состояния, хотя на самом деле морозец медленно, но уверенно делал свое дело: ноги в легких ботиночках были как деревянные.

...А в шашлычной от визуальных контактов перешли в вербальным, стали перекидываться репликами. Потом один из парней встал, чтобы подойти к столику девушек... Мамочки родные! Да в нем за два метра роста! Это же баскетболисты... точно, баскетболисты! Из сборной, наверное, то-то у них пиджаки одинаковые.

– Спортсмены не пьют, спортсмены не пьют! – бормотал Нестеров. – Пьют, еще как пьют! И закусывают неплохо... По девкам, смотрю, тоже не дураки, – уже со злостью отмечал он. – Не жениться же они собрались... Дело известное, по пьяни любая подойдет... Нет, ты смотри: вот дуры! Смешали красное с шампанским, и теперь им море по колено. Что баскетболисты, что футболисты – без разницы... Любочка! Ты-то куда? Нет, этого я от тебя не ожидал! Что ж ты делаешь, невеста?

Злость и возмущение переполняли. Он несколько раз порывался уйти, но не мог этого сделать: что-то держало его не хуже морского каната.

В ресторации все катилось по накатанной дорожке: закус-

ки съедены и вино выпито, пары определились, пора, как говорится, и честь знать! Компания вышла из шашлычной вся сразу. Девчонки глупо хохотали, а баскетболисты, прилично выпившие, имели сытые, довольные и дурацкие физиономии. Сергей, сделав из темноты несколько шагов, оказался прямо перед ними.

– Ты? – От удивления Любины глаза стали еще больше. – Ты что здесь делаешь?

– Как ты можешь... я все видел...

Он никак не мог сформулировать, что хотел сказать, да еще губы, замерзшие на морозе, плохо слушались. Но ему казалось, что она предала его, предала их любовь.

– Ты следил за мной? Нестеров, это низко, подло и отвратительно! Ты следил за мной, как за преступницей! Не доверяешь, да? Зачем тогда свадьба, кольца? Господи, я, наверное, с ума сошла, поверила тебе. Как последняя дура, поверила... Знаешь что? Я не желаю связывать свою жизнь с таким, как ты. Ярываю нашу помолвку. Все, ты свободен. Иди на все четыре стороны! – И, повернувшись к спутнику-баскетболисту, скомандовала: – Пошли!

Они направились к метро. Он – два метра с чем-то. И она – ему по пояс. Смешно, конечно, только Сергею было не до смеха. Для него мир рухнул. Все кончено! Но ведь Люба не права, сто раз не права. И что, от этого легче? Да пропади все пропадом!

Ему было так плохо, горько и обидно, как никогда в жиз-

ни.

Прошло три недели. Наступило воскресенье.

Нестерову, неприкаянной душе, дома делать было нечего, разве что слушать свою повеселевшую маму. Идти куда-нибудь вроде киношки или театра не хотелось, и он уехал на работу. Что поделаешь? Коротков ясно дал понять: в понедельник, в крайнем случае, во вторник, заключение по делу Завадского должно быть готово.

В отделе никого не было, что только радовало: телефоны не звонят, люди не шастают, начальство не достает. Идеальная ситуация: сиди спокойно и думай.

Он снова перечитал дело Завадского, которому дал псевдоним «Ренегат», с вопросом, заданным самому себе: «Так что же остается в сухом осадке?». Получалось следующее:

«Завадский Михаил Борисович, тысяча девятьсот пятьдесят шестого года рождения, еврей, уроженец города Херсона, член ВЛКСМ, образование среднее, обучался в школе с углубленным изучением английского языка, характеризуется положительно, был заместителем секретаря школьного комитета ВЛКСМ, школу закончил с золотой медалью. Там же учатся его двое младших братьев и сестра.

Отец, Завадский Борис Моисеевич, тысяча девятьсот тридцатого года рождения, еврей, член КПСС, заведующий городским управлением сети общественного питания, не судим, компрометирующих материалов в процессе проверки не получено, в агентурной сети не состоит, доверенным ли-

цом не является, характеризуется положительно, имеет государственные награды и ведомственные поощрения.

Мать, Завадская Софья Иосифовна, тысяча девятьсот тридцать третьего года рождения, еврейка, домохозяйка, по оперативным учетам не проходит.

Из агентурного сообщения источника «Киров»: «М. Завадского знают многие на факультете, как иностранцы, так и наши студенты. Очень общительный, энергичный, целеустремленный. Хорошо знает английский, что снимает проблему языкового барьера. Михаил всем известен как нужный человек в том смысле, что, если тебе что-нибудь нужно, обращайся к Завадскому, и он достанет. Очень любит деньги, принесет любой дефицит. Связей много, политикой не интересуется. Непонятно, как он успевает учиться. Такое впечатление, что постоянно крутится в различных коммерческих проектах. Говорят, работает с большими деньгами, хотя по внешнему виду не скажешь. Одевается просто, неброско, однако вещи больше дорогие, о чем понимают и знают немногие. В быту никаких излишеств не допускает».

В деле было еще четыре сообщения, в том числе от агента-иностранца, и все источники отмечали аполитичность «Ренегата», ярко выраженное стремление к личному обогащению. Наружное наблюдение, которое велось в течение десяти дней, фиксировало его многочисленные контакты с фарцовщиками, спекулянтами, цеховиками – объектами заинтересованности родной советской милиции. Но ни одно-

го человека, проходящего по делам об антисоветской агитации и пропаганде, не было. Наружке не удалось определить место, где «Ренегат» изготавливал или заказывал изготовление копий «Архипелага». Только в одной сводке отмечалось немотивированное посещение им одного из московских НИИ, где есть копировально-множительное бюро. Проверкой установлено, что его заведующая носит фамилию Завадская. Не исключено, что родственница. Интересно, можно ли такое бюро использовать с целью создания копий книги?

Нестеров, сделав пометку: «КМБ, Завадская – «Ренегат», райотдел», – встал, открыл форточку окна, выходящего во внутренний двор, и закурил. Он знал, что его мучает. Чем дальше шла разработка, тем яснее Нестеров понимал, что «Ренегат» никакой не антисоветчик. Нет у него умысла на совершение действий по подрыву Советской власти, а есть только одно страстное желание: хапнуть побольше денег. Помнится, на лекции по уголовному праву потрясающий преподаватель, профессор МГУ, доктор юридических наук Голованов говорил:

– Товарищи слушатели! Инкриминируя субъекту статью семидесятую, самое главное, вы должны установить, есть умысел в его действиях или нет. Нет умысла – не ваше это дело, товарищи. Хотя можете, конечно, а в некоторых случаях будете обязаны, доказывать, что субъект непременно должен был предвидеть наступление негативных последствий в результате своих действий. Но это дело очень непростое. Как

провести грань: мог или не мог, – и где она проходит, эта тонкая, часто совсем незаметная линия раздела?

Нестеров не заметил, как догорела сигарета.

«И что теперь? – задал он себе вопрос. – Закрывать дело, а этого барыгу профилактировать, чтоб неповадно было? Скандал будет, и еще какой! Как там Борис Максимович говорит: “Открыть дело – много ума не надо, ты попробуй его закрыть”... Или продолжать с перспективой возбуждения уголовного дела? А что? Формальные признаки налицо, и я буду на хорошем счету у руководства. Ребята не будут злиться, а то в прошлую пятницу чуть не сцепились...»

В пельменной у Политехнического их было пятеро. Когда пошла третья бутылка, он не выдержал:

– Мужики, что делать? Раскручивать «Ренегата» дальше совесть не позволяет. Ясно же, как божий день, никакой он не антисоветчик. Чистой воды спекулянт. Закрывать – страшновато. Коротков меня тогда вообще с дерьмом смешает.

– А причем здесь Коротков? – Михалыч выставил нижнюю челюсть вперед как знак к началу драки. – Борис Максимычу, конечно, счастья мало от того, что в годовом отчете одним реализованным делом меньше, но ничего, переживет. И мы переживем, хотя не без потерь. Мы ж думали, ты – боец. Но, наверное, ошиблись. Сначала прокукарекал: «Анти-советский центр, антисоветский центр!». Пол-отделения на него пахало и до сих пор пашет в усиленном режиме, а как

дело доходит до продолжения с финальной фразой: «Встать, суд идет!» – в кусты? Очко сыграло? Ответственности боишься? Или жалко стало? Кого? Дерьмо всякое? Не мы, так менты его посадят. И сто раз правы будут...

– Ну, чего ты несешь, Михалыч? – перебил его Нестеров. – При чем здесь жалость? Хотя ты прав. Жалость есть... А тебе самому не жалко будет, если человек сядет за преступление, которое не совершал, да еще по статье из раздела «Государственные преступления»?

– Серега! А ты почему за всех все решаешь? – Вклинился в разговор Володька Моренов. – И за руководство отдела, и за следствие, и за судебные органы. Не много ли на себя берешь, дружище? У тебя, по-моему, головокружение какое-то. Остановись, парниша. Все не в ногу, один ты правильно шагаешь?

– Вы что? Не понимаете, о чем речь? Да ведь так можно человеку судьбу сломать!

И тут вступил, икая, уже прилично набравшийся Дима Старшинов:

– Нестеров, он у нас – гуманист, а мы – па-ла-чи! Ик! У нас руки по локоть в крови, а он людей любит, он хороший... Ик!

Всех привел к согласию Боря Сомов, который, разливая по стаканам, сказал:

– Братцы, чего на Серегу набросились? Он хотел посоветоваться с нами, а получил разбор персонального дела.

Бросьте выступать, в конце концов! Все в свое время придем к одному знаменателю. Давайте лучше вмажем за нашу нелегкую чекистскую долю!

Выпили, закусили, посудили-порядили, взяли еще одну, но задушевной обстановки не было. Черные кошки все-таки прошмыгнули...

Голова у Нестерова трещала всю субботу. Только к воскресенью, уже на работе отошел, а осадок на душе от субботнего разговора остался.

«Так что же делать?» – в который раз спрашивал себя Сергей.

В коридоре послышались шаги, кто-то приближался; дверь, наконец, приоткрылась, и в кабинет заглянул Алексей Иванович.

– Сережа, привет! – Наставник был искренне рад. – Иду, смотрю: дверь приоткрыта. Кто там такой трудолюбивый, думаю? Чего не отдыхается? Я – на дежурстве, мне простительно, а тебе, дорогой мой, с невестой надо быть в выходной, а не на работе.

Алексей Иванович, видимо, заподозрил что-то.

– Кстати, у тебя все в порядке? В последнее время с трудом стал узнавать тебя. Худющий, кожа да кости. Злой, нервный... Ну-ка, давай рассказывай, что у тебя стряслось.

Алексей Иванович явился Сергею, как добрый волшебник из сказки. За всеми своими переживаниями, и служебными, и личными, он забыл, что есть человек, которому можно от-

крыться. И Нестеров без утайки рассказал все, что наболело: и про «Ренегата», источник конфликта с ребятами и с самим собой; и про разрыв с Любой, из-за чего он последнюю неделю ни спать, ни есть не может.

Алексей Иванович, в свойственной ему манере, был нетороплив и раздумчив.

– Знаешь, никто тебе помочь не сможет, поскольку все, что произошло и происходит, твоих рук дело. – Он поудобнее устроился на жестком стуле и стал раскладывать события на составляющие. – Смотри. Тебе принесли сигнал о распространении антисоветской литературы. Сигнал важный, но есть целый ряд неясных моментов; ты, как понимаю, до сих пор во многом разобраться не в силах. Что ты делаешь? Вместо того чтобы, не торопясь, вникнуть в самую суть вопроса, сразу занимаешь обвинительную позицию по отношению к неизвестному тебе человеку. Как его, Завадский? Ты какую ему кличку дал? «Ренегат». А кто такой ренегат? Человек, изменивший своим убеждениям и перешедший на сторону противника, – другими словами, предатель и враг. А как же ты его в изменники определил, если не изучил, не понял побудительных мотивов поведения? Мало этого, своим отношением еще на первых этапах развития ситуации ты и ребят, и Короткова соответствующим образом настроил. А теперь даешь задний ход?

Нестеров опустил глаза.

– Как будешь выходить из положения, дело твое, но не иди

по легкому пути. Ты крепкий парень, многое можешь выдержать, поступай так, чтобы мог потом в глаза людям спокойно смотреть, и помни: жизнь человеку испортить легко, особенно в нашей конторе и с нашими возможностями. А вот исправить ошибку, признать свою неправоту – этого у нас не любят... Хотя кто и где это любит?

Алексей Иванович встал, прошелся по кабинету и приступил к разбору следующей ситуации.

– С девушкой своей тоже намудрил, будь здоров. Она предупреждала, что устраивает девичник? Ты ее отпустил? Так чего же ты хочешь? Знаешь, что на мальчишнике ребята делают? Правильно: выпьют так, что мама не горюй, и к девчонкам пристают, и жених при этом должен быть в первых рядах. А на девичнике, думаешь, по-другому? Нет, брат, то же самое. И куда ты тогда поперся? Если уверен в ней, зачем контролируешь?

Наставник подошел к Сергею и легонько стукнул его по лбу.

– Хоть теперь понял, голова садовая, сколько проблем создал и себе, и другим? Сергей, будь мужиком, в конце концов. Ну-ка, встряхнись! Не сиди сиднем, завязанные узлы сами не развяжутся. Действуй, действуй, дорогой! – Алексей Иванович посмотрел на часы. – Э-э, что-то засиделся я у тебя, пора на дежурство. Давай лапу, Сергей Владимирович.

И Алексей Иванович вышел, плотно прикрыв дверь.

Несколько секунд Нестеров сидел неподвижно. Потом

резко встал, сделав плечами движение, будто сбросил с себя тяжкий груз, сложил бумаги в сейф и набрал Любин номер. Никто не ответил. Оставалась единственная возможность узнать, где она, через Леночку Заславскую, застать которую дома в воскресенье, впрочем, было нереально. Однако ему повезло, «русская красавица» сама взяла трубку. Для начала отчитала Нестерова как следует, сравнив с определенным длинноухим животным с длинным хвостом, но тем не менее сказала то, что он хотел услышать:

– Да нет ее в Москве, они всем КБ уехали в дом отдыха... Какой? Откуда я знаю, как он называется? Они и меня приглашали, но я не смогла, у меня тут семейный переполох, проблемы с братом... Встречаться мы должны были на Белорусском вокзале в девять тридцать, потому что в десять идет электричка... Да, не знаю я, до какой станции! Люба говорила, там спортивная база то ли штангистов, то ли олимпийцев, они у меня все на одно лицо!

Больше Нестерову выжать из нее ничего не удалось, но и за это, как говорится, спасибо.

Сергей поднялся к дежурному по Управлению. На «вахте» был Петров, ходивший лет десять в оперативных дежурных. Он сразу сказал, что по Белорусской ветке есть только одна база олимпийского резерва – тяжелоатлетов – в районе станции Усово.

– Петров, откуда ты знаешь?

– От верблюда. Поработаешь с мое, еще не то узна-

ешь. Оперативный дежурный должен обладать максимальным объемом знаний по всем направлениям и быть готовым в любое время сообщить необходимую руководству информацию. Вот так, молодой! Понял? Если тебе нужно в Усово, расписание справа в коридоре.

Нестеров, пораженный невыносимой осведомленностью капитана Петрова, в недоумении пошел к двери, и вдруг услышал:

– Сергей! Ты что, поверил? Вот чудило! Да у меня дача в Усово рядом с базой!

В коридоре на стене Нестеров нашел расписание движения электричек по всем направлениям и схему железных дорог.

Действительно, с Белорусского вокзала есть утренняя электричка на Усово в десять ноль две. Это совпадало с тем, что говорила Леночка. Круг поиска сузился. Усово – конечная станция, к тому же ветка-одноколейка, а это повышает шансы встретить ее прямо там.

«Выезжают всегда после обеда, – рассуждал Нестеров. – Посмотрим, точно, есть такой поезд на Москву, в пятнадцать двадцать семь, а следующий уже в двадцать ноль одна, но это поздновато. Значит, остается – пятнадцать двадцать семь. Теперь для меня: ближайшая электричка на Усово в тринадцать тридцать пять... Обалдеть! Сейчас уже двадцать пять минут первого! Мне же, кровь из носу, надо успеть! Они с этой электричкой в Москву будут возвращаться».

На вокзале у грузин за бешеные деньги Сергей купил красные гвоздики и завернул их в «Московский комсомолец». Бегом рванул на платформу, вскочил в отходившую электричку. В Усово он был без пяти три. На платформе в ожидании поезда на Москву стояло человек пять мужиков и теток с какими-то баулами, корзинами. И Сергей Нестеров. С гвоздиками в газетке.

На пригорок, метров за сто пятьдесят, выехали и остановились три автобуса с надписью на борту «Турист»; из дверей посыпалась молодежь. Китаева с подружками вышла из второго автобуса, стали разбирать вещи, потом она, подняв голову, посмотрела в сторону железнодорожного полотна.

– Девчонки, везет же некоторым, кого-то встречают. Посмотрите, как красиво! По белому снегу идет молодой человек с красными цветами...

Татьяна Иванова тоже посмотрела в сторону платформы и совершенно буднично сказала:

– Люб, ты хоть очки носи, что ли. Это ж Нестеров твой идет.

Сердце ее упало и разбилось на мелкие кусочки, она и сама теперь видела, что к ним навстречу идет ее Сереженька.

– Все, девочки! – прошептали губы. – Я погибла. Наверное, это – судьба!

В вагоне Нестеров сидел в окружении ее подружек, травил анекдоты, рассказывал смешные истории. Все хохотали и веселились, а Люба с цветами на коленях смотрела на него

и тихо улыбалась.

«Господи! Откуда ты взялся на мою голову! – думала она. – Видно, никуда мне от тебя не деться, если даже здесь меня нашёл... Да и не хочу я никуда пропадать и тебя никуда и никогда не отпущу».

Зима 1976 года. Семушкин

Нестеров шел от Бульварного кольца по улице Дзержинского к зданию Комитета и на ходу прикидывал, что надо сделать из обязательной программы, чтобы часикам к десяти вечера все-таки оказаться дома.

Народу на работе осталось немного. Руководство, как ни странно, уехало, а на месте секретаря с видом большого начальника сидел Семушкин, дежуривший по отделу. Увидев Сергея, он недовольно фыркнул.

– Ты б еще полпервого ночи пришел.

«Вот засранец, – подумал Нестеров. – Какое твое собачье дело, Семушкин, когда мне приходиться и уходить? Лучше сиди и не питюкай, Наполеон недобитый!»

В кабинете, обложившись бумагами, работал Муравчик.

– Сань, привет! Опять эпистолярное творчество? Мы пишем, пишем, пишем... – пропел Нестеров на манер детской песенки. – Эх, «собрать бы книги все и сжечь»!

– Шутки шутить изволите, Сергей Владимирович! Сам знаешь, без этого нам никуда.

Муравьев посмотрел в документ, который писал, и пришлепнул его ладонью.

– Надо передохнуть... Как дома, как сынуля?

– Замечательный мужичок! От горшка два вершка, башенция вот такая здоровая! Еще не говорит, но понимает аб-

солютно все.

Нестеров сел на край своего стола.

– Приехала к Любаше Лида, лучшая ее подруга. Сидят, ля-ля разводят, наследник тут же на ковре в машинки играет, потом Лидуня говорит: «Люб! В горле что-то пересохло, у тебя вода кипяченая холодная есть? Будь дружком, дай, пожалуйста». Нельзя же отказать в такой малости самой лучшей из подруг, и Любочка спокойно транслирует ее просьбу: «Олежик! Сходи на кухню, возьми на раковине большую синюю кружку, поставь на стол, там же стоит чайник, из него нальешь половинку и принесешь тете Лиде». Тот молча встанет и выходит из гостиной. Задумчивая подруга недоуменно спрашивает: «Ты с кем сейчас разговаривала? Хочешь сказать, что он действительно принесет воды? Люб, ты меня разыгрываешь? Да он до стола не дотянется». «Не волнуйся, стул подставит и достанет. Что ты переживаешь? Сейчас увидим». Пока судили-рядили, смотрят в дверях стоит Олежка. Нижнюю губку прикусил от усердия, в двух руках зажата синяя кружка с водичкой. Подошел и аккуратненько протянул ее тете Лиде. Та – в шоке. – Сергей сиял от счастья, как начищенный пятак. – Жалко мало видимся: ухожу на работу, он еще спит; прихожу – он уже спит. Я у него как легенда: вроде есть, но вроде и нет.

– Не ты один, у меня та же песня. Домой попал вчера только в одиннадцать, девчонки спят, сел ужинать на кухне. Ставит моя Ирина передо мной макароны с мясом и чуть не пла-

чет: «Саша, у тебя совесть есть, в конце концов? Я тут гуляю с Леночкой и Стешенькой и слышу, как тетки на скамейке говорят: «Господи! Какая жалость! Такая молодая, красивая женщина, двое детей и без мужа». Надоело мне видеть тебя только по ночам. Хоть в выходные можешь с девчонками познакомиться?» И что я ей скажу? Где они, Серега, наши выходные?

– Где-где? В Караганде, у тетки на плите!

Не успели отзвучать последние слова, как распахнулась дверь, и образовался взбудораженный Боб Сомов.

– Слушайте, будет хоть какая-то управа на Семушкина или нет?! Что ж он всех воспитывает, указания раздает, командир недорезанный! Вы представляете, этот рыжик хренов, без году неделя в Комитете, стал меня учить, как правильно дела подшивать, как квартальные планы готовить! Димке сделал замечание, что тот оформляет документ с нарушениями положений инструкции по делопроизводству. И все это с таким выпендрежем... сил нет смотреть и слушать. Ребята, надо Семушкина проучить так, чтоб на всю жизнь запомнил, Спиноза кудрявая!

Нестерову идея понравилась,

– Нет проблем, я – за! Саня, ты как?

– Ты мою любовь к этому задавке знаешь. Я готов, в разумных пределах, конечно. Что делать-то?

– Спокойствие, только спокойствие! – Нестеров почувствовал себя в ударе. – За свою жизнь я уже поставил три

спектакля по собственным сценариям, один в средней школе и два – в Высшей. Это будет четвертый. Надеюсь, не последний. Кто еще живой в отделении?

– Старшинов.

– Четверо... Нормально, больше и не нужно. Зови сюда Диму... – Сергей ненадолго задумался, что-то припоминая. – У нас же сейчас мероприятие какое-то в Воронеже? Да? Спасибо, Александр Николаевич, ты, как всегда, в курсе событий. – Нестерова охватил творческий порыв. – Итак, в Воронеже проходит Всесоюзное совещание представителей землячеств стран латиноамериканского континента. Мы имитируем угон пассажирского самолета участниками этого мероприятия – гражданами Боливии и Чили, членами леворадикальной группировки... пусть будет «Амигос пур либертад» – «Друзья свободы». При этом угон самолета, следующего рейсом Аэрофлота из Воронежа во Франкфурт-на-Майне, произойдет с целью передачи террористическим организациям Ближнего Востока материалов особой важности, похищенных из сейфа начальника нашего отдела Ляпишева. В этой ситуации руководство КГБ СССР через дежурную оперативную службу потребует от нас в лице ответственного дежурного Семушкина принять неотложные меры и остановить проклятых террористов.

– Серый, ты обалдел? Когда это из Воронежа самолеты за рубеж летали? У них только кукурузники. И как можно что-нибудь украсть у нашего Ляпишева из сейфа?

– Слушайте, ребята, вы какие-то скучные, зашоренные. Ложь должна быть чудовищной, только тогда в нее можно поверить. Слушайте меня... – Сергей начал режиссировать. – Боб, открой двери в нашем кабинете и в вашем, напротив. Прямая видимость есть? Отлично! Распределяем роли следующим образом: я – един в двух лицах.

Начинался театр одного актера.

– Первое мое лицо – помощник ответственного дежурного по Комитету государственной безопасности СССР майор Крячков, который действует, то есть звонит по телефону оперативной связи по вашей отмашке из кабинета напротив. Второе лицо – это я сам в своем любимом кабинете, вместе с вами обрабатываю Семушкина.

Тут же Нестеров распределил и другие роли. Сначала – Муравьеву.

– Саша, ты на своем месте и следишь за тем, чтобы наш объект не уходил от ответственности. Он же дежурный!

Подняв палец и глаза для большей значимости, он продолжил:

– В соответствии с положениями инструкции по несению дежурства в подразделениях КГБ СССР, в отсутствие руководства и невозможности осуществления связи с ним, дежурный является старшим начальником и должен принимать решения самостоятельно. В меру компетенции, конечно. Но Семушкин, думаю, про компетенцию не помнит. Александр Николаевич, не давай ему возможности связать-

ся с нашими командирами.

Потом Старшинову:

– Дима, Дмитрий Сергеевич, родимый! Ты – у себя, твой аппарат оперативной связи будет телефоном помощника ответственного дежурного КГБ майора Крячкова и других дежурных любых родов войск и соединений. Ты принимаешь звонки. Можешь ничего не говорить и только слушать, но лучше все-таки поддерживать разговор. И еще. По сигналу Боба сам звонишь на мой номер оперативной связи.

И, наконец, Сомову:

– Боря, стоишь в проеме двери и передаешь сигналы Старшинову: звони или бери трубку и слушай. Но главная твоя задача – способствовать принятию Семушкиным самого неправильного решения из всех неправильных.

Нестеров всех захватил своей азартностью.

– Мужики, сценария, как такового, нет, действие построено на сплошной импровизации, главные роли я беру на себя, вы подыгрывайте. Может, конечно, ничего и не получится, но вряд ли. Семушкин должен купиться, никуда не денется. По местам!

Первую команду Сергей дал Муравьеву и Сомову:

– Саша, звонишь Семушкину и приглашаешь его на мой аппарат оперсвязи для разговора с дежурным по Комитету. Я – напротив. Боб, как только он придет, и Саня ему скажет о звонке, даешь сигнал, чтоб я, как майор Крячков, позвонил ему по оперативной связи и дал вводную. А дальше... Бог не

выдаст, свинья не съест. Как поет наш Михалыч: «Возьмем винтовки новые!»

Муравьев по открытой линии набрал номер секретариата:

– Владимир Александрович, Муравьев... Давай срочно к нам, тебя дежурный по Комитету спрашивает.

– Пусть мне сюда перезвонит, я на месте, – исполненным достоинства голосом ответил Семушкин.

– А у тебя оперативная связь есть, аппарат ОС стоит?

Семушкин поперхнулся: он же сидел на месте секретаря отдела, какая там может быть спецсвязь?

– Не-а...

– Володь! Кончай мякину жевать, пулей сюда, если еще хочешь работать в Управлении. С ответственным дежурным по Комитету не шутят.

Через пятнадцать секунд Семушкин был в кабинете Муравьева и Нестерова.

– Что случилось-то? Почему меня?

– Никого из руководства нет, так что ты у нас самый старший начальник.

Зазвенела тревожно оперативная связь, Семушкин взял трубку:

– Слушаю.

– Это кто такой слушает? – Голос был грубый и требовательный. – Вы что, на даче отдыхаете или на курорте? Представляться не учили? С вами говорит старший помощник ответственного дежурного КГБ СССР майор Крячков. С кем

имею дело?

– Дежурный по отделу оперуполномоченный старший лейтенант Семушкин! – Голос у Володи почему-то сел.

– Товарищ дежурный, доложите о местонахождении руководства подразделения!

– Заместитель начальника отдела полковник Зитин – в отпуске, начальник отдела полковник Ляпишев в девятнадцать часов отбыл домой.

– Кто из вас лжет, вы или Ляпишев? – услышал Семушкин в трубке и присел. – Жена вашего начальника заявила, что дома его нет, раньше одиннадцати он никогда не приходит. Он так и сказал, что едет домой?

– Никак нет. Он не говорил, я подумал, что...

– То есть это ваши домыслы? Вы хоть понимаете, что сообщили недостоверные сведения и тем самым дезинформируете руководство Комитета государственной безопасности? – Семушкин стал бледным, рыжие веснушки еще ярче проступили на лице. – Учитесь правильно и четко формулировать свои мысли, товарищ старший лейтенант.

– Так точно, товарищ майор! – Семушкин вскочил по стойке «смирно» с крепко зажатой в руке телефонной трубкой.

– Слушайте и фиксируйте.

Семушкин, схватив ручку и первый, попавший под руку лист бумаги, склонился над столом Нестерова.

– В восемнадцать ноль пять из Воронежа вылетел пас-

сажирский лайнер ТУ сто тридцать четыре, выполняющий рейс Аэрофлота три единицы, двойка. Воронеж – Франкфурт-на-Майне, вопросы есть?

– Никак нет! Все понятно, три единицы двойка, Воронеж – Франкфурт-на-Майне.

– Хорошо... – в растяжку сказал «майор Крячков» и энергично продолжил: – По данным паспортного и пограничного контроля, иностранных граждан среди пассажиров рейса не было. Тем не менее после набора высоты командир корабля сообщил диспетчеру, что на борту находятся граждане Боливии и Чили, боевики организации «Амигос пур либертад». – Иностранные слова псевдо-Крячков произнес, запинаясь, почти по слогам. – Кстати, мне сказали, что в переводе это означает то ли «Борцы за свободу», то ли «Друзья свободы». Ваше мнение?

Семушкин, глубоко вздохнув, рубанул напрямки:

– У меня нет своего мнения на этот счет, товарищ майор, так как у меня английский, а это испанский язык.

Муравьев с Сомовым переглянулись: чтоб у Семушкина не было своего мнения? Да скорее реки потекут вспять!

– Плохо, товарищ дежурный, что вы не знаете испанского, очень плохо!

На лбу Семушкина «нарисовались» бисеринки пота. Однако «Крячков» ответной реакции на высказанное им порицание не ждал.

– Боевики заявили, что на борту самолета имеется зна-

чительное количество взрывчатки, которую они приведут в действие, если не будет выполнено их главное требование: посадить самолет в аэропорту Триполи. – «Оперативный дежурный» откашлялся. – Мы вынуждены уступить террористам, чтобы выиграть время и разработать мероприятия по нейтрализации преступников. Сейчас авиалайнер, сопровождаемый средствами слежения противовоздушной обороны, движется в сторону Азербайджана... Вы что молчите, Семушкин? Заснули?

– Никак нет, товарищ Крячков! – Владимир вытянулся в струну.

– Фиксируете?

– Фиксирую, товарищ майор!

– Фиксируйте дальше. Один из пассажиров самолета, агент УКГБ по Воронежской области «Чалый», передал второму пилоту следующую информацию...

Семушкин строчил по листу, как заведенный.

– Проникшие на борт боливийцы и чилийцы являются делегатами Всесоюзного совещания иностранных учащихся – представителей землячеств стран Латиноамериканского континента. Из разговора, который проходил между ними перед посадкой, агенту «Чалому» удалось понять, что в распоряжении иностранцев оказались документы особой важности, хранившиеся в сейфе полковника Ляпишева, вашего начальника, а также списки агентуры, используемой в работе по иностранным учащимся, с раскрытием установочных

данных: имен, фамилий, должностного положения, домашних адресов и телефонов. Все материалы боливийцы и чилийцы разделили между собой... – И, как выстрел, из трубки рывкнул «Крячков»: – Семушкин!

– А?

– Какое еще «а»? Вы понимаете, о чем идет речь?

– Так точно, товарищ майор, понимаю! – отчеканил взмокший Семушкин и добавил шепотом: – Ох...ть можно!

Но Крячков, благодаря сверхчувствительности аппаратуры, услышал:

– Вы что, нецензурно выражаетесь на службе?

– Простите, товарищ майор, вырвалось...

– Бог простит. А вас я взял на заметку. Понятно?

– Понятно, – ответил убитый старший лейтенант.

– Ваша задача: установить характер материалов с грифом «Особой важности», которые могли находиться в сейфе Ляпишева. Еще лучше, если ты все-таки найдешь своего начальника, Семушкин. Понял? – Последнее прозвучало с угрозой.

– Понял!

– В течение пяти минут разработайте и сообщите предложения по комплексному решению возникшей проблемы. Учтите, если у Ляпишева действительно были материалы «Особой важности» и они окажутся за границей, мало вам не покажется. Не то, что погоны и звездочки – головы полетят!

По всему было ясно, что «дежурный по Комитету» не шу-

тит. Какие тут могут быть шутки?

– Ну, все! – решительно сказал Крячков. – Самолет летит, время убегает, жду вашего доклада через пять минут.

– Есть, товарищ майор!

Ошарашенный, с трудом соображающий Семушкин опустился на стул.

– Слышали? – спросил он, затравленно посмотрев на Муравьева и Сомова. – И что делать? Может вы, Александр Николаевич, как старший по должности и званию, возьмете руководство на себя? – Семушкин почему-то перешел на «вы».

– Ни в коем случае, – категорично и искренне ответил Муравьев. – Ты ответственный дежурный, значит старший начальник. Я могу лишь советы давать. Но ответственность за принятые решения лежит на тебе. Так что, уволь.

В кабинет влетел Нестеров:

– Семушкин, ты что делаешь за моим столом? Да еще с таким видом, вроде по тебе трактор проехал? Что случилось, мужики?

Семушкин действительно выглядел не лучшим образом.

– Александр Николаевич, – промямлил он, – может, вы расскажете?

Муравьев, стараясь быть серьезным, коротко, в сжатой форме, описал Нестерову сложившуюся ситуацию. Всклопоченный Семушкин сидел рядом и с отрешенным видом кивал головой в знак согласия.

– Давайте сконцентрируемся. – Нестеров был энергичен

и деловит. – Определим порядок действий. Владимир Александрович, очнись, ермилкин корень! Кто у нас начальник, ты или я? Я знаю Крячкова, мужик нормальный, договоримся.

Семушкин встрепенулся, услышав обнадеживающую новость.

– Сейчас главное – не упустить время. Разыскивать Ляпишева бессмысленно, может, колобок наш к любовнице поехал. Надо самим определиться по содержимому его сейфа. Что там может быть? Ну, какие предположения? Семушкин, ты будешь работать? Или тебе мозги снесло? Да не пидай в компот, там ягоды! Все пройдет, как с белых яблонь дым!

– Легко тебе говорить! Посмотрел бы я на тебя, будь ты на моем месте.

– Каждый должен быть на своем месте, Вова. Вы пока думайте по содержимому сейфа, а я позвоню Крячкову, узнаю, как там чего... – Сергей по оперативной связи набрал номер. – Гаврилыч, привет! Нестеров. Я тут случайно оказался в отделе, у нас что, проблемы?

Начавшийся разговор, к которому со всей тщательностью прислушивался Семушкин, проходил на высокой эмоциональной волне. Сергей только изредка подавал реплики, но и этого было достаточно, чтобы понять серьезность создавшегося положения и необходимость принятия кардинальных, экстренных мер. Настал момент, когда Нестерову надо было отвечать на поставленный Крячковым вопрос.

– Мужики! Так есть у нас материалы особой важности? – Получив положительный ответ от едва сдерживающего смех Сомова, Нестеров передал его своему собеседнику и обратился с просьбой: – Гаврилыч, будь другом, дай телефончик ответственного дежурного по штабу ПВО Минобороны. Как? Понял, записал. Будь добр, позвони туда, скажи, что мы обратимся к ним за информацией и помощью... Огромное спасибо! Слушай, что тебе дался наш Семушкин? Молодой он еще, необученный! Поговорим при встрече. С меня бутылек!

Нестеров набирал номер по аппарату открытой связи и одновременно говорил Семушкину:

– Что ж ты натворил, Володя? Надо очень постараться, чтобы так достать Гаврилыча. Сказал, что рапортом сообщит руководству Управления о твоей неоперативности, слабой профессиональной подготовке и неумении правильно изложить имеющуюся информацию. Но это все будет, если не удастся распутать, весь этот чертов клубок.

На Семушкина было жалко смотреть. Нестеров наконец дозвонился до «нужного» ему абонента.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Нестеров, Управление контрразведки. Оперативный дежурный Комитета должен был предупредить о моем звонке... Звонил? Отлично. Нас интересует рейс три единицы двойка, который вы отслеживаете... Где? В восьми минутах от границы? А какие варианты?.. Понял, перезвоним.

Нестеров обратился ко всем находившимся в кабинете.

– Ясно? Или ни хрена не ясно? Чтоб не тешили себя иллюзиями, объясняю. И в первую очередь для вас, товарищ оперативный дежурный. Перехватчики не успевают, время полета к цели с ближайшего аэродрома двенадцать минут. Остаются два варианта: или безнаказанно выпускаем бандитов с материалами особой важности, а мы даже не знаем толком, что это за документы; или даем команду на уничтожение самолета ракетами «земля—воздух». Какие будут мнения? Только короче, пожалуйста.

В ходе сжатой ожесточенной дискуссии верх одержал Боб Сомов, который аргументированно доказал, что самолет выпускать за пределы территории Советского Союза ни в коем случае нельзя, так как это приведет к непредсказуемым последствиям, вплоть до возникновения новой мировой войны с применением оружия массового поражения. Поэтому выход только один – сбить самолет, к чертовой матери.

– Хорошо, – выдавил из себя Семушкин, – что я должен сделать?

– Я набираю номер, – подключился Нестеров, – ты называешь свою фамилию, должность и отдаешь команду.

– Давай... – Семушкин был бледен и решителен. В молчащую телефонную трубку городского телефона он произнес: – Ответственный дежурный по отделу Управления контрразведки КГБ СССР оперуполномоченный старший лейтенант Семушкин... – Глубоко вздохнул и сказал, как на автомате,

неживым металлическим голосом: – Цель уничтожить!

Задышающиеся от смеха Сомов и Муравьев выскользнули из кабинета, оставив Нестерова с Семушкиным одних. Внезапно зазвонил тот же городской телефон, и Владимир судорожно схватил трубку, опередив Сергея.

– Алло! Алло! Это Семушкин! Кто? Юрий Михайлович, хорошо, что вы позвонили. Это Поздняков, – обернулся он на секунду к Нестерову и потом, перескакивая с пятого на десятое, стал рассказывать в трубку про террористов, угон самолета и его уничтожение. Сделав небольшую паузу и выслушав что-то, протянул трубку Сергею. – Тебя.

– Да, Юрий Михайлович.

– Ты что? Совсем обалдел? Немедленно сворачивай эту хрень! Только сделай так, чтоб он ничего не понял. Я с тобой завтра поговорю, шутник долбанный!

Нестеров, положив трубку, задумался, как ему выйти из ситуации. Семушкин расценил возникшую паузу по-своему.

– Сергей, извини, пожалуйста, но я понятия не имею, как он узнал, что ты рядом со мной. Поздняков меня выслушал, потом говорит: «Передай трубку Нестерову». Куда было деваться?

– Да ничего, все в порядке. Надо позвонить в штаб ПВО, узнать, чем дело кончилось.

Вернувшийся в кабинет улыбающийся Муравьев стал свидетелем финала представления.

– Это дежурный по штабу ПВО? Нестеров из Управления

контрразведки Комитета. Да, точно, рейс три единицы двойка... Что говорите? – Сергей от удивления привстал. – Как это могло произойти? Сами не понимаете?.. И что теперь?.. Дежурный по КГБ в курсе? Спасибо за помощь, всего доброго.

Семушкин смотрел на него умоляющими глазами,

– Сергей Владимирович, что там? Самолет сбили?

– Слушай, Вова! А ты изменился, по имени отчеству стал обращаться. Похвально, старичок, похвально. Только ты мне сейчас не мешай, ладно? Надо дело до конца довести.

Нестеров опять стал набирать по оперсвязи номер «дежурного по Комитету»:

– Алло, Гаврилыч! Тебе пэвэошники звонили?.. И что?..

Понятно! Дорогой мой человечиче, ты меня знаешь, мое слово крепкое... Что предпочитаете, товарищ майор? «Ара-рат», пять звездочек, договорились...

Сергей, широко улыбнувшись, положил трубку и посмотрел на Семушкина.

– Владимир Александрович, картина следующая, – голос у него теперь был торжественным. – Не успели выполнить твою команду ракетчики, исчезла цель с экранов радаров. Что случилось с самолетом, никто не знает. Пропал он над высокогорным районом Азербайджана, местность практически непроходимая. Теперь, пока не найдут самолет или его обломки, никакие действия производиться не будут. Как говорится, спи спокойно, дорогой товарищ... Ты хоть пред-

ставляешь, что хотел почти сотню человеческих жизней приговорить? Гаврилыч – а для тебя майор Крячков – обещал не выпячивать твою фигуру, но ты должен ответить благодарностью. Три бутылки «Арарата» пять звездочек...

Семушкин, как китайский болванчик, кивал.

– Молодец! Правильно понимаешь сложившуюся ситуацию.

Пора было опускать занавес.

– Все, дорогой! Сеанс одновременной игры в шахматы закончен. Молчи в тряпочку, не в твоих интересах разговоры разводить. Невинные человеческие жизни губить – геройство никакое. Это, брат, по-другому называется. Так что повторю, молчи грусть, молчи... Устал я с тобой Семушкин, сил нет, пора домой.

Муравьев и Нестеров выпроводили его за дверь, закрыли кабинет и по коридору направились к лифту, вполголоса обсуждая состоявшийся спектакль.

В 10.15 следующего дня в Управлении

Нестеров уже минут десять стоял перед Поздняковым, как провинившейся школьник, а разнос не кончался.

– Ты поступил не просто безответственно. Вести себя, таким образом, все равно что уподобляться индивидуумам, у которых одна извилина, и та под прямым углом! Клоуны расписные, мать вашу так!

Михалыч был разъярен, и на то у него были причины.

– Можешь объяснить, какая вожжа вам под хвост попала, на кой хрен вообще сдался Семушкин? Зачем и кому нужна эта комедия?

Свои слова он сопровождал резкими взмахами кулака правой руки.

– Надеюсь, ты в состоянии понять простейшую вещь: если Семушкин узнает о том, как его разыграли, он такой рапорт накатает, что мало не покажется. Мне в том числе. Три дня назад я на тебя, юноша недозревший, аттестацию писал. Так вот, в соответствии с этим документом, Сергей Владимирович Нестеров – высокоинтеллектуальный, разносторонне развитый, дисциплинированный работник, способный к выполнению заданий повышенной сложности и риска. И тут, бац! Рапорт Семушкина! Тушите свечи, сливайте воду.

Нестеров хотел оправдаться.

– Молчи, Фигаро хренов! А то, честно, в глаз дам! По-

дружески так залеплю, что мама будет плакать.

Нижняя челюсть его ходила туда-сюда, и Нестеров понял: стоит открыть рот, Михалыч точно врежет.

Зазвенел аппарат оперсвязи. Поздняков, хоть и был недоволен, что прервали воспитательный процесс, трубку все-таки взял:

– Да! Здорово, Петров. Нестеров? У меня... Хорошо, сейчас идет. – Он поднял глаза, с сожалением и сочувствием посмотрел на Сергея. – Иди! Начальник Управления вызывает. Доигрался, артист... Здесь я тебе уже ничем не помогу, разве что ругать буду последними словами. Может, и пронесет. Двигай, Сережа.

Последние слова он произнес совсем другим тоном, как будто прощался с тяжело больным.

Через несколько минут бледный от волнения Нестеров был в предбаннике начальника Управления, где командовал все тот же неутомимый и всезнающий капитан Петров. За эти секунды, о чем только он не передумал, ругая себя последними словами, но что сказать генералу в свое оправдание – так и не нашел.

– Кирилл Борисович, – по прямому проводу обратился Петров к начальнику, – Нестеров в приемной... – Выслушав указание, капитан передал его по назначению. – Проходи, Нестеров.

Сергей открыл сперва одну, потом вторую дверь, зашел в кабинет, сделал три шага по ковровой дорожке, остановился

и отпрапортовал:

– Товарищ генерал-лейтенант! Оперуполномоченный старший лейтенант Нестеров по вашему приказанию прибыл!

Начальник Управления встал из-за стола и рапорт вошедшего выслушал стоя.

– Проходите, Сергей Владимирович! Присаживайтесь.

Он показал на место за приставным столиком.

– Сколько лет вы у нас работаете? Четыре года... Что ж, срок не малый. В органы направлялись по рекомендации разведки?

– Так точно, товарищ генерал!

Нестеров по интонации, манере разговора, направленности вопросов понял, что вызов к руководству не связан, слава Богу, со вчерашними событиями.

– Достаточно имени-отчества, Сергей Владимирович. Скажите, вам нравится работать в нашем коллективе, чему вы научились за это время?

– Кирилл Борисович, я еще, когда был на стажировке, подружился с несколькими сотрудниками. В отделении приняли хорошо, такое чувство возникло, что знаю всех много лет. Ребята, конечно, – оперативники суперкласса, но никакого зазнайства или снисходительности с их стороны не было. В наставники мне определили Алексея Ивановича Супортина. Замечательный человек, никогда не кричал, не возмущался, хотя поводов для этого я, наверное, давал больше чем доста-

точно. Спокойно разложит все по полочкам – и становится ясно, где я ошибся и как можно исправить ошибку. Когда после Высшей школы распределили на работу в Управление, я обрадовался. Работать с людьми, которых знаешь и уважаешь, – большая удача, по-моему. В плане накопления оперативного опыта очень много, конечно, дала Универсиада...

– Я помню, что за достигнутые положительные результаты вы были награждены Грамотой Председателя... Это хорошо. Женились? Дети есть?

– Да, сыну скоро два года, дочке меньше месяца. Квартиру получили, живем с моей мамой.

– С родителями жены общаетесь?

– Конечно, Кирилл Борисович. Нормальные, хорошие люди: тесть вообще золотой мужик, а теща... – замялся Нестеров.

– Понятно, – улыбнулся генерал, – тещи нам характером не подходят.

Вступительная часть была завершена, и начальник перешел к предмету встречи.

– Сергей Владимирович, за время работы в нашем Управлении вы зарекомендовали себя с положительной стороны. Сегодня я утвердил вашу аттестацию, и для прохождения дальнейшей службы вы направляетесь в Первое главное управление. На ваше место приходит теперь уже бывший сотрудник разведки. Правда, руководство отдела считает, что замена неравноценная. Как работника они его не знают, хотя

всем известно, что разведка хорошие кадры не отдает... – Генерал тут же поправился: – Мы, правда, тоже. Но здесь особый случай, и спорить с ними сложно... Что скажете, Сергей Владимирович?

Такого поворота событий Нестеров не ожидал. Надо было немедленно отвечать на вопрос начальника, реагировать адекватно складывающейся ситуации. Но так не получалось: душа хотела одного, рассудок диктовал другое.

«Генерал вопрос задал так, для проформы, – думал он. – Знает, что никуда не денусь, а на самом деле не так все просто, как ему представляется. Здесь у меня все тип-топ, не то, что было раньше. А как будет там, одному Богу известно. Опять же ребята... Где еще таких золотых мужиков найдешь? Может, отказаться?.. Нельзя. Никто не поймет, а неприятностей наживу выше крыши. У них же все решено, договорено и просчитано. Опять-таки, служишь не там, где нравится, а где приказано».

Пауза затянулась, но начальник Управления терпеливо ждал.

Нестеров собрал свои мысли в кулак.

– Извините, Кирилл Борисович. Как-то неожиданно все получилось...

Генерал ободряюще улыбнулся. Он видел реакцию сотрудника: радости или, того больше, восторга от возможности перейти в другое, как считают многие, элитное подразделение у него не было. Значит, парень дорожит работой в

Управлении, а это, что ни говори, приятно.

Сергей уже полностью владел собой и четко формулировал свои мысли:

– Первое время у меня было много сложностей, я никак не мог найти себя в работе. Допускал грубейшие, порой совершенно нелепые ошибки. От этого и лезли в голову дурные мысли: туда ли пришел, тем ли делом занимаюсь... ну и много чего другого. Я только сейчас понимаю, сколько времени и сил потратили на меня те же Алексей Иванович, Поздняков, Саша Муравьев, другие ребята... Не знаю, как им удалось выбить дурь из моей головы, сделать так, чтобы, в конце концов, поверил в себя, научился работать по-настоящему. Мне кажется, только сейчас я стал самим собой, появились интересные совершенно реальные разработки... Жалко, конечно, что приходится расставаться и с делами, которые не успел завершить, и с друзьями, но я понимаю необходимость этого шага. Скажите, Кирилл Борисович, в дальнейшем можно будет вернуться в Управление?

Генерал внимательно, испытующе посмотрел на Нестерова.

– Вопрос неожиданный. По крайней мере, у меня в кабинете он звучит впервые. Обычно, кто попал в разведку, обратно не возвращаются. Но нет правил без исключений. Будем рады опять принять вас в свои ряды. Однако задумываться об этом сейчас, по-моему, преждевременно – впереди у вас трудная, интересная работа. Надеюсь, что опера-

тивный опыт, приобретенный в нашем Управлении, поможет достойно решить поставленные перед вами задачи.

Он встал, вышел из-за стола и протянул руку.

– Успехов, Сергей Владимирович, на новом поприще.

С девятого этажа на свой четвертый Нестеров спускался по лестнице пешком, надо было прийти в себя.

Вдруг в голове щелкнуло, и он вспомнил:

«Поздняков, дружище. Ты, небось, извелся там, в своем кабинете. Как же я, скотина неблагодарная, мог забыть про тебя?»

Он прибавил шагу, да так, что фактически перешел на бег.

– Сергей! Сергей Владимирович! Подожди, пожалуйста. Что ты летишь, как ракета? – Это был Семушкин, поджидавший Нестерова в коридоре. Выглядел он не так потерянно, как вчера, но бледность конопатой физиономии и черные круги под глазами говорили о бессонной, беспокойной ночи.

– Чего тебе, дорогой?

У Нестерова не было никакого желания и настроения с ним общаться: и Михалыч ждет, и событие радостное – а тут живой укор стоит...

– Пошли со мной к Позднякову, по дороге расскажешь, что у тебя еще случилось...

– Я принес... – семена сбоку и заглядывая в лицо, прошептал Семушкин.

– Не понял, – искренне удивился Сергей. – Что принес?

– Коньяк, армянский, пять звездочек, три бутылки, для

майора Крячкова.

Они стояли перед кабинетом Позднякова, и Сергей, чьи мысли неслись галопом абсолютно в другом направлении, не мог сообразить, как достойно и без потерь выйти из этой ситуации, но отступить было некуда. Только вперед!

– Ладно, – повернулся он к Семушкину, – сейчас посоветуемся и решим.

Нестеров коротко стукнул в дверь.

– Можно?

Увидев их вдвоем, Поздняков побледнел, челюсть бульдожки слегка отвисла; со странным выражением лица он откинулся на спинку стула. Семушкин с извиняющейся улыбкой кивнул в знак приветствия и занял позицию справа за спиной Нестерова.

– Юрий Михайлович! – Сергей под впечатлением только что состоявшегося разговора с генералом даже не обратил внимания на метаморфозу, что произошла с его другом-начальником. – Может, соберемся сегодня? Повод есть. Пока озвучивать не буду, но стол за мной. Вы не будете возражать, если Володя к нам присоединиться?

Михалыч сглотнул, как будто ему что-то мешало в горле, положил локти на стол и, набычившись, посмотрел на обоих.

– Какие могут быть возражения? – Поздняков отчего-то хрипел, как при ангине. – У нас клуб открыт, сам знаешь... Пусть приходит. Ты иди пока, Владимир Александрович. Нестеров тебе потом все расскажет. Иди, боец.

Как только закрылась дверь, Михалыч, встав, коротко выдохнул:

– Ну?

– Кирилл Борисович объявил, что меня переводят в Первый главк.

– И все?

– Все.

– Нестеров, у тебя с головой в порядке? Космонавт долбаный! Я тут сижу, мысли разные ковыряю, больше про покойников, конечно. Вдруг ты вваливаешься с Семушкиным... Я как увидел вас вместе, меня чуть Кондратий не хватил. Все, думаю, кранты. Это они от генерала пришли, сейчас будут приговор предьявлять.

Сергей никогда не видел его таким взволнованным.

– Вдруг какая-то пьянка-гулянка, Семушкин зачем-то... Гад ты, Нестеров, сволочь натуральная. Живьем в гроб меня загонишь, боец-молодец.

Достав платок, он вытер выступивший от волнения пот.

– Ладно, садись давай.

Они опять оказались по разные концы стола в положении начальник – подчиненный.

Поздняков сгибал-разгибал в пальцах скрепку, стараясь не смотреть в глаза Нестерову.

– Я давно знал, что тебя должны перевести, но думал: обойдется. Не получилось... Рад за тебя... – В голосе, однако, слышалось прямо противоположное. – Значит, решил

проставиться по случаю назначения? Нормально, дело хорошее. Только Семушкин здесь причем? Он же не наш человек.

– Михалыч! Я думаю, надо все-таки закрывать вчерашнюю сагу о Форсайтах. Мне кажется, лучше момент трудно подобрать.

Выражение лица у Позднякова было скептическим.

– Выпьем, закусим, настроение создадим и под это дело глаза ему откроем. Опять же коньяк армянский, с ним надо что-то делать...

– Какой коньяк?

– Семушкин притащил. Три бутылки марочного армянского, специально для майора Крячкова.

– Да ты что? Молодец какой! Все-таки он у нас феномен, – улыбнулся Поздняков. – Может, оно все и к лучшему. Сделаешь под коньячок признание, камень с души сбросишь, и на сердце полегчает... Только будь осторожней, Серега. Вовочка хоть и хрупкого телосложения, но стаканом в репу врезать – на это у него силенок хватит... И прав, кстати, будет.

– Не бойсь, Михалыч. Я постараюсь деликатно, чтобы Вовчик не очень расстроился.

Отвальная

Вечером собрались в том же кафе на Кузнецком мосту, где гуляли когда-то с краснодарцем Прокоповым. Народу было немного, все свои, за исключением, конечно, Семушкина, который поначалу чувствовал себя не в своей тарелке. Но после третьего тоста немного расслабился, хотя напряжение оставалось: Нестеров же обещал, что на мероприятии обязательно будет майор Крячков. Поэтому портфель с коньяком Володя контролировал, неотлучно держал его у правой ноги.

Через часок «офицерского собеседования» Семушкин за-нервничал, а еще через полчаса совсем замучил вопросыми: когда же, наконец, придет Крячков? Нестеров видел, что «клиент» не совсем готов к восприятию информации, по-хорошему, его еще чуток бы подзаправить, но дальше терпеть нытье было невозможно.

– Давай, Володь, ставь коньяк. Гаврилыч сейчас будет.

Семушкин почему-то достал одну бутылку, поставил на стол, открыл, однако разливать не стал. Наверное, решил подождать товарища майора. Нестеров, развернувшись к нему в полкорпуса, заговорил голосом старшего помощника ответственного дежурного КГБ СССР Крячкова.

– Что же это вы, товарищ Семушкин?

Володя завертел головой, пытаясь понять, откуда возник незабываемый, приводящий его в трепет голос.

– Мало того, что выражаетесь при исполнении, так еще и водку жрете? И в немалых количествах, как я вижу.

Последние слова Нестеров произносил уже лицом к Семушкину. Раздался дружный хохот. Веснушчатое Володино лицо налилось кровью, кулаки сжались с такой силой, что побелели костяшки пальцев, изо рта вырывался не связанный между собой набор слов:

– Это ты, да? Я вас... Вы узнаете... Никогда!..

Семушкин сделал движение, порываясь уйти, но его пригвоздил голос Позднякова.

– Стоять, боец! Может, послушаете, Владимир Александрович, старших товарищей?

Юрий Михайлович умел завораживать и приказать мог так, что пойти наперекор не смел никто. К тому же, волею случая, за столом они оказались друг против друга, и Михалыч не преминул воспользоваться этим обстоятельством.

– Смотри на меня, Володя, и слушай. Глаза подними, вот так... Попробую объяснить тебе, что вчера произошло. Если, конечно, ты в состоянии что-либо понимать. Готов к восприятию?

За столом наступило молчание. Семушкин через силу кивнул в знак согласия.

– Владимир Александрович, ты никогда не задумывался, почему с завидной регулярностью становишься объектом всяких шуточек, приколов и прочего? Ничего в твоей голове не щелкает? Или ты уверен в своей непогрешимости?

Судя по всему, так оно и есть.

Поздняков, не отрываясь, смотрел на Семушкина.

– Мы, видать, не знаем, что ты у нас доктор юридических наук, имеешь богатый оперативный опыт, завербовал с десятков иностранцев, награжден высокими государственными наградами. Так, Володя? Неужели не так? Что же ты тогда, профессор кислых щей, весь оперсостав отдела «лечишь»? Какое имеешь на это право? Почему от твоих нравоучений все наши бойцы стонут? Хотя почему только наши? Занудством и заносчивостью ты и других достал. Начальник твой, Плотников, уже не раз оправдывался и извинялся перед другими подразделениями за твое высокомерие, беседы с тобой проводил. Но тебе, дружок, хоть ссы в глаза – все божья роса. Ничто тебя не берет! Как с тобой еще бороться, если не такими методами, что использовали ребята?

Семушкин, сжав губы в тонкую линию, зло, с ненавистью смотрел на Позднякова. А тот, видя его реакцию, ударил из «главного калибра».

– Рапорт хочешь писать? Пиши, дорогой. Только подробно, с деталями. И объясни, заодно, каким рейсом можно долететь из Воронежа во Фракфурт-на-Майне. Там, для твоего сведения, на поле одни «кукурузники» стоят, и никакого пограничного и паспортного контроля нет...

Все смотрели на Семушкина. До него, похоже, стала доходить нелепость ситуации, а Поздняков в более жесткой манере продолжил:

– Семушкин Владимир Александрович, оперуполномоченный центрального аппарата Комитета государственной безопасности СССР, с двумя высшими образованиями. Как вы себе представляете: в какой такой природе могут существовать, вопреки всем правилам конспирации и человеческой логики, сводные списки агентуры, работающей по контингенту иностранных учащихся, да еще с раскрытием всех установочных данных? Не знаете? Пойдем дальше. Сутки прошли, а ты все веришь, что по твоей команде ракетные части противовоздушной обороны страны сбили гражданский самолет с пассажирами. Приказ по городскому телефону отдавали, товарищ маршал Советского Союза? Еще будем перечислять или тебе хватит для определения степени своей профессиональной пригодности?

Семушкин опустил свою рыжую голову. Уши полыхали ярко-красным пламенем, как на морозе. Поздняков, взяв стакан, где плескалась «сотка» водки, примиряющее сказал:

– Володя, не сердись на ребят, лучше на себя обернись. Обижать тебя по-настоящему никто не хотел. Так получилось; в чем-то ты и сам виноват. Давай, брат, лучше шлепнем по маленькой, всепрощающей, сделаем зарубки на память и не будем больше вспоминать об этом.

Водка пошла по своему назначению. Семушкин, без всякой реакции на предложение Позднякова, стоял, опустив голову. Потом медленно обвел взглядом закусывающую опербратию, говорящую ему что-то шутливое и доброе, губы его

затряслись и сквозь бессильные слезы, бросившись к выходу, он закричал:

– Да пошли вы...

Он не успел сделать пяти шагов, как со всего маха влетел в здорового, как огромный платяной шкаф, милицейского лейтенанта.

– Так, нарушаем, значит? – Голос у мента был недобрый. Правой вытянутой рукой он держал Володю за лацкан пиджака. Семушкин, и так-то не атлетического телосложения, по сравнению с ним казался сущим ребенком.

– Отпустите меня, отпустите немедленно!

Он хотел освободиться, но его попытки выглядели такими беспомощными, что, кроме чувства жалости, ничего другого не вызывали.

– Чего дергаешься, рыжик дохленький? – сказал лейтенант с издевкой и наслаждением, видя, как безуспешно барахтается человек. – Испортил мне аппетит и еще дергаешься, суслик? Щас сдам тебя нашим, они из тебя вмиг картинку сделают. Посидишь, отдохнешь суток пятнадцать, запомнишь, как милицию обижать.

Ближе всех к ним был Нестеров, который с доброжелательной улыбкой шагнул на выручку Семушкину.

– Извините, коллега, вышло недоразумение. Все случилось случайно. Мы приносим свои извинения, отпустите, пожалуйста, нашего товарища, – и Сергей протянул руку к Семушкину.

Лейтенант резким движением отбросил руку Нестерова.

– Коллега? Хрен на грядке тебе коллега. Отойди в сторону, интеллигент вонючий, срань поганая, а то компанию составишь дружку своему.

Он вел себя так, будто царь и бог на этом пространстве.

Сергей изменился в лице: он органически не переносил хамства и грубости.

– Слышь, ты, недоумок в погонах! Я – старший лейтенант КГБ, вот мое удостоверение. Видишь? Буквы знаешь, читать умеешь? Если не оставишь нашего товарища в покое, хорошего для тебя будет мало. Возьмем его силой, а тебе припишем нападение на сотрудника органов госбезопасности. Ты у меня век не отмоешься, даже в ментовке своей поганой. Понял, хрен без грядки?

Чекисты сделали движение вперед, и милиционер сумел оценить превосходство противника.

– Звиняйте, дядьку!

С кривой улыбочкой он отпустил пиджак Семушкина.

– Я ж не знал, что вы из ГЭБЭ. Сразу б сказали, и разговоров бы не было. Я, товарищ старший лейтенант, и науку вашу, и вас очень даже хорошо понял и запомнил. Так что, простите-извините, как говорится. До побачинья!

Милиционер пятился, не сводя с них маленьких злых глаз, потом резко повернулся и вышел из кафе.

– Серега, спасибо... – сказал Семушкин дрогнувшим голосом.

– Да брось, Володь. Это ты меня извини, – Нестеров приобнял его за плечи. – Глупо все получилось. Не сердись, будь другом.

Они вернулись за стол, к пельмешкам и водочке.

– Да ладно... – Семушкин смущенно улыбнулся. – Сергей, а как это у тебя так классно получается на разные голоса говорить? Здорово! Я думал, только артисты в театре или в цирке так могут. Тебе на сцене выступать надо.

– Правильно, Володя, – вступил Михалыч. – Мы его теперь на гастроли отправляем, чтоб зарубежную публику поражал своим талантом. За что и предлагаю выпить! – Внезапно Поздняков изменился в лице, увидев кого-то за спинами Семушкина и Нестерова. – Тьфу ты, мама дорогая! Как говорится, не плачь – прости шального сына. Только этого нам не хватало для полного счастья...

– Что случилось, Юрий Михайлович? – Саша Муравьев, сколько б ни выпил, всегда очень чутко реагировал на обстановку. Тем более, если это касалось руководства.

– Спокойно... Столик у окна, мужик мясо ножом пилит, видишь?

– Знакомый персонаж, встречал я его в наших коридорах.

– Не то слово. Человек из председательской когорты, должности не знаю, но в принадлежности не ошибаюсь... Представляешь, он во всех подробностях наблюдал картинку с милицейским лейтенантом. Да и нас срисовал. Вот попали...

Разговор шел почти шепотом, никто на них внимания не обращал.

– Раскудрявый палисадник, посади туда цветы, – вздохнул Поздняков. – Только бы все обошлось. Ребятам не говори, не расстраивай раньше времени.

– Ясен перец, не буду... А вы не знаете, что у нас за манера пошла: милицейским протоколам верить больше, чем своим сотрудникам? Говорят, неделю или две назад полковник из Первого главка ни за что в ментуру залетел, так его чуть из партии не поперли.

– Муравьев, это ты к чему? Если хочешь узнать, отчего у нас такие порядки, не меня спрашивай. Встань на партсобрании и задай, пожалуйста, свой вопрос парткому КГБ. Будет очень интересно, что ответят наши идейные руководители.

Разговор за столом стал опять принимать общий характер. Кто-то высказался за то, чтобы новую фазу офицерского собрания отметить свежей порцией долгожданного коньяка, и Семушкин, с полным согласием открыв вторую бутылку, начал разливать по стаканам, но не успел.

В очередной раз открылась стеклянная дверь; в кафе зашел подтянутый, щеголеватый, весь с иголки капитан милиции, а за ним знакомый лейтенант и еще четыре милиционера в полном снаряжении. Все направились к двум сдвинутым столикам команды Позднякова.

– Вы и вы... – капитан по подсказке лейтенанта, стоящего за его плечом, указал на Нестерова и Семушкина. – Встали

и прошли с нами.

Увидев, что кто-то пытается возразить, капитан резко добавил:

– Не советую. Мы – при исполнении, а вы находитесь в состоянии алкогольного опьянения, нарушаете общественный порядок, распиваете спиртные напитки, нецензурно выражаетесь. – Капитан выглядел абсолютно спокойным и уверенным в себе. – Лица, на которых я указал, не подчинились законным требованиям представителя власти, допустив в его адрес оскорбления и угрозы физической расправы, что является противоправными деяниями. Поэтому я должен их задержать и доставить для составления протокола и дальнейшего рассмотрения материалов по существу.

Офицер милиции обвел комитетчиков взглядом, проверяя реакцию.

– Будете противодействовать – использую для выполнения поставленной мне задачи все имеющиеся в распоряжении силы и средства, вплоть до применения оружия. Полагаю, однако, не в ваших интересах усугублять ситуацию, учитывая состояние, в котором вы находитесь, – он иронично улыбнулся, завершая свое выступление. – Предлагаю: спокойно покинуть помещение, а указанным мной лицам пройти с нами в отделение. Здесь недалеко.

Численное преимущество было на стороне чекистов, но они понимали, что капитан рассчитал все правильно.

Ситуацию взял в свои руки Поздняков.

– Сомов, расплачиваешься за ужин. Остальным разойтись по домам и быть на телефонах. Я остаюсь с Семушкиным и Нестеровым. Выполнять!

Серьезность положения была более чем понятна. Уже через несколько минут за их столиками никого не осталось, а Поздняков, Семушкин и Нестеров оказались в окружении милиционеров.

Михалыч хорошо понимал, что дело пахнет скандалом с оргвыводами и последствиями. А как по-другому? Коллективная пьянка, конфликт с милицией – серьезный повод для разбирательств по всем линиям. Подключится большой партком: изучат морально-психологическую обстановку в коллективе, оценят роль руководителей, под микроскопом исследуют деятельность секретаря и членов партбюро. Тут же, не отходя от кассы, разберутся с персоналиями: Семушкина, бедного, вообще с дерьмом смешают, как зачинщика; Нестерова переведут не в ПГУ, а куда-нибудь в ХОЗУ портянки считать. Если не выгонят, конечно. Ну, а ему...

Поздняков, взяв под руку капитана, отвел его в сторону и стал что-то доверительно рассказывать, убеждать, просить. Не было случая, чтобы кто-нибудь ему отказал. Но, судя по выражению лица эмвэдэшника, все старания были тщетны. В то же время возвращаться к задержанным и подчиненным капитан почему-то не спешил. Он даже стал поддерживать разговор.

Лейтенант, с которого и началась история, подошел к

Нестерову.

– Так кто из нас хрен, старлей? Чего глазки таращишь? Очень я тебя испугался, ути-пуси... погоди, сука, ты еще у меня наплачешься, долго будешь помнить нашу встречу. Слабачок ты, старлей... Сам-то ничего не стоишь, соплей можно перебить, вот ты за спины дружков и прячешься. А еще, говорят, вас там всяким приемчикам учат. Врут, видать, суки... Засранцы вы все, засранцы! Что зубками скрипишь? Все равно ничего не сделаешь. Плюнуть на тебя и растереть.

Он смачно отхаркнулся и попал на ботинок Сергея, после чего рассмеялся, широко открыв рот и брызгая слюной прямо в лицо Нестерова.

Тот побледнел, зная, что в следующую секунду станет работать на автомате: носком правой ноги – удар в голень, под чашечку; мент согнется и тогда – ладонями по ушам да с размаху коленом в морду... Почему он сдержался, что остановило? Может, присутствие своих? Будь он один, все могло быть по-другому.

В кафе почти никого не осталось. С момента, когда появилась милиция, народ потихоньку рассеивался. Возможные посетители, заглянув и увидев защитников правопорядка, сразу удалялись.

Внезапно раздался спокойный и громкий голос:

– Кто из сотрудников милиции старший?

У дверей стоял невысокого роста мужчина в пальто с меховым воротником и ондатровой шапке, за его плечами воз-

вышались два молодых человека под метр девяносто каждый, похожие друг на друга, как братья-близнецы.

– Капитан Лисовский, ГУВД Москвы, – представился милиционер. – Кто вы такой?

– Полковник Беляев, начальник дежурной службы при Председателе КГБ СССР. Вот мое удостоверение. Нам необходимо переговорить. Пройдите, пожалуйста, сюда.

Он указал на освободившийся в углу кафе столик.

Поздняков с недоумением наблюдал за действиями вошедшего. Это был человек, которого он узнал и рассказал о нем Муравьеву. Когда тот успел выйти и вернуться с сопровождением – непонятно... Или Поздняков потерял счет времени?

В кафе наступило гнетущее молчание, все ждали, что будет дальше.

Разговор длился не более трех минут, после чего комитетчик вытащил блокнот, что-то написал, аккуратно оторвал листок и передал его капитану. Прочитав, тот спрятал написанное в планшет, козырнул и резко скомандовал:

– За мной!

Ничего не понимающие милиционеры вместе с лейтенантом выскочили за дверь.

– Теперь вы, – обратился к Позднякову, Семушкину и Нестерову представившийся полковником Беляевым. – Выходим и следуем по правой стороне Кузнецкого моста к зданию Комитета. Я первым, потом вы, замыкающие – мои со-

трудники.

Они вышли из кафе. С противоположной стороны улицы, от ЦУМа, за ними, не скрываясь, в полном составе наблюдали знакомые лица в милицейских погонах. Они же стали их сопровождать, держась невдалеке.

В полном молчании чекисты дошли до приемной КГБ; был уже десятый час вечера. Беляев, нажав кнопку звонка, вызвал охрану. Ему открыли, и все зашли внутрь.

– Вы, – обратился он к молодым людям, сопровождавшим его, – следуйте к месту службы. Остальные за мной, пожалуйста. Кабинет номер два.

Помещение было достаточно свободным, а из обстановки – обычный стол и с десяток стульев.

– Раздевайтесь, присаживайтесь. Можете курить, только не все сразу.

Хозяин не выглядел особенно радушным, но и излишней жесткости, которую они уже отметили при его общении с милиционерами, в голосе не было.

– Ваши удостоверения, пожалуйста. Будем знакомиться. Я Беляев Николай Алексеевич, должность и звание вы слышали.

Посмотрев документы и разложив их в раскрытом виде перед собой, полковник обратился к Позднякову:

– Юрий Михайлович, не помнишь меня? Два года назад зимой в Кратово вместе отдыхали. Ты еще тогда на горке лыжу сломал... Помнишь, конечно. Вижу, что помнишь. И в

кафе меня узнал, – улыбнулся Беляев. – Рассказывайте, друзья, по какому поводу собрались, что отмечали и почему места получше и подальше от работы не нашли? Рассказывайте, рассказывайте! Здесь молчать не получится, да и вредно для вас.

Начал Поздняков, затем как-то незаметно все перешло к Нестерову, а тот, натура артистическая, не заметил, как увлекся и стал показывать ситуацию в лицах, временами вызывая улыбку Беляева. Когда повествование дошло до событий в кафе, тот его остановил:

– Стоп, дальше я знаю. Был там, все видел и слышал.

Семушкин и Нестеров удивленно переглянулись.

– Счастье ваше, что о перипетиях состоявшегося сейчас общения с представителями органов внутренних дел я узнаю не из милицейских протоколов. Будь по-другому, на всей вашей карьере в Комитете можно поставить жирный крест. Правильно, Юрий Михайлович?

Поздняков согласно кивнул.

– Видите, молодые люди, начальник ваш прекрасно понимает, в какое дерьмо вы вляпались. А теперь скажите, ничего необычного не заметили? Не торопитесь, подумайте спокойно, время есть. Можете высказать любые соображения.

Семушкин, тщетно пытаясь сосредоточиться, беспомощно моргал глазами; Михалыч, закурив очередную сигарету, ушел в себя, а Нестеров невидяще смотрел в глаза Беляева, по деталям вспоминая последние события.

Первым начал Поздняков.

– В том, как все начиналось, ничего особенного не вижу. Менты в последнее время вообще ведут себя по-хамски, с нами в том числе. Особенно те, кто на улицах в форме работает. С оперсоставом нормальные отношения как были, так и остались. Эти же бросаются, словно бешеные. Лейтенант-горилла как раз из этой породы, а Володя ему просто под руку попал. Когда лейтенант уходил, у меня щелкнуло, что надо сматываться, уж больно злобен был, собака... но лень-матушка и русское авось...

– Какое там авось? – перебил холодный голос Беляева. – Водка, Поздняков, водочка виновата, а не лень-матушка, как ты говоришь. Ладно, продолжай.

Михалыч в смущении опустил голову.

– Наверное, вы правы, Николай Алексеевич. Не без этого, конечно. Но главное в другом.

Он замолчал, сосредотачиваясь.

– Казалось бы, получил лейтенант по носу, побежал к своим за подмогой – здесь ничего странного нет, в каждой деревне такой разворот. Вроде как: «Ребята, наших быют!» А вот откуда капитан взялся? Я таких орлов у них лишь в министерстве видел. Вы бы слышали, как он говорит, какие отточенные формулировочки. И за плечами у него точно не средняя школа милиции, больно грамотный человек... Я пытался его уломать, не устраивать скандала, разойтись полюбовно. Вспомнил Елисеева, заместителя начальника ГУВД,

еще пару мужиков, с кем работал и кого знаю. Ничего, ноль эмоций, как будто это не его руководство. Вообще, как он оказался в отделении милиции и почему с нарядом прибежал? Сапожки-то хромовые, в таких зимой по коридорам ходят, а не по снегу за преступниками бегают. Разговаривал со мной тоже странно: и не отказывал, и не соглашался. Ни два, ни полтора.

– Знаете, что я думаю, – подключился Нестеров. – Наверное, он специально тянул. Я вспоминаю, какая у него была напряженная спина. Он разговаривал с вами, Юрий Михайлович, а сам прислушивался, какой у нас с лейтенантом разговор идет... А эта падла, извините, Николай Алексеевич, меня так доставал, вы представить себе не можете! Хамил, обзывал всякими словами, на ботинки плевал, из кожи лез, – фактически умолял, чтобы я ему в рожу заехал. Но теперь я понимаю, специально все было сделано: и наглость его, и оскорбления. Он даже подставился, в расчете, что я ему по яйцам врежу, троглодит хренов! Наверняка, подготовился, что буду бить по мужскому достоинству. Может, успел даже дощечку какую-нибудь, как защиту, поставить. А зря. У меня была другая заготовка. Я бы его так порадовал, будь здоров!

Мысль, к которой он шел, пока рассказывал, сформировалась.

– И вот тогда они бы оттянулись по полной. Для начала отделали бы нас прямо в кафе. В ментовке еще добавили. До утра засунули в обезьянник, и только потом передали бы

вам, Николай Алексеевич, в дежурную службу... А что дальше, у меня воображения не хватает.

– Фантазии тут ни к чему, опыт разбирательств происшествий подобного рода уже имеется. – Беляев бросил взгляд на удостоверение, лежавшее перед ним, и продолжил: – В течение недели, Сергей Владимирович, проводится служебное расследование, затем по его результатам исключают вас из партии и поганой метлой выгоняют из органов. Вот так, товарищи офицеры.

– Но мы же не виноваты! – чуть не закричал Семушкин. – Я помню, как эта сволочь схватила меня. Да от него злобой за версту разило! Он убить был готов!

– Володя, успокойся, – вернул его на землю Поздняков. – Что всполошился? Мы же в приемной Комитета, а не в ментовском обезьяннике.

– Правильно, Юрий Михайлович, – поддержал Беляев. Зазвонил телефон, стоящий на столе, он взял трубку, выслушал сообщение и коротко ответил:

– Хорошо, понятно... Спасибо. Пусть подойдет дежурный. – Потом посмотрел на сидящих перед ним офицеров. – В силу сложившихся обстоятельств объяснять вам ничего не буду, принимайте все, как есть. Сейчас вас выведут через запасной выход, и вы окажетесь в метро на платформе станции «Площадь Дзержинского». Завтра подготовите собственноручные отчеты о произошедших событиях, с подробным описанием деталей конфликта с представителями орга-

нов внутренних дел. Никаких домыслов и умозаключений, только факты и результаты наблюдений. Вы, Юрий Михайлович, передадите отчеты мне. При написании документов прошу соблюдать правила конспирации с тем, чтобы информация не стала достоянием гласности других лиц, включая коллег по работе. Ни один человек, в том числе руководители отдела, не должен быть в курсе происшедшего. Тем, кто был вместе с вами сегодня, объясните, что сумели договориться с милицией, хотя бы за тот же коньяк. Понятно? Не сможете удержать информацию – пеняйте на себя.

Раздался стук в дверь, и вошел дежурный.

– Проводите товарищей по запасному варианту, – сказал Беляев и, повернувшись к оперработникам, предложил забрать лежащие на столе удостоверения.

Когда все трое были у дверей, Семушкин внезапно остановился и, покраснев, обратился к Беляеву:

– Я вечно попадаю в неловкие ситуации, все смеются надо мной, даже когда хочу сделать что-то от души. Сейчас, наверное, то же самое будет... Ну и пусть! – Он перевел дух. – Николай Алексеевич, товарищ полковник, спасибо за все. Не обижайте меня отказом, пожалуйста, и сами не обижайтесь. Это от чистого сердца. Возьмите, пожалуйста. Хороший, самый лучший коньяк, армянский, пять звездочек...

С этими словами Семушкин, открыв портфель, достал последнюю бутылку и поставил ее на стол перед Беляевым.

Что происходило в душе полковника, сказать трудно. На

лице не дрогнул ни один мускул. Он, встав из-за стола, посмотрел на всех троих.

– Идите и не забудьте, что я сказал.

Когда дверь за ними закрылась, он вызвал сотрудника внешней охраны и из сообщения понял, что милицейская «наружка» не случайно оказалась в районе приемной. Ведут наблюдение, вероятно, пытаясь понять, что будут делать дальше с задержанными. Какие мысли бродят у эмвэдэшников в головах, сказать трудно, поэтому он и отправил Позднякова с ребятами от греха подальше по запасному варианту.

«Что происходит? – размышлял Беляев. – Это не первый случай, когда МВД создает провокационные ситуации в отношении сотрудников госбезопасности. Сегодня утром застрелился полковник Нестеренко, заместитель начальника отдела Второго главка. Две недели назад его задержала милиция в метро. Он ехал с дежурства и заснул в вагоне. На конечной – милиционеры, не разбираясь, скрутили его, избили до потери сознания, не дав слова сказать, а когда увидели при обыске удостоверение, насильно влили в него водку и оставили до утра в камере; только потом вызвали дежурную службу Комитета. Все это он описал в предсмертной записке, и оснований ему не верить нет... Я же помню Нестеренко со времен погранучилища, потом еще вместе на соседних заставах на финской служили. Классный мужик... был. Наши тоже непонятную позицию заняли: ему не поверили, а мериллом истины сделали милицейские протоколы... Несте-

ренко и не выдержал; с женой еще развелся... В общем, все одно к одному...»

Беляев открыл форточку, оторвал кусок газеты, свернул его кульком, ссыпал туда давно погасшие окурки. Делал все машинально, вспоминая, как Председатель после доклада по самоубийству дал поручение провести тщательное, объективное служебное расследование и с горечью отметил, как мало доверяем своим сотрудникам и не ценим драгоценный человеческий материал, которым располагаем. Ему же, Беляеву, приказал провести анализ всех случаев задержания милицией сотрудников органов госбезопасности и выяснить, нет ли эскалации этой тенденции в течение последнего времени.

«Есть над чем подумать, – усмехнулся Беляев, – учитывая, мягко говоря, нелюбовь Министра внутренних дел к нашему Председателю. И тут – надо же! – сегодняшние события... Молодец, конечно, Нестеров. Если б не сдержался, всем было бы плохо. Такое бы дело раздули, что только держись. До вселенского масштаба! Никто не помог бы ребятам. Завтра, как получу рапорта, доложу Председателю. А сейчас – домой. Времени уже первый час, опять Полина ругаться будет».

*Разведка и контрразведка ведут
между собой жестокую войну.
Кто лучше и тоньше замаскирует своих
агентов, кто лучше сохранит тайну организации,
кто... лучше использует средства, могущие быть
использованными, тот будет победителем.*

Азбука контрразведки, 1925 г

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГАСТРОЛИ

«Грэг»

Этим вечером Нестеров приехал домой пораньше, еще за-светло.

Двор жил обычной жизнью. Колька с Витькой, братья-близнецы, не сильно и не больно валтузили тихого семилетнего Яшу, сына торгпредского шифровальщика. Дворничиха, из местных, метелкой отбрасывала к забору листья с горячего асфальта. Соседки с верхнего и нижнего этажей, Татьяна с Наташкой, игнорируя окружающих, сложив руки под мощными грудями, с упоением перемывали кому-то кости.

«Интересно, – подумал Сергей, пожелав им доброго вечера, – они хоть на обед прерывались? Или с восьми утра так стоят?»

В трехэтажном торгпредском доме жило пять семей. Нестеровых поселили в двухкомнатную квартиру на втором. Правда, слово «поселили» в этом случае вряд ли уместно. Квартира числилась за ведомством, название которого вслух за рубежом не произносилось, стояла пустой и ждала приезда новых жильцов больше полугода: досрочно откомандировали Фомкина, а готовой замены ему не было. Так что, пока в пожарном порядке готовили Нестерова, времени утекло много. В заключительной беседе генерал, обрисовав, какие надежды они на него возлагают, совершенно недвусмыслен-

но дал понять, что, учитывая обстоятельства отъезда Фомкина и образ его поведения, Нестерову надо держать ухо востро. Прав оказался генерал.

Любе Нестеров ничего не стал рассказывать. Хотя, как оказалось, от жены разведчика мало что можно спрятать.

Он поднялся на второй этаж, открыл дверь. В гостиной никого не было, хотя какое-то шевеление в квартире слышалось.

– Любаша, я пришел.

Она выглянула из кухни, держа поднятыми руки, по локоть испачканные в муке:

– Сережка! Извини. Видишь, не могу выйти, все полы извазюкаю. – Жена скрылась на кухне. – Ты что сегодня рано? У меня ужин еще не готов.

– Не беспокойся, я не голодный. А где Олег?

– Его Федоровы забрали, у Жени сегодня день рождения.

– Понятно.

«Это даже хорошо, – подумал он, – можно будет спокойно подготовиться к встрече».

– Любань, у меня сегодня мероприятие в городе, когда вернусь, тогда и поужинаю. Ты не обращай внимания, занимайся своими делами, а мне надо собираться.

Погруженный в себя, он шел в спальню, не замечая, как она вышла на порог кухни и с внезапно вспыхнувшей тревогой посмотрела на него.

Сергей, открыв платяной шкаф, достал свой «боевой»

наряд: светлую рубашку на выпуск, темно-коричневые без складок брюки и сандалии. Типичная одежда местного мужского населения, которую совершенно свободно носят западники и не особо жалуют сотрудники совзагранучреждений, особенно посольские. А Нестеров, исходя из задач, которые перед ним поставили в Центре, с самого начала стал надевать эти вещи при вечерних выездах в город. Поначалу кое-кто косился, но прошло время, люди привыкли, и уже совершенно спокойно относились к таким трансформациям. Тем более, когда узнали про любовь Нестеровых к местным рестораникам, харчевням и лавкам старьевщиков.

Он стал переодеваться и по мере того, как на нем оказывались брюки, потом рубашка, чувствовал, как все становится другим. Оголяются нервы, напрягаются мускулы, обостряются зрение, слух, обоняние. Куда-то исчезает расслабленный и обессиленный тропической жарой индивидуум и рождается совершенно другой человек: собранный, сильный, сжатый, как пружина, готовый к любым неожиданностям... Нестеров посмотрел на себя в зеркало: черты лица заострились, выступили вперед скулы, сжались в узкую линию губы, напряглись мускулы. Но самое странное – глаза. Они изменили форму, по-азиатски стали раскосыми, и так случалось каждый раз перед выходом на встречу.

«Удивительная штука, – думал он. – Я и представить не мог, что такие чудеса могут происходить. Сказать кому – не поверят».

Время бежало без остановки. На часах – девятнадцать семнадцать.

– Любаша, посмотри, пожалуйста, Ваня на месте?

Она вышла на лестничную площадку. Заметно потемнело. Со второго этажа через открытое окно заглянула во внутренний двор и увидела под светом уличного фонаря, как Лукашов, водитель резидентуры, с какими-то вещами садился за руль Сережкиной машины. Люба вернулась в комнату, прикрыла за собой дверь и прижалась к ней спиной. Каждый раз, когда он уходил на такие «мероприятия», ее охватывала дрожь, от которой не было спасения. Что происходило за два-три часа его отсутствия, она не знала, зато видела потом посеревшее, осунувшееся лицо, мешки под глазами, отсутствующий для окружающих, погруженный в себя взгляд. Он был чужим, отстраненным даже для нее с Олежкой. И хотя уже на следующий день Нестеров становился самим собой, она не могла привыкнуть к его вечерним моционам, как он в шутку их называл. Чувство безотчетного страха за своего Сережку не оставляло ее в эти тягучие длинные часы ни на минуту.

– Иван только что подошел, – сказала она, стараясь выглядеть спокойной. – Ты уже уходишь?

– Пора, солнышко! Не скучай, буду часика через два, два с половиной...

– Сережа, поосторожней, пожалуйста. – В ее глазах были страх и мольба. – Прошу тебя...

Нестеров аккуратно, чтобы не обидеть, развел ее руки.

– Не волнуйся, все будет хорошо, обещаю. Ты ведь знаешь, я девушек, особенно таких, как Любочка Китаева, никогда не обманываю. Если обещаю, что женюсь, то слово свое держу. – Он чмокнул ее в щечку и заторопился вниз.

«Вот женщины в русских селеньях, – сверлило в голове. – По-настоящему и знать ничего не знает, но провожает каждый раз, как на войну. Чутье, что ли, срабатывает?»

Его джип, как положено, стоял «под парами».

– Ваня, привет, дорогой! Сумку не забыл?

– Возьми на переднем сидении. Шляпа рядом с тобой. Все должно быть на месте, проверь на всякий случай. Кротов просил передать, что режим в городе обычный. Но мы все равно покрутимся. В «Асторию» заедем, там Гладышев будет, он нас подстраховывает. А пока посиди, подумай, все равно тебе делать больше нечего, сейчас моя работа.

Машина пошла тихим ходом в открытые ворота, раздвигая светом фар упавшую непроглядную темноту.

Ночь в город приходила почти мгновенно. Не было ни вечеров, ни рассветов. Полутона просто не существовали. Вечерами с удивительной красоты закатами можно было наслаждаться только на берегу моря, где свежесть, легкий ветерок и теплая водичка. А здесь... Времени двадцать пять восьмого, а тьма – хоть глаз выколи.

Нестеров сидел на заднем сидении. Повторил про себя план предстоящей встречи и подумал, что еще ни разу у него

не прошло так, как было задумано. Судя по тому, что говорил резидент, у других тоже не лучше. Но, что бы ни случилось, какие бы вводные ни поступили, кровь из носу – ты должен получить информацию, уточнить детали, поставить задание, определить условия связи, проработать вопросы безопасности... и еще два вагона и маленькая тележка того, что надо сделать. Но это – как учили, а в жизни все совсем по-другому. Приходит агент с проблемой, для него самой важной и больной, и пункты твоего плана оказываются на втором или третьем плане. И нет ни помощников, ни подсказчиков, и начальник любимый и мудрый далеко-далеко. И решение, от которого порой судьбы человеческие зависят, ты должен сам принять, и ответственность за все, что наreshал, ляжет только на тебя. Вот такая петрушка, брат. Жизнь такие сюрпризы преподносит, что только держись.

Как, к примеру, начиналась его командировка?

По всем правилам науки, перед отъездом в страну отработал легенду: где учился, где крестился, с кем работал, кого знаешь, друзья, приятели и все такое прочее. Зашифровался, можно сказать, по полной. Приехали, стали знакомиться с соседями, коллегами по работе в Торгпредстве, а ему аккуратно так, ненавязчиво, дают понять: «Мужик! Ты, конечно, можешь врать, поскольку мы понимаем, чей хлеб жуешь, но особенно не завирайся, совесть имей. Мы же хорошо знаем, кто ты и зачем сюда приехал». А куда, брат Тяпкин-Ляпкин, денешься, если твой предшественник, засранец, не раз и не

два по пьянке грозился отправить всех на родину за нарушения правил поведения советских граждан за рубежом, нес всякую другую ересь, за что его, в конце концов, и отправили досрочно в Союз. И как после этого, скажите на милость, надо вести себя с соседями, которые пребывают в твердой уверенности, что его, Нестерова, специально приставили следить за их поведением, смотреть, что они едят, сколько пьют, с кем гуляют и спят, что говорят, какие анекдоты рассказывают. Почти полгода пришлось отношения с людьми налаживать, образ врага стирать.

Ситуация с квартирой и машиной – отдельная песня. В Торгпредстве дефицит с жилплощадью и транспортом, а тут у всех на глазах простаивает и то, и другое. Ждали-ждали, вот-вот замена придет, и дождались... через семь месяцев. А контрразведка, она не дура, все видит и на заметку берет. Будь Нестеров на старом месте, ни за чтобы не оставил без внимания такие детальки. Поневоле генерала вспомнишь с его напутствием. Короче, как говаривала мама: «Все у тебя не как у людей, Сережа».

– Серый, – прервал его воспоминания Лукашов. – Подъезжаем к «Астории».

Машина, завернув за угол, остановилась перед парадным входом в отель.

Нестеров зашел в бар, взял бокал пива, не торопясь огляделся. В зале, в некотором удалении, за столиком сидел Гладышев с каким-то иностранцем. Увидев, кивнул, попривет-

ствовал. «Значит, все спокойно... Что ж, будем двигаться дальше», – отметил Сергей, салютуя в ответ своим пивом.

До встречи еще оставалось время, и Лукашов стал опять нарезать круги по городу. Причем он никогда не повторялся и тем не менее ни разу не сбился с маршрута. На место встречи всегда выходили минута в минуту.

– Сережа! Готовься...

В свете фар обозначилась фигура человека в светлой рубашке с полотняной сумкой через плечо. Верный джип сбросил скорость и катился на нейтралке.

«Кажется, он... – подумал Нестеров, но тут же в ухо зашептал другой голос: – А может, не он?»

Внутри все схватило морозом, холодом, тело и мозг превратились в единый, четко работающий механизм, не было ничего другого, кроме того, что должен сейчас сделать.

Лукашов вырубил дальний свет.

– Ваня, я пошел.

Аккуратно, почти бесшумно, Сергей приоткрыл заднюю дверь, в левую руку взял шляпу и змеёй скользнул на землю. Двигаясь быстрым шагом, одетый, как большинство местных, с сумкой, купленной за гроши на старом рынке в центре города, он приближался к идущему впереди человеку. Машина с погашенными габаритами шла немного впереди. Если это не «Грэг», тогда Нестерову надо будет обратно нырять в свою таратайку и идти дальше по маршруту.

Когда между ними оставалось всего несколько метров,

человек остановился, полуобернулся и сделал характерный жест рукой.

– Грэг, его манера, – мелькнуло у Сергея. Хотя сомнения все-таки оставались и растаяли лишь после того, как оба оказались лицом к лицу.

– Здравствуйте, господин Лео.

– Здравствуйте, Серж! Как ваше здоровье, как себя чувствуют родители и дети? Все ли благополучно в вашей семье?

– Вы, как всегда, очень внимательны, господин Лео. Спасибо, у нас все хорошо. Как здоровье вашей супруги?

– Благодарю, но улучшений почти нет...

– Я принес лекарства, которые вы просили. В дозировке, что была указана, должно хватить на полтора месяца.

– Вы спасаете ей жизнь, Серж. Я и не надеялся, что вам удастся достать препараты так быстро. Вы нашли их здесь?

– Нет, что вы, пришлось запрашивать Москву. Это очень дорогие и редкие лекарства, производятся только в Швейцарии. Поймите меня правильно, но ради вашей безопасности я хочу, чтобы вы знали об этом. Должен предупредить, что врач, делавший эти назначения, прекрасно представляет...

– Не волнуйтесь, дорогой Серж. Я хорошо понимаю, что вы хотите сказать. Не беспокойтесь, доктор – близкий родственник моей жены, он прописал эти лекарства потому, что имеет несколько отдаленное представление о моих возможностях за рубежом. Представляет себе, наивный чело-

век, что, работая там, я накопил кучу денег и у меня связи не хуже, чем у нашего министра иностранных дел. Так что с этим все в порядке.

Джип, слабо отработывая мотором, ушел вперед и скрылся в темноте. С правой стороны от дороги, в скудном свете редко появляющейся луны, блестел пруд, по берегам которого росли невысокие с густой кроной деревья.

– Давайте здесь остановимся.

Они сошли с обочины и сделали несколько шагов. Нестеров выбрал это место заранее, проверяя маршрут в ночное время. С дороги, из проезжающих машин, участок не просматривался. С противоположного берега пруда едва можно было угадать силуэты людей, а поскольку одеждой и головным убором он ничем не отличался от спутника, опасность визуальной расшифровки исключалась. Они присели под деревом. Говорили на местном диалекте, которым Нестеров овладел настолько, что посольские и торгпредские старожилы только удивлялись.

– Господин Лео, давайте поменяемся сумками. Возьмите, пожалуйста! Здесь лекарства и деньги. Еще раз прошу вас, будьте осторожны. Я никогда себе не прошу, если с вами что-нибудь случится.

Вероятно, в интонациях голоса Нестерова было что-то необычное, поскольку в ответ он услышал слова, выходящие за рамки сложившихся между ними отношений:

– Вы добрый, отзывчивый человек, Серж. Поверьте, я

многое видел в своей жизни. Вы открыты сердцем и душой, но я тоже хочу предупредить вас, теперь уже ради вашей безопасности. В нашей стране нельзя вести себя и жить так, как вы это делаете. Вам будет очень трудно, если не удастся изменить сознание и психологию. Надо быть жестче, но не внешне, а внутренне, в самом себе. – В его голосе Нестеров отчетливо слышал неподдельные участие и внимание к собственной персоне. – Поймите, мы исходим из того, что цивилизация, порождением которой стал человек с белым цветом кожи, родилась намного позже. Наши корни гораздо глубже уходят в мировую историю, чем это представляет западная наука. Во многом мы радикально расходимся с вами. Что такое жизнь, смерть, успех, благоденствие, преданность, честь, достоинство и многое другое? Ответы на эти вопросы у нас и у вас будут абсолютно разными. Предки передали нам знания, накопленные веками, и мы храним их, считая своим национальным достоянием. Я знаю, что подавляющее большинство русских, американцев, французов и других представителей Запада считают нас отсталыми в своем развитии. Но, поверьте, так же считаем по отношению к белым и мы. Обмануть белого человека для нас не означает сделать что-то нехорошее. Напротив, только так и должно быть. Но вы, Серж, можете использовать вашу внешнюю доверчивость себе на пользу, но, предупреждаю, будьте немного хитрее и осторожней. – «Грэг» положил свою руку на плечо Нестерова. – Хотя, как всегда, бывают исключения из правил. Я не

обману вас.

И он опять вернулся к прежней манере ведения разговора, отработанной в ходе предыдущих встреч.

– В моей сумке, которую вы держите в руках, приготовленный мною рис с мясом, завернутый в банановые листья. Произведение кулинарного искусства. – В интонации послышалась ирония. – В одном из пирогов я спрятал переписанную мною по памяти копию протокола закрытого заседания канцелярии премьер-министра по вопросам получения иностранной экономической помощи, в том числе из СССР и США. В конце я дал некоторые свои комментарии. Хочу добавить, что политика сохранения баланса нашей страны между сверхдержавами, включая Китай, пока остается неизменной. Однако уверен: так будет продолжаться недолго. Нельзя идти тремя дорогами одновременно. И американцы, и китайцы любыми средствами, в первую очередь финансами, поддерживают своих сторонников, некоторых из них я знаю лично. Вы, советские товарищи, здесь явно проигрываете, полагаясь на прочность связей, возникших между нами много лет назад, на объем экономической помощи, который идет в нашу страну. Это глубокое заблуждение. Мы вместе с вами, пока нам это выгодно. И пусть вас не обманывает, что в ближайшее время с нашей стороны будут сделаны шаги по поддержке ваших инициатив в ООН. Потом будут направлены просьбы о значительном увеличении объемов научно-технической помощи, хотя в этом нет абсолютно ника-

кой необходимости. Мы не можем, не успеваем переварить то, что имеем. Я и некоторые из моих друзей... – он сделал предупреждающий жест рукой, – пожалуйста, не просите назвать имена. Мы считаем, что будущее нашей страны в сбалансированной политике, где стратегическим партнером выступит Советский Союз. Не США, которые хотят использовать нас как дополнительную опору в Тихоокеанском регионе, и не Китай, ему мы нужны как еще один союзник в борьбе за победу идеалов культурной революции. Нет, только СССР, удаленный от нас территориально, который находится в противостоянии с КНР и США. Говорю все это в надежде, что вы сумеете донести мои слова до ваших руководителей. Поверьте, мы обладаем определенным весом и влиянием, и нас не так-то мало, как это может показаться.

Нестеров посмотрел на светящийся циферблат часов, время встречи катастрофически быстро истекало. План встречи, как и полагается, летел в тартарары.

– Господин Лео, я постараюсь сделать все, чтобы вы были услышаны. В этой связи было бы крайне важным для нас представить конкретную расстановку сил в руководстве страны с характеристиками личностей, стоящих во главе названных вами групп. Правильно ли я понимаю, что вы не хотите, чтобы мы знали ваших единомышленников?

– Считаю это преждевременным.

– Но, может быть, вы смогли бы найти форму, чтобы понять серьезность и прочность ваших позиций?

– Хорошо, я подумаю и дам ответ к следующей встрече. Должен предупредить, что послезавтра я вылетаю в Вену и пробуду в Австрии с рабочей группой, а потом и с правительственной делегацией порядка трех недель. Может, и больше, слишком велик объем предполагаемой работы. Поэтому точную дату своего возвращения назвать не могу. Пожалуйста, не надо никаких контактов со мной в это время, у нас за рубежом крайне жесткий режим... Да, и не забудьте, пожалуйста, про лекарства; деньги тоже понадобятся.

– Не беспокойтесь, я ничего не забуду. Следующую встречу планируем через месяц, шестого числа, время – двадцать пятнадцать. Запасной вариант – через десять дней на том же месте и с тем же временем.

– Удачи вам.

– Берегите себя.

Нестеров вышел из-за дерева и направился по обочине, стараясь запомнить в деталях информацию, что сообщил «Грэг». Сзади нагоняла машина, но это был не его джип: свой «кадиллак» он узнавал по «голосу» в любое время суток и при любой погоде. Дурные мысли без спроса полезли в голову: «А вдруг «Грэг» попал под контроль и нас обоих сейчас повяжут? Самый подходящий момент. Я – с секретными материалами, он – с деньгами, дефицитными лекарствами. Все доказательства шпионской деятельности налицо. Выскочат ребята и начнут нам руки крутить. А может, продал меня? С какого рожна он мне целую лекцию про осо-

бенности местного менталитета и национального самосознания прочитал?»

Сергей, сняв сумку с плеча, переложил ее в правую руку. Если будет захват, первое, что надо сделать, выбросить эти пироги к чертовой матери – я не я и лошадь не моя. Бить, конечно, будут. Но тут уж ничего не поделаешь, судьба...

Мимо пропылил грузовик, и Нестеров перевел дух. Следом, с небольшим интервалом, шла другая машина, мигнувшая фарами. Это был пунктуальный Ваня, подававший условный сигнал. Нестеров, прыгнув на заднее сиденье в приоткрытую дверь, тяжело вздохнул, будто сбросил с плеч немыслимый груз.

– Ну, как, Серый?

– Нормально, с результатом, – он еще раз с силой выдохнул воздух и уже спокойней добавил: – Давай по маршруту, проверим нашего друга.

Они, сделав небольшой круг, вышли на ту же дорогу, на встречное направление, и в свете фар увидели «Грэга», спокойно шагающего по обочине. Ни спереди, ни сзади никого не было.

– Все, Вань, возвращаемся.

Рубашка, брюки были мокрыми от пота. «Первым делом в душ и переодеться, – решил Нестеров, – а уж потом к руководству».

– Ваня, забрось меня домой, а сам двигай дальше. Доложись шефу, скажи, все в порядке, буду минут через тридцать

цать—тридцать пять. Сумку из рук в руки передай Кочетову...

Во дворе он нос к носу столкнулся с соседкой с первого этажа.

– Наталья, привет, – Нестеров попытался, не вступая в разговор, обойти ее крупногабаритную фигуру, но не тут-то было.

– Сережа, подожди! – Она взяла его за руку, да так крепко, что не вырвешься. – Буквально одну минутку. Тебе это надо знать, еще спасибо скажешь.

– Ладно, – смирился с неизбежностью Нестеров. – Что стряслось в нашем царстве-государстве?

– Вешаю сегодня белье во дворе, а Олег на велосипеде катается. Смотрю, у забора остановился местный военный, позвал вашего сынулю и стал что-то ему говорить. Я подошла ближе, интересно же, и слышу, как он на приличном русском спрашивает, сколько Олежке лет, как его зовут. Вроде самые обычные вопросы. Сынок твой разезжает на велосипеде и отвечает, не задумываясь. И вдруг тот спрашивает: «А кем работает твой папа?» Олег остановился, подумал и говорит с самым серьезным видом: «Мой папа работает хорошим человеком». И дальше сказал, как отрезал: «И мама у меня – тоже хороший человек». Сел на велосипед и покатил дальше. Вот такая история.

– Спасибо, Наташенька, действительно интересно! – Нестеров улыбнулся, а в голове пронеслось: «Вот суки! Ни-

чем не брезгают, уже детей для своей вонючей проверки стали использовать».

В референтуре, куда он попал через сорок минут, первым делом изучил содержимое контейнера, который смастерил «Грэг».

«Самоделка, она и есть самоделка, – думал Сергей, снимая рисовую кашу с восковой бумаги, где пряталось сообщение. – Но главное не форма, а содержание».

Он стал по диагонали читать документ, написанный, как курица лапой, пытаясь добраться до сути, но тут зашел Кочетов, шифровальщик. И, конечно, по его душу. Хотя в референтуре еще Федя Гордин работал. Склонил, голубь, голову набок, скособочился и кладет себе строчку за строчкой на бумагу.

– Сергей, шеф просит, чтобы ты доложил ему прямо сейчас. Так что ноги в руки и пошел, дорогой.

Резидент был чем-то озабочен, глаза жесткие и настороженные, губы – в ниточку.

Сергею пришлось со всеми нюансами рассказывать про встречу с «Грэгом». Шефа особенно интересовало, как вел себя агент, что говорил, какими были интонации его голоса. Подробно расспросил про маршрут движения по городу, что удивило Нестерова, поскольку это все-таки зона ответственности Лукашова, а не его.

– Хорошо, Сергей. Иди, отписывайся. Информация должна быть завтра, не позднее десяти. Отчет о встрече подгото-

вишь к почте, три дня у тебя есть. Вспомнишь любые насто-
раживающие моменты, обязательно расскажи, подумаем, по-
кумекаем вместе. – Резидент встал и протянул руку. – Иди,
пиши, пока впечатления не остыли.

– А что случилось, Петр Георгиевич?

– Какая-то непонятная возня началась во время вашей
встречи. Именно вокруг района, где ты с «Грэгом» встречал-
ся.

– Но у нас все было чисто. Мы не один раз проверялись.

– Знаю, Сережа. Лукашов и Гладышев уже отчитались.
Может, контрразведка еще кого-то пасла. Но, кроме вас, ни-
кто из наших и грушников в городе не работал, я с ними пе-
реговорил. Хотя... – Он с силой потер шею правой рукой. –
Не мы же одни тут разведкой занимаемся, умников и без нас
хватает. Может, совпадение, может еще что-то... Пока оста-
вим как есть. Центр беспокоить не будем. Зачем тень на пле-
тень наводить? А ты работай и будь внимательней... Иди,
еще поговорим, – он первый раз за время разговора улыбнул-
ся, – а то ночевать здесь останешься. Как перед своей нена-
глядной оправдываться будешь?

Сергей вернулся в референтуру, где по-прежнему корпел
над бумагами Гордин.

– Федор, тебе еще долго?

– Минут через пятнадцать закончу. А что?

– Понимаешь, шеф поручил информацию подготовить к
завтрашнему утру, а я боюсь, не успею. Почерк у человека

такой, что не только глаза сломаешь, мозг на сторону ляжет. Поможешь?

Нестеров знал, что нарушает установленные правила, допуская Гордина к рукописному источнику информации, но выхода не было... Хотя выход был, даже два: Федя с его башкой – энциклопедией или бессонная ночь в референтуре.

– Сколько сейчас времени? – Гордин посмотрел на часы. – Материал большой? Вот это и все? Хрен с тобой, Нестеров! Уговорил, врубаемся... – Глазами он был в тексте и говорил, не отрываясь от бумаги. – Мои на концерте в клубе. Думаю, мы с тобой в четыре глаза к концу этой эстрадной феерии как раз и закончим. Только сделай потом две вещи, пожалуйста. Скажи шефу, что я тебе помог – так, на всякий случай, чтоб ничего особо не нарушать. Опять же товарища не бросил в беде – начальство запомнит. А за тобой, брат, – вискарь. Хороший, а не пойло какое!

– Федя, родной! О чем говоришь, без вопросов... Подвинься чуток.

Они сели плечо к плечу, и к половине двенадцатого основную часть документа сделали. Оставалась мелочевка, с которой Нестеров утром мог справиться сам. Из посольства вышли вместе с основной частью зрителей, так что чуть за полночь Сергей был уже дома, хотя заснуть удалось только под утро. Перенасыщенным оказался вечер.

**Из материалов
Департамента контрразведки
Министерства безопасности**

Совершенно секретно

Экз. единственный

Заместителю Директора Департамента контрразведки
Министерства безопасности
бригадному генералу
N.

Исх. № 00-1-4-8/421
от 08.02.1980

Ваше Превосходительство!

4-м отделом 1-го Управления Департамента контрразведки Министерства безопасности по подозрению в проведении шпионской деятельности на территории нашей страны изучается «Гончар»:

Нестеров Сергей Владимирович, гражданин СССР, 1948 года рождения, старший инженер Торгового представительства СССР, дата пересечения государственной границы – 19 декабря 1978 года.

С началом работы «Гончара» в *Торгпредстве СССР* из различных информационных источников стали поступать сведения, свидетельствующие о принадлежности его к спецслужбам Советского Союза.

В частности, в донесении от 21.03.1979 старший лейтенант «Лис», работающий под прикрытием Управления по обслуживанию дипломатического корпуса, сообщил, что в беседах между собой соседи по дому называют «Гончара» капитаном КГБ, приехавшим как замена г-на *Фомкина* для продолжения наблюдения за поведением советских специалистов, включая сотрудников, работающих в *Торговом представительстве СССР*. Сведения подобного характера были получены также с использованием технических средств аудиоконтроля, фиксирующих разговоры советских граждан по месту их проживания.

В процессе дальнейшего предварительного изучения «Гончара» получены следующие данные.

1. По прибытию в страну *Нестеров* занял квартиру и пользуется автомобилем, которые ранее были закреплены за упомянутым выше *Фомкиным*, установленным сотрудником советской внешнеполитической разведки, выехавшим в СССР в мае 1978 года (объект разработки «Краб», дело № 4/1–483). В течение семи месяцев, по личному распоряжению *Торгового представителя* со ссылкой на просьбу *Посольства СССР* указанные жилплощадь и транспортное средство не использовались по назначению и находились в

законсервированном состоянии до приезда «Гончара», что может говорить о ведомственной принадлежности указанного имущества.

2. «Гончар» – единственный в *Торговом представительстве СССР* сотрудник, в совершенстве владеющий тремя иностранными языками, которые, по его словам, он изучал в *Университете дружбы народов*, а также на двухгодичных спецкурсах *Института стран Азии и Африки Московского государственного университета*.

По мнению агента «Лотос», преподавателя иностранного языка, проходившего стажировку в Москве, двухгодичное обучение на спецкурсах *Института стран Азии и Африки Московского государственного университета* не дает того объема знаний, которым располагает в настоящее время «Гончар» (источник находится в постоянном контакте с объектом изучения по линии учреждения прикрытия).

3. В соответствии с сообщениями стационарных постов наружного наблюдения, *Нестеров*, в отличие от других сотрудников *Торгпредства СССР*, на регулярной основе, как в дневное, так и в вечернее время посещает советское посольство, где проводит, как правило, не менее часа за каждое посещение. Последнее дает основания предполагать проведение им работы с секретными документами и материалами в помещении резидентуры, расположенной в здании дипломатического представительства.

4. Подвижные посты периодически выставляемого за объ-

ектом наружного наблюдения фиксируют выезды «Гончара» в центральные и отдаленные районы столицы, в том числе в вечернее и ночное время. Анализ маршрутов движения свидетельствует об активном изучении им особенностей города, вероятном подборе мест, удобных для обнаружения наружного наблюдения, проведения тайниковых операций и организации конспиративных встреч с объектами из числа наших граждан.

Так, 06.02.1980 с 19.25 до 20.50 стационарными постами разведки слежения отмечены появления автомобиля *ХТ № 3147*, закрепленного за «Гончаром», в районах Старой мечети, Малого рынка, площади Меч героя (с остановкой у гостиницы «Астория») и Северного пригорода. В последнем из названных районов автомашина находилась более тридцати минут. Затем, в 21.30, зафиксирован заход объекта в *Посольство СССР*. Выход не отмечен.

С учетом изложенного, по совокупности приведенных выше сведений есть основания полагать, что «Гончар» является *офицером разведки КГБ СССР* и направлен в нашу страну для проведения шпионской деятельности. В то же время остаются неизвестными конкретные объекты устремлений указанного лица, а также вероятные источники получения им сведений разведывательного характера.

В этой связи считаем целесообразным включить «Гончара» в активную разработку с использованием комплекса оперативно-технических и агентурных средств, с целью выявле-

ния и нейтрализации его деятельности по подрыву безопасности нашей страны.

Просим Вашего согласия.

Начальник 4 отдела 1 Управления Департамента контрразведки Министерства безопасности капитан _____/Х./	Начальник 1 Управления Департамента контрразведки Министерства безопасности старший полковник _____ /Г./
---	--

Согласен.

Пр. подготовить план мероприятий.

*Запрос о проверке «Гончара» направить
в Бюро стратегических операций.*

*Заместитель директора Департамента контрразведки
Министерства безопасности*

бригадный генерал _____ /Н./

Из материалов Департамента контрразведки Министерства безопасности

Совершенно секретно

Экз. № 1

Директору Бюро стратегических операций
господину S.

Исх. № 00–1–4–8/435

от 09.02.1980

Уважаемый г-н Директор!

Департаментом контрразведки Министерства безопасности по подозрению в проведении на территории нашей страны шпионской деятельности изучается «Гончар»: *Нестеров Сергей Владимирович, гражданин СССР, старший инженер Торгового представительства СССР.*

По полученным данным, «Гончар», 1948 года рождения, место рождения гор. Москва, образование высшее, в 1972 году окончил факультет экономики и права *Университета дружбы народов им. П. Лумумбы*, дополнительное образо-

вание получил на двухгодичных курсах иностранных языков *Института стран Азии и Африки Московского государственного университета*. Женат, двое детей. Постоянно проживает в Москве.

В соответствии с информацией, которую сообщает о себе «Гончар» в беседах с представителями официальных учреждений нашей страны, после окончания *Университета* в 1972 году работал во внешнеторговых объединениях «*Разноэкспорт*» и «*Тракторэкспорт*», а также *Научно-исследовательском институте изучения проблем зарубежной экономики*. В 1978 году перешел на работу в *Министерство внешней торговли СССР*.

С учетом изложенного, просим проверить достоверность указанных выше сведений, а также сообщить о наличии дополнительных данных в отношении объекта нашего изучения.

Приложение: фотографии «Гончара» (4 шт.).

*Заместитель Директора Департамента
контрразведки Министерства безопасности
бригадный генерал _____ /Н./*

Олежка

Нестеров с Лукашовым отрабатывали проверочный маршрут по окраинам города.

– Серега, – позвал Лукашов, который был за рулем, – куда дальше?

– Прямо, через бамбуковую рощицу, справа останется маленький прудик, выходим на бетонку и по ней на дамбу.

– Понял.

– Как дома?

– Пишут нормально, а что на самом деле, отсюда не видеть. Парень-то наш уже в девятый класс пошел, за ним сейчас глаз да глаз нужен, а мы вот здесь с Галкой. Он у нас мальчик шустрый, даже чересчур.

– В папу пошел?

– То-то и оно, – вздохнул Ваня, видимо, вспомнив свое детство и юношество. – Одна надежда на тещу. Сами-то как?

– По-разному. Ты же знаешь нашу ситуацию: сын здесь, дочка с бабками и дедом в Москве.

– Не горюй, Серега! Все будет хорошо. Поедете в отпуск, заберете дочку, привезете сюда и все дела.

– Не знаю, вряд ли... С сыном бы разобраться. Какая-то болячка прицепилась, никто понять ничего не может. К кому ни пойдём, каждый свой диагноз ставит, – с грустью и сожалением отреагировал Сергей. – Ладно, смотри вперед,

самое интересное начинается.

Узкая дорога пошла по дамбе между рисовых полей. Прямая, как стрела, она уходила вдаль и терялась за горизонтом. По обочинам, справа и слева – толстые, могучие деревья, похожие на баобабы, за ними почти вертикальные откосы и рисовое поле. Лукашов набрал скорость.

Через несколько минут Нестеров не выдержал:

– Чего молчишь? Может, скажешь что-нибудь.

– Рискованная дорожка, особенно ночью. – Иван ко всему подходил основательно, никогда не торопился с оценкой. – Разъезжаться со встречными машинами, тем более грузовиками, трудно, к обочине не прижмешься. Видишь, как деревья понатыканы?

Неожиданно он, резко вывернув руль, остановился. До стоящего впереди дерева было сантиметра два, не больше, и сантиметров пять оставалось справа до края укрепленной бетонными блоками площадки, на которой они оказались. «Уму непостижимо, как с ходу, на скорости, можно поставить машину на таком пяточке», – подумал Сергей. Но Лукашов это мог, а Нестеров – вряд ли. Скорее, загремел бы, а до земли, между прочим, метра три по камням-негабаритам кувыркаться.

– Смотри, Серега, здесь единственное место, где можно остановиться в случае чего или разъехаться без проблем. На всей трассе больше ничего такого не было. Понял?

Нестеров только и успел, что кивнуть головой в ответ, а

Лукашов уже врубил заднюю скорость.

– Ладно, погнали дальше, а то совсем спечемся.

С двух попыток он вывернул на дорогу и продолжил:

– Прошли километров шесть, один грузовик навстречу и никого сзади. И это днем. Ночью, может, вообще движения нет. Если пойдет наружка, можем выйти на эту дорожку, и деваться им будет некуда: или отпускать нас, чтобы не расшифроваться, или по-наглому – бампер в бампер, что вряд ли. Такого на моей памяти еще не было, но предусмотреть стоит все... Так что по первому варианту форы получим до пяти минут, а по второму – секунд тридцать, может, мину-ту. – Он гордо, с чувством превосходства улыбнулся. – Мы же пойдем, как поезд Москва – Воронеж, хрен догонишь. Им останется только пыль глотать. А в городе за это время сто раз спрячемся. Но, с другой стороны, риск большой. Могут заблокировать, разбить нас грузовиком и на поле сбросить, или под машину человека подставить... Чего расплылся, как блин на сковородке? Не веришь? Напрасно. Раньше, даже при мне, случаи были. Неужели не читал в Центре? – Лукашев с удивлением посмотрел на Нестерова, потом сменил гнев на милость. – Хотя правильно, наверное. Ничего ведь не доказано... а может, и доказывать не надо. Зачем? Наезд, он и есть наезд, так для всех спокойней. Короче, трас-су можно и нужно использовать, когда других вариантов не будет, и то с оговорками. В таком ключе и доложу шефу. А ты, Серый, пореже ездь этой дорогой, у меня здесь на душе

неспокойно.

– Постараюсь, конечно. Хотя тут прямая от моих геологов в центр города к торгпредству и посольству.

Уже в самом конце пути навстречу на скорости впритирку прошел грузовик, чуть не сбив торгпредский джип своим бортом и протянув за собой густой шлейф пыли.

– Идиот хренов! Придурок!!! – заорал Нестеров закашлявшись.

Пыль, забившая нос, горло, встала такой стеной, что Лукашovu пришлось остановиться.

– Вот сука! – Нестеров не мог успокоиться. – Видит, что иностранцы и, будто специально, скорости прибавил... Большой патриот, наверное... – Кашель его не оставлял. – Ладно, Вань! Давай домой. Мне еще поесть надо и вздремнуть, вечером к шефу на ковер.

В городе поменялись местами. Сергей, высадив Лукашова у посольства, загнал машину во двор дома и по черной лестнице поднялся на второй этаж. Время было обеденное, по запаху он уловил: справа у соседа борщ, а слева, наверное, – харчо. Тут же мелькнуло: «Слушай, генацвале, какой-то харчо? Баран здесь ныкогда не ночует...»

– Мама! Папка приехал! – бросился ему на шею маленький Олежек. – Я же говорил, что он скоро придет, а ты не верила. А я никогда-никогда не обманываю! – Потом мальчик, нахмутив бровки, тихо сказал: – Ну, только если чуть-чуть, и то редко.

– Да отпусти ты отца, сынок! Ему умыться с дороги надо. – Любаша сняла Олежку с папиной шеи, не удержалась и поцеловала мужа в пыльную щеку. – Сереженька, давай быстренько в душ – и обедать.

После умываний-полосканий Нестеров с превеликим удовольствием навернул супчика, отметив вслух все возрастающее кулинарное искусство своей ненаглядной, а заканчивая второе, почувствовал, как слипаются глаза.

– Сережа, тебе надо поспать. Иди, ложись. – Люба вела его к кровати. – Я в магазин сбегая, Олежка пока дома в машинки поиграет... Спи, мой хороший, спи!

Последние слова он слышал точно издалека, засыпая под «урчание мотора», которое издавал их сын, катая по полу игрушечный грузовик...

Проснулся от наступившей тишины. С трудом приподняв голову, увидел Олега, сидящего за столом спиной к нему.

– Сына! Ты что делаешь?

– Цветочки вырезаю, – сказал тот, не отрываясь от своего занятия.

– Цветочки? Это хорошо. Вырезай, сынок, вырезай! – И Нестеров опять провалился в сонное царство.

Его разбудил громкий возмущенный Любин голос:

– Олег! Ты что творишь? Почему без спроса ножницы взял?

– Я цветочки вырезаю, – голос малыша начал дрожать. – Мне папа разрешил... – И он заревел во весь голос.

– Любаша! Что такое? – Сергей никак не мог проснуться и с трудом понимал, что происходит. – Вырезает ребенок цветы, и пусть себе вырезает. Зачем из-за ерунды шум поднимать? Я еще целый час спать мог!

В ответ Люба, молча, взяла за углы вдвое сложенную на обеденном столе цветную в подсолнухах скатерть, привезенную из дома, и встряхнула ее. Ровно посередине красовались три приличных дырки.

– Видел какие цветочки? – Почти успокоившись, она села на стул и тяжело вздохнула. – Горе вы мое луковое!

– Ничего, Любаня! Изобилие пережили, а уж разруху как-нибудь. – Сергей, стараясь ее успокоить, запел переделанный хит сезона – песню «Самоцветов»: – Не надо печалиться, вся жизнь впереди! Вся жизнь впереди! Разденься и жди!

– Сергей, ты что... Здесь ребенок...

– Мальчик, иди сюда! Стань передо мной, как лист перед травой!

Маленький Олег был уже рядом с отцом; слезы, крупные как горошины, еще дрожали на его ресницах.

– Запомни сын! Если женщина не права, первое, что надо сделать, это признать свою вину и попросить прощение. Сэкономить нервы и время. Так что вытри слезы и давай утешай самую лучшую в мире маму, а я, пожалуй, тяпну кофейку, и пойду на работу.

– Сергей, – строго начала Люба, видимо, желая возразить, но передумала и совсем другим тоном сказала: – Прости ме-

ня, пожалуйста! Может, поспишь еще?

– Какой тут сон... – раздраженно сказал он и встал с кровати. – Пойду в офис, отпишусь, а вечером надо с шефом перетолковать.

– Про Олежку не забудешь?

– Не волнуйся, я помню.

В шесть вечера он был в кабинете резидента. Отчитавшись по всем поручениям, Нестеров перешел к тому, что острой занозой сидело в сердце последние два месяца.

– Петр Георгиевич! С сыном что-то непонятное, плохо ему. Как началась жара, пошли боли в животе. Причем такой силы, что представить невозможно. Мы к одному врачу, другому, никто ничего толком сказать не может. Лекарства не помогают.

– К местным специалистам обращались? Может, инфекцию подхватил?

– Мы его в правительственный госпиталь возили, светила собрались на консилиум. Час обсуждали, анализы смотрели, но к единому мнению не пришли. Сказали, что, скорее всего, климат мальчику не подходит... Но нам-то что делать? У него как боли начинаются, обхватит живот руками, согнется и плачет, стонет, ничем успокоить нельзя. – Глаза у Нестерова увлажнились. – Георгиевич! Помогите, пожалуйста. До отпуска еще три с лишним месяца, но мы не можем больше ждать, вдруг с ним что-нибудь случится? Петр Георгиевич, прошу вас...

– Заключение врачей с собой?

– Конечно... – Сергей подрагивающими от волнения руками протянул заранее подготовленные документы. – Вот. Это от посольского врача, а это из правительственного госпиталя с переводом на русский.

– Давай сюда и не волнуйся, успокой Любу. Сегодня же запрошу Центр, чтоб разрешили досрочный выезд по состоянию здоровья ребенка и помогли организовать обследование. Думаю, через день получим ответ. Ты завтра съезди в Аэрофлот и забронируй им билеты на ближайший рейс.

Шибанову, как никому другому, были понятны тревоги Нестерова. В первую командировку схожие проблемы возникли с его сыном. Болячки, кстати, до сих пор дают о себе знать; здешний климат мало кого отпускает без последствий, что старого, что малого.

«Если у мальчика действительно серьезное заболевание и потребуется длительное лечение, – думал Шибанов, – Люба, конечно, останется с ним в Москве. Центр долго держать Нестерова без жены не даст. Рано или поздно встанет вопрос замены. А это значит, надо будет менять всю конфигурацию работы точки. У Сергея на связи два ценных источника. Передаст их другому сотруднику – и неизвестно еще, что получится. Как у нас бывает: в одной связке информация на вес золота и рекой течет, а в другой – сопливым ручейком едва капает... И кому передать агентуру, чтоб с отдачей? Тоже вопрос... Жаль, если все рухнет, Сережа очень неплохо на-

чал... – И тут Шибанов понял, что настраивает себя на один из самых плохих вариантов развития событий. – Стоп, машина! Что я все за упокой, может, обойдется...»

Центр дал «добро» на выезд на следующий день.

Не сговариваясь, Нестеровы собрали все до единой вещи и игрушки Олежки. Для них было понятно, что сюда он уже не вернется, а о том, чтобы дочку привезти, и речи быть не могло. Хватит одного печального опыта.

Последнюю ночь перед отлетом почти не спали. Люба беззвучно плакала, не представляя себе, как Сергей с его безумной работой будет жить один и что надо делать, с чего начинать в Москве. Ей невыносимо жалко было всех: и маленького Олега, и Сережу, и себя. Глухая, беспросветная безысходность давила и не отпускала. Сергей, как мог, успокаивал, хотя слова казались ненужными и фальшивыми. В голове у него крутилось одно и то же: «Что ни говори, что ни делай, все равно я должен остаться, а им надо лететь. Никто ничего не знает, и думать о том, что там, впереди, нет никакого смысла. Главное сейчас – Олежку вылечить».

В аэропорту, выйдя на летное поле, Нестеров смотрел, как они поднимаются по трапу в самолет.

Вот остановились на верхней площадке, повернулись в сторону аэровокзала и размахивают руками, пытаясь разглядеть его в толпе провожающих. Люба, не вытирая слез, прижимает маленького рыдающего сына к себе, а мимо с вещами идут веселые отпускники и нетрезвые советские люди,

окончательно возвращающиеся на родину. Стюардесса взяла женщину с ребенком за руки, и они последними скрылись внутри. Закрылся люк, самолет стал выруливать на взлет...

Нестеров стоял опустошенный и беззвучно плакал, еще до конца не веря, что не увидит своих дорогих долгих девяносто шесть дней и ночей, пока не прилетит в Москву в отпуск.

**Из материалов
Департамента контрразведки
Министерства безопасности**

Совершенно секретно

Экз. № 1

Заместителю Директора Департамента контрразведки
Министерства безопасности
бригадному генералу
N.

Исх. № 00–6/13–348

от 10.05.1980

Ваше Превосходительство!

На Ваш запрос от 09.02.1980 № 1–4–8/435 сообщаем, что проведение проверочных мероприятий с использованием возможностей зарубежного аппарата в отношении объекта изучения «Гончар» дало следующие результаты.

1. По сведениям из официальных источников, в Москве с указанными Вами биографическими данными проживает четыре человека. Для определения, есть ли в их числе «Гон-

чар», необходимо получение дополнительной информации: дата рождения; домашний адрес, район проживания и пр.

2. Факт обучения объекта заинтересованности на факультете экономики и права *Университета дружбы народов им. П.Лумумбы* и специальных курсах *Института стран Азии и Африки Московского государственного университета* подтверждения не нашел.

Проверить «Гончара» по предполагаемым местам работы во внешнеторговых объединениях *«Разноэкспорт»* и *«Тракторэкспорт»*, а также *Научно-исследовательском институте изучения проблем зарубежной экономики* не представилось возможным.

3. Оперативные источники подтверждают, что с апреля по декабрь 1978 года «Гончар», как работник МВТ СССР, принимал участие в переговорах по решению текущих вопросов торгово-экономического сотрудничества Советского Союза с нашей страной.

4. При изучении направленных Вами фотографий сотрудник заграничного аппарата Бюро стратегических операций в Москве сообщил, что в октябре 1975 года при расследовании обстоятельств гибели нашего соотечественника, студента Московского инженерно-строительного института, он в течение трех недель находился в контакте с «Гончаром». Последний представился ему как сотрудник Министерства высшего и среднего специального образования СССР *Сергей Николаев*. В числе лиц, указанных в телефонном справоч-

нике министерства, ***Сергей Николаев*** не значится. Указанный им номер телефона не входит в телефонную сеть министерства.

Дополнительной информацией по объекту «Гончар» не располагаем.

Первый заместитель директора

Бюро стратегических операций

советник юстиции 1-го класса _____ /Ф./

Письма

«Серезенька, милый, здравствуй! Как тяжело, как грустно сейчас в нашем доме. Каждый день слезы. А тебя не слышно совсем. Как ты там? Как обходишься без меня? Олежка в больнице. Прихожу к нему каждый день: и утром, и вечером. Как увидит меня, бежит, спотыкается, бросается ко мне со слезами: «Мамочка, родная моя, не уходи! Мне с тобой так хорошо! Не уходи, ну, пожалуйста. Я прошу тебя». Пока я с ним, держусь молодцом, а потом реву. Процедуры, которые ему делают, очень неприятные. Он все терпит (даже когда кишку глотал и делали внутривенное вливание, не пикнул). Но потом прижмется ко мне всем телом и дрожит, рыдает, но тихо, чтобы никто не видел. Боится, что меня пускать к нему не будут. Его все там любят за то, что не капризуля.

Серезя, милый, если бы ты видел его глаза, когда врач или сестра его куда-нибудь уводят: испуг, страдание и детская доверчивость. Идет покорно, но весь в напряжении. Ой, жалко его до ужаса.

Конечно, его там должны проверить основательно, но чего это будет стоить ему и нам. Хорошо, если не обнаружат серьезного, а если еще и лечить – даже думать не хочется.

Серезя! Так плохо, сил нет. Конечно, я не должна тебе все это писать, тебе и так тяжело. Но с кем еще

поделиться, ты самый близкий, родной человек. Домой вечером от Олежки идти не хочется. И так тяжело, а дома, у твоей мамы сплошные «охи-ахи» и слезы.

Вчера вечером заехала к Мише и Томе. Они купили машину, и все у них нормально. Иногда болеют, потом ничего, потом опять. На работе у Миши порядок, он доволен. Поговорили немного о тебе, но он все знает от В. Б., который летел с нами.

Больше никому не звоню и ни с кем не вижусь. Настроение не то, ничего не хочется. Душа болит о детях и о тебе. А ты так далеко...

Это уже четвертое письмо, а ты молчишь, ни слова. Крепко тебя обнимаю и целую, Люба».

«Здравствуй, моя дорогая Любаша! Здравствуйте, любимые дети – Олежка и Оленька!

Прошел целый месяц с нашего расставания, и за это время не было от вас писем, что приводило меня в страшное расстройство. И вдруг вчера я получил сразу четыре ваших послания. Вот так работает почта. Хотя, что поделаешь? С другой стороны, сразу много новостей ко мне пришло.

Любочка! По-моему, то, что Олега удалось почти сразу положить на обследование, – очень хорошо. Чем раньше будет поставлен диагноз, тем лучше. Быстрее начнется лечение. Я уже написал ребятам в Москву, поблагодарил их, в то же время попросил, чтобы помогли в случае чего. Если что-нибудь надо, звони Вите Трунову, он в курсе.

Как я живу? Как обхожусь без тебя? Трудно, наверное, невозможно тебе рассказать все. Самое тяжелое время для меня – ночь. Пока на работе, забываешься, а вечером приходишь в пустую квартиру и хоть волком вой. Никого. Нет рядом со мной дорогих моих человечков. Темнота, тишина. Ужас какой-то... Всякие дурацкие мысли в голову лезут. Я, конечно, гоню их к чертовой матери и живу надеждой, что рано или поздно мы все равно будем все вместе. Хорошо работы невпроворот. Как говорится, на всех фронтах без передышки. П. Г. нет-нет, да и похвалит. А это, ты знаешь, дорогого стоит. Он ведь на похвалу не расщедрится.

А насчет моих бытовых проблем не беспокойся. Все устроилось как бы само собой. Постельное белье и рубашки отдаю в стирку консьержке, мелочевку стираю сам, надо же чем-то заниматься вечерами? Завтракаю дома, обедаю в посольской столовке, ужинаю, где придется. Без заботы и внимания меня не оставляют, по-моему, жалеют. Но, хоть ужинаю и в разных местах, сплю, можешь не беспокоиться на этот счет, только в одном месте – дома. За моей моральной чистотой десятки глаз следят.

Любочка! Оленька, наверное, уже совсем большая девочка. Интересно, узнает она меня, когда я приеду?

Я написал, как ты просила, отдельное письмо Олежке. Парень он серьезный, потому и говорю с ним, как со взрослым. Прочти ему мое послание, а потом напиши, как он воспринял.

Большой привет бабушкам и деду. Крепко всех целую, в ожидании уже скорой встречи, Сергей».

«Дорогой мой сынок, Олежик!

Большое спасибо тебе за рисунки и письмо, которые я недавно получил. Рисунки мне очень понравились, только почему-то почти все они про войну с фашистами. Это, конечно, хорошо, что ты так не любишь наших врагов, и в твоих рисунках всегда побеждают наши советские танки и самолеты. Но, родной мой, сколько вокруг интересного и красивого: и лес, и птицы, и зверюшки разные. А какие красивые и добрые мама, бабушки, дедушка и, конечно же, Оленька. Очень тебя прошу, если будешь еще рисовать для меня, то нарисуй, пожалуйста, маму с Оленькой, бабушек и дедушку. А еще обязательно нарисуй и пришли мне пейзаж Москвы (мама объяснит тебе, что такое пейзаж). Это будет для меня большой-большой радостью и дорогим подарком. Мне твои мирные рисунки очень нравятся. Знай, мой дорогой, что твой папа ничего не жалеет для того, чтобы не было проклятой войны, чтобы на Земле всегда был мир.

Сынок, надеюсь, что, когда ты получишь это письмо, ты будешь уже дома, а не в больнице. Знаю, что тебе там было нелегко, иногда больно, но я так же знаю (мне писали об этом мама и бабушка), что ты мужественно и стойко все перенес, как положено мужчине. Ты – молодец, Олег! Я рад, что мой сын

растет настоящим мужчиной. Очень надеюсь, что в тот момент, когда тебе читают это письмо, ты полностью здоров и находишься дома или даче.

Сынок! Родной мой Олежик! Ты становишься взрослым и, как я уже писал, настоящим мужчиной. Помни, мой милый, мужчина всегда защищает и оберегает слабых и не боится злых и сильных. А еще он всегда бережет женщин. Вот я и прошу тебя, береги, пожалуйста, маму и бабушек, слушайся их. А особенно береги нашу маленькую Оленьку: если ее будут обижать, обязательно заступись, не дай в обиду.

Ну, вот и все. Надеюсь на скорую встречу, не скучай и не забывай.

Крепко тебя целую, твой папа».

Нестеров – Шибанов – Гордин

После обследования маленькому Олегу назначили длительный курс лечения и категорически запретили менять климат. Брать с собой дочку после того, что произошло с сыном, Нестеровы не хотели и не могли. А отказываться от командировки – такой мысли даже не возникало. Разве у них одних были проблемы с детьми или родителями?

Когда стали думать, что же все-таки делать, главным и определяющим оказалось слово Сергея, и после короткого, но нелегкого семейного совета детей, как ни было жалко, поделили на две семьи: сын остался с мамой Сергея, а Оленьку забрали к себе родители Любы. Конечно, не обошлось без слез, но по-другому не получалось: возраст, болячки стариков, а двое маленьких детей – большие хлопоты.

Нестерову, в порядке исключения, на весь период командировки разрешили досрочный выезд жены в отпуск и ее более позднее возвращение. А это означало, что, вместе с отпускными Сергея, целых пять месяцев, пролетавших для них как один день, Люба могла быть вместе с Олей и Олегом. За это время невероятными, невидимыми чужому глазу усилиями ей удавалось сотворить, воссоздать нормальную во всех отношениях семью, где есть мама, братик и сестренка, бабушки и дедушка. И, конечно, – папа, самый главный для них человек, который живет далеко-далеко и выполняет

очень важную и нужную для всех работу.

Но как только мама уезжала, Олежка с Оленькой оказывались в противоположных концах огромной Москвы, постепенно забывая друг друга. В редкие часы, когда удавалось быть вместе, они вели себя так, будто только что познакомились. Начинали делить игрушки на «твои» и «мои», ссориться по пустякам. Так и жили все врозь: от отпуска до отпуска.

А на работе у Нестерова были свои проблемы.

Первый год пролетел как птица. В Центре похвалили за хорошее начало; генерал похлопал по плечу, сказал: «Молодец! Так держать!», – и как сглазил. Потому что потом наступил период, который кроме как чехардой по-другому и не назовешь. Что удалось наработать за первый год, оказалось совсем неинтересным материалом, пустышкой, новых перспективных людей не появилось. Тут еще болезнь Олежки добавила проблем. Так что второй год закончился под условным названием: «Время несбывшихся надежд». И, когда Сергей приехал в отпуск, в Центре ругать особо не стали, понимая сложности, возникшие с болезнью ребенка, но все равно: не оправдал и разочаровал, – легко читалось между строк.

В конце второго года Нестеров почувствовал к себе «интерес».

Время от времени стала работать наружка. Хотя, конечно, утверждать это на сто процентов он не мог. Ребята вели себя деликатно, открыто «на хвост» не садились, видимо, такого

задания у них не было. И Сергей со своей стороны тоже старался не раздражать их. Помнил, как преподаватель разведшколы, которого они звали «Как говорится», учил их, молодых, зеленых:

– Заметил, как говорится, наблюдение – молодец, но особо не радуйся, в ладоши не хлопай у всех на виду. Спокойно, без нервотрепки, проверься, убедись, что не ошибся. Но делай все аккуратно, тактично, не унижая, как говорится, профессионального достоинства людей. И сам не суетись. Ни к чему. И уж ни в коем случае без крайней нужды не «отрывайся». Только если на операцию надо выходить. Тут уж, как говорится, без вариантов. Но все равно старайся работать не грубо, так, чтобы и на отрыв-то не было похоже. Ну, создалась ситуация, потеряли они тебя. Так ведь кто не без греха? Как говорится, с кем не бывает? И никто не виноват, просто вот так развернулась ситуэйшен. Тогда у нас что остается, как говорится, в итоге: себя шифруешь – мол, не шпион я – и продолжаешь дело свое спокойно делать, а они лицо сохраняют. И волки, как говорится, и овцы с ними. А то в следующий раз тебя так обставят, что ни вздохнуть, ни, как говорится, сам понимаешь. Так что семь раз отмерь, а на восьмой – к Семен Израилевичу сходи и совета попроси...

И еще врезалось в память, что, уже завершив нравоучение, «Как говорится», тяжело вздохнув, с чувством обреченности добавил:

– Хотя, скажу я вам, в жизни всякие положения бывают.

Может, придется плюнуть на все наши правила поведения. Но тогда уж не обессудьте, как говорится, такое не прощается. Отомстят вам по полной.

«Как говорится» – мужик был тертый, лет пятнадцать топтуном в наружке проработал, пока на преподавательскую тропу не вышел, и глупых советов не давал, как некоторые теоретики от разведки. Нестерова он заприметил сразу, еще на установочных занятиях. А на разборе первых Серегиных «учебных полетов», когда были один на один, выяснили, как говорится, отношения, нашли знакомых с той и другой стороны, и, помимо общих наставлений, слушатель под оперативным псевдонимом “Нуркин” еще и дополнительный «инструктаж» иногда получал...

Третий год был для Нестерова тяжелым. Работал, что называется, на износ, а толку чуть. Появлялись интересные люди в окружении, завязывались знакомства, шла переписка с Центром. Но... проходило время и все уходило в песок. Или новый знакомый куда-то пропадал, исчезал из поля зрения, или поведение человека так менялось, что о более близких отношениях, доверительных разговорах и речи быть не могло.

Конечно, не все шло так однообразно. Вдруг, откуда ни возьмись, возникали фигуры с заманчивыми предложениями и интригующими возможностями, после общения с которыми у Нестерова не оставалось сомнений, что он имеет дело с агентами или штатными сотрудниками контрразведки.

Сначала все казалось простым совпадением, но шаг за шагом стало возникать и крепнуть чувство предопределенности событий. Слишком много становилось подобных «случайностей». Плотнее стала работать наружка. Возникло подсудное чувство, что ты под контролем. Ладно бы только его мучили эти подозрения, Ваня Лукашов тоже был с ним солидарен: дважды им приходилось выходить на встречи по запасному варианту. Сергей, как положено, отписывался в Центр, а вот на то, чтобы увязать происходящее в единую логическую цепочку, фактов не хватало.

Время бежало неумолимо, уже был ноябрь, и командировка шла к своему завершению, в декабре заканчивался ее четвертый, последний год. Со дня на день должна прилететь замена, так что все, вроде, шло по плану, как было задумано. Единственное возникшее осложнение – срочный отъезд Любы. Ей пришлось заранее вылететь в Москву: неожиданно заболели и оказались в больнице обе бабушки: одна с гипертоническим кризом, другая – с язвой желудка. Дети остались без присмотра, поскольку в одиночку дедуля в свои семьдесят лет справиться с ними не мог. Так что собираться домой Нестерову предстояло самостоятельно. Особой беды в этом не было: что-то уже отправили, остальное можно собрать и уложить, следуя письменным пятистраничным указаниям жены. Трудность была в другом: уже два с лишним месяца со дня отъезда Любы бесконечной чередой шли по большей части ненужные проводы, прощания, слезы и рас-

ставания. Почти каждое утро он вставал с такой больной головой, что мама не горюй, а между тем работа и в торгпредстве, а главное, в резидентуре тоже не ждала.

В воскресенье, решив проигнорировать очередное питейное мероприятие и поработать до упора, Нестеров приехал в посольство с твердым намерением ликвидировать, как класс, накопившиеся «хвосты». При этом было неодолимое желание потрудиться в гордом одиночестве, чтобы никто не мешал, но... не тут-то было. В референтуре, куда он направил свои стопы, уже сидела краса и гордость советской разведки – Федя Гордин.

Заняв лучшее место, где не так сильно дул кондиционер, по свойственной ему привычке слегка склонив влево голову, высунув от усердия кончик языка и время от времени подталкивая на место сползающие очки, он «ваял» какой-то серьезный документ. Другого объяснения Нестеров не находил, поскольку на его приветствие Гордин только кивнул.

– Федя! Ты, брат, совсем обалдел. Ладно, я без жены, а ты что? За какие страшные грехи бросил на произвол судьбы красавицу жену и лапочку-дочку? Может, тебе награду государственного масштаба пообещали, и ты теперь вкалываешь без выходных, забыв обо всем на свете?

– Слышь, шутник-огородник, заткнись, пожалуйста. Ты же работать пришел? Тогда садись и долби себе на здоровье, а меня не трогай.

– Да без проблем. Георгич будет сегодня?

– Здесь он и ждет, между прочим, когда я вот этот документ подготовлю... – Гордин с вызовом похлопал ладонью по бумагам, лежащим перед ним. – А тут приходят всякие, шутки шутят, работать мешают.

– Ты что такой нервный?

– Занервничаешь с вами, юмористами. Сказать ему, что ты здесь?

– Зачем? – Нестерову после вчерашнего застолья не очень-то хотелось светиться перед шефом. – Совсем не обязательно...

Он хотел еще что-то добавить, но, увидев, как раздражение и нетерпение охватывают Гордина, приложил палец к губам:

– Все, больше ни слова...

С Федькой он познакомился почти пять лет назад, перед командировкой.

Сергей после перевода из контрразведки и учебы в разведшколе уже полгода работал в Ясенево, когда появился Гордин.

Глядя на Федора, мало нашлось бы людей, которые могли заподозрить его в принадлежности к спецслужбам. Разведчик, он ведь по всем понятиям должен быть каким? Красавец-мужчина: приятная внешность, спортивная фигура, хорошие манеры, ну и так далее. А этот? Под метр восемьдесят, сутулый, корпус клюшкой с наклоном вперед, задница отклячена, тело рыхлое, нетренированное. Брюки пузы-

рями на коленях, пиджачок с короткими рукавчиками. Реденькие, светлые волосы, начинающаяся, несмотря на молодой возраст, лысинка, нос сливой, очки. Типичный ботаник из семьи интеллигентов, что, собственно, и было на самом деле.

Мама – зав. кафедрой в областном педагогическом, папа – доктор технических наук. Феденька – единственный ребенок в семье. В школе – только «пятерки», сразу поступил в МГУ, шел на «красный» диплом. Его заметили на третьем курсе и, когда пришло время, сделали предложение, от которого он не смог отказаться. Его оставляли на кафедре, диссертация наполовину была готова – и вдруг разведка! Такое ему и присниться не могло! «Какая на хрен кафедра, диссертация! Да пошла она лесом, эта аспирантура, – решил Гордин. – Наука без меня проживет, а вот разведка – явно потеряет». И после выпускных процедур в универе его сразу же без пересадки отправили учиться на разведчика.

При всех минусах, что во внешности, что в характере, Гордин обладал несомненными достоинствами: острым умом, уникальной памятью и энциклопедическими знаниями. Конечно, как сказали тогда кадровики, не хватает жизненного опыта, через край самоуверенности, нахальства, но это проходит, в конце концов, шлифуется в процессе работы.

Вот этой самой «шлифовкой» и пришлось заняться Нестерову.

Шибанов, который был их непосредственным начальни-

ком, на второй или третий день после появления Гордина сказал Сергею:

– Слушай, до чего молодежь пошла бестактная. Ни стыда ни совести.

– В чем проблема, Петр Георгич?

– Не в чем, а в ком! – Шибанов правой рукой с силой потер шею, на которой сзади, на коже находились два небольших, чуть больше пятикопеечной монеты, красных родимых пятен неправильной формы. – Подходит сегодня ко мне Гордин и голосом невинной институтки спрашивает: «Петр Георгиевич, а что это у вас на шее?» Я делаю вид, что не понимаю, о чем идет речь: «А что у меня на шее?» Про себя думаю: «Какое твое собачье дело, сынок? Что тебе все надо знать?» Но Федя не унимается: «Вот эти пятна!» И пальчиком показывает, чуть не тычет. Я, честно говоря, разозлился от такой наглости... – Шибанов покраснел, заново переживая ситуацию. – Иди, – говорю, – отсюда. Нет, и никогда не было у меня никаких пятен. – Он посмотрел на Сергея. – Нет, ты мне скажи, Нестеров, откуда такие прытки берутся?

– Не переживайте так, Петр Георгиевич. Федя молодой еще, неопытный, но это быстро проходит. Подправим, если надо.

– Дай-то бог!

На том и расстались. На время.

Примерно через час Нестеров нос к носу столкнулся в коридоре с Гординым. Сергей остановил его. Взяв за рукав пи-

джака, отвел к стенке, потом схватил за галстук и злым до звона голосом, едва сдерживаясь, стал выговаривать:

– Что ж ты делаешь, сволочь проклятая! Не успел прийти, а уже гадишь! Тебя расстрелять, падла, мало. Кто ты такой, чтобы так поступать с заслуженными людьми?

Обалдевший Федя, хлопая глазками за стеклами очков, пролепетал:

– Сергей Владимирович, ничего не понимаю...

– Не понимаешь?! Ты хоть знаешь, что Шибанов награжден орденом Красной Звезды?

– Знаю, мне говорили, – пролепетал Гордин.

– А за что его наградили, тебе сказали? – Нестеров правой рукой сделал движение вверх, так что узлом галстука достал до подбородка Гордина. – Вижу, не знаешь, гад. Так вот... – Он отпустил Федьку, чтобы не привлекать лишнего внимания нестандартной для Ясенево манерой поведения, резко одернул ему галстук с рубашкой и перешел на злой шепот. – Северные вьетнамцы готовили операцию по уничтожению штаба американской военной группировки и захвату документации по использованию химического и бактериологического оружия на территории Южного Вьетнама. Но у них не было специалистов в этой области, в совершенстве владеющих английским. Тогда они обратились к нашим, и выбор пал на Георгича. Всего рассказать не могу, плохо спать будешь, но, чтоб понимал, скажу: в джунглях Шибанов с командой спецназа после уничтожения трех штатовских разве-

дивыательно-диверсионных групп попал под напалмовую атаку. Как ни берегли его, две раскаленные капли попали на шею и могли прожечь насквозь, но вьетнамцы спасли Георгия. Они даже сделали так, что потомросло не только мясо, но и новая кожа. Ему сказали, что видимых следов не осталось, и до сегодняшнего дня Шибанов этому верил. Работал себе спокойно, потому что знал: никаких особых примет у него нет. В противном случае – всё! Смерть разведчику! Все знают: в секретной службе, где выполняются спецзадания, нет места человеку с особыми приметами... И тут ты: «Петр Георгия, а что это у вас за пятна?» – Нестеров один в один скопировал Гордина. – А он-то, святая душа, в полной уверенности, что ничего не видно. Георгия сразу после твоего ухода попросил у меня зеркало, нашел эти пятна, сидит теперь, пишет рапорт на увольнение... Понял, гад, что натворил? Какого человека из наших рядов выбил? Орденоносца!

– Но я же не знал! – На Федю было жалко смотреть. – Его за это орденом наградили?

– Ты совсем дурак или притворяешься? Конечно, не за это. Шибанов, даже тяжелораненый, выполнил поставленную боевую задачу! После лечения у вьетнамцев и возвращения в Союз он еще два года в Европе проработал. С нелегалами, между прочим. И как работал! Другие за всю жизнь столько не сделают... – Нестеров окинул презрительным взглядом Гордина. – Какого разведчика погубил, при-

дурок! Как ты будешь жить после всего, что натворил, и сможешь ли работать с нами, не знаю, не уверен. Если Шибанов уйдет, мужики тебя никогда не простят, так и знай.

Сергей, резко повернувшись, пошел по коридору, оставив Федора в полной растерянности.

Где-то через полчаса дверь кабинета, где Нестеров сидел еще с двумя сотрудниками, распахнулась и возникший на пороге Шибанов почти грозно прорычал:

– Сергей Владимирович, зайди.

Оказавшись один на один, Георгич начал воспитывать Нестерова, указывая на несерьезность его поведения. Потом не выдержал и, сдерживая прорывающийся смех, рассказал, как зашел к нему Гордин и в самых разных вариациях принялся уговаривать не писать рапорта: мол, пятен почти не видно, они практически слились с цветом кожи; просто ему в очках так показалось. Прощения просил, чуть на колени не грохнулся.

– Я никак не мог понять, что, собственно говоря, происходит, пока он на тебя не сослался. – Петр Георгиевич вытер набежавшую от смеха слезу. – Смотри, Серега, сгоришь ты со своими шуточками.

Тогда все прошло гладко. Федька стал более осмотрительным и тактичным, наука явно пошла впрок. Хотя Нестеров временами чувствовал, что Гордин, конечно, обо всем догадался.

А теперь они все трое оказались здесь и в тех же ипоста-

сях, что и раньше: руководитель и два сотрудника...

Воспоминания не мешали Сергею работать; к завершению шло очередное оперативное письмо в Центр, когда раздался звонок и шифровальщик, посмотрев в глазок, щелкнул замком, впуская в референтуру Гордина.

Федька выглядел страшно довольным и сиял, как пятак начищенный.

– Давай шуруй, Нестеров. Георгич ждет тебя, – он, опережая возможные вопросы, добавил: – Я про тебя ничего не говорил. Наверное, кто-то из референтуры капнул.

Путь до кабинета шефа много времени не занял.

– Разрешите, Петр Георгич?

– Заходи, Сергей Владимирович. – Шибанов внимательно посмотрел на него. – Что-то ты плохо выглядишь, друг мой. Не заболел, случаем?

– Да нет, спал мало. А что, заметно?

– Еще бы. Вон, какие мешки под глазами. Давай рассказывай, что у тебя за бессонница такая. Сексуальные фантазии замучили? Излагайте, товарищ Нестеров! Всю, можно сказать, правду-матку выкладывайте. А вдруг вас лечить надо, антистоин выписывать или бромом какого-нибудь накапать?

У Шибанова юмор от серьезного настроения трудно было отличить, и, хочешь – не хочешь, надо было отвечать.

– Сон приснился, врагу не пожелаешь.

– Да ты, что? – Петр Георгиевич с самой располагающей улыбкой откинулся на спинку стула и приготовился услы-

шать, судя по всему, занимательнейшую историю. – Ну-ка, ну-ка, рассказывай...

И Нестеров не обманул его ожиданий.

– Идем с Любашей по Арбату. Весна, тепло совсем, листочки распустились, солнышко светит, птички поют. Красота! Вдруг моя ласточка радостно так вскрикивает: «Николаша, здравствуй!» И вся из себя красивая бросается к идущему навстречу мужику. Ну, охи, ахи, вздохи, телячьи восторги... Я стою, вообще, не пришей рукав. Между делом она так небрежно бросает, махнув ручкой в мою сторону: «А это мой муж, Сережа». И пошла дальше чесать. Поболтали они минут пять, и мы разошлись, пошли каждый своей дорогой. Я разозлился страшно, хотя сам не пойму, отчего. То ли оттого, как она меня представила или еще от чего-нибудь... Не знаю. Иду, соплю в две дырки, а Любочка моя заливается: «Ах, Николаша! Какой он статный, представительный мужчина. В институте был так себе, смотреть не на что. А сейчас? Красавец!»

Шибанов, положив руки на стол, внимательно следил за развитием сюжета, тем более что Сергей, захвативший пространство кабинета, как всегда в своих выступлениях на публике, лицедействовал не хуже актера.

– А она не унимается, – Нестеров продолжал спектакль, раскладывая на голоса. – Тербит меня, как грушу: «Ну, что молчишь? Правда, Коленька – красавчик?» Нет, вы представляете, Петр Георгиевич: Ко-лень-ка. Ядрена матрена!

При живом-то муже – Коленька! Я зубы стиснул, молчу, как карп на сковородке. А она будто не замечает: «Сережка, не будь букой. Что ты надулся? В конце концов, ты можешь быть объективным? Это же самая настоящая правда – Николаша прекрасно выглядит и тебе есть на кого равняться».

Шагающий по кабинету Нестеров остановился, будто наткнулся на внезапно возникшую преграду.

– И тут я проснулся. «Ничего себе, – думаю. – Коленька – образец для подражания, ядрена корень. Да его бы сюда к нам на пару-тройку месяцев, чтоб жара под сорок, влажность под сто и режим работы по десять часов, я бы тогда посмотрел на его прекрасное личико... Ален Делон долбаный!»

– Это точно, – поддержал Шибанов. – Все эти красавцы писанные доброго слова не стоят. Возьми того же Жана Морре... – Он вдруг осекся. – Стоп, машина! А чего ты завелся, Сергей? И я вместе с тобой? Это же сон!

– Понимаю, что сон, – Нестеров стал выходить из образа. – Но обидно же! Я потом до утра заснуть не мог.

– Ты хоть сейчас-то успокойся.

– Да все, проехали... – Сергей, вздохнув, сел на стул и посмотрел на противоположную от него стену кабинета, где над головой шефа раньше располагался портрет Председателя КГБ Андропова. – А куда Юрий Владимирович делся?

– Ты про это? – Шибанов, не оборачиваясь, через плечо показал большим пальцем на пустое пространство у себя за спиной. – Послу пришлось отдать. – Резидент устроился по-

удобней. – Он раньше все доставал меня: «Петр Георгиевич, нехорошо. На стене у руководителя, тем более такой организации, как ваша, должен быть портрет Генерального секретаря коммунистической партии нашей страны Леонида Ильича Брежнева, а вы почему-то Андропова повесили».

Шибанов улыбнулся.

– Я терпел, сколько мог. Что ему объяснять, один хрен не поймет. Однако в очередной раз не выдержал и говорю: «Извините, Степан Алексеевич. Но я Андропова не вешал, да и другим не советую». И многозначительно паузу сделал. Вроде как с намеком: «Вы хоть и посол, но такие оговорки, да еще в разговоре с резидентом КГБ, до добра вас не доведут, Степан Алексеевич». И, знаешь, подействовало, больше никаких рассуждений на эту тему не было. Может, у него кто-то из родственников репрессирован? Не знаешь? Да не в этом суть. Сейчас, когда Юрий Владимирович стал Генеральным секретарем, все изменилось с точностью до наоборот.

Шибанов выпрямился на стуле, лицо его приобрело почти торжественное, немного лукавое выражение.

– Вчера подходит ко мне, берет доверительно под локоток и шепчет на ухо: «Петр Георгиевич, уважаемый! Выручайте. Когда еще хозяйственники пришлют из Москвы портрет Юрия Владимировича? А он у вас есть. Одолжите на время». Сам должен понять, здесь я чрезвычайному и полномочному отказать не мог. – Помолчав, Шибанов приступил к тому, для чего, видимо, и вызвал Нестерова. – Отчет начал писать?

– Руки пока не дошли.

– Что ж, может, и к лучшему. – В задумчивости Георгич привычным движением потер правой рукой шею. – Хорошо, что пришел, а то я хотел Ивана за тобой послать.

По тому, как было сказано, Сергей понял, что ничего хорошего для себя он не услышит.

– Телеграмма пришла, – Шибанов отвел взгляд, выравнивая стопку бумаг на правой стороне стола. – Откладывается твой отъезд, переносится на конец мая следующего года.

Нестеров с застывшей полуулыбкой смотрел на резидента. Смысл сказанного с трудом укладывался в сознании: «Это же фигня какая-то... Шутить изволите, господин начальник? Замена же во вторник прилетает, месяц на передачу дел – и все... Меня дома ждут... Как же так? Может, розыгрыш?» Но при всем охватившем его отчаянии он прекрасно понимал, что такими вещами не шутят.

– Конец мая? – обреченно переспросил Сергей.

Вопрос повис в воздухе, и наступило гнетущее молчание. Шибанов понимал, как сейчас непросто Нестерову, который в мыслях уже тысячу раз представлял свой приезд в Москву. Жалко было парня, но деваться было некуда: плохие новости для подчиненных – тоже часть его работы.

– Сняли с командировки твою замену, Сергей. Причин не знаю, в телеграмме стандартная формулировка: «по оперативным соображениям». Может, на другое направление перебросили или еще что-то произошло...

Нестеров сидел перед ним, опершись локтями в колени и крепко сцепив пальцы в замок. Наклонив голову, он смотрел в пол.

– Что, Емелюшка, не весел, что ты голову повесил? Сергей Владимирович, в нашем царстве-государстве еще не такое бывает. Не зря говорят: пока самолет не взлетел, командировка не закончилась. Так что давай соберись. Тебе необходимо понять, что работать придется еще больше полугода, и уж если так получилось, надо выжать из этого времени максимум полезного для себя. Знаешь, как в анекдоте: раз другого выхода нет, расслабься и постарайся получить максимум удовольствия. А тебе, мой дорогой, не расслабляться, а мобилизоваться надо...

Резидент говорил и видел, что Нестеров не слышит его, погруженный в свои переживания, и Шибанов подумал: «Уж что-что, а самокопания и самоистязания абсолютно не нужны. Так можно сорваться с резьбы. Надо тебя встряхнуть, дружок, чтоб маленько в сознание пришел».

– Смотри на меня, Сергей.

Нестеров поднял голову, и резидент заговорил резко и зло:

– Вызывай жену, Центр ее выезд санкционировал. А то сопьешься еще, к чертям собачьим, или с девками загуляешь... Что смотришь? Знаю, как они вокруг тебя хороводы водят. Мне рассказали, как ты у Сафроновых вчера погулял. Лихо выступил, молодец... И почему у тебя мешки под глазами –

мне тоже известно. Ты вот что, кончай дурить. Сегодня же напиши жене письмо, объясни ей все. Завтра Рогожин летит в Москву, он твое послание на следующий день передаст из рук в руки. Любаша – золотая женщина, она своего драгоценного мужа не бросит на произвол судьбы. Кстати, как у вас дома, выздоровели старики?

Нестеров посмотрел Шибанову прямо в глаза, и тот понял, что хотел, но не сказал вслух Сергей, вместо этого медленно произнёсший:

– Последнее письмо пришло неделю назад. Моя мама поправилась, а Любина – вот-вот должна выйти из больницы. – Он уперся ладонями в колени, собираясь встать. – Разрешите, я пойду, Петр Георгиевич.

– Подожди, разговор не окончен.

– Чего еще ждать, Петр Георгиевич? – Тщательно выговаривая слова, Нестеров поднялся. И за те секунды, пока он вставал, его лицо исказила гримаса боли и отчаяния, а голос зазвенел безудержной обидой. – Может, добавить хотите? Спасибо, не надо, мне и так хватит. Знаете, что моя Любаша в последнем письме написала? «Сереженька, дети хотят тебе сюрприз сделать – втайне от всех подарки на Новый год готовят, ждем тебя не дождемся!» А теперь что? Вот вам, миленькие деточки, подарочек от Деда Мороза! Ни папы, ни мамы на Новый год не будет. Знать бы только, какая сука мне такую свинью подложила, убил бы, честное слово... Нет, вы скажите, дорогой начальник, почему у других все, как у лю-

дей, а у меня – через жопу? Взять хоть Федьку: живет, как песню поет. Он что, в тысячу раз лучше меня, что ли? Сделает на копейку, а раздуют, точно на тыщу. И бегают, кудахчут: «Федор такая умница!»...

– Прекрати паясничать, – хриплым голосом оборвал резидент. Разъяренный, он стоял напротив Нестерова по другую сторону стола. – Сядь немедленно и возьми себя в руки. Что за истерика? Как тебе только не стыдно! Успокойся и слушай меня внимательно, если в состоянии, конечно.

Шибанов, жестом посадив Сергея, занял свое место, возвращаясь в привычный образ руководителя, которому Богом, то бишь начальством, определено наставлять на путь истинный сбившихся с правильного пути сотрудников.

– Откровенно говоря, не ожидал, что придется ТЕБЕ, – Петр Георгиевич сделал ударение на этом слове, – напоминать, где мы с тобой и чем занимаемся. И превратности твоей судьбы обсуждать я не намерен. Оставь это, пожалуйста, для своей любимой супруги, ей в плечико поплачешься. И не вздумай кому-нибудь другому, – вернее, другой, жаловаться на несправедливое московское начальство. Я ведь все равно узнаю, откручу башку и выброшу. И характеристику вдогонку такую накатаю, что с оперативной работы выгонят и в архив не возьмут. Будешь портянки считать у хозяйственников.

Нестеров наконец пришел в себя от нежданно свалившегося «счастья» и предупреждение резидента принял совер-

шенно осознано, понимая его серьезность: Шибанов действительно мог так припечатать, что за всю оставшуюся жизнь не отмоешься.

– Слушаю вас, Петр Георгиевич.

По интонациям голоса и выражению глаз подчиненного резидент понял, что его слова все-таки достигли цели.

– Полгода – большой срок, Сергей, если им правильно распорядиться. Ты неплохо отработал четыре года, и на то, чтобы отчитаться на среднем уровне и остаться в отделе, материала хватит. Но я считаю, что для тебя этого мало. Способный, грамотный оперативник, с хорошими потенциальными возможностями должен не просто работать рядовым пахарем, а с реальными или почти реальными результатами вернуться в Москву и идти на повышение. Чтобы реализовать такой задумку, тебе не хватает одного: изменить ситуацию в разделе отчета «Работа по приобретению источников негласной информации».

Нестеров попытался что-то сказать, но Шибанов жестом остановил его.

– Не перебивай. Речь не о каких-то чудесах. Все гораздо проще. Если судьба так распорядилась и у тебя есть еще полгода, за это время необходимо самым серьезным образом поработать и сделать задел на будущее. Ты должен немедленно пересмотреть свой архив, перелопатить все записи. С кем контактировал, встречался, от кого отказался и по каким причинам... Надо найди того, с кем можно возобновить отноше-

ния, кого передашь своему сменщику пусть как официальную, но обязательно перспективную связь для последующего оперативного изучения. Понимаешь?

Нестеров утвердительно кивнул. Он мысленно начал перебирать свои контакты, установленные за четыре года, а резидент будто читал его мысли.

– Не пытайся прямо здесь, не выходя из моего кабинета, найти человека, которого не смог отыскать за время всей командировки. Нет, дружок, так не получится! Чтобы добиться успеха, для начала тебе надо победить болезнь под названием «контрразведывательный синдром».

– Первый раз слышу такой диагноз...

– Ничего страшного. Некоторые вообще не хотят признавать его существование, а на самом деле, проблема, безусловно, есть. Это я говорю, как в недалеком прошлом старший оперуполномоченный контрразведки УКГБ по Хабаровскому краю. На себе испытал. Изживать чувство крайней осмотрительности и подозрительности мне пришлось долго. У нас в крови отношение к иностранцу как к объекту разработки, требующему изучения главным образом с точки зрения его принадлежности к спецслужбам. Проще говоря, первое, что невольно возникает в наших с тобой мозгах: «Какой-то он подозрительный. Может, «подстава»? Или, хуже того, кадровый сотрудник спецслужб?» Разве не так?

– Так, Петр Георгиевич. Не столь прямолинейно, конечно, но, в общем и целом...

– Сергей Владимирович, брось ты дипломатию разводить, смотри лучше в корень. Эта беда вполне объяснима: наше с тобой образование и опыт работы в контрразведке. Когда годами ловишь шпионов, такая деятельность, безусловно, накладывает определенный отпечаток на сознание и психологию, и, хочешь – не хочешь, имеет место быть так называемая «профессиональная деформация личности». Я тебе все это говорю с одной целью: чтобы ты крайне тщательно провел ревизию своих отношений с окружением из числа местных чиновников и партийных функционеров всех мастей. Наверняка найдешь интересных персонажей, которых списал, как возможных сотрудников спецслужб, хотя основания для такого шага были достаточно хлипкие. Так ты время выиграешь, не будешь тратить его на поиски новых объектов. А временной фактор сейчас играет большую роль. Понимаешь меня?

– Спасибо, Петр Георгиевич. Стараюсь понять. Не знаю, честно говоря, чем заслужил такое отношение. – В словах Нестерова звучала растерянность.

– Политесы, друг мой, – остановил его резидент, – оставь до будущих времен. Работать надо, а не ля-ля разводить. Что касается моей персоны, то ей, знаешь ли, – взглянул Шибанов на часы, – давным-давно на корт пора. Опоздаю – посол поражение засчитает... – Он встал. – Жду тебя завтра в семнадцать часов с конкретными предложениями.

Сергей пожал протянутую руку и направился к двери, и

тут в спину прозвучал вопрос:

– Про сон на ходу придумал или как?

– Да нет. – Повернувшись, Нестеров грустно улыбнулся. – Сон действительно был, правда, не прошлой ночью.

Дверь с мягким щелчком закрылась. Шибанов, оставшись один, опустился на стул. Хотел посмотреть на себя в зеркало, но вспомнил, что такого предмета в интерьере его кабинета нет... Может, и к лучшему, поскольку увидел бы себя, без маски бодряка-начальника, уставшим и измотанным, постаревшим за один этот разговор на несколько лет.

«Сережа, Сережа, – думал он, складывая в сумку теннисные принадлежности. – Прекрасный парень и работник хороший. Черт знает, как так получается, но действительно все шишки на этого мишку! Ведь с самого начала допустили его расшифровку. Правда, никто в этом не признается. В семье опять же проблемы, и еще какие. Но выдержал мужик. А то, что с вербовками не пошло, не во всем его вина. Хотя как сказать, ... Трудно все-таки быть судьей в подобных вопросах. Как у нас говорят, в поле работаешь один на один. Свидетелей, контролеров, наблюдателей нет. Состязательность умов и психологий. И только от тебя самого, твоей честности, непредвзятости и, по возможности, объективности зависит, какую нарисуешь картину перед Центром. Как представишь, в каком свете и красках будут отображены действия и слова человека, с которым ты общался, так, в конце концов, и будет. – В задумчивости Шибанов присел на край стола. –

Пожалуйста, берем два примера. У Нестерова через одного то агент, то офицер контрразведки. Сверхбдительный товарищ Нестеров! Но кто знает, может, он прав. Зато у Федя наоборот, никаких сомнений, подозрений. Похоже, он даже не задумывается, почему все так легко и гладко получается... А мне что делать в этой ситуации? Свою голову не поставишь ни тому, ни другому. Проверочные мероприятия проводили, а толку? Качество записи отвратительное, искажения голоса, интонаций, посторонние шумы. Аппаратура – барахло... Да и не в ней дело. А выражение глаз, мимика, жесты – этого же нет. Как понять поведение человека, его реакцию на вопросы? Сложно и, скорее всего, невозможно. А раз так, то все говорит в пользу Федора. В итоге получается, что для Центра, что для меня, Гордин – молодец. На вторую вербовку материал готовит. Из Центра характеристику и предложения запросили на его поощрение. А Нестерова, бойца-молодца, хоть бы в отделе оставили – и за то спасибо... Но я его в обиду не дам, парень себя еще покажет. Может, в оставшееся время что-нибудь толковое и сотворит. Если успеет, конечно, и контрразведывательное чутье одолеет».

Шибанов, застегнув молнию на спортивной сумке, огляделся: не оставил ли чего-нибудь лишнего? – и с привычной для всех доброжелательной улыбкой вышел из кабинета.

Новогодний подарок

Каждый раз перед приходом жены Нестеров говорил себе: «Старик, нельзя все откладывать на последний момент. В квартире приберись, продуктиков подкупи, подарочек какой-нибудь сваргань. А ты что творишь, разгильдяй несчастный? Откладываешь все на последний момент и ничего не успеваешь сделать». Говорить-то говорил, а толку – что воробей накапал. Вот и этот день не стал исключением.

Орудя в спешке веником, поскольку до выезда в аэропорт оставалось меньше часа, а сделать надо было еще вагон и маленькую тележку, Сергей решал сложную для себя задачу: что ему делать с Сушкой?

Получилось так, что сразу после отъезда Любы Нестеров заметил, как кто-то стал «хозяйничать» в квартире. То на кухне обнаружится разбившаяся посуда, то неизвестный порвет обшивку дивана, то раздербанит пакет с продуктами, и чем дальше, тем хуже. После тщательных поисков виновных в двери, ведущей на маленький балкончик, он обнаружил небольшое отверстие, через которое, как показали результаты засады, в комнату залезла приличных размеров крыса. Она-то, собака, и хозяйничала в доме. Причем делала это беспардонно, практически не стесняясь, и днем и ночью. Возмутившись, Нестеров объявил агрессору беспощадную войну с использованием отравляющих веществ, лову-

шек разных типов и принципов действия, метательных снарядов крупного, среднего и мелкого калибров, колюще-режущих предметов, используемых при строительстве специальных преград, и всего такого прочего. Но все попытки дать должный отпор захватчику успехом не увенчались: заслоны крыса обходила и находила другие пути проникновения на возделенную территорию; ловушки игнорировала, а от преследований ускользала. Мало того, после каждого боевого столкновения или использования Нестеровым нового средства ее уничтожения, животное устраивало такие погромы, что мама не горюй! Полдня надо было убить для восстановления порядка в доме.

Находясь в состоянии отчаяния, Сергей случайно в журнале «Вокруг света» наткнулся на большую статью о крысах. Прочитав ее, он понял, что с существами, выживающими после атомного взрыва, способными влезть по отвесной стене, вырабатывающими иммунитет на любые яды и отравы, обладающими, по оценкам ученых, зачатками интеллекта, воевать бесполезно. Убьешь одну – появиться десять новых, злобных и беспощадных. А еще оказалось, что каждая крыса лучше всякой сторожевой собаки охраняет свою территорию, в том числе и от своих собратьев, и чужаков туда не допускает. И Нестеров решился на эксперимент. Поставил на кухне два блюда: в одно налил молока, в другое – положил пару добрых кусков копченой колбасы и три сушки. Пришел вечером домой – в квартире порядок, только молока в блюде

це на доньшке, а колбасы с сушками как не бывало, съедены подчистую. Так и стал он крысу держать, как домашнее животное. И кличку ей дал: «Сушка».

Вот теперь он и размышлял, что предпринять: оставить блюда с едой – Любаша заметит, начнутся вопросы; убрать питание – Сушка обидится и набезобразничает. И он, наконец, решил: «Лучше все-таки первый вариант. Любочке я еще могу объяснить, а с Сушкой не договоришься...»

В аэропорту всё было, как всегда: много народу, жара, несмотря на зимний период, и вяло работающие кондиционеры. Но эти обстоятельства не портили Нестерову приподнятого настроения, который в надежде увидеть свою драгоценную не замечал ничего и никого вокруг.

– Серега!

Раздавшийся голос заставил обернуться, и Нестеров увидел Ваню Лукашова с Гладышевым, которые стояли у стойки бара, потягивая апельсиновый сок со льдом.

– Ты что здесь делаешь? Встречаешь или провожаешь?

– Любаша приезжает.

– Тогда понятно твое состояние. А то смотрим: идет наш Серега сам не свой. Глаза в одну точку и шурует напропалую. Это ты, значит, в предвкушении... – Гладышев не закончил фразу, но было ясней ясного, что он имеет в виду.

– Охальник ты, Гладышев, как есть охальник! Что ты понимаешь своим грубым крестьянским умом в романтической высокой любви. – Нестеров на такие шуточки не поку-

пался. – Сами-то что здесь ловите?

– Диппочту встречаем, наша очередь, – спокойно ответил непробиваемый Лукашов.

Мелодичным, воркующим голосом служащая аэропорта объявила о совершившем посадку самолете, и Гладышев сбросил дурацкую улыбку с лица.

– Ладно, Серый. Встречай свою единственную и неповторимую. А мы на поле погнались, дипов у трапа надо принять.

Они быстрым шагом пошли к выходу, а Нестеров остался, как ему показалось, один среди шумевшего, как растревоженный улей, аэровокзала.

Четыре года он встречал ее и провожал, – собственно, как и она его. Казалось, можно бы и привыкнуть, но... не получалось. Каждый раз он волновался. Но такого, что творилось сейчас, никогда не было – даже руки дрожали. Глядя в громадное окно, выходящее на взлетно-посадочную полосу, он вспомнил, как стал случайным свидетелем картины, запомнившейся ему навсегда.

В один из отпусков, занятый домашними делами, он шел по квартире и бросил взгляд в гостиную, где на ковре играли Олег с Оленькой. Что его остановило, до сих пор не понимает. Сами для себя они разыгрывали целый спектакль. Оленька была мамой, а Олежка, естественно, отцом. Перед ними, прислонившись спинами к коробкам с машинками и кубиками, сидели игрушечные мальчик и девочка. Олег, загнув руки в карманы, расхаживал по воображаемой комна-

те и успокаивал хнычащую и причитающую Оленьку. А та, в свою очередь, уговаривала «детей»: «Милые мои, любимые. Не плачьте. Мы скоро опять к вам приедем». И его осенило: «Это же наши сборы перед окончанием отпуска!» А когда Олежик, по-детски грассируя, сказал Ольге, что время пролетит быстро, как «одно мгновение, и ты не заметишь, как мы опять вернемся», у него отпали всякие сомнения – именно так, слово в слово, он всегда успокаивал Любу.

Сергей, проскользнув незамеченным в кухню, рухнул на табуретку. Перехватило горло, до скрежета свело зубы: «Ребятки мои золотые! Простите меня, ради бога! И что ж это за жизнь такая проклятая!» Любе он ничего не рассказал, у нее и без того переживаний хватало, но зарубка на сердце осталась...

Погрузившись в воспоминания, Сергей не заметил, как стали выходить первые пассажиры долгожданного рейса. Когда он, наконец, вернулся к реальности и повернул голову, то среди снующих людей и тележек с чемоданами да свертками увидел стоящую посреди зала Любу. Она была маленькой, беззащитной и одинокой, растерянно улыбалась, губы начинали дрожать в тщетной попытке сдержать набегающие от обиды слезы – ее никто не встречал!

Нестеров не заметил, как пролетел дюжину метров, отделявшие их друг от друга, сбив интеллигентного вида иностранца с кейсом в руке и опрокинув пару чемоданов. Он подхватил легкую, как перышко, Любу на руки, закружил

в безумном танце, осыпая поцелуями руки, щеки в слезах, огромные зеленые глаза, и только слышал несусветный лепет: «Ты что, меня не ждешь, что ли? Ты разлюбил меня, да? Ты, наверное, даже не соскучился?»

На фоне этой пасторальной картинки резким диссонансом прозвучал приведший их в сознание голос толстого, красного, потного мужика с двумя чемоданами: «Вы бы, молодые люди, отошли в сторонку и целовались там, а то весь проход загородили».

Пока ехали домой, Люба рассказывала, как, получив его письмо и поговорив с Рогожиным, поняла, что дело серьезное, а значит действовать надо незамедлительно. Собрав детей и Сережину маму, она стала объяснять им сложившуюся ситуацию, но, к счастью, обошлось все без лишних слов и ненужных эмоций. Оленька не стала строить никаких трагедий, видимо, привыкнув к постоянным приездам-отъездам родителей. Олег, как человек взрослый – все-таки ученик второго класса – проникся серьезностью сложившегося положения и пошел собирать отцу новогодние подарки. Сережина мама, правда, немного всплакнула, но тоже быстро поняла, что деваться особенно некуда. Любины родители восприняли все как должное, даже с радостью заявили, что теперь Новый год будут встречать все вместе.

По дороге заодно выяснили, почему толстый красномордый мужик в аэропорту назвал их молодыми людьми: Любаша похудела за время московских мотаний до сорока пяти

килограммов, а Сергей вернулся к весу десятилетней давности – семьдесят три. В сочетании с тем, как они целовались без оглядки на все и вся, они, вероятно, и впрямь производили впечатление молодых.

– Ты только худеешь как-то избирательно, местами, – пошутил Нестеров. – Грудь, по-моему, только больше стала.

– Знаешь что, – парировала, зардевшись, Люба. – У тебя тоже в некоторых местах, как я почувствовала, не убавилось.

Чтобы уйти от стесняющей темы, она начала рассказывать последние новости про детей.

– Не стала тебе писать, думала, сделаю сюрприз, когда увидимся... – Люба, выдержав паузу, торжественно провозгласила: – Оленьку приняли в школу на подготовительное отделение.

– Да ты что? – От приятной неожиданности, потеряв бдительность, Нестеров не успел крутануть рулем и влетел правым колесом в яму. – Там же экзамены надо сдавать! Это Олега приняли по результатам собеседования, потому что от моих ребят звонок был... И потом: одно дело наш мальчик, ума палата, другое – Оленька. Это же солнышко, аленький цветочек...

– Прошлый год помнишь? – Люба повернулась вполоборота. – Как перед отъездом я просила Олега, чтобы он подготовил Оленьку к школе. Как говорила ему, что он – единственная наша надежда, что бабушки с дедушкой здесь не помощники... Помнишь?

– Конечно.

– Так вот. Надо знать нашего сына. Раз ему поручили, он сделает все, что возможно, и даже больше. Мы в этот день приехали втроем в школу. Я вся на нервах, Олег переживает, только наша девочка песенки поет. Поднялись на третий этаж, и как только Оленька пошла к комиссии на этот экзамен-собеседование, я с Олегом чуточку приоткрыла дверь, и за всем, что происходило, мы подглядывали в щелочку. Преподаватели, сидевшие за столом, задавали ей всякие вопросы: «Что такое вишня?» – «Ягода», «А помидор?» – «Овощ». Вроде, все нормально, мы немного успокоились. И тут завуч спрашивает: «А бегемот?» Оля делает «страшное» лицо и говорит: «Мя-я-со!» Ты понимаешь, для нашего солнышка все эти вопросы, тети серьезные – просто игра. Члены комиссии начали переглядываться, шептаться. Ну, думаю, засыпалась наша девочка, не примут ее в школу! Олег белый весь, губу закусил, но чего-то ждет... И тут директор школы – председатель комиссии говорит: «Девочка, а с тобой кто-нибудь занимался, готовил к школе? Родители, бабушка с дедушкой?» Наша Оля, глядя на нее ясными глазами, отвечает: «Со мной братик занимался, Олег Нестеров. Он тут у вас учится». «Как же, как же. Олега мы хорошо знаем. Брат у тебя отличник. Скажи, ты можешь нам прочитать какое-нибудь стихотворение или басню?» Оленька кивает и говорит: «Я прочту вам письмо Владимира Ильича Ленина к Надежде Константиновне Крупской»... Сережа! Немая сцена: учите-

лей как парализовало, а наш ребенок спокойно, не обращая ни на кого внимания, начинает: «Дорогая Надюшка! От Молотова вчера узнал, что приступ болезни сердца у тебя все же был. Значит, ты работаешь не в меру...» И дальше в том же духе. Причем, читала с выражением, как художественное произведение! И что им было делать, если ребенок читает наизусть письмо вождя пролетарской революции и создателя нашего государства к своей любимой жене? Приняли, конечно, нашу девочку!

– Люба, откуда? Этого быть не может! Оленька и письмо Ленина к Крупской?! Разыгрываешь меня, да?

– Если бы. Смотрю на Олега, у меня в глазах те же вопросы, что и у тебя, а он с гордостью говорит: «Ты же поручила мне с ней заниматься, вот мы и учили – по одной строчке в неделю. В конце концов, она вызубрила все наизусть, потом я еще выражение ей ставил. Мам, ты представить не можешь, я так боялся, что ее не спросят про стихотворение».

– А почему Ленин? Почему не Крылов или Пушкин?

– Их все читают, а тут нужен был, как сказал Олег, беспроектный вариант.

Люба, поцеловав Нестерова в щеку, прижалась к его плечу. Счастливая, с тихой радостью прошептала:

– Вот какие у нас с тобой дети.

На подъеме чувств он влетел на джипе во двор. Невеликий багаж помогли занести на второй этаж соседи, и Любаша, пока ставили вещи в гостиной, первым делом прошла на

кухню.

– Это что такое? – донеслось до Нестерова, возившегося с чемоданами. Он сразу понял, что имелось в виду, и, не отрываясь от своего занятия, рассказал историю своих взаимоотношений с Сушкой. Заканчивая красочное повествование, Нестеров появился на кухне и со всей серьезностью заявил:

– Ты зря беспокоишься. Две женщины на одной кухне все равно не уживутся. Так что Сушка как пришла после твоего отъезда, так и уйдет с твоим приездом. И потом я с ней, можно сказать, жил.

Он подходил все ближе и ближе.

– Не как с женщиной, конечно. Сама понимаешь, у нас все сложнее...

Сергей обнял жену и почувствовал, как дрожь пробежала по телу. Люба обвила его шею руками и, уже не пытаясь предотвратить то, что захватило их волной, чего они ждали так долго, прошептала, как во сне:

– Сумасшедший. Тебе же на работу...

Конечно, ни в торгпредство, ни в посольство он в тот день не попал. Собственно, никто в претензиях и не был; все знали, что к Нестерову приехала жена. Ко всему прочему, через два дня наступал Новый год и нескончаемой чередой шли протокольные мероприятия, так что руководству было не до него.

Отмечали праздник всегда по одному и тому же сценарию, и этот Новый год не стал исключением.

В двенадцать по-местному торгпредские дружно сдвинули бокалы с шампанским, слегка закусили; в половину первого пожаловал посол с супругой. Сказал необходимые, отрепетированные слова, чокнулся с торгпредом и замом и пригубил шампанского. Жена посла, как и все последние три года, всплеснув руками, воскликнула: «Ну, что же мы так сидим? Это же Новый год, самый веселый праздник! Сережа, Люба, спойте нам хорошую, прекрасную новогоднюю песню!» И Нестеровы, не изменяя трехлетним традициям, под гитару спели Визбора «Лыжи у печки стоят». Посол уехал, и с ним ушла официальная часть. А раз так – народ раскрепостился и пошел гулять по-настоящему. Салатики, водочка, рыбка, вино, фруктики, шампанское – все по полной программе и в одну корзину. Как Дед Мороз заказывал, да еще с танцами, плясками. Веселье разливалось рекой и становилось ясно, что до встречи Нового года по московскому времени доживут единицы.

– Любань, может, рванем к геологам? – Нестерову, обычно спокойно воспринимавшему особенности торгпредского коллектива, в этот раз по неведомым причинам захотелось вырваться.

– Ты сам как, в порядке?

– Не беспокойся. Думаю, нашего отсутствия никто и не заметит, а заметят, тоже не беда. Всем не угодишь.

– Ладно, давай. Только домой на секундочку заскочим.

Ночной город стоял пустой и Сергей, заскочив домой на

три минуты, срезая углы, по прямой, рванул через дамбу. Вскоре они были у геологов, вместе с другими спецами шумно и весело отмечавшими Новый год в небольшом местном ресторанчике. Гремела музыка, народ отрывался в твисте. Мужчины и дамы, вне зависимости от комплекции, возраста и туалетов, навыков и умения, отчаянно полировали ногами пол.

Сергей, взяв Любу за руку, думал проскочить незаметно к столику начальника экспедиции, но не удалось.

Громовой голос, перекрывая звуки музыки, возопил:
– Друзья! К нам прибыл Дед Мороз со Снегурочкой! Сергей Нестеров и его Любовь!

Кто-то захлопал, кто-то крикнул: «Ура!» Возникла суета и неразбериха, в результате которой озвученный представитель торгпредства оказался на сцене с рюмкой водки в одной руке и микрофоном в другой. Любаша исчезла, и он остался один перед прилично выпившей компанией, абсолютно не расположенной слушать всякие тосты и речи. Можно было, конечно, смыться по-тихому, но, с другой стороны, уйти просто так, не сказав ни слова, нельзя – лицо потеряешь, как говорят на Востоке.

Он воткнул микрофон в стойку, поставил рюмку на пианино и взял гитару, которая, на счастье, стояла здесь же. Как только прозвучал первый аккорд, шум в зале поубавился и Нестеров запел песню, написанную им совсем недавно:

*Вот уже годы я не был в России.
Дни чередой незаметно идут.
Только закрою глаза – и мгновенно
Мысли из детства бегут и бегут:*

*Низенький домик, подсолнух у хаты,
Мать на крылечке да старый отец.
Где же вы, где же, родные березы,
Душистое поле – приволье сердец?*

Незамысловатые слова и простенькая мелодия в ритме старого вальса были так созвучны настроению вечера, что стихли голоса, прекратился перезвон рюмок и бокалов, стук вилок и ножей. Когда отзвучала последняя струна, мгновение держалась тишина, потом люди встали, закричали, захлопали в ладоши, находясь в полном восторге и считая песню по-настоящему своей.

Сергей взял рюмку и подошел к микрофону.

– Друзья мои! Дорогие люди! Давайте выпьем за Родину, которая у каждого из нас своя и которая для всех нас едина. За наших близких и самых родных: за стариков-родителей, детей любимых, братьев и сестер. За всех, кто любит нас и ждет!

Как волной подняло народ, зазвенела посуда, и Нестеров первым лихо опрокинул рюмку, вместо закуски втянув ноздрями воздух.

Из ниоткуда появилась Люба, протянула руку, и он сошел

со сцены.

– Молодец, Сережка! Очень хорошо. Это твоя новая песня? Когда ты только все успеваешь?

– Да почти сразу, как Георгич приговор на продление объявил. Через пару ночей в тоске и горе сотворил. Понравилось?

– Очень. Ты – просто молодчинка!

Не успел Нестеров осмотреть зал в поисках знакомых лиц, как справа от себя услышал знакомый мужской баритон.

– Сергей Владимирович, дорогой! – Это был начальник экспедиции Крапивин. Обнялись, как водится. – Давайте к нам, давно ждем вас.

– С Новым годом, Калиныч! А с чего ожидания? Я ведь обещаний не давал, – с улыбкой отреагировал Нестеров.

– Знаю. Но я почему-то ждал...

Они подошли к столику, накрытому на четверых, на котором действительно чистыми и нетронутыми стояли два прибора. Навстречу поднялась жена Крапивина – Анастасия, женщина настоящей русской красоты, сумевшая сохранить ее, несмотря на возраст и испытания кочевой жизни. Как-никак, а за пятнадцать лет исколесили и исходили пол-Сибири и столько же Средней Азии!

– Настасья Константиновна, с Новым годом! Здоровья, счастья, любви и радости. Все в огромном количестве и постоянном регламенте! – Нестеров, наклонившись, поцеловал ей руку.

– Сергей Владимирович! – Не привыкшая к такому обращению, Крапивина зарделась от смущения и повернулась к Любе. – Где только берут таких мужчин? С Новым годом, милая Любочка! Дорогая моя, какая же вы красивая! По глазам вижу, что еще и счастливая. Похудели, но вам только к лицу...

– Хватит обниматься-целоваться... – Крапивин терпеть не мог пустых времяпровождений. – Сергей Владимирович, Люба, садитесь, пожалуйста, сейчас я вас удивлю.

Из-под стола он достал здоровенную бутылку с непонятным содержимым.

– Смотрите, ребята из Вьетнама прислали. Настоечка будь здоров, двенадцать змей, одна другой краше... Э-э-х! – Он крутанул бутылку так, что гады в ней зашевелились, как живые.

От испуга Люба чуть со стула не упала, а Нестеров с отращением отшатнулся.

– Ну тебя в баню, Калиныч! Отравить нас хочешь?

– Положим, с ума я еще не сошел, чтоб номенклатурных работников гробить. Мне в подвалы Лубянки еще рановато. Продукт проверенный, на себе испытал, градусов пятьдесят точно будет. Пьешь ее, а она, зараза, прямо в кровь течет, очень от витаминов помогает! – С прибауткой он наполнил рюмки.

Люба от предложенного «деликатеса» наотрез отказалась, а Нестерову деваться было некуда. Рванули по первой, заку-

сив присланными из Союза к празднику селедочкой и черным «Бородинским». Змеиная настойка пошла хорошо, не в кровь, конечно, а в голову, и прилично врезала по мозгам. Крапивин, не тормозя, налил по второй. Только взялись за рюмки, как тут же были атакованы оживленно воркующими до этого и ничего не замечающими женами.

– Так, мужчины, давайте полегче! Такими темпами вы уже через полчаса нам весь праздник испортите.

Пришлось, сбросив обороты, налечь на закуску, а в это время, спросив, как положено, разрешение, кто-то из геологов, мужчин решительных и смелых, пригласил Любу на танец. Калиныч и Сергей встrepенулись.

Понимая, что мужья постараются наверстать упущенное, жена Крапивина решила хоть на время разрушить сложившийся и «спившийся» тандем.

– Что это такое, в конце концов?! Другие танцуют, а я что, хуже всех? Сергей Владимирович, в конце концов, сделайте женщине приятное, вы же можете, мне рассказывали! – И, чтобы определить направление своих желаний и исключить всякое превратное толкование, закончила свою мысль: – Пригласите, черт возьми, даму на танец!

Отказывать женщинам Нестеров не умел, тем более что звучало знойное аргентинское танго, а этот танец был его коронкой. Он, взяв ее за руку, повел на танцпол. В центре зала одним движением Нестеров заставил даму сделать оборот, в завершении которого она оказалась в крепких объяти-

ях опытного танцора. И не только. О-о, Анастасия вмиг почувствовала всей своей женской натурой, с каким мужчиной имеет дело. Откуда-то из небытия возникли, казалось бы, совсем забытые движения. Ах, как она танцевала в молодости! В родном Ставрополе ей не было равных... А Нестеров был в ударе и вел партнершу широко, с поворотами, неожиданными паузами в движении. Но... всему, а самому прекрасному в первую очередь, наступает конец. Раздались заключительные аккорды и с ними аплодисменты, которыми наградили танцоров. Поддерживая под локоть, Сергей повел сверкающую глазами, возбужденную Анастасию Константиновну к столу. Придвигая стул даме, он неожиданно для себя услышал:

– С Новым годом, Сергей Владимирович! С новым счастьем!

Обернувшись, Нестеров увидел стоящую перед ним застенчиво улыбающуюся Тамару Кравченко, второй год работающую в экспедиции. Злые языки говорили, что девушка-красавица, пользуясь чьим-то покровительством, сбежала за границу то ли от несчастной любви, то ли от ревнивого поклонника.

А из динамиков, установленных на сцене, раздался голос Коли Мирошниченко, кавээнщика и заводилы, распорядителя новогоднего бала:

– Дамы и господа, товарищи и товарки! Леди энд жентельмены! Объявляется белый танец! Дамы приглашают кавале-

ров! Сильву пле, мадам и месье!

Вряд ли это было простым совпадением, потому что тут же Нестеров услышал обращенные к нему слова Тамары:

– Разрешите пригласить вас, Сергей Владимирович?

Набравший градус Калиныч не преминул подколоть:

– Владимирыч, вы, смотрю, прямо нарасхват! Повышенным спросом пользуетесь!

Последние слова прозвучали уже в спины удаляющейся пары, и Крапивин скорее для себя негромко добавил:

– Дефицит, можно сказать... Главное, чтоб скандала не было из-за этого товара.

– Типун тебе на язык, Ваня! – вскинулась Анастасия. – Смотри, не накаркай.

– Вот уж меньше всего этого хочу. Но ты же сама знаешь...

– Да, знаю, знаю, – перебив его, она взяла бокал с шампанским, сделала большой глоток и стала всматриваться в зал.

Люба танцевала с высоким блондином Кириллом, шутником и балагуром, который рассказывал смешные небылицы. Кто из них кого приглашал на танец, непонятно да и неважно, в конце концов. Главное, мадам Нестерова чувствовала себя прекрасно и пребывала в состоянии покоя, счастья и веселья.

А Сергей с Тамарой, медленно переступая, двигались в другом конце зала. Видно было плоховато, но Анастасия разглядела, как Тома, плачет, пытается что-то объяснить Нестерову, а он только делает вид, что слушает, а на самом деле

сбежал бы, наверное, куда глаза глядят.

Наконец, отзвучала музыка, наступил перерыв. Любаша, не пересекаясь с мужем, упорхнула в туалет, а Нестеров, проводив даму, добрался до своего столика.

– Калиныч, наливай!

– Змеиной?

– Давай, мне уже без разницы.

– Поехали!

Анастасия осуждающе поджала губы, но промолчала, подкладывая им закуску.

– Давай еще по одной, пока моя не пришла, – Нестеров был явно не в своей тарелке.

– По одной да по единой... – козлетоном, несмотря на свой баритон, пропел Крапивин.

– Вы смотрите, певцы, – вмешалась Анастасия. – Как бы плохо не было. Говорят, вьетнамцы эту гадость по граммам пьют, а вы пол-литра прикончили!

– Так, то ж вьетнамцы, хиловатый народец! – Калиныч за словом в карман никогда не лез. – А мы с товарищем Нестеровым – русские богатыри! У нас еще ни в одном глазу. Мы как огурцы!

Тут Крапивин совершенно некстати смачно икнул, и был сразу наказан совей женой, правда словом.

– Хорош огурец, скоро пупырышки полезут.

Снова грянула музыка, и народ пошел плясать что-то общее, без всяких правил и особых фантазий. Захватило и

Нестерова, который оказался в самом центре танцующих. Люба, по краю зала обходя буйно веселящуюся публику, заметила Тамару Кравченко, одиноко сидящую за столом. Без слов и объяснений она поняла: плохо человеку. Пройти мимо и не попытаться помочь? Тогда это была бы уже не Люба.

– Тamarочка, добрый вечер! С Новым годом!

– И вас, – та грустно улыбнулась.

– Позвольте? – Люба села напротив. – Что за горе, почему скучаете, не веселитесь? Сегодня же Новый год... Прочь печали и заботы! Давайте-ка мы с вами для поднятия настроения чего-нибудь выпьем! – Она взяла чистый фужер и налила шампанского. – Так, за что выпьем? – Люба пыталась развеселить, растормошить печальную красавицу. – Знаете что, давайте – за любовь! Наш самый лучший женский тост. Что может быть прекраснее любви? С этим чувством не сравниться ничто в этом мире. Любить и быть любимой – вот в чем счастье женщины. Вы любите, Тома? Несомненно, любите, не заметить этого может только слепой...

По щекам Тамары, смывая тушь с ресниц, ручьем потекли слезы. Она плакала и, не отрываясь, смотрела на Любу.

– Томочка, дорогая! Прошу вас, не надо так убиваться. – Нестерова села рядом и обняла её за плечи. – Может, все не так плохо, как вам представляется? Мы ведь, женщины, какие? Навоображаем бог знает что, напридумываем, а на самом деле ничего страшного нет!

Услышав эти слова, едва сдерживая рыдания, Тамара

уткнулась в плечо Любы.

– Ну, что вы плачете, дорогая? Неужели все плохо? Такая красивая женщина – да ни один мужчина перед вами не устоит, – сказала Люба, и внезапно ее осенила догадка. – Кажется, я поняла... Он, наверное, женат?

Тамара в знак согласия закивала головой.

– Тогда, конечно, сложнее... Но ничего. Может, он несчастлив в браке, откуда мы знаем? – Люба стала принимать Томину боль, как свою собственную.

– Нет, он счастлив... – сквозь слезы выговорила Тамара.

Нестерова на секунду задумалась, и решение пришло само собой.

– Знаете что? Слезами горю не поможешь!

Она взяла Тамару за руки и, глядя в ее заплаканные глаза, сказала:

– Обещайте, что будете бороться за свою любовь!

И вдруг с Тамарой произошло совершенно непонятное для Любы превращение. Мгновенно высохли слезы и лицо приобрело строгое и отстраненное выражение.

– Спасибо вам, со мной все в порядке... – Тома стала быстро приводить себя в порядок. – Идите, пожалуйста. Вас, наверное, заждались.

– Ну что вы, Тamarочка, я хотела...

– Прошу вас, оставьте меня, пожалуйста! Я вас очень прошу! – В голосе женщины слышалось нескрываемое раздражение.

– Хорошо, хорошо... Я рада, что вам лучше.

Люба в некотором недоумении вернулась к своему столику, за которым одиноко сидела Анастасия Константиновна.

– А где наши мужчины?

– Пошли коллективы поздравлять, – произнесла Крапивина добавив: – Традиция такая.

– А-а... – Люба, погруженная в свои мысли, не придавала особого значения словам жены начальника экспедиции. – Анастасия Константиновна, вы знаете...

И она в подробностях пересказала свой разговор с Томой Кравченко. Крапивина, слегка откинувшись, внимательно смотрела на нее и слушала.

– Одного не понимаю, – задумчиво заканчивая рассказ, произнесла Нестерова. – Уговаривала ее, как могла, ничто не помогало. И вдруг, в один момент, все переменялось. Что произошло, ума не приложу.

– Люб, – Анастасия вглядывалась в ее лицо и не заметила, как перешла на «ты». – Неужели тебе никто не рассказывал? Ты что, ничего не знаешь?

– А что я должна знать? – холодом прошло у Любиного сердца.

– Да Тамарка уж год, наверное, сохнет по твоему Сережке. Втрескалась так, что ничего и никого теперь не замечает. Мужики кругами вокруг ходят, слюни пускают, а она на них ноль внимания. – Крапивина, не обращая внимания на реакцию побледневшей как полотно Любы, продолжала: – И ты

ей, значит, стала советовать бороться за свою любовь, мужа от жены отбивать?! Неисповедимы пути твои, Господи!

– А Сергей? У них что, любовь?

– Чего не знаю, того не знаю. Со свечкой не стояла, – отведя глаза в сторону, ответила Анастасия. – Люди разное болтают, всех слушать – уши отсохнут...

– А вот и мы!

Перед ними, пошатываясь, но сохраняя равновесие, в жесткой сцепке, поддерживая друг друга, стояли их мужья.

– Господи, прости! – Крапивина всплеснула руками. – Хороши, нечего сказать. Садитесь скорее, не позорьтесь лучше!

Нестеров, прицелившись, сел на свой стул и, чтобы разрядить обстановку, пустился в объяснения:

– Драгоценная наша Анастасия Константиновна, давайте спокойно разберемся, не надо так резко на поворотах... Мы с Иван Калинычем выполняли свой служебный долг, поздравляли членов нашего замечательного интернационального коллектива с Новым годом... – Язык слушался плохо. – Это наша святая обязанность. А вот вы чего тут делали, я не знаю... Тоже, небось, пьянствовали?

Сергей повернулся к жене и впервые обратил внимание на ее изменившееся настроение.

– А что у нас такое случилось? Какие такие великие печали могут нас тревожить? Любаньчик, милая! Плюнь на все! Главное, что мы вместе, правильно? Ты меня любишь, радость моя?

Люба резко встала, но постаралась взять себя в руки.

– Извините, мне надо выйти. – Забрав с собой сумочку, она направилась к выходу, где маячила фигура Коли Мирошниченко, распорядителя бала.

– Что такое с моей женой, Анастасия Константиновна? Что, собственно говоря, происходит? Может, вы ей что-нибудь наговорили? – Нестеров стал заводиться, он хорошо знал эту женскую особенность – сплетни разводить.

– Вы, Сергей Владимирович, прежде чем на людей бросаться, лучше б дела свои сердечные уладили.

– Какие еще «сердечные дела»? Нет у меня никаких таких дел! – Нестеров говорил в полный голос, так что слышали окружающие. – А-а, – понял он. – Тома! Царевна-Несмеяна! Ну, все. Надоело... Фантазерка несчастная! Сейчас я со всем этим покончу раз и навсегда.

Нестеров начал выбираться из-за стола, как тут зазвучали куранты, и стало ясно, что наконец-то пришел Новый год по московскому времени.

Крапивин, хоть и был в состоянии немногим лучше, чем Сергей, тем не менее прекрасно понимал, что выяснение отношений ни к чему хорошему не приведет. Вокруг Тома всегда мужики крутятся. Начнет Нестеров проводить воспитательную работу, вступятся за нее, слово за слово, а там и до драки меньше шага. Сразу стуканут в торгпредство и посольство – и пошла-поехала писать губерния. Иван Калинович тут же нашел выход.

– Сергей Владимирович! Погоди, успеешь еще. Новый год по Москве! Соображаешь? Сейчас дети вас наверняка поздравляют. Давай тогда и мы их поздравим!

– Не, я без Любы за детей не буду.

– Любовь Григорьевна придет и нагонит, не беспокойся. У меня по такому случаю сюрприз есть... – Крапивин достал из-под стола другую бутылку с коричневой жидкостью, но объемом поменьше, чем первая. – Это на пантах молодых оленей настояно. Ребята из Якутии прислали. Шикарная штука.

Нестеров сел, взял наполненную рюмку и только хотел что-то сказать, как из динамиков раздался мягкий шум включенной магнитофонной записи, а потом детский мальчишеский голос сказал:

– Дорогие папа и мама! Сергей Владимирович и Любовь Григорьевна Нестеровы! Мы с Олей поздравляем вас с наступившим Новым годом! Желаем вам здоровья, чтобы вы никогда не болели и, – мальчик остановился на полуслове и зашептал: – Ну, давай, говори, как я тебя учил... – и звонкий голос девочки продолжил: – И счастья в личной жизни!

Наступила короткая пауза, во время которой дети что-то обсуждали между собой, и, наконец, мальчик объявил:

– А сейчас, наш подарок. Песня. Про качели.

Без всякого сопровождения сначала робко, а потом все увереннее дети запели:

*В юном месяце апреле
В старом парке тает снег
И крылатые качели
Начинают свой разбег.
Позабыто все на свете,
Сердце замерло в груди —
Только небо, только ветер,
Только радость впереди.*

*Взмывая выше ели, не ведая преград,
Крылатые качели летят, летят, летят.*

Нестеров, размазывая ладонью слезы, даже не заметил, как проглотил обжигающую коричневатую жидкость. Тут же горло схватило так, будто хватанул неразбавленного спирта, что, собственно говоря, и было. Крапивин, зная, что в настоеке градусов восемьдесят, если не больше, не хотел ставить ее на стол и держал на экстренный случай. Который, как он сообразил, и наступил.

Когда вернулась Люба, Сергей держался только на силе воли, а Калиныч с Анастасией вызывали дежурного водителя, чтобы отправить Нестеровых домой.

Наступил новый тысяча девятьсот восемьдесят третий год.

Из материалов Департамента контрразведки Министерства безопасности

Совершенно секретно

Экз. № 1

Начальнику 4 отдела 1 Управления
Департамента контрразведки
Министерства безопасности
капитану Х.

Рапорт

Настоящим докладываю.

С 1979 года по линии учреждения прикрытия поддерживаю официальные отношения с сотрудником *Торгового представительства СССР Сергеем Нестеровым*, курирующим деятельность *геологической экспедиции советских специалистов*. В первоначальный период знакомства *Нестеров* активно стремился к развитию установленного контакта, выяснял мои биографические данные, увлечения и склонности, круг друзей и связей, однако затем, по неизвестным мне причинам, изменил манеру поведения и ограничил от-

ношения решением сугубо служебных вопросов.

С середины декабря 1982 года указанный представитель *Торгпредства СССР* стал проявлять интерес к установлению между нами более близких отношений, как это было в начале его пребывания в нашей стране. В частности, в преддверии Нового года мне был вручен набор продуктов, лекарства и детская одежда иностранного производства, оказаны другие знаки личного внимания (доложено рапортом от 28.12.82).

В начале текущего года (06.01.1983) *Нестеров* обратился с просьбой оказать ему помощь в сборе материалов для будущей диссертации, которую он собирается подготовить по возвращению в *Советский Союз*.

Проведенный с моей стороны анализ поведения *Нестерова* дает основание полагать, что указанный субъект принимает усилия для установления неформальных отношений, возможно, с целью получения конфиденциальной информации.

Прошу Ваших указаний.

Сотрудник резерва 1 Управления

Департамента контрразведки

Министерства безопасности

старший лейтенант _____ /Н./

Начальнику 4 отдела

Отработать задание, легенду и линию поведения с «Гончаром». Максимальное внимание и осторожность. Передача».

ваемая информация должна быть достоверной.

Докладывать постоянно.

Начальник 1 Управления

Департамента контрразведки

Министерства безопасности

старший полковник _____ /Ф./

Из переписки с Центром

Совершенно секретно

Экз. № 1

Тов. Мишину

О «Лекаре»

В соответствии с Вашими рекомендациями работа по укреплению отношений с объектом изучения продолжена.

За истекший период по инициативе тов. Норда с «Лекарем» проведено три личных встречи по месту работы последнего в *Министерстве геологии и развития природных ресурсов*. Кроме того, по предварительной договоренности состоялся краткосрочный контакт на приеме, организованном *Торговым представительством КНР*.

Легенда поддержания отношений прежняя: работа тов. Норда, включая сбор материалов, над темой будущей диссертации.

На первой из упомянутых встреч «Лекарь», в частности, сообщил, что в соответствии с установленным порядком получил официальное разрешение на оказание содействия тов. Норду в его научной работе путем проведения консультаций по вопросам, входящим в компетенцию *Министерства гео-*

логии и развития природных ресурсов. В состоявшейся беседе объект с теплотой вспоминал годы учебы в *Московском геолого-разведывательном институте*, преподавателей и студентов. Вопросы, подготовленные тов. Нордом, «Лекарь» поместил в папку, отметив, что ответы на них даст при следующей встрече.

Затем на отдельном листочке написал, что текст должен быть согласован в ряде инстанций. Тем самым объект дал понять, что помещения, в которых происходят переговоры, оборудованы звукозаписывающей техникой, а их встречи находятся под контролем спецслужб. Кроме того, его действия можно также расценить как проявление доверия к тов. Норду и, в тоже время, стремление предупредить возможные неосторожные шаги или высказывания.

После официального завершения беседы «Лекарь» проводил тов. Норда до выхода из учреждения. Во время следования объект заявил, что годы обучения в *СССР* были, вероятно, лучшими в его жизни. По его словам, он многим обязан *Советскому Союзу* и людям, давшим ему не только знания, но и внесшим лепту в формирование его как человека и профессионала. Он искренне готов помочь тов. Норду, которого знает длительное время, и сделает все возможное, чтобы на завершающем этапе пребывания в стране последний смог получить то, что будет способствовать его успешному продвижению на родине.

В процессе проведения второй встречи поведение «Ле-

каря» оставалось прежним, настораживающих моментов не выявлено.

В частности, в ходе контакта объект вручил тов. Норду несколько материалов, подготовленных министерством по теме его диссертации, сказав, что дополнительную информацию он постарается предоставить к следующей встрече. Тов. Норд поблагодарил и высказал просьбу, по возможности, осветить еще ряд тем и передал перечень интересующих вопросов. В их числе на отдельном листе были сформулированы темы, указанные в Вашем информационном задании от 04.02.1983. Ознакомившись с вопросами, объект внимательно изучил текст, напечатанный на отдельном листе, и вернул его, утвердительно кивнув в знак того, что постарается помочь к следующей встрече. Одновременно вслух произнес, что, к сожалению, указанная тематика выходит за рамки компетенции его учреждения.

При третьей встрече «Лекарь» в числе материалов, подготовленных министерством, передал развернутые ответы на интересующие нас вопросы. Достоверность полученных сведений подтверждена данными независимых источников.

В целом работа с «Лекарем» продвигается в нужном для нас направлении. Поведение объекта естественное.

Вместе с тем настораживает определенная легкость, с которой «Лекарь» пошел на развитие отношений и предоставление данных, отсутствующих в открытом доступе.

В этой связи нами планируется проведение дополнитель-

ных проверочных мероприятий в отношении объекта изучения, в том числе с использованием возможностей привлеченных лиц из числа советских специалистов (план мероприятий направляется отдельно).

Тов. Норд

*Работу с «Лекарем» – на контроль,
есть перспектива.*

Мишин

12.03.83

Испытание

При выезде со двора Сергей остановился и включил правый поворотник.

Как всегда по утрам, плотно шли легковые и грузовые машины, тренькали звонки велосипедов, сновали моторикиши, интенсивно работал свистком местный гаишник. С противоположной стороны улицы, от бордюра, наперерез движению, неожиданно рванул на мотороллере человек в синем мотоциклетном шлеме и стал лихорадочно перестраиваться в левый ряд, пытаясь развернуться.

«Ненормальный какой-то...» – подумал Нестеров, и, едва намечился небольшой разрыв в движении, аккуратно направил машину вперед направо, чтобы влиться в общий поток. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, заметил, как стоявшая до этого грязно-белая «тойота» рванула вперед, устроив небольшой завал из трёх велосипедистов.

Сергей спокойно шел на своем джипе по центральной улице, и, казалось, все было, как обычно. Но что-то бередило душу, не давало покоя. Как неглубокая заноза: вроде, и не болит, не особенно чувствуешь, а заденешь случайно...

Он открутил события назад и понял, что его напрягло.

Практически рядом с домом, на перекрестке, по утрам всегда стоит полицейский-регулирущик. Этот рьяный служака видит все, даже что за его спиной происходит. Наружу

шителей на куски рвет – с криком, шумом и гамом. А сейчас прямо у него на глазах творилось черт знает что, но он как воды в рот набрал. Что-то похожее уже было... Нестеров нырнул в омут своей памяти, и перед глазами замелькали картинки, как мчались они за взрывником во Внуково, наплевав на правила дорожного движения, а гаишники разве что честь не отдавали. Вот и здесь, похоже, то же самое. Спецслужбы – они везде спецслужбы.

Сергей глубоко вздохнул. От утренней сонливости не осталось и следа, голова заработала четко и ясно. «Тойота» шла за ним через две машины. Но это ни о чем не говорило – с магистрали свернуть было некуда, ни одного перекрестка еще не проехали. Вычислить «свой» мотороллер среди десятков таких же на прямой трассе – просто нереально. Значит, чтобы понять: работает за ним контрразведка или нет, – нужен незаметный, неброский, надежный фортель. И сделать его надо осторожно, без резких движений.

Он перебирал возможные варианты, но ничего подходящего в голову не приходило. Хотя...

«Есть!» – обрадовался Нестеров. Он вспомнил, как в самом начале командировки, когда, не щадя живота своего, утюжил город в поисках мест, подходящих для проведения операций, нашел любопытный и с виду ничем не примечательный перекресток, который сейчас как раз пригодится.

«Только бы ничего не изменилось», – заклинал Сергей, но времени на размышления и колебания не оставалось, и он

стал работать по сценарию, написанному почти четыре года назад.

Не доезжая до пересечения улиц метров пять, в один маневр, не подавая сигналов поворота, Нестеров прижался к бордюру, остановился и вышел из машины. Чтобы не попасть под колеса легковушек и грузовиков, как любой другой на его месте, посмотрел налево, и увидел, как торопливо, придавливая нерасторопный двухколесный транспорт, к обочине подбирается «тойота».

Не торопясь, Сергей перешел дорогу и открыл стеклянную дверь в кафе-кондитерскую, любимое заведение местной знати и дипкорпуса. Купив там два больших пакета сладостей всех сортов, направился обратно. Дойдя до середины улицы, повернул голову в сторону встречного движения и еще раз спокойно рассмотрел развернувшуюся перед ним картину: «тойоту» у тротуара с тремя пассажирами в кабине и мотороллер, который не увидел сразу. Недалеко в тени дерева на корточках сидел водитель, рядом в коротко подстриженной траве валялся синий мотоциклетный шлем.

Нестеров, подойдя к джипу, устроил пакеты на заднем сидении, захлопнул дверцу и деловой походкой направился к перекрестку, обозначенному невысоким, метра полтора, забором, густо поросшим кустарником. Завернул за угол, где сразу за поворотом уличная торговка продавала цветы, и, присел на корточки, разглядывая ее товар. Завел с продавщицей разговор, прицениваясь к празднично оформленным

букетам, а сам замер, гадая, сработает или нет.

Не прошло и минуты, как из-за угла, чуть не упав на повороте, вылетел уже известный ему мотороллер. Водитель в синем шлеме притормозил, остановился, нервно повертел головой, высматривая что-то или кого-то; не найдя, вслух произнес несколько слов и медленно поехал дальше, вглядываясь в идущих по тротуару людей.

И тут же, вслед за ним, будто черт из табакерки, из-за угла с выпученными глазами выскочил человек. Столкнувшись нос к носу с вставшим во весь рост Сергеем, видимо, от неожиданности, легонько вскрикнул, испуганно отпрянул, бросился прочь и исчез так же быстро, как и появился.

Последние сомнения Нестерова испарились, как лужица воды под здешним солнцем. Быстро и без остатка – впервые за все годы командировки его взяли под наблюдение утром, практически от дома.

«Непонятно, конечно, – размышлял он. – Но, судя по всему, бригада небольшая и ведут неплотно... Может, какой-то дежурный вариант? Ничего, разберемся потихоньку. Главное – не суетиться».

Вернувшись к своему джипу с большим букетом ярких цветов, он сел за руль и начал движение. Вместе с «тойотой» на хвосте благополучно миновал перекресток и въехал в правительственный квартал, где к ним присоединился вновь появившийся мотороллер. Проехав немного, Сергей заметил, что на внешних постах у министерств и других правитель-

ственных учреждений вместе с полицейскими стоят солдаты из армейских частей, вооруженные автоматами и винтовками с примкнутыми штыками. Такого на его памяти еще не было. Похоже, в городе ввели военное положение.

Нестеров начал строить предположения, что бы все это могло значить: наблюдение, выставленное за ним ни свет, ни заря, военные с оружием – и вдруг увидел «Грэга», стоявшего впереди, на трамвайной остановке, чуть в стороне от основной массы людей. Через левое плечо перекинута сумка цвета хаки, на голове – шляпа, которую, заметив машину Сергея и его самого за рулем, «Грэг» снял и держал в левой руке. Это был вызов на экстренную встречу. Место, атрибутику и временной период они оговорили с самого начала и за четыре года не раз повторяли условия, так что ошибиться было невозможно.

Нестеров опустил наполовину стекло правой передней двери в знак того, что вызов на встречу принял, и, не снижая скорости, проехал мимо стоявшего с безразличным видом агента.

Оказавшись в торгпредстве, Сергей первым делом зашел в приемную и подарил верной помощнице руководителя Наталье Сергеевне шикарный букет, наговорив при этом кучу комплиментов и сдобрив их купленными конфетками, печеньками и шоколадками. Забрав почту, отправился по кабинетам: новостями обменяться, а заодно обстановку прошупать. Пообщавшись, выяснил, что ситуация в городе на-

пряженная. По словам торгпредских, живших в разных районах, на площадях и главных магистралях выставлены дополнительные посты полиции, а кое-где видели и смешанные патрули из полицейских и солдат, проверявших у прохожих документы. При этом никаких сообщений ни по радио, ни по телевидению, ни в газетах не было.

Сергей выборочно беседовал с людьми, пытаясь нарисовать общую картину по городу, но, что бы ни делал и с кем бы ни говорил, в голове все время, как набат, било: «Грэг!», «Грэг!», «Грэг!»

До очередной встречи оставалось четыре дня, всего четыре дня. Тогда что же случилось или должно произойти в ближайшее время, если он, осторожный, просчитывающий на несколько шагов свои действия, запросил экстренную связь? Разве не видит, что творится на улицах? Ничего подобного! «Грэг» прекрасно все понимает и тем не менее, несмотря ни на что, идет на колоссальный риск. Почему?

Сидя в кабинете за рабочим столом и перебирая внешнеторговские письма, создавая для окружающих иллюзию своей занятости, Сергей анализировал события, произошедшие этим утром, и выстраивал оптимальную линию поведения: «В резидентуре наверняка знают, что происходит в городе: Иван каждое утро ездит на рынок и просматривает основные районы. Так что он, Нестеров, в общую картину может добавить лишь незначительные детали. Другое дело «Грэг» и наблюдение, которое выставили с утра. Это крайне важно... И

что? Лететь ястребком к шефу? Но если сейчас сорваться и рвануть в посольство, братья-контрразведчики, как пить дать, разволнуются. Подумают, что расшифровались, подмогу запросят или вообще сменятся – и придет новая бригада в усиленном варианте. А оно нам надо? С этими, можно сказать, сроднился, почти всех в лицо знаю, а других еще поискать придется... Опять же вечером на встречу с «Грэгом» выходить – если, конечно, шеф добро даст. – И Сергей принял решение, которое казалось ему единственно правильным. – Нет лучше пусть свои, родные будут. А то нагонят машин, людей, мотоциклистов, велосипедистов несметно, тогда не то, что песню спеть, крикнуть не дадут. К шефу можно и попозже, ничего не случится».

Он пробыл в торгпредстве до обеда. Потом вышел и на пути к машине почувствовал, как волной поднимаются в нем тревога и беспокойство, а внутренний, никогда не обманывавший голос стал нашептывать: «Готовься, Нестеров. Это еще цветочки, ягодки впереди».

На самом деле, оснований для беспокойства хватало.

Сергей был уверен, что выходить на встречу с «Грэгом» надо обязательно, и тени сомнений не было по этому поводу. А вот какое решение примет резидент, приехавший на замену Шибанову месяц назад, – вопрос. Ни людей, ни ситуации он не знает, опыта работы в регионе нет, особенности местной оперативной обстановки и агентуры ему известны лишь по бумагам. Да и по характеру человек, кажется, сложный.

Хмурый какой-то: щеки надует, брови сведет, пузо вперед и ходит, как бирюк озабоченный.

Так что все непредсказуемо.

С тяжелым сердцем, успокаивая себя, что начальство, как и родителей, не выбирают, Сергей стукнул в дверь и, не дождавсь ответа, перешагнул порог кабинета. Тут же его встретил резкий, с металлом, неприветливый голос шефа:

– А, Нестеров... Что застрял на пороге? Проходи, присаживайся.

– Спасибо, Станислав Михайлович. День добрый.

– Это мы еще посмотрим, добрый он или нет. Раз явился прямо перед обедом, значит достало тебя что-то, и оно вряд ли хорошее. – Шеф смотрел на Нестерова исподлобья, положив кулаки на стол. – Что молчишь? Ты же не молчать ко мне пришел? Давай выкладывай, зачем пожаловал.

Сергей, наблюдая за резидентом, невольно подумал, что атмосфера этого кабинета явно претерпела изменения. Улетели без остатка доброжелательность и непринужденность, которые излучал Шибанов, и поселились раздражительность и нервозность.

– Станислав Михайлович, сегодня утром при выезде из дома меня взяли под наблюдение...

– Стоп, стоп, стоп. Ты ничего не перепутал? Может, показалось?

– Да нет. Проверился по пути в торгпредство, все подтвердилось. Бригада из пяти-шести человек, легковая машина и

мотороллер. Вели от дома до торгпредства. Бросили только перед посольством. Думаю, базируются поблизости и ждут сигнала со стационарного поста о моем выезде.

Резидент, выпрямившись на стуле и скрестив на груди крепкие, толстые волосатые руки, стал похож на Муссолини. гладко бритый череп, прямая спина, подбородок вскинут и выдвинут вперед, нижняя губа поджата.

«В глухую защиту ушел начальник, – отметил Сергей. – Конечно, кому охота аппетит перед обедом портить? Но он еще самого главного не знает. А как услышит, мозги включит и про обед свой забудет».

– Станислав Михайлович, вы, конечно, в курсе того, что происходит в городе?

– Да. А что здесь такого? Посла известили, что это превентивные меры, направленные на поддержание порядка в период предвыборной кампании в парламент. Может, и наблюдение за тобой поэтому...

– Может и так, хотя раньше войска в подобных мероприятиях не участвовали. Да и я не террорист и не оппозиционер, чтобы предвыборную кампанию срывать... – Нестеров не стал дальше растекаться по древу и перешел к главному. – Однако есть более важная информация. Этим утром на визуальный контакт вышел «Грэг».

Глаза резидента чуть расширились, но позы он не изменил.

– Я, – продолжал Сергей, – шел под наружкой в торгпред-

ство, а он стоял в обусловленном месте со всеми опознавательными признаками. Это означает, что «Грэг» вызывает меня на встречу сегодня в двадцать тридцать. Это будет вот здесь.

Нестеров, встав, повернулся к карте города, висевшей у него за спиной, и обозначил район.

– Но ты же под наблюдением! – взвился резидент. – Сам только что сказал. И потом, обстановка в городе напряженная, а чем это вызвано – мы по-настоящему не знаем. Так какая, к чертовой матери, может быть встреча?! Как ты собираешься ее проводить? С пальбой и погонями, что ли? Ну, уж нет, это вам не кино про шпионов, мы здесь не в бирюльки играем! – В голосе слышались растерянность, и он тут же с надеждой спросил: – Запасной вариант есть?

Нестеров кивнул, подтверждая.

– Вот по нему и пойдешь.

Руки Станислава Михайловича уже лежали на столе, и от образа дуче остался только лысый череп.

«Да, мужик, трудно будет с тобой, – думал Сергей. – Уж очень ты разумный да осторожный, все хочешь по правилам делать. А в нашей буче, боевой, кипучей, так не бывает... Но ничего, дорогой. Как говорил незабвенный Михалыч, никуда ты с нашей подводной лодки не денешься».

– Запасной вариант есть – через два дня. У нас и плановая встреча должна быть через четверо суток. Кстати, замечена моя не задерживается? Нам на встречу с «Грэгом» вместе

выходить.

Нестеров, решив наплевать на условности, включил дар убеждения на полную катушку.

– Понимаете, Станислав Михайлович, я работаю с человеком почти четыре года и за все время – это первый экстренный вызов, хотя и раньше ситуации были далеко не простые. «Грэг» опытный, грамотный агент. Он видит, что происходит, и, наверняка, знает об этом больше, чем мы с вами. Но тем не менее, несмотря на все обстоятельства, а может быть, именно поэтому, просит о встрече. Я хорошо его знаю, не будет он по пустякам тревогу бить и рисковать зря не будет. Поверьте, случилось или в самое ближайшее время случится что-то действительно неординарное! Догадки и предположения можем строить, какие угодно, все равно не угадаем. Я уверен: надо выходить на встречу, и там все прояснится. Меры предосторожности отработаем повышенные.

По всему было видно, что убедить руководителя не удалось, и Нестеров снова настырно бросился в атаку.

– Станислав Михайлович, а если за это время с ним что-то произойдет и он не выйдет на связь по запасному варианту? Может, никогда уже не выйдет, потеряем ценнейшего источника... – Сергей сделал паузу, чтобы усилить эффект воздействия, и, нагнетая, продолжил: – Тогда что? А вдруг «Грег» в опасности, на грани провала и ему как воздух помощь нужна? И не завтра, послезавтра, а сегодня. Мы что же, бросим его? Да он после этого вообще откажется рабо-

тать с нами. Если, конечно, жив останется.

Нестеров с напряжением выговаривал каждое слово, и голос в тональности поднимался все выше и выше, задрожал от напряжения и рухнул вниз.

– «Грэг» выходит на встречу, и это в первую очередь его риск! Мне он верит, как самому себе, и знает, что, какая бы ни сложилась обстановка, я его не подставлю.

Шеф дрогнул, Сергей это видел, но надо было еще дожать, добавить, что б наверняка.

– А вдруг введение чрезвычайных мер в столице – преддверие важнейших событий, о которых мы можем и должны узнать от «Грэга»...

Резидент смотрел на Нестерова, явно его не видя.

– Вот что, Сергей Владимирович, – задумчиво протянул он и посмотрел на часы. – Давай-ка отложим наш разговор на после обеда. Жду тебя в четыре часа.

Дальше настаивать было бесполезно и небезопасно, Сергей встал и, чтобы соблюсти приличия, бросил:

– Тогда не прощаюсь, Станислав Михайлович.

– А со мной прощаться не надо, – услышал Нестеров, закрывая дверь. – Я еще не покойник.

«Это, надо понимать, шутка у него такая», – решил для себя Сергей, спускаясь по лестнице к центральному выходу из посольства.

Как только за Нестеровым закрылась дверь, резидент встал и несколько раз прошелся по кабинету, пытаясь скон-

центрироваться и найти решение внезапно возникшей проблемы. Но мысли предательски возвращались к отходной, которую он устроил перед отъездом. Правильно тогда мужики, с кем ломал «французскую булку», говорили: «Стасик, куда тебя нелегкая несет в эту тьму таракань? Полковника все равно получишь, может, чуть позже. Ну, и что из того? Чего торопиться? Успеешь, какие твои годы? А вот шею себе сломать с этими косоглазыми как нечего делать. Хотя, что теперь рассуждать? Поздно пить Нарзан, когда почки отвалились».

А он, если честно, и сам не знал, что его подвигло согласиться с предложением руководства возглавить здешнюю резидентуру. Серьезных доводов, чтобы отказаться, на тот момент не оказалось. Впрочем, их и сейчас не было.

Надо, конечно, надо возникшую ситуацию разруливать. Весь вопрос: как? Он поднял трубку телефона внутренней связи и вызвал зама по безопасности Рогожина. Пересказав разговор с Нестеровым, без всяких экивоков, что называется, в лоб спросил:

– Что думаешь по этому поводу?

Увидев, как забегали глаза безопасника, сообразил: «Хочет, стручок, угадать, какой ответ я от него жду. Хитрый, значит. Ну-ну».

– Станислав Михайлович, – смуглый Рогожин от охватившего его напряжения покраснел. Ему промахнуться нельзя, с резидентом еще работать и работать. – Оперативная обста-

новка в городе сложная. По данным, которыми я располагаю, в вечернее и ночное время в отдельных районах возможно проведение спецопераций с использованием войсковых соединений. В этой ситуации, учитывая также, что Нестеров находится под наружным наблюдением, проведение встречи с источником крайне рискованно...

Рогожин замаялся, поскольку не видел реакции начальства, и резидент, заметив его смущение, с каменным выражением лица «помог».

– Все? Ничего добавить не хочешь?

– Станислав Михайлович, – Рогожин, опасаясь не попасть в настроение руководителя, решил отработать назад. – С другой стороны, прав, наверное, Нестеров. Не будет агент в таких условиях себя подставлять. Он-то жизнью своей рискует. Может...

– Понятно, – жестко перебил шеф. – Михаил... как тебя по батюшке?

– Федорович.

– Вот что, Михал Федорыч. Сам-то хорошо понял, что наговорил? Чего юлишь, а? Хочешь, значит, и нашим и вашим? – Насмешка и издевка звучали в каждом слове. – Помог, называется... Помощник хренов.

Рогожин безуспешно пытался сделать подходящее лицо, но так и не успел сообразить, каким оно должно быть.

– Я тебя хорошо понял, дорогой мой заместитель. Знаешь, иди ты..., откуда пришел, пока я тебя куда-нибудь подальше

не послал.

После таких выражений Рогожину только и оставалось, что испариться без остатка.

Станислав Михайлович в который раз прошелся по кабинету. Есть расхотелось, ко всему прочему разболелась голова.

«Давление, – подумал он, ощущая боль в висках и тяжесть в затылке. – Климат, конечно, дерьмо собачье, врагу не пожелаешь. Пассаты с муссонами. Хотя чего теперь говорить; знал, на что шел. – Он сел за стол, сжал голову руками. – Похоже, помощи ждать неоткуда. Разве что в Москву телеграмму отбить? И чего я там напишу: дяденька Мишин, подскажите, что делать? Тогда возникнет встречный вопрос: а на кой хрен такой резидент нужен, который по каждому чиху совет будет спрашивать? Да и не успеют они ответить... – Взяв с левого края стола папку с документами, подготовленными на подпись, открыл ее, но материалы смотреть не стал. – Так что получается? Если запретить выход Нестерова на встречу и все сыграет в минус, спрос будет только с меня, а дам добро, тогда, в случае чего, шишки на двоих поделим. Конечно, отвечает за все резидент, кто б спорил. Но я-то без году неделя в стране, могу ошибиться в такой сложной ситуации. А вот Нестеров на пятом году командировки оступаться не должен. Так что, в случае чего, все вопросы к нему. Как говорят, композитор – гений, а скрипач – бездарность. Но это уж на крайний случай... – Так, потихоньку, резидент

подвел себя к решению. – Ладно. Пусть выходит на встречу, но чтобы продумал все до мелочей, по полочкам разложил от А до Я. И безопасность – на первое место, никакой самостоятельности и ненужного риска. Нам только международного скандала не хватало. – Голову отпустило, и на душе стало легче. – Шифровку в Центр все равно надо дать. Как промежуточный вариант. Обострение оперативной обстановки в столице, выход «Грэга» на связь, меры безопасности и все такое прочее. Это я нарисую. Что-что, а писать мы умеем, не зря учились».

Он позвонил шифровальщику и попросил принести спецблокнот, а пока тот шел, в голове родился другой вариант развития событий.

– «Шибанов говорил, что Нестеров – грамотный опер. Значит, зря рисковать не будет. Если притащит результат в клюве, и ему, и мне большой плюс будет. Скажут: «Резидент всего месяц у руля, а смотри, пошел на серьезный риск, проявил разумную смелость, решительность, важнейшую информацию получил»...

И тут же оборвал себя, опасаясь сглазить.

А Сергей, выйдя за ограду посольства, ни разу не вспомнил своего драгоценного шефа. Он был уверен, что получит «добро». С такой рассудительностью, расчетливостью и осторожностью взвалить всю ответственность на себя? Ну, уж нет. Этот человек на такое никогда не пойдет. Сейчас главное – отбросить все дурацкие мысли и нормально подго-

товиться к встрече: учесть каждую мелочь и исключить даже мизерную возможность провала. Но для начала, решил Нестеров, надо не раздражать, а еще лучше успокоить наружку. Пусть все будет в мягком, сонном варианте, тогда и отрыв можно провести элегантно, так что комар носа не подточит.

«А вот и они, друзья мои, легки на помине», – прервал он свои размышления, увидев на следующем перекрестке «тойоту» и мотороллер.

Подъехав к дому, он припарковался к тротуару, как иногда делал это раньше. Только теперь цель была вполне определенная – обозначить для «сопровождающих лиц» будущее направление своего движения, чтобы не дергались и его не путали.

Нестеров вышел из машины и, не оглядываясь, походкой уставшего человека, медленно направился к дому. Поднялся на второй этаж, с лестничной площадки, не приближаясь к окну, проверил, как распределились силы и средства противника: «тойота» метров через десять стояла впереди его джипа, мотороллера видно не было, опять куда-то спрятался.

Неожиданно за дверью квартиры раздался грохот посуды.
– Любанчик, милая! Ты с кем воюешь? Не с Сушкой, случайно? – он уже был в прихожей.

– Хуже! – голос жены был напряженный и тревожный. – Сережка, иди сюда скорей.

Он появился на кухне буквально через секунду. Люба с белым, как мел, лицом стояла, вжавшись в угол, и держала

в поднятой руке сковородку. Напротив, под раковиной, сидело приличных размеров пресмыкающееся: то ли геккон, то ли варан. Нестеров не очень в них разбирался. Живность эту он несколько раз видел в командировках и знал, что она, в принципе, безобидная, хоть и страшная на вид. Вот и эта тварь не была исключением. Ко всем бедам в придачу, она, видно, тоже испугалась, поскольку из зеленой стала красной, даже малиновой, на спине вскочил костяной гребень и у шеи вздулись похожие на жабры отростки. Ужас, а не создание! Увидев Сергея, тварюга еще больше напряглась, пронзительно и противно закричала.

– Любаша, иди в гостиную. Я разберусь с ней. – Нестеров и сам немного трусил, но показать этого было нельзя. – Не беспокойся, солнышко, она не ядовитая и почти не кусается. Иди, не мешай.

– Ну, уж нет, я тебя не оставляю. Говори, что делать.

Спорить было бесполезно, да и некогда.

– Принеси швабру, веник или палку. И какую-нибудь плотную сумку на молнии. Мы ее туда затолкаем, закроем, что б ни вылезла, а там уж разберемся.

Минут за пять они управились с животинной, и Нестеров вынес результаты охоты во двор, еще не совсем понимая, что будет с этим «добром» делать. На счастье, рядом оказалась дворничиха из местных, сметавшая листья. Заглянув в сумку, отданную ей Сергеем, она издала такой крик восторга, что с улицы прибежал еще один дворник, с которым они

стали обсуждать рецепты приготовления блюд из пойманного пресмыкающегося. Сергей не меньше их чувствовал себя счастливым, избавившись от страшилища, и в приподнятом настроении вернулся домой, чтобы, в конце концов, спокойно поесть.

– Сереж, не забыл, что мы в шесть идем к Марте на именины?

Нестеров чуть не поперхнулся любимым картофельным супом с фрикадельками. За сегодняшними перипетиями у него совершенно вылетело из головы приглашение, которое они получили от поляков несколько дней назад.

– А где встречаемся?

Люба смотрела на него с недоумением.

– Нестеров, у тебя с головой все в порядке? Ты совсем ничего не помнишь? Позавчера ведь обо всем договорились: в шесть часов, в дипклубе.

В замешательстве Сергей стал искать выход из сложившегося, неудобного для него положения.

– Понимаешь, Любочка, ситуация изменилась... – На секунду он задумался и улыбнулся от внезапно мелькнувшей мысли. – Хотя, может, все и к лучшему...

Решение, как под естественным предлогом выехать вечером в город, а потом, перед встречей с «Грэгом», потерять наблюдение, как ящерица хвост, само шло в руки.

– Сердце мое, ты же великая актриса. Так что, спасительница моя, тебе и карты в руки.

– Нестеров, ну что еще случилось? Я так устала от твоих выкрутасов. Опять что-то задумал?

– Куда тут денешься с нашей работой, радость моя? Сядь, пожалуйста. Надо поговорить.

При всей своей непоседливой натуре Люба могла, когда, конечно, хотела, быть очень внимательной и вдумчивой. Как примерная ученица, она сложила перед собой руки, демонстрируя готовность выслушать, что ей скажут.

– Понимаешь, планы изменились. В полдевятого у меня встреча в городе, и тебе придется поехать со мной...

– Как в прошлый раз?

– Примерно. Но отсутствовать я буду недолго. Потом подберете меня с Иваном.

– Значит, к Марте мы не идем? – в голосе жены слышалось разочарование.

– Да нет, совсем наоборот! Едем в дипклуб, как договаривались, но уйти мы должны не позднее восьми.

Сергей положил на стол ложку, которую до этого момента держал зажатой в кулаке.

– Понимаешь, объяснять мы ничего не можем, а предлог должен быть самым естественным. Причем для всех без исключения. Я думаю, что Марта с Петром наверняка еще болгар и чехов пригласят. Так вот, поводом для нашего досрочного ухода будет мое отвратительное поведение... – И Нестеров увлеченно стал развивать детали только что придуманного им сюжета. – Мы же ребята brave. Как встретимся,

сразу начинаем ударными темпами борьбу с алкоголем путем его уничтожения. Вот и в этот раз все будет, как обычно, за исключением одного обстоятельства. Опьянею я уже в первом отделении нашего спектакля: устал, на голодный желудок и все такое прочее. Где-нибудь ближе к восьми ты закатаешь мне такой скандал, что только держись!. И, чтоб все было по серьезному, как в жизни, лупи, что называется, по полной. Я тебе подыграю, можешь не сомневаться. Все признаки настоящего опьянения будут налицо! Или на лице? А, ладно, неважно. Главное, чтобы выглядело естественно. Потом, извинившись перед братьями-демократами, выведешь меня, пьяницу и алкоголика, из-за стола, чтобы отправиться якобы домой. А по пути еще запретишь садиться за руль...

– Кто нас тогда повезет?

– Ванюша, конечно. К нашему приезду они с Гладышевым будут уже там. Попросишь его или он сам подойдет. Я пока не знаю, как это будет, детали мы еще обсудим.

Нестеров внимательно следил за ее реакцией и видел, что она, как губка, впитывает каждое слово.

– Так что, солнце мое, согласна?

– Надо – так надо, – Люба вздохнула. – Марту жалко. Праздник ей испортим.

– Ничего, найдем способ компенсировать потери. В гости пригласим, в конце концов. Нам же все равно отходную давать? Вот как раз и повод будет.

– Ладно, ты кушать еще будешь?

– Честно говоря, расхотелось. Убирай, наверное...

Люба взяла только что начатую тарелку и понесла ее на кухню, но вдруг остановилась и повернулась к Сергею.

– Знаешь, суп я сейчас подогрею, съешь хотя бы его, прошу тебя, – и, видя, что он хочет что-то возразить, жестко добавила. – Никакие отговорки не принимаются, съешь как миленький. Тебе сегодня в форме надо быть.

Пообедав, он не стал отдыхать, как обычно. Дел было невпроворот.

Все с тем же «сопровождением» приехал к посольству и в гараже разыскал Лукашева. Проговорил сначала с ним, потом подтянулся Гладышев, с которым Нестеров, как всегда, быстро нашел общий язык. Пока втроем обсуждали детали операции, прогуливаясь по двору, подступило время, обозначенное резидентом: на часах было без десяти четыре. Сергей подошел к дежурному коменданту.

– Игорь, Станислав Михайлович не приезжал?

– А он и не уезжал.

– Без обеда, что ли?

– Вот-вот. Совсем мужика заездили, супостаты проклятые!

– Это ты про кого?

– Про врагов-империалистов, конечно. А ты про кого подумал?

– Тебе-то какая разница. Слушай, ты чего такой умный, а? Может, на дипломатическое поприще готовишься?

Нестеров, не дожидаясь ответа, поднялся к резиденту с готовым планом действий, но без твердой уверенности, что его прожекты будут приняты. Если шеф даже от обеда отказался, значит, здорово его зацепило и неизвестно, что он там еще надумал. Сейчас встретит, как скала неприступная, и все задумки в тартарары полетят...

Он дважды стукнул и, приоткрыв дверь, услышал вполне приличного тембра голос – без злости и раздражения.

– Заходи, Нестеров. Присядь, я сейчас закончу.

Станислав Михайлович сидел за рабочим столом, на котором лежал открытым блокнот для шифртелеграмм. Поднял голову, цепко, оценивающе посмотрел на Сергея и закончил сообщение в Центр стандартной фразой: «О результатах встречи проинформируем немедленно». И ниже, на другой строчке подписался псевдонимом: «Фадеев». Перечитал написанное, закрыл блокнот, и все внимание сосредоточил на Нестерове.

– Еще раз здравствуй, Сергей Владимирович. Есть изменения в обстановке?

– Пока нет, Станислав Михайлович. Наблюдение ведет себя спокойно, держатся на расстоянии. Я тоже не активничаю, резона нет.

– Что ж, может, ты и прав... – в раздумье сказал резидент. – На настоящий момент ситуация в городе не изменилась. Вместе с тем есть данные, что в вечернее и ночное время в отдельных районах возможно проведение спецопера-

ций с использованием войсковых подразделений, что осложняет и без того непростую обстановку. Где, говоришь, будет встреча?

– Вот в этом районе. – Нестеров тупым концом карандаша обозначил на карте точку проведения операции с учетом направления движения машины и маршрута агента.

– Если я правильно понимаю, здесь идет лесопарковая зона?

– Да, Станислав Михайлович.

– Сергей Владимирович, максимум внимания, – голос резидента стал резким и требовательным. – Прошу быть предельно осторожным. Возникнут малейшие сомнения в безопасности проведения встречи – лучше откажись. Спалишь и себя, и агента. Ты не забывай, в конце концов, что, если влетишь, сразу вас вытащить не удастся, а в полиции контрразведка воспользуется моментом и церемониться, мягко говоря, не будет. Да и скандал нам как серпом...

Нестеров глазам своим не верил. Перед ним был совершенно другой человек. Не дуче и не бирюк надутый, нормальный, разумный начальник.

– План встречи подготовил? Или времени не хватило?

– Основные пункты с участниками уже обсудили.

– Даже так? Быстрый ты парень, как я погляжу... Тогда давай, излагай по порядку.

На лице резидента появилось подобие улыбки, и Сергей понял, что его наметки шеф одобрит. Только не стоит пере-

гибать палку и рассказывать все до конца, не тот случай. Задуманный спектакль он точно не поймет.

– Станислав Михайлович, в соответствии с намеченным планом к реализации мероприятий по подготовке и проведению встречи с «Грэггом» планируется приступить, начиная с восемнадцати часов. – Нестеров намеренно заговорил языком оперативного документа, пытаясь придать больше убедительности своим словам и скрыть некоторые детали дальнейшего доклада. – Именно на это время в клубе дипломатов назначена встреча четырех супружеских пар: поляки, чехи, болгары и я с женой. Все иностранцы – мои официальные связи по линии торгпредства. Факт нашей встречи за одним столом будет зафиксирован агентурой и действующими сотрудниками контрразведки, работающими в клубе, что работает на зашифровку нашего мероприятия. Я, со своей стороны, получаю естественный предлог для выезда в вечернее время в город.

Резидент внимательно слушал Нестерова. Грамотная речь без слов-паразитов, в меру насыщенная оперативной терминологией, производила впечатление.

– Около восемнадцати ноль-ноль в клуб приезжает оперативный водитель Лукашев и с ним Гладышев, который будет вести контрнаблюдение и, при необходимости, блокировать действия наружного наблюдения. Об этом подробнее скажу позже. Прибытие осуществляется на машине Лукашева: они вдвоем, обычно, так и ездят. Цель посещения клуба – игра

на бильярде. Там лучшие столы в городе и все знатоки съезжаются именно туда.

Станислав Михайлович, взяв ручку, сделал короткую заметку на листе бумаги перед собой.

– В районе двадцати часов под легендированным предложением я с женой покидаю клуб, – резидент сделал еще одну пометку. – В моей машине за рулем Лукашев, дальше мы выходим на проверочный маршрут, по ходу которого Гладышев с двух точек будет осуществлять проверку по наличию за нами наружного наблюдения. Поскольку ведут меня неплотно, постараемся уйти естественным путем, у Лукашева это отработано. Не получится – отрыв под соответствующей легендой проведем в Старом городе. Вот здесь. – Нестеров ткнул в точку на карте, заняв своим пальцем сразу два перекрестка. Резидент, хоть и не знал города, все равно привстал, чтобы рассмотреть указанное место.

– Начинаем от дипклуба, потом идем так... – Нестеров показывал направление с помощью карандаша, который позаимствовал со стола шефа. – Поворачиваем в этот переулок и выходим сюда, в микрорайон, в котором сосредоточены лавки и магазинчики ремесленников и антикваров. Торгуют там до глубокой ночи. Множество улочек, закоулков и тупиков, не отмеченных ни на каких картах и схемах. Здесь мы и попробуем «потеряться». На заправке, вот отсюда, Гладышев будет визуально контролировать, есть за нами наблюдение или нет. Засечь его со своей стороны они не смогут, зато ему

будут открыты все их маневры... Потом уходим в этот район... – карандаш поднялся по карте на север. – И выходим сюда, где у Гладышева вторая точка контроля. Если наружки нет, он подает сигнал фарами. Если наблюдение продолжается, Гладышев выходит в этот проулок в Старом городе и после нашего проезда под предлогом поломки машины прекрывает движение, отсекая наружку. Сделать с ним ничего нельзя, они даже лицо набить ему не смогут: машина с дипломатическими номерами и сам Гладышев с картой аккредитации в МИДе. В объезд идти или ждать, когда заведется заглохшее авто советского дипломата – для контрразведки без разницы, все равно теряют время. А мы выходим чистыми, без хвоста, на место встречи, вот сюда...

Резидент сидел, откинувшись на спинку стула, и с интересом наблюдал за Нестеровым. С такой манерой изложения служебной информации он сталкивался впервые. Перемещение по кабинету с активной жестикуляцией, вырисовывание маршрута с объяснениями – как выступление актера на сцене. Сергей, со своей стороны, чувствовал, что уловил нужную шефу тональность, и спокойно, с уверенностью подошел к заключительной части плана.

– Поскольку встреча проводится по экстренным условиям, а также с учетом сложной оперативной обстановки в городе, она вряд ли займет много времени. Можно предположить, что инициатор контакта, «Грэг», будет готов в сжатой концентрированной форме передать содержание подго-

товленной информации. Исходя из данных условий, личную встречу планируется провести в течение десяти, максимум пятнадцати, минут. После подбора меня и проверки агента на маршруте жену отвозим домой, во дворе пересаживаемся в машину Лукашева, которую к тому времени подгонит Гладышев, и приезжаем в посольство.

Нестеров бросил на резидента быстрый взгляд, и ему показалось, что доклад произвел должное впечатление.

– У меня все, Станислав Михайлович.

– Хорошо, Нестеров... Да сядь ты, не маячь перед глазами... – Словами и жестом вернув Сергея в исходное положение, шеф быстро посмотрел свои заметки, которые делал по ходу доклада. – Считаю, что вместо Гладышева на подстраховке надо задействовать Гордина. Язык он знает лучше и, если возникнет конфликт с контрразведкой, сможет грамотно объясниться, снять напряжение. А то мало ли что...

«Ага, – подумал Сергей. – Это чтобы Федя газ с тормозом перепутал и операцию завалил? Дудки, товарищ резидент! Федя пусть в тылу мозгой работает».

– Станислав Михайлович, вы, безусловно, правы: Гордин владеет языком намного лучше Гладышева. Я так же, как и вы, в первую очередь рассматривал его кандидатуру, но, к сожалению, вынужден был отказаться.

Резидент в недоумении поднял брови.

– У Федора еще год командировки впереди – зачем его светить? А Гладышев уезжает практически вместе со мной.

Ему терять нечего. Ко всему прочему, неидеальное знание языка может только в плюс сыграть. Что-то понял не так, что-то недослышал, а время-то идет...

– Хорошо. Давай дальше, – шеф посмотрел в свои заметки. – Ты говоришь, уйдете из дипклуба под естественным предлогом. Это что такое?

– Ну, как? Всякие там женские дела... Вы же понимаете, Станислав Михайлович?

Лицо руководителя приобрело несколько растерянное выражение, но он не мог признаться в своей некомпетенции.

– Да, да, конечно... – Он опустил глаза на листок бумаги, а когда снова посмотрел на Нестерова, это был все тот же уверенный в себе человек. – Объясни мне вот какую вещь: зачем тебе жену на встречу тащить? Как-никак риск и расшифровка... Может, без нее обойдетесь? Оставьте ее в клубе, что ли...

– Станислав Михайлович, она уже не один раз была на операциях, так что не привыкать. С Центром вопрос согласован еще полтора года назад. Кроме того, то, что она будет в машине, позволит дополнительно зашифровать мой выход на встречу с агентом. Ведь для всего окружения и, в первую очередь, для сотрудников контрразведки, осуществляющих за мной наблюдение, – это просто семейный выезд на встречу с друзьями. Я выпил, расслабился, за руль пьяным садиться...

– Ладно, Сергей Владимирович, убедил.

Станислав Михайлович, сжав пальцы в замок, положил руки на стол и несколько секунд, молча, смотрел Нестерову в глаза.

– План твой принимается, – сказал он так тяжело, будто воз железа тащил. – Но помни: главное – безопасность и осмотрительность. Не рискуй почем зря. Можем потерять больше, чем найдем... Иди, готовься. Прощаться не будем.

«Мы ж не покойники», – молча продолжил за руководителя Сергей, а вслух произнес:

– До встречи, Станислав Михайлович.

Времени оставалось мало. Нестеров спустился на первый этаж, где его ждали Лукашев и Гладышев. Подниматься для разговора в референтуру не хотелось, и они вышли на воздух, еще раз уточнили порядок действий, обсудили детали и ударили по рукам, прекрасно понимая, насколько условными могут быть договоренности по операции в городе, набитом военными и полицейскими с неизвестными целями и задачами. Успокаивало, что они не первый раз работали в таком составе и научились понимать друг друга без слов.

Домой Сергей приехал в половине шестого. В ванной Люба заканчивала свой туалет и буквально через секунду, как он перешагнул порог квартиры, вышла ему навстречу.

– Я готова. Нравится?

На ней был легкий брючный костюм светло-бежевого цвета, из украшений – набор из розового жемчуга, который он подарил ей в прошлом году.

– Любовь моя, ты самая прекрасная женщина из всех, кого я знаю! – С восторгом воскликнул он – и получил в ответ фразу, на которую совсем не рассчитывал:

– Учитывая твой богатый опыт в общении с женщинами, это должно звучать, как комплимент?

Голос был напряженным, и Сергей понял, в чем дело.

– Любаньчик! – Он, взяв ее лицо в ладони, поцеловал зеленые, цвета молодой весенней травы глаза. – Не волнуйся, солнышко, все будет хорошо. Верь мне, я никогда тебя не обманывал.

– Только это мне и остается, – с грустью сказала она, освобождаясь от его объятий. – Что-то беспокойно у меня на душе, Сереженька.

– Выбрось дурные мысли из головы, любовь моя! Все как обычно. Ничего нового. Вперед, – произнес он сугубо деловым тоном, посмотрев на часы. – Подарок не забыли?

– Вот он, на столе.

Жена взяла небольшой пакетик, перевязанный красной шелковой ленточкой, он – цветы, и они вышли из квартиры.

Без пяти шесть нестеровский джип въехал на заасфальтированную площадку перед дипклубом, приспособленную под стоянку. Сергей не стал торопиться, со второго захода нашел место для парковки, и тем самым дал возможность «сопровождающим лицам» занять удобные позиции. «Мотоциклист» устроился в кафе напротив, контролируя вход в дипклуб и находящиеся рядом машины, а «тойота» спрята-

лась за углом, готовая к выезду в любом направлении.

Они были уже на пороге заведения, когда сзади послышался знакомый голос:

– Товарищи Нестеровы, подождите чуть-чуть!

Это были Борис и Мария из болгарского торгпредства, с которыми они дружили почти с самого приезда.

– Привет, дорогие! – Нестеров посчитал встречу добрым знаком. – Как хорошо, что мы встретились. Пошли все вместе.

– То ест, нанесем двойной удар? Так говорят по-русски?

– Так, так. Борис. Опять скромничаешь?

– Нет, что ты! Я толко пытаюс не забыт русский язык и говорит исключительно правильно, – с лукавой улыбкой парировал болгарин, в общей сложности восемь лет отучившийся в Москве.

В полусумраке клуба они не сразу сориентировались, но тут же услышали призывные голоса:

– Пше прошу, пани и паны!

Хоть и приехали они вовремя, но чешская пара оказалась первой, и праздник набирал обороты. Минут через тридцать разбились по интересам: мужчины обсуждали условия и результаты местной рыбалки, а женщины – последние семейные новости. Говорили, в основном, по-русски: язык, в большей или меньшей степени, знали все.

– Люба! – Марта знала Нестеровых дольше всех. – Расскажи еще про вашего Олега. Так интересно! Он уже большой

мальчик, а ведь был совсем кроха.

– Сережкина мама в последнем письме написала, как они ходили поступать в секцию хоккея с шайбой, – Любе льстило внимание к ее сыну, которого почти все сидящие за столом помнили по первому году их командировки. – Пришли они во Дворец спорта, у нас недалеко от дома его построили, а тренер секции, как только с ним заговорили, заявил, что прием закончен, надо было раньше приходить, а сейчас ребят набрали в команду с лихвой, так что давайте на следующий год. Свекровь, конечно, расстроилась, а Олег, видя такое дело, не отступает: «Товарищ тренер, у нас мама и папа на ответственной работе за границей, очень далеко отсюда. Я им обещал, что обязательно буду заниматься хоккеем, как настоящий мужчина». Тренер со смешком ему отвечает: «Слабоват ты, по-моему, малец, для настоящего мужчины. Сделаешь сто приседаний и столько же подъемов на скамейку, тогда запишу в секцию». И, представляете, Олежка сделал все сто приседаний, а потом, почти без отдыха, стал на скамейку вставать. Тренер остолбенел от удивления. «Да, – говорит, – настойчивый ты парень, придется взять тебя в команду». Свекровь...

Она прервала себя, не закончив рассказ.

– Эй, Нестеров! Может, полегче? А то ты сегодня без обеда, дорогой. На голодный желудок, сам знаешь...

Нестеров с извиняющейся улыбкой, обращенной к соратникам по борьбе с алкоголем, поставил рюмку на стол.

– Ты бы поменьше на водочку налегал, глядишь, и выглядел бы получше! – Обращаясь к подругам, Люба переключилась на другую тему: – Я в последний отпуск старого приятеля встретила, в свое время бегал за мной, не знала, куда спрятаться... – Она улыбнулась, вспомнив институтское житье. – Был замухрышка, смотреть не на что. А сейчас! Плечи расправил, голову поднял, с лицом что-то произошло... Нет, правда-правда, девочки. Совсем другое лицо стало! Красавец – не красавец, но глаз положить есть куда...

– И где же ты его встретила? – спросил всегда все слушающий и слышащий Сергей.

– На Арбате. А разве я тебе не говорила, как случайно столкнулась с Николашей? Ты должен его помнить, он для нашей кавээновской команды сценарии писал...

– Да, да. Конечно... – протянул пораженный Нестеров. Умом он понимал, что таких невероятных совпадений не бывает: его сон, рассказанный резиденту, и то, что сейчас рассказала Люба. Но, как и чем объяснить услышанное, тоже не знал. Может, поэтому с охотой откликнулся на призыв поддержать еще один мужской тост. К реальности его вернул совсем неласковый голос жены:

– Сергей, я тебе говорила, чтобы ты не увлекался? Говорила? Ты что творишь? Ну-ка, встань из-за стола! Выйди, я тебе говорю!

Нестеров с неохотой, качнувшись, выбрался в проход и встал перед женой, опустив руки. Вид у него был как у на-

шкодившего школьника. Они стояли в паре метров от сидевших за столом друзей и те хорошо слышали разговор Нестеровых.

– Что ты творишь, Сергей? Я же по-хорошему просила тебя, как человека, чтоб следил за собой. Но разве ты нормальный язык понимаешь? Посмотри на себя, нажрался, как скотина. Еще икать скоро начнешь! Господи, перед людьми стыдно! Ну, на кого ты похож, а? Что мне теперь с тобой делать?

Со стороны казалось, что ее ненаглядный супруг пытается держать себя в руках, но удается это ему с трудом.

– Любаньчик, солнышко! – Сергей со всей старательностью выговаривал слова. – Давай я посижу немножко, и все пройдет...

– Конечно, пройдет, тебя только посади. Ты же отказываться не умеешь! – Она взяла его под руку. – Давай-ка лучше домой, дружок, а то тебя совсем развезет. Только опозориться нам еще не хватало.

Они повернулись к столу.

– Ребята! Извините нас, пожалуйста, – Люба была не на шутку расстроена. – Сережка после работы голодный и прямо сюда. Что-то развезло, как никогда... Марта, прости, дорогая! Еще увидимся. Дай я тебя поцелую...

Сергей со смущенной улыбкой помахал всем рукой, и они направились к выходу. Проходя мимо бильярдных столов, Нестеров споткнулся и едва не упал, если бы не помощь Вани

Лукашева, оказавшегося рядом.

– Любаша, давайте я вас отвезу. Куда ему за руль.

Иван говорил спокойно, но в глазах стояли страх и испуг: Нестеров действительно был пьян!

На улице появились уже вчетвером. Ване помог Гладышев, вышедший вслед за ними. Поддерживая с двух сторон Сергея, они усадили его на заднее сиденье, а Люба устроилась на переднем, рядом с Лукашевым. Тронулись в две машины: Иван на джипе Нестерова впереди, Гладышев – за ними. В полном молчании и растерянности Лукашев с Любой отъехали от дипклуба, миновали первый квартал, и тут с заднего сидения прозвучал спокойный голос:

– Ваня, как там наши заклятые друзья?

– Серега, вот гад! Я ж думал, ты с катушек слетел! – Лукашев с восторгом посмотрел в зеркало на своего напарника. – А ты живой, Гаврила! Ну, артист! Во, дает!

– А то! – Нестерову льстило признание старым другом его способностей к перевоплощению. – Любовь, понимаете ли, Григорьевна, в бардачке возьмите пластмассовую коробочку с травкой и передайте мне, пожалуйста. Водочку-то зажевать надо, запашок отбить, а то общаться неудобно.

Он был подчеркнута вежлив.

– Сережка, ты такой молодчина! – Передавая коробочку, Люба повернулась к нему лицом. – Даже я в какой-то момент поверила.

– Я с тобой вообще не разговариваю. Опозорила меня пе-

ред всем соцлагерем! – Нестеров кипел от расправившего его возмущения. – И где ты только такие обидные слова нашла, вредина? Не-е, этого я тебе никогда не забуду!

– Сам же просил! Кто говорил: «Люба, врежь по полной, чтоб ни у кого никаких сомнений не оставалось»? Пушкин?

– Но не так же, в конце концов! Нет, скажите, пожалуйста, откуда что взялось? С такой злостью набросилась! Мама дорогая! Мегера! Злыдня какая-то!

– Если честно, Нестеров, я давно это сказать хотела, только обидеть боялась. А тут сам напросился, так что извини, дорогой. Все претензии к себе, пожалуйста.

– Ладно, проехали, – с обидой отреагировал Сергей. – Вань, так что с друзьями?

– А бог их знает! Гладышев, собака, мешает. Пристроился сзади и жмет, как привязанный, а я за ним должен еще что-то видеть...

Лукашев говорил с недовольством, но серьезной озабоченности не было.

– Как будто в первый раз, честное слово. Мы же с ним договорились, что... – он прервал себя, не закончив фразу. – Ага, услышал, чертяка! Сигнал дает, уходит.

Машина с дипномерами свернула, и у Лукашева открылся обзор. Теперь он видел, что происходит на дороге, и своими комментариями транслировал картинку Сергею.

– «Тойоты» не видно... а мотороллер идет. Какой, говоришь, колпак на нем был?

– Синий.

– Динамовский, значит. А у этого белый. Может, не наш?

Как думаешь?

– Вань, не валяй дурака. Он, пока меня ждал, раз триста шлем мог сменить!

– Нестеров, не заводись. Наш это, наш. Третий поворот за нами делает. Ты башкой своей не крути, пожалуйста, отодвинься лучше в угол, чтоб сзади не просматривался, да и мне меньше мешать будешь.

– Так нормально?

– Молодец!

– Сколько у нас контрольного времени?

Лукашев бросил взгляд на часы.

– Двадцать шесть минут.

– Успеем?

– Не дрейфь, пробьемся. Давай лучше переодевайся.

Джип сошел с центральных ярко освещенных улиц, петляя по спальному району.

– Серега, сейчас через улицу площадь, потом торговый квартал. Есть пожелания или работаем, как договаривались?

Нестеров не успел ответить, в разговор вмешалась Люба:

– Мальчики, вы меня, конечно, извините. Может, я могу вам помочь? А то сажу тут, как кукла.

– Вань, слышал? Девушка в бой рвется. А почему бы и нет? – Нестерову предложение жены показалось удачным. – По идее у нас должна быть какая-то цель в этом районе? За-

чем вы с пьяным мужиком к торгашам приехали в такое время? Это, вообще, в противоположной стороне от нашего дома. Давай, Вань, прикроем поездку личными торговыми интересами. Капризом жены, например. Разозлилась женушка на мужа-пьяницу и решила себя побаловать... Любаша, команду, куда едем?

– На Бронзовую улицу. Я последний раз там с одним старичком торговалась. Жадный, ужас, никак уступить не хотел... Поехали, покажу.

Она внимательно смотрела вперед, боясь в темноте проскочить нужный поворот.

– Вот-вот! Здесь! – вскрикнула Люба, положив руку на локоть Лукашеву. – Сейчас направо! – При этом другой рукой показала налево. Иван же машинально воспринял первую команду, резко крутанул руль вправо, влетел в узкий переулок, и тут же услышал Любин возмущенный голос: – Вань, я же тебе показала, куда свернуть!!! Что ж вы, мужики, такие бестолковые?!

– Да, Лукашев! – с ехидцей протянул Нестеров. – Попал! А представляешь, как я с ней езжу?

И тут же подумал, что на самом деле все не так уж и весело: с маршрута сошли, а смогут ли точно выйти на место встречи, еще вопрос.

– Вань, мы где?

– Я сейчас кружок небольшой сделаю, и опять туда же выйдем, – Лукашев уверенно крутил баранку и пребывал от-

нюдь не в унылом настроении. – Серый, ребят за нами, вроде, нет. Может, все, что бог не делает, к лучшему? Мы же хотели «потеряться»? Вот и получили, кажется, результат.

– Рано радуешься. Твоими устами...

Они оказались на прежней улице. Сзади было чисто.

– Люб, здесь налево? – Нестеров взял дело в свои руки.

– Я уже тысячу раз вам говорила: налево, налево.

Они проехали от поворота метров сто пятьдесят и остановились. На скрип тормозов из рядом стоящего дома, к палатке, расположенной тут же под фонарем, вышел пожилой мужчина. Увидев Любу, расплылся в приветливой редкозубой улыбке, стал кланяться и приглашать в лавку. Что-то крикнул, обернувшись к открытой двери, и девочка лет десяти вынесла старинное бронзовое блюдо тонкой ручной работы с драконами и сложным цветочным орнаментом по краю. Судя по тому, как Люба сразу стала активно что-то обсуждать с продавцом, это и был предмет их предыдущего торга.

Из-за джипа Нестерова, с противоположной стороны улицы, появился мужчина, которого они не заметили раньше. Остановившись, он стал рассматривать безделушки, разложенные под стеклом на витрине лавки. Когда мадам Нестерова, судя по всему, уговорила продавца, достала деньги и стала рассчитываться, повернулся и пошел дальше.

Сергей, наблюдавший за происходящим не выходя из машины, занервничал. Ему казалось, что время летит с бешеной скоростью и если проходить еще две контрольные точ-

ки, намеченные на маршруте, то вполне можно опоздать и сорвать встречу с «Грэггом».

На самом деле прошло всего четыре минуты, а счастливая Люба со своим приобретением уже была в джипе. Старик-торговец, с довольной улыбкой пересчитывающий деньги, судя по всему, тоже не остался внакладе.

– Люб, засунь эту фиговину под кресло, чтоб не мешалась. Что ты ее, как ребенка, на руках держишь? Ваня, поехали, поехали, чего стоим?

Люба, беспрекословно выполнив просьбу, повернулась к мужу.

– Знаешь, Сереж, когда подошел мужчина, мне как-то не по себе стало. Будто холодом пахнуло. По-моему, он стоял, прислушивался, о чем мы говорим со стариком. На руки мои смотрел, когда я рассчитывалась. Не знаю, как можно объяснить все словами, но на душе у меня нехороший осадок остался.

Сейчас информация подобного рода только мешала Нестерову. Да и не информация это вовсе: скорее домыслы и воображения!

– Ваня, что у нас?

– Все спокойно, сзади чисто.

«Ну вот, – мелькнуло у Нестерова. – Значит, правильно: женские фантазии и ничего больше».

– Тьфу ты, мать твою! Сглазил!

Нестеров услышал в голосе Лукашева такой сигнал трево-

ги, что моментально забыл обо всем остальном.

– Серый, не знаю, откуда они вылезли... – Иван и не думал скрывать растерянности. – Такое впечатление, что и «тойота», и мотороллер появились с двух сторон одновременно, как будто ждали нас. Теперь на хвост сели капитально. Идут, практически, вплотную, не скрываясь. Прямо, демонстрация какая-то... – По мере того как он говорил, быстро исчезало смятение, вызванное резким изменением обстановки, и голос становился жестким и злым. – Меняем диспозицию, к ядрене фене! Сейчас покрутимся по городу, а потом выходим на первую контрольную точку, где нас будет ждать Гладышев. Он увидит картинку и сразу махнет на место перехвата. – Уловив недоумение Сергея, Иван пояснил: – Мы без тебя этот вариант проговорили. Так, на всякий случай. А он, видишь, как сгодился... – Иван на секунду повернул голову к Любе. – Ну, что, попутчица, не скучаешь?

– С вами заскучаешь, как же... – Нестерова постаралась ответить бодрым голосом, но получилось не очень убедительно.

Минут за десять прошли несколько кварталов, и все время, сменяя друг друга, не отпуская на большое расстояние, за ними, как на привязи, следовали «тойота» с мотороллером.

Миновали контрольную точку, где ждал Гладышев, и Лукашев, моргнув фарами, пошел дальше, в Старый город с его кривыми улочками, забитый повозками, пустыми велорик-

шами, оставляемыми на ночь под открытым небом, и всяким другим скарбом. Здесь жила, в основном, беднота, часто не имеющая крыши над головой и выставлявшая раскладушки на свежий воздух. Иван немного прибавил скорости, но хвост и не думал отставать. Люба крепко, так что побелели костяшки пальцев, одной рукой держалась за ручку дверцы, а другой – за пепельницу, смонтированную на торпедо. Сергей сидел на заднем сидении, пригнув голову, широко расставив ноги и упираясь в спинки водительского и пассажирского кресел. Нестеровы думали об одном и том же: как Лукашев умудряется лавировать в такой несусветной тесноте улиц?

Из прилегающего слева переулка выскочила машина Гладышева, вклинилась перед «тойотой» и, снижая скорость, стала оттирать ее. Джип, как по команде, рванул вперед, пролетел метров двести, и вдруг бампером снес сперва одну бамбуковую стойку, поддерживавшую матерчатую крышу, потом другую, зацепил двухколесную деревянную повозку и развернул ее. Раздался треск, звук разрываемого полотна, что-то похожее на бочку рухнуло сверху и с грохотом покатилося по земле, на асфальт вывалился домашний скарб: ложки, миски, кружки, белье. На высокой ноте закричал мужчина, подхватили, заголосили женщины, заплакали дети, всполошено закудахтали куры.

Чтобы не наехать на кого-нибудь и не врезаться в препятствие, внезапно возникшее перед ним, Гладышев ударил по

тормозам и резко вывернул руль. На грязной немойтой мостовой машина пошла юзом и встала поперек узкой улочки, заняв все пространство – от края до края. Чуть не влетев Гладышеву в бок, в сантиметре перед ним остановилась «тойота» и рядом с ней мотороллер. И только виновник всего этого бедлама, нестеровский джип, издевательски мигнув стоп-сигналами, безнаказанно растворился в темноте.

В оторвавшейся от преследования машине молчание нарушил нерешительный, дрожащий голос Любы:

– Вы это тоже проговорили?

Иван, сжав зубы, пропустил вопрос, и ответил Сергей:

– Вряд ли. По-моему, это импровизация. Правда, Вань?

– Какая тебе разница, Нестеров... Ты просил, чтоб хвост отрезали? Вот, получите, как заказывали. – Лукашеву было не до пустых разговоров. – Теперь, дорогой товарищ-барин, шутки в сторону. Сейчас крутанусь пару раз для страховки, и выходим на маршрут. Готов?

– Готов. Любаша, ты как?

– Все нормально, Сереженька. Не беспокойся за меня.

Они въехали в городской парк, густо заросший тропической растительностью. Все было спокойно. В темное время машины здесь почти не ходили: освещение плохое, дорога вся в ухабах и ямах. Иногда, правда, встречались редкие прохожие и велосипедисты, сокращавшие путь из одного жилого района в другой.

Нестеров, натянутый как струна, с напряжением смотрел

вперед: через несколько метров начинался маршрут «Грэга», а это означало, что и ему пора.

– Ваня, потише чуток, а то за вами бежать придется, – сказал Сергей. – Вот, так. Хорошо. Забираете через десять минут. Если не выйду, еще через десять.

– Лады, Серый. Держись, старик. Ни пуха...

– К черту!

Нестеров сделал несколько быстрых шагов рядом с машиной, без щелчка прикрыл заднюю дверь и ушел в сторону, к деревьям и кустам, росшим почти рядом. Джип, переваливаясь с боку на бок на ухабах и включив дальний свет, устремился своей дорогой.

Внезапно Сергей почувствовал резкую боль в области солнечного сплетения. Скрутило так, что потемнело в глазах. Гастрит или язва, может, еще что-то, он не знал. Приступы начались давно, но дойти до врача, как всегда, было некогда. По совету знающих людей, под неусыпным контролем жены Нестеров ел натошак папайю. Стало помогать, почти выздоровел, и тут его так некстати прихватило. Скрючившись, Сергей сел на корточки, стараясь успокоить ненавистную болячку, и через несколько секунд немного отпустило. Превозмогая боль, он встал и, увеличивая темп ходьбы, двинулся дальше. Оказавшись почти посередине большого, освещенного уличным фонарем участка земли, неожиданно услышал быстро приближающееся поскрипывание педалей велосипеда.

«Откуда он, зараза, взялся? – выругался Нестеров. – Когда въезжали, никого не было. Надо быстро уходить со света. Заметит белого, сразу сообщит в полицию или военным».

Но в следующую секунду он понял, что не успеет. Тогда, скорей по наитию, чем по расчету, он повернулся спиной к дороге, опустил на корточки, скрадывая рост и комплекцию, и сделал вид, что под светом фонаря ищет в сумке какую-то вещь. Поля широкой шляпы легли на шею и плечи, руки были в темноте, и оставалась надежда, что велосипедист не определит в его фигуре белого человека, неизвестно зачем ночью оказавшегося здесь. Не поворачивая головы, боковым зрением Сергей заметил, как «путешественник» на скорости проехал у него в полтора метра за спиной, но встать не спешил. Подождал, пока скрип педалей не удался, и только тогда, почти бегом, забыв про боль в желудке, устремился дальше. Сделав несколько быстрых шагов, Нестеров пересек границу освещенного пространства, и услышал знакомый, тихий, четкий, лишенный эмоций голос:

– Серж, не торопитесь, идите сюда...

В темноте, в кустарнике, Сергей не без усилий различил фигуру. Они обменялись рукопожатиями, и «Грэг», вопреки традициям, опустив расспросы о здоровье и самочувствии близких, быстро заговорил жестким деловым тоном:

– Серж, времени мало, поэтому скажу основное, детали найдете здесь. Держите. – Он вложил в руку Нестерова что-то похожее на камень или кусок глины размером немногим

больше спичечного коробка. – По данным нашего человека из Бюро стратегических операций, – я рассказывал вам о нем два месяца назад – в ближайшие два-три дня Китай намерен провести военную стратегическую операцию на территории Вьетнама. Пользуясь китайской терминологией, преподать «второй урок». Причем это не будет той странной войной, как в семьдесят девятом году, без победителей и побежденных. На этот раз все гораздо серьезнее. На китайско-вьетнамской границе сосредоточены пехотные дивизии, танки, артиллерия и, в отличие от прошлой войны, планируется задействовать бомбардировочную и истребительную авиацию. Операция имеет несколько целей: разрушить промышленные объекты на севере Вьетнама, аннексировать часть приграничной территории, включая районы, где обнаружены залежи урановой руды и месторождения золота, активизировать действия своих сторонников в странах Юго-Восточной Азии. Кроме того, проведение данной акции предполагает подтвердить тезис о слабости и нерешительности СССР и его нежелании использовать вооруженные силы в защите интересов своих союзников. Вместе с тем, оставляя определенный шанс на возможность вмешательства вашей страны в вооруженный конфликт, Китай разместил в приграничных с Советским Союзом районах значительное количество войск, включая авиацию и флот. Сигналом к началу операции послужит так называемое нападение вьетнамцев и уничтожение ими китайской пограничной заставы и мирного населе-

ния одной из деревень. Таким образом, действия КНР будут носить ответный оборонительный характер. Если же к использованию вооруженных сил прибегнет СССР, это будет расцениваться как прямая агрессия со стороны Советского Союза. Именно с таких позиций Китай выступит перед мировой общественностью.

«Грэг» замолчал, только цикады вели свою нескончаемую песню в ночной тишине.

– Господин Лео, все настолько серьезно?

– Более чем вы полагаете. У нашей разведки традиционно хорошие позиции в руководстве Китая на всех уровнях: дипломатическом, военном и политическом. Можете не сомневаться в достоверности информации. К тому же проверяется она очень просто: два-три дня – и вы увидите результат. Если, конечно, руководство Советского Союза не примет активных действий по предотвращению развития событий в рамках планов, разработанных генштабом вооруженных сил Китая.

«Грэг» положил руку Сергею на плечо.

– Хочу, чтобы вы знали и сообщили в Москву: наша страна не заинтересована в обострении обстановки в регионе. Это затруднит реализацию экономических планов и послужит источником дестабилизации внутривнутриполитической обстановки.

– Из-за этого и усиленные меры безопасности в городе? Военные, полицейские...

– Видите ли, Бюро стратегических операций и министерству безопасности стало известно, что накануне разворачивающихся событий Китай забросил на территорию нашей и других стран несколько групп своих агентов, которые должны организовать в регионе акции поддержки политического курса китайского руководства, включая проведение диверсионных и террористических актов. Поэтому в столице и еще трех городах при поддержке армейских частей идет операция по нейтрализации действий иностранной агентуры... Вас что-то тревожит?

Нестеров, естественно, не стал посвящать «Грэга» в особенности последних событий, у него были свои основания для беспокойства.

– Нет, нет, все нормально... Как вы себя чувствуете, господин Лео? Я имею в виду не только физическое здоровье. Вас самого ничего не настораживает?

– Пока нет. Хотя мне известно, что контрразведка активно ищет источник утечки, как они выражаются, важной политической информации, но пока безрезультатно... – И, почти без перехода, агент продолжил: – Жаль, конечно, что вы уезжаете, Серж. С вами мне как-то спокойней.

В голосе, всегда ровном, Сергей неожиданно услышал грусть и тревогу. С трудом верилось, что перед ним – «Грэг», всегда спокойный и расчетливый, непроницаемый, как все восточные люди, для белого человека. Значит, и ему ничто человеческое не чуждо? А он сам, Нестеров, понимает, что

это одна из последних встреч? А потом... Что будет потом? Скорее всего, они никогда больше не увидятся...

– Серж, а вы молодец, – прервал его размышления «Грэг». – Стали почти невидимкой. Думаю, ваш трюк с приседанием получился. По крайней мере, я не заметил, чтобы велосипедист обратил на вас внимание. Даже головы не повернул в вашу сторону... Извините, еще один важный для меня вопрос: вы принесли деньги и лекарства?

– Конечно, господин Лео, но я не хотел бы сейчас вам все это отдавать. Слишком тревожная обстановка в городе и велик риск. А если проверка? Может, потом? Осталось всего четыре дня, и мы снова встретимся.

– Понимаю, Серж. Но поймите и вы меня. У жены приступ, лекарство закончилось, денег нет... Она не выдержит и двух дней. Прошу вас...

Нестеров не хотел соглашаться, но и отказать не мог.

– Хорошо, но будьте предельно осторожны! Если что – бросьте все, только не дайте задержать вас с лекарствами и деньгами! Лучше перезаймите у соседей или знакомых, мы потом компенсируем...

– Конечно, конечно... – «Грэг» не дал ему закончить фразу. – Вы не думайте, Серж, я не враг себе и прекрасно понимаю, что, если меня арестуют, жизнь закончится не только для меня. Умрет моя жена, а наши дети будут опозорены до конца своих дней. Никто не будет слушать господина Лео, им не нужны мои объяснения, что действовал, исходя из ин-

тересов своей страны, так как я их понимаю. – Он смотрел Сергею в лицо, голос был ровным и спокойным. – Не волнуйтесь за меня Серж...

Послышался звук двигателя.

– Прощайте, господин Лео... – начал было Нестеров и осекся, вспомнив своего шефа. – Простите, я хотел сказать: до встречи через четыре дня...

Он вышел на дорогу и в следующую минуту был в машине, освещавшей себе дорогу габаритными огнями.

– Все, отстрелялся, – сказал он, едва оказавшись на заднем сидении. – Давай на проверочный маршрут – и домой.

С начала встречи прошло минут десять, ему казалось – вечность.

– Серый, плохо дело, – в голосе Лукашева слышалась нескрываемая тревога. – Проехал по кругу, выезды из парка перекрыты солдатами и полицией. Всех задерживают, обыскивают, проверяют документы и вещи, потом сажают в грузовики. Мы сами видели.

– Мне еще показалось, – добавила Люба, – в кустах тоже солдаты сидят.

– Час от часу не легче, – выдохнул Нестеров.

В голове вихрем неслись варианты развития событий.

Даже если Лео успеет незаметно выбросить деньги и медикаменты, его все равно задержат, установят личность и место работы, начнутся вопросы: зачем, с какой целью оказались в этом месте? И понеслось-поехало. Попадет в поле зре-

ния контрразведки, а там дело времени: начнут проверку, возьмут в разработку... А, если не успеет освободиться от «груза», тогда – провал. Пытаться начнут, вырвут все, что захотят... Агента, тем более такого, как «Грэг», терять нельзя. Это даже не обсуждается.

– Иван, давай на перехват! – Нестеров принял решение, понимая, что другого выхода нет. – Делаем следующее. Сажаем его в машину. Двери блокируем. Кладем на пол, я рядом, и накрываемся попоной, на которой сейчас сижу. Это на случай, если будут просматривать машину через окна. Вы ведете себя, как любовники на прогулке. Обнимитесь, что ли... в общем, сообразите, что делать. Любаша, подыграешь Ивану. Скорости никакой не надо. Спокойно, уверенно проезжаем через кордон. Главное, Ваня, не останавливаться. Вывозим нашего друга в город и там выбрасываем. Понятно?

В свете фар Нестеров увидел идущего «Грэга».

– Ваня, гаси огни!

В темноте джип поравнялся с идущим по обочине дороги человеком, открылась задняя дверь, и приглушенный голос скомандовал:

– В машину!

Сказано было так, что на раздумья у «прохожего» не оставалось ни секунды.

Как только «Грэг» оказался в машине, Нестеров руками усадил его на пол между сиденьями, сам сел напротив и объяснил ситуацию:

– На дорогах патрули, всех задерживают, обыскивают и, как понимаю, потом доставляют в участок для разбирательства. Чтобы вы не попали в полицию, мы на машине пройдем через кордон, а затем высадим вас в городе. Понимаете?

«Грэг», молча, кивнул.

– Ложитесь на пол, господин Лео. Вот так. Я с вами, чтобы у солдат не возникло желания проверять, кто сидит в машине сзади. Накрываемся вот этой тряпкой... Люба, помоги, пожалуйста.

Нестерова встала на колени и, протиснувшись между водительским и пассажирским сиденьями, поправила «покрывало».

– Теперь ничего не заметно. – Она говорила так уверенно, что Нестерову сразу стало спокойней. Не прошло и трех минут, как на дороге в скудном свете уличного фонаря показался пикет солдат во главе с офицером. Чуть в отдалении стояли полицейские, военные, еще какие-то люди в штатском. Всего человек пятнадцать. За ними – крытый грузовик и опять солдаты.

Возникшую картинку быстро и подробно Лукашев описал Нестерову.

– Ваня, идешь километров сорок с дальним светом и по ходу все мне рассказываешь.

– Понял.

– Люба, ты где?

– Под правой рукой Ивана.

– Хорошо. Что там?

– Офицер дал команду, вышел вперед и поднял руку. С ним еще три автоматчика... Стоят прямо на дороге... до них метров пятьдесят. Остальные без движения.

– Сбрось скорость и на второй – вперед.

– Офицер рукой показывает, чтобы мы остановились...

– Вперед на самой малой. Только не останавливаться...

– Автоматчики по команде передернули затворы...

– Вперед! Потихоньку. Подходи вплотную и продавливай бампером, чтоб расступились. Не уступят, дави их, по газам и уходим!

Машина черепашьям шагом вплотную подползла к офицеру и солдатам с автоматами наперевес. На передних сиденьях – иностранцы, парень и девушка. Он обнял ее правой рукой, а она со счастливой улыбкой прильнула к нему, прижав руки к груди. Офицер сделал шаг вправо, полагая, наверное, что они остановятся, и протянул руку, чтобы открыть водительскую дверь. Рядом с ним, немного сзади, встал автоматчик, а два других, неуклюже потоптавшись, уступили дорогу и оказались по другую сторону автомобиля. Джип медленно двигался между ними. Один из солдат подергал ручку не открывшейся задней двери, осветил фонарем внутрь салона, но «влюбленные», не обращая ни на кого внимания, продолжали свой путь. Офицер и солдаты в недоумении и растерянности остались позади, и тут со стороны группы людей в штатском разорвала воздух трель свистка, и, как лай

собаки, прозвучала резкая команда. Очнувшись, военные, а за ними полицейские закричали, бросились за машиной, раздался выстрел, но момент был упущен и джип, уверенно набирая скорость, скрылся за поворотом.

Не до конца осознавая, что произошло, они вырвались на улицы жилого квартала, застроенного однотипными трехэтажными зданиями.

– Неужели прошли? – прошептал Лукашев.

Нестеров откинул покрывало.

– Не торопись, Ваня. Так просто нас не отпустят, начнут искать в городе. – Он сел на полу машины. – Давай ближе к Центру... – и, уже обращаясь к «Грэгу», спросил: – Господин Лео, вы как?

– Жив, Серж. Благодаря вам, жив... – Что-то мешало ему говорить, он проглотил вставший в горле комок и тоже сел на полу. – Я еще не совсем забыл русский язык и понимаю, что вы только что сделали...

Голос его задрожал, и он смолк. Слабый свет уличных фонарей осветил салон, и Нестеров увидел, как по щекам «Грэга» бегут слезы.

* * *

Сергей вернулся домой ближе к полуночи. Поднимаясь на второй этаж, почувствовал, как отпустило нервное напряжение, державшее в тисках все это время.

«Сейчас доползу, – думал безумно уставший Нестеров, тяжело поднимаясь по лестнице на второй этаж. – Врежу стакан водки – и спать, пропади оно все пропадом».

Он открыл дверь квартиры, света в гостиной не было. Странно, Люба всегда его ждала после операции. Сжалось в нехорошем предчувствии и тревожно забилося сердце. Пройдя через прихожую, щелкнул выключателем и увидел жену, забравшуюся, как маленькая девочка, с ногами в кресло. Она даже не переоделась, хотя с того времени, когда они с Лукашевым оставили ее во дворе дома, прошло почти два часа. Рядом лежала фотография детей, которую она привезла с собой. Люба смотрела на него, и в глазах, наполненных слезами, были страх и отчаяние, сдерживаемые из последних сил. Только сейчас Нестеров, наконец-то, осознал, что пришлось испытать ей этой ночью. Не зная, как можно вымолить прощение, он встал перед ней на колени и взял ее маленькие ладошки в свои руки.

– Любушка, прости меня, родненькая! Я не знал...

Она обняла его голову, прижала к себе и, не давая больше вставить ни единого слова, лихорадочно быстро заговорила.

– Тише, тише! Ну, что ты! Сереженька, родной мой! Хорошо, что ты пришел! Я все думала: а вдруг что-нибудь еще случится? Милый, любимый! Скажи, а они могли нас убить? Нет, не надо, ничего не говори, я все сама знаю. Ты только не уходи, не уходи, пожалуйста! Побудь со мной, я очень боюсь... Сережка, мне так страшно... За тебя страшно, мы же

не можем остаться одни...

Он почувствовал, как в рыданиях задрожало ее тело, и она заплакала. Тихо. Так, чтобы не слышали соседи.

**Из материалов
Департамента контрразведки
Министерства безопасности**

Совершенно секретно

Экз. № 1

Заместителю Директора Департамента контрразведки
Министерства безопасности
бригадному генералу
N.

Исх. № 00–1–4–8/541

от 14.04.1983

Ваше Превосходительство!

Докладываю, что 11–12 апреля 1983 года силами частей специального назначения Министерства обороны и оперативного состава Министерства безопасности проводилась операция «Тайфун» с задачей пресечения враждебных действий спецслужб КНР и нейтрализации деятельности иностранных разведок на территории нашей страны в связи с прогнозируемым обострением обстановки на китайско-вьет-

намской границе.

Во исполнение п. 6 раздела IV Плана мероприятий, утвержденного министром безопасности 10.04.1983, 12 апреля с. г. установлено негласное наблюдение за объектом «Гончар», сотрудником *советской* внешней разведки.

По данным Управления по сопровождению специальных операций, на маршруте следования объект разработки, используя естественные предлоги, выявил выставленное за ним наблюдение. Затем, после посещения *Торгпредства СССР*, сотрудником которого он числится, «Гончар» дважды приезжал в *Посольство Советского Союза*, где пробыл в общей сложности более трех часов. Агентурой из числа обслуживающего посольство персонала, а также техническими средствами зафиксированы его контакты с сотрудниками резидентуры *КГБ* «Вьюном» и «Старком», которые в 17 час 27 мин на автомашине № *D 05 076* выехали с территории посольства.

В 17 час 55 мин «Гончар» с женой на автомобиле *XТ № 3147* прибыли в Международный клуб дипломатов, где уже находились упомянутые выше агенты *советской* разведки.

Анализ поведения объекта разработки на маршруте движения, интенсивность и длительность его посещений дипломатического представительства своей страны, неоднократные контакты с «Вьюном» и «Старком» в совокупности с ранее имевшимися сведениями дали основания предположить,

что «Гончар» осуществляет подготовку к проведению внепланового мероприятия по связи с одним из своих источников.

С учетом полученных данных, начальником штаба проведения операции «Тайфун» по согласованию с 4-м отделом 1-го Управления Департамента контрразведки Министерства безопасности принято решение: выставить за объектом разработки дополнительную бригаду наружного наблюдения с целью пресечения действий, направленных на нанесение ущерба безопасности нашей страны.

Находясь в ресторане Клуба, «Гончар», как показало последующее развитие событий, симитировал состояние алкогольного опьянения и в сопровождении жены, «Старка» и «Вьюна» в 19 час 52 мин покинул названное заведение. На маршрут движения указанные лица вышли на двух автомашинах (*ХТ № 3147* и *№ D 05 076*). В дальнейшем направления следования автомобилей разделились, и наблюдение велось за транспортным средством, в котором находились «Гончар», его жена и «Вьюн».

При въезде в Торговый квартал объект был потерян, наблюдение продолжено через четыре минуты силами второго эшелона. Как следует из отчета, автомобиль «Гончара» сделал короткую остановку на Бронзовой улице у палатки торговца антикварными изделиями. В контакт с хозяином торгового заведения (случайная связь, оперативного интереса не представляет) вступила жена «Гончара», последний нахо-

дился в автомобиле и контролировал ситуацию.

Принимая во внимание основные задачи, поставленные в рамках проведения операции «Тайфун», наружное наблюдение в дальнейшем осуществлялось первым эшелоном в плотном режиме с целью исключить бесконтрольные действия объекта по получению сведений, имеющих возможность нанесения ущерба интересам нашей Родины.

Несмотря на принятые меры, сотрудники резидентуры **КГБ** не отказались от преступных намерений. Автомашина № **D 05 076**, управляемая «Старком», блокировала действия первого эшелона наружного наблюдения. С учетом указанных обстоятельств, дальнейший контроль за объектом осуществлялся силами второй бригады с задачей скрытого определения условий и времени захвата «Гончара» и его сообщника с поличным.

В 20 час 28 мин автомобиль **ХТ № 3147**, в котором находился объект разработки, вошел в лесопарковую зону, расположенную в квадрате С-4, после чего выходы из района были блокированы, автотранспорт, вне зависимости от ведомственной принадлежности, и физические лица, включая иностранных граждан, подлежали задержанию и проверке.

В 20 час 32 мин сотрудником наружного наблюдения на предполагаемом маршруте автомашины **ХТ № 3147** обнаружен мужчина, одетый как местный житель, но значительно более плотного телосложения (предположительно им мог быть «Гончар»).

В этой связи меры по проверке автотранспорта и физических лиц были усилены: задействованы силы и средства 2-го батальона отдельной дивизии специального назначения Министерства обороны и территориального отдела Главного полицейского управления. Руководство работой контрольно-пропускных пунктов было поручено оперативному составу 1-го Управления Министерства безопасности.

В 20 час 52 мин на наиболее вероятное направление движения автотранспорта (блокпост № 2, старший – начальник 4 отдела 1 Управления МБ капитан Х.) вышел автомобиль *XТ № 3147*, управляемый «Вьюном», рядом с которым, по сообщениям сотрудников наружного наблюдения, находилась жена «Гончара». Других лиц в салоне автомобиля не наблюдалось. В результате несогласованности действий участников операции задержание транспортного средства и его досмотр не произведены, автомашина беспрепятственно вышла за пределы контролируемой зоны.

Поиском на местности «Гончар» не обнаружен, изучение лиц, задержанных в ходе операции, оперативно значимых результатов не принесло.

В 23 час 24 мин 12.04.83 стационарным постом наблюдения зафиксирован «Гончар», выходящий через КПП *Посольства СССР* (время захода не определено).

Докладывается в порядке отчета о результатах мероприятий, проведенных в отношении объекта разработки.

*Начальник 1 Управления Департамента
контрразведки Министерства безопасности
старший полковник _____ /Ф./*

*Начальника 4 отд. от исполнения обязанностей
отстранить. Провести расследование.*

Материалы передать в прокуратуру.

*Заместитель директора Департамента контрразведки
Министерства безопасности*

бригадный генерал _____ /Н./

Прощальный поцелуй

До отъезда оставалось четыре дня.

Нестеров и Соколов, приехавший ему на замену с двухнедельным опозданием, сидели в торгпредстве, разбираясь с «посланиями» из Москвы, обращениями местных министерств и ведомств, подборками документов по группам специалистов и прочей бумажной требухой.

Славка оказался парнем смекалистым, схватывал все на лету, так что особых проблем с ним не было. Агентура приняла его нормально, разве что в поведении «Грэга» при встрече с Вячеславом Нестеров почувствовал напряжение, но сам Соколов ничего не заметил. Он как-то мало обращал внимания на тонкости и нюансы. Хорошо это или плохо, трудно сказать, все люди разные, но к «Грэгу», как полагал Сергей, нужен подход более тонкий. Хотя ничего не поделаешь, свою голову другому не поставишь. К тому же сложно было объяснять что-либо Соколову, слишком разными они были во всем: Сергей гуманитарий, поэт и забияка, Славка технарь и счетовод, порою скучный и занудливый. У Нестерова за плечами – Вышка, работа в контрразведке, разведшкола и почти законченная командировка, а у сменщика – голая теория, разведывательный спецкурс на три года, английский язык и все. Однако держался Соколов молодцом, нос не вешал, вел себя смело, даже с бравадой. Наблюдая за

ним в разных ситуациях и положениях, Нестеров решил, что таким образом у Вячеслава срабатывает защитная реакция на абсолютно новую обстановку и окружение. Как бы то ни было, за дело Соколов взялся весьма энергично.

– Разрешите? – в дверь заглянул Ринат Ромашкин, водитель геологов.

– Заходи, у нас особых секретов нет. Так, разве что по мелочи, – приглашая, Нестеров махнул рукой. В свое время он здорово помог Ринату, которого местная полиция хотела сделать виновником произошедшей аварии. Ромашкин чувствовал себя обязанным Сергею, к тому же оказался надежным во всех отношениях человеком, и Нестеров с Крапивинным, не доверяя местным средствам связи, использовали его при выполнении разного рода деликатных поручений.

– Какие проблемы? Опять на кого-нибудь наехал?

– Вы что, Сергей Владимирович! Ни, боже мой! – с испугом вскрикнул Ромашкин и, если б не был настоящим татарином, перекрестился бы. – Иван Калинович просил вас приехать.

– Чего это на ночь глядя? До завтра нельзя подождать?

– Не знаю, он меня специально послал. Сказал: «Если у Сергея Владимировича машина не в порядке, на нашей приедешь».

– Даже так? Интересно... – без всякого энтузиазма протянул Нестеров. – Ладно. Мы сейчас закончим, и я подтянусь. Когда дверь за Ромашкиным закрылась, включился Вяче-

слав.

– Сергей, мне с тобой?

– Нет, Слав. Оставайся здесь, завтра в министерство поедем, знакомиться будем с будущим твоим другом-товарищем. Готовься лучше к свиданию, переписку почитай...

И Нестеров доброжелательно улыбнулся. Но Соколова слепили из другого теста. Все эти фигли-мигли, дипломатичные примочки его совершенно не заботили. Он прекрасно помнил из материалов Центра, что Крапивин много раз работал по заданиям Нестерова и сообщал ему информацию, получавшую очень высокую оценку аналитической службы. Почему же тогда, гадал Соколов, Нестеров не знакомит его с нужным для дела человеком?

– Извини, Сереж. Я думаю, мое присутствие не помешает. Ты все равно передашь его мне на связь. Правильно? Так, чего тянуть?

«Что ж ты такой настырный, Соколов? – Не отвечая и делая вид, что собирает документы, разложенные на столе, думал Нестеров. – Хочешь на чужом горбу в рай въехать? И то тебе дай, и это принеси. Все-таки совесть надо иметь, дорогой».

– Слава, между нами, девочками, должен сказать, что Крапивин не испытывает никакого желания знакомиться с тобой или с кем-то другим из нашей конторы.

– Это как? – Соколов в недоумении поднял брови.

– А вот так! Он не агент, подписки не давал, обязательств

перед нами не имеет. Захочет – сообщит информацию, не захочет – ничего не получишь. Теперь, надеюсь, понятно?

– Не совсем... А если надавить? Мы же, в случае чего, и в Союз отправить можем...

– Не без того, конечно. Только плохая это метода, не с того начинаешь, Слава. Так, дорогой, много не наработаешь. Разок попробуешь, потом от тебя, как от чумного, шарахаться будут. Здесь, что в деревне, все и всё друг о друге знают. А что касается Калиныча, не советую на него давить. Давилка треснет и рассыплется.

Много Нестеров объяснять не стал. Пусть Славик подумает, поразмышляет. Может, поймет что. Мужик вроде не плохой, правильный. А опыт – дело наживное.

Нестеров вышел во двор, сел в свой джип. Ехать, честно говоря, не хотелось. Планы на вечер были совершенно другие, но Калиныч просто так волну гнать не будет, не тот случай. Тем более с учетом отношений, которые сложились между ними за последние два года.

Когда Крапивин приехал, Нестерову он не приглянулся. Небольшого росточка, пузатенький, ножки кривенькие, жесткий седой волос мелкими кольцами, нос крючком, глазки маленькие, сверлышками, характер – полная дрянь. Абсолютно нетерпим к руководству собой и вверенным ему коллективом. Атаман казацкой вольницы, и только. Жена, правда, красавица, но это к делу не пришьешь. Хотя, глядя на них, всякий поневоле гадал: как такой сморчок эдакую ца-

ревну отхватил, да еще и властвует над ней? Значит, что-то в нем все-таки есть...

С почтой, которая пришла одновременно с Крапивиним, Сергей получил весточку от министерского кадровика и узнал, что Иван Калинович пятнадцать лет проработал начальником партий в геологоразведке. Грамот и всяких поощрений – море, даже орденом наградили. За заслуги, учитывая полевой стаж, оставили в Главке и дали квартиру в Москве. Но отношения с руководством не заладились – слишком ершистым оказался. Тогда, чтоб отделаться, перевели с повышением в министерство. Он и там, через месяц на одном из совещаний во всеуслышание заявил, что предлагаемые решения задач, проработанные и одобренные, между прочим, свыше, абсолютно не согласуются с реальными условиями работы геолого-разведывательных партий, и будут иметь негативные последствия для развития тяжелой промышленности и энергетики страны. Да еще, гад несусветный, доказал все сказанное на конкретных примерах. Пришлось министерским деятелям снимать вопрос с рассмотрения как недостаточно подготовленный, вносить коррективы, а самого Крапивина срочно оформлять в длительную заграничную командировку, дабы сохранить монолитность и единство в рядах руководящего состава. Так он и оказался под чутким руководством Нестерова.

Поначалу Сергей и Калиныч общего языка не нашли. Уже на первой рабочей встрече столкнулись так, что искры во все

стороны разлетелись. Но работать все равно надо: без согласующей подписи Нестерова ни один отчет, схема, чертеж в Москву не уходили. Поначалу Крапивин, скрепя сердце, ходил к нему, даже не думая, хоть для приличия, скрывать свое негативное отношение. Но, спустя небольшое время, изменился: исчезла напряженность, скованность и, наоборот, появились вальяжность и снисходительность. Причины такой трансформации, хорошенько подумав, Нестеров нашел. Не сразу, конечно, но нашел: он же «вслепую», не морочась, ставил свою подпись на документах, которые готовил Крапивин. А тот, вероятнее всего, без зазрения совести пользовался этим. Нестеров, не зная и не понимая специфики производства, не представлял, что именно начальник экспедиции гнал в Москву в качестве отчетов о проделанной работе.

Тогда Сергей засел за учебники и справочники, выписанные из Москвы, чтобы понимать хоть азы того, чем занимается экспедиция. Поехал на точки, проводившие изыскания, вставал за рычаги буровых установок, и постепенно стал для геологов если не своим в доску, то, по крайней мере, не бумажным червем или сторонним контролером.

Упорство и труд – все перетрут. Спустя время Нестеров нашел в отчете Крапивина сомнительное место, о чем, после тщательного изучения бумаг, и заявил ему с внутренней дрожью, поскольку ошибка со стороны дилетанта, каким он себя справедливо считал, не исключалась.

Иван Калинович выслушал, посмотрел на него вниматель-

но и пригласил вечером в баню, которую они построили и оборудовали у себя на базе. Отказываться нельзя – приглашение на переговоры, как-никак. Парились знатно, с березовыми вениками, привезенными из Союза, а потом, как водится, в простынях и войлочных колпаках сели за стол, заставленный бутылками и закуской. Здесь-то и развернулось главное действо.

После первой пол-литровой емкости Крапивин признался, что не ожидал такой прыти от Нестерова, и стал объяснять, почему в отчете появилась натяжка, не первая и не последняя, вынужденная и допустимая, не влияющая, в целом, на общую оценку результатов геологоразведки. Оказалось, другого выхода просто не было. Министерским оглоедам, готовившим контракт, головы надо бы пооткручивать, потому что нет у экспедиции таких сил и средств, чтобы выполнить объем работ, указанный в контракте! От этого и приходится кое-где приписывать, но без наглости, по мелочи, не искажая общей картины.

– А ты борец, Сергей Владимирович. Не возражаешь, что на «ты»? Вот и славно... Не думал я, что дойдешь до такого, – говорил Крапивин, разливая водку по стопкам из второй бутылки. – Ты же специалист по другим делам: так сказать, тайная канцелярия его Величества! – Заметив, как напрягся Нестеров, Калиныч успокоил: – Не дергайся, Сергей Владимирович! Враги нас не слышат, это я тебе гарантирую, а в отношении тебя знающие люди меня еще в Москве про-

светили.

Он налил еще по одной.

– Честно скажу: не люблю я вашего брата, – голос его за-твердел. – Вы наш сибирский род Крапивиных здорово про-редили. Батю моего после восьми лет лагерей только в пять-десят шестом реабилитировали. Он всего полгода после и прожил, царство ему небесное...

Глядя на Нестерова злыми глазками-буравчиками, Кра-пивин в одиночку опрокинул стопарь и, не закусывая, вы-дохнул воздух в кулак.

– В экспедициях, когда ходил, ваши тоже подкатывались. Но разговор не получался. И знаешь почему? – Он весело улыбнулся, будто вспомнил что-то забавное. – Я тебе лучше анекдот расскажу, быстрее поймешь. – Иван Калиныч опять взялся за бутылку. – Но наперед врежем по маленькой. Так сказать, для настроения и восприятия.

Бросив в рот кусок малосолевого огурчика и подбоченив-шись в простыне, Крапивин начал повествование:

– Поехала по линии профсоюзов делегация наших шах-теров во Францию. Разместили их в Париже в приличном отеле, и вдруг на второй день после экскурсии в Лувр исчез один наш мужик. Искали в гостинице, в музее, нигде нет... – Заметив, что Сергей из вежливости не ест и слушает, рас-сказчик отвлекся: – Ты не стесняйся, закусывай, помидор-чик маринованный возьми, салыце, – и без перехода продол-жил. – Искали мужика, искали, посольство подключили, и

ни хрена, ясен перец, не нашли. Ничего понять не могут, не диссидент же какой-нибудь, чтоб в невозвращенцы превращаться, рабочая кость все-таки. Но делать нечего, программу менять не будешь, поехали по стране, надо же крепить, ядрена рашпиль, пролетарскую солидарность с французскими шахтерами. Короче, покатали наших и через неделю опять привезли в Париж, а на следующее утро – в аэропорт. Прошли все формальности, сидят товарищи шахтеры в самолете и вдруг смотрят: прямо к трапу подъезжает белый кабриолет, за рулем блондинка вот с такими формами... – встав и потеряв при этом простынь, голый Крапивин обозначил верхние и нижние объемы руками. – А рядом их друг – беглец. Аэродромная обслуга в секунду вытащила из машины два здоровущих чемодана из крокодиловой кожи и без всякой таможни загрузила их в багажное отделение. Блондинка в расстроенных чувствах, плачет, целует нашего Ваню взасос, всем своим пышным телом прижимается, оторваться не может. Еле разлучили. В шикарном костюме поднимается он по трапу, заходит в самолет, садится на свободное место, оглядывается с довольной улыбкой и спрашивает: «Ну, как съездили? Понравилось?» – «Мы-то нормально. Сам-то как?» – «Во!» – показывает большой палец. «Ваня, что ж ты натворил, голова садовая? Знаешь, что они с тобой теперь сделают?» – «А что они могут сделать? – отвечает Ваня. – Я и так в Воркуте в вечной мерзлоте в самой глубокой шахте с отбойным молотком работаю».

Отметив нормальную реакцию Нестерова, покотившегося от смеха, Крапивин разлил еще по одной.

– Вот и я, Владимирыч, как тот Ваня. Что мне товарищи чекисты сделать могут? Я и так по тайге комаров кормлю. – Взяв в лапищу казавшийся маленьким стаканчик, Калиныч по-доброму улыбнулся. – Давай, мужик, поехали. За уважение!

Посидели они хорошо, да и в другие разы было не хуже. Стали встречаться довольно часто, жен познакомили, и где работа, а где времяпровождение – разобрать было трудно. Но главное – в другом. С помощью Калиныча Нестерову удавалось решать такие задачи, что другим и не снились. Перед Крапивиным открывались многие двери, вплоть до канцелярии премьер-министра, и он так умел задать вопросы, что не ответить было невежливо. Заподозрить его в связях с разведкой спецслужбы не могли: Калиныч – профессионал высочайшего класса, ненавидящий административную узду! Это было известно всем, в том числе иностранцам.

Но была в их отношениях одна тонкость. Крапивин сразу предупредил Нестерова: помогать будет только ему, никого больше ни под каким предлогом признавать не будет: «Ты из меня, Владимирыч, агента или какого другого кента не делай. Не тот случай. Всех пошлю к ядрене фене, вплоть до министра твоего. Пусть лучше не подходят»...

Так что в картину «Нестеров и Крапивин на отдыхе и в поле» Соколов никак не вписывался. А и впрямь: не все ж

Славе масленица, что-то и самому сделать надо.

На базу к геологам Нестеров приехал около восьми. Было уже темно. На площадке под фонарями и прожектором геологи со строителями с остервенением рубились в волейбол. Калиныч ждал на скамейке болельщиков. Увидев Сергея, встал, и они пошли, прогуливаясь.

– Привет, Владимирыч. Извини, что не приглашаю в апартаменты, на воздухе полезней будет, сам понимаешь.

Крапивин был трезвым и хмурым.

– Сергей, не сердись особо, что я тебя сдернул, но сам же просил: если что будет нового по этому деятелю из министерства, сразу сообщать. Плюс ты уже на чемоданах, а с Соколовым твоим у меня желания общаться нет, тем более на щекотливые темы. Вы уж там сами между собой разбирайтесь. Ты мою позицию знаешь, и изменений здесь нет и быть не может...

– Калиныч, может, ближе к делу? Что крутишь туда-сюда?

– Так тема, честно говоря, скользкая. Не знаю, обрадую тебя иль наоборот...

Нестеров не выдержал.

– Крапивин, прошу, не юли. Я не дама на свидании, чтоб разбираться: нравится, не нравится.

– Как скажете, товарищ Нестеров.

Калиныч замолчал, собираясь с мыслями и пытаясь не упустить детали того, о чем хотел сказать.

– Ты, наверное, с месяц назад просил меня присмотреть

за этим субъектом... Извини, что я так его, но он мне сразу не понравился... – Крапивин потер ладонью небритый подбородок. – Хотя, нет, больше чем месяц... Мы, значит, и так, и эдак пытались хоть что-нибудь о нем узнать – не получалось. Может, потому, кстати, что, по твоей же просьбе, все аккуратно делали, не в лоб, как говорится. Хотя, ясен пень, дело-то в другом...

Иван Калинович, взяв Нестерова за локоть, сократил дистанцию.

– Четыре дня назад наш Ринат увидел его выходящим с каким-то мужчиной из их министерства безопасности. Говорили между собой мирно, по-доброму, как старые знакомые. Я хотел тебе сразу рассказать, но потом подумал: в жизни всякое бывает, а вдруг их туда вызывали за чем-то, он же все время с иностранцами работает. И тут я вспомнил, что в группу Феоктистова отсюда из центра недавно сослали переводчика. Я перед отъездом поговорил с ним по человечески, подарил кое-чего, денег дал немного: неплохой мальчишка оказался, к нам хорошо относится. Так вот, он признался, что, как и другие, работающие с иностранцами, связан с офицерами контрразведки и посылают его к черту на кулички за плохую работу как раз по этой линии. Чего-то он там им мало дает. Стучал на нас, полагаю, плохо, – Калиныч кашлянул в кулак, подумав, что сморозил что-то не то. – К Феоктистову мы как раз отправляли оборудование, я ему с оказией писульку и бросил, пусть поинтересуется, может,

знает твоего деятеля. Министерство-то одно. А два часа назад Гена сам приехал, желудок у него прихватило не на шутку, врачу надо показаться. Он-то мне и открыл про твоего чиновника, язви его в душу. Феокистов сейчас спит, дорога тяжелая и желудок измучил, пусть отдыхает, не будем тревожить. Лучше я сам... А ты, если нужно, Гену потом расспросишь.

Они, развернувшись, пошли в обратную сторону.

– Извини, Владимирыч, я в твоих делах мало понимаю. Только стукнуло мне в голову, что чем раньше ты правду узнаешь, тем лучше. – Внезапно Калиныч остановился. – Пардон, секундное дело...

Нагнувшись, он завязал болтавшийся шнурок.

– Так вот. Оказалось, что парнишка, переводчик, его прекрасно знает. Министерский твой кадр – на самом деле офицер госбезопасности из контрразведки в звании старшего лейтенанта. Причем работает давно, его взяли еще до направления на учебу в Союз. Он, как вернулся, так его в министерство и посадили. А наш паренек у него в подручных. Он ему и задания давал, и отчеты спрашивал, и в провинцию из столицы сослал. Знаешь, за что? Мало материалов давал на тебя. Парень чуть ли не каждый день должен был отписываться по тебе, а у него не получалось. Я ж говорил: стучал плохо...

Они остановились недалеко от входа в основное здание экспедиции, где на втором этаже жили Крапивины.

– Вот такая, брат, диспозиция. Зря, наверное, я тебя сдержнул...

– Все нормально, Калиныч. Все правильно, – в задумчивости сказал Сергей. – Спасибо тебе, дорогой... А ты чего насуспенный?

– А-а, – Крапивин обреченно махнул рукой. – Настя дурит, ревнует...

– К кому?

– Да картограф приехала новенькая...

– Черненькая такая, симпатичная?

– Точно. А ты что, запомнил?

– Не без того.

– Может, зайдешь, Владимирыч? Сгладишь...

– Извини, ехать надо, – теперь уже озабоченным был Нестеров. – Пить все равно нельзя, а так – как вас помиришь, на трезвую голову? Вдохновения нет. Давайте уж сами, ладно?

Они ударили по рукам, и Сергей, переваривая свалившуюся на него информацию, пошел к машине.

Из дома напротив, огибая волейбольную площадку, вышла и направилась в его сторону Тома Кравченко.

«Только тебя не хватало...» – подумал Нестеров. Однако деваться было некуда, не бежать же от нее.

– Добрый вечер, Сережа. – Они встретились в двух шагах от машины. – Извини, пожалуйста, я не задержу надолго...

Она вглядывалась в его лицо, будто хотела запомнить каж-

дую черточку.

– Я знаю, вы уезжаете... – руки нервно комкали платок, и она спрятала их за спину. – Хотела в торгпредство приехать, но не решилась, неловко как-то. А сейчас посмотрела в окно, вижу: вы с Крапивинным ходите, обсуждаете что-то...

– Тамар, извини, мне ехать надо...

– Да-да. Конечно, я уже все... – она, сделав полшага, оказалась совсем близко. – Прости, Сереженька. Я не думала, что так получится...

– Да что получится? Ничего и не могло получиться! Я устал тебе объяснять...

– Да, да, конечно... – она хотела сказать и боялась не успеть. – Знаешь, что бы ни произошло в моей жизни, я никогда тебя не забуду, Сереженька, никогда...

Тихо заплакав, Тома опустила голову.

– Ну, что ты, не надо, – пытаюсь успокоить, Сергей положил ей руку на плечо, и она тут же уткнулась лицом ему в грудь. Как поступить в этой абсолютно дурацкой, с его точки зрения, ситуации, он не знал. Тем более разговор происходил у всех на глазах. Даже в волейбол играть перестали, минутный перерыв объявили.

Нестеров взял ее за плечи и отстранил от себя.

– Тамар, это ты прости. Не знаю, как это произошло и что тебе дало надежду считать, будто у нас есть будущее. Мне надо было сразу все расставить по своим местам, и я клянусь себя последними словами, что не сделал этого в самом на-

чале... Не расстраивайся, прошу тебя. Перед такой красавицей, как ты, мужики ковром будут стелиться. Найдешь свое счастье, никуда оно не денется.

– Ты говоришь, как твоя жена. Слово в слово, – она улыбнулась сквозь слезы. – Прости, не буду тебя больше задерживать. Можно на прощание? – Тамара, обняла его за шею, коротко и нежно поцеловала в губы. – Все. Счастья тебе, Сережа.

Взволнованный Нестеров прыгнул в машину и, развернувшись, выехал с базы.

«Что делать? Что делать? – стучало в голове. – Как всегда, все сразу и в одну корзину... Тома, «Лекарь», оказавшийся офицером контрразведки... Бог с ней, с женщиной. Разберется сама, не маленькая. Друг сердечный – вот где загвоздка...»

Сергей по привычке последних лет делал сразу несколько дел: крутил баранку, контролировал отсутствие или присутствие наблюдения за ним и приводил свои мысли в порядок.

«Завтра с утра встречаемся с «Лекарем» в министерстве. Договоренность недельной давности, никуда не денешься. Я обещал ему с заменой познакомить. Правда, кто будет со мной, он не знает... Теперь же все пошло к чертям собачьим! – Нестеров, вытащив сигареты, закурил. – Обидно, конечно, но ничего не поделаешь. Вопрос, как говорится, обсуждению не подлежит. “Лекарь” без всяких сомнений – работа контрразведки. Тут и к бабке ходить не надо. Я же сам к

нему пришел. Им трудиться особенно не надо было. Понятно теперь, почему информация шла как по маслу. Без сучка и задоринки, хоть и с небольшой задержкой... Завлекали нас, друзья заклятые. Считай, почти удалось. Если еще преемника моего получат, вообще в шоколаде будут... А наш товарищ Соколов тоже в нетерпении. Как же: кандидата на вербовку дают! Проверенного, заверенного. Завербует, включит в сеть и дальше, трава не расти, всю командировку может ничего не делать... Мне, конечно, уже сейчас плюстик поставят, все-таки нужного человечка нашел... Ладно, хватит растекаться по дереву. Сейчас быстренько к шефу, пусть дуче сам думает, что делать. Хорошо бы еще застать его...»

Размышления сбились: за джипом, уже четвертый поворот, сменяя друг друга, шли два мотоциклиста.

Он повернул направо, на дамбу – самый короткий путь в центр города, который он использовал в крайних случаях и только днем, памятуя предупреждение Лукашева. Но теперь, казалось, дорога была каждая минута.

Мотоциклисты пропали, и на душе стало спокойней: чего хорошего, когда тебя по делу и без дела пасут, как барана? Пошла вторая половина пути по дамбе. Между туч проглянула луна, освещавшая дорогу, и он переключил свет на ближний. Ночь была душной. «Правильно все-таки сделал, что снял передние двери, – подумал Сергей. – Хоть ветерок обдувает...»

Впереди, – вероятно, на том конце перемычки, – вспых-

нули и погасли фары автомобиля. «Только б навстречу не выходил, – подумал Нестеров и прибавил в скорости. – Надо проскочить по-быстрому или, на крайний случай, долететь до места, которое Ванька показывал. Там хоть разъехаться можно. А по-другому, упрямся рогами и простоим до рассвета».

Луна вновь спряталась. Подпрыгивая на кочках и ухабах, джип шел в вязкой темноте ночи, напоминая вскидывающийся на волне катер... Неожиданно, как гром среди ясного неба, впереди взревел мощный мотор и сразу, ослепив на мгновение, вспыхнули яркие, как прожектора, огни. Встречный грузовик! Сергей засемафорил светом, засигналил, но, судя по всему, останавливаться тот не собирался, наоборот стал набирать скорость.

«Откуда?» – пронеслось в голове, и сердце заколотилось в предчувствии недоброго. Нестеров до боли сжал зубы. Внутри все окаменело, и он превратился в механизм, стал частью своей машины. Грузовик гнал навстречу, расстояние неумолимо сокращалось, но и Ванькина «гавань» где-то рядом, кричало все внутри... Вот она! И тут же, на высокой ноте, фальцетом завизжали тормоза, и джип потащило юзом. Он вывернул руль вправо, потом резко взял влево, нога пыталась утопить педаль тормоза в пол, но машину неуправляемой силой несло вбок и вперед. Он не мог ничего сделать и уже на излете ударился бампером в дерево. Джип отбросило назад, но двигатель, к счастью, не заглох. Сергей, вырубив

свет, откинулся на водительском кресле, держа вытянутые напряженные руки на баранке.

Тут же в глаза ударил яркий свет, и с грохотом, как поезд-экспресс, на расстоянии нескольких сантиметров пронесся встречный тягач. Проскочив Нестерова, он резко затормозил, и громадные колеса заскрежетали по грунтовке, подняв облако пыли. Сергей не пытался анализировать происходящее, только жилкой билось у виска: «Уходить надо, уходить!»

Снова вышла луна, немного посветлело. Не включая свет, он сдал назад и, уткнувшись задницей в стоящее дерево, вывернул руль влево, прошел метра полтора вперед. На месте, как учили, выкрутил руль до конца вправо, опять назад и тут сердце екнуло: еще чуть-чуть и рухнешь. Вспомнив всех святых, он что есть силы, на тормозе вывернул влево и до отказа выжал акселератор. Колеса с визгом начали свой бешеный бег, и с натугой, обдирая бампером дерево, машина рывком выскочила на дорогу. Сергей посмотрел в боковое зеркало. Тягач – «американец» стоял, не гася огни, нервно отработывал двигателем. Он прибавлял и сбрасывал обороты, будто решая, что ему делать дальше.

Злость, ненависть, счастье и восторг, что остался жив, смешались в гремучую смесь, и Нестеров, что есть силы, заорал в темноту:

– Что, съел, сволочь проклятая?! Убить меня хотел, да? – И уже тише, напрягая пересохшее горло, хрипло прогово-

рил: – Кишка тонка, сучонок одноразовый...

В зеркало он увидел, как зажглись фонари заднего хода, и «американец», осторожно набирая скорость, начал движение в его сторону.

– Хрен тебе на рыжую морду! – Сергей врубил полный свет и рванул вперед в посольство, пытаясь понять, что произошло: случайность, совпадение, напугать хотели? А может, все-таки убить? Не придя ни к чему определенному, минут через пятнадцать он оказался у парадного входа в главное здание посольства рядом с дежурным комендантом, философом Игорем.

– Слушай, ты же все знаешь?

– Почти. Все не знает никто, и никто не знает всего, – комендант глубокомысленно свел брови. – Чего изволите, торговый товарищ?

Последнее прозвучало двусмысленно, с подковыркой. Но в рамках допустимого, без хамства.

– Станислав Михайлович где, умник ты наш?

– Минут через пять – десять будет... Случилось чего?

– С какой стати?

– Ты на себя в зеркало давно смотрел? Рубашка, брюки мокрые. Вздрюченный, всклокоченный. Вроде, не пьяный, а глаза совершенно ненормальные. Опять же руки дрожат...

Отвечать не имело смысла, тем более что со стороны клуба на аллее показались задумчиво беседующие посол и Станислав Михайлович. Они еще о чем-то поговорили у маши-

ны, вызванной комендантом, и только когда чрезвычайный и полномочный отбыл в свою резиденцию, шеф подошел к Нестерову. Молча, окинул взглядом с ног до головы и, тяжело вздохнув, жестом предложил подняться в кабинет.

– Воды хочешь? – спросил Станислав Михайлович, как только закрылась дверь. Не дожидаясь ответа, подошел к холодильнику, достал бутылку «Боржоми». Открыл, налил стакан, посмотрел, как Сергей одним глотком осушил его, и налил еще. – Теперь говори, что случилось. Не торопись и не волнуйся, – обычным, будничным голосом произнес Станислав Михайлович.

Нестеров начал рассказывать.

– Перед самым концом рабочего дня Крапивин прислал гонца передать, чтоб я к нему обязательно приехал. Я округлил все по-быстрому: Соколова оставил в торгпредстве и в районе восьми был на базе у геологов. Разговор происходил на улице, в квартиру мы не поднимались. Крапивин рассказал, что по моей просьбе последние два месяца они пробовали навести справки по «Лекарю», но безрезультатно. И это притом, что у начальника экспедиции и его людей хорошие, доверительные отношения с местными специалистами, а наш объект заинтересованности далеко не последняя и не рядовая фигура в Министерстве геологии... – В горле пересохло, и Нестеров допил оставшийся в стакане «Боржоми». – Четыре дня назад шофер экспедиции Ромашкин видел «Лекаря» выходящим из министерства безопасности

вместе с каким-то человеком. По манере поведения водитель определил, что разговор носил дружеский характер, напряжения никакого не было. Ему показалось, что для «Лекаря» визит в министерство безопасности – обычное дело. Но только на этом основании Крапивин не стал делать никаких предположений и посчитал преждевременным информировать меня по данному факту. Он поступил по-другому...

Станислав Михайлович внимательно слушал, находясь в привычной для себя позе: скрестив руки на груди и откинувшись на спинку стула. А Нестеров по мере рассказа все больше успокаивался.

– Крапивин по случаю прикормил переводчика экспедиции, молодого парнишку, в прошлом году окончившего педагогический институт. Тот, оказавшись в опале, его из столицы отправили в глубокую провинцию, рассказал руководителю группы наших специалистов, что на самом деле «Лекарь» – офицер госбезопасности. Его еще до направления на учебу в Союз зачислили в кадры, а как вернулся, посадили под «крышу» в министерство. По всей вероятности, на связи у него несколько таких ребят, как наш переводчик. А этот оказался в ссылке, поскольку не выполнил задания по сбору информации на мою персону, в чем он сам признался.

Сергей вздохнул. Ему вспомнились детали, особенности в поведении «Лекаря», которые не опишешь и не вставишь ни в какой отчет. Но именно они настораживали. Опять же никуда не денешь ту легкость, с которой чиновник шел

на предоставление пусть не всегда секретной, но закрытой, не подлежащей разглашению информации. За такие штучки его не то, что с работы могут выгнать – в тюрьму засадят, как нечего делать. В этой стране – повесят – не расстроятся... И какие сведения давал, собака! Комар носа не подточит! Все взвешено, точно! Десять раз перепроверяли, и сходилось тютелька в тютельку.

А Станислав Михайлович, слушая Нестерова, наблюдая за ним, думал о своем.

«Что ж ты неугомонный такой, Сергей Владимирович? Никак не успокоишься. Копаешь, копаешь... А кому это надо, твое копание? Всем было хорошо – и тебе, в первую очередь. А теперь что? Перспективной разработки нет, у тебя прочерк в отчете и неясные перспективы на будущее, а в Центре и в резидентуре головная боль на предмет других подстав... Может, передумаешь, пока не поздно?»

– Считаешь, этих данных хватает, чтобы поставить на «Лекаре» крест? – начал Станислав Михайлович.

– Разве этого мало? Нужно еще что-то?

– А что у тебя есть? – резидент, разомкнув руки, подал корпус вперед. – Видели у здания МГБ, обиженный мальчишка наговорил... И все? А против таких данных есть и другие: проверка, сделанная Центром по месту учебы и не давшая отрицательных для нас результатов, а также сведения, не подлежащие сомнению и использованные в нескольких шифртелеграммах. Что скажешь на это?

– Информация потому и достоверна, чтоб нас не спугнуть. – Сергей не собирался без борьбы менять свое мнение, но и внутренние ощущения, как доказательство, не хотел использовать, хорошо понимая, что для резидента это не аргумент. – Проверка в Союзе? Я сам их десятками проводил, и часто чисто формально. Пишешь на обороте запроса: «Компрометирующими данными не располагаем, факт обучения подтверждаем», и все. Так что работа Центра – не истина в последней инстанции.

Нестеров придвинулся к столу, и они оказались лицом к лицу.

– В любом случае, Станислав Михайлович, свои подозрения считаю обоснованными, изложу их в отчете, и говорят они, по-моему, против участия Соколова в завтрашней встрече. Да и мне самому ехать туда вряд ли целесообразно.

– Последнее не принимается, – Станислав Михайлович стал жестким. – Соколов пусть остается. Если есть подозрения, что имеем дело с подставой, рисковать не будем, первая командировка у человека, светить зря не будем. Что касается тебя – ехать обязательно! – Он пристукнул ладонью по столу. – Во-первых, подозрения остаются подозрениями, а во-вторых, не надо резко рвать отношения, даже если ты прав. Пусть думают, что на него еще выйдет наш сотрудник. Может, в дальнейшем так и будет сделано, и мы еще свою игру сыграем.

Он посмотрел на Нестерова и, видимо, решил подвести

черту в затянувшемся на ночь глядя разговоре.

– По «Лекарю» отпишись завтра, потом времени не будет. Сплошные отвальные пойдут. Теперь, надеюсь, все?

– Не все.

Резидент опять откинулся на спинку стула, скрестив на груди руки. Лицо, как всегда, было непроницаемым. Хотя на самом деле, была б его воля, послал бы этого Нестерова далеко и надолго: чемоданы собирать и к беседам с руководством в Москве готовиться. Да чего же все-таки непредсказуемый парень!

– Есть вторая часть событий, не связанных с «Лекарем», – начал Сергей и остановился, поскольку в душу полезли сомнения в категоричности своего высказывания.

– Давай, чего смолк? – Станислав Михайлович был готов, как ему казалось, ко всему.

– Я выехал с базы без чего-то девять, покрутился немного по поселку, смотрю: за мной два мотоциклиста один поворот делают, второй, третий. Ну, думаю, наружка. Может, решили, что на встречу еду, может еще что, не знаю, не буду судить. Но как только я свернул к дамбе...

– Которая за гостиницей? – перебил резидент.

– Точно, – ответил Нестеров, удивившись познаниям шефа. – Они пропали в момент, растворились, и я погнал коротким путем.

– Так на дамбе, как мне докладывали, ни освещения, ни разъездов...

– Зато через пятнадцать минут – в центре города... – Нестеров встал, возбуждение снова охватило его. – Оставалось всего ничего, и вдруг на меня из темноты вылетает здоровенный грузовик...

– Он что, из ниоткуда взялся? Как он мог двигаться в темноте? Фары, подфарники, какой-нибудь свет должен был быть? Ты, в конце концов, должен был его высветить?

– Такое впечатление, Станислав Михайлович, что он стоял и ждал меня.

– Опять впечатления и предчувствия...

Нестеров был готов к сходному восприятию, потому и продолжил рассказывать, не обращая внимание на реакцию шефа.

– Вы правы, перед этим был свет фар, но достаточно далеко, скорее всего, до выезда на дамбу. Я еще, помню, подумал: надо поскорей проскочить, пока не выйдут навстречу. Потом успокоился. Ничего настораживающего не было. Шел с ближним светом – и вдруг в темноте сразу на больших оборотах завелся двигатель.

Резидент хоть и сидел с ничего не говорящим выражением лица, на самом деле не переставал удивляться таланту Нестерова в лицах описывать происходящие с ним события.

– Потом, как прожектор, ударили фары, я даже понять не мог, сколько до этого мастодонта метров... Он прет, как танк! И тут, к счастью, рядом разрыв в посадках деревьев и площадка бетонированная. Мне ее Лукашов показывал. Я по

тормозам, остановился, свет вырубил, и через какие-то секунды тягач – «американец» на дикой скорости, на расстоянии ладони – хренак!! – Сергей рассказывал, активно помогая себе жестами. – Проскочил – и по тормозам. Как будто не понял, что произошло: была машина, и нету. И удара тоже не было. Чувствую, уходить надо; я со второй или с третьей попытки еле выбрался оттуда, чуть в дамбу не слетел. Только дух перевел, а он, собака, задом начал сдавать. Опять, наверное, уделать меня хотел. Я ждать не стал, по газам и вперед...

Наступила пауза.

– И что ты, Сергей Владимирович, об этом думаешь? – Прервал молчание резидент.

– Не знаю, Станислав Михайлович.

– Не знаешь или не хочешь говорить, что думаешь?

Станислав Михайлович понял, что попал в точку.

– Не скажешь сегодня – скажешь завтра или еще когда, неважно. Главное, что твое признание может прозвучать совсем не в том месте и не в то время. А чтобы этого не произошло, и ты не подставил себя и меня, придется сыграть с тобой в угадайку. Не возражаешь?

Нестеров промолчал, но это и был знак согласия.

– Так вот, Сергей Владимирович. Ты наверняка думаешь, что в происшедшем нет никакой случайности. Так, по твоему разумению, местная контрразведка хотела «отблагодарить» тебя за все, что ты сделал на ее территории. Правильно?

Сергей кивнул.

– Отлично... А ты не подумал, зачем им убивать тебя или калечить, если завтра ты должен живым и здоровым на блюдечке с каемочкой принести им свою замену? А? Чего молчишь?

И резидент стал давить дальше.

– В героя играл? Зачем на таран шел? Слава летчиков Второй мировой покоя не дает? – Станислав Михайлович говорил уже на повышенных тонах. – Остановил бы джип, вылез, встал себе спокойно за дерево, а он пусть твой транспорт колотит, если дури невпроворот. Мы бы по линии МИДа представление сделали на возмещение нанесенного ущерба... Опять же себе бы морду расколошматил «американец» – тоже неплохо.

Логика в словах шефа казалась железной. По крайней мере, Сергей, как ни старался, не мог найти ответы на его вопросы.

Резидент перешел на доверительный тон.

– Ты, Нестеров, не вздумай описывать всю эту трехамудию в бумагах. Не поймут, поверь мне на слово. Еще на комиссию направят, психику проверить. Это я здесь и сейчас понимаю, что тебе пришлось пережить. А в Центре тебя не поймут. Под микроскопом хладнокровно будут рассматривать каждую мелочь. Так что «Лекаря» малюй себе на здоровье, как хочешь, а эту тему не трогай. Договорились?

Станислав Михайлович даже думать не хотел, какая ката-

васия начнется, если направить в Центр информацию о попытке местных спецслужб устранить одного из сотрудников резидентуры. Сколько бумаги и нервов придется испортить, и ради чего?

Сергей же настолько устал, что возражать не было ни сил, ни желания.

– Вот и хорошо. Езжай домой, отдохни... – Станислав Михайлович вышел из-за стола, давая понять, что разговор закончен. – Тебе надо в себя прийти, Сергей Владимирович, вечер был не из легких... Давай, давай! Домой, к супруге под бочок, – он шутливо, но настойчиво выпроводил его за дверь.

Нестеров спускался по ступенькам посольской лестницы, понимая, что прав, наверное, шеф, логически разложив все его действия по полочкам. С другой стороны, разве он, Нестеров, может забыть, что пережил там на дамбе? Почему, откуда у него уверенность в не случайности происшедшего? Интуиция? И к какому документу пришьешь это чувство? К заключению психиатра?

Сергей плюхнулся в джип, посидел без движения, включил зажигание и, тронувшись, произнес: «Спокойной ночи, Станислав Михайлович! Спасибо, как говорится, за любовь и ласку».

Почти на автомате он въехал в ворота пока еще своего торгпредского дома, в котором за четыре с половиной года состав обновился процентов на девяносто. Место Татьяны с

Наташкой, известных интриганок, заняли Ленка с Раисой, и все их отличие от мощных грудастых предшественниц заключалось в том, что были они худые, как воблы. А так, такие же сплетницы, может, еще и похлеще.

«Круговорот воды в природе... – подумал Сергей. – Но это уже не моя, а Славкина история. Через недельку он сюда переедет. А мы с Любашей – в Москву, к детям. На работе, конечно, пилить будут, могут обратно в контрразведку отправить... Хрен с ними! Где наша не пропадала?»

За дверью, по привычке что-то напевая, Люба, наверное, собирала вещи, и он решил не рассказывать ей всего, что сегодня произошло. Зачем тревожить любимую душу? Она и так с ним столько пережила, не дай бог другим. Потом в Москве расскажет, может быть.

Домой надо, домой...

Из переписки с Центром

Совершенно секретно

Экз. № 1

Тов. Мишину

Характеристика тов. Норда

Тов. Норд находился в длительной заграничной командировке с декабря 1978 года по май 1983 года под прикрытием *старшего инженера Торгового представительства СССР*.

Активно включился в работу.

Восстановил связь с агентами из числа местных граждан «Грэг» и «Филин». Используя возможности учреждения прикрытия, приступил к установлению контактов в министерствах и ведомствах страны пребывания.

Работу с источниками информации строил правильно. Значительное внимание уделял вопросам конспирации, а также отработке заданий по получению интересующих нас сведений. За период работы с «Грэгом» и «Филином» по инициативе тов. Норда проводилась проверка указанных источников с использованием агентурных и технических возможностей. Настораживающих моментов не выявлено.

Для освещения процессов, происходящих в среде специа-

листов, командированных в страну пребывания, осуществил вербовку пяти советских граждан, установил доверительные отношения с шестью представителями той же категории лиц. Принимал участие в контрразведывательном обеспечении совколонии, результаты положительные (при участии тов. Норда предотвращена попытка вербовочного подхода местных спецслужб к заместителю руководителя группы советских специалистов *Громову А. В.*).

На основе сведений, полученных тов. Нордом от агентуры и доверенных лиц из числа советских и иностранных граждан, подготовлен ряд самостоятельных сообщений, направленных в Центр и реализованных при информировании Инстанций. Остальные полученные данные использовались в обобщенной форме. Более продуктивной работе тов. Норда мешала недостаточность надежных источников информации в правительственных структурах и бизнес-сообществе страны пребывания.

За период работы велось изучение шести объектов оперативной заинтересованности из числа местных граждан, однако конкретных результатов в вербовочной работе добиться не удалось.

По характеру веселый, жизнерадостный, доброжелательный, легко входит в контакт и развивает отношения. Обладает быстрой реакцией на изменения обстановки, отзывчив, всегда готов к оказанию помощи окружающим.

Отношения с сотрудниками резидентуры и учреждения

прикрытия строил правильно. Принимал активное участие в общественной, культурной и спортивной жизни совколонии. Нарушений норм и правил поведения советских граждан за рубежом не допускал. Отношения в семье нормальные, ссор и инцидентов не отмечено.

Жена тов. Норда зарекомендовала себя с положительной стороны. Принимала участие в операциях по связям с агентурой из числа местных граждан, оказывала содействие в работе супруга. Активно участвовала в культурной жизни совколонии.

В командировке находились без детей (сын откомандирован по состоянию здоровья весной 1979 года).

Фадеев

24.05.83

**Из материалов
Департамента контрразведки
Министерства безопасности**

Совершенно секретно

Экз. единственный

«УТВЕРЖДАЮ»

Заместитель Директора Департамента контрразведки

Министерства безопасности

бригадный генерал _____ /N/

«24» мая 1983

Заключение

по делу оперативной разработки

№ 4/1–611 «Гончар»

4-м отделом 1-го Управления Департамента контрразвед-

ки Министерства безопасности ведется дело оперативной разработки «Гончар» (окраска – шпионаж).

Объект изучения – *Нестеров Сергей Владимирович, гражданин СССР, 1948 года рождения, старший инженер Торгового представительства СССР, въездная дата пересечения границы – 19 декабря 1978 года.*

Основаниями для взятия иностранца в разработку послужили сведения о принадлежности его к спецслужбам Советского Союза, полученные от агентуры и сотрудников Министерства безопасности, работающих под прикрытием, данные технических средств аудиоконтроля, а также материалы наружного наблюдения с анализом маршрутов движения и мест посещения объекта.

С целью выявления и нейтрализации деятельности по подрыву безопасности государства, определения объектов устремлений и источников получения разведывательной информации в феврале 1980 года утвержден план агентурно-оперативных мероприятий по разработке «Гончара».

При реализации положений данного документа через возможности Бюро стратегических операций получены данные, свидетельствующие о легендировании «Гончаром» отдельных фактов своей биографии и профессиональной деятельности, что подтверждало имевшиеся сведения о принадлежности его к спецслужбам Советского Союза.

В процессе разработки также установлено, что «Гончар», используя возможности *Торгового представительства*

ства СССР, установил контакты в Аппарате президента, Канцелярии премьер-министра, Министерстве промышленности и внешней торговли, Министерстве образования, Министерстве геологии и природных ресурсов, Министерстве энергетики и некоторых других органах власти и государственного управления. Деловые связи использовались им для решения производственных вопросов, а также получения информации, выходящей за рамки официальных служебных интересов. При достижении положительного результата на этом направлении предпринимались попытки углубления отношений и перевода их на неофициальную основу. В процессе установления и развития контакта «Гончар» последовательно и целенаправленно осуществлял сбор данных, представляющих для него интерес, выяснял сильные и слабые стороны характера своего собеседника, связи, которыми располагает последний.

Кроме того, путем постановки контрольных вопросов перепроверял полученную ранее информацию с целью определения возможной связи объекта его заинтересованности с органами безопасности. Таким образом, им были раскрыты трое из четырех агентов и сотрудников Министерства безопасности, вступивших с ним в контакт согласно отработанным заданиям.

Вместе с тем, в декабре 1982 года объект разработки инициативно вышел на сотрудника резерва 1 Управления Департамента контрразведки ст. лейтенанта Н., работающего

под прикрытием в *Министерстве геологии и природных ресурсов*. Под предлогом получения информации для будущей диссертации «Гончар» как в устной, так и в письменной форме ставил вопросы, выходящие за рамки его научных интересов. В целом отношения развивались в нужном для нас направлении. В связи с предстоящим отъездом была достигнута договоренность о знакомстве нашего сотрудника с его преемником. Однако, по неизвестным причинам, последнее реализовано не было.

В течение всего периода разработки контакты, устанавливаемые «Гончаром» в государственных учреждениях, ведомствах и коммерческих структурах, брались на контроль, в необходимых случаях проводились профилактические беседы или решался вопрос о привлечении их к сотрудничеству на негласной основе с целью использования в разработке иностранца.

Вместе с возможностями негласного аппарата в работе по иностранцу использовались также наружное наблюдение и оперативно-технические средства. Полученные материалы неоспоримо свидетельствовали о проведении «Гончаром» на территории нашей страны противоправной разведывательной деятельности, включая организацию встреч с источниками информации из числа наших сограждан на конспиративной основе.

В частности, в апреле 1983 года силами частей специального назначения Министерства обороны и оперативного

состава Министерства безопасности проводилась операция «Тайфун» с задачей пресечения враждебных действий спецслужб КНР и нейтрализации деятельности иностранных разведок на территории нашей страны.

В этой связи за определенным числом объектов оперативной заинтересованности, в том числе «Гончаром», был установлен негласный контроль.

Указанный сотрудник резидентуры *КТБ* выявил установленное за ним наружное наблюдение, однако, несмотря на данное обстоятельство, вышел на место проведения операции, в обеспечении которой были задействованы дополнительные силы и средства подразделения *советской разведки* в нашей стране.

Учитывая совокупность возникших обстоятельств, район, в котором находился «Гончар» и его предполагаемая связь, силами войсковых и оперативных подразделений Министерств обороны и безопасности был блокирован, автотранспорт, вне зависимости от ведомственной принадлежности, и физические лица, включая иностранных граждан, подлежали задержанию и проверке.

Несмотря на принятые меры, установить негласную связь «Гончара» или осуществить захват последнего с личным при проведении им конспиративной встречи не удалось, что объяснялось несогласованностью действий участников операции и допущенной преступной халатностью.

19.05.1983 объект разработки выехал в *СССР* по заверше-

нию срока пребывания.

Принимая во внимание доказательства шпионской деятельности «Гончара» (без установления источников информации из числа наших граждан) и его выезд за пределы нашего государства, ДОР № 4/1–611 предлагается закрыть и материалы дела передать в архив.

Начальник 4 отдела 1 Управления Департамента контрразведки Министерства безопасности ст. лейтенант _____/Z./	Начальник 1 Управления Департамента контрразведки Министерства безопасности старший полковник _____/F./
---	--

«Наконец-то мы дома...»

Кто-то несильно, но настойчиво тряс его за плечо, и, в конце концов, Нестеров проснулся. Вернее, очнулся. Голова гудела, как котел; во рту, кажется, целый эскадрон гусар ночевал... А все этот Самсонов, военный атташе. Сообщение, что ему дали генерала, пришло еще месяц назад, так он вплоть до своего отъезда в отпуск каждый день отмечал самое великое событие в жизни офицера, опух даже! Глазки, и без того невеликого размера, совсем сузились. Лицом стал похож на нанайца, за него бы и сошел, если б не фактура: рост под два метра и вес за сто. Настоящий генерал! Сергей давно заметил: генералы, они или здоровые, как лоси, или маленькие и толстенькие, как бобры. Хотя бывают, конечно, исключения. Но редко. А Самсоныч был из первой категории – из крупных, и перепить его было нереально. Даже выступать на равных не каждый отчаивался... Он после взлета, как бурый медведь из берлоги, выбрался из салона первого класса и нетвердой походкой пошел бродить по проходу в поисках собутыльника. Тут ему на глаза и попался Нестеров...

– Сколько сейчас? – с трудом, спросонья и с похмелья, спросил Сергей стюардессу.

– Половина четвертого по Москве, – ответила она дежурной улыбкой. – Разбудите, пожалуйста, женщину рядом с ва-

ми.

Нестеров послушно повернулся к жене.

– Любаша, просыпайся. Скоро Москва.

Она потянулась, выпрямив руки и сцепив пальцы в замок.

– Господи! Кажется, и не спала совсем... Сколько сейчас времени?

– Полчетвертого. Минут через тридцать будем в Шереметьево.

Люба, стряхнув остатки сна, окончательно проснулась и оценивающе посмотрела на мужа.

– Да, Нестеров, видок у тебя, конечно, неважный. Если б я тебя у Самсонова силой не забрала, сейчас мы бы Сережу по частям собирали. Когда ж ты только утомонишься, любимый мой?

– Любаньчик, все было нормально, сидели, как люди, пока Самсон не предложил виски пивом запивать. Я как тост за доблестную Советскую Армию махнул – и все...

– Горе ты мое луковое! Нашел, с кем состязаться! Иди, умывайся, приводи себя в порядок. Может, хоть немножко на человека будешь похож.

Когда он вернулся, она сидела в кресле, глядя с отрешенным видом в потолок салона.

– Ты что? Забыла что-нибудь?

– Вот именно, забыла, – она вздохнула и, когда Нестеров опустился рядом в кресло, прошептала. – Сереж, я драгоценности Ирине не отдала.

Чтобы не слышали и не заметили соседи, сидящие рядом и впереди, она глазами показала на открытую сумку, лежащую на коленях. В глубине Нестеров увидел небольшой мешочек из плотной ткани, в котором жена хранила драгоценности. Она при нем его собирала, чтобы отдать Ире Феоктистовой, жене второго секретаря посольства, летевшей следующим рейсом. У дипломатов багаж не проверяли, а им, торгпредским, провезти любую побрякушку – целая проблема. Таможенники, сволочи, все, что свыше лимита, отбирали, вроде как в доход государства обращали. А в заветном мешочке было все, что он дарил ей за четыре с половиной года командировки по праздникам и дням рождения. Плюс – подарки нужным и просто дорогим людям: нитки жемчуга, браслеты из слоновой кости, серьги, кольца с камнями и без них, золотые и серебряные цепочки... По московским меркам, эти вещи стоили немалых денег, хотя по местным ценам обошлись не так уж и дорого: качество драгметаллов часто было сомнительное. Нестеров обалдел, когда пошел однажды в город вместе с женой по хозяйственным делам и в магазине на центральной улице ювелир с государственной лицензией, прежде чем выдать кольцо, сделанное им на заказ, спросил: «Госпожа, какую пробу будем ставить?»

– Что теперь прикажешь делать, Матрена Петровна? – приглушенным голосом на ухо своей драгоценной супруге проговорил Нестеров. – Куда мы, к едрене фене, все это денем? Хочешь таможене подарок сделать?

– Не знаю, Сереж, – сказала жена, как ребенок, потерявший свою самую любимую игрушку.

– «Не знаю, Сереж...» – передразнил он. – Ты понимаешь, во что мы вляпались? Если застукают, на работу мне такую телегу накатят – мало не покажется. О чем ты, вообще, думала? Хотя, может, и не думала вовсе или думала, да не тем местом...

– А что это ты разговариваешь со мной в таком тоне? – Нестеров услышал в голосе жены нескрываемое возмущение и понял, что перегнул палку. – Ты что себе позволяешь?

Она выпрямила спину и подняла голову.

– Не беспокойся, я все сделаю сама... – На последних словах голос ее задрожал, на глаза навернулись слезы, и, закусив нижнюю губу, она отвернулась. Теперь получалось так, что Нестеров стал виноватым, будто это он забыл отдать Ирине эти проклятые драгоценности.

Сергей хотел взять ее за локоть и повернуть к себе, но она, резко отдернув руку, ледяным тоном бросила:

– Не прикасайся ко мне!

Настроение было испорчено.

Они приземлились в Шереметьево в молчании, лишь изредка, по необходимости, обмениваясь короткими репликами. Даже на погранконтроле оказались в разных очередях. Перед Нестеровым стоял Самсонов, с трудом воспринимавший окружающую действительность. Когда подошли к границе, он сунул свой зеленый диппаспорт старшему сержанту

и встал перед ним, с трудом сдерживая нетерпение. Нестерову состояние Самсонова было понятно: всего два шага – и в зале прилета генерал попадет в объятия друзей, бойцов незримого фронта, ждущих его с водочкой и легкой закуской.

Старший сержант – пограничник, не торопясь, открыл паспорт, посмотрел на первую страницу с фотографией, потом на Самсонова. Что-то ему не понравилось. Он опять посмотрел в документ и опять на Самсонова, который, хоть и был генерал военной разведки, занервничал перед старшим сержантом погранвойск КГБ. Пограничник, не дрогнув, начал неспешно листать паспорт, изучая каждую страницу, вернулся к первой и опять стал сличать фотографию с не очень похожим оригиналом.

Наблюдая за действиями старшего сержанта, Нестеров подумал, что, если так дальше пойдет, бдительный страж границы вызовет для разбора старшего смены, и тогда ситуация затянется, а на погранконтроле работают всего два окна.

– Да он это, он! – Сергей, нарушив правила, стал у окна рядом с Самсоновым. – Виктор Степанович – военный атташе, несколько дней назад генерала получил. Сами понимаете, товарищ старший сержант...

Самсонов, как на врага народа, посмотрел на своего «заступника», заложившего его перед каким-то сержантом!

– Отойдите от окна и займите свое место, – строго сказал пограничник, еще раз взглянул на Самсонова и поставил

штамп в паспорт. Очередь вздохнула с облегчением, и дальше все пошло своим чередом. Паспорт Нестерова сержант полистал для порядка, шлепнул своей колотушкой и, отдавая, незаметно для других, подмигнул Сергею.

Невыспавшиеся, хмурые, злые пассажиры долго ждали багаж, и, когда из окна в стене начали появляться чемоданы, выяснилось, что, вдобавок ко всем несчастьям, их объединили с бомбейским рейсом, что только прибавило неразберихи и нервозности. Нестеровы стояли у ленты транспортера и, не забыв до конца предыдущей размолвки, пытались найти выход из крайне неприятной ситуации. Положение обязывало.

– Люб, может, мне в ручную кладь положим?

– Думаешь, будет лучше?

– А, почему нет? Я сейчас настроюсь, войду, так сказать, в образ и пронесу, не таких обманывали! – Сергей все еще чувствовал себя виноватым перед ней.

– Нет, Нестеров. Ничего у тебя не получится. – Она покачала головой. – Может, на работе ты и входишь в образ, а здесь не пройдет. Врать не умеешь, вот что. У тебя на лице все написано... Лучше уж я сама. Женщинам обманывать мужчин проще, нам на роду написано...

Разговаривая с Сергеем, Люба напряженно всматривалась в вереницу больших, средних и малых чемоданов, сумок, баулов, коробок, движущихся на ленте транспортера.

– Вот наш чемодан, с красной ниткой на ручке, и коробка наша! – Она схватила Сергея за рукав пиджака. – Вытаски-

вай скорей!.. Что ж ты такой неуклюжий, честное слово?!

Минут через десять, выловив свои вещи, они встали в длиннющую очередь к таможенникам, которых тоже было двое, как и пограничников. Выражение помятых и злых лиц не предвещало ничего хорошего для «буржуев», прилетевших из заграничного рая.

Нестеров по ходу движения очереди механически переставлял чемоданы и коробки ближе к столу таможенника и, наблюдая за его действиями, думал, что Люба вряд ли справиться с таким цербером. Совершенно непонятно было, как он работает и чем руководствуется, определяя своих «жертв». Одних с двумя тележками багажа пропустил свободно, а других, вроде, точно таких же, заставил открыть маленькую сумку, чтобы, взглянув на содержимое, отодвинуть ее в сторону и вызвать по телефону подкрепление...

Наконец, подошла их очередь. Нестеров, как ни старался, не мог справиться с волнением, хотя ему-то как раз переживать было не за что. Таможенник, видимо, что-то почувствовал в его поведении.

– Поставьте, пожалуйста, ручную кладь на стол.

По тону стало понятно, что он, сотрудник таможенной службы, здесь царь и бог, а все остальные, включая Нестерова, так – букашки, козявочки.

– Вещи, запрещенные к перемещению через границу или подлежащие декларированию, но не указанные вами, есть?

– Нет, нету, – Сергей почему-то покрылся потом.

Может, остатки алкоголя выходили, а может и еще что-то, нервное?

– Откройте сумку.

Нестеров потянул молнию – и взгляду контролера предстали рубашки, носки, платки и прочие тряпки, в которые Люба завернула китайский фарфоровый чайный сервиз, купленный на рынке на новогодней распродаже.

– Показывайте, что там у вас.

В голосе таможенника звучала брезгливость, будто он имел дело с нечистотами, разложенными на столе. А Сергей чувствовал себя так, словно его перед всеми заставляют раздеваться. В то же время он понимал, что сила и правда сейчас на другой стороне, а его возмущение может лишь навредить. Где-то на середине унижительной процедуры цербер царственным жестом прервал ее, и Нестеров стал складывать вещи в обратном порядке. Застегивая молнию, он подумал, что мучения кончились, и тут слева раздался голос:

– Повнимательней давайте, повнимательней!

Метрах в пяти–семи, в зоне, закрытой для посторонних лиц, положив ногу на ногу и откинувшись на спинку скамейки, сидел мужчина лет тридцати с небольшим, похожий по одежде и манерам на милицейского или комитетского опера.

Таможенник на реплику со стороны внешне не отреагировал, даже головы не повернул, зато действовать стал с удвоенной энергией. Досмотрел вторую и третью сумку. Не найдя ничего криминального, попросил предъявить содержи-

мое карманов. Нестеров стал выкладывать все на стол и, к ужасу своему, хотя никакого преступления в этом не было, обнаружил целых десять долларов, каким-то образом оказавшихся в заднем кармане джинсов! В состоянии крайнего возбуждения он даже не заметил, как по ту сторону стола возник его лучший, самый верный друг еще с Высшей школы Мишка Михайленко. Он что-то сказал на ухо таможеннику, тот кивнул и поставил печать на Сережиной декларации. Затем жестом пригласил Любу и пропустил ее без досмотра.

За таможенной зоной приятели обнялись, чуть не задушив друг друга в объятиях.

– Мишаня, братуха, ты как здесь?

– Вас встречаю. Мама твоя позвонила, сказала, что с работы машину не дали, а у вас много вещей. Я багажник прикрутил на крышу и вперед...

Рядом возник мужчина, порекомендовавший таможеннику со всей тщательностью досмотреть Нестерова.

– С приездом, Сергей Владимирович! – сказал он и, обращаясь к сопровождающему его носильщику, бросил командным голосом: – Что стоишь? Грузи багаж!

– А вы кто? – в растерянности и недоумении спросил Нестеров.

– Старший оперуполномоченный линейного отдела аэропорта Шереметьево Пелипчук!

– Серега, знакомься, – Миша Михайленко, несмотря на бессонную ночь, пребывал в прекрасном расположении ду-

ха. – Это Николай. Мы с ним в Благовещенске вместе работали, потом его сюда в Шереметьево перевели. Колька сегодня как раз дежурит сутки, вот я и попросил вас встретиться, что б шероховатостей не было...

– Спасибо тебе, Мишенька, за заботу, через три колена вашу мать...

Справедливому возмущению Нестерова не было пределов.

– Сережа! – попыталась успокоить мужа Люба, но не тут-то было.

– Не трогай меня, отойди лучше в сторону!

Он повернулся к Михаилу, Пелипчук оказался рядом.

– Ты знаешь, что он мне устроил? Таможенник меня чуть наизнанку не вывернул, спасибо, трусы не заставил снимать. Встретили, называется...

Нестеров из-за всех треволнений слабо себя контролировал, и речь щедро сдабривал матом, благо, жена предусмотрительно отошла.

– Сергей Владимирович, извините, накладка вышла... – Пелипчук был серьезен, но в голосе раскаяния не было. – У меня по ориентировке как раз на этом направлении контрабандист работает, на вас похожий, тоже с усами...

– А усы, откуда взялись? – Михаил, видимо, только сейчас обратил внимание на изменение во внешности друга.

– Да фосфоритка, гусеница такая, с ветки упала, я ее в темноте по лицу и размазал. Ожог был, волдыри вздулись,

и на губе тоже, бриться нельзя, вот усы и выросли... А потом сбривать стало жалко, привык. – Нестеров, рассказывая уже давнюю историю, вдруг успокоился, поскольку в голову неожиданно пришла гениальная по своей простоте мысль: ведь благодаря этой таможенной заморочке, Люба и проскочила без досмотра!

– Ладно, мужики, забыли, – он протянул руку Пелипчуку. – Все равно спасибо.

Они, наконец, тронулись и через минуту были в зоне прилета. Тележку, на которой горой громоздились чемоданы, коробки и сумки, включая почти всю ручную кладь, вез носильщик. Люба с Сергеем, держась за руку, шли за ним, а замыкали процессию Николай с Михаилом, что-то обсуждавшие между собой.

Вдруг Нестеровы, одновременно подняв головы, застыли, как вкопанные. Невдалеке перед ними стоял Григорий Кириллович, Любин папа. В своей неизменной шляпе, сером, немного не по росту, плаще, заношенном, но аккуратном, наглаженном костюме темно-коричневого цвета и белой нейлоновой рубашке с черным галстуком на резинке. В руке, ближе к сердцу, – небольшой уже сникший букетик первых лесных цветов.

Люба бросилась к нему на шею, целуя и повторяя:

– Папка, милый! Ну, зачем ты? Ведь всю ночь на ногах, здесь даже присесть негде! Папка, любимый!

Григорий Кириллович, успокаивая ее, натруженной рукой

рабочего человека, гладил свою маленькую дочь по голове, и непрошенные слезы катились по глубоким морщинам его лица.

Нестеров стоял рядышком, и, когда Люба отошла, они крепко, как настоящие мужики, обнялись. Сергей впервые коротко выдохнул: «Батя!» А он в ответ молча сжал его в объятьях. Прижавшись к щеке тестя, Нестеров уловил давно знакомый запах одеколona «Шипр» вперемежку с папиросами «Беломорканал» и душою понял: «Все! Наконец-то мы дома...»

Конец

первой книги, но не всего повествования. Впереди у Сергея Нестерова много событий, главными из которых станут три дня августа 1991 года, изменивших его жизнь и жизнь миллионов людей, носивших гордое имя «советский народ».

До встречи, дорогой читатель!

Книга вторая

И.П. Георгадзе.
С благодарностью за помощь и поддержку.

*Грузинский и русский народы, вы братья!
А кто это братство предаст и забудет,
Достоин позора навек и проклятья.*

Акакий Церетели (1840 – 1915)
Грузинский поэт, писатель

ОТПУСК. ГРУЗИЯ

Прелюдия

Май восемьдесят третьего в Москве выдался холодным. По ночам столбик термометра стоял на отметке семь–восемь тепла, а днем – выше двенадцати не поднимался. Занятия в школе закончились, и Оленька с Олежкой под присмотром Любы или Сережиной мамы вместе с другими детьми с утра до вечера играли во дворе. Конечно, давным-давно надо было отправить их загород, на природу, но на даче Любиных родителей, в щитовом домике пять на пять, стоял такой холод, что даже думать об этом не хотелось. Сергей, отбросив стеснительность и деликатность, поднял связи, знакомых, бегал с подарками и сувенирами к нужным людям, но, как выяснилось, без толку – путевок в санаторий или дом отдыха, тем более с двумя детьми, не было.

Курсируя из кабинета в кабинет, Нестеров не раз вспомнил, как им сказочно повезло тогда с его первым отпуском в разведке...

Он пришел в Ясенево в середине декабря, и, как вновь прибывший и неучтенный, оказался за рамками утвержденного графика отпусков. Гулять мог в любое время, если, конечно, начальство не возражало. А руководству, собственно, было без разницы, лишь бы к сентябрю, началу занятий в разведшколе был готов. В последних числах июня позвонила секретарь отдела, добровольно взявшая над Сергеем шеф-

ство, и предложила поехать вместо большого начальника, отказавшегося от путевок, в сочинский санаторий. Они всегда были легки на подъем, и через две недели, оставив Олежку на даче с Любиными родителями, не веря собственному счастьем, нежились под жарким южным солнышком на санаторном пляже. Кто бы мог подумать, что на двадцать один день в их полном распоряжении окажется генеральский «люкс» на первом этаже особнячка с отдельным выходом к морю, холлом и просторной гостиной! А еще в этом царском месте половину спальни занимала кровать – настоящий аэродромом по сравнению с их московской полуторкой. И ни посапывающего рядом Олежки, ни чуткой Сережиной мамы в смежной комнате – никого! «Наконец-то, – ликовала мужская душа, слившись в едином порыве с телом. – Хоть поживем как люди!». Красота! Но в мире все находится в равновесии. И, видимо, для сохранения баланса, жизнь внесла свои коррективы.

На второй день они пошли по санаторным врачам и встретились в номере только к обеду. В приподнятом расположении духа он неожиданно-негаданно застал свою ненаглядную в крайне расстроенных чувствах. Со слезами на глазах и нескрываемой тревогой Люба рассказала, что гинеколог обнаружила у нее воспаление и опухоль непонятного происхождения. Докторша пригласила заведующую отделением, они долго судили, рядили, но ни к чему конкретному не пришли: «Может, ничего страшного и нет, но знаете, лучше по-

беречься...» Полное обследование порекомендовали пройти в Москве, и назначили лечение, абсолютно исключаящее, по выражению докторихи, «исполнение супружеского долга». Ни на какие компромиссы злыдня в белом халате не шла, хоть он и пытался с ней поговорить по-человечески. В ответ медичка психанула, и еще больше страху на них нагнала. Так, «на строгой диете» в обстановке повышенного комфорта и усиленного питания они и прожили, если так можно сказать, оставшиеся двадцать дней и девятнадцать ночей. А еще через восемь месяцев родилась Оленька, самый замечательный в мире результат врачебной ошибки...

Зато теперь Нестеров только и слышал: «Товарищ, вы что, первый день работаете? Путевки заранее надо заказывать...». И в сторону, вроде как про себя: «Будто с Луны свалился, честное слово...». Про всякого рода обстоятельства и перенесенный по указанию руководства отпуск лучше было не заикаться – чиновничий люд вовсе выходил из себя. Сергей стал обзванивать ребят, кого знал по Высшей школе и контрразведке, искать хоть какие-то варианты. Хорошо бы, конечно, куда-нибудь на Юг, к морю, но выбирать, особенно, не приходилось, тем более что все только обещали, но на этом дело и заканчивалось.

Выручил все тот же закадычный дружище – Мишка Михайленко. С его подачи ребята из военной контрразведки на неделю забронировали для Нестеровых номер с полным пансионом в гостинице на берегу Тбилисского моря, и еще

на двадцать один день обеспечили путевками в дом отдыха пограничников в Гагры. Обрадованный Сергей через комитетских ребят из транспортного управления достал билеты и уже в воскресенье они были в самолете, улетающим в столицу солнечной Грузии. Люба с детьми села ближе к иллюминатору, он – к проходу. Когда ребятки притихли и задремали, Нестеров в который раз вспомнил свою первую после возвращения из командировки поездку в Центр – смутные недобрые предчувствия до сих пор не давали ему покоя.

Они прилетели в Шереметьево рано утром, только-только начало светать. Пока получали багаж, разбирались с таможеней, грузили на Мишкины «Жигули» чемоданы и коробки прошло, наверное, часа три, не меньше. Потом с черепашьей скоростью по загруженной кольцевой тащились в Отрадное, на другой конец Москвы и домой попали уже к десяти. Почти сразу позвонил Коля Игнатьев, куратор, который последние два года вел его дела в Центре. Сдержанный по характеру, немногословный, он поздравил с приездом и извиняющимся тоном сообщил, что завтра, к девяти, Сергея ждут в Центре. Безумно уставший, но счастливый, полтора года не видевший домашних, Нестеров удивился, не понимая, чем вызвана такая спешка, но вопросов задавать не стал. Не до того было: с одной стороны на нем висел Олежка, а с другой – Оленька за шею обнимала.

В восемь утра следующего дня Сергей, проклиная разницу во времени и любимого начальника, с тяжелой от недо-

сыпа и праздничной встречи головой приехал на остановку служебного автобуса. Как ни старался выглядеть бодрым и неунывающим, обмануть природу бытия человеческого, самого себя и окружающих, удавалось плохо, что наглядно подтверждал виноватый вид встречающего Игнатьева.

– Николаша! Здорово, бродяга! – Он раскрыл объятая для приветствия и, зная, что лучшая оборона – наступление, сразу перешел на личности. – Я же тебе сто раз говорил, голова твоя садовая: «Не делай такое лицо!» Не виделась почти два года, радость должна быть в обличье, счастье, что видишь меня, а ты как на похороны пришел!

Нестеров потрепал его для порядка за плечо, и Игнатьев засмутился, потупился, румянец выступил на смуглых щеках, а сильно оттопыренные уши стали пунцовыми. Николай с большим уважением относился к Сергею, даже немного побаивался его с тех самых времен, когда сдавал выпускные экзамены в Высшей школе, а Нестеров по одному из предметов был председателем государственной комиссии.

– Здравствуйте, Сергей Владимирович!

– Сергей Владимирович, – он с ехидцей скопировал Колин голос, и обычным тоном продолжил. – Мы же договорились, помнишь? Проще надо быть, проще. Надеюсь, нам вместе еще работать и работать...

Игнатьев согласно потупил голову.

– Ты лучше скажи, Николаша, что за пожар такой случился и почему Шибанов меня дернул? – и без паузы, чтобы не

ставить молодого коллегу в неловкое положение, добавил: – Если знаешь, конечно...

– Шибанов тут ни при чем, – они стояли среди других сотрудников, ожидавших автобус, и разговор вели на полтонах. – Петр Георгиевич три дня назад в отпуск ушел.

Нестеров в недоумении посмотрел на Игнатьева.

– И кто же теперь у нас за старшего?

Они поднялись в автобус и заняли места на последнем ряду в углу, рядом с дверью, где их вряд ли кто мог услышать.

– Фомкин Александр Петрович.

– Кто-о-о? – протянул пораженный Сергей.

Удивляться, конечно, было чему. Пять с лишним лет назад Фомкина досрочно откомандировали, и приехавшему на замену Нестерову пришлось пролить немало пота и крови, разбирая оставшиеся после него завалы. Уж кто, кто, но Фомкин!? По разумению Нестерова, это, вообще, ни в какие ворота не лезло.

Из Колиного рассказа стало понятно, что Александр Петрович Фомкин, «герой» незримого фронта, после откомандирования залег на дно и несколько лет старался не светиться на горизонте коллег по отделу, обретаясь в службе информации. А вот чем заслужил не только прощение, а еще и повышение, простым смертным было неизвестно. Официально – выдающимися успехами на ниве обработки разведывательной информации, хотя между собой люди поговаривали другое, намекая на поддержку кого-то из руководства...

Нестеров со своей стороны считал, что ему бояться новоиспеченного начальника нечего. За все время командировки он про него слова дурного не сказал. Скорее, наоборот, отмазывал, как мог, чтоб лицо конторы не терять. И посему, выдав предварительный звонок и получив разрешение, он стукнул для порядка в дверь и с легкой душой перешагнул порог кабинета. Александр Петрович, не выходя из-за стола, сделал вид, что привстал, и милостиво протянул руку.

– Заходи, заходи, Сергей Владимирович. – Вежливая улыбка, холодок в голосе и ничем не оправданное обращение на «ты». – Присаживайся, пожалуйста. Как долетел?

Нестеров оценил, как начальник расставил акценты, показав ему неразумному, кто в доме хозяин.

– Нормально. С вещами, правда, пришлось повозиться... – Сергей хотел спросить, почему не прислали машину в аэропорт, но Фомкин такой возможности не дал.

– Это конечно, конечно. Без накладок не бывает. Но главное, что дома. Правда?

На столь очевидную истину Нестеров не нашелся, что ответить и только кивнул в знак согласия.

Фомкин встал, прошелся по небольшому кабинету. Сергей, воспользовавшись моментом, по привычке, выработанной еще с контрразведки, «срисовал» начальника. Лет сорок пять, метр девяносто, может, чуть больше, сутулый, короткое туловище, с длинными, почти до колен руками, большая голова яйцом, приплюснутые маленькие уши и длин-

ный прямой нос, глаза неопределенного цвета и размера, и взгляд, бегающий с предмета на предмет.

– Александр Петрович, – Нестеров, чтобы не молчать, задал дежурный вопрос: – А Шибанов нескоро еще будет?

Фомкин расплылся в голливудской улыбке на все двадцать четыре неровно посаженных зуба, а глаза ушли влево и вниз.

– Петр Георгиевич взял полный отпуск, поехали с женой в санаторий. Потом на родину, в Ворошиловград, так что ждем где-то в начале июля, не раньше. А что, вопросы есть?

– Да нет. Просто хотел повидаться, переговорить...

– Ты не стесняйся, Нестеров. Петр Георгиевич все дела мне передал, можешь смело обращаться, – голос был самый, что ни на есть душевный, только смотрел он опять куда-то в угол. – А так, что я могу сказать? Почты ещё не было, последних оперативных писем, твоего отчета и характеристики на тебя тоже, естественно, нет. Хотя и без них, по-моему, все ясно.

В последней фразе Нестерову послышалось что-то вроде угрозы и злорадства одновременно, он хотел «зацепиться», но не получилось – Фомкин без всяких пауз стал вспоминать общих знакомых в торгпредстве и посольстве, к месту и не к месту перебивая речь коротким отрывистым смехом. Поговорив на общие, мало значащие темы, Александр Петрович неожиданно заторопился и быстро свернул разговор.

– Ты, Нестеров, иди, оформляй отпуск, а потом, как вый-

дешь на работу, мы с тобой еще встретимся, вот тогда и пообщаемся, как положено.

Аудиенция была недолгой, минут десять. Закрыв за собой дверь, Сергей оказался в полном недоумении, не понимая, зачем в таком случае и кому он так срочно понадобился, что даже выпастыся не дали.

Пройдя по коридору, заглянул к Игнатьеву, сидевшему вместе с двумя другими молодыми сотрудниками, подарил им по блоку американских сигарет и, как бы в продолжение темы, предложил Николаю пойти покурить.

По коридору шли молча: Нестеров разбирался со своими впечатлениями от общения с Фомкиным, а Игнатьев по собственной инициативе редко рот открывал.

На лестничной площадке, отведенной для курения, мужики шумно обсуждали результаты вчерашнего футбола ЦСКА – Спартак, и они нашли местечко в дальнем углу, где можно было другим не мешать, и самим спокойно переговорить.

– Слушай, Коль! – Сергей старался держать себя в руках, но получалось плоховато. – Думаешь, я что-то понял после встречи с этим унылым жирафом?

Игнатьев не сдержался и тихо рассмеялся, вероятно, представив, как выглядит это животное в расстроенных чувствах.

– Смешно тебе, да? Конечно, чего не посмеяться? – Нестеров не знал на кого спустить собак, и в раздражении бил по стоящему рядом. – Я, между прочим, за последние три ночи спал всего часов восемь или десять. Думал: ну все, прилечу,

отдохну хоть немного, в себя приду! Вдруг, бац! Срочно в отдел – у меня, конечно, все мысли наперекосяк, пока ехал, чего только ни передумал. А тут, как в клубе за биллиардом: поговорили ни про что, торгпреда с послом вспомнили, мать их в душу, хороших людей... и тишина! Тогда скажите мне на милость: зачем звали, спрашивается? Что за пожар такой? Чего хотела от меня, спирохета бледная? Ты-то что молчишь?

– Владимирыч, я честно не знаю, в чем тут дело. Фомкин вчера, только начался рабочий день, позвонил и говорит: «Нестеров сегодня прилетает? Пусть завтра с утра будет». И все. Никаких объяснений, разъяснений, ничего. Подарок-то привез ему? – Меняя тему, в свою очередь спросил Игнатъев.

– Еще чего, обойдется. Он у меня неучтенный, – Нестеров был вне себя от злости.

– Зря, запомнит...

– Да, бог с ним, пусть память тренирует, если больше делать нечего. Ты лучше скажи: что, трудно было подсуетиться и машину в аэропорт прислать? Лень-матушка заела? У меня же вещей вагон и маленькая тележка!

– Погоди, Владимирыч! Чего ты все на меня наскაკиваешь? Я пошел к Фомкину согласовать выделение машины для тебя, а он мне сказал, что созванивался с твоей мамой и сам все сделает...

– Даже так? Интересное кино получается. А мама мне сказала... – Сергей не стал продолжать фразу, понимая, что сей-

час вряд ли что-нибудь прояснится, и по-дружески хлопнул Игнатьева по плечу. – Ладно, живи! Пойду в кадры, отпуск оформлять. Раз приехал – надо хоть что-то полезное сделать, потом загляну к тебе, расскажу, как уезжал, там много интересных моментов.

Кадровиком у них был свой мужик, оперативник. Нормально работал на Ближнем Востоке, но что-то там приключилось, его срочно отозвали и посадили на кадры, отсидеться. Временное растянулось надолго, «задержался» Виктор Иванович. Как никто другой, он быстро находил общий язык с людьми, умел разговорить, расположить к себе человека и, конечно, помогал, когда была хоть малейшая возможность. Потому, наверное, опера, хоть и тертые калачи, делились с ним наболевшим, что многое давало для понимания обстановки, характера взаимоотношений в резидентуре, с руководством и прочая, прочая. Безусловно, такое замечали, ценили, потому из кадров и не отпускали.

Нестерова Иваныч знал давно, сам тащил его из контрразведки в Ясенево. Отношения – почти приятельские, и Сергей надеялся, что, может, он прояснит ситуацию с Фомкиным и срочным вызовом на работу.

Злой, не выспавшийся он без стука распахнул дверь кабинета и замер на пороге. Напротив Виктора Ивановича за столом, раньше свободным, обложившись документами, сидел Санька. Сашка Замятин! Друг любимый, самый верный! Последние три года в Вышке они за одной партой сидели. Пили,

ели, гуляли вместе. Сергей на каникулы ездил в гости к его родителям в Мордовию, а Замятин жил у них по неделям, как брат родной. Мама Сережкина все переживала, что он худенький, кусочки сладенькие подкладывала, хотя и других его друзей любила не меньше. На курсе они с самого начала держались вчетвером: Коля Федорцов, Мишка Михайленко, Саня Замятин и Серега Нестеров. И только после выпускного судьба развела в разные стороны: Колю меньше чем через месяц похоронили, он на пятом курсе заболел лейкемией и сгорел за полгода; Миша Михайленко поехал служить в Благовещенск на китайскую границу; Нестерова направили в Управление контрразведки, а Замятина – в Ясенево. Сашка вскоре женился на девушке-красавице, влюбленной в него с девятого класса, и уехал в командировку, а когда вернулся, за кордоном был уже Нестеров. Так что лет десять не виделись, если не больше.

– Санька! – Сергей глазам своим не верил. – Ты?

Он рванулся с объятиями, но закадычный друг опередил: встал и спокойно протянул руку. – Привет!

Ответ был холодным и формальным, по крайней мере, для Сергея. Уж кто-кто, а он-то прекрасно знал Сашку. Значит, что-то произошло. Нестеров быстро сориентировался, ответил коротким рукопожатием и с радушной улыбкой повернулся к своему незаслуженно забытому кадровику.

– Виктор Иванович, дорогой! Извини, пожалуйста! Не ожидал здесь Александра встретить: мы с ним в Высшей

школе вместе учились...

– Знаю, Сергей Владимирович, знаю. Как-никак, а мы с Александром Викторовичем в кадрах работаем, осведомлены, так сказать. Сам понимаешь: положение обязывает. – В голосе кадровика при желании можно было услышать настораживающие интонации, но Нестеров не стал обращать внимание, отмахнулся. – Присаживайся, будем твой отпуск оформлять. Пока пишу, Расскажи, друг мой, о житье-бытье своем: как добрался, как семья, полтора года все-таки не виделись...

Закончив формальности, будущий отпускник вышел в коридор и завернул на лестничную площадку в надежде под сигаретку обдумать возникшую ситуацию. Там-то и нашел его Замятин.

– Сереж, извини, что так вышло! – Он стоял перед ним с виноватой, но открытой улыбкой, и казалось, что это все тот же Сашка, которого Нестеров знает, как самого себя. Замятин стал сбивчиво объяснять: – Понимаешь, это же Управление кадров. Я подумал: может лучше не афишировать, что мы – друзья? Тут личные связи как бы не приветствуются. Ну, знаем друг друга, учились вместе...

Сергей слушал и не мог понять такого хитросплетения взаимоотношений. Зачем и кому это нужно? Сколько он работал, никогда такого не было...

Воспоминания прервал голос стюардессы, объявившей о предстоящей посадке, и Нестеровы стали будить детей.

Божинский

Как только они появились в зале прилета, к ним подошел коротко стриженный молодой человек, одетый в белую рубашку с коротким рукавом, заправленную в коричневые брюки. На ногах – носки и открытые кожаные сандалии. Несмотря на цивильную форму одежды, военная косточка все-таки проглядывала.

– Сергей Владимирович? – спросил он, обращаясь к Нестерову, и, получив утвердительный ответ, представился: – Сазонов, от Владислава Казимировича.

Это был «гонец» от особиста, с которым договаривался Миша Михайленко.

– Где ваши квиточки на багаж? Давайте сюда, – он передал их подошедшему сержанту в общевойсковой форме. – Не волнуйтесь: водитель получит и погрузит ваши вещи в машину, а пока пройдем в кафе, здесь рядышком. Отдохнете после перелета...

В маленьком заведении их встретили так, будто ждали всю жизнь. Хозяин, пожилой грузин в войлочной шапочке на седой кудрявой голове, излучал ненавязчивое, искреннее радушие и гостеприимство. Он по-настоящему, как путников после дальней дороги, хотел накормить и напоить. Есть они особо не хотели, но чтобы не обидеть человека, старшие Нестеровы по подсказке своего сопровождающего, видимо,

не в первый раз посещающего кафэшку, заказали себе солянку, а детям жареного цыпленка – одного на двоих. Сам Сазонов, правда, даже перекусывать не стал и с видимым удовольствием пил холодную минералку, рассказывая о черных предсказаниях метеорологов на ближайшие дни и местных приметах, противоречащих официальным прогнозам. Принесли обжигающую солянку в глиняных мисках, шкварчащего цыпленка, ароматный горячий хлеб, гору остро пахнущей зелени на блюде и подарок от хозяина – кувшинчик холодного белого вина. Дети ели руками, получая от этого еще большее удовольствие, а Люба с Сергеем, обжигаясь, за милую душу проглотили вкуснятину под названием солянка, и неважно, что это было: второе или первое, выскребли все до последней капельки, еще хлебушком на доньшке себе помогли. Расплатиться им Сазонов не дал. К тому же хозяин денег за съеденного детьми цыпленка не взял, почти обиделся: «Какие деньги, слушай? За счастье деньги разве берут? Видеть, как эти дети кушали, что может быть дороже в жизни?» Растроганная Люба не выдержала и поцеловала старика в небритую щеку, а он только махнул рукой и ушел, отодвинув занавеску, на кухню.

Отель на берегу Тбилисского моря оказался гостиницей «Турист» с видом на водохранилище, и проживали в ней, в основном, местные командированные и отдыхающие, русских – по пальцам перечесть. Им дали двухкомнатный номер с душем и умывальником, единственное неудобство –

туалет в конце коридора. Не генеральские, конечно, хоромы, но жить можно. Олю, как младшенькую, определили на диван, для Олега взяли у администратора на этаже раскладушку, а сами устроились в спальне на двух кроватях, разделенных тумбочкой. Нестеровы разложили по полкам, развесили по шкафам вещи и пошли осматривать окрестности. Территория пансионата была большой, за один раз не обойдешь. Много зелени, все чистенько, ухожено: дорожки, посыпанные гранитной крошкой и ограниченные бордюрным камнем, покрашенным в белый цвет; фонарные столбы с громкоговорителями, из которых, без скидок на возможности человеческих барабанных перепонки, ураганом неся «Танец с саблями» Арама Хачатуряна. Невысокие деревья с густыми кронами давали приятную тень, что оказалось немаловажным при довольно ярком солнышке. По найденной дорожке они вышли на пляж водохранилища, названного Тбилиским морем, и Оленька, обрадовавшись, полетела босиком к воде, но только тронула воду и тут же отступила – холодно еще было. Дело близилось к вечеру, и все очевиднее вставал вопрос, где и что они будут ужинать. Нестеровы стали возвращаться, и тут на аллее появился средних лет мужчина, лицо которого Нестерову было явно знакомо. Он не успел сообразить, где с ним встречался, как услышал:

– Сергей, здорово! Не узнаешь, конечно. Владислав Божинский...

«Точно, – вспомнил Нестеров. – Влад с факультета воен-

ной контрразведки, только выпускался он на год раньше».

– Теперь узнал, – обрадованно сказал Сергей, увидев родного человека.

– Хватить врать-то, – Божинский доброжелательно с ироничной улыбкой смотрел на него. – Это вас, мастеров сцены, все знали, а остальных, простых рядовых необученных, разве запомнишь...

– Да, правда, я тебя узнал, нас же Мишка Михайленко знакомил. – Нестеров не стал дальше развивать тему, и повернулся к Любе и детям. – Это моя жена...

– Люба, – протянула она руку.

– Владислав, – представился Божинский, коротко опустив подбородок и едва не щелкнув каблуками.

– Оля, – раздался тоненький голосок, и младшая тоже протянула руку, только ладошкой к земле.

– Владислав Божинский, – он наклонился к ней и галантно поцеловал маленькую ручку, но девочка ничуть не смутилась и приняла все, как должное.

С Олегом они обменялись крепким мужским рукопожатием.

– Так, дорогие мои! – Божинский выглядел энергичным, полным энтузиазма и юношеского задора, несмотря на явно приближающийся сороковник. Округлое лицо излучало гостеприимство и радушие. – Вы, наверняка, еще не ужинали. Угадал?

Возражений, естественно, не последовало.

– Тогда, вперед!!! – И он широким жестом указал направление к главному корпусу. – В столовой, она же вечером ресторан, еще успеете напиться, так что лучше мы рядышком устроимся.

Он повернулся к младшему Нестерову.

– Олег, ты, как мужчина, скажи: настоящий грузинский шашлык пробовал? – Божинский знал ответ заранее и не ждал его. – У-у-у, пальчики оближешь!

Мальчишка вспомнил дневного цыпленка и проглотил мгновенно появившуюся слюну, а старший Нестеров посмотрел в указанном Владом направлении.

Едально-питейное заведение без названия являлось продолжением гостиничного ресторана, расположенного на первом этаже. Под легкой крышей на столбах стояло немногим больше десятка деревянных столов, накрытых белыми полотняными скатертями. Половину из них занимала местная публика, одетая по-городскому. «Хороший знак, – подумал Сергей. – Если люди на окраину едут, чтобы выпить и закусить, значит, кормят вкусно, и денег не дерут без зазрения совести».

Столик выбрали неподалеку от мангала, за которым колдовал местный кудесник-искусник. Они еще рассаживались, как появился официант и поставил на стол бокалы, стаканы, две бутылки «Боржом» и сладкое «Буратино» местного разлива. Пока малыши налегали на шипучку, Владислав на правах принимающей стороны заказал на всех шашлыки, ово-

щи, какую-то соленую рыбу, лобио, сациви, бутылку водки и кувшин красного вина – в общем, обычный московский набор. Крупно нарезанные овощи и зелень с рыбой появились несколько минут спустя, а вслед за ними подоспела остальная закуска и водка с вином. Первую выпили, как водится, за встречу, потом за братство Высшей школы и, конечно, друзей не забыли.

– Влад, – вспомнил Нестеров, – а ты Игоря Гоглидзе, случайно, не знаешь?

– Почему не знаю? Знаю, конечно. Он в Комитете республики заместителем начальника отдела контрразведки работает. А ты его, каким краем? – настороженно спросил Божинский.

– Друзья по Высшей школе, хоть он на курс и младше. – Нестеров любил вспоминать «золотой» период своей молодости. – Мы еще на первом курсе ансамбль электромузыкальных инструментов сварили – «Сфинксы» назывался. На летние каникулы со стройотрядом полетели в Якутию на строительство Вилюйской ГЭС – первой в мире гидроэлектростанции на вечной мерзлоте...

– А Гоглидзе здесь причем? – нетерпеливо перебил Божинский.

– Ты лучше наливай и слушай, – не смутился Нестеров, зная за собой слабость всякую историю начинать издалека. – В сентябре, после стройотряда, мы, уже матерые музыкантищи, собрались на первую репетицию. Для разминки, вти-

харя, за встречу открыли в гримерке бутылочку портвейна «Агдам», выпили по полстаканчика и не успели закусить одной конфеткой на пятерых, как приоткрывается дверь и просовывается брюнетистая голова. Изучающе осматривает нас и с ярко выраженным грузинским акцентом спрашивает: «Ансамбль «Сфинксы»?» – Сергей показал Божинскому, как все это происходило, потом брови на его лице полезли вверх и он в сердцах вскрикнул: – Мы в шоке – застукали прямо на месте преступления! Алик, наш руководитель, первым сориентировался. «Ты кто такой, молодец? – говорит. – Покажись, не стесняйся». Заходит, худенький такой, в форме, как с чужого плеча. «Я – Игорь Гоглидзе, с первого курса». Стоит перед нами по стойке «смирно». Алик его дальше допрашивает: "Музыкант?" – Тот кивает. – "На чем играешь? – На скрипке". Мы, конечно, в хохот, в ансамбле электромузыкальных инструментов для полного счастья только скрипки не хватало. Игорек расстроился, но вида не подал. Тут Володя Анисин, бас-гитара, говорит: "Хватит ржать-то! Вам бы только зубы скалить. Не видите, нормальный человек пришел, наверняка что-то хорошее сделать хочет. Правильно я говорю, Игорек? – Правильно. – Тогда, самое хорошее, что можно сейчас сделать – сгонять в магазин за портвейном, а мы за это время решим, куда тебя пристроить с пользой для дела".

Нестеров хотел закурить, но Люба, увидев сигареты и зажигалку, тут же его одернула.

– Сергей, я же просила, не курить при детях, – потом, пожалев мужа, пошла на уступки. – Ладно, дыми себе на здоровье...

Взяв детей, она вышла из-за стола и, пригласив местных девочек, приехавших с родителями в ресторан, стала играть с ними в скакалки. Сергей, получив свободу, с удовольствием закурил.

– Игорь оказался очень способным, я бы сказал, талантливым парнем. Идеальный слух, великолепное чувство ритма, актер прекрасный. Но поначалу никак не мог найти себя: на барабанах стучал, мне помогал; на подпевках работал; мы даже скрипку его пытались в ансамбль вставить, но все было не то. И тут, как-то сама собой родилась идея: создать МТМ – Мужской Театр Миниатюр. Вот здесь Игорь по-настоящему развернулся: он тебе и сценарист, и режиссер, и актер...

Нестеров затаился, наблюдая, как девчонки играют в скакалки. Рядом стоял Олег, выступавший наблюдателем, – прыгать он не любил, неэстетично получалось, мешком.

– Но дружба наша, – продолжил Нестеров, – началась почти случайно.

Божинский, понимая, что идет обычный застольный разговор, слушал вполуха, но политес сохранять надо было, потому и спросил:

– Что значит, случайно?

– Игорь задумал необычный номер, тогда таких ни в цирке, ни тем более на эстраде не было. Звуковая пантомима

– "Старая добрая Эмка". Где он его взял, может сам придумал, понятия не имею. Раскладывается на двух человек, из реквизита – один стул, который, собственно, и есть «Старая добрая “Эмка»». Первое действующее лицо все время на виду у публики, он – водитель допотопного, но любимого им автомобиля, второй актер до поры до времени находится за кулисами и через микрофон имитирует все, что он делает на сцене. А шофер в кавычках разыгрывает перед зрителями целый спектакль-пантомиму: моет, протирает, начищает до блеска своего верного коня; со скрипом и скрежетом открывает дверцу и садится на продавленное водительское сиденье, вставляет ключ в замок зажигания и пытается завести мотор – машина чихает, кашляет и глохнет. Там целая история приключений “старой доброй “Эмки” и ее водителя. А в финале номера на сцене появляется второй актер и тогда зритель начинает понимать, что выступление было не под фонограмму, что это – живой звук.

Нужно было для этой прекрасной задумки всего на всего две вещи: хорошая актерская работа на сцене, что б публика смеялась и плакала; и абсолютно точная имитация звуков, сопровождающая сценическое действие. С последним вопросов не было, Игорь поразительно точно, мастерски воспроизводил все, что должно было происходить на сцене, а вот с актером, играющим роль водителя “Эмки”, были проблемы. Гоглидзе перепробовал на позицию напарника одного за другим всех ребят из своего театра, нашел какого-то парня,

занимавшегося пять лет пантомимой, стал пытаться с ним что-то сделать, но ничего не получалось. Как постановщик, он добивался от него игры, артистизма, а паренек работал, как мим, академично и правильно, с застывшим лицом, он и не мог по-другому, хоть ты тресни. Я как-то зашел к ним на репетицию. Смотрел, смотрел на все эти страдания-мучения и не выдержал. Вышел на сцену, извинился за вторжение и сделал, как считал нужным. Гоглидзе расцвел, как сирень в мае: "Видели, видели? Вот, как надо работать!". А я пошел к своим ребятам на барабанах стучать. Через два дня Игорь нашел меня, зажал в угол, а парень он горячий, и стал уговаривать выступить с ним в номере. "Понимаешь, он все правильно делает, так правильно, что скучно становится. У тебя душа, задор, ты лицом работаешь, а там ничего этого нет. Серость какая-то и скука, народ не улыбнется, а он хохотать должен, под стулья сползать. Сергей, только ты сможешь сыграть. Ну, давай вместе сделаем...". Я, конечно, послал его куда подальше, мне своих дел в ансамбле хватало, но он же настойчивый: неделю ходил за мной и уговорил, в конце концов. Сделали мы номер!

"Да, – подумал Божинский, вспоминая последнее совещание у Председателя КГБ Грузии, – чего-чего, а настойчивости Гоглидзе не занимать, да и уговорить может любого и любую, была б задача поставлена".

– А где наши шашлыки? – Нестеров под воздействием ароматов, исходящих от мангала, и вкусной водки быстро

созрел для горяченького.

– Готовятся. Ты не волнуйся. Здесь процесс не затягивают, но и зря не торопят. Марку держат, – успокоил Владислав. – Так что, история про Гоглидзе на том и закончилась?

– Нет, конечно, это я так, для затравки, самое главное – впереди. – Сергей подцепил хлебом подливку сациви. – С этим номером, где мы только ни выступали. И здесь, в Грузии, когда с агитбригадой по границе ездили, и в Москве, на всяких выездных мероприятиях, но вершина, конечно, – выступление в клубе Дзержинского на день Победы в семидесятом году. Большой праздник был! – Весь в воспоминаниях Нестеров откинулся на спинку стула. – Представляешь: в зале – ветераны, генералы, иностранные гости. На сцене – звезды эстрады, заслуженные, народные артисты. Одних ансамблей штуки три было. И все – профессионалы, а тут мы с Игорьком, из самодеятельности, без роду и племени. Ходили мы, гадали, как затесались в такую компанию, потом взяли за бока ведущего, тряхнули как следует – зря, что ли нас спецдисциплинам учили – он и раскололся на перекрестном допросе. Оказывается, наш номер член парткома КГБ увидел и дал указание включить в концерт. – Нестеров был классным рассказчиком, увлечь мог любого, и Божинский в этом отношении тоже не стал исключением. – Идет, значит, представление, как всегда в таких случаях, чинно и благородно. Попели – похлопали – ушли; поплясали – поклонились – убежали; стихотворение прочитали – занавес закрыли. Никаких

«бисов» и повторов; все выверено по секундам. Представление-то ставил заслуженный деятель искусств Карлинский. Он все концерты в Кремлевском дворце съездов режиссировал. У него, брат, не забалуешь. Подходит наша очередь. Объявляют: «Слушатели Высшей Краснознаменной школы Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР имени Дзержинского Сергей Нестеров и Игорь Гоглидзе». – Секундная пауза и дальше. – «Пантомима «Старая добрая «Эмка». Раскрывается занавес, стул уже стоит. Я выхожу на сцену, Гоглидзе, как всегда, за кулисами. Работаем по-настоящему, выкладываемся, как можем. Народ хохочет, смеется до слез, а в конце выходит Игорь с микрофоном. Восторг неимоверный, передать невозможно! Как говорят в таких случаях комментаторы, под бурные и нескончаемые аплодисменты они освободили место для следующих выступающих. За кулисами, обалдевшие от успеха, мы обнялись, Игоряха в очередной раз «фитиль» мне вставил за фантазии на сцене, перевели дух и решили отметить это дело пивком в буфете. Не успели и трех шагов сделать, догоняет нас ведущий и громовым шепотом кричит: «Куда?! Публика просит! Быстро на сцену!». Пока бежали обратно, всего два слова и успели сказать. Выходим на сцену: я со стулом, Игорь с микрофоном. Работаем, как договорились, фрагмент на одну–две минуты. А дальше? Как номер закончить? И тут, с моей стороны, пошла полная импровизация. Как Игорь попал, до сих пор не представляю. Смотри, что он обставил

звуками. – Нестеров встал, вышел в проход и стал демонстрировать свои действия. – Я выхожу из авто, хлопаю дверь, которая не закрывается, проверяю, как накачано колесо, а оно у меня на глазах начинает спускаться, в сердцах, со всей силы бью ногой под задний бампер машины и воображаемая «Эмка» вверх тормашками летит за кулисы, только водительское сидение остается на месте. Шум, гам, грохот – и... наш поклон. Таких аплодисментов я больше никогда не слышал. Нас вызывали еще два раза, но тут уже ведущий лег грудью на амбразуру и запретил что-нибудь еще показывать.

Нестеров вернулся на свое место, и замолчал – горло перехватило от нахлынувших эмоций.

– Знаешь, – после небольшой паузы, уже спокойно, размышляя, сказал он. – Когда выступаешь вдвоем, надо очень чувствовать друг друга, видеть малейшее, скрытое от других, движение, улавливать настроение, желание твоей половины. Быть самим собой и в то же время единым целым. – Сергей никогда раньше не задумывался над тем, о чем говорил сейчас, и, не желая того, открывал для себя нечто новое. – Ведь у нас ни разу не было ни одного стопроцентно похожего номера. Я всегда импровизировал, вставлял что-то новенькое, но Игорь ни разу не растерялся, даже не запнулся, он как будто предвидел, предчувствовал мои шаги, хоть и костерил меня на чем свет стоит. Ты знаешь, мы жили, дышали, как один организм, и понимали друг друга всегда, даже без слов...

Сергей довольно улыбнулся.

– А ты спрашиваешь, откуда я его знаю...

Божинский очень внимательно слушал Нестерова. То, что он узнал из его рассказа, многое давало для понимания фигуры и возможностей Гоглидзе. Неожиданно он подал ко-му-то знак и сказал долгожданное:

– Вот, наконец, и наши шашлыки идут! Зови своих!

Но Любаша с детьми уже бежали к ним, они первыми увидели, как официант с шашлыками на подносе направился к их столу.

Ужин был в самом разгаре, когда из динамиков, укрепленных за буфетной стойкой, зазвучала музыка. Пела Алла Пугачева: «Любовь одна виновата, лишь любовь одна виновата...». Оленька незаметно для всех соскользнула со стула и, не обращая внимания на окружающих, стала танцевать на траве рядом со столиками.

Она была совсем маленькая, когда у нее появилась необъяснимая и непреодолимая тяга к танцам, прекрасным движениям под музыку. Сделав первые шаги, еще не умея говорить, Оля могла, не отрываясь, сидеть на ковре перед телевизором и смотреть трансляцию балета из Большого театра или выступление танцевального ансамбля Игоря Моисеева. Иногда она вставала и пыталась повторить понравившиеся ей движения. Конечно, получалось что-то свое, но именно в этом и была вся прелесть. Когда ей исполнилось пять лет, Люба, прилетев в очередной отпуск, отдала дочь в единственный имевшийся поблизости хореографический

коллектив – ансамбль грузинского танца «Мзиури». И уже через два месяца Оленька, блондинка с длинными до пояса волосами, стала его солисткой. Но настоящей, подлинной любовью этого ребенка оставались эстрадные танцы – она сама придумывала движения, повороты, и, как только звучала хорошая, как она считала, музыка, скользила над землей или паркетом, забывая обо всем на свете.

– Серега, ты посмотри, как она танцует! – восхищенно выдохнул Божинский, забыв о том, к кому обращен его возглас, но зато его услышали сидевшие рядом люди. Все, кто находился в ресторане, встали, даже те, кто находился за дальними столиками, не отрываясь, смотрели на чарующие движения шестилетней русской девочки. Мужчины и женщины замерли, боясь разрушить сказку – не стукнул нож, не зазвенел бокал. Но песня кончилась, и возникшая тишина взорвалась гортанными криками и аплодисментами. Ольга немного застеснялась, но быстро справилась с собой. Сделала реверанс и убежала, спрятав лицо в маминых коленях.

– Да, брат, ну вы даете! – Божинский был поражен, такого он еще не видел: маленькая девочка, а танцует лучше профессиональной артистки.

К столу подошел буфетчик в длинном до земли белом фартуке с бутылкой шампанского на подносе и коробкой дорогих шоколадных конфет.

– Это откуда? – спросил растерявшийся Нестеров, но Владислав был начеку, он лучше владел обстановкой. – Пожа-

луйста, дорогой! Товарищам, приславшим подарок, самую хорошую бутылку красного вина от нас!

Вспомнив что-то, Божинский посмотрел на часы.

– Ребята, вы извините, я буквально на минуту, звоночек выдам, узнаю, как дела, и приду к вам.

Он пошел к администратору на стойку регистрации недалеко от центрального входа, а Нестеровы занялись еще неостывшими шашлыками.

Владислав вернулся на удивление быстро.

– Друзья мои, извиняюсь, но должен вас покинуть. Труба зовет! – За стол садиться не стал. – Машина сейчас подойдет. Сереж, проводи меня...

Божинский расцеловал Любу и Олю, попрощался за руку с Олегом и вместе с Сергеем пошел к выходу с гостиничной территории, огороженной металлическим забором.

– Случилось что? – Нестеров понимал: без серьезной причины Божинский не стал бы срывать в таком спешном порядке.

– Не без того, конечно. – В мыслях Владислав был уже на работе. – Мероприятие проводим, пошло не так, как хотелось, ребята не среагировали вовремя и начались осложнения, теперь надо нивелировать, – на ходу он обернулся к Нестерову. – Ты не беспокойся, за ужин я заплатил. – Заметив, что Нестеров полез за деньгами, Божинский задержал его руку. – А вот этого не надо. Не забывай, друг мой, мы в Грузии. Здесь так не принято. Теперь слушай и не переби-

вай, – он торопился, времени было в обрез. – Завтра, к десяти, придет машина и отвезет вас в город, погуляете по Тбилиси, часа в два позвонишь мне, здесь – номер телефона, – он протянул сложенный вдвое листок бумаги. – Я вышлю машину туда, где вы будете находиться, водитель отвезет к нам домой, там и пообедаем. А дальше посмотрим...

Армейский уазик на скорости подлетел к воротам, резко остановился, развернулся и сдал назад, остановившись рядом с Божинским.

– Ничего, что под градусом? – спросил Нестеров, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, и неожиданно для себя услышал.

– Во-первых, – жестко произнес Божинский. – Как учили нас отцы и деды? Пей, пей, да разум не пропей! А, во-вторых, – он с хитрецей улыбнулся. – Можно подумать, что вы там, за кордоном только «всухую» работали. Давай, будь здоров, трезвенник. До завтра!

Божинский сел на командирское сидение, рядом с водителем. Машина рванула с места, оставив за собой пыльный шлейф, и скрылась за поворотом. Стало смеркаться, включили освещение, тихо играла музыка.

«Детям, наверное, спать пора, устали они за сегодняшний день. Встали ни свет ни заря, самолет, дорога, новые люди, новые впечатления...», – Нестеров подошел к условной границе ресторана под открытым небом. Рядом худой, невысокого роста человек ловко управлялся с шампурами, лежащи-

ми на мангале.

– Вечер добрый! – первым приветствовал Сергей.

– Здравствуйте, дорогой! Рады принять вас, надеюсь, останетесь довольны, – откликнулся шашлычник, говоривший по-русски почти без акцента. – Из Москвы?

– Да, москвичи. Говорите вы как чисто. В России долго жили?

Собеседник, не забывая проверять и поворачивать шампуры, повернулся к Нестерову и улыбнулся.

– Мой отец офицером был. Когда война с фашистами кончилась, его дивизию под Калугу отправили. Он взял отпуск, приехал в Грузию, забрал свою невесту, мою мать, ждавшую его всю войну, и вернулся в часть. А в сорок шестом я родился, потом отца в Сибирь на службу перевели, там я в школу пошел, учился до седьмого класса. Но в армии какую-то реорганизацию объявили, и отца демобилизовали. Специальности гражданской у него не было, и мы вернулись домой, на родину. Срочную я служил под Ленинградом, а после демобилизации в Кутаиси на заводе с русскими в одной бригаде работал.

Он взял три шампура с мясом, осмотрел и отложил в сторону, где жар был не такой большой.

– Надолго к нам?

– На неделю, потом в Гагры, на море. – Нестеров почувствовал усталость. – Вы извините, я пойду, мешаю, наверное...

– Понимаю, понимаю. Конечно, вам отдохнуть надо с дороги, – он запнулся, видно, хотел еще что-то сказать, и, наконец, решился. – Вы извините, не подумайте ничего плохого. Дочка у вас – настоящая красавица. А как танцует?! Здесь никто так не может. Смотрите, далеко от себя не отпускайте – еще украдут наши джигиты. – Говорилось все с улыбкой, но за внешней легкостью Сергей услышал предупреждение. – Если что нужно, – добавил мангальщик, – обязательно скажите, пожалуйста. Меня здесь все знают, Сосо зовут.

Нестеров прекрасно понял, что он хотел сказать, поблагодарил и вернулся к столу, за которым они отмечали свой приезд.

– Любаш, давай-ка пойдем спать, времени уже много.

– Конечно, любимый. Сейчас детей позову, мы только тебя ждали. Божинского проводил?

– Проводил, на работу погнал. Завтра машину за нами пришлет, в Тбилиси поедем, прогуляемся, потом пообедаем у них. Влад, конечно, занят, но ничего, город я еще с прошлой поездки немного помню.

Люба позвала Олега и Олю, игравших с местными детьми, и они пошли к центральному корпусу гостиницы.

– Сережка, какие же здесь люди! Открытые, добрые, к нам так замечательно относятся! – В голосе царил неподдельный восторг, и уже совсем с другой интонацией, жестко, колюче Люба продолжила: – Это тебе не Прибалтика. Помнишь, в позапрошлом году, когда в Эстонию в отпуск ездили по

Женькиному приглашению? Как ты минут пять, наверное, спрашивал у девочки-пионерки дорогу? Помнишь? Что тебе тогда ребята-пограничники сказали? Эстонцы принципиально по-русски не хотят говорить и детей своих так учат. А здесь? – Голос снова наполнился восхищением и радостью. – Все по-русски говорят! Что большие, что маленькие, кто хуже, кто лучше, но все!

– Так уж и все? – с иронией протянул Сергей.

– Я тебе говорю: все! – Оскорбленная недоверием мужа, она даже кулачком махнула. – А Ольгу нашу как полюбили? На руках готовы носить!

Сергей тут же вспомнил шашлычника Сосо.

– А вот этого не надо! Ни в коем случае! Глаз с нее не спускай!

– Да брось ты! Серьезно, что ли?

– Даже очень! – спокойно, но твердо ответил Сергей, и Люба поняла, что он не шутит.

– Ну, хорошо, хорошо. Кричать-то на меня зачем?

Это была ее обычная защитная реакция – от обороны к нападению, но Нестеров не обиделся, привык уже. Зато теперь точно знал: жена его услышала и на подкорку себе записала.

Завтрак хозяева устроили по принципу самообслуживания: каждый брал поднос и ставил на него понравившиеся блюда. Система, в принципе, знакомая. Другое дело, что пришли они, как оказалось, к шапочному разбору. Людей в

зале не было, еды оставалось – кот заплакал. На полке холодильной витрины в тарелке с водой плавало несколько кусочков сливочного масла, в блюдах лежали порции сыра и брынзы; с кашей, кажется, тоже были проблемы, из горячего оставались макароны и мясные биточки.

– Извините, – Сергей понял, что малыши останутся голодными. – А для детей у вас ничего нет? Может, омлет, молочное, еще что-нибудь...

Он не успел договорить, как рядом с худющей, неприветливого вида работницей кухни, стоявшей на раздаче, возник высокий мужчина с орлиным профилем, в накрахмаленном белоснежном френче с двумя рядами перламутровых пуговиц. На голове красовался замысловато скроенный поварской колпак. Окинув с высоты своего роста семью Нестеровых от мала до велика, он обрадовано улыбнулся и, молча, плавным царственным жестом пригласил пройти в зал, где появился через пару минут. На подносе, который капитан кухонного корабля держал на отлете левой рукой, расположились чашки с блюдами, тарелочки, столовые приборы, стаканчики со сметаной, сливочное масло, вазочка с куриными яйцами, большая пиалушка с крупнозернистым творогом, а на блюде лежали белый хлеб и булочки местного производства, издававшие манящий запах ванили.

– Здравствуйте, дорогие! Все для вас, пожалуйста! Сосо предупредил меня, но я все равно начал беспокоиться, вдруг вы не придете! Кушайте, на здоровье! Приятного аппетита!

Дважды повторять не пришлось, в это утро у всех Нестеровых прорезался зверский аппетит. В десять часов у главного входа их ждала черная «Волга», скорее всего, как подумал Сергей, машина начальника особого отдела Закавказского военного округа. Водитель быстро домчал до центра, и Нестеров попросил остановить в начале проспекта Руставели, недалеко от универмага. Вопреки прогнозам метеорологов, но в точном соответствии со словами встречавшего их Сазонова, день был замечательный. Солнце пробивалось сквозь пышную крону платанов, образуя на тротуаре причудливую тень – настоящие кружева, меняющие свою форму под легкими дуновениями ветерка. Младшие Нестеровы тут же придумали для себя игру: кто успеет наступить ногой на постоянно убегающий от них край тени. Они забавно бегали по тротуару, и голоса, как два колокольчика, звенели и переливались, невольно обращая на себя внимание прохожих, с улыбкой смотревших на детей.

Сергей помнил, что где-то здесь была станция подвесной канатной дороги, по которой можно подняться на гору, и тогда сверху перед тобой откроется весь Тбилиси. Он спросил дорогу у мужчины, шедшего в попутном направлении, и тот проводил их прямо к началу воздушного путешествия. На таком виде транспорта ребята еще не катались. Им нравилось все: маленькие машины, троллейбусы и автобусы, бегущие далеко внизу по улицам; люди, снующие как муравьи; раскачивающийся вагончик, ползущий вверх. А Люба, в от-

личие от детей, безумно боялась высоты, хоть и ходила в студенческие годы в горы. Бледная, как мел, она стояла, ухватившись одной рукой за металлический поручень, а второй – до боли сжимая Сережкин локоть. Едва оказавшись на твердой земле, опираясь на плечо своего благоверного, горе-путешественница выбралась из воздушной колыбели и почти рухнула на стоящую недалеко скамейку.

– Что хотите со мной делайте, но больше я на этой тарайке не поеду. Не дай Бог оторвется... – Едва слышно сказала она и, мгновенно вскинувшись, испуганно закричала: – Олег, Ольга не подходите близко к краю! Сейчас же сюда!

Когда все улеглось, они, наконец, увидели то, ради чего поднимались на такую высоту – Тбилиси. Ни на что не похожий город, вобравший в себя несравнимые красоту и очарование. Узкие улочки и крыши старого города, храм на самом краю обрывистого берега Куры... Люба и Сергей, как зачарованные, любовались открывшейся картиной, потом, как сговорившись, повернулись друг к другу.

– Нестеров, молчи! – Она прикрыла ему рот ладошкой и, улыбнувшись, запела вполголоса, а он подхватил со второй строчки:

«Такой лазурный небосвод,
Сияет только над тобой,
Тбилиси мой любимый и родной...».

Довольные, они рассмеялись – сколько раз такое было:

у одного еще только в голове, а у другого уже на языке.

– Ну что, пошли, ребятня? – и они двинули к телевизионной вышке.

Народу было немного, в основном, такие же туристы, как они. Дети тянули в разные стороны: Олежка хотел посмотреть развалины крепости, а Ольга познакомилась с девочкой, которая звала ее играть в классики. Примирение интересов произошло у тележки с мороженым, где единодушно сошлись на том, что самое вкусное – вафельные рожки, и каждый съел по две порции. Время летело совершенно незаметно, тем более что спускаться стали на своих двоих с шутками и прибаутками. Так они опять оказались на проспекте и пошли по тротуарам, рассматривая здания и прохожих, спешащих по своим делам.

Большие уличные часы показывали без трех минут два – время звонить Божинскому. Нестеров зашел в будку телефона-автомата, из горы мелочи выудил двушку и набрал номер, заглядывая в бумажку, которую предусмотрительно дал ему Влад. Трубку сняли после второго гудка.

– Владислав Казимирович?

– Да, слушаю вас.

– Влад, это Сергей Нестеров.

– Я так и понял. Как погуляли?

– Нормально, на горе были.

– Понравилось? Где вы сейчас?

– На проспекте Руставели. Справа от меня трехэтажное

здание и перед ним два мужика на постаменте...

– А-а, кажется, понял. И ступени вверх?

– Ага...

– Это школа, а мужики на постаменте, как ты говоришь: Чавчавадзе и Церетели...

– Кто? – не совсем расслышал Нестеров.

– Неважно, потом расскажу, если интересно. Стойте там, далеко не уходите, машина минут через пять будет. Давайте, до встречи у нас дома. Я подъеду раньше вас.

Владислав ждал их у подъезда, на лифте поднялись на шестой этаж восьмиэтажного дома. Дверь открыла Светлана, хозяйка, рядом стояли, встречали гостей одетые по-праздничному младшие Божинские: девочка, ровесница Олега, и мальчик того же возраста, что и Ольга. Едва познакомившись, дети сразу разделились по интересам: ребята пошли по своим мужским делам, а девчонки – куклами занялись. Трехкомнатная квартира, с большой кухней и лоджией, казалась просторной и светлой. С учетом гостей, стол накрыли в гостиной. Ассортимент и количество закусок, а на обед, как объявили, еще будет свекольный борщ и кролик в сметане, явно превосходили возможности приглашенных, что, конечно, не осталось без Любиного внимания.

– Светочка, ну что вы, зачем столько?

– Ничего, – легко ответила хозяйка. – Не пропадет. Давайте лучше руки мыть и за стол садиться.

По обоюдному молчаливому согласию мужчины за сто-

лом ограничились квасом домашнего приготовления, однако разговор от этого не стал менее интересным и содержательным. Божинский расспрашивал о заморском житье Нестеровых, местных обычаях и нравах, что едят, что пьют, и сам много рассказывал про Польшу, куда попал после окончания Высшей школы, и Грузию, куда его перевели с повышением. У женщин, естественно, были свои темы: что есть в магазинах, и сколько стоит... Так, под разговор они прикончили и первое, и второе.

– Да, – вспомнил Божинский. – Ты про Гоглидзе вчера спрашивал, я был у них в отделе: в отпуске он, на днях выйдет. Ему передадут, что ты приехал, фамилию и адресок они записали. Ты, кстати, знаешь, как у него здесь все сложилось? Нет? Нетривиально, я бы сказал. Подробности мне, конечно, неизвестны, я ведь в Тбилиси год всего, но, в общем и целом... – он положил на тарелку столовые приборы и продолжил: – Начало было замечательным, Гоглидзе быстро поднялся, года за два, наверное. Стал заместителем начальника отделения, а в семьдесят пятом или шестом у него родился сын. В тот же день, естественно, отмечали рождение наследника и по грузинскому обычаю открыли стрельбу в воздух. Все бы ничего, только палили из пистолета, который за Гоглидзе числился. Как всегда у нас в таких случаях, назначили служебное расследование. Игорь все на себя взял, хотя стрелял, вроде, не он. Объявили неполное служебное соответствие. Тут Афган начался, а Гоглидзе, как оказалось,

до этого на каких-то курсах спецподготовку прошел, и его туда. Вернулся на должность начальника отделения, а в прошлом году заместителем начальника отдела контрразведки Грузии назначили, большим начальником стал. Вот, такая, значит, петрушка, дорогой Серега. Ну что, золотые мои? – обратился он ко всем. – Дальше придется работать по индивидуальным программам: вы – на прогулку по городу, а я – на службу. За обед спасибо, и пока. Увидимся еще!

Мастество грузинского танца

В гостиницу они попали к восьми часам на машине Сазонова. Света оставляла на ужин, но Нестеровы чувствовали себя неудобно – надо, в конце концов, и совесть иметь – договорились, что Божинские заедут за ними в гостиницу завтра вечером, и тогда по ходу что-нибудь придумают.

Они вошли в ресторан и растерялись: казалось, все забито до отказа, но подошел официант и проводил их в дальний конец зала. По дороге, через пятое на десятое, объяснил, что по указанию дирекции за ними закрепили отдельный столик на все время пребывания в гостинице. Кто был этим добрым волшебником, и почему он так распорядился, для Нестерова оставалось загадкой. Он задал вопрос, но объяснения сопровождающего еще больше все запутали. Как бы то ни было, несмотря на аншлаг, семья сидела за столом, а официант находился в готовности принять заказ.

Они доедали салаты, когда появился «морской капитан», шеф-повар ресторана, сменивший колпак на живописный белоснежный берет. Любезно справился, нравится ли им местная кухня, ответил на вопрос, какое вино лучше взять, и посоветовал заказать детям котлетки из курицы, очень уж хороши. Прекрасный ужин шел к завершению, и тут, неожиданно, и в зале, и на улице погас свет. Наступила полная темнота и с ней гнетущая тишина. Так продолжалось несколько

секунд, и вдруг кто-то из мужчин запел. Негромко и протяжно. Голос был чистым и теплым. Песню подхватил другой мужчина, потом еще и еще. Сергей слышал мелодию справа и слева, она становилась все громче и громче и, наконец, захватила все пространство казавшегося безграничным зала. Такого прекрасного многоголосия Нестеров никогда не слышал. Как можно так петь? Уму непостижимо! Без репетиций и хормейстера, художественного руководителя и дирижера? Без всех, казалось, необходимых, современных атрибутов хорового искусства?! Где, когда, в каких землях и народах, возможно такое, чтобы случайно оказавшиеся рядом люди могли так понимать, чувствовать друг друга и мелодию песни? В пространстве музыки время теряло свое значение.

Внесли несколько свечей, и стало чуточку светлей, потом где-то вдали застучал генератор и желтым цветом тускло загорелись лампочки в люстрах. Царившая над всем и всеми мелодия стала быстро стихать и угасла сама собой, как огонек догоревшего костра. И почти сразу ресторан грубо отыграл упущенное: зашумели, загалдели, где-то упал и разбился бокал, кто-то закричал, требуя официанта, – пошло все как обычно.

Они вышли на воздух. Сергей, под впечатлением услышанного, спросил Любу, потому что кто, как не она, профессионально занимавшаяся пением, могла объяснить происшедшее:

– Ты что-нибудь, понимаешь?

– Нет, дорогой мой. Я не знаю, как такое возможно. Помню, в свое время Тамаз говорил мне: сколько бы грузин ни собрались за одним столом, петь будут не хуже вашего ансамбля Советской Армии. Я тогда не то, что не обратила внимания, скорее не поверила. Да, думаю: опять эти грузинские похвальбушки. А сейчас, когда услышала... – она в восхищении покачала головой.

– Любаш, Тамаз же в Тбилиси, давай встретимся? Сколько лет не виделись...

– Сереженька, он умер два года назад, сердце. Я не стала тебе говорить, не до того было.

– Жалко, хороший мужик. А ты помнишь, как он в тебя был влюблен?

– Да ну тебя... – Она засмушалась и покраснела.

– Пап, мам! – подлетели дети. – Пошли скорей, там сейчас оркестр играть будет. – И они потянули родителей за руки.

Освещение работало в прежнюю силу, площадка с небольшой эстрадой сияла гирляндами лампочек, развешанных на столбах. На сцене, похоже, готовился к выступлению вокально-инструментальный ансамбль: синтезатор, две гитары, саксофон и ударник. На первой линии стояли два микрофона и еще один – у клавишника, который и дал знак всем остальным. Вероятно, из-за припева начали с песни Стаса Намина – «Мы желаем счастья вам...». Звучало достаточно забавно, с непередаваемым местным колоритом, но расшевелить народ не удалось. Потом пошла неплохо сделан-

ная джазовая оркестровка, незнакомая Нестерову, но ни первая вещь, ни вторая – расположившуюся по краям площадки публику с места не сдвинули. К микрофону подошел молодой, лет двадцати гитарист, взял вступительный аккорд и запел малоизвестную песню:

«На твоих ресницах иней,
И часы пробили осень
Полночь скроет в небе синем
Рейс «пятнадцать–сорок восемь»».

И как только начался припев: «Поздний вечер в Сорренто нас погодой не жалует...», в центре пустой площадки оказалась маленькая Оля Нестерова. Совсем недолго она танцевала одна, потом, как Золушка на балу у короля, взяла за руки какую-то пару и вывела их на площадку, затем наступила очередь родителей, а там уже закружились все, кто умел вальсировать, а остальные – просто переступали под музыку. Это было началом, а дальше все завертелось само собой. Ольга не пропускала ни одного танца, и для каждого находила свой рисунок и выражение. У нее даже образовалось свое место, зрители и болельщики.

Музыканты объявили перерыв и пошли на перекур здесь же, недалеко от площадки. К ним подошел молодой, стройный, красивый мужчина, и они стали что-то оживленно обсуждать между собой, оглядываясь на стоящих в стороне Нестеровых. Потом он передал патлатому руководителю ан-

самбля, вероятно, деньги, издалика Сергею было плохо видно, и они ударили по рукам. Оркестранты заняли свои места. Первым вступил ударник, и, как только Нестеров услышал звуки барабанов, понял: сейчас будет танец, который все русские называют: «Лезгинка». «Наверное, хотят реванш взять», – подумал Нестеров. Интуиция не подвела. Человек, договорившись с оркестром, красиво, гордо, с достоинством в каждом движении, как это умеют делать горцы, вывел свою спутницу на середину. Начиная танец, они медленно, в такт музыке пошли от центра по краю площадки.

Наблюдая за ними, Нестерову показалось, что есть какие-то различия в рисунке и манере танца от традиционной «русской «Лезгинки», которую пляшут в ресторанах и на свадьбах захмелевшие представители кавказских и других славных народов «необъятной Родины моей». Он хотел сказать об этом Любе, но тут рядом с собой увидел Ольгу, которая, не отрываясь, смотрела на танцующих мужчину и женщину. «Вот, кто наверняка знает, – мелькнуло в голове. – Она же два года в «Мзиури» занимается».

– Оленька, а как этот танец называется?

– Картули, пап. Знаешь, они так здорово танцуют...

Не договорив, она поправила свое легкое летнее платьице, сшитое бабушкой, и сделала шаг вперед. Расслабив кисти, красиво выстроив пальцы, подняла руки на уровень плеч, правая оказалась впереди, а левая сзади и немного ниже, чуть склонила голову и, опустив глаза, поплыла в тан-

це. Сергей даже представить себе не мог, что его дочь, маленькая Оленька, может ТАК танцевать! Они были напротив друг друга – грузинская пара и светловолосая русская девочка с голубыми глазами. Иногда движения были почти синхронными. Никто больше не рискнул выйти на площадку, окружающие с нескрываемым удовольствием и восхищением смотрели на них. Оркестр заиграл быстрее, что только добавило танцу очарования. Рядом с Нестеровыми стояла семья из трех человек: папа – грузин, мама – русская и сын, лет десяти. Все, мягко говоря, плотного телосложения, причем мальчик этим особенно отличался, щеки почти падали на плечи. Отец, оторвавшись от созерцания грациозно двигающихся людей, повернулся к сыну и с крайней степенью сожаления и раздражения сказал:

– Видишь, как русская девочка танцует? – На слове «русская» он сделал особый акцент. – А ты?!

От бессилия и разочарования он вlepил ни в чем неповинному сыну подзатыльник.

Темп музыки все нарастал, нарастал и оборвался на самом пике – танцоры замерли. Закричали и захлопали в восторге зрители. Начавший танец мужчина проводил свою даму, поддерживая за локоть, а Ольга сама легко упорхнула в объятия папы, мамы и брата. Взрослые и дети окружили Нестеровых. Кто-то протягивал конфеты, девочка младше Оли хотела подарить ей куклу, а красивая пожилая женщина с сединой в волосах стала просить Любу принять для маленькой

танцовщицы серебряные, чудной работы сережки с камушками. Хоть семья и отказывалась, как могла, но подарки пришлось взять. Все-таки от чистого сердца. Деловой Олег распределил неожиданно свалившееся к ним добро по категориям: конфеты в одну сторону, печенье и вафли – в другую, игрушки в третью. Что-то положил маме в сумку, другую часть рассовал по карманам, своим и родительским.

Снова заиграл оркестр, Ольга, конечно, опять закружилась в танце, а за спиной Сергея раздался голос:

– Извините, пожалуйста. Здравствуйте! Меня зовут Резо Давиташвили, я – солист Государственного ансамбля народного танца Грузии. А это моя спутница и партнерша Софиико.

Перед ними стояла пара, только что выступавшая на импровизированной сцене.

– Очень приятно. Меня зовут Сергей, моя жена Люба, сын Олег, а на площадке, как всегда, наша дочка Оля.

Представив членов семьи, Нестеров с улыбкой протянул руку.

– Я еще раз прошу прощения, если потревожил вас, – сказал Резо, отвечая на рукопожатие. – Но для нас было большой неожиданностью, когда на площадку вышла ваша дочь. Она прекрасно танцует, и, главное, знает Картули! Откуда? Мы же видим, вы – приезжие. Из Москвы, наверное?

– Не ошиблись, а Картули... – Сергей не успел ответить, его перебил насупившийся и принявший солидный вид Олег. – Оля ходит заниматься в ансамбль «Мзиури». Она там

солистка, – он секунду подумал и добавил с достоинством: – Как вы.

– В Москве есть детский ансамбль грузинского танца?! – Воскликнула Софико. – Первый раз слышу.

– Есть, – подключилась Люба. – Мы живем в новом микрорайоне, Отрадное называется, и самый близкий от нас хореографический кружок «Мзиури» в Свиблово. Вот такой парадокс: русского танца нет, а грузинский – пожалуйста.

– Дорогие! Сергей, Люба! – призвал Резо. – Мы с Софико приехали сюда навестить наших друзей из Кахетии. Пожалуйста, не обижайте, присоединяйтесь к нашему столу! – Нестеров отметил, что приглашение было не дежурным, искренним.

– Мы, собственно, не против... – Он посмотрел на Любу и та согласно кивнула. – Только Ольгу от танцев отрывать не хочется.

– Давайте, мы пойдем, а вашей дочке скажем, чтобы она приходила прямо в ресторан, здесь два шага...

– Лучше по-другому, – предложила Люба, хорошо помня просьбу мужа. – Вы идите, а я Оленьку подожду, пока танцы не кончатся. По-моему, немного осталось. Мы потом придем...

– Я с тобой, мам, – подал голос Олег.

– Сереж, ты иди, иди. Ничего страшного, а то неудобно перед людьми.

– Ладно, – ответил несколько смущенный отец семей-

ства. – Только приходите скорей.

Нестеров вместе с Резо и Софико вернулся в полупустой ресторан, где за длинным столом, уставленным множеством бутылок, разнообразными закусками, жареными цыплятами, шашлыками сидело человек двадцать. Резо представил Сергея, как друга из Москвы, и этого оказалось достаточно, чтобы его усадили на одно из самых почетных мест, наполнили бокал вином и произнесли прекрасный тост за здоровье, счастье и благополучие дорогого гостя. Потом были еще тосты и еще, при этом каждый раз бокалы наполнялись до краев и осушались до дна. Нестеров захмелел и не заметил, как рядом с ним оказался Резо.

– Сергей, – он будто не прерывал разговора. – Вы надолго в Тбилиси?

– Да, нет. В воскресенье уезжаем.

– Почему так мало? Погостили бы еще...

– У нас путевки в Гагры, детей на море надо везти.

– А вы сами чем занимаетесь, работаете?

– Конечно, – Сергей не стал больше ничего объяснять. –

А в чем, собственно, дело?

– Понимаете, дорогой, – Резо немного замялся, не зная, как лучше сформулировать свою мысль. – Видите, напротив справа сидит мужчина с усами. Это художественный руководитель нашего ансамбля, он видел, как танцует ваша дочь и в полном восторге от ее выступления...

Для Нестерова слова Резо не были откровением, поэтому

он промолчал, ожидая продолжения.

– Мы тут подумали, – голос собеседника зазвучал более уверенно. – А что, если ваша дочь станет выступать с нами, она может быть даже солисткой нашего ансамбля... – Резо привстал и обратился к мужчине, которого он представил, как художественного руководителя ансамбля. – Вахтанг, дорогой! Прошу тебя, подойти к нам, пожалуйста. – Потом опять обратился к Нестерову: – Я хочу, чтобы он сам, у него лучше получится...

Нестеров старался, но ничего понять не мог: «Может, у него шутки такие дурацкие? Какой еще ансамбль, выступления?! Они что, с ума посходили?!». Настроение испортилось.

Направляясь к Резо и Сергею, Вахтанг сказал несколько слов на ухо почтительно склонившемуся к нему официанту, и тот, перекинув полотенце через руку, бегом бросился выполнять поручение. Подходил деятель танцевального искусства быстрым шагом, широко раскрыв объятия.

– Дорогой! Я счастлив, обнять вас! – Хочешь – не хочешь, пришлось Сергею принять этот знак внимания и уважения.

– Дорогие друзья! – Вахтанг обратился ко всем сидящим за столом. – Свершилось! Свершилось то, что я и представить себе не мог. Сам Святой Георгий привел нас сюда. Он благословил и вывел сегодня на сцену не только наших прекрасных Резо и Софику, но и чудо, что только во сне могло мне привидится. Как я ждал этого счастья, как желал, что-

бы сбылись мои сокровенные мечты. Но то, что случилось сегодня, превзошло самые смелые ожидания. КТО, скажите мне, КТО сегодня еще вышел на сцену? Русская девочка, скажете? Да, конечно, несомненно, но это не просто девочка! Ангел, посланный Господом Богом на святую землю нашей Грузии! Вот, кто!!! Все путеводные звезды сошлись сегодня, они привели нас сюда, чтобы мы видели, как действительно выглядит великая семья наших народов, как тесно, неразделимо соединились наши культуры: русская и грузинская. Вы могли себе представить, чтобы русский ребенок танцевал Картули? Да? Нет, не могли! Никто не мог! Я не мог, клянусь небом! Но мечтал, всю жизнь мечтал! Как? Как, скажите, это называется? Я вам отвечу: СЧАСТЬЕ!!! Вот, что это такое, вот как это называется, мои дорогие! Я поднимаю бокал за прекрасного человека, великолепного мужа, заботливого отца и, я уверен, бесконечно уверен, заботливого сына своих родителей, за нашего друга из Москвы – Сергея!

Все одобрительно зашумели, а кто еще сидел, встал с бокалом в руке. Нестеров хотел взять свой, стоявший на столе, но не успел. Из-за спины Вахтанга, как черт из табакерки, возник официант, держа в руках приличных размеров рог, наполненный вином. В животе у Сергея противно заурчало – организм вспомнил, что случилось в прошлый раз.

Тогда, почти пятнадцать лет назад, агитбригада Высшей школы ездила с концертами по Грузии, в основном, по пограничным заставам, и Игорь зазвал его в гости к своему

дяде, профессору филологического факультета Тбилисского университета, отцу двух симпатичных озорных мальчишек-близнецов. В перерывах между тостами и сменами блюд Нестеров учил их всяким заковыристым приемчикам из боевого самбо, так что дружба завязалась серьезная. На излете вечера папаша дает ничего не подозревающему Сергею громадный рог, вливает туда бутылку красного вина, берет бокал и произносит здравицу в его честь. Но кого и чего в ней только ни было. И генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, и происки мирового империализма, и родители – прародители Сергея, и любимый самый дорогой племянник Игорь, его близкие и дальние родственники, а еще там были здоровье, любовь, счастье, несчастье, радость, горе, и много-много чего еще. Причем, все вперемешку. Закончил профессор речь, поднимает свой бокал и смотрит, вопрошая, на Сергея. Взвесив силы, и без того «нагруженный» Нестеров понимает, что, если опустошит емкость, а рог не стакан – недопитым на стол не поставишь, грядет катастрофа – можно и в гостиницу не попасть, и лицо в салате потерять. Собрался с духом и заплетающимся языком глаголет, казалось, самую что ни на есть истину: «Простите, Христа ради, не могу больше». «Нэ можеш, нэ пэй, дарагой! – говорит профессор и повторяет: – Нэ пэй! Пусть паталок рухнет в маей квартире и предавит тут мэня и детей маих, каторые так полубили тэбя, а ты нэ пэй, дарагой! Вино выльем вместе с нашим здоровьем! Маим, тваим здоровьем, Игоря зда-

ровьем, детей маих! Нэ пэй!» Стоит, слезы на глазах, еще секунда и заплачет, будто теряет близкого человека. Пришлось выпить. С незабываемыми до сих пор воспоминаниями.

Вахтанг сразу заметил, как изменилось выражение лица Нестерова, и понял: «Откажется, не будет пить! Нельзя, никак нельзя. Нехорошо будет, некрасиво».

– За Сергея! – еще раз воскликнул он и продолжил, искусно изменив направление тоста. – Отца прекрасной, замечательно талантливой девочки. – Тут Вахтанг в недоумении обратился с вопросом ко всем присутствующим за столом, будто видел их в первый раз. – Слушайте! Кто привел ее сюда, как она вообще здесь, в этот час, оказалась, вместе с нами? Вы знаете? Автандил, ты знаешь? А ты, Ираклий? Я отвечу вам, всем отвечу! – Вверх взлетела рука с вытянутым указательным пальцем. – Святой Георгий! Только он! Небесный защитник этого ребенка, этого ангела. Он привел ее к нам. – Вахтанг взял у официанта рог и повернулся к Нестерову. – Сергей! Дорогой! Дорогие гости! Дорогие друзья! Давайте выпьем за счастье и здоровье маленькой красавицы, принцессы, за ее прекрасное будущее, за несравненный талант этого ребенка! Я только глаза прикрою, – он всем продемонстрировал, как он это сделает, – и вижу: она парит над сценой, а наши джигиты склонили головы, перед белокурой красавицей, ангелом, спустившимся к ним с небес. Дорогой! Прими этот рог в знак нашего глубочайшего уважения к тебе. – Он поклонился и передал рог из рук в руки Сергею. –

Выпей за счастье и здоровье дочери, ее светлое и прекрасное будущее, талант и красоту! Пусть всегда горит над головой этой девочки звезда счастья и ни одно, даже самое маленькое облачко не скроет от нас сияние ее голубых глаз!

Собравшиеся за столом одобрительно зашумели, и гости один за другим стали подходить к Сергею. Каждый говорил ему что-то свое, теплое и душевное. Буквально через минуту Нестеров оказался в центре полукруга: он – спиной к столу, в руках рог с вином; напротив и по бокам все остальные. «Ну, все! Попал! – пронеслось в голове. – Хорошо хоть до номера недалеко». Нестеров осторожно начал пить, опасаясь не справиться с таким количеством поглощаемого напитка, но, к счастью, обошлось. Сделав последний глоток, под бурные проявления восторга он перевернул опустошенный рог и с улыбкой, боясь расплескать содержимое, осторожно опустился на стул. Рядом сел Вахтанг, который, активно жестикулируя, стал рассказывать об ансамбле, его солистах, музыкантах, покровителях, почитателях и, особенно подробно, о зарубежных гастролях: в каких странах они выступали, сколько денег в валюте получают артисты и так далее. Сергей слушал, не особо вникая в смысл, чувствуя, как выпитое вино медленно, но верно делает свое подлое дело. Финал был известен, поэтому, что там говорил Вахтанг о заграничных турне – Нестерова мало волновало. «Главное, – стучало в висках, – до Любы продержаться и уйти спокойно, не теряя лица. А то вынесут на руках, со стыда потом

сторишь». К счастью, долго ждать не пришлось – балетных дел мастер не успел до конца описать все прелести жизни танцевального ансамбля, как появилась Люба с детьми, огляделась, заметила мужа и, улыбаясь, направилась к нему. По мере приближения ее настроение менялось: от радости и веселья к тревоге и озабоченности. Она подошла, поцеловала мужа в щеку и незаметно для других шепнула: «Сережа, соберись, любимый». Нестеров будто ждал ее слов, тут же поднялся из-за стола и встал рядом с женой, слева и справа за руки уцепились Олег и Ольга. Резо представил Любе Вахтанга и, играя в европейскую учтивость, галантно предложил вина. Она взяла бокал и негромко обратилась к присутствующим в зале:

– Дорогие друзья! – Голос не перекрывал всего шума ресторана, но большинство услышали обращенные к ним слова. – Именно друзья! А как по-другому я могу назвать вас? – Стало заметно тише. – Добрых, замечательных, красивых людей с открытым сердцем и прекрасной душой. Мы только прилетели из Москвы и всего-навсего второй день на гостеприимной грузинской земле, но у меня, моего мужа, наших детей столько прекрасных впечатлений, что в другое время и другом месте за год не соберешь. Спасибо вам за огромное радушие, гостеприимство, за добрые слова, идущие от самого сердца. – Она подняла бокал чуть выше. – За вас, дорогие друзья, за ваше здоровье, удачу, счастье, за ваших родных и близких! За нашу дружбу! За великолепную Грузию и пре-

красный грузинский народ!

Все встали, кто-то зааплодировал, мужчина, сидевший со своей спутницей за соседним столом, поднялся, громко произнес несколько слов на грузинском языке и тут же воскликнул по-русски: «За Москву! За Россию!». Улыбнувшись, Люба Нестерова пригубила бокал и поставила его на стол.

– Вы извините, – обратилась она к Резо и Вахтангу. – Время позднее, сами понимаете: дети... Мы пойдем с вашего разрешения...

К номеру Сергей добирался на автопилоте, держа за руки детей, и, как только перешагнул порог, сделал несколько шагов и упал на кровать, потратив остатки силы и воли на нелегкий для себя путь от ресторанного стола до постели.

Утро для Нестерова было недобрым. Прощение Любы он, конечно, получил, честно рассказав как все было, а вот со здоровьем надо было что-то делать... Немного облегчил похмельные страдания ресторанный капитан, напоив его каким-то кислым напитком на молочной основе, однако остаточных явлений все равно хватало. После завтрака, как договаривались, пошли на пляж. Солнышко грело хорошо, но вода в Тбилисском море за сутки теплей не стала и вполне подходила для принятия отвезвляющих процедур. Нестеров, презрев все преграды, в гордом одиночестве раз пять, наверное, совершал заплывы и в результате к обеду почувствовал себя огурцом, даже пупырышки появились от холода. Настроение заметно улучшилось – в радужных надеждах

ему подумалось, что после супчика и каких-нибудь котлеток он вместе с детьми приляжет на часок–полтора и к вечеру, когда приедут Божинские, будет в идеальной физической форме.

Обед понравился всем. Блюда назывались по-русски, но вкус был точно грузинский. Нестеров взял острый с кислинкой рассольничек и мясо в ароматном соусе с тушеными овощами; Люба выбрала любимое ей лобио и стручковую фасоль с бараниной в горшочке; детям капитан кухонного корабля предложил сырники или как там они еще назывались с вкуснейшим вареньем из айвы, которые они смолотили без остатка. На третье, естественно, кисленький компот, из белой сливы. Порции были небольшими, но из-за стола они встали сытые и довольные. Перед дневным сном решили сделать кружок по территории, чтобы пища улеглась, и только вышли, нос к носу столкнулись со вчерашними друзьями, Вахтангом и Резо.

– Сергей! Дорогой! – И снова объятия, будто не виделись лет десять. – А мы за вами, дорогие. Хотим в Тбилиси вас пригласить, пообедать. Очень просим, пожалуйста, машина в вашем распоряжении! – Вахтанг широким жестом указал на белую «Волгу». – Резо за рулем, а я по дороге буду вам все рассказывать и показывать. Я это люблю: показывать, рассказывать. Да, Резо? В лучший ресторан поедем, там...

– Вы извините, – Сергею пришлось его перебить. – Спасибо, конечно, за приглашение, но мы только что пообедали...

– Тогда кофе! Самый замечательный кофе в Тбилиси! А что может быть лучше, чем чашечка этого божественного напитка после обеда? Да, Резо? – Вахтанг посмотрел на старших Нестеровых и, не увидев большого желания трогаться с места, добавил, обратившись к детям: – С мороженым!

Это уже был запрещенный прием. У младшеньких, конечно же, загорелись глаза, они чуть ли не запрыгали от нетерпения. Люба с Сергеем переглянулись, не понимая, чем вызвана такая настойчивость, выходящая за рамки даже грузинского гостеприимства. Осторожность и профессиональная подготовка взяли верх.

– Дорогие, уважаемые Резо и Вахтанг! – начал Нестеров, и жена, как самая настоящая вторая половина, тут же подхватила: – К нам сегодня вечером приезжают наши друзья, русские из Тбилиси, и мы, честно говоря, хотим отдохнуть перед встречей. Все-таки, знаете, тяжело из одного застолья в другое, – Люба внимательно посмотрела на огорченные лица приехавших, – но мы понимаем, или, скорее, догадываемся, что вы не просто так приехали. Может, хотите о чем-то поговорить с нами? – Вахтанг и Резо переглянулись и согласно кивнули. – Тогда давайте я отправлю детей на площадку, а мы с вами присядем на лавочку и поговорим.

Возражений не последовало, хотя предложение жены Нестерова особого восторга у новоиспеченных друзей не вызвало. Люба подозвала к себе Олега и Ольгу, наклонившись, сказала несколько слов, и дети отправились на качели

в нескольких метрах от входа в гостиницу.

Разговор начал не в пример вчерашнему веселью сосредоточенный и серьезный Вахтанг.

– Конечно, вы правы, Люба! Позвольте мне вас так называть, – он решил, что понял, кто в доме хозяин. – Сто раз правы! Мы очень хотим, чтобы вы знали, мы – друзья, ваши самые настоящие друзья. Все наши желания, предложения – только для вас. Чтобы жизнь ваша была полной и богатой. Чтобы счастье и благополучие не оставляли вас и ваших детей! – Вступление было многообещающим. – Вчера, когда я увидел, как ваша дочь танцует Картули, я был без ума от счастья! Вы не поверите, но несколько лет назад мне приснился такой сон. Всем чем хотите, поклянусь, правду говорю! Скажи, Резо! Русская девочка, блондинка с голубыми глазами танцует в окружении наших джигитов. Я заснуть тогда не мог, неделю не спал, все думал: как красиво будет, как люди будут счастливы, мы все будем счастливы. Когда вашу дочь увидел, у нас с Резо сразу мысль родилась: а что, если она будет солисткой в нашем ансамбле? – Нестеровы недоуменно посмотрели на него. – Вы думаете, что это невозможно? Конечно, конечно, я вас понимаю. Если б мне так сказали, как вам, я бы сам не поверил. Мы поэтому и не стали вчера обсуждать подробности, сами еще не все знали. Но сегодня утром мы говорили с товарищами, – указательным пальцем Вахтанг показал наверх, – и нас поддержали. Да, Резо? Сказали: хорошая мысль, правильная. Еще сказали, что лю-

ди здесь в Грузии, в России, в Америке, на всем земном шаре своими глазами увидят настоящую дружбу грузинского и русского народов! Пусть все смотрят! Так сказали. Да, Резо? Они все вопросы возьмут на себя, вы не беспокойтесь. И с Москвой все решат, они говорят: их поддержат...

– Подождите, – резко перебила его Люба. – Вы что, хотите, чтобы мы отдали вам нашу девочку?

Она вскочила на ноги и, как разъяренная фурия, нависла над сидящим на лавочке Вахтангом. Казалось еще секунда и прошедшая с мужем-разведчиком все огни и воды Люба Нестерова бросится на этого черного, волосатого, небритого мужчину, который хочет отобрать у нее дочь, кровиночку маленькую.

– Что вы, что вы? – Он с опаской смотрел на нее снизу вверх, понимая, что от этой женщины можно ждать чего угодно. – Я так думать даже не хочу. Клянусь мамой! Мы хотели пригласить вас вместе с дочерью. Вы же взрослая, вас оформим в ансамбль, будете получать очень хорошую зарплату, а дочка будет учиться в лучшей школе Тбилиси и выступать с нами. Мы жильё обеспечим, квартиру...

Теперь уже встал сам Нестеров, а вслед за ним вынуждены были подняться Резо и Вахтанг.

– Знаете что, друзья! Давайте прекратим этот совершенно бессмысленный, на мой взгляд, разговор. Ни к чему хорошему он не приведет, уверяю вас. Ни о каких выступлениях нашей дочери в вашем ансамбле и речи быть не может. Да-

вайте считать, что вы пошутили. Так будет лучше для всех. – Нестеров улыбнулся, хотя кто бы знал, чего это ему стоило.

– Я так думаю, дорогой Сергей, что вы не понимаете политического значения нашего предложения. Да, Резо? – Вахтанг тоже улыбался, но голос был жестким. – Мы были в нашем министерстве культуры, они связывались с ЦК партии, там нас тоже поддержали, мы...

– Что ж, – не повышая голоса, перебил его Нестеров. – Можете не продолжать. И так все ясно. Не хотите свести все к шутке, не надо. Дело хозяйское. Мы свое слово сказали. Пойдем, Любаш!

Он повернулся к ним спиной, давая понять, что разговор закончен, но, видимо, так не считал Вахтанг. Стараясь удержать Сергея, он схватил его за плечо, и с угрозой в голосе крикнул:

– Подождите!

Нестеров обернулся и молча посмотрел Вахтангу в глаза. Он знал, как это действует на людей. Даже ненаглядная теща на заре их отношений говорила: «У-у, паразит, посмотрит, как к стенке припечатает». Вахтанг отдернул руку, будто обжегся, и сделал шаг назад. Сергей, не сказав ни слова, повернулся к жене, окликнул детей, и все вместе пошли в гостиницу. Младшеньких уложили в спальне, а сами все никак не могли успокоиться.

– Ладно, солнышко, хватит себя накручивать, – вынужден был сказать Сергей, когда в четвертый раз по кругу стали

обсуждать случившееся. – Как говорил красный командир Василий Иванович Чапаев, они же наших академиев не кончали, вот и полезли на рожон со своим дурацким предложением. Ничего, Влад сегодня приедет, я ему расскажу про мастеров народного танца. Он их научит, как родину любить и русско-грузинскую дружбу крепить.

Они сидели на диване в гостиной. Нестеров обнял жену за плечо, прижал к себе и почувствовал, как, наконец, она приходит в себя и успокаивается. Что поделаешь, такая уж взрывная натура – за Оленьку она этого Вахтанга порвала бы на мелкие кусочки. Сам-то он был спокоен. Чего волноваться? Все будет нормально. Опять же, если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны, наверняка, есть родители, которые только и мечтают, чтобы их любимая дочь стала звездой сцены. Сама же Люба рассказывала про таких сумасшедших мамаш. А тут такой случай подвернулся! Другие бы точно не упустили. Может и эти танцоры из лучших побуждений, кто знает...

Поспать днем Нестерову так и не удалось, о чем он, собственно, и не очень жалел, голова сама прошла. Сергей вышел на лестничную площадку перекурить и обнаружил, что сигареты на исходе. Он спустился вниз, в палатку рядом с рестораном, и, когда проходил мимо регистрационной стойки, его окликнул администратор.

– Простите, товарищ Нэстэров? Вам просили передать.
В закрытом конверте лежала записка Божинского.

«Привет, Сергей Владимирович! Извини, но сегодня по рабочим соображениям встретиться не удастся. К тому же сынуля что-то захандрил. Перенесем наше свидание на завтра, на вечер. Если что, звони – телефон ты знаешь. Жму лапу, Владислав». Пробежав записку, Нестеров тут же подумал: «Может, позвонить? Рассказать про сегодняшний разговор?» Но по короткому размышлению отказался от этой мысли – такие вещи, тем более если завязаны высокие инстанции, по телефону не обсуждаются. Когда дети проснулись, они на автобусе отправились в город. Ходили, бродили по улочкам, не боясь заблудиться. Как только понимали, что сбились с пути, обращались к первому встречному, и каждый, если знал, подсказывал правильную дорогу и даже провожал их, чтоб ни потерялись. Ужинали опять в гостиничном ресторане, и снова все было очень вкусно, а какой-то тайный поклонник передал Ольге большую шоколадку с орехами. Вечером, конечно, танцы, и опять сверкала младшая Нестерова, ставшая всеобщей любимицей. Повара под благосклонным оком своего “капитана” старались подложить ей самые сладкие кусочки, дети дарили игрушки и конфеты, взрослые, каждый по своему, выражал свое доброе отношение к девочке: кто словом, кто просто – улыбкой, жестом. Даже угрюмый дядя Ваню, совмещавший в одном лице сантехника, плотника и дворника, подарил ей леденец на палочке.

Сергей курил недалеко от танцплощадки, размышляя о материях жизни, когда к нему подошел интеллигентного ви-

да, лет пятидесяти, заметно лысеющий, небольшого роста мужчина, с большим горбатым носом и легкой перхотью на воротнике пиджака.

– Товарищ Нестеров, Сергей Владимирович? – Ответ он знал заранее, поскольку без паузы продолжил: – Косашвили Давид Михайлович, режиссер-постановщик киностудии Грузия-фильм.

– Добрый вечер! Чем обязан, Давид Михайлович? Не ошибся, правильно вас назвал?

– Нет, нет! Все правильно! Вы очень внимательны, Сергей Владимирович. Извините, что отрываю, так сказать, от отдыха. – Говорил он на правильном русском языке со смешанным грузино-еврейским акцентом. – Мы сейчас планируем к запуску производство художественного фильма, рассказывающего о жизни русской девочки-сироты, оказавшейся волею судеб в Грузии. Сценарий утвержден комитетом кинематографии, согласован бюджет фильма, на центральные роли приглашены ведущие артисты нашего грузинского кинематографа, но нет главной героини. Вы понимаете, да? А нет героини, значит, нет фильма. И вдруг появляется ваша дочь. Вы понимаете, да? Это же стопроцентное попадание. У нее же талант, несомненный талант! Она будет звездой экрана! Я вам это обещаю. Вы понимаете, да?

«Прямо какой-то обвал на звездунов!» – подумал Нестеров и, чтобы понять, с кем имеет дело, решил слегка прощупать специалиста в области кинематографии:

– А Тамаза Иселидзе вы, случайно, не пригласили на какую-нибудь роль в вашем фильме?

– Случайно нет, – Косашвили настороженно посмотрел на Нестерова. – А вы не из КГБ будете?

– А с чего вы так решили?

– Вопросы задаете. Проверяете меня, да?

– Ничего я вас не проверяю. Мы с Тамазом несколько лет назад в Москве познакомились, когда он руку на съемках сломал. Не виделись, правда, давно...

– А-а, знаю эту историю, они тогда с Мосфильмом в Подмосковье две серии про войну снимали. Вы извините, Сергей, что я так про вас подумал. Просто Тамаз Иселидзе умер два года назад, обширный инфаркт, прямо на съемочной площадке. Вот я и подумал, что вы меня того...

– Да нужны вы мне! Хотя, может, и надо вас проверить: откуда, например, вы знаете меня и нашу девочку?

– Вахтанг сказал...

– Так, вы еще и Вахтанга знаете? – Удивлению не было предела.

– У нас в Тбилиси все заметные люди друг друга знают. Я с ним сегодня после обеда в министерстве культуры случайно встретился. Смотрю, стоит в коридоре у кабинета большого начальника, будто с похорон пришел. «Гамарджоба! – говорю. – Что случилось, дорогой? Ты где лицо потерял?». Он мне все и рассказал про вас, в шоке был, правду говорил. Ему к заместителю министра надо, а с чем идти, ничего же

нет. Я Вахтанга хорошо знаю: танцор великолепный, а если дело сделать, не всегда может. «Дай, – думаю, – сам попробую. У меня же фильм горит». Вот и приехал сюда, девочку вашу посмотрел. Слушайте, вы – счастливый отец! Дочь – звезда! Какая пластика, экспрессия! Я вам больше скажу! Хотите? У нее еще нераскрытый артистический талант! Что вы так смотрите, не верите? Голову на отсечение даю – талант!

Режиссер был наблюдательным человеком – ни восторга, ни интереса его слова не вызвали. Даже напротив. Выглядел Сергей уставшим и раздраженным, потому что ему до чертиков надоела вся эта камарилья – Вахтанг с Резо, теперь еще режиссер этот. Чего они прицепились? Оленька им нужна, а больше ничего не нужно? А как насчет хрена с редькой пожевать?

– Давид Михайлович! Вы извините, должен вас разочаровать, ни на какие выступления или съемки мы свою дочь непустим. – Режиссер хотел возразить, но Нестеров предупредительно поднял руку. – Это не обсуждается. Рассказывать вам о причинах такого решения не буду, не обязан. Но, поверьте, никто и ничто не в силах его изменить. Мы не хуже вас знаем, что наша девочка талантлива во многих отношениях и сделаем все от нас зависящее, чтобы и дальше развивались ее способности. Но это будет не здесь и не сейчас. – Сергей говорил ровно и спокойно, хотя, на самом деле, его терзало страстное желание послать грузино-еврейское чудо

далеко и надолго. – Надеюсь, на ваше полное понимание сложившейся ситуации, уважаемый Давид Михайлович!

Косашвили не стал скрывать своего разочарования, это легко читалось на его лице, но в то же время он прекрасно понимал, что проявление настойчивости может только навредить его отношениям с гостем из Москвы. Ничего, время еще есть, мало ли что может произойти, сто раз все переменится.

– Конечно, конечно, Сергей Владимирович! Я понимаю. Вот здесь наши телефоны, – он достал из внутреннего кармана пиджака и протянул открытку с видом здания киностудии Грузия-фильм на фоне кавказских гор. – Если захотите, хотя бы в порядке экскурсии, посмотреть нашу творческую мастерскую – милости прошу. Позвоните, я всегда к вашим услугам. Приятно было познакомиться, Сергей Владимирович. Не буду больше надоедать. Всего вам доброго, хорошего отдыха.

Режиссер засуетился, словно что-то забыл или потерял, еще раз раскланялся и направился к выходу с территории гостиницы, а Нестеров вернулся к Любе и Олегу.

– Любимый, это что за мужчина, с которым ты разговаривал?

– Да, так, мужик один... – задумчиво протянул Сергей, а сам подумал: «Разве что-нибудь останется без внимания моей ненаглядной?»

Люба поняла и не стала настаивать. Не хочет говорить, не

надо, ему видней, потом, может, расскажет.

– Любаш, пойду, пройдуся, развеюсь чуток. Возьми себе ключ от номера, вдруг задержусь, – он улыбнулся и шутливо подмигнул.

– Смотри у меня, – в тон ему ответила Люба. – Загуляешь, домой лучше не приходи.

Ноги сами вынесли Нестерова к шашлычнику Сосо.

– А-а, здравствуйте, дорогой! Как давно не видел вас! День всего пролетел, а я думал: год прошел. – Он по-настоящему обрадовался, увидев Сергея. – Как вы отдыхаете, как ваша жена, дети? Как вас кормят? Дети довольны?

– Да что вы! Кормят просто замечательно. Олежка, по моему, поправился килограмма на полтора, кругленький такой стал. А Оленька? Что ей станется, она же все время в движении, в танце. Как была былинка, так и осталась.

– Красавица дочка! Наши джигиты все глаза проглядели. Если б чуть старше, Богом клянусь, украли бы! – пошутил Сосо.

– Ошибаетесь, дорогой. Возраст у нее для этого дела, кажется, самый подходящий.

Шашлычник от неожиданности сделал неловкое движение и чуть не уронил шампур с мясом в горящий мангал.

– Простите... – он замялся, не зная, как звать-величать своего нового знакомого.

– Извините, что не представился. Сергей, Сергей Нестеров.

– Спасибо, дорогой Сергей Нестеров! – повторил Сосо, и разведчик Нестеров вспомнил, как сам прибежал к такому приему, чтобы лучше запомнить, как зовут собеседника. – Неужели вашу девочку, маленькую принцессу украсть хотели?

– Ну, не так прямо, но близко к этому.

Сосо отложил четыре шампура с мясом на дальний край мангала, чтобы дошли, не торопясь, до готовности, и с нескрываемой тревогой посмотрел на московского гостя.

Нестеров всеми фибрами своей оперативной души чувствовал: Сосо – человек надежный, к ним прекрасно относится, может, он что-то и посоветует дельного в этой ситуации. Сергей, ничего не скрывая, во всех подробностях рассказал ему про Резо с Вахтангом и режиссера, с которым только что расстался.

– Вот, теперь и рассудите сами, – завершил он свой рассказ, – что они хотели: украсть или цивилизованно отнять нашу девочку?

– Да, дорогой, – Сосо был задумчив. – Даже не знаю, что вам сказать. Так, сразу не решишь...

Подошел официант, забрал шашлык, и на мангале остался один шампур баранины. Сосо посмотрел на него, нагнувшись, достал из стоящего рядом шкафчика непечатую бутылку коньяка и два стаканчика, открыл, налил не до конца и тихо, но уверенно, что-то решив для себя, сказал:

– Мне кажется, в первую очередь вам успокоиться надо.

Зачем думать, что все так плохо. Не надо, по-моему. Здесь хорошо, вас все любят, уважают. Отдохнуть вам надо, вот что. Вы завтра утром куда идете?

– Да, никуда пока. Еще не решили...

– Вот и хорошо. Я вам мясо дам, у меня осталось, и завтра утром забирайте детей, жену, идите с ними в поход вокруг моря. Как в пионерском лагере. Все море не обойдете, долго идти надо. Выберите место, где понравится, костер разведите, шашлык сделайте, все довольны будут. А сейчас, – он взял свой стаканчик с коньяком, – позвольте предложить тост за вас, дорогой Сергей Нестеров, вашу жену – красавицу и умницу, вашего замечательного сына – наследника, и прекрасную, замечательную принцессу – дочку. Будьте здоровы и счастливы, живите с верою и надеждою в душе и все хорошо будет! За вас!

Гоглидзе

Из похода они возвращались довольные и счастливые часам к шести вечера. Недалеко от центрального входа в гостиницу стояла черная «Волга»: водитель в ожидании сидел в машине, двигатель выключен. Значит, давно сидит. И без того чистую центральную аллею, по которой шли Нестеровы, подметал дядя Ваню, следивший за порядком на территории. «Наверное, начальство какое-то пожаловало», – подумал Сергей. Когда проходили мимо абсолютно лишнего здесь «дворника», дядя Ваню, не поворачивая головы, сквозь зубы буркнул, так что бы слышал только Нестеров: «Ждут вас». «Интересно, кому это мы понадобились? – задался вопросом глава славного семейства. – Не дай бог, конечно, деятели культуры и искусства высоких людей подключили. Тогда опять тягомотина начнется. Но, ничего, часок я продержусь, а там Влад подтянется и мы, наконец, со всем этим покончим». Они вошли в гостиницу, дети, не останавливаясь, через весь холл полетели к лифту, Люба – за ними. Сергей, сделав всего пару шагов, почти физически ощутил напряжение, висевшее в воздухе. За стойкой с неестественно вытянутым лицом застыл дежурный администратор, рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки, стоял молодой мужчина в сером костюме и рубашке с галстуком. Сразу что-то родное, неуловимо-комитетское, в его фигуре и выражении

лица кольнуло майора Нестерова. Из-за колонны выглядывала уборщица. В другом углу маячил кухонный капитан с поварским колпаком в руках. Еще какие-то люди из обслуживающего персонала и совсем незнакомые находились в холле гостиницы, всем своим видом изображая занятость. «Что за черт!» – только и успел подумать мгновенно собравшийся Сергей, как услышал сзади окрик, как выстрел: «Товарищ Нэстэров!?» Обернувшись, готовый ко всему, как недавно было в разведке, он увидел испуганного бледного директора гостиницы, а перед ним – мужчину, которого не смог сразу разглядеть – свет бил ему со спины и лицо пряталось в тени. Пару секунд Сергей напряженно вглядывался в него и вдруг радостно выкрикнул: «Игорь, ты!?!». «Нэт, – ответил спокойный ироничный голос. – Это тень отца Гамлета, который на центральном рынке чачей торгует!» Они шли навстречу друг другу, улыбаясь и чуть раскинув руки, а встретившись, так схлестнулись, сжав друг друга в объятиях, что затрещали то ли кости, то ли одежда, то ли все вместе. В середине гостиничного холла, слившись, слегка раскачиваясь, стояли двое мужчин. И только те, кто был рядом, могли слышать доносившиеся до них сдавленные, вырывающиеся из самой глубины души: «Игорь! – Серега!». Кто-то понял, что произошло, и невольно глаза защипало: как же, братья встретились, родные, кровные братья, через много лет встретились! Нестеров и Гоглидзе, наконец, разорвали объятия, посмотрели в лицо друг другу и одновременно улыбнулись,

скрывая влагу, накопившуюся в уголках глаз.

Сергей еще раз приобнял своего друга и шепнул на ухо:

– Игоряха, а что тут происходит? Чего они тут собрались?

– Не обращай внимания, я тебе потом все объясню.

Гоглидзе нашел глазами директора гостиницы и что-то коротко сказал ему по-грузински. Тот зашумел, «закудахтал», после чего персонал, «случайно» оказавшийся в холле, как по команде, радостно заулыбался и быстро разошелся по своим делам.

– Игорь, ты как здесь оказался?

Гоглидзе махнул рукой.

– «Стреляли!», как говорит Саид в «Белом солнце пустыни». – Он посмотрел вокруг и, видя, что они по-прежнему в центре внимания, попросил: – Сереж, давай все наши разговоры перенесем в более подходящее место. Это твой? – Он кивнул головой, указывая на Любу и прижавшихся к ней Ольгу и Олежку.

– Нет, дорогой, – в тон ему ответил Нестеров. – Это жена и дети Гамлета, который торгует чачей на центральном рынке. Знаешь, как войдешь...

– ...сразу налево, – подхватил Гоглидзе. – Так мы с тобой, значит, одну чачу пьем. – Конец фразы он договаривал, оказавшись рядом с оставшейся частью семьи Нестеровых. Игорь чмокнул Любу в щечку, шепнув: «Вы же знаете, кто я, прекрасная фея?», и опустился перед детьми на корточки. – Ну, здравствуйте мои дорогие, любимые! Я – дядя

Игорь. – Дети, не смущаясь, ответили, назвав себя. – Что хотите, дорогие мои? Исполню все ваши желания, кроме цирка. Цирк сегодня не работает, слон заболел, простудился. Давайте лучше поедem в кафе, мороженое есть. Поехали?

Какие могут быть возражения? С этим замечательным, обаятельным, красивым дядей они готовы ехать хоть сейчас, только вот папа что-то хмурится.

– Игорь, ты извини, неловко как-то получается. Мы на сегодня договорились с Божинскими встретиться, они скоро должны подъехать...

– Не переживай, дорогой! С Владиславом Казимировичем я договорился, он в курсе.

Гоглидзе жестом подозвал мужчину, стоявшего рядом с администратором, и отошел с ним ближе к выходу. Они о чем-то коротко переговорили, тот сразу вышел, а Игорь вернулся к Сергею.

– Давайте к себе, переодевайтесь и поехали, я забираю вас с собой. Теперь вы – МОИ гости.

– Через десять минут Нестеровы были в полной боевой готовности: младшие – как картинки и взрослые – не хуже. Люба, как всегда, стала жаловаться, что не успевает хотя бы реснички подкрасить, но муж и дети, успокоили ее, хором заявив, что без мазилочки она выглядит в десять раз лучше. Гоглидзе ждал в холле, о чем-то беседуя с директором гостиницы, который всем своим видом старался показать крайнюю степень почтения и уважения к собеседнику. Увидев

Нестеровых, выходящих из лифта, Игорь не стал его больше задерживать, и все свое внимание обратил на дорогих гостей.

– Вот что, любимые мои! У меня здесь осталось маленькое, но очень важное дело. Вы сейчас идите к машине, а мы буквально через пять минут к вам присоединимся. Хорошо? – и, повернувшись к Сергею, добавил: – Пойдем, с человеком надо повидаться, ты его знаешь.

– Они вышли из гостиницы. Дети с мамой направились к «Волге», где их ждал вышедший из машины водитель, а Нестерова Гоглидзе повел к открытому ресторану.

– На своем обычном месте, стоя к ним спиной, раздувал угли мангальщик.

– Гамарджоба, генацвале! – негромко произнес Гоглидзе.

– Услышав обращенное к нему слово, мангальщик вздрогнул, он узнал этот голос. Сосо повернулся и Нестеров увидел совершенно другого, неизвестного ему человека. Перед ними по стойке «смирно» стоял солдат: руки по швам, подбородок поднят. Да, да! Именно, солдат! Несмотря на белый фартук, не очень глаженные брюки и старенькие сандалии на босу ногу, всю эту сугубо гражданскую форму одежды.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – дрогнувшим от волнения голосом произнес Сосо, обращаясь к Гоглидзе.

– Ну, здравствуй сержант, здравствуй, дорогой! Давно мы с тобой не виделись. – Игорь приобнял его за плечи, что-то тихо еще сказал по-грузински, дружески похлопал по спине и отстранил от себя, удерживая за плечи. Сосо застенчиво

улыбался, на ресницах блестели готовые скатиться слезы.

– Ты знаешь, дорогой мой, кто этот красивый мужчина? – спросил его Гоглидзе, указывая на Сергея. – Лучший друг моей юности, драгоценный для меня человек. Скажи, ты что, знал это, чувствовал? Представляешь, – он повернулся к Нестерову, – такую тревогу сыграл, всех ребят моих из-за вас поднял. Нет, ты скажи: откуда ты знал, что Сергей мой друг, а?

– Товарищ капитан...

– Э-э, хватит, не надо, не надо званий, тем более что я давно не капитан...

– Извините, Игорь Пантелеймонович! Я не знал, откуда я мог знать, я только сейчас вижу, как вы похожи: один – черный, другой – светлый. – Сосо от волнения начал говорить с явным акцентом. – Но похожи, как братья! Мамой клянусь! И главное, фея, принцесса наша!

– Молодец, дорогой! Все правильно сделал. – Гоглидзе одной рукой приобнял его. – Позвони в понедельник, от трех до четырех. Хорошо?

– Обязательно, Игорь Пантелеймонович!

– Ну, давай, держись, дорогой! Еще увидимся. Береги себя, главное, не болей. Пошли, Сережа!

– Нестеров пожал руку Сосо, сказал: «Спасибо», не особо понимая за что, и пошел за своим другом, пытаясь разобраться во всей этой фантазмагории.

– Слушай, – оборвал его размышления Гоглидзе, – не ло-

май себе голову, она у тебя одна, пригодится еще. Что б ни мучился, скажу: Сосо – мой бывший сослуживец, прекрасный человек, но есть проблемы со здоровьем. Контужен здорово. Сегодня утром он позвонил моим сотрудникам и так описал ситуацию вокруг вашей семьи, что ребята, зная от Божинского, что ты – сотрудник Первого главного управления КГБ и мой друг, не решились без меня предпринимать какие-то действия. Я же, как услышал твою фамилию, не понимая, что происходит на самом деле, поцеловал Кети, детей и рванул на машине сюда, в Тбилиси, а мои с бабушкой в деревне остались.

– Извини, что перебиваю: нам действительно что-то угрожало?

– Игорь посмотрел в сторону машины, где их ждала Люба с детьми.

– Ладно. Три–пять минут туда-сюда роли не сыграют. Все равно надо проговорить, и лучше не откладывать в долгий ящик, – он на секунду замолчал. – Понимаешь, дорогой! Сосо, конечно, во многом сгустил краски во всей этой истории, но, с другой стороны, действительно, могли возникнуть непредвиденные ситуации. Дело в том, что Вахтанг Джапаридзе не руководитель ансамбля, но очень, очень хочет стать им. В то же время в нашей республике человек он известный, бывший солист ансамбля и замечательный танцор, хотя, как многие творческие личности, за исключением тебя и меня, конечно, со своими странностями и прибабахами.

Одним из таких вывихов и есть счастливое видение танца русской девочки среди грузинских джигитов. Он, как дочку вашу увидел, совсем с ума сошел. На следующее утро побежал в Минкультуры, расписал своему родственнику, заместителю министра, одолевшую его идею фикс и сказал, вот здесь попрошу внимания, что родители девочки не просто согласны, они умоляют его принять их дочь в ансамбль. А что? Ты сам подумай: концерты, гастролы, Кремлевский дворец съездов, в зале руководители партии и правительства и дочь твоя на сцене, Картули танцует. А? Кто-нибудь откажется от такого счастья? Да нет, конечно. Поэтому он на сто процентов уверен был, что вы спите и видите свою девочку солисткой государственного ансамбля Грузии. – Гоглидзе заметил, что они стоят на открытом месте, на самом солнышке и потянул Нестерова в тень. – Руководитель культуры республиканского масштаба позвонил второму секретарю ЦК партии, расписал предложение Джапаридзе в еще более ярких красках и получил вот такой здоровый, – он двумя руками показал какой, – карт-бланш на все дальнейшие действия. Они мчатся к вам и... получают по рогам. Облом! Авансы партийному руководству даны? Даны. Что делать? Куда деваться? Возвращаются, вместе с замминистра весь вечер думают и принимают решение еще раз попробовать уговорить вас. Исполнители, конечно, все те же Джапаридзе с Давиташвили. А вот как они стали бы «уговаривать», никому не известно. Эти два персонажа, кстати, при-

езжали сюда сегодня где-то в одиннадцатом часу, но вас уже не было. Так что естественным образом возникла необходимость: предупредить возможные неожиданности, причем с обеих сторон. Чего ты на меня смотришь? Я же тебя знаю: ты тихий пока не «достанут», а за грань перейдут – мало никому не покажется. Так что, считай, я за жизнь и здоровье своих земляков беспокоился. – Лицо Игорь сделал серьезное, а в глазах все равно чертики прыгали. – Доложился начальству: возможно возникновение конфликта между представителями местной творческой интеллигенции и сотрудником центрального аппарата внешней разведки; конфронтация, практически, без причины, но с неминуемыми последствиями. Тут же получил санкцию на разъяснение создавшейся ситуации всем заинтересованным сторонам вне зависимости от уровня служебного положения с сохранением взаимных интересов и без возможных отрицательных последствий. Вот тогда мы включились по полной программе: провели встречи с отдельными действующими лицами, доходчивым языком объяснили, что происходит, кому надо намекнули, другим товарищам – только глазом моргнули и: «Все стало во круг голубым и зеленым», – с улыбкой пропел он начало песни из кинофильма «Весна». – Конечно, дорогой, Сосо запаниковал. Можно сказать, из мухи слона сделал. Но нашего прекрасного, доброго Сосо понять и простить надо, а может, и спасибо сказать. Если б не он, могли и не увидеться с тобой. Я же еще в отпуске, на работу только в понедельник, а

вы, как сказал Божинский, уезжаете в Гагры в воскресенье. Так что все, что ни делается, – к лучшему, – он обнял друга за плечо. – Пойдем, дорогой! Смотри, заждались нас.

– А этот, режиссер, как его, ... швилли какой-то?

– Зачем какой-то? – не останавливаясь, сказал Гоглидзе. – Давид Михайлович Косашвили, уважаемый человек и достаточно известный режиссер. Действительно фильм делает, хотел под шумок подсуетиться – вдруг получится вашу девочку заполучить. Но еще этот Давид Михайлович, на самом деле, правда, Моисеевич, – уточнил Игорь, – документы подал на выезд в Израиль – страстно, видите ли, желает вернуться на историческую родину. Поэтому мой сотрудник только назвал тебя по имени отчеству и в глаза ему посмотрел. Отгадай, что он там увидел? Правильно, полное взаимопонимание.

– Они подошли к машине, где водитель, истинный представитель солнечной Грузии, рассказывал смешные истории про ее коренных обитателей.

– Вы простите, дорогие, что заставили вас ждать. – Игорь вел себя свободно, спокойно, как гостеприимный и радушный хозяин. – Но теперь, все! Вперед! Объявляется порядок посадки. Шота – водитель, садится за руль, я – штурман, рядом с ним. Сергей Нестеров – сзади, справа; дорогая Любовь Нестерова – сзади, слева, а между ними драгоценные Ольга и Олег. Возражений нет? Тогда слушай мою команду: «По машинам!» – и Гоглидзе дал отмашку. Нестеровы с хохотом и

шутками, торопясь, будто кто-то может им помешать, заняли свои места. Приняв пассажиров, «Волга» не спеша начала свой бег и метров через пятьдесят прошла мимо площадки открытого ресторана, где у мангала, провожая их взглядами, плечом к плечу, как два бойца, стояли Сосо и ресторанный капитан.

– Когда подъехали к гостинице «Интурист», часы показывали без двадцати восемь. На дверях кафе, расположенного рядом с центральным входом, висела табличка на русском и английском языках: «Закрито», что ничуть не смутило Игоря Пантелеймоновича. Он толкнул незапертую дверь и по лестнице, ведущей в полуподвал, повел за собой Нестеровых. В небольшом зальчике на пять–шесть столиков в разных углах сидели две пары, испарившиеся сами собой в неизвестном направлении. Обслуживающий персонал засуетился: быстренько убрали грязные посуду и пепельницы, включили вентиляцию. Гоглидзе предложил расположиться с комфортом на диванчиках в центре зала напротив телевизора, укрепленного на противоположной стене, но Люба, оглядев всю честную компанию, вынесла свой приговор:

– Сережа, Игорь! Ну, что вам с нами делать? Телевизор смотреть? Идите, сядьте в уголок, вспомните дни золотые. Десять лет не виделись, у вас разговоров, наверное, на неделю хватит. Только мороженое детям закажите, а если еще мультики включите, цены вам не будет.

– Мультки включили сразу, и мужчины, как и просила

женщина, сели за дальний от барной стойки столик.

– Серега! А Люба у тебя молодец, девушка с понятием. Моя Кети тоже класс! Знаешь, сколько писанных красавцев, ты не думай, я не оговорился, именно писанных, хотели на ней жениться? Обалдеешь, если скажу! Я всем рога обломал, они все дорогу забыли к ее дому. Я на твою жену смотрю, Кети с Любой очень похожи. Нет, не так, как у Сосо: один – белый, другой – черный. Характерами похожи. Они подружатся, я тебе точно говорю. А что? Обе классные!

– От барной стойки к расположившимся за дальним столиком мужчинам с дежурной улыбкой подошла молодая симпатичная официантка.

– Здравствуйте! Что будете заказывать?

– Подожди, дорогая! Что значит: «Что будете заказывать?». Ты что, первый день здесь работаешь?

– Второй.

– Понятно. Директор здесь? – Гоглидзе спросил таким тоном, что девушка пришла в полное замешательство.

– Здесь! – изменившись в лице, испуганно пролепетала она. – Позвать?

– Конечно! – Официантка дернулась, но Игорь успел ее перехватить, удержав за руку. – Подожди, не торопись. – Он деликатно сократил расстояние, разделявшее их, но руку не отпустил. – Понимаешь, я у него спросить хочу: где он таких красивых девушек берет, а? – Служительница интуристовского кафе, с хорошо выстроенной защитой, уже привыкшая

к комплиентам и ухаживаниям, засмушалась, зарделась и потупилась. – Тебя как зовут, красавица?

– Тамара, – тихо сказала она, не поднимая глаз.

– Смотри, имя у тебя какое красивое – Та-ма-ра. – Игорь произнес это слово нараспев по слогам. – Сережа, тебе нравится имя Тамара?

– Очень! – чуть ни икнул Нестеров, невольно вспомнив свои зарубежные гастроли.

– Тамара! Перед тобой мои самые дорогие и любимые гости из Москвы. Ты, в первую очередь, окажи внимание этой замечательной женщине и ее прекрасным детям. Принеси им мороженое всякое и разное: пломбир, крем-брюле, шоколадное... Орехи есть?

– Есть.

– Значит, с орехами и фруктами. И еще нужно вот это все: мармелад, шоколад, пастила, пахлава, любые вкусности! Да что я тебе говорю, ты лучше меня знаешь. А нам? Сереж, ты что будешь? – Нестеров махнул рукой, что означало: «На твое усмотрение!» – Тогда-а, – задумчиво протянул Гоглидзе. – Слушай, хорошая чача есть?

– Извините, у нас валютный бар, – залепетала, оправдываясь, официантка. – Вино, джин, водка, виски...

– Виски, ириски, сосиски... – затынул в отчаянии тонким голосом Гоглидзе и воскликнул, перейдя на баритон: – Он в Тбилиси что, виски приехал кушать, да? Там, где он был, этого виски, как у нас на рынке чачи. Ты чего боишься, кра-

савица? Нет, ты скажи: я тебе что, ОБХСС? Серега, знаешь, у нас больше всего ОБХСС боятся. Я тебе правду говорю. В штаб погранвойск один мужик раз десять звонил, спрашивал Бюро забытых вещей. «Ало! – говорит. – Это Бюро забытых вещей?». – «Нет, вы ошиблись, это другая организация». Он опять звонит и так дня два. Офицеру, который на аппарате сидел, надоело, и в очередной раз он спакойненько, ледяным голосом отвечает: «Нет, это другая организация – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности МВД Грузии. Старший оперуполномоченный – капитан Габелая. Что желаете сообщить?» И все, как отрезало. Так что, хорошая чача есть? – вернулся он с вопросом к красавице Тамаре. Но ее ответа услышать не успел, поскольку в «содержательный» диалог вторгся громкий мужской голос.

– Для вас, уважаемый Игорь Пантелеймонович, есть все! – Это был упомянутый всуе директор кафе. – Нас предупредили...

– Мы что, знакомы?

– Нет, но нас предупредили...

– Раз вас предупредили, – немного раздраженно отреагировал Гоглидзе, – входную дверь закройте, мы больше ничего не ждем, а стол сделайте такой, чтобы мне стыдно не было перед братом, и пусть нас поменьше беспокоят.

– Директор изобразил согласие, всяческую готовность и, взяв за локоть официантку Тамару, стал удаляться в сторону барной стойки, раздраженно и сердито выговаривая ей и

диктуя инструкции на будущее. Только теперь Игорь наконец-то получил возможность человеческого общения с загадочным другом прекрасной молодости.

– Серега, дорогой! Ты не представляешь, как я рад тебя видеть. Мне когда ребята позвонили, я ушам своим не поверил. Ты – в Тбилиси, откуда, как? Почему мне не позвонил, а? Откуда Божинский взялся? Он мне сказал, что ты из загранки в отпуск приехал. Ты в Первом главке работаешь? Ты же в контрразведке был. Слушай, тысяча вопросов! – Он слово не давал сказать. – Но какой же ты – молодец! Сам – богатырь! С усами! Жена – красавица, сын, дочь. Твоему сколько? Восемь? – Нестеров только и смог что кивнуть головой. – Ровесник нашему Димке. У меня, как у тебя, тоже наследник есть, продолжатель славного рода, и дочка есть. А я еще девочку хочу. Ты нет? Слушай, Кети придет, вопрос поставлю. Что смотришь? Не в том смысле, как говорил наш преподаватель криминалистики Поляков: «Вопрос может хоть сто лет стоять!», а в том, что его решать сразу надо. Дети – самое замечательное чудо на свете, и быстро, слушай, получают. Раз-два, туда-сюда. Оглянуться не успеешь.

– Нестеров смотрел на своего старого друга и видел то, что поначалу не бросилось в глаза. Конечно, это был все тот же переполненный энергией Игорь Гоглидзе, весельчак, балагур, шутник, вот только виски что-то рановато и сильно сединой ударило, и в глазах неизбывная боль засела. Да, Игоряха, помотала тебя жизнь и служба наша. Хотя, с другой

стороны, командиром стал, большим начальником. В голосе металл, когда не со своими говоришь, да и люди сразу власть твою чувствуют.

– Игорь! – Нестеров все-таки сумел найти маленькую, на полсекунды паузу. – А что за имя такое необычное у нашего знакомого, Сосо?

– Почему необычное? Если полностью, то – Иосиф, а Сосо – уменьшительное, уважаемое у нас имя, все в Грузии понимают. – Настроение Игоря изменилось, будто печальную струну тронули. – Этот замечательный, очень добрый человек, мой друг, родился в мае сорок шестого, через год после войны, и отец назвал его Иосифом в честь генералиссимуса товарища Сталина. Отец всю войну прошел и в атаку вставал: «За Родину, за Сталина!» Как еще он мог сына назвать? Кстати, – оживился Гоглидзе, – в Гори есть музей Сталина, вам обязательно надо съездить, посмотреть. Ты многое поймешь. От Тбилиси часа полтора-два на машине. Дети не устанут, не успеют, а если что, остановимся, отдохнем. Сегодня – четверг, на пятницу планы определены, – заметив молчаливое удивление Сергея, добавил: – Ты не удивляйся, но завтра весь день расписан, у нас только так. Уезжаете вы в воскресенье, значит, остается суббота. Очень хорошо, я как раз успею все организовать. Божинских возьмем, что б ни дулись. А то он сегодня обиделся, когда я сказал, что теперь вы – мои гости. Украл у него гостей, понимаешь, бессовестно украл. Ты как думаешь: у меня совесть есть? Правильно,

конечно есть! Но это же Грузия, здесь за гостя биться надо. Так что, договорились?

– Конечно. Спасибо тебе огромное. – Сергей пристально посмотрел на своего друга. – Иосиф, как я понимаю, твой сослуживец по Афганистану?

– Правильно понимаешь. Про Афган Божинский сказал?! – Это был даже не вопрос, а скорее утверждение. – Что еще поведал тебе уважаемый Владислав Казимирович?

– Говорил, что ты спецкурсы какие-то закончил...

– Какие-то? – возмущенно фыркнул Гоглидзе. – Сам он какой-то! Далеко не всех, я тебе скажу, на эти курсы брали и не каждому предлагали пройти курс обучения с зачислением в спецрезерв КГБ.

В голосе, интонациях были раздражение, недовольство и досада, которые не первый раз слышал Нестеров, когда речь заходила о Божинском. Сергей старался не концентрировать внимание на подобных вещах. Зачем? Наверняка у них по работе столкновения интересов, сложности, чем и объясняется натянутость отношений. К тому же, дух соперничества, стремление быть впереди, на виду, в Комитете только приветствуются, а в некоторых случаях даже культивируются, хотя и становятся зачастую источником трений между прекрасными людьми и талантливыми руководителями. Кстати, отметил для себя Нестеров, вспоминая первую встречу и разговор с Божинским, Владислав Казимирович тоже как-то не особо жалуется Гоглидзе.

Продолжая задевшую его тему, Игорь в свойственной ему наступательной манере спросил:

– Ты что-нибудь про КУОС слышал?

– О чем ты говоришь? Меня же дома почти пять лет не было.

– Спросил, потому что это – задумка Первого главного управления, разведки. Вдруг каким-то боком... – Запал, раздражение прошли, и Гоглидзе спокойно смотрел на Сергея, решая для себя, в каких пределах посвящать своего друга в эту тему. – КУОС – это Курсы усовершенствования офицерского состава, подготовка сотрудников КГБ к действиям на территории противника в предвоенный и военный периоды, включая проведение разведывательно-диверсионных операций.

– Спецназ по типу американских «зеленых беретов»?

– Спецназ – да! Но по форме, дорогой, только по форме. А по сути, содержанию – совсем другое. Таких подразделений, как у нас, нигде в мире нет. – Произнеся эти слова, Игорь даже плечи расправил. – Не буду объяснять всех нюансов, но, если коротко, «американские береты» – войсковики, армейцы. Они нацелены, главным образом, на уничтожение физической силы и технических средств противника. Выполнение основной задачи определяет характер и направленность их подготовки. Например, язык предполагаемого противника они изучают всего-навсего три-пять месяцев. Представляешь, какие знания можно дать за три месяца? А наш ку-

осовец, извини за жаргон, – офицер, оперативный сотрудник территориальных органов КГБ, имеет высшее образование и в совершенстве владеет как минимум одним иностранным языком. Плюс два–три года практической работы и комплексная спецподготовка: от минно-взрывного дела до владения всеми видами иностранного и советского огнестрельного и холодного оружия. Так что, куосовец и «зеленый берет» – это две большие разницы, как говорят в Одессе. Вникаете, товарищ Нестеров? – Вопрос прозвучал с иронией. – Ты знаешь, кого я там встретил практически первым, – продолжил Игорь, – Александра Афанасьевича, вашего начальника курса в Вышке. Захожу в кабинет, чтобы доложиться о прибытии, и оказываюсь в Высшей школе: «Господи! – думаю. – Ты-то откуда здесь?». А он ничего, встал, вышел из-за стола, руку жмет, как старому знакомому. – Игорь улыбнулся, вспомнив встречу с Александром Афанасьевичем. – Вообще через КУОС немало ребят из Вышки прошло. Саню Максимчука помнишь?

– Конечно, мы с ним в одной группе учились.

– Он на предыдущем наборе был, потом еще несколько человек с вашего и нашего курсов. А из преподавателей Вышки Федю Пермякова должен знать, он нам огневую подготовку ставил.

– Да ты что? Подполковник Пермяков? – Сергей не ожидал услышать эту фамилию. – Я помню, как он нам стрельбу с двух рук показывал. Вот класс!

– На КУОСе Федя по-настоящему развернулся. В Вышке, ему что? Скука. Пистолеты Марголина и Макарова, автомат Калашникова. А на курсах: от немецкого парабеллума до американского кольта; автоматы, пулеметы всех систем и народов. Стрельба: стоя, лежа, на спине, животе, коленях, в кувырке, ласточкой. Ты когда-нибудь стрелял ласточкой?

– Это как?

– На одной ноге стоишь, другую поднял, пистолет – в руке, положение тела параллельно полу, и: «Огонь!» – Увидев удивление на лице Сергея, Гоглидзе добавил: – В бою всякое может быть, в том числе и совершенно непредвиденные ситуации. – Он чуть прищурился, что-то припоминая. – У нас марш-броски на двадцать километров с полной боевой практиковались, а в конце – стрельба по движущейся мишени. Прибегаешь в тир, язык на плечо, на столе в разобранном состоянии оружие. Надо собрать, изготовиться к стрельбе, доложить и открыть огонь. Так, Федя Пермяков к имеющимся составляющим подкидывал парочку лишних. Оружие ты собрал вроде правильно. А эти железки откуда? Стрелять или нет? А если разорвет при выстреле? Он автоматизма добивался и уверенности в своих действиях. Стрельбу ставил всем, даже штангистам, которые по определению курка чувствовать не могли и не должны. Но у него стреляли все и только на хорошо и отлично, к каждому подход имел. Наверное, понимал, что жизни наши спасает. Он же еще в Отечественную мальчишкой в полковой разведке за линию фронта

ходил. Федя знает, как никто другой, что каждая пуля в цель должна ложиться. – Игорь откинулся на спинку дивана. – Поверь, нас учат так, что каждый, кто прошел курсы, выполнит задание повышенной сложности в любой точке земного шара. Начиная от вывода из строя пусковой установки стратегической ядерной ракеты и заканчивая проведением встречи с агентом-нелегалом, организацией повстанческого движения среди местного населения, похищением особо важного лица и его дальнейшей переправкой в Советский Союз. Теперь понимаешь, что это за «какие-то курсы», как выразился товарищ Бажинский? – Он съехидничал, до гротеска усилив обычно незаметный акцент. – В декабре семьдесят девятого, когда все закрутилось в Афгане, наши куосовцы первыми штурмовали дворец Амина, тюрьму Пули-Чурхи, другие объекты...

На двух больших подносах директор и красавица Тамара принесли выпивку и закуску. Мадам Нестерову и детей они по первому разряду обслужили еще раньше. Гоглидзе осмотрел каждое блюдо, понюхал чачу в темной бутылке ноль семь из-под вина и удовлетворенно кивнул головой, отпуская вздохнувших с облегчением руководителя инвалютной точки питания и его подчиненную.

– А ты как в Афганистан попал?

– Так всех, кто КУОС прошел, автоматом включали в список резерва на особый период, как командиров разведгрупп спецназа КГБ, и дергали по мере необходимости. На меня

предписание об откомандировании пришло в июле восьмидесятого. Нас сначала под Краснодар бросили, на сборы приписного состава, вот там я нашего Сосо и заметил, земляк все-таки. После проверки взял его к себе, так он у меня и оказался, сержант Иосиф Оболадзе, водитель боевой машины пехоты. Мы с ним ни одну сотню километров накрутили. А в самом начале восьмидесят первого БМП подорвался на mine, Сосо получил контузию, и в тяжелейшем состоянии его отправили в Союз. Подлечили, как могли, и дали группу инвалидности. Что ему дальше делать? По специальности, водителем, работать не может, пенсия – копейки. Тут подвернулось местечко в гостинице, у них шашлычника за воровство и пьянство выгнали. А наш Иосиф вообще не пьет, не курит, медицина под страхом смерти запретила, тем более не ворует и шашлык готовит так, что пальчики оближешь – сами в Кандагаре проверяли. Вот мы его на откорм в гостиницу и пристроили, а то, когда из госпиталя вышел, сорок восемь килограммов весил.

Нестеров вспомнил вчерашний тост Сосо, этого душевного, отзывчивого человека, и покраснел от стыда. Значит, только для того, чтобы поддержать и успокоить московского гостя – размазню он всерьез рисковал своим здоровьем? «Тряпка!» – подумал Сергей про себя, добавил еще несколько крепких слов в свой адрес, но признаваться Гоглидзе в содеянном почему-то не стал, смалодушничал, наверное.

– Игоряха, так ты в Кандагаре был?

– А ты думаешь, мы только в Кабуле воевали, – усмехнулся Гоглидзе. – Нет, дорогой. Зона наших действий – весь Афганистан. Что касается непосредственно нашей группы, то после Краснодара нас перебросили в Фергану, где окончательно доукомплектовали, и через короткое время в составе созданного комитетского спецподразделения, воздухом закинули в Афганистан на разные точки. Я в числе первых вместе со своими товарищами оказался в Кандагаре, где размещался тогда ООНовский городок с бассейном, медпунктом и прочим. Мы, конечно, сначала рванули туда, поближе к цивилизации, но руководство решило, что наше присутствие в городке, при такой стесненности ни к чему хорошему не приведет. Поэтому дали команду: размещаться за городом, недалеко от аэродрома, где базировалась наша авиация, там же мотострелковая бригада стояла, располагались всякие объекты, службы, а мы были частью всей этой структуры. Но это уже была пустыня. – Гоглидзе налил в стакан минералки и выпил залпом. – Пыль вездесущая, солнце совершенно неумолимое и ветер «афганец»: с двенадцати до двух, как по расписанию. В полдень пустыня запускала как будто турбину и бросала на тебя сплошной поток мельчайшего, как сухой цемент, едкого, скрипящего на зубах пыльного пороха. Дышать становилось практически невозможно. В эти два часа мы все, кто не занят по службе, скрывались в палатках. В первые дни, как только устроились, лежали еще на раскладушках, двухъярусные койки нам потом поставили. Рядом с

моей раскладушкой стояла раскладушка моего друга Маamia Аласания, между нами – тумбочка, на ней две фотографии: справа – сын Маамии Ираклий, слева – мой Димка. Лежим... и такое чувство было, не ностальгия даже, а что-то еще... Такая тоска в той области, где, говорят, душа находится. Что-то гнетущее, тяжелое, как камень. Все время улетаешь мыслями на родину, и так нестерпимо хочется оказаться там, а не здесь, в этой враждебной постылой пустыне. Лежим, молчим, каждый думает о своем, я что-то расслабился, нервы отпустило, и не заметил, как заснул. Мне снилась моя родная Самтрედия... Картина вечернего захода солнца. Оно заходит, огромное, оранжево воспаленное... оно еще не совсем зашло и висит над землей... Это тот час, когда весь скот, который пасут по очереди соседи, возвращается домой. У нас была корова, красивая такая, бежевая, как крепкий чай с молоком. Вот она наелась травы за целый день, напилась досыта и подходит к воротам. Она никуда не уйдет, нет. Она будет стоять у ворот, обозначая свое присутствие негромким, не очень тягучим мычаньем, не тревожным, нет, а, как бы говоря: я здесь, я пришла. Если ты не выйдешь к ней сразу, она повторит свое терпеливо-протяжное «му-у». Но никто на этот ее зов не опаздывал. Калитку первой открывала бабушка; корова знала, куда ей идти, сама становилась в стойло. Обязательная вечерняя дойка... И все это на фоне запаха горелой чаргелы, так в Имерети называют сухие кукурузные стебли, оставшиеся от срезанных с них початков. По

осени эти стебли сжигают, и весь воздух в округе насыщается этим неопишимо сладким, вкусным, с легкой горчинкой, запахом... Запахом родины.

Как передать, что я чувствовал этот запах во сне, как наяву, ясно и сильно, и как выразить нестерпимую, слитую с ним тоску? Я проснулся со слезой на щеке. Мама, заметив слезу, всполошился: «Что с тобой? Что-то болит?»... Там подхватить какую-нибудь болезнь – обычное дело, потому он спрашивал меня об этом, но он не думал, что мне что-то приснилось. И тогда я ответил ему: «Мне снился запах!»

Игорь замолчал. Мыслями он был там, в том месте и времени, которые навсегда останутся в памяти. Нестеров слушал рассказ своего друга и невольно вспомнил свои недавние тропические бессонные ночи, когда волком хотелось выть от беспросветной тоски по жене, детям и маме. Гоглидзе первым нарушил молчание.

– Ладно, хватит! Что все обо мне и обо мне. Расскажи лучше про себя. Жена, дети – этих своими глазами вижу – здесь все в порядке. Сам как?

– После Вышки распределили в Управление контрразведки, это ты знаешь. Там верой и правдой – четыре года, потом переводом в Первый главк, год отучился еще в одной школе и вперед, на баррикады! Крышу дали немного «худую» – инженер торгпредства, место тоже не без изъянов. Но это все мелочи жизни. Олечка в первый же год тяжело заболел, пришлось отправить в Союз, он только сейчас немного попра-

вился. Ольгу брать мы не решились. Любаниа моталась на два дома, концы, сам понимаешь, не маленькие. И так – четыре с половиной года, день в день, последние полтора года – без отпуска. Вот, если вкратце.

– Работать тяжело было?

– Не знаю, Игорь. Не с чем сравнивать, у меня же первая командировка. Климат тяжелый, обстановка в стране – дрянь. Контрразведка работает жестко. Возможности у спецслужб, насколько я понимаю, неограниченные, так что, порой, несладко приходилось, но мы же ребята не пальцем деланные? – Нестеров улыбнулся, но получилось без огонька, невесело.

– Понимаю, – Гоглидзе уловил, что Сергею не хочется, а может и нельзя ему, углубляться в подробности работы. – А жена как?

– Любаша? На ней всё весело: я, дети, хозяйство, родители со всеми болячками и проблемами. И неважно где что происходило – дома или за границей, она успевала везде. В конце командировки, когда меня здорово прижали, на операции со мной ездила, для прикрытия, маскировки. На самом деле, такой же груз тянула, как и все остальные, может даже больше. – Сергей на секунду замолчал, вспомнив, как они прорывались на машине через армейский заслон, и неожиданно даже для самого себя поменял направление своего рассказа. – Знаешь, странная какая-то по жизни трансформация получилась. Я четыре года работал в контрразведке, ловил,

можно сказать, шпионов и вдруг сам оказался в этой ипостаси. Трудно описать чувства, которые возникают, когда начинаешь осознавать, что являешься объектом изучения спецслужб. Вернее, конкретного офицера контрразведки, по зернышку собирающего информацию о тебе, твоих вкусах, привычках и образе жизни, способностях, наклонностях, слабостях, наконец. Невольно возникают параллели. Ведь он точно так же, как я раньше, готовит план мероприятий по разработке и изучению твоей персоны. Инструктирует агентуру, работающую по тебе, встречается с людьми, к которым ты проявил интерес. Ему же, как и мне в свое время, надо понять, что с этими персонажами дальше делать: привлечь к сотрудничеству, чтобы подставить своего человека, или официально предупредить о нежелательности контактов с представителем иностранного государства. Он много чего знал обо мне: фотографии, сводки наружного наблюдения, агентурные донесения, справки, ответы на запросы... – Сергей иронично улыбнулся. – Небось, не один десяток раз читал и перечитывал свое богатство. А вот я о нем не знал ничего, ни звания, ни должности, но каким-то образом чувствовал, иногда даже предвидел его шаги. – Нестеров заметил, как внимательно слушает Гоглидзе. – До поры до времени счет был равным. Но однажды он все-таки переиграл меня, вернее думал, что переиграл. Подготовил западню, куда мы влетели со всеми потрохами: я с секретными данными; агент с деньгами и оперативное прикрытие – водитель рези-

дентуры и Люба моя. Если б нас взяли, такой скандал мог быть, только держись! Как мы тогда вырвались, до сих пор понять не могу. Когда все прошло, я стал вспоминать, анализировать произошедшее. Сначала мне показалось, а потом появилась необъяснимая уверенность, что он там был, тот сотрудник контрразведки, который вел мое дело. Он своими глазами видел, что происходило, даже командовал людьми, проводившими операцию по нашему задержанию. – Сергей сцепил пальцы в замок и крепко сжал руки. – Можно, конечно, взять и отмахнуться, сказать: мистика, плод большого воображения, я же в это время лежал на полу джипа, головы поднять не мог. Не знаю, может и так, мне трудно быть объективным, но уверенность, что он был там в этот момент сидит у меня вот здесь. – Он постучал пальцем в висок. – Но потом произошло такое, что я до сих пор не могу понять и объяснить. – Сергей бросил быстрый взгляд на Игоря. – Я не утомил тебя своими рассказами?

– О чем ты говоришь, дорогой? Мне интересно, очень интересно, и как другу, и как профессионалу. Не каждому контрразведчику удается услышать исповедь объекта оперативной разработки, настоящего, достойного противника. Продолжай, дорогой, я весь во внимании.

– С тех событий, о которых я тебе только что сказал, прошло около месяца, до нашего отъезда оставалось меньше недели. Я практически сдал все дела своему сменщику. На очереди был последний, но, пожалуй, самый главный этап.

Говоря оперативным языком, передать на связь объекта разработки из числа местных граждан для дальнейшего изучения с целью последующей вербовки. Такая перспектива виделась и мне, и Центру, – с иронией добавил Нестеров. – Неожиданно, уже поздно вечером, вызывает меня мой человек на срочную встречу. Ехать надо на другой конец города. Но делать нечего, погнался, хоть внутренний голос и говорил, что ничего хорошего, кроме плохого, не выйдет. Верный друг и помощник ждал на улице, в дом специально не заходили. Пока гуляли, рассказал, что по полученным от нескольких источников данным, интересующий меня человек, моя перспективная в кавычках разработка, на самом деле – кадровый офицер контрразведки. А передача этого самого объекта запланирована, между прочим, на утро следующего дня. Что делать? Я руки в ноги и к резиденту – ему, в конце концов, решать, знакомить мою замену с сотрудником спецслужб или нет. Поехал короткой, опасной даже в дневное время, дорогой – по дамбе с откосами в три–четыре метра. Там на всем пути две легковушки с трудом разъезжаются. Что делать, пришлось рискнуть – время дорого было. При выезде от места нашей встречи с доверенным, откуда ни возьмись, наружка прицепилась, но как только выехал на дамбу, наблюдение прекратили. Я по газам и вперед, лететь километров восемь. Темень, хоть глаз выколи. Из всего освещения только луна на небе. Не доезжая пару километров до конца дамбы, с противоположной стороны, откуда ни возъ-

мись, врубаются фары, рев мотора и на меня, игнорируя все сигналы «SOS», летит грузовик, тягач-«американец». Сообщать что-то, анализировать некогда, в последний момент чудом ушел от столкновения – еле-еле влез в единственный на всей дамбе карман. Грузовик пулей проскочил мимо меня, и тут же встал, как бы в недоумении: куда машина исчезла? А я на своем джипе со скрипом и треском вылез из кармана и встал на трассе. Как только он меня заметил, сразу пошел задним ходом. Здесь, знаешь, и дурак поймет, что его убить хотят.

– Резиденту рассказал?

– Рассказал, сразу как приехал. Только он одним аргументом опроверг все мои доводы. «Ты сам подумай, – говорит, – какой смысл контрразведке убивать тебя сегодня, если завтра ты принесешь им на блюдечке с красной каемочкой свою замену и они еще года три, если не больше, будут водить нас за нос и кормить дезинформацией?». Прав? Конечно, прав и никаких вопросов нет. Значит, или это действия какого-то сумасшедшего, или я сам не в своем уме и надумываю то, чего в действительности нет и быть не может. «А посему, – завершил резидент, – выкинь из башки все свои бредни и молчи в тряпочку, пока на медкомиссию ни отправили, выяснять твою психическую устойчивость и адекватность восприятия действительности». – Сергей всем корпусом повернулся к Гоглидзе. – Но я же чувствовал тогда, а сейчас знаю, понимаешь, ЗНАЮ!!! что меня убить хотели! – Он чуть ни

закричал, но вовремя опомнившись, уже тише спросил: – Ты-то веришь мне?

– Верю, дорогой!

– Тогда как все это можно объяснить? Где, в чем здесь логика?

– Объяснения, логика – все есть. Только давай не будем торопиться, сделаем паузу, мне тоже надо кое-что обдумать, сообразить.

Они оба замолчали, каждый думал о своем. Гоглидзе выглядел серьезным и сосредоточенным.

– Скоро будет год, как меня назначили заместителем начальника контрразведки Грузии. Я сейчас самый молодой руководитель такого уровня за всю историю нашей республики, и сделано это, как ты сам понимаешь, не за красивые глаза. За назначением стоят практические результаты, успешные операции, которые проводились, в том числе, под непосредственным контролем центрального аппарата КГБ. Говорю это для того, чтобы ты правильно понял и принял, что сейчас скажу. – Игорь преобразился буквально на глазах: он казался гораздо старше своих лет, говорил и вел себя, как спокойный, грамотный и опытный руководитель. – Задержание гражданина иностранного государства и предъявление ему в той или иной форме обвинения в проведении шпионской деятельности в первую очередь шаг политический, и он не может быть сделан спонтанно, под влиянием сиюминутных конъюнктурных соображений или опе-

ративной необходимости, как ее понимают рядовые оперативные сотрудники. Решение о проведении подобной акции принимается порой задолго до его практической реализации, и спецслужбы, в твоём конкретном случае – контрразведка, лишь исполнитель политической воли руководства государства. О чем это говорит? О степени ответственности работников, реализующих план мероприятий по задержанию объекта разработки с окраской «шпионаж». Я не знаю, как вам удалось уйти от расставленных ими силков, подробности, собственно говоря, мне не нужны, потому что главное – провал действий контрразведки – на лицо. И за этим должна следовать ответственность: и коллективная, и индивидуальная, дисциплинарная и, может быть, уголовная. У меня такой опыт есть, поверь мне. Теперь вернемся немного назад: был или не был оперработник противника на месте не состоявшегося задержания? Это зависит от многих факторов, но, в первую очередь, от характера человека. Я бы, например, обязательно был. Ты, я думаю, тоже не отказался бы посмотреть на своего противника, который до этого момента был для тебя только фантомом. А он что, особенный какой-то? Так что, твои подозрения, предчувствия опираются на подсознательный анализ действий определенного физического лица. Теперь дальше. – Гоглидзе пересел так, чтобы быть лицом к лицу с Нестеровым. – В том, что сотрудника, который вел твоё дело, да и не только его, отстранили от работы до завершения служебного расследования, у меня никаких со-

мнений нет. У него под вопросом находится все: карьера, благополучие, свобода, наконец. Он ищет виноватых в происшедшем и, вероятнее всего, находит источник всех своих бед и несчастий в твоём лице, господин Нестеров. Только ты виноват в случившемся, не он, прошляпивший свою победу, а ты и только ты. Для него это означает одно – отомстить, уничтожить тебя. Именно для этого был разработан вариант с дамбой, где все рассчитано до мелочей, с учетом особенностей твоей психологии и реакции на грозящую опасность. Думаю, он специально довел до твоего сведения информацию о своём коллеге. Расшифровка, скажешь? Да наплевать! Зачем ему чужая победа, которую он готовил своими руками? Зато наживка, что надо! Потому и выманил тебя почти ночью. И ещё он знал, заранее рассчитал, какой дорогой ты помчишься назад, а наружку пустил так, для подстраховки. Да и наружка ли это была?

– Мотоциклисты...

– За копейки нанял или родственников поставил, а рации и одной на всех хватит, что б сигнал дать. – Игорь говорил резко, безапелляционно. – За рулем грузовика сидел сам, собственной персоной. Это точно. Во-первых, расширять круг посвященных нельзя, а во-вторых, для этой публики совершить акт возмездия своими руками – самое милое дело. Вот тогда все сходится, есть и логика, и основания.

Игорь в ожидании ответной реакции смотрел на своего друга.

– Думаешь, месть? – неуверенно, с большой долей сомнения спросил Нестеров.

– Месть, дорогой, месть. Я в Афгане с этим столкнулся. – Напряжение отпустило и, продолжая рассказ, он становился прежним Гоглидзе, другом молодости пятнадцатилетней выдержки. – Мы чуть ли не каждый день работали с афганцами, задержанными при проведении войсковых операций. Задача стояла простая – понять, кто враг, кто друг, а кто просто так. Фильтрация называется. Проводили встречи, допросы, изучали через агентуру из местных. Однажды под конвоем привели очередную группу. Я проходил мимо и обратил внимание на мужчину лет пятидесяти. Если спросишь, почему, однозначно не отвечу. Одет, как все, тот же халат, чалма, борода, усы – ничего выдающегося. Но что-то очень трудноуловимое отличало его от всей толпы: как сидит, смотрит, держит дистанцию...

– Властность?

– О, точно! Я знал, что ты мне поможешь, дорогой. Совершенно правильно! Так ведут себя люди, привыкшие командовать, нет, неправильно, повелевать другими! Я приказал привести его к себе, стал с ним разговаривать...

– Подожди! – перебил его Нестеров. – Как разговаривать? У тебя же первый турецкий. На английском, что ли?

– Да нет. В нашей группе переводчик был, мы его на сборах в Краснодаре присмотрели. Замечательный парень, кандидат наук, пушту и дари – как родные, он мне и помогал.

Работал виртуозно. Вот что, значит, классный перевод – разговорили мы тогда человека! Оказалось, что этот афганец – один из самых богатых людей в стране, миллионер, ведет торговлю коврами по всему миру, имеет магазины в Америке, Европе, нескольких азиатских странах. Проговорили почти два часа и расстались, как я понял, довольные друг другом. Думаю, помогло, что прислушался, о чем говорит мне внутренний голос, и сразу взял уважительный тон по отношению к собеседнику, старшему меня по возрасту.

На следующий день беседу продолжили, я стал его прощупывать по оперативной обстановке на нашем, кандагарском, направлении. Естественно, не мог не назвать Исматулу – одного из главных командиров соединений моджахедов, действующих в районе нашего оперативного обеспечения. И вдруг я увидел, как что-то дрогнуло в его лице, я не знаю, не могу сказать, что именно. Пусть долю секунды, но это было! «Слушай, – говорю переводчику, – поговори с ним сам, без меня, ты сможешь. Узнай, что у него связано с Исматулой». Он так, с некоторым недоумением, посмотрел на меня, потому что не увидел того, что я заметил, но говорить начал, потом дальше, дальше. Смотрю на них, и по лицу переводчика вижу, что вышли они на очень интересную для меня тему. Выясняется: отец Исматулы, к этому времени уже отдавший Аллаху душу, несколько лет назад казнил его родного брата, и он поклялся отомстить за смерть своего родственника. Не один раз пытался рассчитаться сначала с от-

цом, потом с Исматулой, но все срывалось: отец – генерал, сын – командир полка, слишком много войск и охраны. Особо не надеясь на успех, я предложил объединить наши силы – враг-то общий. В своем красноречии, кажется, превзошел самого себя. Он взял время на раздумье и согласился на следующий день, рассказав, что через неделю Исматула в отдаленном кишлаке играет свадьбу, вот там его и надо брать. Будет только он и охрана. Я провел рекогносцировку, сделал с вертушки панорамные снимки кишлака, вместе с ним разработали план, как силами нашего спецназа захватить Исматулу. Он еще мне своих людей-проводников предложил. Решили, что работать будем тихо, войсковиков задействуем по самому минимуму. Хотелось, конечно, избежать стрельбы, но верилось слабо. Духи почти в каждом доме, значит, под огонь попадут все: старики, женщины, дети. Думаешь, он не понимал этого? Еще как понимал, но шел на все, чтобы уничтожить своего кровника, даже руками неверных. Вот что такое месть, дорогой!

– Взяли Исматулу?

– Какое там! – Игорь в отчаянии махнул рукой. – Пока согласовывали, пока получали санкцию, вся свадьба прошла...

Гоглидзе посмотрел на часы и тихо вскрикнул:

– Серега! Времени почти два!

Они одновременно посмотрели в центр зала: на диванчике, сидя, дремала Любаша, а слева и справа, положив головы ей на колени, крепко спали Олег и Оленька.

– Серый, значит так. Я сейчас на машине отправлю вас в гостиницу, завтра, вернее сегодня, заеду за вами в час дня, а в четыре у нас большой обед, все мои родственники соберутся. Давай, поехали потихоньку.

В гостях. Гори. Проводы

Утром Нестеровы проснулись поздно. Быстренько собрались и побежали на завтрак, боясь опоздать и надеясь только на заботу и помощь ресторанного капитана. У входа в зал, как в почетном карауле, выстроились директор, какая-то женщина, видимо, бухгалтер и главный администратор, что выглядело довольно странно. Директор – тот вообще раньше одиннадцати не приезжал. При виде славного семейства руководители административного аппарата приюта туристов дружно заулыбались, источая радость и приветствие. Злющая и худющая тетка на раздаче тоже оказалась смешливой. Один ресторанный капитан не изменил себе: как был, так и остался веселым, обаятельным и добрым. По недолгому размышлению Сергей пришел к выводу, что сказываются положительные последствия визита Гоглидзе, другого объяснения быть не могло.

До приезда Игоря оставалось три часа – дети влились в компанию местных ребят, с которыми познакомились и подружились чуть ли не с первого дня, а старшие Нестеровы устроились вдалеке в теньке на лавочке, наблюдая за своими чадами.

– Ну, как вчера пообщались? Что-то вы, по-моему, и не пили совсем...

– Да не до того было. Игорь Афган вспомнил, я свои де-

ла... – Сергей отвел взгляд в сторону и замолчал.

– Ты что-то скрываешь от меня, любимый. Не пойму только зачем? – Она все про него знала, догадывалась, просто молчала до поры.

Дальше играть и притворяться, сил не было. Стараясь сглаживать острые моменты, убирая подробности, Сергей рассказал о том, что произошло с ним на дамбе и о версии, которую выдвинул Гоглидзе. Пока говорил, смотрел в какую-то точку на асфальте перед собой, стараясь контролировать себя и не ляпнуть чего-нибудь лишнего – тема и без того была жесткой. Закончив рассказ, он повернулся к ней и замер. Не издав ни звука, с окаменевшим лицом, Люба сидела, откинувшись на спинку скамейки, по щекам катились слезы. Наконец, зажав в себе готовые вырваться рыдания, она заговорила;

– Я знала, что произошло что-то ужасное. Ты пришел тогда ночью взбудораженный, весь на нервах. Сразу лег, а заснуть не можешь. Лежишь, глаза в потолок, молчишь, ничего не рассказываешь и все думаешь-думаешь о чем-то. Успокаивала тебя, как могла, и ты, наконец, уснул, будто провалился. Кричал во сне, кого-то убить хотел. Разбужу, ты проснешься, помотришь на меня невидящими глазами и опять в забытьи. – Закусив губу и сжав свои маленькие кулачки, так что ногти почти до крови впились в ладошки, она коротко всхлипнула. – Господи, как я ненавижу твою ужасную работу! На Дзержинке: ни дня, ни ночи. В командиров-

ке то же самое. Олечка больной, дети, как чужие, старики больные. А сколько раз убить тебя могли!?! Господи, помоги! – Она плакала тихо и безнадежно, как тогда, после роковой встречи с «Грэгом», потом уцепилась за его руку и сжала ее до боли. – Сerezенька, прости меня, милый! Я – слабая женщина, я, наверное, ничего не понимаю. Единственное, что знаю, умрешь ты без нее, проклятой своей работы. Иногда проснусь ночью, хочу понять и не могу. Спрашиваю, как помешанная, кого же ты любишь больше: меня, нас или свою работу? – Слезы потихоньку стали иссыхать. – Прости меня, любимый. Я больше не буду. Это так, на секундочку. Не сердись? – и она улыбнулась со слезами на дрожащих ресницах.

Нестеров сидел оглушенный и растерянный. Чего-чего, а такого он от нее не ожидал. «Надо выходить из ситуации, – твердил он себе. – Не останавливаться, сделать вид, что не заметил. Это нервы, нервы, все пройдет...».

– Прости меня, Любушка. Тогда не хотел говорить и сейчас жалею, что сказал, но сделанного не вернешь. Ты же знаешь, как мало у меня людей, которым веришь, с кем можно посоветоваться и не бояться, что тебя за сумасшедшего примут. – Он увидел, что жена уже взяла себя в руки. – Любовь моя, ты со мною все прошла, все испытала, скажи: неужели Игорь прав и такое возможно?

– Сerezенька, ну что ты от меня хочешь? Чем я, неразум-

ная женщина, могу помочь тебе, мой дорогой и самый умный на свете человек? Лучше сам подумай: если сможешь найти другое объяснение, значит, оно и будет правдой. Только я вот еще что хочу сказать. Конечно, новый резидент не подарок, заносчивый, по-моему, человек, но думаю: он прав. Не надо никому рассказывать о том, что произошло там. Не поверят тебе, да и резидента подведешь. А ваши, я знаю, мне говорили, такого не прощают.

В половине первого они пошли одеваться. Игорь приехал за ними в этот раз без водителя. Самые модные в этом сезоне «Жигули» шестой модели белого цвета стояли в ожидании долгожданных пассажиров у парадного входа в гостиницу. Он повез их в Тбилиси. Это был его Тбилиси, его город, который любил и знал Гоглидзе. Игорь привез их на левый скалистый берег Куры к Метехскому храму, который они видели с высоты птичьего полета, когда поднимались по канатной дороге на гору Мтацминда. Потом они оказались в улочках-закоулочках старого города, увидели и узнали, что такое серные бани, оттуда рванули на известный им проспект Руставели и, наконец-то по-настоящему, познакомились с двумя мужиками на постаменте – Чавчавадзе и Церетели, симпатичные и прогрессивные были мужчины. Гоглидзе рассказывал обо всем и вся так, с таким непередаваемым чувством юмора, разбавляя свою речь грузинскими и русскими анекдотами, что увлек даже младших Нестеровых. К тому же, за время экскурсии не обошлось без мороженого, пирожного,

вкусностей и сладостей.

К четырем часам они подъехали к особняку, окруженному высоким забором. Все было еще дореволюционной постройки. Как объяснил Гоглидзе, это – дом их дальних родственников, в прошлом известных революционеров и выбрали его потому, что в другом месте трудно собрать всех желающих принять участие в этом празднике. Каком празднике? Ты, мой самый близкий друг, из Москвы отдыхать в Тбилиси приехал, у тебя жена-красавица, дети-артисты, опять же пятница сегодня. Вообще, праздников много.

Собралось, наверное, человек шестьдесят, если не больше. Сергей думал, что среди многих людей он вряд ли встретит знакомого. Родители Гоглидзе были на Кубе, в долгосрочной командировке, а больше он никого и не знал. Он так думал. Оказалось, ошибся. Навстречу, широко распахнув руки, как гора, шел родной дядя Игорь по отцовской линии, теперь декан филологического факультета Тбилисского университета, отец двух замечательных мальчишек-близнецов, выросших, как сказал не отходивший от них ни на шаг Игорь, в прекрасных молодых людей. Он, как родного, обнял Сергея, познакомил с хозяевами большого дома, с незапамятных времен живущих в Тбилиси, представил целую вереницу родственников рода Гоглидзе. Никто не акцентировал на Нестеровых внимания, ни за столом, ни в перерывах, но они всё время чувствовали любовь и ненавязчивую заботу. Дети под небольшой оркестр национальных инструмен-

тов устроили танцы и, к всеобщему восторгу, Оленька танцевала вместе с другими девочками. Прекрасный вечер переходил в ночь, и пора было завершать застолье, когда встал старый знакомый Сергея, дядя Игорь.

– Дорогие друзья, дорогие гости! Десять лет назад, нет, – перебил он себя, – слушай, больше! Игорь, я правильно считаю? – Правильно, дядя Мераб! – Я и говорю: пятнадцать лет назад я имел счастье познакомиться с прекрасным молодым человеком по имени Сергей. Не могу сказать, что сейчас он постарел. Нет, что вы! Он стал зрелым, настоящим мужчиной, отцом, воином. Мои дети, Мамука и Арчил, до сих пор помнят приемчики, которым он их научил. – Говорил он чисто, без всякого акцента, не так, как при первой встрече. – Время бежит быстро, мы стареем, они идут вслед за нами, не меняется, Слава Богу, одно – дружба между нашими народами. Я иногда, чтобы не забывали славной истории нашей Родины, читаю студентам строки стихотворения, написанного еще в прошлом веке Акакия Церетели:

«И знали отцы, что последняя ныне
Приносится жертва во имя свободы,
Что станет Христова завета
твердыней
Навеки союз двух великих народов,
Что этот союз нерушимым
пребудет,
«Грузинский и русский народы, вы

братья!

А кто это братство предаст и
забудет,
Достоин позора навек и
проклятья».

Что в Грузии нету безумца такого,
Кто смел бы нарушить союз этот
тесный

Любви и единства и братства
святого,

Украшивших землю росой небесной».

Давайте же хранить заветы наших отцов, дедов и прадедов, беречь и умножать братство грузинского и русского народов, скрепленное кровью, пролитой в боях за свободу и счастье нашей родины!

В гостиницу Нестеровы приехали опять за полночь, а вставать надо было рано – в девять в Гори уходил микроавтобус, который взял на работе Гоглидзе. Божинские почему-то решили ехать отдельно, на своей машине и в рафике было свободно. Дети, каждый по себе, заняли места у окошек, Люба ушла в конец салона, а Игорь с Сергеем сели впереди, напротив друг друга, что б удобнее было разговаривать.

– Игоряха! Как же здорово было вчера. Такое чувство, что мы пришли в гости к своим, а не к твоим родственникам. Слушай! Я никак не могу понять и представить: как все это происходит? В первый раз встречаешь человека, а уже через

несколько минут он тебе, как родной. У вас что, секрет какой-то есть?

Гоглидзе рассмеялся.

– Конечно, есть, дорогой! Мой друг сейчас кандидатскую пишет, правда, говорит, что на самом деле докторская будет. Тема, – Игорь поднял указательный палец вверх, – «Грузинское гостеприимство, его роль и значение в мировой культуре». Я одним глазком заглянул в его научные изыскания. Так вот, мой друг Илия утверждает и доказывает, что грузинское гостеприимство – это не один из искуснейших способов принимать гостей, а совершенно уникальное явление – таинство, искусство и философия, основанное на трепетном отношении к гостю, почтении и уважении к нему. Так говорит наука, но я тебе, как сын своего отца, еще другое скажу. – Он чуть подал корпус вперед. – Гость для грузина – это посланец Господа! Слышишь, Господа Бога! Это в крови у нас. «Стумари Гхвтисаа!» – «Гость от Господа!» – мы все с детства слышим эти слова в доме своих родителей... Вот так, дорогой! Ты думаешь, почему столько людей вчера собралось? Я о вашем приезде сказал только дяде Мерабу, которого ты знаешь, и все! Он через час, пока я был на работе, звонит мне и говорит: «Дорогой, родственники спорят друг с другом, кто первым будет принимать у себя московского гостя – лучшего друга нашего Игоря». Я говорю: «Какие споры, какая очередь? Они через два дня уезжают!». Тогда мы и решили собрать всех вместе, что б никого не обидеть. Что

происходит с людьми, когда они приходят к нам в гости, садятся за общий стол, мне трудно сказать, я в такой роли не был. Знаю, очень часто бывает так: один вечер проведет с нами уважаемый человек, а дружба остается на всю жизнь. А как говорят люди? Сколько выдумки, юмора, артистизма вкладывают в свои застольные речи. Да что я тебе говорю, сам прекрасно все знаешь. К нам недавно приехала американская делегация общества анонимных алкоголиков. Сенатор возглавлял, клялся, что последние восемнадцать лет капли алкоголя во рту не было. Слушай, тоже нашел куда приехать? Вечером прием. Тамада – начальник отдела внешних сношений Министерства здравоохранения Грузии, большой и талантливый специалист в области налаживания и укрепления международных связей. Он им с медицинской точки зрения, без переводчика на чистом грузинском языке объяснил, что они себе жизнь и здоровье портят. Я тебе скажу: американские алкоголики с пользой провели вечер и все остальное время тоже, пока у нас в гостях были. Правда из общества вышли. А русские, что хуже грузин? Ты помнишь, как вы меня водку учили пить?

Они стали вспоминать давно прошедшие дни, друзей и однокурсников по Высшей школе, и так увлеклись, что, если бы не реплика водителя, не заметили, как въехали в Гори.

Остановились на центральной площади, собственно весь городок, как показалось Сергею, и концентрировался вокруг этого места. Игорь куда-то убежал, вернулся минут через

пять и передал их с рук на руки экскурсоводу, женщине лет пятидесяти, с большими, карими, печальными глазами, а сам ушел, как он сказал, по делам. Экскурсия началась с того места, где они находились. Напротив, через площадь стоял памятник Сталину, а за его спиной – довольно большое здание райкома и горисполкома. Слева, в тени деревьев, в глубине парка – домик, в котором провел свое детство Сосо Джугашвили. Божинские и Нестеровы, как гусята за гусыней, пошли за экскурсоводом к музею, дети по дороге стали баловаться, но, переступив порог домика почему-то притихли. Смотреть там особенно было нечего: стол, накрытый белой скатертью, скамейка, зеркало, самовар. Все не просто скромно, а скорее аскетично. Да и откуда у сапожника, отца Сосо, возьмутся деньги на какие-то излишества. Сам музей, где располагались основные экспозиции, начинался с мраморной лестницы, покрытой красной ковровой дорожкой, в конце которой стоял еще один памятник Иосифу Виссарионовичу. Под монотонный заученный рассказ экскурсовода они переходили от одной экспозиции к другой. Стенд, рассказывающий, как Джугашвили, он же Сталин, уходил от преследований царской охранки, а она его все равно хватала и отправляла в ссылку; весьма скромный рабочий кабинет – от кресла хозяина до стула посетителя; личные вещи – шинель, побитая молью, сапоги, фуражка. Самыми шикарными были подарки от иностранных граждан и государств, которые после вручения сразу сдавались в Гохран, и вагон-пульман,

отделанный внутри красным деревом и доставшийся вождю народов «по наследству» от Николая II.

Нестеров слушал экскурсоводшу и что-то его не устраивало. Нет, говорила она правильные вещи, только не вязалось все это с тем, что они изучали по истории КПСС касательно культа личности и ликвидации его последствий. Сергей стал вспоминать, что он сам лично, не из учебников, знает о Сталине.

Во-первых, похороны. В этот день в районе, где они жили, загудели на предприятиях ревуны и остановился весь транспорт – машины, автобусы и троллейбусы встали у обочин. Ребята-малолетки, и он в том числе, поначалу обрадовались, выскочили на шоссе, но кто-то из мужиков закричал на них и они быстренько смылись. Ему тогда только-только пять лет исполнилось. Потом, через три года, в пионерском лагере «Снежинка» под Можайском в одну ночь произошла странная трансформация памятника. Перед столовой на высоком постаменте стояла скульптурная композиция: «Ленин и Сталин в Горках». Вожди сидят на скамейке, в полуобороте друг к другу, нога на ногу и обсуждают нечто насущное. Их было видно почти из любого угла территории. И вот как-то утром шли они с пионерской линейки в столовую и видят, что композицию очень аккуратно и художественно распилили. Сталина убрали, а на его место, чуть продвинув вперед, перед Лениным поставили отдающую салют пионерку, одежду в школьную форму последнего фасона, в фартуке и с

галстуком на шее. Скульптура девочки раньше стояла прямо у линейки. Зачем они поменяли Иосифа Виссарионовича на пионерку, никто объяснить не мог. Потом, правда, взрослые говорили о ликвидации последствий какого-то культа личности, но вскользь и неактивно. Еще жена ему рассказывала, как отец в праздники брал ее с собой на демонстрации на Красную площадь и, когда они проходили перед мавзолеем, сажал к себе на плечи и, показывая на трибуну, говорил: «Смотри, дочка, запомни: это товарищ Сталин!». А тесть, как в свое время установили кадровики Управления контрразведки, получил десятку в тридцать втором и половину срока отпахал, прокладывая Байкало-Амурскую магистраль, но большего сталиниста, чем он, Нестеров не знал. Размышления-воспоминания прервал голос Гоглидзе, объявивший, что после осмотра города их ждет обед в ресторане «Интуриста». Предложение было встречено на «ура», так как все уже изрядно проголодались. Вместе с экскурсоводом они быстро обежали город и сели за шикарный, накрытый как для иностранной делегации стол. Кипельно-белые скатерти, накрахмаленные салфетки, хрусталь, фарфор, закуски, вина, коньяк. Гоглидзе, как мог, создавал настроение: шутил, рассказывал всякие побасенки, не трогая города и человека, который родился и рос на этой земле. Никто не мог устоять перед обаянием, дружелюбием и теплотой Игоря, даже Владислав Казимирович растаял. Но облачко грусти перед завтрашним расставанием все равно захватило почти

всех, дети и то вели себя намного сдержаннее, чем обычно.

Обратно ехали все тем же порядком, расселись на старые места. Нестеров задумчиво смотрел в окно рафика, хотя за окном ничего интересного не было, к тому же начал накрапывать дождик. Небо и без того не очень светлое совсем посерело, быстро стали собираться сумерки.

– Ты что задумался, дорогой? Тревожит что-то? – Гоглидзе опять уловил настроение своего друга, а Нестеров, собственно, и не собирался от него скрывать причины своего состояния.

– Я вчера рассказал Любе про дамбу, не хотел, но, как черт за язык дернул. Идиот, честное слово! Хотя, может, и к лучшему. Она ведь догадывалась, была уверена, что со мной произошло что-то страшное, смертельно страшное. Знала, но молчала, все в себе держала. Если б ты видел, как она плакала. Да я голову готов себе отрубить за ее слезы. Слушай! – Он еле себя сдерживал. – Ты скажи: им-то, женам нашим, за что все это? Ладно, мы! Знаем, на что идем, для того и служим, в конце концов. А они? Маленькие, хрупкие! Зачем?

Игорь взял его за кисти рук и сжал до боли.

– Успокойся, дорогой, успокойся. Я сам не раз об этом думал, вся жизнь наша с тобой заставляет думать об этом. Помню, в Кандагаре приехала жена к командиру полка. Мужик – красавец, тридцать восемь лет, вся жизнь впереди, а его в тот же день прямо на наш аэродром вертушкой убитым привезли. Как же она рыдала! Я никогда больше ничего по-

добного не слышал. Ребята говорили, что это причитания по погибшему мужу. Вроде она из Вологды, откуда-то. Сережа, она плачет и рассказывает, как они познакомились, как он ее первый раз за руку взял, как с друзьями знакомил, всю жизнь рассказала. Мне тогда так страшно стало, только подумал, что с Кети будет, если меня убьют. А утром пошли на операцию. Я, как только из БТРа прыгнул на землю у кишлака, где духи засели, и забыл про все. А по-другому как?

В Тбилиси въехали поздним вечером, попрощались с Божинскими и поехали к гостинице. Люба уложила детей, собрала вещи и сидела с ними почти до утра у мангала, где их кормил шашлыками заботливый Сосо.

Долгие проводы – лишние слезы. Началось еще с гостиницы, куда Игорь прислал за Нестеровыми машину. В половину двенадцатого Сергей загрузил вещи в багажник. Стали прощаться с Сосо, ресторанным капитаном, директором гостиницы, горничными, администратором и прочим людом, вышедшим их провожать. Народу набралось много. В это время из-за угла появилась Оленька в сопровождении своего верного четвероногого друга – американского кокера-спаниеля, с которым познакомилась в первый же день. Взаимная любовь у них вспыхнула с первого взгляда. Девочка назвала своего нового друга почему-то Васильком, и забавный веселый пес с удовольствием откликался на эту кличку, беспрекословно выполняя все приказания своей маленькой «хозяйки». Подойдя к машине, Ольга скомандовала своему любим-

цу: «Сидеть!» и, наклонившись, стала уговаривать его, чтобы не скучал без нее, слушался старших и не очень лаял, когда они поедут на вокзал. Кокер, склонив голову набок, внимательно слушал наставницу, а потом подошел и без стеснения лизнул ее прямо в нос. Наконец все устроились, и машина, прибавляя скорость, пошла к воротам. И тут собака начала скулить, а потом со всей скоростью, на которую была способна, громко лая, бросилась за машиной. Оленька, стоя на коленях на заднем сидении, увидев своего друга, не выдержала, вскинула руки и закричала: «Василек, Василек! Не надо, не надо, останься!». Рыдания, рвущие сердце, и слезы ручьем, каждая с крупную горошину, продолжались почти до вокзала. На перроне их ждали старшие и младшие Божинские и, конечно же, Гоглидзе. Для приличия поговорили ни о чем, но, как ни старались растянуть время, момент расставания все-таки наступил. Люба не смогла сдержаться и всплакнула первой, а жена Божинского, вторя ей, не стесняясь, заплакала в голос, будто прощалась с близкими родственниками.

Под нестройный аккомпанемент женских всхлипов и рыданий Нестеров от всей души по русскому обычаю трижды чмокнулся с Владиславом Казимировичем, а с Игорем обнялся с той же силой, как недавно при встрече.

– Игоряха! Сын своих родителей! Дай слово, что, как приедешь в Москву, сразу позвонишь!

– Даю, дорогой! Сами приезжайте к нам, только надолго, не так, как сейчас. Раз и все! Хорошо?

– Ладно, приедем. Ты когда в Москву?

– В следующем году должен быть.

– Ну, до встречи!

– Давай, дорогой!

Еще раз обнялись, и Нестеров стал подниматься в вагон, хотя в голове невольно крутилось: «Когда мы еще встретимся с тобой, дорогой мой дружище?».

В Гаграх все было замечательно: теплое ласковое море, солнце, набережная, белые зонтики, загорелые отдыхающие – просто сказка! А кормили как? Пограничники, вернее их повара, продуктов не жалели, одной порцией двух человек можно накормить. Дети две трети не могли съесть, и не потому что много, просто в Тбилиси готовили вкуснее. Если б не эта ерунда, лучшего и пожелать нельзя. И все-таки что-то саднило в нестеровской душе, не давало угнездиться чувству покоя и равновесия. Он никак не мог понять причины своего состояния, пока однажды не услышал в номере плывущий из динамиков чарующий голос Нани Брегвадзе:

Расцветай под солнцем, Грузия моя,

Ты судьбу свою вновь обрела.

Не найти в других краях твоих красот,

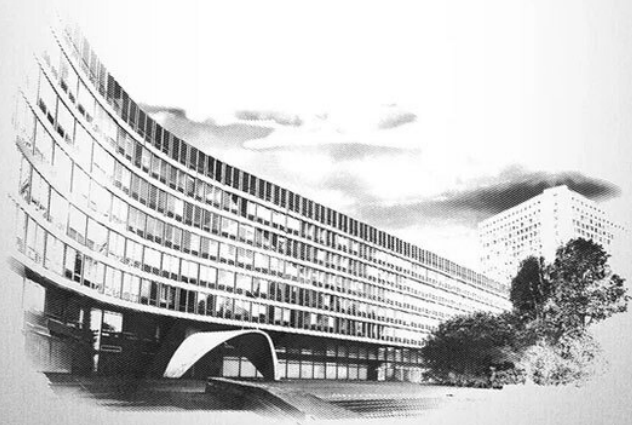
Без тебя и жизнь мне не мила!

Защемило сердце, и вспомнились семь дней, пролетевших, как одно мгновение, всего-навсего семь дней в Тбилиси...

*Наша профессия в тени,
и не потому, что она не почетна.
Просто наш труд не афишируется.
Часто наши победы и слезы миру не видны...*

*Артур Артузов (1891 – 1937)
Один из основателей и руководителей органов
госбезопасности и разведки советской России.*

ЛАБИРИНТЫ ЦЕНТРА

Первые неожиданности

Сергей проснулся ни свет ни заря. Чтобы не разбудить жену, тихо лежал с открытыми глазами и пытался представить себе сегодняшний день, первый рабочий день после отпуска. Но мысли путались и ничего связанного не получалось, хотя многое, если не все, должно проясниться сегодня. В отношении своей персоны особых иллюзий он не испытывал. По опыту работы в Центре прекрасно знал отношение руководства к сотрудникам, вернувшимся из длительной командировки без весомых результатов – вербовки или хороших заделов для этого. Таких людей старались задвинуть куда-нибудь подальше от оперативной работы, а варягов, кого призывали из других подразделений Комитета, отправляли на прежнее место службы. В этом отношении Сергей был спокоен, участь вернуться в родное Управление контрразведки его не страшила. Хотя, если вспомнить, как ребята его провожали, какие надежды возлагали и слова говорили, не хотелось бы, как говорится, под конем, без щита и меча. Не заслужил, вроде, такой участи...

– Сережка, ты что, не спишь? Рано еще, – теплый сонный голос жены. – Волнуешься?

– Да нет. Все нормально, спи, солнышко. Я на кухню, кефирчику выпью с булкой и на работу, все равно уже не засну.

– Давай в душ, горе мое, а я пока завтрак приготовлю.

Бутерброды с докторской будешь?

Однако похозяйничать на кухне Любе не удалось – встала Сережина мама и взяла бразды правления в свои руки, что вызвало у жены тихий, но явный протест. Вообще, по наблюдениям Нестерова, между ними стала зарождаться какая-то нездоровая конкуренция. Раньше мама их поила и кормила, и Люба принимала все, как должное. Но почти за пять лет командировки она сама стала хозяйкой, да еще какой! Повар посла и подруги, включая чешку Марту и Марию из Болгарии, специально домой к ним приходили, рецепты переписывали, смотрели, как она готовит. Вот на почве ведения хозяйства и начались первые трения, а как по-другому: две женщины на кухне... Уже после первой, совсем легкой кухонной баталии он вспомнил, как крыса Сушка дня через три после Любиного приезда сбежала из квартиры. Но то ведь крыса, а здесь люди – существа разумные. «Ничего, образуется как-нибудь, – успокаивал Сергей сам себя. – Они же обе – мои любимые и дорогие, найдут общий язык, ради меня, в конце концов».

В Ясенево приехал с первым автобусом, до официального начала рабочего дня оставался час с лишним. Побродил по дорожкам, посмотрел на кустики-цветочки-клумбочки-фонтанчики, потом не выдержал и поднялся на этаж, где располагался отдел. Пошел по пустому коридору. На всякий случай дернулся в кабинет Коли Игнатьева, а дверь возьми да откройся. Оказалось, молодой, ретивый сотрудник, с кото-

рым Сергей познакомился перед отпуском, уже полностью погрузился в рабочий процесс. Самого Игнатьева не было, а переговорить с ним, прежде чем идти к начальству, очень даже хотелось. Коля появился ровно в девять, минута в минуту, помятый, в несвежей рубашке и крайне озабоченный. Перекинуться с ним хотя бы словечком не удалось: в кабинете народ толпился, и время поджимало – надо было докладывать, что вышел из отпуска и прибыл на работу. По аппарату оперативной связи Нестеров набрал Фомкина, но тот вопреки принятому порядку сразу переправил его наверх, к Шибанову. Только Сергей положил трубку – раздался звонок. Он машинально взял телефон. Как положено, назвал себя и услышал в ответ энергичный голос начальника: «Привет, Сергей Владимирович! Ты-то мне и нужен. Заходи!». Голому собраться – только подпоясаться! Схватил портфель с подарком для шефа и вперед, благо идти недалеко – кабинет заместителя начальника отдела располагался прямо по коридору через четыре двери. Он еще только переступал порог, а Шибанов уже встал и с улыбкой пошел навстречу. Сжал руку до хруста, коротко приобнял, хлопнув по спине, и отправил на стул за маленький приставной столик. Итоговый отчет Нестерова с пометками ручкой и карандашом лежал на столе начальника отдельно от других бумаг. Но начал Петр Георгиевич, как принято, с разговора «по душам».

– Ну, здравствуй, наконец! Давненько мы с тобой не виделись. – Шибанов откинулся на спинку стула и, прищурив-

шись, будто смотрел издалека, с улыбкой стал разглядывать своего подопечного. – А что? Выглядишь неплохо: загоревший, отдохнувший. Молодец! Рассказывай: как дома, родители, дети? Сын, большой, наверное?

Нестеров, подстраиваясь, в тон начальству отбарабанил бодрым голосом недавнего отпускника:

– Спасибо, Петр Георгиевич! Старики скрипят, но держатся, дети растут, как им и положено: Олежка осенью во второй класс пойдет, Ольга – в первый. Ей, правда, семи еще нет, но ничего, попробуем. Она ведь на подготовительном отделении занималась...

– Любаша как?

– Входит в норму. Дома получше, конечно. Ольга с Олегом дергают, родители ходят, бурчат... – он неслышно, как ему казалось, вздохнул, но Шибанов все равно услышал.

– Ничего, Сергей, не переживай, потихоньку-полегоньку все придет в норму. А Люба у тебя просто молодец, храбрая женщина. Честно скажу: не ожидал...

– Это вы про встречу с «Грэггом»? – Нестеров спросил просто так, для порядка, чтобы разговор поддержать, а Шибанов сразу зацепился.

– А что, были другие случаи? – Петр Георгиевич, будто ему все известно до доньшка, сбросил маску добродушия. И без того небольшие глазки стали совсем маленькими и недобрыми, черты лица заострились, и в голосе зазвучали сразу несколько тонов: требовательность, раздражитель-

ность, вкрадчивое и не очень искреннее участие. – Может, ты не все написал, Сережа? Не успел, наверное, что-то помешало? Ничего, такое бывает. Но мы же не чужие с тобой люди, не один год вместе лямку тянули. Чего молчишь? Рассказывай, рассказывай, пока есть возможность. Смотри: потом поздно будет, другой кто-нибудь расскажет, если уже не рассказал...

«Знает про дамбу или на испуг берет? Неужели резидент все-таки стукнул?» – быстро-быстро застучало в Нестеровской голове, но играть надо было до конца, а там, будь, что будет...

– Да что вы, Петр Георгиевич? – удивлению не было предела. – Чего рассказывать? Я все как на духу...

– Ну, ну. – Шибанов холодно улыбнулся и, как ни в чем не бывало, продолжил разговор, плавно, естественным путем переходя на служебные темы.

– С Фомкиным познакомился? Хорошо он тебя встретил?

– Очень хорошо, так хорошо, что лучше некуда, – Нестеров даже не пытался сдержать злость и возмущение, вспомнив, как этот гад ни свет ни заря после бессонного перелета в Москву вызвал его в Центр. Набрал воздуха в грудь, хотел со всей пролетарской ненавистью добавить пару определений в адрес Фомкина, но Шибанов, угадав его желание, резко осадил.

– Ты чего встрепенулся? Или что-то ругательное сказать хочешь? Напрасно, напрасно... Пора уже знать, что началь-

ников, как родителей, не выбирают, – с легким вздохом протянул он. – Что-то ты, Сергей Владимирович, разучился себя в руках держать. Спокойствие и выдержка. Кстати, – добавил начальник, будто только вспомнил, зачем пригласил подчиненного, – давай-ка мы о них, и поговорим: о спокойствии и выдержке.

Шибанов перевел взгляд на документы, лежавшие на столе. Сначала придвинул к себе отчет Нестерова, потом, немного покопавшись в папке с надписью «НА ДОКЛАД», достал два листочка машинописного текста, и положил их рядом.

– Начнем, как водится, с конца. – Петр Георгиевич перевернул несколько страниц отчета, что-то прочитал, оторвал глаза от текста и посмотрел на Нестерова. – Расскажи-ка, друг мой, о «Лекаре». Я же помню, как все хорошо начиналось, – он откинулся назад, готовый послушать, что скажет Нестеров, и сразу сделал уточнение. – Материалы по нему я видел, так что можешь не повторяться. Скажи лучше то, чего я по тем или иным причинам не знаю, хотелось бы до конца разобраться с этим делом.

Сергей так и думал, что разбор полетов начнется с «Лекаря», и, на всякий случай, приготовил два варианта доклада: один – для Фомкина, а другой, с элементами психоаналитики, для Шибанова. Нестеров стал рассказывать Петру Георгиевичу историю с «Лекарем» от начала до конца, делая упор не столько на фактическую сторону дела, сколько на

свои ощущения, предчувствия и интуицию. Считая, что знает характер шефа, он рассчитывал, а как только стал рассказывать, поверил, что уж кто-кто, а Шибанов, его обязательно поймет. И точно! Пока Сергей говорил, Петр Георгиевич то бровь удивленно поднимет, то хмыкнет недовольно, то задумчиво складки на лбу соберет, то «угукнет» очень кстати и вовремя. На самом же деле докладчик и представить себе не мог, как он далек от истины и что действительно думает Шибанов.

– Кажется, это все, что я дополнительно могу сказать по ситуации с «Лекарем», – внутренне волнуясь и переживая, но внешне спокойно, завершил сообщение Нестеров.

– Ну, хорошо, – отреагировал Шибанов, прервав поток своих размышлений, и жестко продолжил. – Хотя ничего хорошего, на самом деле, не вижу. Во всей твоей истории слишком много догадок, умозаключений и просто фантазий. – Он замолчал, что-то припоминая, и после небольшой паузы, несколько мягче сказал: – Сергей Владимирович, прошло почти три месяца, и есть возможность, даже необходимость, более спокойно посмотреть на прошедшие события. Скажи: ты по-прежнему считаешь, что никаких сомнений в деле «Лекаря» нет и быть не может? Только не торопись, подумай, – опередил он уже готового к ответу Нестерова.

Петр Георгиевич спокойно и внимательно смотрел на Сергея, отмечая нюансы реакции на свои слова, и увидел,

что Нестеров услышал его, среагировал и «прикусил» язык. «Чего он хочет? – соображал Сергей, – чтобы сделал шаг назад? А зачем? Отчет-то у него на столе, а что написано пером...». Пауза затягивалась, и Шибанов взял инициативу в свои руки.

– На самом деле, твоя версия, что «Лекарь» – офицер Министерства безопасности очень слабо подкреплена фактическим материалом. Давай вернемся к отчету о встрече с начальником экспедиции геологов и посмотрим, чем он тебя так поразил, что ты сразу поверил, будто твой контакт – сотрудник местной контрразведки. Итак. Специалист, водитель видел его выходящим из здания министерства безопасности. При каких обстоятельствах это произошло? Может, он его из движущейся машины увидел? Никаких уточняющих деталей в отчете нет, а на самом деле, штришок-то не из последних. – Петр Георгиевич откинулся на спинку стула. – Сам должен знать: когда человек за рулем, его внимание сконцентрировано на дороге, а не на пешеходах, снующих туда-сюда по тротуару. Любой водитель, тем более на скорости, может ошибиться и принять одного человека за другого. К тому же, подавляющему большинству наших людей все желтенькие и узкоглазые на одно лицо, как и мы для них.

Нестеров молчал. Он понимал, что нельзя исключать возможность ошибки, тем более что с Ринатом он, действительно, переговорить не успел, и рванул в посольство, как на пожар. А Шибанов, заметив его колебания, продолжил:

– Переводчик, подчиненный «Лекаря», тридцать три бочки арестантов повесил на своего начальника. А если это не соответствует действительности? Много ты видел людей, довольных своим начальством? Ты, например, мной или Фомкиным доволен? Чего молчишь? Значит, не доволен, хоть я лично ничего плохого, по-моему, тебе не сделал. А вот этому молодчику-переводчику как раз есть из-за чего обижаться на своего начальника: работал в столице, горя не знал, а его бедного, несчастного взяли и к черту на кулички сослали. Может, здесь кроется правда?

Нестеров слушал шефа и поражался: насколько его доводы совпадали с мнением резидента, которому он по горячим следам докладывал ситуацию с «Лекарем».

– Сергей Владимирович, не узнаю тебя, – Шибанов заговорил с разочарованием и обидой, будто Нестеров обманул, не оправдал его ожиданий. – Ты же опытный работник и не хуже меня знаешь, что всякая информация, тем более острого характера, нуждается в проверке. Почему проигнорировал это требование и посчитал себя истиной в последней инстанции, взял на себя ответственность за решение такой непростой задачи? Может, что-то повлияло на тебя? Разговор, происшествие, событие, ну, что-то должно было произойти, отчего ты полетел в посольство, сломя голову? Чего молчишь, или сказать нечего? И вот еще что, – вспомнил Шибанов. – Когда ты, наконец, научишься смотреть хоть на шаг вперед, и просчитывать последствия своих действий?

Помнишь наш разговор в резидентуре? Не забыл: какие у меня были планы на твой счет? И что? Одним росчерком пера ты все зачеркнул! – Руководитель взял со стола лежавшие рядом с отчетом два листа машинописного текста. По диагонали пробежал текст. – На, почитай. Думаю, на пользу тебе пойдет...

Это была характеристика резидентуры на Нестерова, вернее товарища Норда, по результатам его работы в заграничной командировке. Глаза полетели по строчкам. Вроде, все как обычно: «активно включился..., восстановил связь..., принимал участие...». Перевернув страницу, Сергей невольно зацепился за подчеркнутые строчки: «За период работы велось изучение шести объектов оперативной заинтересованности из числа местных граждан, однако конкретных результатов в вербовочной работе добиться не удалось». На полях кем-то из руководства жирно, с нажимом написано: «В чем причина? Доложите».

– Ну, что? Теперь, понимаешь: прими ты другое, более взвешенное решение, этого вопроса просто бы не было? – Шибанов забрал документ и вместе с отчетом отложил на край стола. – Я неделю назад из отпуска вышел, и мы дважды со Станиславом Андреевичем обсуждали твою работу в резидентуре. Сложностей, конечно, хватало, но таковы были условия и ничего здесь не поделаешь. Поэтому, с учетом всех обстоятельств, пришли к мнению, что в основном с поставленными задачами ты справился. За исключением, ко-

нечно, разработки «Лекаря», где допущены неоправданные поспешность и неосмотрительность. Или у тебя другая точка зрения?

«Может, и другая, – подумал Нестеров, вспомнив о своей интуиции, которая его никогда не подводила. Но тут же, в пику его упрямству, в сознании всплыли когда-то сказанные ему слова доброй и мудрой бабушки, Агафьи Федоровны: «Люди тебе, Сереженька, добра хотят, а ты еще и кобенишься». Маме Старой, как звали ее все внуки в большой семье Нестеровых, перечить никто не смел, и Сергей с легким сердцем ответил: – Да нет, Петр Георгиевич, конечно, вы правы. Я тогда больше за Вячеслава беспокоился. Чего, думаю, парня под расшифровку подставлять...

– Понятное дело, – с явной иронией и непонятным для Сергея удовлетворением протянул Шибанов, – хотя эта задача не твоего уровня. – Неожиданно он озорно, с мелькнувшей искрой в глазах улыбнулся. – В начальники, видать, метишь. Случайно, не на мое место? – И сразу снова стал серьезным. – Хочу сказать тебе, Сергей Владимирович, что пока нас с тобой не было, а Станислав Андреевич находился в командировке, обстановка в отношении твоей персоны по-разному складывалась. Вплоть до прощупывания почвы в контрразведке на предмет возможного дальнейшего трудоустройства Нестерова С. В. Вот так, дорогой товарищ! – Он легко прилепнул ладонью по столу и посмотрел на покрасневшего от волнения Сергея. – Но теперь все закончилось:

твоя работа, как я уже сказал, и в первую очередь с «Грэгом», получила положительную оценку. Остаешься в отделе. Участок тебе определит Фомкин, мы с ним в общих чертах проговорили. Вопросы есть? Вопросов нет! Тогда вперед!

«Возьмем винтовки новые...» – вспомнил Сергей любимую песню Михалыча Позднякова и почувствовал, как отпустило напряжение, которым был скован с самого утра. Оставалось последнее, чего он не умел делать никогда – вручить подарок. Тем более сейчас, в обстановке, когда только что висел на волоске. Еще подумает дорогой начальник что-нибудь не то и выгонит его к чертовой материи – вот тогда отношения испортятся крепко и надолго, может навсегда. И как это у других все так ловко получается? Некоторые вообще с подарков начинают, чтобы беседа в нужном русле шла. Нестеров находился в краткосрочном, незаметном для Шибанова ступоре, а решение, как всегда, в стрессовой для него ситуации пришло с той стороны, откуда не ждал.

– Петр Георгиевич, спасибо, я все понял. – Сергей стал открывать портфель и краем глаза заметил, как напрягся готовый к отпору начальник, но Нестеров был спокоен, он знал, что скажет. – Люба просила передать Вере Сергеевне, – и положил на стол небольшой продолговатый предмет, завернутый в зеленый бархат и перевязанный шелковой лентой того же цвета, только более темного оттенка.

– Это что? – строго спросил Шибанов.

– Не знаю, я не в курсе, – Сергей открыто, без тени сму-

щения, смотрел начальнику прямо в глаза, – они между собой договаривались...

Нестеров осторожно развязал ленту и откинул бархат, скрывающий содержимое свертка. На мягкой изумрудного цвета ткани лежала вырезанная из пожелтевшего от времени слоновобивня на деревянной ажурной подставке статуэтка многорукого индийского божества. Сергей точно знал, что Петр Георгиевич – большой любитель таких вещей.

– Хорошая штучка, редкая, – разглядывая, Шибанов взял статуэтку в руки. – Передай Любаше огромное спасибо, у нее прекрасный вкус. Верочке точно понравится...

«Молодец парень, – отметил про себя Петр Георгиевич. – Ловко он со статуэткой провернул, захочешь – не откажешься. А Верочка моя, конечно, ни сном, ни духом, святая душа».

Фомкин сам зашел за Нестеровым в кабинет Игнатьева. Вел себя подчеркнуто вежливо и корректно, приклеенная косая улыбочка не сходила с губ, обращался исключительно по имени, отчеству и только на «Вы». Сергей не стал особенно задумываться, чем вызваны столь кардинальные изменения в его поведении – других забот был полон рот. Стараниями Фомкина его определили в «большой» и неудобный со всех точек зрения кабинет, где всегда сидело от четырех до шести человек. Накоротке познакомившись с соседями, первое, с чего Нестеров начал, стал принимать дела от молодого поколения на подшефных ему теперь сотрудников ре-

зидентуры и все их «хозяйство», включая агентуру, разработки и переписку с Центром. Объем будущей работы оказался немаленьким. Потом сходил вниз, отметил в кадрах, получил у секретаря необходимые для работы документы и в этой, как будто новой для него суете, пропустил время обеда. Опомнился, когда народ стал собираться на оперативку, ежедневное совещание, проходившее в кабинете начальника отдела. По сигналу секретаря все зашли гурьбой, здороваясь с генералом, кто за руку, кто голосом и кивком головы, в зависимости от занимаемого положения и характера отношений с большим шефом. Станислав Андреевич глазами нашел Нестерова, кивнул ему и ободряюще улыбнулся. На оперативке, как обычно, дежурный по отделу из поступивших материалов ТАСС зачитал наиболее интересные сообщения по событиям, произошедшим за рубежом за истекшие сутки. Потом с коротким объявлением по повестке дня предстоящего собрания выступил секретарь партийной организации, и всем показалось, что совещание подошло к концу. Однако команды расходиться, почему-то не поступало. Неожиданно открылась дверь и в кабинет, поздоровавшись со всеми разом, зашел кадровик, Виктор Иванович. Пройдя к столу начальника отдела, он открыл известную почти половине разведки черную папку и передал пакет, который Станислав Андреевич положил рядом с собой. Виктор Иванович присел на свободный стул недалеко от хозяина кабинета. Наступила тишина, все ждали, что произойдет дальше.

– Товарищи! – Генерал встал, поднялись со своих мест и все остальные. – На меня возложена важная и почетная обязанность: выполнить поручение руководства Комитета государственной безопасности Советского Союза. – Он слегка повернул голову в сторону сотрудников, сидевших слева от него, и сказал: – Сергей Владимирович, пройдите, пожалуйста, к столу.

Пока Нестеров выполнял неожиданное для него приказание, Станислав Андреевич вскрыл принесенный кадровиком пакет, достал из него красного цвета книжицу, открыл и, когда подчиненный встал рядом, повернувшись лицом к сотрудникам отдела, прочитал сдержанным, торжественным голосом:

– Майору Нестерову Сергею Владимировичу приказом Председателя КГБ СССР от шестого июля тысяча девятьсот восемьдесят третьего года за добросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей по выполнению специального задания и полученного при этом положительного результата объявлена благодарность. Поздравляю вас!

С искренней, отрывистой улыбкой генерал от души пожал Нестерову руку. Не ожидавший, слегка оглушенный случившимся, он, как учили на строевых занятиях в Высшей школе, по-военному, руки по швам, повернулся к находившимся в кабинете товарищам и громко произнес:

– Служу Советскому Союзу!

Сотрудники отдела окружили зардевшегося от смущения

«именинника». Одним из первых, с виноватой улыбкой, пряча глаза, подошел Коля Игнатъев. Что происходит с парнем, Сергей, как ни старался, понять не мог, но перемены не в лучшую сторону заметил еще с утра. Поздравления продолжились и после официальной части. «Надо бы обмыть это дело, – подумал Нестеров. – Не каждый день Председатель мне благодарности объявляет». Он переговорил с людьми, и в районе семи часов вечера малой, проверенной компанией, впятером, они были в кафе у метро Беляево. За разговорами, шутками, прибаутками два часа пролетели незаметно, но, как говорится, пора и честь знать. Дружно, всей гурьбой отправились к метро. После Октябрьской Нестеров с Игнатъевым остались вдвоем.

– Николаша, у тебя все в порядке? Домашние живы, здоровы? – Сергей рассчитывал, что после задушевного офицерского собеседования легче будет растормошить Игнатъева. Куда там!?

– Нормально, Владимирыч! – коротко и без всякого желания продолжать разговор ответил Николай, однако бросать начатое дело Нестеров не привык и попробовал зайти с другого конца.

– Ира, как? Сынуля?

– Нормально, – продолжил Николай все ту же песню-тягомотину, но голос предательски дрогнул, и Сергей понял, что дело серьезное.

– Если все так хорошо, поехали, дорогой, к нам домой.

Любаша тебя сто лет не видела. Ничего, если ты у нас заночуешь, Ирина против не будет? Ты звякни ей, как приедем, – Игнатъев кисло улыбнулся. – А завтра первой лошадыю отправимся на работу. Чистую рубашку найдем, не вопрос. У тебя тридцать девятый? – и, получив утвердительный ответ, добавил: – Вот и замечательно. Так что, договорились?

На удивление, Николаша сразу согласился. В половину одиннадцатого плечом к плечу они стояли в прихожей перед Сережиной мамой и Любой, молчание которой вмещало в себе по крайней мере два вопроса: «И как прикажешь это понимать, дорогой мой муж? Ничего получше, на ночь глядя, придумать не мог?». Почувствовав недоброе, Игнатъев дернулся назад к двери, но Нестеров удержал его за рукав пиджака.

– Подожди, Коля!

Из портфеля Сергей достал ту самую красную книжицу и протянул ее жене: «Вот, это нам с тобой за «Грэга!». Она смешалась, не зная, что делать, но взяла странный для нее предмет в руки и осторожно открыла. Сережкина мама, заглядывая через плечо, старалась рассмотреть, что же там такое есть. Люба прочитала и заплакала, сама не зная от счастья или переживаний за мужа. Наступила неловкая для всех пауза, но положение спасло старшее поколение. Вскрикнув: «Что ж мы в коридоре-то стоим!» – Галина Андреевна с глазами на мокром месте бросилась на кухню к холодильнику. Через десять минут краковская колбаска, салыце, селедочка

с холодной вареной картошечкой и зеленым лучком, помидорчики, огурчики с дачного огорода и вся остальная еда и закуска, все, что было в доме стояло на столе. Пока мама хлопотала на кухне, а Николай знакомился с детьми, Сергей переговорил с женой, ввел ее в ситуацию, и все встало на свои места.

Отмечать награду решили на кухне, по-домашнему – в тесноте, но не в обиде. Где-то через полчаса Люба пошла укладывать детей, а вслед за ней поднялась и Галина Андреевна. Нестеров наполнил рюмки.

– Ты чего такой смурной, Игнатьев? Я думал, радоваться за меня будешь, а ты, как в воду опущенный. Случилось чего? – Он говорил шутливым тоном, но голос был более чем серьезным. – Николаша, ты меня знаешь, я своего все равно добьюсь, зубами правду вырву. Так что лучше не брыкайся, дороже обойдется. Колись, лось мохнатый!

Николай вздохнул, будто сбросил с плеч тяжелый груз.

– Через пару дней, как вы улетели в отпуск, сверху спустили указание: подготовить предложения о поощрении сотрудников, принимавших участие в разработке и реализации мероприятий, позволивших предотвратить развертывание агрессивных действий Китая в регионе Юго-Восточной Азии и на границе с Советским Союзом. На наш отдел дали орден и медаль. Кандидатур на награждение было шесть, это я точно знаю: два человека из руководящего состава и четыре опера. Наверху, – Игнатьев кивнул в потолок, – ре-

шили так: орден – начальнику отдела, а из оперативников на медаль выбрали тебя. Фомкин от злости дерьмом изошел, сквозь зубы дал мне указание, и я в тот же день написал представление, – вспоминая, он нахмурил брови. – По моему, так: «За умелые, инициативные и смелые действия, способствовавшие успешному выполнению боевых задач по обеспечению государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик наградить майора Нестерова Сергея Владимировича медалью «За боевые заслуги». Туда же приложил справку по работе с «Грэггом» с описанием обстоятельств получения информации на предпоследней встрече и оценкой сведений руководством разведки. Фомкин, чернее тучи, бумаги в руки и в кадры, с кем он там говорил, не знаю, Виктор Иванович в командировке был. На следующий день опять к кадровикам метнулся и приходит уже успокоенный. «Переделай, – говорит, – представление на Нестерова с медали на грамоту Председателя». От счастья аж светится! Что они там нашли, какие несоответствия, понятия не имею. Я, конечно, переписал, куда деваться. А потом он у меня и вовсе документы на награждение к себе забрал. А я-то, голова садовая, думаю: чего он такой счастливый ходит? Теперь понятно: медаль, наверняка, вместе с кадровиками в другой отдел отдали, а тебя он на благодарность спустил, сволочь! А я еще и помогал ему...

На душе заскребли кошки, но вида Нестеров не подал.

– Коля! Да пропади он пропадом, жираф недоделанный!

Стоит из-за него расстраиваться? Мне Георгич намекнул, что наш ненаглядный Александр Петрович вообще хотел меня в контрразведку сплавить, только хрен ему на рыжую морду! Как с формулировкой, – Сергей заглянул в красную книжечку, – «... за добросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей по выполнению специального задания...» можно списать человека из разведки? Сам обделался по самое некуда, вот и мстит другим неизвестно за что! А ты так вообще здесь ни при чем, не бери в голову! Лучше скажи, что с ТОБОЙ происходит? Я же вижу, в каком ты раздрае...

Игнатьев напрягся, лицо покраснело, и большие оттопыренные уши стали пунцовыми. Он низко наклонил голову и, решившись, глухо произнес:

– Я из дома ушел.

– Как ушел? – Нестеров оказался в состоянии полной растерянности, и было от чего. Чтобы Коля – сама добродетель, застенчивая скромняга, из дома ушел, сына бросил? Этого не может быть ни за что, потому что быть такого не может. Сергей постарался взять себя в руки. – Объясни, пожалуйста, что значит: ушел?

Игнатьев поднял глаза и тут же отвел их в сторону.

– Трудно говорить, Владимирыч! стыдно. Мы с Иркочкой познакомились, когда я еще в Высшей школе учился. На выходные приезжал к родителям в Тучково, а она там, в больнице, медсестрой работала. Встретаться стали, а через какое-то время Юлька и говорит: «Я залетела, беременная. Аборт де-

лать не буду, мне нельзя». Так и поженились. Витьке, сыну, скоро четыре, мы с ним не разлей вода. – Он вскинул голову и посмотрел прямо в лицо Нестерову. – Мне ребята тучковские говорили: погуливает она, но я все отмахивался, не верил. Мало ли что болтают. А две недели назад приболел, температура подскочила, поехал с работы домой, мы квартиру в Москве снимаем. Думал, Ирка подлечит, у нее как раз выходной был, она в ночь работала. Захожу, а там... – Игнатьев замолчал, с натугой проглотил комок, вставший в горле. – Извини, дальше рассказывать не буду, сам понимаешь. На следующий день, когда ее не было, отпросился с работы, собрал вещи и ушел...

– И что теперь?

– Не знаю. Иногда приезжаю к родителям, помыться, рубашку сменить... Им еще не говорил, но мать, по-моему, догадывается, плачет украдкой.

– Где живешь, вернее, ночуешь? – поправился Нестеров.

– На Павелецком. На работу удобней.

– Из наших кто-нибудь в курсе?

– Нет, только ты.

Ситуация складывалась непростая, даже отвратительная. Разводы в КГБ никогда не любили и не любят до сих пор. Разрыв семейных отношений – крест на карьере, а то и билет на вылет, смотря как разбирательство пойдет. Но, что бы ни было, любые причины развода – виноват всегда муж. Офицер, чекист, не сумевший построить крепкую, здоровую се-

мью. А уж по каким причинам – дело десятое. Сколько мужиков на этом погорело, не сосчитать.

– Диспозиция понятна, – задумчиво подвел предварительные итоги Нестеров. – Хорошего, конечно, мало. Но ничего. Бог не выдаст, свинья не съест. Давай-ка по завершающей и на боковую. Завтра еще покумекаем.

Семейное дело

За час с лишним, пока ехали на перекладных из Отрад-ного в Ясенево, переговорили о многом, и все равно что-то оставалось недосказанным. Несколько раз в течение дня, когда ходили курить и обедать, возвращались к наболевшим для Игнатьева вопросам. Главная проблема – сын. Ради малыша он готов был простить жену, ее измену и подлость. После мучительных размышлений, колебаний и сомнений, уже в конце рабочего дня, Игнатьев решился рассказать все родителям, может, и помогут чем-то старики, но в первую очередь надо будет встретиться с Ириной и обсудить, как жить дальше.

Работа накрыла Нестерова, как лавина. Он с головой ушел в изучение переданных ему материалов, и то, чем занимались они в резидентуре, представилось совершенно в другом свете. Оказалось, что за повседневной суетой и мельканием, тысячью обязанностей, когда работаешь на два фронта – и на «крышу», и на разведку, теряются, остаются без внимания многие мелочи, детали и детальки, из которых как раз и складывается полная, без изъянов, картина. И только здесь, в Центре, в тишине кабинета, где у тебя под руками весь материал, можно проанализировать, как вел и ведет себя источник информации с момента знакомства и до настоящего времени, меняется ли характер, объем и содержание предо-

ставленных им сведений. Есть ли у нашего «друга» дополнительные возможности по получению интересующей информации и что осталось вне поля зрения оперработника и еще многое-многое другое. Получалось, что куратор в Центре и разведчик за рубежом связаны невидимой, незримой нитью и становятся взаимозависимыми: чем полнее и достовернее отчеты о встречах с иностранцем, тем грамотнее и полезнее могут быть рекомендации по развитию отношений с объектом заинтересованности.

Дни не шли – летели. Нестеров и Игнатьев мимоходом встречались в курилке, столовой, на оперативках, и каждый раз Николай прятал глаза и избегал общения один на один. Но все имеет свое начало и свой конец. В самый неподходящий момент, когда на Нестерове висело тридцать три поручения руководства со сроком исполнения вчера, а у стола сидел очередной молодой сотрудник с просьбой помочь правильно сформулировать на бумаге его собственные мысли, в кабинете появился Игнатьев.

– Сергей, можно тебя... – Вид у Николая был не из лучших: растерянный, под правым глазом жилка дергается – SOS, одним словом.

Деваться некуда. В одну секунду Нестеров завершил работу с молодым и вяло соображающим работником, сунул стопкой в сейф необработанные документы с резолюциями высоких начальников и вышел в коридор.

– Пойдем, покурим, а? – просящим голосом предложил

Игнатьев.

– Пошли! – обреченно согласился Сергей, поскольку вышел из этой самой курилки пять минут назад. – Ну, что у тебя...

– Плохо дело, Владимирыч! – Коля вытряхнул сигарету из пачки, прикурил, пальцы подрагивали.

– Давай с самого начала, и поспокойней...

– Понимаешь, я, как обещал, рассказал все родителям. Мать, конечно, в слезы, отец совсем хмурый стал. Пошли к сватам, хотели поговорить: может, все назад сложится, не оставлять же Витьку без отца. Пришли, сели в доме чай пить, а те, оказывается, уже в курсе, сами хотели к моим идти. Только у них все наоборот. Оказывается, это я загулял, пьянствовать стал, несколько раз дома не ночевал, женщины у меня появились, вот у Ирки терпение и лопнуло – что есть отец у Витьки, что нет его. Да и кому такой папаша нужен!? Мои старики им одно, а они свое гнут – не собьешь. Так ни о чем и не договорились, поругались только...

На лестничную площадку вышли знакомые мужики из другого отдела, но, заметив их сосредоточенные лица, подходить не стали, ограничились кивком головы и дежурной улыбкой.

– Стал звонить Ирке, чтобы договориться, встретиться. На работе не соединяют, спрашивают: кто звонит? Назовусь, говорят: подойти не может, занята. Домой звоню, голос мой услышит и сразу трубку бросает. В выходные приезжал,

дверь не открывает. Я с работы несколько раз отпрашивался, у больницы ее встречал, у дома, но не попадал, не получалось. Вчера, наконец, поговорили, – Николай тяжело, будто сердце рвалось на куски, вздохнул. – Оказывается, я ей всю жизнь сломал. Никогда она меня не любила и вышла, потому что забеременела, а аборт делать не хотела, вроде как патология у нее. – Игнатьев посмотрел Нестерову в глаза и, едва сдерживаясь, шепотом выкрикнул: – Врет она все, Владимирыч! Мне же подружка ее, Ленка, свидетельница со свадьбы, на прошлой неделе говорила, что она еще до меня аборт делала, – на лбу Николая выступили бисеринки пота. – Да Бог с ней, с Ирккой! Сам во всем виноват. Здесь в другом дело... – Он прикурил сигарету от сигареты. – Ирина говорит, что теперь, наконец, встретила человека, которого по-настоящему полюбила, а меня она презирает. Сказала, что я и не мужик вовсе, а, так, слюнтяй, размазня, – голос дрогнул, но он справился с собой. – Сама все решила: сколько денег давать на Витьку, когда с ним видеться. Разводиться не хочет, не время, говорит. И чтоб тихо сидел, не рыпался, а то она про меня такое расскажет... – Игнатьев горько, кривя губы улыбнулся. – Хотел еще утром тебе все рассказать, несколько раз заглядывал, ты все время занят был. А сейчас вызывает меня Фомкин, пару вопросов задал для проформы и говорит: «Николай! У руководства отдела есть мнение: направить тебя в длительную зарубежную командировку под дипломатическим прикрытием. Я бы, конечно, повременил.

Но начальству видней. Так что иди, готовь план подготовки». Я, обалдевший, молча встал и вышел. Что теперь делать, Владимирыч? Может, мне с Ирккой еще раз переговорить, а? А вдруг она согласится и поедет со мной, за граница все-таки... – Игнатъев умоляющими глазами смотрел на Нестерова, будто тот одним движением руки мог разрешить все его жизненные проблемы.

Сергей не на шутку задумался. С одной стороны, конечно, понятно Колино желание сохранить семью, но кто знает, как там может все развернуться? А если эта проститутка по призыванию закрутит роман, а в качестве партнера ей подставят «нужного» человека? Да контрразведка только и ждет, где бы найти слабое место. А оно вот вам! На блюдечке с синей каемочкой! А, с другой стороны, вдруг все пойдет так, как Игнатъев мечтает, и жизнь у них наладится?

– Николаш, ты извини, – Нестерову надо было взять тайм-аут. – Я сейчас не готов к ответу. Давай до вечера...

И каждый в своих мыслях они разошлись по рабочим местам. Нестеров, хоть и занят был выше крыши, но Колина ситуация его не отпускала, крутилась в голове, как заезженная пластинка. Он все больше и больше утверждался в мысли, что отправить Игнатъевых за рубеж, надеясь, что все обойдется, абсолютная авантюра, чреватая непредсказуемыми последствиями. Вечером, после работы, они остались в отделе и Сергей, не стесняясь в выражениях, сказал все, что думает об Ирине и ее родителях, вставших на защиту пору-

ганной чести своей дочери, потом, немного смягчая, жалея, о самом Игнатъеве. А в конце тяжелого во всех отношениях разговора Нестеров убедил его, чтобы завтра же рапорт о сложившейся в семье ситуации лег на стол руководства.

Бумагу Николай подал, как положено, непосредственно начальнику – Фомкину. Тот стал читать документ и от неожиданности утратил контроль над собой. Недоумение, немного огорчения, чуть больше злости и, наконец, безграничное злорадство – в таком порядке, сменяя друг друга, на лице Александра Петровича читалось непонятное для чужого человека смешение охвативших его эмоций.

– Что ж вчера-то промолчал? – изменив своей привычке и посмотрев прямо в глаза, с издевкой спросил он Игнатъева. – Хотя, что ты можешь сказать? Лично мне с тобой все ясно. То-то, смотрю, вы с Нестеровым весь день хороводы водили. Ладно, рапорт сегодня доложу руководству. Петр Георгиевич в командировке, так что, напрямую – начальнику отдела. Дальше порядок знаешь, не первый день в системе: назначат комиссию, понадобишься, вызовут.

Служебно-партийное расследование организовали быстро. В тот же день определили персональный состав комиссии, председателем назначили Александра Васильевича Якушкина, заместителя секретаря партбюро, старого, в прямом и переносном смысле слова, чекиста. В отделе за глаза его звали отец Александр. Никто не знал, откуда появилось это прозвище, легенды ходили разные, но в облике, ма-

нере поведения абсолютно седого, много повидавшего и испытывавшего мужчины, в возрасте за шестьдесят с гаком, иногда проглядывали затертые, но все же различимые черты священнослужителя русской православной церкви. Честности Александр Васильевич был кристальной, и это давало надежду, что персональное дело коммуниста Игнатьева рассмотрят неформально и, по возможности, объективно.

Прошло недели полторы. После обеда Сергей спустился в буфет на нижнем этаже выпить кофейку и в небольшой очереди из трех человек оказался за отцом Александром, большим любителем, несмотря на возраст, крепчайшего ароматного напитка. Естественно, что и за столиком они оказались вместе, к тому же вдвоем, и Нестеров понял: другого такого шанса не представится.

– Александр Васильевич, простите за наглость! Не скажете: как там с Игнатьевым? – спросил Сергей напрямую, играя под простачка.

Якушкин недовольно сдвинул густые седые брови и взглядом будто пронзил, до сердца достал Нестерова.

– А ты давно его знаешь?

– Порядочно, еще когда он в Высшей школе учился. Я ему и рекомендацию к нам давал...

– Тогда понятно. – Отец Александр говорил неторопливо, протяжно, иногда чуть округляя на вологодский манер букву «о». – И как он тебе?

– Хороший парень. Честный, открытый и глубоко поря-

дочный. Хотя, может, чрезмерно мягкий по характеру.

Якушкин бросил быстрый взгляд на Нестерова и отхлебнул кофейку.

– Хорошее человеческое определение и редкое по нынешним временам, – сказал он и тяжело вздохнул. – Кому сейчас, спрашивается, глубоко порядочные нужны? На день наступающий больше требуются энергичные, нахрапистые, умеющие говорить, а не делать, и забывшие откуда пришли, но хорошо знающие куда и зачем идут. – Александр Васильевич с горечью и сожалением посмотрел на Нестерова. – А дела у Игнатьева – полная дрянь! С женой и ее родителями Фомкин беседовал и, если верить справке, что он вчера представил, Николая вашего за сто первый километр за аморальный образ поведения надо сослать, а не то, что в органах, тем более в разведке оставлять. А парня жалко, хороший, по-моему, мальчишка... – Отец Александр спрятал глаза за густыми бровями и сказал раздумчиво, вроде как про себя: – Конечно, если б местные занялись, подсветили эту, с позволения сказать, барышню, мы бы, может, и другую картинку имели...

– Александр Васильевич, – загорелся Сергей. – Подключите меня, прошу вас. Я через московское управление свяжусь с мужиками, переговорю...

Разговор прервали трое сотрудников, недавно работающие в отделе, бесцеремонно, без приглашения, занявшие большую часть столика. Один из них – небольшого роста,

лет тридцати, плотный, с брюшком и ранней лысиной на макушке – кипел от возмущения, как чайник на плите:

– Вы представляете, – возбужденно говорил он, продолжая начатый ранее разговор, – они делают вид, что не понимают, о чем идет речь. Втолковываю, как людям: «Простите, когда меня в органы приглашали, мы все оговаривали заранее: должность, зарплата, сроки предоставления жилья. Я же по партийному набору иду, мне положено. С должностью и званием, ничего не могу сказать, не обманули – майора и помощника начальника отдела сразу дали. А квартира где? Мы уже год, как из Ростова приехали, а до сих пор в однокомнатной ютимся. А нам, как никак, трехкомнатная положена, дочери скоро пять лет будет». Когда, говорю, квартиру дадите? А у них только отговорки: «Знаете, дом еще не готов. Может, к концу года что-то будет». – Он саркастически усмехнулся. – За ребенка меня держат, честное слово! Можно подумать, в КГБ единственный дом строится. Поставьте меня в другую очередь. Я же по партийному набору пришел, мне положено. Правильно, Александр Васильевич?

Весь монолог Якушкин слушал, не отрывая глаз от кофейной чашки, и поднял голову, услышав обращенный к нему вопрос.

– Сколько живу на свете, – начал он, не торопясь, словно рассказывая сказку, – не перестаю удивляться: как велика и необъятна наша матушка Россия. Много в ней больших городов и малых, поселков и деревень. Есть и совсем уж осо-

бенный, ни на что не похожий край, вернее область, Замудония называется. И живут там, естественно, сплошные замудонцы. Вот ты и будешь самый замудонистый из замудонцев! – Мало обращая внимания на окружающих, он так грохнул кулаком по столу, что чашки подскочили. – По партийному набору, говоришь? – Не стеснясь, в полный голос задал свой вопрос отец Александр. – А я в сорок втором по какому набору в органы пришел? Квартиру тебе дай! Да у нас кадровые сотрудники с выслугой по двадцать лет сколько годков в очереди стоят, не знаешь? То-то и оно. Да ты и знать-то ничего не хочешь, тебе только свое, незаработанное, давай. Одно тебе звание – замудонец! И засунь свой язык знаешь куда? Еще что-нибудь такое услышу, вопрос о твоём пребывании в органах на партбюро поставлю и дальше в партком продвину!

Александр Васильевич повернулся к Нестерову:

– Пойдем, Сергей, отсюда! Что-то меня тошнить начинает...

Они вышли на внутренний двор к фонтану и, не стовариваясь, остановились – слишком резким был переход из полумрака буфета на яркое, слепящее солнце. Нестеров повернул голову, хотел что-то спросить отца Александра и осекся. Ему показалось, конечно же, показалось, что маленькая слезинка скатилась из уголка глаза и утонула в глубоких морщинах его немолодого лица. Огибая фонтан, они, молча, шли к центральному подъезду, и Нестеров вспомнил контрразвед-

ку. Как на должность заместителя начальника отдела после годичных курсов руководящего состава сразу подполковником к ним пришел то ли второй, то ли третий бывший секретарь обкома партии. В первый же день принесли партнаборцу почту. Нестеров тогда находился на докладе в его кабинете и своими ушами слышал, как тот, увидев на своем столе стопку документов высотой сантиметров тридцать, испуганно заверещал: «Вы что эти бумаги несколько дней копили? Безобразие какое-то! Никогда больше такого не делайте, докладывайте почту сразу!». На что секретарша, Галина Владимировна, повидавшая за свою жизнь ни одного начальника, невозмутимо ответила: «Это первая почта, утренняя. Еще будет вечерняя». Год его терпели, не знали, куда деть, а потом повесили до начальника отдела, дали полковника и направили помощником по безопасности к какому-то министру союзного значения, бумажки подносить. А ведь до звания «полковник» и должности «начальник отдела» нормальному, способному, боевому офицеру лет двадцать, не меньше, доблестно служить надо. В разведке, видимо, тоже не лучше. Взять хоть этого губошлепа. Был инструктором горкома комсомола, три года отучился в разведшколе, и теперь, пожалуйста, майор, помощник начальника отдела. А Нестеров шел к этим регалиям от выпуска из Высшей школы и до сегодняшнего дня без малого двенадцать лет...

– Сергей! – Голос отца Александра вернул его к действительности. – Если не передумал, подключайся. Расследова-

ние по Игнатьеву не закончено, в резерве есть две недели. Дело я попридержу. К Фомкину не ходи. Все вопросы решай через Шибанова. Я с ним переговорю. – Якушкин говорил отрывисто, рублеными фразами. – А на дерьмо внимания не обращай. Этого добра везде хватает.

– Есть, товарищ полковник! – сообразуясь с обстановкой, не повышая голоса, откликнулся Нестеров.

На что отец Александр, чуть улыбнувшись, с грустной иронией заметил:

– Ну, ну, еще под козырек отдай! Ты лучше не тяни. Иди сразу к Шибанову, согласуй с ним, что делать будешь, а я ему сейчас позвоню.

Нельзя сказать, что Петр Георгиевич очень обрадовался такому развитию событий – Игнатьева, честно говоря, он уже списал. На его памяти, тех, кому удавалось выйти живым после разбора персонального дела по пальцам одной руки можно пересчитать. Да и те, не чета Игнатьеву, люди непростые, с поддержкой. Так что, считай, Коля-Николай – ломоть отрезанный, и где будет в недалеком и тем более далеком будущем, трудно сказать. А жизнь, она же работа, на месте не стоит – дальше двигаться надо. И тут, совершенно некстати, вылезает Нестеров и тормозит давно отлаженный процесс. Хорошо, конечно, если сохранит Николая для службы, работник-то Игнатьев в перспективе будет неплохой, но это вряд ли – чудес на свете не бывает. Хотя, чем черт не шутит...

– Моя помощь нужна? – отстраненно спросил Шибанов,

выслушав Сергея.

– Закройте от Фомкина мои выезды в город...

– Это не проблема. Ты выполняешь поручение руководства отдела. Еще что?

– Пока все. Если что-то возникнет...

– Тогда давай, действуй! – Энтузиазма в голосе начальника не прослушивалось. – Успеха тебе в этом безнадежном, по-моему, мероприятии, – и он задал вопрос, который считал нужным и важным для понимания текущей ситуации самим исполнителем творческого замысла: – Ты хоть представляешь, какие материалы, именно материалы, а не сплетни нашего двора, должен получить, чтобы перебить справку Фомкина, своего непосредственного начальника?

– Да нет, Петр Георгиевич... – растерянно промямлил Нестеров, который не задумываясь, из лучших побуждений связался в расследование по Игнатьеву.

– Я так и предполагал, – констатировал Шибанов. – Учти, пионер ты наш, тимуровец: назад хода нет. – И с иронией, переходящей в издевку, изрек: – Иди, дорогой товарищ! Работай! Барабан тебе на шею, флаг в руки и вперед!

Получив напутствие любимого руководителя, Нестеров начал свои изыскания. Действовать надо было тонко, без официоза, никаких запросов и писем, только на личных связях. На поиски неформальных, надежных выходов на Первомайский районный отдел КГБ, на территории которого находилась больница, где трудилась Колина супруга, понадо-

билось не день и не два. Наконец все сложилось, и в обозначенное время Сергей с заместителем начальника райотдела оказался за столиком в кафе на Сиреневом бульваре. Под хорошую закуску в разговоре выяснилось, что Толя Лебедев, так звали собеседника Нестерова, прекрасно знает его первого начальника и друга – Позднякова из Управления контрразведки. Это, в конце концов, и оказалось определяющим в желании помочь Сергею в явно непростом деле. Еще сыграли личные мотивы: жена ушла от него к другому, с четким распорядком рабочего времени и непьющему, потому и развелись, хорошо хоть детей не было. Но все равно, развод есть развод, так что последние десять лет Анатолий Александрович карьеру строит исключительно в рамках Управления КГБ СССР по городу Москве и Московской области.

Три дня прошли для Нестерова в томительном ожидании, на четвертый – по оперсвязи позвонил наконец-то Лебедев и, поздоровавшись, коротко спросил: «Сегодня в восемь, там же, сможешь?». Получив утвердительный ответ, ничего не объясняя, повесил трубку, оставив Сергея в раздумье: почему хоть полсловечка не сказал, не объяснил, что там да как...

В кафе Нестеров приехал пораньше, занял столик в углу, где можно спокойно поговорить, не опасаясь любопытных соседей, заказал закуску, минералку, а все остальное решил оставить на усмотрение Лебедева. Сергей увидел его еще от входа и, чтобы обозначить себя, привстал и помахал рукой. Замнач райотдела заметил, кивнул головой и направился по

проходу между столиками, одним видом своей мощной фигуры раздвигая встречных, как ледокол льдины в море Лаптевых.

– Здорово, старик! – Толя держался спокойно и уверенно. – Место хорошее выбрал, но неправильное – мы сюда объектов разработки обычно определяем, прослушка хорошо работает, без помех. Так что, вставай, не занимай гнездо, вдруг еще понадобится. – За его спиной Нестеров заметил пожилого официанта. – Иваныч, – сказал Лебедев, не оборачиваясь, уверенный, что тот его слышит, – закуску в кабинет перебрось, ты знаешь. Пошли, – бросил он Сергею, и направился к двери с табличкой «Администрация».

Кабинет не поражал своими размерами и убранством, за столом могли разместиться от силы два–три человека, зато дверь, обитая с двух сторон поролоном и коричневым дерматином, гарантировала полную звукоизоляцию. Они еще не успели и двух слов сказать, как появился со столиком-каталкой Иваныч и быстро расставил закуски. Не дожидаясь от Нестерова естественного в этих условиях вопроса, Лебедев тоном, не терпящим возражений, сказал:

– Извини, но я сегодня всухую. Мне еще работать. Если есть желание, закажи себе что-нибудь...

– Спасибо, конечно, – бросил в ответ Нестеров, – но мне до стадии алкоголизма, когда водку в одиночку трескают, еще шагать и шагать.

– Ничего, какие твои годы, успеешь, – Лебедев принял

шутливый тон, но сразу оборвал себя. – Тогда – по делу. Ты ешь, а я буду рассказывать, – и, видя смущенность и замешательство Сергея, добавил: – Давай, давай, не стесняйся, я ужинал недавно, а ты с работы.

Есть Нестеров не стал, оперативное чутье подсказывало, что не до того будет. Лебедев, глядя на него, понимающе улыбнулся и заговорил спокойным, но интригующим тоном – так дикторы по радио детективы читают.

– История началась в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году, когда Ирина Борисовна Крицкая, она же впоследствии Игнатьева, после окончания медучилища пришла на работу в районную больницу в своем родном Тучково. Определили ее в процедурный кабинет: уколы, перевязки делать и капельницы ставить. Веселья, сам понимаешь, мало, особенно с учетом местного сельского контингента, а Крицкая – девушка с характером и запросами. Королева красоты всего Тучково, Мирлин Монро местного разлива, можно сказать. – Анатолий скривил губы в подобие улыбки. – В конце того же семьдесят седьмого года из сейфа старшей медсестры отделения, где работала наша мадемуазель, пропадают промедол, морфин, клофелин в ампулах и еще парочка наркосодержащих лекарств в таблетках. Причем, в немалых количествах и на весьма приличную сумму. Сестра к заведующему отделением, тот к главврачу, последний, естественно, в милицию. Сбежались все: местные в первую очередь, потом оперативно-следственная группа из Можайска подтянулась, и еще па-

ру человек из Москвы на усиление прислали. Осмотр места происшествия, отпечатки пальцев, первые опросы, все, как обычно. Дело закрутилось, в Главном управлении МВД по Московской области расследование поставили на контроль. По ходу выяснилось: следов взлома сейфа нет, замки, включая верхнее отделение, где были наркотики, открывали ключами. Ключей два комплекта: один у старшей медсестры, а другой у нее в столе под бумагами, на всякий случай, вдруг заболит или еще что-нибудь. Не положено, конечно, но до этого дня все как-то обходилось.

Стали трясти всех сотрудников, кто имел касательство к сейфу. Среди них, не первой, конечно, пошла Ирина Крицкая, красавица наша, вернее ваша, – поправил он себя. – Допрашивал ее следователь из областного московского управления – мужик опытный, хваткий, из волкодавов. Трактор, а не следователь. До сих пор пашет без разбора: что поле, что перелесок, что карманник, что убийца – все едино. Внешность тоже примечательная: морда страшная, здоровая, постоянно красная, как с похмелья, изо рта запах, будто все время чеснок с луком жует, зубы с чернотой. Насел он, значит, на Ирочку, зацепил ее за что-то, раскрутил и девушка минут через десять сломалась. Разревелась и сквозь слезы и рыдания поведала злему дяде следователю, что в хахалях у нее ходит главный разбойник всего Тучково и его окрестностей, старший местных воров и хулиганов то ли Колька-хромой, то ли Васька-кривой – точно не помню. Его младший

брат лежал в отделении, где Ирина в процедурке работала, и аккуратно перед приездом следственной бригады выписался. Вот эти два брата-акробата и придумали, как сейф обчистить с ее помощью, а Крицкой приказали стоять до конца: я не я, и лошадь не моя. Только малость не рассчитали добры молодцы – у этого следака здоровенные мужики на коленях стояли, пощады просили, а тут – профурсетка какая-то. – Лебедев откинулся на спинку стула, посмотрел в потолок, что-то вспоминая, потом быстро занял исходную позицию и продолжил: – Следователь все оформил под протокол, Ирину припугнул, чтоб не трепалась зря, документики в папку и в Москву, на доклад. Что там дальше произошло в наших внутренних органах, не знаю, но материал на Крицкую оказался у заместителя начальника Главка. В тот же день братанов повязали, наркотики реализовать они не успели, награбленное государству возвратили, так что ущерба не было. Дело закрыли, но не сразу. А пока шла разборка, товарищи милиционеры завербовали Ирочку на компромате под угрозой посадки в колонию строгого режима и дали ей псевдоним «Катина». Где-то с полгода, если не больше, она на них работала. Причем, не в Тучково или по области, в Москву на гастроли вызывали. Потом, видимо, смекнула, что валить надо, заездят милицейские сволочи. Тут как раз Коленька ваш и подвернулся, она на него глаз положила и уже из цепких лапок не выпустила. Замуж вышла в Москве, сменила фамилию, переехала в Бирюлево-Товарное и с кон-

цами. Все быстренько, без пауз, менты и очухаться не успели – была девушка, и нету. На время они ее потеряли, а когда нашли, тоже не обрадовались: Крицкая уже Игнатьева и замужем за чекистом. А тут для них полный облом, кому хочется на конфликт нарываться. Пришлось стражам общественного порядка и ярым борцам с расхитителями социалистической собственности смириться с потерей. Но зло на нее они, конечно, затаили – кинула их девочка по-наглому...

– Подожди, Толя! – перебил его Нестеров. – А как же наши кадры? Ее же еще до свадьбы должны были проверить по учетам, в том числе и милицейским, все бы тогда наружу вылезло: что проходила по уголовному делу, что оказывала негласные услуги органам внутренних дел. Что-то здесь концы с концами не сходятся...

– погоди, не кипятись, Сергей Владимирович! – Лебедев снисходительно улыбнулся. – Я смотрю, правильный ты очень. Думаешь, в жизни все по писаному идет? Нет, брат, оторвался ты от оперативной работы на родной земле. – Анатолий Александрович снисходительно покачал головой. – Так вот! Менты дело по Тучковской больнице закрыли, а перед тем, как сдать в архив, подчистили. Вербовку, если она была на связи у руководства управления, и вовсе могли не оформлять. Обязательство ее, расписку о сотрудничестве, заместитель начальника управления, наверняка, в сейфе держал, так, на всякий пожарный. – Толя налил водички в бокал и сделал глоток. – По каким заданиям и объектам она

работала, не выяснил, времени не было. Есть предположение, что могло быть связано с интимными делами, но точно не знаю, врать не буду. Слушай, чего ты меня сбиваешь? – Он вспомнил вопрос Нестерова и с возмущением провел пятерней по своей густой черной шевелюре. – Не путай меня, закончу, потом будешь вопросы задавать. Теперь про положение нынешнее, – Анатолий улыбнулся с явным облегчением: повесть про Крицкую-Игнатъеву подходила к концу. – Репутация у Ирины на работе – неоднозначная: женщины-коллеги терпеть ее не могут, а мужикам она очень даже нравится – клюют, еще как клюют, что, естественно, тоже не нравится женщинам. Сейчас у нее новый роман, с молодым и перспективным врачом. Вроде как замуж за него собирается, хоть и женат, да и она еще при живом муже. Но с Ириной сноровкой и опытом месяца не пройдет, как они в загсе окажутся. Вот, где-то, как-то так...

Наступила пауза. Лебедев, понимая, что Сергею надо переварить полученную информацию, молча, добавил в бокал минералки, подцепил вилкой два кусочка отварного язычка, положил их на кусок белого хлеба с зеленым огурчиком, и зажевал, стараясь особенно не шуметь и не сбивать человека с мысли.

– Толя! Ну, ты даешь, мужик! – Очнулся, наконец, Нестеров. – Я не ожидал получить даже сотой части того, что ты мне рассказал. Правда, пока не могу сообразить, как всем этим богатством распорядиться...

Анатолий, оценивающе, посмотрел на своего коллегу.

– Знаешь, Сереж! Я думаю, если она один раз сломалась, ничего с нее не убудет – сломается и еще разок. Вызови на беседу, надави посильней, и возьмешь все, что тебе надо. Ты же у Короткова и Позднякова работал? Значит, сможешь, вопросов нет. Эти мужики хорошую школу дают, и, чтобы довести дело до конца, Лебедев достал из кармана записную книжку. Проведя пальцем по алфавиту, остановился на нужном месте. – Ручка, бумажка есть? Записывай телефон главврача больницы, скажешь, от меня, он все устроит.

Сергей заработал ручкой, но вопрос, возникший сразу после рассказа коллеги, не забыл.

– Толя, ты, конечно, глыбища. Но убей меня, понять не могу: как можно за три дня столько информации получить? Тем более что материалов, как я понимаю, в архиве нет, а ты мне даже следователя-волкодава описал...

– С последним как раз сложностей нет, – Лебедев скромно улыбнулся. – Знаю я эту харю, по работе сталкивались, один раз увидишь – век не забудешь, а все остальное – так, стечение обстоятельств. Можно сказать, повезло тебе, Нестеров, ушел он от прямого ответа.

«Скромничает Толя и скрывает что-то, – подумал Сергей. – Везение, конечно, само собой, без него никуда не денешься в нашем деле, но так работать тоже надо уметь».

На следующее утро Нестеров сидел в кабинете Шибанова, который за время доклада своего подчиненного не проронил

ни слова и только в конце без всяких эмоций спросил:

– И что дальше?

– Что дальше? – механически повторил Нестеров, не понимая реакции своего руководителя – такой материал, а ему все равно, что ли? – Надо выходить с ней на беседу.

– Выходи! Кто тебе мешает?

– А вы разве не будете участвовать?

– С какой стати? Ты начал, тебе и заканчивать. – «Еще не хватает, что бы я там засветился, – подумал Шибанов. – А если, не дай Бог, вся эта канитель сорвется, и она жалобу напишет?». Однако вслух начальник сказал совсем другое: – Только помни про материалы, что ты должен получить. Помнишь? Вот и хорошо. Тогда чего стоишь, вернее, сидишь? Вперед! У тебя два дня осталось: сегодня и завтра...

Сергей не стал тянуть. Зашел в кабинет Игнатьева, от себя звонить не мог – народу многовато, отправил молодежь курить, как делал это не раз за время своего расследования, связался с главврачом больницы и договорился о встрече на три часа. Потом по оперсвязи вышел на Лебедева, сообщил о предстоящем визите в больницу и, как бы между делом, спросил фамилию замнач главка областной милиции, у которого Ирина была на связи. Но Толя – старый опер, его на мякине не проведешь, потому и ответил вопросом на вопрос:

– А это тебе еще зачем?

– Пригодиться, лишним не будет, – замялся Сергей, поскольку не мог до конца сформулировать, чем вызвана его

просьба.

– Ладно, – нехотя согласился Лебедев, – тебе видней, – и зашуршал бумагами. – Записывай: Кирпичев Григорий Константинович. Телефон нужен? Тогда, пока! Держи хвост пистолетом.

Главврач больницы, мужчина чуть за шестьдесят, высокий, поджарый, энергичный и подвижный, отнесся с полным пониманием и почтением к посетителю, передавшему ему привет от Анатолия Александровича.

– Значит, Ирина Игнатьева? – Прозвучал риторический вопрос, поскольку предмет своего интереса Сергей обозначил сразу. – Вторая терапия, если не ошибаюсь.

Он стал листать справочник, а Нестеров, почувствовав «жареное», спросил:

– У вас много сотрудников в больнице?

– По штатному расписанию триста двадцать восемь. В действительности, конечно, меньше: как и везде, врачей и младшего медперсонала не хватает. – Посмотрев на Сергея, он чуть улыбнулся. – Предупреждая ваш следующий вопрос, сразу скажу, что всех, конечно, не знаю, а фамилия Ирины Борисовны по некоторым причинам у меня на слуху, – листая справочник, он опустил глаза, но, чтобы не показаться невежливым, закончил свою мысль следующей ремаркой: – Вы извините, просто дело это, можно сказать, семейное, не для распространения и вряд ли имеет отношение к цели вашего визита.

– Как знать, Константин Леонидович, как знать? – Нестеров понял, что чутье его не обмануло. – У меня ведь тоже дело семейное. – Главврач удивленно вскинул глаза, а Сергей, отвечая на немой вопрос, продолжил. – Ирина Игнатьева жена нашего сотрудника. Что-то серьезное у них произошло, дело, похоже, к разводу идет, а мы пока не знаем: кто прав, кто виноват...

– Вот как? – искренне удивился Константин Леонидович. – У вас даже такими вещами интересуются? Хотя о чем я говорю, – демонстрируя понимание, он улыбнулся, – ваша ОРГАНИЗАЦИЯ, – он тщательно выговаривал каждую букву, – насколько я знаю, интересуется всем и всеми.

– Не совсем так, но, в общем и целом, правильно. Так что за семейное дело, связанное с Игнатьевой?

– Знаете, Сергей Владимирович, больница – учреждение особенное, со своими правилами игры и жизни. Я не любитель влезать в чужие, тем более интимные дела, но здесь совершенно другой случай. Речь идет о близком мне человеке, сыне моей родной сестры Софьи. – По внешнему виду хозяина кабинета, по тому, как изменилось, стало более строгим и озабоченным его лицо, становилось понятным, что затронутая тема для него болезненна и неприятна. – Он работает здесь, у меня, Сережа Кросовский. Очень способный молодой человек с прекрасным будущим, если, конечно, дров не наломает. До последнего времени все шло хорошо. И вдруг эта Игнатьева! Чем она его приворожила, право слово, не

представляю. – Константин Леонидович даже покраснел от досады и обиды за случившееся. – У него ведь жена, ребенок. Знаете, в нашей семье так не принято: жениться, разводиться. О чем он думает и думает ли вообще, я не знаю! Как мальчишка втюрился в эту Игнатьеву, и закурилось, поехало. Дома ссоры, скандалы. На работе – все кувырком. Хотел поговорить с ним, да и с ней тоже, все откладывал, откладывал, а тут вы как раз... Может, и к лучшему, вам как-то больше с руки...

– Может и так, – подал голос Сергей и подумал, что нивелировать ситуацию в больнице, конечно, не будет, а вот использовать ее в своих интересах, скорее всего, придется. – Вы извините, Константин Леонидович, мне бы побеседовать с Игнатьевой, без свидетелей, конечно. Может, найдется подходящее местечко?

– Да что вы, Сергей Владимирович?! Располагайтесь здесь. Через полчаса в главном корпусе научно-практическая конференция, а мне еще к выступлению подготовиться надо. Я сейчас приглашу Ирину Борисовну, представлю вас и побегу, если не возражаете. Вы не волнуйтесь, беспокоить никто не будет. Лиза, сестра-хозяйка, в коридоре посидит, покараулит. – Он набрал номер внутреннего телефона и попросил, чтобы Игнатьева зашла к нему. – Приятно познакомиться, Сергей Владимирович! Если что, обращайтесь, телефон вы знаете. Понимаю, понимаю, – с шутливой улыбкой он умоляюще поднял руки. – У вас своя медицина, ведом-

ственная. Но мало ли, чего в жизни ни бывает?! Если что, звоните. Всегда к вашим услугам.

Константин Леонидович стал собирать бумаги, необходимые ему к предстоящему научному собранию, а Нестеров остался наедине со своими мыслями.

Интересно, какая она, Ирина Игнатьева? За два года Колиного кураторства встретиться с ней так и не пришлось, фотографий тоже не видел, хотя, судя потому, что рассказал Толя Лебедев, должна быть разбитная крашенная блондинка с пышными формами и пухлыми губками, эдакая Мирлин Монро тучковского разлива. В дверь несильно постучали, и через секунду порог переступила молодая женщина – полная противоположность тому образу, который только что слепил в своем воображении Сергей.

Невысокая, темно-каштановые волосы аккуратно уложены в прическу а-ля Мирей Матьё, лицо почти без косметики, идеальная фигура, большие серые глаза с поволокой. Белый, подчеркивающий фигуру халат, открывающий легкую темно-коричневую юбку и полупрозрачную в мелкий цветочек кофточку, застегнутую до подбородка на все пуговицы. От макушки и до пяточек ничего вызывающего, без намеков на вульгарность и пошлость. А вот изюминка, чертовщинка, завлекаловка, что делают женщину интересной, зовущей и привлекательной для мужчин, безусловно, была! Он на себе это почувствовал.

– Здравствуйте, Ирина Борисовна! – главврач был сух и

официален. – Проходите, присаживайтесь, пожалуйста, – он указал на стул за маленьким приставным столиком. – Это товарищ из органов, я, собственно, по его просьбе пригласил вас, – лицо Игнатъевой посерело, стерлось и будто застыло. Обращаясь к гостю, с хорошо отработанной дежурно-официальной улыбкой Константин Леонидович добавил: – Вы располагайтесь, Сергей Владимирович! А я по делам. Если что понадобится, Лизе скажите, она все сделает. – Фразу он завершал, закрывая за собой дверь.

Ирина сидела прямо, не поворачиваясь к Нестерову, занявшему кресло хозяина кабинета. Бледное лицо, губы сжаты, взгляд устремлен в одну точку на противоположной стене, спина прямая, руки спрятаны под столом и сцеплены в замок.

«Чего она так занервничала? – пытался понять Сергей. – Подожди-ка. Как там Константин Леонидович сказал: «Товарищ из органов?». – И тут его осенило: «Да она меня за мента принимает! Думает, я из органов внутренних дел. Точно! Испугалась, красавица, что мусора ее разыскали и опять в свои дела тянут».

Молчание становилось тягостным, нужно было начинать разговор.

– Здравствуйте, Ирина Борисовна! Меня зовут Нестеров Сергей Владимирович, я из Комитета государственной безопасности, с работы вашего мужа.

Что-то дрогнуло в ее лице, оцепенение стало проходить,

из комка нервов буквально на глазах началось превращение Ирки Крицкой в Ирину Игнатьеву, женщину, уверенную в себе и своих силах. С полуулыбкой она повернулась к Сергею,

– Я знаю вас, Николай много рассказывал... – голос спокойный, ровный.

– Тем лучше, значит, мне не надо объяснять причину своего появления...

– Ну, почему же? – Преодолевая еще сковывающее ее напряжение, она положила руки на стол. – Объясните, если несложно. Я ведь встречалась с вашим товарищем, Александр Петрович, кажется, все ему рассказала. Вы что-то еще хотите услышать?

– Конечно, хочу.

– Что именно?

– Правду.

По всей видимости, Ирину ввели в заблуждение интеллигентные вид и манеры собеседника: она окончательно расслабилась, откинулась на спинку стула и положила ногу на ногу.

– Какую правду? Колькину, что ль? Так врет он все, а вы ему верите! Хоть бы раз мужиком себя почувствовал, слизняк несчастный. – В голосе звучало презрение и ненависть.

– Послушайте, зачем вы так о человеке, который ничего плохого для вас не сделал? Скорее, наоборот. По-моему, Николай повел себя, как настоящий мужчина...

– Это Игнатъев-то настоящий мужчина? Да что в жизни, что в постели – ни рыба ни мясо ваш Игнатъев. Все самой, своими руками приходится делать, – заметив, что циничный намек покоробил Нестерова, Ирина удовлетворенно улыбнулась. – Вот, вот. Колька рассказывал мне, какой ты правильный да хороший, как жену свою любишь, детей воспитываешь. – Она специально перешла на «ты», чтобы Нестеров знал свое место, знал, с кем дело имеет. – Только вранье это и показуха сплошная! Все вы мужики одинаковые, и нужно вам только одно – потрахаться вволю, что б челюсть сводило. И ты такой же. Скажешь, нет?

Она откровенно издевалась над Сергеем, и это было плохо. Для нее плохо – она не знала Короткова в гневе и Позднякова, прижатого к стене оперативной необходимостью. А именно эти два человека жили сейчас в Нестерове. Он вышел из-за стола и сел перед ней, говорившей без умолку и чувствуящей себя в полной безнаказанности. Это была не та женщина, которая робко входила в кабинет главврача больницы. Перед ним сидела наглая, циничная, расчетливая стерва, не имеющая понятий о совести и морали. Не встречая отпора, дамочка окончательно утратила чувство реальности и стала угрожать уже самому Сергею.

– ...прежде чем прийти сюда, ты бы сто раз подумал. Я же не только Коленьку твоего с дерьмом смешаю, но и тебя замажу так, что за три года не отмоешься. Такую «телегу» на тебя напишу...

И тут Нестеров зло и резко перебил ее:

– Это тебя Кирпичев научил «телеги» на людей писать?

– Какой Кирпичев? – изменившись в лице, спросила Ирина, надеясь не услышать то, чего боялась больше всего.

Нестеров поманил рукой, приглашая приблизиться, будто шепотом хотел сказать ей что-то важное, и, когда она, как замороженная, привстала и потянулась к нему, он правой рукой снизу схватил ее за подбородок и сжал так, что Игнатьева вскрикнула от боли.

– Ты что, сука, будешь мне тут потерю памяти симулировать? Григория Константиновича, забыла?!

Она замычала что-то невразумительное, и Нестеров с силой оттолкнул ее от себя. Ирина полетела на стул, не удержалась и по инерции упала на пол, завалившись на правый бок. Не успев опомниться, почувствовала нестерпимую боль – заставляя подняться, за волосы тащил этот страшный, ужасный человек. Игнатьева не поняла, как снова оказалась на стуле. Удерживая за волосы, Нестеров запрокинул ей голову и, глядя сверху, злым свистящим шепотом как огненные гвозди, вбивал в её сознание каждое свое слово.

– Забыла, мразь, с кем дело имеешь? Думаешь, все прошло и мхом поросло? Как тебя там, Катина? Хотя по мне так ты больше гадина, чем Катина! У тебя же мозгов не хватает, чтобы понять, что для КГБ нет проблем вытащить из сейфа Кирпичева твою расписку и фотографии во всех интересных положениях. И пока, – Сергей сделал ударение и

полсекундную паузу, – все это лежит у нас. Будешь вести себя правильно, материалы останутся без движения, начнешь глупости делать, дергаться – сдадим со всеми потрохами и Кирпичеву с ребятами, и Кросовскому, что б знал, на ком жениться хочет. Понятно тебе?

– Что я должна сделать? – глухо спросила Игнатьева, низко опустив голову.

– Вот бумага, ручка, – и то, и другое Нестеров взял со стола главврача. – Пиши. В правом верхнем углу с большой буквы: «В партийную организацию войсковой части, – дальше цифрами, – 21963, – с новой строки, – от Игнатьевой Ирины Борисовны, проживающей по адресу, – домашний адрес, как в паспорте, по прописке. Написала? Дальше, с красной строки, посередине. Уважаемые товарищи – восклицательный знак. С красной строки: Хочу сделать следующее заявление. С Николаем Сергеевичем Игнатьевым я познакомилась в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, мне было тогда всего девятнадцать лет. Возникло чувство, мне показалось, что я влюбилась в этого молодого человека, и мы поженились. Через год родился сын Виктор. Николай всегда был и остается прекрасным, заботливым и внимательным мужем и отцом, но изменилась моя жизнь. Я встретила человека, которого по-настоящему полюбила и с которым хочу создать новую семью. Николай ни в чем не виноват, это целиком и полностью моя вина. Я не знаю, что со мной произошло, и зачем обвинила его во всем происшедшем, зачем наговори-

ла всякие гадости про него своим родителям. Он совсем не такой. Наверное, хотела себя оправдать. Но сейчас я понимаю, что поступить так, не могу, потому что Николай – прекрасный отец и замечательный человек, достойный хорошего будущего».

Нестеров смотрел, как она старательно под диктовку выводит буквы на бумаге и понимал, что точно также она писала агентурные донесения Кирпичеву – не то, что было на самом деле, а то, что ему было нужно.

– Теперь с красной строки, – продолжил Сергей: «Прошу учесть данное заявление при рассмотрении вопроса о причинах нашего развода. Все мои предыдущие высказывания недействительны. – С красной строки. – С уважением – запятая. – Ниже, подпись. – Рядом, в скобках, фамилия, инициалы и ниже, сегодняшнее число».

Нестеров взял заявление, перечитал, поднял глаза на Ирину, отрешенно и безучастно смотревшую прямо перед собой.

– Еще раз предупреждаю: никаких глупостей! Что-нибудь выкинешь, найду тебя в любой точке земного шара. Поняла? – Игнатьева коротко кивнула. – Разговор наш я записал на спецтехнику, так что ничего исказить ты не сможешь. И последний вопрос: кто отец твоего ребенка?

Ирина подняла голову, посмотрела на него и скривила губы в злой усмешке,

– Не Колька. Больше ничего не скажу.

– Пошла вон, мразь поганая! – Сергей резко встал, и она

все поняла...

Дверь без стука закрылась. Нестеров, тяжело переступая, каждое движение давалось с трудом, прошел за стол главного врача. Сел, еще раз перечитал заявление Игнатъевой и спрятал его между страниц свежего номера «Литературной газеты». Документ все-таки, материал, а не сплетни нашего двора, внешний вид должен быть аккуратным. Прислушался к себе: победные фанфары молчали, душевное пространство без остатка заполняли черные чувства: от безгливости до презрения, в том числе и к своей персоне. Что поделаешь, такую работу в белых перчатках не делают. Зато Колька жить будет.

Боль

Информация, как вода, тоже имеет способность утекать. Неведомыми путями в отделе узнали, чьими стараниями Игнатьев остался в строю. Не владея деталями, молодежь сочиняла были-небылицы про «подвиги» Нестерова, преувеличивая в невероятное количество раз его оперативные возможности, включая в число друзей полковников и генералов из контрразведки. Постепенно история с Игнатьевым стала забываться, но шлейф из слухов и домыслов о высоких связях Нестерова в центральном и периферийном аппаратах контрразведки остался. За советом и помощью и не только по оперативным, но и житейским вопросам к нему стали обращаться сотрудники и, в первую очередь, конечно, молодежь.

Кажется, и сегодняшний день не станет исключением, поскольку уже несколько минут по кабинету нарезает круги Алексей Барсуков, сын большого человека из МИДа. Вместе с папой и мамой, старавшихся везде и во всем создать для единственного долгожданного ребенка комфортные условия, он большую часть своей молодой жизни прожил за рубежом. В силу этих и еще многих других причин Алеша плохо разбирался в реалиях современной жизни, но отличался большой самоуверенностью, не особенно вникая, что есть такие понятия, как деликатность и такт.

Обращаясь ко всем разом, Барсуков рассказывал, как на заправке недалеко от дома залил в бак своих «Жигулей» некачественный бензин. Машина, естественно, сразу стала чихать и кашлять, потеряла в приемистости и скорости. Барсуковские вопросы, что делать и как с этим бороться, остались без ответа и повисли в воздухе – народ знал: стоит только отреагировать, пристанет, как репей, и до вечера не отстанет. Но Алексей не сдавался, ходил от одного сотрудника к другому и расспрашивал: кто, где заправляется, большие там очереди или нет, какое качество бензина, когда лучше приезжать, до обеда или после. Чтобы не приставал и не отрывал от дела, ему прозрачно намекнули, к кому надо обратиться. Нестеров в это время с головой погрузился в изучение дела оперативной разработки, присланного из Киева. Народ в большом кабинете затих, ожидая, что будет – все знали, что Сергей терпеть не мог, когда его без веских оснований отрывали от дела. Не спрашивая разрешения, Барсуков уселся на стул, который стоял вплотную к столу Нестерова.

– Сергей Владимирович, – обратился Алексей веселым, заигрывающим тоном. – Уж вы-то точно знаете, где можно заправиться хорошим бензинчиком. Правда?

Когда Барсуков только направлялся к нему, но еще не сел на стул, Нестеров по привычке, бросив закладку, закрыл дело и перевернул его титульной стороной вниз, а после прозвучавшего вопроса, поднял голову и внимательно всмотрелся в незваного гостя.

– Встать! – жестко прозвучало вместо ответа и, видя, что Алексей от неожиданности не понял, повторил: – Встать! Теперь два шага назад. – Сергей окинул его взглядом с ног до головы. – Тебя не учили, товарищ Барсуков, что подходить к столу оперативного сотрудника, работающего с секретными документами ближе, чем на метр, категорически запрещается? Нет? А от чего, в таком случае, происходят провалы нашей агентуры за рубежом, знаешь? Я тебе скажу: от таких, как ты, в частности, которые ходят и в чужие оперативные дела заглядывают. – Барсуков надоел всем, как горькая редька, и пора было внести изменения в устаревшую конструкцию. – Плохо, очень плохо. Недоработка. Ничего, сейчас мы ликвидируем этот пробел. Как там твоему начальнику, Шестопалову, звонить?

Нестеров потянулся к аппарату оперативной связи, но не успел снять трубку – Барсуков взмолился, как провинившийся школьник:

– Пожалуйста, не надо, Сергей Владимирович! Я все понял! Клянусь, больше не повторится! Никогда не повторится! – Алексей даже руки как в молитве сложил.

– Ладно, – смилостивился Нестеров. – Иди, на первый раз прощаю! – И вдруг «вспомнил»: – А ты зачем приходил, чего хотел?

– Да так, ничего существенного, – зачастил Барсуков.

– Но зачем-то ты приходил?

– Спросить хотел, – голос был робкий, нерешительный.

– Спрашивай, раз прервал рабочий процесс. – Нестеров хоть и закопался в материалах дела, но, по привычке, все, что происходило вокруг, наматывал на подкорку. У него и ответ был готов для Барсукова.

– Сергей Владимирович, а вы не знаете случайно, где можно заправиться, что б в очередях не стоять и бензин нормальный был?

– Почему не знаю, знаю, конечно, – последовала секундная пауза, Барсуков напрягся. – На заправках для машин наружного наблюдения и автотранспорта спецназначения.

– Разве есть такие?

– А ты как думаешь? – ответил Нестеров и заметил, что народ в кабинете вместо того, чтобы работать, с интересом прислушивается. Плохо, конечно, но иногда и разрядка нужна, а то мозги закостенеют. – Представь себе, – продолжил Нестеров. – Работает в городе наружка за объектом, бензин на исходе, ты что, будешь заправляться где попало? А если машина начнет чихать или вообще встанет и объект наблюдения уйдет к чертовой матери? Вот на этот и другие случаи крайней оперативной необходимости и сделали сеть комитетских АЗС. То же самое и с другими машинами спецназначения. Понял теперь?

– Понял, – Барсуков даже лицом просветлел. – А вы сами тоже так заправляетесь?

– Ну-у, – протянул неопределенно Нестеров, не отказываясь и не соглашаясь. – Тебе-то зачем?

– Я тоже так хочу, – загорелся Алексей.

– А ты где живешь?

– Да здесь, недалеко. В Ясенево, Соловьиный проезд.

– Тогда тебе не подойдет.

– Подойдет, подойдет. Заправка где?

– Я знаю только в Медведково, недалеко от своего дома. –

Нестерову надо было выходить из всей этой истории.

– Никогда там не был, но ничего, я на карте посмотрю.

«Неужели поедет? – подумал Сергей. – Это ж другой конец города, километров пятьдесят в один конец, если не больше, бензина сожрет, мама дорогая! Но чем черт не шутит, надо, на всякий пожарный, страховочку сделать». Он вспомнил странную заправку, мимо которой каждое утро проезжал на автобусе. На въезде из Отрадного в Медведково у трамвайных путей стояла АЗС на три колонки: дизтопливо, семьдесят шестой и девяносто третий бензин. С трассы к ней вела маленькая пешеходная дорожка, другого прохода, а тем более подъезда не было – вокруг траншея в полметра шириной и глубиной. Рядом с закрытым окошком диспетчера – старый, но еще в приличном состоянии «Москвич». Станция, естественно, не работала.

– А где там, в Медведково, Сергей Владимирович?

– Пересечение Полярной и проезда Шокальского. Если из Отрадного ехать, с правой стороны.

– Ладно, найду, не маленький, – почти с гордостью заявил он. – А там как? По удостоверению бензин отпускают?

– Алексей, ты соображаешь или нет? Удостоверение КГБ! Да у наружки сроду его не было. Чему вас только учат? Нет, конечно! – Сергей сменил гнев на милость. – По паролю.

– Какому паролю? – В дальнем углу кто-то прыснул.

– Ты что, не знаешь? Есть пароль и отзыв. – Нестеров был серьезен, как никогда. – Позывные на каждый день свои.

– А на завтра есть пароль и отзыв?

– Есть, конечно. Ты что, поедешь? С работы будешь отпрашиваться?

– Не-е, я до работы...

«Ничего себе, – подумал Нестеров. – Это же ему в пять утра надо встать, чтобы такие концы отмахать!».

– Тогда подожди. – По городскому телефону на глазах тщательно следившего за его действиями Барсукова он набрал комитетский коммутатор – двести двадцать четыре, стал набирать дальше, и «сбился» – внимание следящего ослабло. Чертыхнувшись, повторил попытку, не добрал одну цифру, но Барсуков не заметил. Нестеров сделал вид, что дождался ответа и заговорил вежливым служебным тоном. – Аппаратная! День добрый! Шестьсот шестьдесят третий на проводе, мой номер городского телефона, последние четыре: сорок восемь, двенадцать. Пароль и отзыв на завтра не подскажете? Актюбинск – Вена?! Спасибо, всего доброго.

Сергей положил трубку и, обращаясь к Алексею, спросил:

– Все понял? – Барсуков радостно закивал головой. – Ты все-таки подумай хорошенько: ехать или нет? Не ближний

свет, противоположный конец Москвы...

Но Барсуков со счастливой улыбкой был уже на выходе.

– Ничего, ничего, я пораньше выеду.

В кабинете стояла тишина. Первым подал голос Володя Мацюк, прикомандированный к отделу начальник отделения из Львова.

– Владимирыч! Не очень круто? Он же возьмет и поедет, с него станется. – В голосе тревога и беспокойство за Нестерова. – И куда он с этим паролем? Его ж турнут со всеми позывными...

– Володь, ты заметил: я его отговаривал. Правда, мужики? Может, он еще и передумает...

– Не передумает, – подал голос сотрудник из молодого пополнения. – Я его знаю, учился с ним вместе. Барсуков не передумает...

Разговор прервал вошедший секретарь парторганизации.

– Товарищи коммунисты! Напоминаю: в семнадцать тридцать партсобрание, обсуждение материалов внеочередного пленума ЦК КПСС и Постановления ЦК, – он заглянул в бумажку и прочитал: – «О долговременной программе мелиорирования, повышения эффективности использования мелиорированных земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны». Докладчик – я. Готовьте выступления в прениях.

Дверь закрылась, и наступила тишина, каждый уткнулся в бумаги, переваривая сообщение парторга, особенно озву-

ченную тему, которую сходу и не выговоришь.

В назначенное время в кабинете отсутствующего начальника отдела открылось партийное собрание. Парторг, не мудрствуя лукаво, зачитал выдержки из доклада Председателя Совета Министров и процитировал отдельные положения постановления ЦК, что заняло не более десяти минут. Как все понимали, но не афишировали, уложиться надо было в полчаса, чтобы успеть добежать до остановки служебных автобусов. После доклада, как положено, председательствующий задал традиционный вопрос:

– Кто хочет выступить?

В ответ – молчание.

– Товарищи, попрошу активнее. Сами себя задерживаем.

Но желающих опять не нашлось – трудно все-таки связать задачи ведения политической разведки за рубежом с эффективностью использования мелиорированных земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны. Пауза затягивалась до неприличного. Выручил поднявшийся отец Александр, который в свойственной ему неторопливой манере сказал:

– Секретарь нашей партийной организации достаточно полно представил основные положения доклада Председателя Совета Министров. Считаю, что проведение дискуссий и обсуждений по данному жизненно важному для народного хозяйства страны вопросу излишним и неуместным, – и без остановки продолжил. – Предлагаю: безропотно одоб-

ритель постановление нашего Центрального комитета и проголосовать.

Все дружно подняли руки и собрание закрылось. Нестеров хотел остаться поработать, но увлеченный общим людским потоком оказался в автобусе, а потом и в вагоне метро. Он давно не приезжал домой сразу после окончания рабочего дня: то с друзьями отмечали их приезд или отъезд, то складывалась аварийная ситуация и приходилось задерживаться, чтобы подготовить к отправке почту в резидентуру. Хотя, если говорить откровенно, домой не хотелось – любимые женщины так и не смогли найти общего языка, и с каждым днем пропасть между ними становилась все глубже и шире. Он никак не мог понять: в чем кроется главная причина непримиримых противоречий в их отношениях? Ведь каждая любит его по-своему, и каждая желает ему только хорошего. А что здесь хорошего, если вместо улыбок и радости его встречают ежевечерние тихие причитания, жалобы и слезы матери и непробиваемая замкнутость жены. Кто из них прав, кто виноват – разобраться в этих жизненных коллизиях было выше его возможностей. За философскими, житейскими размышлениями Нестеров незаметно для себя приехал на свою родную станцию «Бабушкинская». Поднялся наверх. На автобусной остановке, как всегда в это время, столпотворение, а метрах в пятнадцати – стекляшка с пивом, там народу меньше. Он взял две кружки. После первой, которую выпил залпом, в голову ударило так, будто на голодный

желудок стакан водки врезал без закуски. Эту особенность, хмелеть после первой же рюмки, он заметил несколько месяцев назад, но не придавал значения, считая совпадением двух жизненных факторов: усталостью от работы и нерво-трепкой дома. Сергей переждал головокружение, на что понадобилась не одна минута, и вторую кружку начал пить не торопясь и без особого удовольствия. За стол попросились двое мужиков рабочей закваски, как оказалось не пустые, а с бутылкой водки. Предложили поддержать компанию, и он не выдержал: согласился на символические пятьдесят грамм. И снова удар, еще сильнее, чем прежде, даже мужики заметили. Чтобы не развезло окончательно, Нестеров, не допив пиво, быстро попрощался, и вышел на улицу. Декабрьский морозец пошел на пользу, и пока ждал автобуса и ехал домой, показалось, что полностью отрезвел. Но как только Сергей открыл дверь и зашел в прихожую, Люба из кухни с Ольгой на коленях, взглянув на него, в отчаянии закричала:

– Господи, опять! Ну, сколько же можно? На этот-то раз что? День рождения, приезд–отъезд, медаль, орден? И опять напился, еле на ногах стоишь...

– Кто напился? Чего ты сразу? Я только две кружки пива выпил...

– Ты это кому-нибудь другому расскажи: две кружки пива?! Еле языком ворочаешь. В зеркало на себя посмотри, на кого ты похож. – Она сняла Ольгу с колен и встала. – Есть будешь? Хотя какая тебе сейчас еда? Ты уже наелся. Вот что.

Пока Олег на тренировке, раздевайся и в койку – не хватает, чтобы он еще раз увидел отца в таком виде.

– А мама где? – Сергея качнуло, он схватился за вешалку и чуть не упал вместе с ней. С трудом ворочая языком, повысив голос, все-таки повторил вопрос. – Я спрашиваю: где моя мама?

– Уехала твоя мама к кому-то из родственников. Наслушается от них, как жить надо, вернется и будет меня учить...

– Слушай, Люб! – Он перебил ее и, не раздеваясь, шагнул на кухню. – Ну почему вы не можете жить по-человечески, что вы все время собачитесь, что делите? Меня? А может, хватит? Оставьте меня в покое! Когда же все это кончится? Не могу больше так! Житья от вас нет! Ненавижу! Всех вас ненавижу!

Нестеров не видел себя со стороны. Это был не он, совершенно другой человек. Пьяный, расхристанный, злой, агрессивный, кулаки сжаты так, что косточки побелели, казалось еще секунда, и он ударит ее.

– Папа, папочка, любимый! – высоко и пронзительно закричала Оленька, оказавшаяся между ними. – Не надо! Пожалуйста, не надо!

Сергей остановился, смутно понимая, что происходит. Внезапно он обмяк, ноги не держали, и, если бы не Люба, наверное, завалился бы здесь же, на кухне, в пальто и зимних ботинках. Жена подхватила и еле-еле дотащила его до спальни, уложила на кровать, раздела и накрыла одеялом. Верну-

лась на кухню, села за стол и заплакала, обняв прильнувшую к ней Ольгу.

Утром следующего дня смутно помнящий вчерашний вечер Нестеров шел по коридору к своему кабинету, внезапно его резко повело в сторону, и он едва удержался на ногах, опершись о стену. Навстречу шли сотрудники соседнего отдела, и один, не стесняясь, громко сказал другому:

– Это надо же так напиться, чтобы еще и на утро хватило!

От стыда запылало лицо. В кабинете Сергей сел за стол, разложил документы и сделал вид, что работает, а сам начал вспоминать, анализировать происходившее с ним за последнее время.

Стала ухудшаться речь – не сразу, но медленно и уверенно. Сначала не выговаривал или проглатывал отдельные буквы, теперь, все чаще, хочет и знает, что сказать и вдруг впадает в ступор, не может даже слово произнести, язык не ворочается. С координацией движений плохо, равновесие теряет, шатает, как на палубе корабля. Руки дрожат, почерк испортился, даже расписываться стал с трудом. Все чаще срывается на крик, что на работе, что дома, а с алкоголем – вообще беда. Пятьдесят–сто грамм и готов, а раньше бутылку выпивал и нормально себя чувствовал. Нет, надо что-то делать, дальше так жить нельзя. А что можно сделать? Идти в свою поликлинику – смерть, запишут в карту, век не отмоешься. К Шибанову? Он что, доктор что ли? В памяти всплыл Константин Леонидович Лебединский, главврач больницы, где

работала Ирина Игнатъева. Вот кто реально может помочь, тем более сам тогда предлагал.

Главврач был на месте и сразу узнал его по голосу.

– Сергей Владимирович, уважаемый! Воистину, сколько лет, сколько зим! Скажите, вам не икалось периодически все это время? Нет? Я ведь вспоминал вас, дорогой мой товарищ, и не один раз, и всегда только добрым словом.

– Что так, Константин Леонидович? – Нестеров был приятно удивлен.

– А как по-другому?! Ведь Ирина Игнатъева через неделю после разговора с вами ушла от нас. Племянник мой с ней порвал или она с ним, но это не важно, главное, результат – больше они не встречаются. И дома у него все наладилось, живут себе душа в душу, – тут он спохватился. – Да что это я все про свои коврижки, прошу прощения! Я так полагаю, совет мой нужен или помощь?

– Может быть, и то и другое. – Нестеров не мог говорить открытым текстом, народу в кабинете собралось больше, чем посадочных мест.

– Понимаю. – Все медики, а главврач тем более, обязаны быть психологами. – Приезжайте, я на месте с восьми до восьми.

– Завтра можно?

– В какое время?

– После двенадцати, в районе часа.

– Прекрасно, договорились. Жду.

Нестеров с облегчением повесил трубку, первый шаг сделан. В больницу надо ехать, конечно, с Любой. Не одному же идти?

Размышления прервал насупленный и обиженный Барсуков.

– Здравствуйте, Сергей Владимирович! Не работает ваша заправка!

– Какая еще заправка? – Не смог сразу переключиться Нестеров.

– Для машин оперативного обеспечения, мы же с вами вчера говорили...

– Ах, эта... – Он все вспомнил. – Ты когда туда приехал?

– В шесть утра. Там, вообще, все перекопано. Я по доске через канаву перешел, чуть не грохнулся, в дверь, в окно стучал. Тихо, никого там нет.

– Странно, я неделю назад на заправке был, все функционировало в обычном режиме. – Дальше играть он был не в состоянии, но выходить из положения надо достойно, без потери лица. – Подожди, подожди. Все, вспомнил! Они же в прошлый раз говорили, что их могут закрыть. Надо было, конечно, проверить. А-а-а... – с досадой протянул Нестеров, встал и протянул руку Барсукову. – Извини, Алексей! Не хотел. Веришь? – Расстроенный, невыспавшийся Барсуков все-таки кивнул головой и пожал протянутую руку. – Как только найду для тебя что-нибудь подходящее, сразу дам знать. Договорились?

Расстались почти друзьями, но завершение розыгрыша досталось Сергею нелегко, на пределе возможностей. Не успел прийти в себя, как позвонил Шибанов и попросил зайти. Петр Георгиевич стал выговаривать ему за небрежно подготовленные письма в резидентуру, упирая на явные несоответствия в рекомендациях, предназначенных для сотрудников точки, за отвратительный стиль изложения. Внезапно Шибанов прервал себя:

– Сергей! Ты меня слышишь?

– Конечно, Петр Георгиевич.

– Не уверен. Почту заberi. К вечеру, что б все исправил. – Начальник сдвинул к нему на край стола папку с документами и еще раз внимательно посмотрел на Нестерова. – Что с тобой, Сережа? Последнее время ты мне совсем не нравишься, очень изменился и далеко не в лучшую сторону. Что-то дома или, может, со здоровьем нелады?

– Не знаю, Георгич. Скорее, все вместе. Завтра на консультацию к профессору договорился...

– У нас?

– Нет, на стороне. Отпустите к обеду?

– Езжай, конечно. Потом расскажешь, а почту заberi. То, что ты накалякал, извини за выражение, никуда не годится.

Нестеров забрал документы и подумал, что за шесть с лишним лет Шибанов первый раз так с ним разговаривает – никогда никаких претензий к его эпистолярному творчеству не было, ни за рубежом, ни здесь, в Центре. Значит, есть яв-

ные ляпы. Наверняка, писал в том же бредовом состоянии, что и сегодня. Но это вопрос второй. А вот почему Фомкин, которому он сдавал почту, ничего не сказал? Может, подставить хотел? «Вот, пожалуйста, Петр Георгиевич! Посмотрите, как ваш любимчик работает!». А что? С этой сволочи станет! Злость придала сил, он собрался, и готовые документы к семнадцати ноль-ноль положил Шибанову на стол.

Пока ехал домой, Нестеров измучился, пытаясь представить, как скажет о своем состоянии и решении Любе, матери и молил всех святых, что б только они не разругались до его приезда. С опаской, в недобрых предчувствиях Сергей потихоньку открыл дверь. В квартире стояла странная тишина, лишь из-за плотно закрытой двери кухни слышались неясные голоса. На легкий щелчок замка из гостиной выглянул Олежка и бросился к отцу, и тут же подскочила Оленька.

– Привет, мои золотые! А где бабушка с мамой?

– Они на кухне, пап. – Олег заговорщицки улыбнулся. – У них секреты какие-то.

«Час от часу нелегче», – подумал Сергей, открывая дверь на кухню. Они сидели за столом напротив друг друга, наверняка слышали, что он пришел, но почему-то не вышли навстречу.

– Здравствуй, сынок! – Мама была не похожа на себя: тихая, отрешенная, в глазах слезы. – Люба тебе сейчас разогреет, а ты пока иди, переоденься, а потом приходи. Мне с тобой поговорить надо.

Муж и жена Нестеровы, как послушные дети, занялись каждый своим делом и через пять минут все были вместе.

– Сереженька! Ты прости меня, если что не так. Я уже давно себя плохо чувствую, головные боли замучили, лекарства не помогают – анальгины, аспирины все эти. Вам-то не до меня, у вас свои дела, дети опять же... – Задрожала нижняя губа, но она справилась, не заплакала. – Нет, нет, что ты?! Я уже говорила Любе: я не в обиде, нет. Может, наоборот, я во всем виновата. Что ругались, ссорились. С сестрами, братьями советовалась, что делать, только у каждого своя голова на плечах, каждый по-своему жизнь понимает. Ну, это ладно, не о том я. Знаешь, иногда боль так припрет, что хоть на стенку лезь. Никаких сил нет, терпеть. Я пошла к нашему участковому врачу, Путенковой. Она женщина хорошая, понимающая, на анализы меня послала, два рентгена сделали, голову тоже светили. Вчера опять у нее была. Плохо у меня, Сереженька! Вроде как опухоль в голове, а какая, злокачественная или нет, никто не знает. Может, операцию будут делать. Завтра кладут в больницу нашу, тут в районе, недалеко. Я говорю: «Давайте после Нового года, всего две недели осталось!». «Нет, – говорят, – срочно!». Так что вот такие дела у нас, сыночек. Думаю: из больницы этой я уже не выйду. – И она, сдерживаясь, чтобы не пугать внуков, тихо заплакала.

Сергей, забыв про ужин на столе, молча сидел, бессильно опустив руки, а в голове, как молотом, стучало: «За что, за

что, за что все это???».

– Мамочка, милая, прошу тебя, успокойся. – Голос задрожал, он еле сдержался, чтобы самому не зареветь. – Я уверен: все не так страшно! Полежишь в больнице, проверят, все обойдется. Завтра Люба тебя проводит...

– Нет, нет. Ей надо с детьми управиться. Паня приедет, мы доберемся, ты не волнуйся. – Галина Андреевна смахнула слезы и поднялась. – Пойдем-ка со мной.

Она привела его в свою комнату, открыла гардероб и из-под белья достала маленькую коробочку, в которой лежали золотые серьги с александритами и кольцо с таким же камнем.

– Вот, Сережа! Это все. Еще машинка швейная «Зингер», она хоть и старая, но хорошая. Сейчас таких не делают. Больше ничего у меня нет. Ты уж сам, как-нибудь распредели, что сестрам, что вам... – голос опять задрожал.

– Нет, ни за что! Положи все, где было, – и, заметив, что она плохо его понимает, еще раз повторил: – Положи, где было, самой пригодится.

Они рано легли спать, как только уложили детей, но долго еще не могли заснуть.

На следующий день Люба с Сергеем встретились перед входом в больницу без десяти час. Хозяин знакомого Нестерову кабинета искренне обрадовался появлению гостей.

– Сергей Владимирович! Прошу вас, проходите, пожалуйста. Супруга? Константин Леонидович! – представился он,

по-старомодному галантно поцеловав ручку. – Очень приятно. Присаживайтесь, пожалуйста. Слушаю вас.

Нестеров рассказал все, что считал нужным и возможным о своем состоянии – Лебединский, весь во внимании, не перебивал.

– Все? – спросил он, когда Нестеров завершил свой рассказ. – Давайте посмотрим вас. Я, знаете ли, много лет поработал невропатологом. Здесь, в больнице, неврологией заведовал. Думаю: на первом этапе обойдемся без посторонней помощи. Пройдите сюда, пожалуйста.

Константин Леонидович показал Сергею на середину кабинета и встал перед ним.

– Поставьте ноги вместе, вытяните перед собой руки, раздвиньте пальцы. Так, хорошо. Теперь закройте глаза.

Нестеров сделал, как его просили, но меньше чем через секунду почувствовал, что неумолимо тянет вправо, невольно качнулся, но врач поддержал.

– Откройте глаза. Поставьте ноги на ширине плеч. Так, лучше? – Виновато улыбаясь, Сергей кивнул. – Теперь опять: руки перед собой, пальцы раздвинуть. Медленно, не торопитесь. Указательным пальцем правой руки...

Потом в ход пошли молоточек и иголка, и после каждой манипуляции глаза Константина Леонидовича все больше и больше затягивало льдом, выстраивая диспозицию: доктор – пациент. Они вернулись на свои места, и главврач заговорил совсем другим, чем при встрече, тоном.

– Сергей Владимирович! Ваше состояние вызывает серьезное беспокойство, необходимо получить консультацию и вероятнее всего, чтобы исключить ошибку, пройти обследование в специализированном медицинском учреждении. В нашей больнице по целому ряду причин сделать этого не представляется возможным. Сейчас я вам выпишу направление, – Константин Леонидович стал заполнять бланк. – Это Институт нервных болезней на улице Россолимо, рядом с метро «Парк культуры». На сегодняшний день лучшее в Союзе профильное лечебное учреждение. Там работает моя хорошая знакомая – Наталья Сергеевна, прекрасный специалист, я ей позвоню, предупрежу, что вы обратитесь. Вот номер ее телефона. Звоните сегодня же, затягивать не рекомендую, сейчас каждый день на счету.

В десять утра Нестеровы, растерянно оглядываясь, стояли в холле здания дореволюционной постройки на улице Россолимо. Сергей по привычке держал жену за руку. Ждать пришлось недолго. Буквально через пару минут к ним подошла молодая женщина в белом халате. Наталья Сергеевна, как она себя назвала, выглядела на сорок с небольшим. Очень милая блондинка с серо-голубыми, холодными глазами. Осмотрев Нестерова, она подтвердила необходимость его срочной госпитализации и сказала, что все формальности, как обещала Константину Леонидовичу, возьмет на себя. Сергею Владимировичу необходимо без опозданий прибыть сюда с вещами после Нового года третьего января к де-

вяти утра и рассчитывать на пребывание в стационаре не менее месяца – дальше видно будет.

Этот день стал точкой отсчета совершенно нового для Сергея Нестерова состояния. Он быстро терял физическую форму, уставал, и уже к середине дня безумно хотелось спать. Мыслительный аппарат работал с перебоями и на сознание неодолимой силой наступал туман: густой, вязкий, клубами. Все последующие дни так и прошли для Нестерова длинным, нескончаемым рядом: ездил на работу, что-то делал, писал, хотя почерк стал совсем плохим, встречался с людьми, разговаривал, но в памяти почти ничего не задерживалось. Дважды навещал маму, состояние которой становилось критическим, временами она не узнавала его. Играл с детьми, не понимая, чем он занимается, а за полчаса до наступления Нового тысяча девятьсот восемьдесят пятого года заснул в кресле рядом с елкой.

В палате, разделенные тумбочками, стояли пять кроватей, крайняя к двери – свободная, для него. Трое больных, как понял Сергей, лежащие, они даже имена свои толком сказать не могли. Четвертый – высокий, черный, худой, как жердь, назвался Селимом.

– Хорошо, что тебя к нам определили. Я уже замучился с ними, – кивком головы он указал на лежавших. – То няньку, то санитару, то врача позвать, и все я. Теперь полегче будет, поможешь немного. У тебя что?

– В каком смысле? – Сергей не понял вопроса.

– Чем болен, диагноз какой?

– Не знаю, я сегодня первый день.

– А-а-а, – протянул Селим. – Свеженький, и сразу сюда.

Повезло тебе, по благу, наверное, определили. Я в нашей республиканской два раза лежал, отец большие деньги дал, что б сюда отправили. Здесь врачи хорошие и лекарства дают.

Нестеров с трудом понимал его, и не только из-за своего состояния. Мало того, что Селим говорил с большим акцентом, так еще и половину букв не выговаривал. Начавшийся разговор-знакомство прервала небольшого росточка и той же ширины медсестра в стоптанных войлочных сапожках с хмурым, недовольным выражением лица.

– Нестеров, ты что ли? – раздраженно спросила она с таким видом, будто сомневалась в ответе. – На анализы и к врачам.

Они пошли по коридору, слабо освещенному тусклыми лампами. Навстречу попадались больные, одетые, как правило, в тренировочные костюмы и домашние халаты, и у всех – потухший, обреченный, без всякой надежды взгляд. Нестеров гнал от себя мысли, что это его ближайшее будущее, хотя со стороны производил не намного лучшее впечатление. В отсутствии естественного освещения время теряло свое значение, и непонятно было, что сейчас: утро, день, вечер, ночь. Он оставил часы в палате и не представлял, сколько минут или часов потратил на хождение по кабинетам. Неожиданно

прозвучал звонок, приглашая на обед, и Сергей потянулся вместе с другими ходячими в так называемый зал для приема пищи. Перед окном раздачи на столике стопкой стояли металлические миски, а рядом в широком с ржавчиной стакане торчали ложки – вилки, ножей не было. Нестеров оказался в середине небольшой очереди. С дурным предчувствием и брезгливостью он наблюдал, как больные трясущимися руками не могли донести до стола, не расплескав, даже половину миски супа. «Я не такой, нет», – убеждал он себя. Двумя руками сжал миску жидкости, в которой целиком плавала картошка и что-то наподобие овощей, и сделал первый шаг. «Ну, что я говорил!», – возликовала душа, и тут же Сергей почувствовал, что миска оживает и начинает свой бешеный танец в его руках. «Стоять! Стоять, сволочь!» – сжав рот, молча, заорал он на нее, и железная тварь почти послушалась. По крайней мере, к столу он подошел с минимальными потерями. Попробовав «блюдо», которое поварила на раздаче назвала рассольником, Нестеров понял, что даже под угрозой расстрела не будет есть это варево. Ограничился вторым – гороховым пюре, ненавистным с детства, котлеткой и тремя кусками черного хлеба, больше не дали. Ужинать он не пошел, аппетита не было. Ночь прошла тяжело. Не давали спать спертый воздух, перемешанный с запахом мочи и лекарств, и сосед по палате, тот, что ближе к окну. Он несколько раз жутко кричал, и Нестерову, лежавшему у двери, приходилось вставать и звать дежурную медсестру.

Проснулся Сергей совершенно разбитым.

Утром его повели в процедурный кабинет – на пункцию спинного мозга. Он лег на бок на кушетку, и докторша попросила принять позу эмбриона, предупредив, что, чем больше он выгнет спину, тем легче, удобнее для него будет эта процедура. С этим проблем не было, сказались четыре года занятий акробатикой на стадионе Юных пионеров. Сергей согнулся колесом и почувствовал укол, а потом услышал, как с легким треском игла проходит сквозь хрящи, соединяющие позвонки. Потом в спине возникло чувство, будто вытягивают что-то из тебя, и, наконец, все закончилось. Пункция прошла удачно, как сказала доктор, хотя в голосе слышалось необъяснимое для пациента неудовольствие.

Обед принесли в палату, встать не разрешили. Сергей, только взглянув, решил, что ЭТО он есть не будет, но объявить санитарке свое решение не успел. Как подарок и компенсация принятых мучений, в дверях палаты возникла красавица-жена с сумками в руках. В большом китайском термосе, расписанном яркими цветами и райскими птицами, оказался любимый картофельный супчик с мелкими мясными фрикадельками, а в кастрюльке, завернутой в десяток газет – еще теплая гречка с печенкой по-строгановски в подливке. Особого аппетита не было, но не съесть такую вкусноту – себя обидеть. Любочка наготовила столько, что и Селиму за глаза хватило, еще и на вечер осталось, а лежащие, несмотря на все ее уговоры, сами отказались. Выглядела она

прекрасно, новую кофточку одела, даже реснички подкрасила, хотя косметикой пользовалась крайне редко. И, как всегда, щебетала без остановки: «Дома все в порядке, с детьми помогает мама, ты пока здесь, пусть она поживет у нас, ладно?». Оленька и Олежка страшно скучают, учатся хорошо, звонили Игнатьев и Миша с Томой, спрашивали: когда можно прийти и что принести? Все, в общем, нормально. Главное, чтобы сам выздоравливал поскорее.

Жена побыла у него больше часа и, наконец, добилась, что, заразившись ее хорошим настроением и уверенностью в прекрасном будущем, он улыбнулся и поверил, что все не так уж плохо. Закрыв за собой дверь палаты, она изменилась в лице: исчезла улыбка, прорезались морщины и глаза наполнились слезами. Господи! Всего один день, а Сережка совсем другой: безразличный ко всему, вялый, потухший. Со страхом она осторожно заглянула в ординаторскую. Лечащий врач сидела за столом и заполняла чью-то историю болезни.

– Здравствуйте, Наталья Сергеевна! Я – Люба, жена Сергея Нестерова из семнадцатой. Можно к вам?

– Да, да. Заходите, пожалуйста. Слушаю вас.

Люба старалась держать себя в руках, не раскисать: расплачешься, ничего толком не узнаешь.

– Доктор, скажите, что с ним?

Прежде чем ответить, Наталья Сергеевна заглянула в бумаги, лежащие перед ней.

– Любовь, извините, не знаю, как вас по отчеству, ваш муж второй день у нас, результатов анализов нет, да и говорить, собственно, пока не о чем. – Голос был холодный и отчужденный. – Я приглашу вас к себе, когда будет ясна картина заболевания. Все расскажу и подскажу, что надо делать. А сейчас, извините...

Люба поняла, что разговор закончен, закрыла дверь и пошла по коридору к выходу, стирая платком черные, вперемешку с тушью, слезы.

Дни потянулись друг за другом – тягучие и однообразные для Нестерова и совершенно безумные для его жены. На нее свалилось все: кухня, магазины, дом, дети, Сережкина мама, сам Сергей. Она крутилась, как белка в колесе, пытаясь успеть везде, похудела – кожа да кости, но расслабиться себе не позволяла. Для детей, близких и дальних родственников, для всех на свете и, в первую очередь, для Сережи она была энергичной и неунывающей женщиной, у которой все более-менее хорошо. Каждый день приходила к мужу, как в театр – хорошо одетой, с прической, макияжем, улыбкой на лице и неизменно в прекрасном настроении. И так – с утра и до вечера. Но наступала ночь и силы оставляли ее. Оставшись одна, Люба Нестерова не могла с собой справиться. В предчувствии страшного и неизбежного, от бессилия и отчаяния она рыдала, зажав зубами подушку, чтобы не слышали дети и мама. Потом забывалась на пару-тройку часов, а утром превращалась в ту, прежнюю, привычную для всех.

Нестерову назначили лечение: капельницы, уколы, анализы, таблетки. Такого количества лекарств он не принимал за всю свою предыдущую жизнь – по сорок таблеток в день, плюс уколы. Наступила апатия, ничего не хотелось делать и в первую очередь двигаться, но быть без движения и лечь, как его соседи по палате, тоже нельзя. Он хорошо понимал, видел на примере других: стоит только смириться, как скрутит тебя сволочь-болезнь, и безглазая баба с косою привет передаст. А посему, приказывал Сергей сам себе: «Встал и пошел! Ножками, ножками!» – и ходил по коридорам, заглядывая на лестничные площадки, где мужики, покуривая в рукав, рассказывали о своих болячках. Он слушал товарищей по несчастью и, покопавшись, находил у себя все без исключения симптомы чужих болезней. «Так с ума можно сойти, честное слово!» – думал он не единожды, но выхода из западни найти не мог.

Прошло две недели. В воскресенье у Натальи Сергеевны был выходной, и обход делала дежурный врач, Серафима Самраковна – желчная, некрасивая, обозленная на весь белый свет баба. Осмотрев Нестерова, заглянула в историю болезни и хмыкнула: «Знаете свой диагноз?» – и с язвительной улыбочкой и садистским наслаждением сама ответила на свой вопрос: «Прогрессирующий рассеянный склероз. Наталья Сергеевна вам все-е-е расскажет. Так что готовьтесь!». Кивнула на лежачих, вот, мол, вам пример, закрыла дверь и пошла дальше, оставив Нестерова в растерянности и глубо-

кой задумчивости.

Как бы то ни было, но ликбез по неврологии он здесь получил и хорошо представлял, что за штука такая – рассеянный склероз в такой тяжелой форме. С диагнозом, который озвучила Серафима Самраковна, скорее всего, его комиссуют и уволят к чертовой бабушке из органов. И что тогда делать, куда деваться? Из-за жуткого количества лекарств, которые он потреблял каждый день, голова почти не работала, но Сергей все-таки собрался и сообразил: кто ему может помочь. Ближе к ночи из единственного телефона-автомата на первом этаже, отстояв очередь, он позвонил Любе и попросил вызвать к нему главврача Лебединского и передать Игнатьеву, чтобы прислал друга Сашку Замятина, кадровика, знающего все и вся по части прохождения службы. Однако в понедельник ни того, ни другого не было. Зато пришла Любочка с макаронами по-флотски и компотом из сухофруктов и снова у Сергея и Селима был праздник на столе и в душе. Нестеров держался молодцом, ел с аппетитом, только бы жена ничего не заподозрила. Тем более что на утреннем обходе Наталья Сергеевна появилась вместе со своим шефом, вальяжным профессором Штульманом. Они крутили его и так, и эдак, но ничего конкретного не сказали. Нестеров же в присутствии чужого для него человека спрашивать про диагноз, который объявила ему Серафима Самраковна, тоже не стал. В обстановке неопределенности Сергей решил понапрасну не тревожить жену. Проговорив почти час, она упорхнула,

запретив ее провожать, и по известным только ей причинам не сказала о предстоящем разговоре с Натальей Сергеевной.

В ординаторской был еще один врач, который с появлением Любы, сославшись на дела, вышел, пообещав скоро вернуться.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – холодно и строго, как при первой встрече, пригласила Наталья Сергеевна, и, как только Люба оказалась на краешке стула, она отстраненно, будто разговаривает с неодушевленным предметом, стала говорить: – Период обследования вашего мужа завершен. Проведены осмотры специалистами нашего института и получены результаты лабораторных исследований. – Голос звучал ровно и спокойно, но у Любы почему-то мурашки побежали по коже. – У вашего мужа – тяжелое заболевание центральной нервной системы. Не буду утомлять вас медицинскими терминами, все будет отражено в выписном эпикризе. В течение следующих пятнадцати дней мы проведем курс лечения, который позволит стабилизировать состояние больного, потом выпишем под наблюдение невропатолога по месту жительства. И последнее. – Она сделала паузу. – Прогнозы неутешительные: осталось два, максимум три года, не больше.

– Два, максимум три года, – как на автомате, ничего не понимая, повторила Люба. – А дальше?

Не опуская глаз, Наталья Сергеевна смотрела ей прямо в лицо и молчала.

– Дальше что? – Не услышав ответа, Нестерова встала, подняла с пола хозяйственную сумку с пустой посудой и с застывшим, окаменевшим лицом, как сомнамбула, вышла из ординаторской. Спустилась вниз, надела пальто и оказалась на улице. Сделала несколько шагов и остановилась. До нее стал доходить страшный смысл сказанных доктором слов: «Два, три года». – «А потом что, ВСЕ? СМЕРТЬ? Не будет Сереженьки? Дорогого, милого, любимого, красивого, единственного на свете не будет?!». Ноги подкосились, она села боком, почти упала в черно-грязный сугроб, насыпанный дворниками у ограды института. Затрясло мелкой дрожью, и Люба зарыдала, закричала, забыв обо всем на свете, сто раз повторяя единственное, самое дорогое имя: «Сережа, Сереженька...». Мимо шли прохожие, участливо оглядываясь на плачущую женщину. Кто-то пытался помочь, поднять ее, успокоить, но, услышав, отчаянное и умоляющее: «Пожалуйста, не трогайте меня! Прошу вас оставьте...», отказывался от естественного человеческого желания. Подошла совершенно седая, преклонных лет женщина с добрым, открытым лицом и глазами чистого ясного неба. Одета по-городскому, только пуховый платок, повязанный особым манером, и варежки из козьего пуха говорили о деревенских корнях, связывающих ее с этой грешной землей.

– Доченька! Посмотри на меня, доченька, – голос был теплый, ласковый, добрый, и Люба подняла голову. – Вставай, голубушка. Вставай, милая!

Она почувствовала прикосновение заботливых мягких бабушкиных рук, поднимавших ее, и встала с ноздреватого, подтаявшего снега.

– Пойдем со мной, пойдем, милая.

Мелкими шагами они шли по тротуару, их обгоняли погруженные в свои заботы люди. Нестерова не замечала ничего и никого, слушая завораживающий, успокаивающий голос. Она сначала не понимала, что говорит эта добрая женщина, но медленно, кусочек за кусочком, оттаивало сознание – с великим трудом, спотыкаясь, она приходила в себя и стала отвечать на вопросы своей спутницы.

– Там, в больнице-то, кто у тебя?

– Муж.

– Что, плохо совсем?

– Врач сказала: два года жить осталось.

– Два года, говоришь?! – С возмущением переспросила она. – Да как она могла сказать такое?! Кто же, кроме Господа Бога знает срок жизни людской? Кто может знать, милая, что произойдет за это время, как жизнь повернется, как человек себя поймет. А ты, доченька, зачем поверила, зачем мужа живого хоронишь? Рано еще, это время нам с тобой не рассмотреть. Тебя как звать-то девонька?

– Люба.

– Я тебе вот что скажу, Любушка. Ты, перво-наперво, с собой должна совладать, справиться, тебе сейчас никак нельзя руки опускать. На тебе, милая, все держится: и муж, и дети, и

твои родители, и мужнины. Тебе раскисать ни в коем случае нельзя. Если дрогнешь, ты ему только хуже сделаешь, порог придвинешь...

– Какой порог?

– Жизни порог, за которым только царствие небесное. Мужики наши ведь только с виду сильные да здоровые, а внутри они разные, есть и слабые да нежные, но всем им поддержка, помощь нужна. Такова уж наша женская доля, на себе все тащить, еще мужьям нашим помогать. Но так, чтобы они ничего этого не заметили и достоинство свое сохранили. Потому тебе перед ним дрогнуть никак нельзя, ты сильная, сможешь, выдержишь. – Старушка заглянула ей в лицо. – Ты, доченька, обязательно в церковь сходи, да не один раз. Свечки поставь: Пресвятой Богородице, Николаю Чудотворцу и Пантелеймону Целителю. Чего не знаешь, у людей спроси, они подскажут. И молись, родная, какие слова есть на душе, те и говори. Ничего, что молитвы не знаешь, Господь услышит и примет мольбу твою. – Бабушка взяла Любу за руку, и тепло волной прошло по телу. – Храни тебя Господи, девонька милая! Муж поправится! Верь! А теперь иди, милая. Дома, небось, дети ждут не дождутся! Иди, любезная!

Нестерова пришла в себя только в вагоне метро, до этого все для нее проходило как во сне. Она даже не знала: была бабушка на самом деле или нет? Только в памяти остались неведомые ей ранее имена: Пресвятая Богородица, Николай Чудотворец и Пантелеймон Целитель.

На следующий день, перед обедом, опередив Любу, с апельсинами в пакете примчался взъерошенный Сашка Замятин, который и понятия не имел, что Нестерова уpekли в Институт нервных болезней. Верный, закадычный друг сразу сообразил, что нужна его помощь, потому и прилетел, как только смог. Говорить решили в коридоре, так спокойней, поскольку в этом заведении с впечатляющим названием понятия не имели, кто такой Нестеров. Сергей, экономя Сашкино время, коротко обрисовал ему ситуацию и назвал диагноз, который озвучила Серафима Самраковна.

– Да, старик, дело серьезное, – помрачнел Замятин. – С таким диагнозом комиссуют точно, прецедент есть. В соседнем с вами отделе два месяца назад сотрудника уволили, причем без пенсии, сразу на инвалидность.

– Значит, все? Без вариантов?

– Ну почему? Мне его кадровик говорил, что характер у мужика хуже некуда, договариваться не умеет. Повел бы себя по-другому и результат был бы другим. Есть какие-то болезни, я просто названия не помню, очень схожие, но по ним лечение проводят, а не увольнение. Хорошо бы, конечно, проконсультироваться с кем-нибудь из специалистов. Хочешь, я переговорю с нашими медиками?

– Спасибо, Сань. Не надо, есть у меня человек, сам справлюсь. – «Только бы Константин Леонидович не подвел», – пронеслось в голове. – Тебе бежать, наверное, надо?

– В общем, да. – Замятин засмушался, словно в чем-то

был виноват. – Я же в обед рванул. – Он посмотрел на часы. – Ничего, успею. Галина Андреевна как? Здорова?

– Нет, Саш. В больнице мама, опухоль мозга у нее. Врачи говорят: неоперабельна. Скрутило нас, Нестеровых. – И Сергей грустно улыбнулся.

– Да, старик, не позавидуешь. Держись, Серый! Что надо, звони!

Ближе к шестнадцати с вежливой, приятной улыбкой появился Константин Леонидович Лебединский. Только взглянув на сильно похудевшего и осунувшегося Нестерова, без обиняков заявил, что «напрасно Сергей Владимирович игнорирует больничную пищу. Конечно, качество приготовления может быть и не то, что хотелось бы, но в рационе, уверяю вас, есть все, что нужно для выздоровления...».

– Константин Леонидович, поговорить бы надо, – невежливо перебил нравоучения главврача Сергей.

– Так я, собственно, затем и приехал, Сергей Владимирович, – не обижаясь, с пониманием откликнулся Лебединский. – Давайте-ка немножко прогуляемся, тут у вас обстановка не очень способствует...

Они направились в конец длинного коридора, при этом Константин Леонидович, заботливо поддерживал Нестерова под руку. Разговор еще не успел начаться, как из соседней палаты вышла Наталья Сергеевна и буквально остолбенела, увидев их вместе.

– Константин Леонидович!?

– Наталья Сергеевна! – Предвидевший встречу Лебединский легко прикоснулся к руке и по-дружески поцеловал в щечку. – Видишь, приехал навестить твоего подопечного. – Он чуть отстранился, и снизу вверх окинул взглядом Наталью Сергеевну. – А ты все такая же красавица, годы тебе только на пользу. Я чуть позже загляну, ладно? Поговорим еще.

Они разошлись, и Лебединский все внимание обратил на своего спутника.

– Что-то случилось, Сергей Владимирович?

– Случилось, Константин Леонидович! Заведующий отделением профессор Штульман и Наталья Сергеевна ставят мне прогрессирующий рассеянный склероз.

– Именно так? – Лебединский сжал в нитку губы и слегка сдвинул брови. – Вы ничего не путаете?

– Ничего я не путаю! Сведения точные. – Нестеров нервничал, и потому был раздражен и категоричен. – С таким диагнозом меня в момент комиссуют и уволят из органов. И что я тогда буду делать? Куда пойду и кому буду нужен в таком состоянии? Я в органах восемнадцать лет и не представляю себе другой жизни. Скажите, а может быть ошибочным диагноз?

– Принципиально, нет, Сергей Владимирович! Могут быть уточнения, определенного рода корректировки, но не отмена диагноза. Такого не бывает! Тем более, в этом институте, лучшим в Союзе. Исключено, абсолютно исключено!

– Ничего не исключено, доктор. У нашего сына после рождения два титулованных специалиста-педиатра гидроцефалию головного мозга определяли, сказали: дурачком будет. Жену мою после перелома ноги профессора института травматологии к костылям на всю оставшуюся жизнь приговорили. Только ничего этого, как вы сами понимаете, нет. Все чушь собачья! – И тут же он повернул разговор в нужную ему сторону. – Константин Леонидович, вы только что сказали про уточнение диагноза...

Лебединский и Нестеров сели на стулья, стоящие в коридоре вдоль стены. Сергею было нехорошо, голова гудела, как котел, но он знал, что терять темп беседы ни в коем случае нельзя.

– Константин Леонидович, прошу вас, помогите. Мне кадрики объяснили, что надо изменить, скорректировать диагноз, чтобы не могли сразу уволить. Пройдет год-два, полечат меня комитетские медики, и, я уверен, все встанет на свои места. А если удастся до двадцати лет выслуги дотянуть, тогда вообще здорово, хоть пенсия детям останется нормальная... – Говорить стало тяжело, голос предательски задрожал.

– Сергей Владимирович, успокойтесь, пожалуйста. В медицине, и неврология не исключение, пограничных диагнозов более чем достаточно. Так что, по большому счету, это – не проблема. Поборемся, конечно, не без этого, но, думаю, договоримся.

– Спасибо вам, Константин Леонидович!

– Пока не за что. Если есть желание, спрашивайте. Может, вопросы какие-то остались...

– Скажите: рассеянный склероз лечится?

– Вы имеете в виду случаи излечения, полного выздоровления? – Лебединский знал, что его ответ не обрадует Нестерова, но кривить душой тоже не мог. – Нет, такого пока не было. Никто не знает причин возникновения данного заболевания, а, следовательно, не знают, как можно вылечить заболевшего.

К удивлению Константина Леонидовича, собеседник на его слова отреагировал спокойно.

– Тогда еще вопрос: можно заразить человека этой болезнью?

– Целенаправленно? Вряд ли. Хотя чего в нашей жизни, а тем более в вашей, ни бывает. – Лебединский оценивающе посмотрел на Нестерова. – В этой связи, у меня к вам предложение. Разрешите в разговоре с вашим лечащим врачом пояснить ей, в разумных пределах, естественно, кто вы такой на самом деле. И еще, – предупредил он ответ Сергея. – Анатолий Александрович мне говорил, что вы пять лет работали за рубежом в субтропиках, где, насколько я знаю, всякой ползающей и летающей нечисти больше, чем достаточно – мне бы все это весьма пригодилось. Что скажете, Сергей Владимирович?

– А куда мне деваться? Согласен, конечно. – Нестеров по-

думал, что Лебединскому действительно непросто придется в разговоре с холодной, замкнутой Натальей Сергеевной.

В ординаторской народу было немного, и Лебединский со своей старой знакомой устроились в уголочке на диване.

– Наталья Сергеевна, дорогая! Рад, очень рад тебя видеть! Сколько же мы не виделись, года два?

– Три, Константин Леонидович, целых три года. Честно говоря, не ожидала вас увидеть здесь. Я думала: Нестеров – обычный протеже, каких достаточно и у вас, и у меня...

– Обычный... – раздумчиво повторил Лебединский. – Сергей Владимирович производит на тебя впечатление обычного?

Она слегка задумалась.

– Пожалуй, нет. Знаете, он, действительно, выделяется из всех больных, и, в первую очередь, по тому, как ведет себя. Состояние его, естественно, подавленное, но, на удивление, держится очень неплохо, в депрессию не впадает. А это как раз было бы естественным в его состоянии и при той интенсивной терапии, что мы проводим...

– Все правильно, дорогая. – Константин Леонидович улыбнулся и добавил. – Я думаю, что ведет он себя так в силу образования и специальной подготовки, которые получил, ну и характера, конечно. Открою тебе один секрет, – Лебединский понизил голос. – Ты же тайны хранить умеешь?! Так вот, Сергей Владимирович – сотрудник Комитета госбезопасности, боевой офицер, между прочим. Скажу те-

бе больше, дорогая моя Наталья Сергеевна, он из той категории, про которых говорят разведчик или шпион, это как кому больше нравится. Ну а теперь давай ближе к делу. Ты же понимаешь: просто так я бы не приехал? – Лебединский внимательно посмотрел на нее. – Вы что ему диагностируете: прогрессирующий рассеянный?

– А вы откуда знаете?

– Это не я, это он знает, видимо, в силу своей профессии, потому и вызвал меня. – Лебединский закинул ногу на ногу и, обхватив колено, сцепил руки в замок. – Не буду вдаваться в детали и объяснять причины, но диагноз надо изменить. Да, да, – повторил он, увидев, что она хочет возразить. – Изменить! Почему бы, например, не энцефаломиелит? – Наталья Сергеевна, казалось, взорвется от такого бесцеремонного вторжения в ее профессиональную компетенцию, но Лебединский напор не ослабил. – Я сейчас скажу одну вещь, которая наверняка заставит тебя задуматься и принять правильное решение. – Константин Леонидович, как хороший актер, взял короткую паузу. – Твой пациент пять лет проработал за рубежом в местах, где ядовитая нечисть всех мастей и видов прекрасно себя чувствует и в воде, и на земле, а возбудители самых тяжелых инфекционных заболеваний на высоте трех метров в живом виде летают! Понимаешь?! Более того, с учетом характера работы Сергея Владимировича, возможность его отравления я бы тоже со счетов не сбрасывал. Вот теперь и подумай, пожалуйста, над тем, что я ска-

зал. Если хочешь, могу переговорить с твоим заведующим отделением...

Лебединский заметил, что к их разговору прислушиваются, и снизил тон.

– Наталья Сергеевна, дорогая! Я очень обязан и признателен Сергею Владимировичу за неоценимую помощь, которую он в свое время оказал нашей семье. А за добро, как известно, добром надо платить. Прошу тебя, сделай это для меня...

Константин Леонидович взял ее за руку и заглянул в глаза. Легкий румянец выступил на щеках Натальи Сергеевны. Как тогда, три года назад, в зимнем Сочи, на Всесоюзной конференции невропатологов.

– Хорошо, – с небольшим усилием согласилась она и, освобождаясь, потянула руку на себя. – Как сам, жена, дети?

– Да все нормально. Как у всех: ругаемся, миримся, опять ругаемся. Живем, в общем. А ты как?

– Тоже нормально. Дочка во втором меде, на третьем курсе. Все, как обычно...

– Да-а, – протянул Лебединский. – Все, как обычно... – Он взглянул на нее и понял, что говорить, собственно говоря, больше не о чем. – Извини, побегу, мне еще к Сергею Владимировичу зайти надо. Спасибо, тебе Наташенька за все!

Выписали Нестерова в понедельник под наблюдение невропатолога по месту жительства, в эпикризе написали: пер-

вичный рассеянный энцефаломиелит. В последний день Наталья Сергеевна в присутствии Любы категорически запретила ему курить и употреблять алкоголь в любых количествах, формах и проявлениях, даже квас и кефир исключить из рациона. А главное, самое главное – не волноваться, что бы ни случилось. С благими и во многом невыполнимыми напутствиями доктора Нестеровы вышли из института, не зная, надолго ли расстанутся с его стенами.

– Любаш, – прервал молчание Сергей. – Если не возражаешь, поедем домой через «Библиотеку Ленина», мне в Военторг надо. – Последнюю неделю он только и думал об этой поездке. – Понимаешь, Наталья Сергеевна многое не договаривает. Может, специально, может, нет, не знаю. А мне мужики, кто не по первому разу загремел, рассказывали, что после лечения, когда лекарства пропьешь, на какое-то время действительно лучше становится, отпускает, а потом все опять в тройном размере возвращается. Только когда наступит это «потом» и станет совсем хреново, через день, неделю, месяц, год, никто не знает. – Он остановился передохнуть, восстановил дыхание и заговорил снова. – У Олега завтра день рождения, десять лет. В принципе, большой парень, к тому же, развит не по годам. – Нестеров с грустью улыбнулся. – Помнишь, ему тогда еще двух не было, в метро объявляют: «Следующая станция – «Дзержинская!» и он громко так спрашивает: «Это Феликс Эдмундович, что ли, друг Ленина?». У мужика, что напротив стоял, от удивления аж че-

люсть отвисла. – Нестеров осторожно, боясь поскользнуться, двинулся дальше. – Хочу открыться Олежке! Пусть знает: кто его отец на самом деле и запомнит меня здоровым, а не полуживым трупом с трясущимися руками и слюной изо рта. Ты согласна со мной? – спросил Сергей, хотя ответ знал заранее.

– Делай, как считаешь нужным, Сереженька, тебе виднее. Олежка – мальчик серьезный, тайны хранить умеет и никому, даже Ольге, ничего не расскажет. Только прошу тебя: не надо так мрачно. Ну зачем ты себя раньше времени хоронишь... – Люба не успела договорить, увидела, как он резко, с возмущением повернул голову, и мягко сказала. – Прости, милый, прости, это я так. Ты прав, сто раз прав: конечно, Олег должен знать, кто его отец, тем более, такой как ты. – Она немного помолчала и спросила о том, чего пока не понимала: – А в Военторг нам зачем?

– Хочу, чтобы он в форме меня увидел и запомнил на всю жизнь. А для этого нужны погоны и звезды старшего офицерского состава. Я же после выпускного вечера в Вышке форму так ни разу и не надел. Ты, кстати, не знаешь, где она? – Они уже входили в метро.

– На антресолях, в чемоданчике, в самом дальнем углу, ты ее сам туда запрятал...

– Ничего, достанем. – Настроение Сергея менялось в лучшую сторону. – Даже не представляю, что со всем этим богатством стало, столько лет все-таки прошло. Но, если ки-

тель живой, погоны и звезды надо менять с лейтенантских на подполковничьи. А вот этой важной мелочевки у меня, как раз, и нет. Вам женщинам все равно, какие там, у военных, штучки-дрючки, а Олега не проведешь. Мальчишки, они все знают и разбираются получше некоторых взрослых, – и тут он задумался. – Правда, не факт, что в армейском магазине, куда мы с тобой едем, есть комитетские погоны с васильковыми просветами, но попытка не пытка, как говорил Лаврентий Павлович Берия...

Однако, вопреки опасениям, в Центральном военном универмаге было все, и погоны старшего офицерского состава КГБ, в том числе. Когда детей уложили, Нестеров с большим трудом достал запрятанный в самый дальний угол антресолей заветный чемодан. Фуражка была целехонькая, а вот на парадный мундир и брюки без слез не взглянешь, хорошо хоть моль не съела. Любу трудности не испугали, и привести форму в порядок – отпарить, отгладить, отпороть старые и пришить новые погоны – все это она взяла на себя. Пока жена занималась обмундированием, Сергей полез в другой тайник, в библиотеку, где на самой верхней полке, которую можно достать только с большой лестницы-стремянки, за книгами хранилась коробочка с наградами. Четыре медали: две юбилейные, пятьдесят и шестьдесят лет Вооруженных сил СССР, и две за выслугу лет, или, как их официально называли, «За безупречную службу» третьей и второй степени. Еще был у него яркий, красивый нагрудный знак –

«Отличник погранвойск» первой степени. Так что вместе с белым со звездой «поплавком» за окончание Высшей школы КГБ неплохой ряд получился – смотрелось. Хлопоты с мундиром заняли необычно много времени, и больше всего измучил процесс размещения наград: руки дрожали, пальцы не слушались, медали висели с перекосом то влево, то вправо, то не выстраивались в ряд, то не совпадали по высоте. Спать легли уже в начале второго.

Когда дети пришли из школы, Люба их накормила и с превеликим трудом отправила отчаянно сопротивляющуюся Ольгу погулять во дворе, оставив Олега дома. Она усадила сына на диван в гостиной и сказала: «Сиди, жди! Папа хочет тебе на день рождения сюрприз сделать». В это время одетый в форму Нестеров, волнуясь, ждал за закрытой дверью в спальне.

Олег сидел на диване и пытался угадать, какой сюрприз можно ждать от отца: «Скорее всего, машинка! Красная, гоночная с пультом управления, я ему говорил, что такую хочу, или, может, пистолет в кобуре...». Тут он услышал странный негромкий звон, повернул голову и оцепенел. В дверях гостиной стоял офицер, очень похожий на отца, в фуражке с темно-синим околышем, парадном мундире с золотыми погонами и наградами на груди.

– Папка, это ты? – Не веря себе, тихо спросил Олег, широко распахнув от удивления и неожиданности и без того большие мамины глаза.

– Я, сынок, я, – Сергей снял фуражку и сел вполоборота рядом.

– Настоящая... – Не веря своим глазам, Олег осторожно пальчиком потрогал сукно мундира. – Пап, ты кто?

– Сам видишь – офицер. Звания различаешь?

– Конечно, две большие звезды – подполковник. Я про другое. Ты же сам говорил, и мама тоже, что ты – инженер и работаешь в Министерстве внешней торговли. Думаешь, я забыл, как мы приезжали к тебе на работу в высотное здание, и ты спускался к нам?

– Неужели помнишь?

– Конечно, пап. Мы два раза к тебе приходили. А сейчас ты – офицер и форма у тебя какая-то необычная. Ни пехотная, ни морская, ни летная...

– Правильно, сына. Потому что твой отец – офицер Комитета государственной безопасности. Знаешь, такую организацию?

– Конечно, знаю, пап, – ответил Олег с обидой: он все-таки не маленький, чтобы не знать таких вещей. – Я же фильмы про шпионов и про наших разведчиков сто раз смотрел. Про резидента несколько раз показывали, и «Мертвый сезон» тоже...

Олег, не отрываясь, смотрел на медали, висевшие на мундире, и, наконец, не выдержал – аккуратно провел ладошкой по желтым кругляшкам, как Сергей когда-то в детстве по бастиным наградам. С восхищением и надеждой, глядя на отца,

мальчик спросил:

– Папка, ты – герой?

Что-то дрогнуло внутри, с нервами было все-таки слабовато, и, чтобы скрыть навернувшиеся непрошенные слезы, Нестеров обнял сына за худенькие плечики и прижал к себе. Как ему ответить, наследнику рода Нестеровых? Сказать: «Какой я герой, сынок?» – нельзя, папка должен быть героем, он по себе это знал. А как тогда?

– Давай-ка, Олежка, начнем с начала, мне тебе много чего надо рассказать...

С этого момента Люба, стоявшая в дверях гостиной, решила оставить мужчин одних, считая, что подстраховка больному Сереже больше не понадобится, он и сам прекрасно справляется. Она вернулась на кухню и занялась хозяйством, заодно поглядывая в окно и наблюдая за Ольгой, играющей с подружками во дворе. «Как же Сергей преобразился, просто чудо какое-то! – думала она. – Лицо порозовело, глаза горят, говорит так складно, будто и не было этой проклятой больницы». Люба быстро перекрестилась и, как в храме, куда заходила каждый день после встречи с бабушкой, шепотом произнесла: «Господи! Спаси и сохрани, во имя Отца и Сына и Святого духа! Ныне и присно и во веки веков! Аминь! Помоги ему, Господи!».

Отец и сын проговорили почти час и говорили бы еще столько же, а может, и больше.

– Вот что, мои любимые, – вмешалась Люба, появившись

в гостиной. – Пора заканчивать, хватит на сегодня. Сейчас Ольга придет с гуляния и всей вашей секретности конец наступит.

– Мам, ну еще минуточку, – взмолился Олег. – Мне очень важное надо спросить.

– Ладно, что с тобой поделаешь. Спрашивай, только быстро.

– Пап, если ты работаешь в КГБ, значит ты – чекист?

– Собственно, да, – растерялся старший Нестеров. – А ты откуда про чекистов знаешь?

– Вы когда за границей были, я книжку в библиотеке нашел про Дзержинского. Там много чего написано... А мой дедушка, твой папа, тоже был чекистом?

– С чего ты взял?

– Фотографию в альбоме видел – дяденька в кителе с погонами на тебя похожий – и на обороте написано: «Сыну Сереже от отца на память».

– Да-а-а, – в недоумении протянул Сергей: «Как же это я проморгал? Ведь перед командировкой специально все архивы чистил. Ну, сынуля! Ну, чекистский внук и сын!».

– Все, хватит, – строго прервала их Люба. – Сережа, давай-ка в спальню, переодеваться!

– Пап, я с тобой! Я еще медали посмотрю...

Когда пришла Оленька, они были в полном порядке и сели за праздничный стол пить чай с тортом, который испекла мама по бабушкиному рецепту. Самый вкусный торт в мире

– «Прага»!

На следующий день Нестеровы поехали в больницу к маме Сергея, Галине Андреевне. Лечащий врач был сух и немногословен: «Вы сын? Извините, не видел вас раньше. Были? Не помню, один раз, наверное. Что сказать: состояние критическое, осталось несколько дней. Можете пройти в палату – сами увидите». Галина Андреевна лежала у окна, покрытого изморозью, на мокрых скомканных простынях, чуть прикрытая байковым одеялом. Невероятно похудевшая, ввалившиеся щеки, скомканные, перепутанные волосы, потрескавшиеся от жажды губы, закрытые глаза. Сергей несколько раз позвал маму, но понял, что она его не слышит. Хотел напоить, но руки задрожали, и он чуть не уронил стакан на кровать. Люба усадила его на стул рядом с матерью, пошла к старшей сестре, хотела сказать ей все, что она о них думает, но поняла: толку не будет. Дала денег, и тогда пришли две нянечки, поменяли постельное белье и переодели Галину Андреевну в чистую рубашку. Люба напоила свекровь и, внимательно посмотрев на Сергея, с большим трудом увела его из палаты. В коридоре они встретили лечащего врача, который, наклонившись к Любе, вполголоса сказал: «Вы больше не приводите его, он же больной совсем, а помочь ей все равно уже нельзя». Через три дня Галины Андреевны не стало. Хоронили на Востряковском кладбище в могиле, где уже не одно десятилетие покоились бабушка и дедушка Сергея по материнской линии. Народу было много, при-

шли и близкие, и дальние родственники. К Сергею подходили, говорили какие-то слова, но воспринималось все очень плохо, сказанное с опозданием достигали его сознания. Гроб опустили в могилу, он первым бросил горсть земли и, не дожидаясь конца траурной церемонии, не проронив ни слезинки, под недоуменными, осуждающими взглядами родственников, пошел к выходу. Ноги с трудом держали, Нестеров чувствовал страшную слабость и еле-еле дошел до скамеечки, стоящей в стороне от главной аллеи. Оставшись один, он с особой ясностью понял, что ушел, безвозвратно ушел самый родной человек на земле, безумно любивший его, отдавший ему все свои силы, преданность и нежность. Нестеров сидел на скамейке, покрытой ледяной коркой, упершись локтями в колени и обхватив голову руками. Не прерываясь ни на мгновение, по щекам катились слезы и падали на серый февральский снег...

Две недели спустя, когда количество принимаемых таблеток сократилось с тридцати двух до шести в день, невропатолог районной поликлиники закрыла бюллетень и выписала Нестерова на работу. Руки уже не дрожали, как прежде, головокружения почти прошли, почерк восстановился, внешне он был здоровый человек, правда, крайне измотанный и уставший.

Утром Сергей приехал в Ясенево пораньше и, оставив пальто в пустом кабинете, без звонка пошел к Шибанову – только он мог подсказать, как ему жить дальше.

– Разрешите, Петр Георгиевич!

– Сергей! Заходи, конечно, заходи! Рад тебя видеть. Присаживайся, рассказывай, – лицо Шибанова выражало самое искреннее расположение и участие, а глаза цепко сантиметр за сантиметром изучали вошедшего Нестерова. Впечатления были не из лучших: худой, изможденное, одутловатое лицо, загнанные и больные глаза.

Обманывать Георгича Нестеров не хотел и не мог, но и всей правды, в первую очередь про диагноз Серафимы Самраковны, тоже открыть нельзя. Расскажешь, как есть на самом деле и поставишь человека перед выбором: сообщать, как положено, дальше по инстанциям или скрыть ставшие тебе известными сведения, нарушив действующий служебный порядок. Поэтому Сергей, решив все заранее, пошел по третьему пути: показал копию выписного эпикриза, и рассказал, как лежал в Институте и какой заключительный диагноз ему поставили, обмолвившись, что бывают случаи, когда энцефаломиелит переходит в рассеянный склероз. Так что, получилась – почти вся правда.

– Вот, все, Петр Георгиевич, – закончил Нестеров свой рассказ и грустно усмехнулся. – Теперь делайте со мной что хотите, отдаюсь на вашу волю.

– Кто-нибудь из наших знает, где ты лежал и что у тебя за болезнь?

– Игнатьев, он несколько раз меня навещал, – сразу ответил Нестеров, совершенно забыв про короткий Сашкин ви-

зит.

– Игнатъев – это ладно, – произнес Шибанов и через секунду, решив что-то для себя, деловым тоном добавил: – Значит, так. Не думаю, чтобы у тебя напрямую спрашивали о болезни – не принято это у нас, но, если будут доставать, отвечай уклончиво, должны отвязаться. Иди к себе, доложись Фомкину, и принимай свои дела у Кирсанова. Потом поговорим.

Нестеров вышел. Времени – без двадцати девять. Работать Станислав Андреевич начинает с восьми, любит начальник в тишине помозговать над всякими проблемами, которых в большом хозяйстве отдела всегда хватает, а ситуация с Нестеровым как раз и есть одна из таких проблем. Значит, звонить надо сейчас.

– Станислав Андреевич, Шибанов! Хотел обсудить с вами одну ситуацию. Разрешите?

Начальник знал, что его доблестный заместитель – орденосец без серьезной причины никогда бы не побеспокоил, потому и включил сразу зеленый свет.

Петр Георгиевич, пока шел до кабинета руководителя, окончательно сформулировал свои предложения по Нестерову, прекрасно отдавая себе отчет, что может и не получиться, как задумал. Но попробовать все равно стоило. Точнее, Сережа Нестеров того стоил.

– День добрый, Станислав Андреевич!

– Заходи, Петр Георгиевич. – Генерал вышел из-за стола,

поздоровался, и они сели друг против друга. – Рассказывай, что у тебя?

– Нестеров вышел. Месяц лежал на обследовании в Институте нервных болезней и еще три недели дома под наблюдением врача из районной поликлиники.

– Что с ним?

– Энцефаломиелит, инфекционное заболевание центральной нервной системы. Бюллетень показал и копию документа, который ему выдали при выписке из Института. Подлинник Сергей сдал в поликлинику по месту жительства.

– Диагноз серьезный...

– Более чем, Станислав Андреевич. Да и выглядит он плохо. Судя по всему, здорово ослаб за время болезни. Думаю, если он сейчас попадет к нашим эскулапам, в своих рядах мы его больше не увидим. Выезд за границу закроют – это точно, могут вообще от оперативной работы отстранить. А работник он классный, таких специалистов, чтобы с опытом практической работы и в разведке, и в контрразведке раздва и обчелся. Жалко терять. Да и мужик настоящий, боец. В каких условиях работал в резидентуре...

– На жалость хочешь взять? – кисло улыбнулся генерал. – Бесплезно. Не хуже тебя все знаю. Лучше, говори конкретно: что предлагаешь?

– Станислав Андреевич, давайте определим Нестерова в одно из внешнеторговых объединений. Отсидится, отъестся, успокоится, в себя придет, а там видно будет.

Не отвечая сразу, генерал встал и прошел за стол, на свое обычное место. Садиться не стал, подровнял стопку документов, зачем-то тронул карандаши, стоящие в высоком стакане, и только потом сказал:

– Ладно, подумаем. Я переговорю с кадрами.

– Станислав Андреевич, лучше бы сегодня, пока...

– Петр Георгиевич, – перебил генерал, – не дави, сломаешь себе что-нибудь. Я тебе позвоню. Там в приемной дежурные с докладом, скажи: пусть заходят!

Перед обедом Шибанов вызвал Нестерова и сообщил, что руководством отдела принято решение: направить его на работу под прикрытием в одно из внешнеторговых объединений. В этой связи передачу дел прекратить и ждать вызова в кадры, где ему расскажут: куда конкретно он идет, когда, на какую должность, к кому обратиться и все остальное. Нестеров даже лицом просветлел – оставляют в отделе. Да об этом он даже мечтать не мог!

– Спасибо, Петр Георгиевич! Вы даже не представляете...

– Представляю. Подожди со «спасибо!» – Шибанов терпеть не мог все эти телячьи нежности. – Потом будешь благодарить, когда на месте окажешься. А пока никому ни слова. Понял? Очень хорошо. Тогда иди! С ребятами пообщайся, кофейку попейте. Думаю, в ближайшее время все прояснится.

Однако ни в этот, ни на следующий день известий не пришло. Наконец, раздался долгожданный звонок, и Виктор

Иванович пригласил Нестерова к себе. Кроме него в кабинете был Саня Замятин. Поздоровавшись, Виктор Иванович молча протянул Сергею заполненный бланк – направление на медкомиссию. Увидев недоумение и крайнюю растерянность на лице Нестерова, дежурно пояснил:

– Так положено. Медиков пройдешь, потом к нам.

Замятин, не поднимая головы, корпел над какими-то бумагами, но кроме него помочь Сергею было некому.

– Саш, можно тебя на минуту. Вы извините, Виктор Иванович.

– Да, ничего, ничего. Я понимаю, – не поднимая глаз, буркнул кадровик.

Замятин, наконец, дописал что-то в своих бумагах, поставил точку и они вышли в коридор.

– Саня, ты можешь объяснить: что происходит? – Нестеров опомниться не мог от случившегося. – Меня же не за границу отправляют. Какая еще к чертям собачьим медкомиссия?

– Ты не знаешь, есть такой приказ. Я тебе точно говорю.

– Слушай, ты-то хоть мне голову не морочь! Я что, первый день в разведке? Да стало бы руководство меня под крышу прятать, если б знало про медкомиссию? – Замятин молчал. – Ты-то понимаешь, что первый же врач, только посмотрев на внешность товарища Нестерова, закроет его если не навсегда, то надолго?

– Сергей! Я все понимаю, но, извини, помочь ничем не

могу. – Смотреть в глаза Саша избегал. – Есть персональное распоряжение заместителя начальника Управления. Прости, пожалуйста, мне надо идти.

Ничего непонимающий, потерявший себя Нестеров напрямик пошел к Шибанову. На счастье, он оказался один. Сергей молча положил направление на стол.

– Зачем ты мне это принес, Сергей Владимирович? – с неприязнью прозвучал вопрос. Шибанов недовольно, с раздражением смотрел ему в глаза. – Что тебе непонятно?

– Петр Георгиевич! Ну как же так? Ведь сколько людей под крышу отправляют, и ничего, а меня на медкомиссию... – горло перехватило, и он с обреченностью сказал. – Мне к врачам нельзя, они сразу все поймут...

Шибанов смотрел на повесившего голову Нестерова, за столько лет работы он искренне привязался к нему и верил в его порядочность и прямоту, чтобы ему ни говорили и в чем бы ни убеждали.

– У тебя друзья в кадрах есть?

Сергей поднял голову.

– Да, Саша Замятин.

– Вот его и благодари.

Для Нестерова это было равносильно разорвавшейся бомбе.

– Петр Георгиевич! Этого быть не может! Вас обманули. Мы же, как братья, Петр Георгиевич! Четыре года в Вышке, день и ночь вместе, ели за одним столом, мама покойная нас

кормила, спали на одной койке. Да нет, невозможно, просто невозможно. Да зачем ему это делать? Мы же, как братья... – В голосе Сергея обозначился явный надрыв, он готов был закричать на всю Вселенную.

– Я не знаю: зачем? – перебил его Шибанов. – Но, чтобы ты не мучал себя бесполезными вопросами и не искал без вины виноватых, расскажу тебе то, что ты мне не говорил. – Он вел себя как хирург, понимающий, что для спасения жизни пациенту надо пройти через боль, и боль немалую. – Врачи ставили тебе рассеянный склероз. Так? Ты понимал, что с таким диагнозом тебя комиссуют и уволят из органов. Чтобы этого не произошло, используя личные связи, сделал все, чтобы изменить диагноз на энцефаломиелит, но нам об этом ты ничего не сказал и тем самым ввел в заблуждение меня, а я, в свою очередь, Станислава Андреевича. А он лично договаривался с начальником Управления кадров по поводу твоего трудоустройства. Вскрыл факт обмана заместитель начальника Управления кадров, непосредственный куратор Замятина, основываясь на инициативном заявлении своего подчиненного. Кроме того, им также известно, что твоя мать находилась или находится в психиатрической лечебнице с опухолью мозга. Поскольку заболевание может иметь наследственный характер, а также с учетом твоего пребывания в Институте нервных болезней, Управление кадров считает необходимым, чтобы помощник начальника отдела подполковник Нестеров прошел освидетельствование

в условиях нашей, ведомственной поликлиники. – После короткой паузы Петр Георгиевич бросил в сердцах. – Скажи спасибо, что на Центральную военно-врачебную комиссию не отправили. Там бы тебя точно на пенсию сплавил. Теперь все понятно?

Нестеров смотрел на Шибанова и не видел его. Информация по клеточкам ложилась в голову, наконец, все выстроилось. О состоянии мамы знал только Саня, Коля Игнатьев был не в курсе. Значит, точно – Замятин. Но, если так, кто скажет неразумному, тупому Сергею Нестерову, что ему делать с сердцем, душой, которые не хотят, не могут принять этой правды. Как же брат может предать брата? За что? Должна быть какая-то причина. Нет, надо выяснить, понять...

Будто подслушав Нестерова, Шибанов перебил его размышления:

– Я не должен был все это рассказывать, поскольку есть серьезные опасения, что ты дров наломать можешь. А у нас с кадрами и без того теперь отношения напряженные, и сколько это еще протянется неизвестно, – заметив, что Сергей думает о чем-то своем, окликнул. – Нестеров!

– Да, Петр Георгиевич!

– Дай мне слово, что не будешь выяснять свои отношения с Замятиным! Ни лично, ни через посредников. Если встретишь, даже случайно, обойди стороной, и ни в какие разговоры не вступай. Иначе еще больше подставишь и меня,

и Станислава Андреевича, да и свое положение усугубишь. Понял меня?

Как сквозь туман-дурман, Нестеров кивнул головой.

– Разрешите идти?

– Иди, Сергей Владимирович. Пойдешь на освидетельствование, документы из Института нервных болезней возьми с собой. Поликлиника в курсе. Курировать тебя будет врач-терапевт Козлова, имя – отчество не помню, очень принципиальный товарищ. Управление кадров специально для тебя постаралось.

Прошло полгода. Нестеров находился в состоянии ни туда, ни сюда. Выезды за границу по состоянию здоровья ему закрыли, от ведения дел, связанных с работой заграничных аппаратов, отстранили, искали, но пока не находили места, где бы востребованы его способности, знания и опыт – все упиралось в состояние здоровья. Никто не хотел брать к себе больного. Каждый месяц он приходил к врачу-терапевту Козловой, которая, увидев его, всплескивала руками и, как бабы в деревне, чуть не плача, вскрикивала: «Господи! Как вы плохо выглядите!». И от этого становилось еще хуже, хоть вешайся. Как обещал начальству, кадры обходил стороной, но однажды в коридоре случайно встретил Виктора Ивановича. Постояли, поговорили о чем-то незначительном, кадровик, пользуясь случаем, пообещал не снимать вопрос трудоустройства Нестерова с контроля. Пожали, прощаясь, руки и тут Сергей не выдержал.

– Привет от меня соседу передайте!

– И хотел бы, не передам. Нет его в моем кабинете, на повышение пошел товарищ Замятин, замом по кадрам отдельного объекта, полковничья должность, между прочим. – Подумал, делая вид, что припоминает. – Давно уже ушел. Сразу, как тебя на комиссию отправили. – Кадровик посмотрел на Нестерова, проверил: правильно ли понял его собеседник, и хлопнул по плечу. – Ну, давай! Будь здоров! Держись, Сергей!

Он держался, как мог. Но получалось плохо, вернее, совсем не получалось. На работе никому не нужен, делать ничего не давали, безделье иссушало сознание и выводило из себя. Ко всему прочему, он все чаще ловил себя на мысли, что болезнь возвращается. Стал терять в весе, а куда уж там терять. Время от времени стали появляться головокружения, спал по два-три часа в сутки. И вот настал момент, когда он понял, что уходит.

В очередную бессонную ночь, глядя в потолок и прислушиваясь к себе, Сергей почти физически ощутил приближение болезни, а за ней ту грань, перешагнув которую, обратно уже никто не возвращался. «А Любочка? – огнем вспыхнуло в голове. – Замуж она больше не выйдет, я ведь ее знаю. А дети как же? Олег, Оленька? Я же сам с тринадцати лет безотцовщина, Господи, прости! Если вспомнить, что только мама покойная ни делала, чтобы я в тюрьму по малолетству не загремел, голова кругом пойдет. Как, какими труда-

ми ей это удалось, даже представить невозможно. Я же такая оторва был, на всю Хорошевку славился. Так это я на руках у мамы один был, а на Любиных маленьких плечиках двое останется. Олежке сейчас только десять, Оленьке – восемь. Стой, паразит! – оборвал он себя. – Чего это ты, как обо всем решенном рассуждаешь? А ты сам-то куда, Нестеров? Дезертируешь!? Уходишь!? Струсил, гад!? Это проще всего: сложил ручки и в гроб лег. Ты по-другому попробуй. Борись, сволочь безвольная, сопротивляйся. Живи! Пока детей на ноги не поставишь, о смерти и думать не смей». До утра он так глаз и не сомкнул, все воевал то ли сам с собой, то ли с невидимым противником по имени Смерть. Но встал с твердо принятым решением: ЖИТЬ!!!

Для начала с работы позвонил Лебединскому, он всегда ему помогал.

– Константин Леонидович, в порядке консультации...

– Сергей Владимирович, для вас круглосуточно. Слушаю.

– Понимаете, все нормальные люди, бросив курить, полнеют. Я же, наоборот, худею. Нервный стал, на людей бросаюсь. Что скажете, дорогой мой доктор?

– Ваша норма: сколько сигарет в день? – Сам Лебединский дымил, как паровоз, не меньше двух пачек в сутки.

– Десять штук, не больше.

– В три уложитесь?

Нестеров прикинул: «После завтрака, обеда и ужина!» и ответил:

– Запросто!

– Тогда дымите себе на здоровье и не нервничайте, вам вредно. А, вообще, приезжайте лучше ко мне. Я древнюю китайскую медицину осваиваю, иглоукалывание в том числе. Мы с вами всю заразу победим. Приезжайте, от чистого сердца приглашаю! Не пожалеете.

В кабинет заглянул Гена Парминов, с которым они учились в разведшколе.

– Здорово, Серега!

– Здорово, коль не шутишь! Какими судьбами?

– Тебя ищу. Говорят, без дела маешься, баклуши бьешь, а нам, понимаешь, в науке работники нужны. Старшим сотрудником пойдешь?

– Да хоть младшим.

– Для подполковника это унизительно. Только старшим.

– Согласен.

– Другого от тебя и не ждал. Тогда дуй к Виктору Ивановичу, я только что от него.

Пока шел в кадры, Нестеров вспомнил старый анекдот, как один мужик решил от безысходности повеситься. Привязал веревку с петлей к крюку, который люстру держит, поставил табуретку, встал на нее, петлю – на шею и тут увидел окурочек на шкафу, а рядом спички. Закурил, с наслаждением затянулся и подумал: «А жизнь-то налаживается!».

Назад к истокам

Для Назира Кулиева это был день прощания с Ясенево – еще месяц назад пришел запрос из Баку, звали домой. С Управлением кадров, последней инстанцией, рассчитался и теперь направлялся к центральной проходной. Впереди метров за пятьдесят увидел знакомую фигуру. Пока перебирал, кто бы это мог быть, человек скрылся за стеклянными дверями небольшого здания из желтого кирпичика. И тут он вспомнил: «Это же Нестеров! Точно, Сергей Нестеров». Пятнадцать с лишним лет прошло, а все как будто вчера было: Универсиада в Москве, Поздняков, Зитин, встречи с иранцем «Пехлеваном», перевернувшие всю его последующую жизнь.

Уже через год после окончания Универсиады его запросило Первое главное управление, потом разведшкола, и к английскому, и к фарси добавился арабский. Немного поработал в Центре, а потом на три года – в Иран. Обстановка сложная, режим жесткий, но ему все-таки проще было: натура-фактура восточного человека и фарси, как родной, выручали и помогали во всех случаях. А когда выходил в город в старых дешевых джинсах и куртке, купленной на местном рынке, местные его, вообще, за своего принимали. В целом, отработал нормально, с положительным результатом, командировка шла к концу, оставалось пару месяцев, потихонь-

ку чемоданы начали собирать. И тут, неожиданно-негаданно, вызывает резидент и ставит задачу по проведению личной встречи с агентом «Пехлеван». Заметив, как он вздрогнул от неожиданности, усмехнулся,

– Правильно, Назир. Это как раз тот самый «Пехлеван» и есть, ваш старый знакомый. Псевдоним решили не менять. – Шеф внимательно, испытующе посмотрел на него. – По согласованию с Центром введу вас в курс дела.

В семьдесят третьем, после ваших контактов с объектом и встречи «Пехлевана» с полковником Зитиным, полученную информацию оперативно перепроверили: отдельные данные нашли подтверждение, но большая часть сведений была не известна. В Москве сотрудники центрального аппарата разведки еще дважды встречались с ним, использовали различные формы и методы проверки, в том числе средства негласного контроля за поведением объекта. Все говорило об искренности его намерений. Конечно, какой-то процент, что мы имеем дело с оперативной игрой противника, оставался. Оценив все «за» и «против» с, приняли решение продолжить работу с «Пехлеваном» по его возвращению на родину. Отработали условия связи как личного, так и безличного характера. Особый упор, с учетом специфики его служебного положения и профессиональной подготовки, сделали на проведении тайниковых операций. В частности, деньги на лечение сына были переданы именно таким способом. За период сотрудничества «Пехлеван» сообщил значительный объем ин-

формации, относящийся к категории особо ценной. Связь с ним до недавнего времени поддерживал Сергей Иванович, мой заместитель, которого несколько дней назад задержали спецслужбы при проведении встречи с источником. По официальному представлению МИД Ирана позавчера он вынужден был покинуть страну. В совпадения верить не хочется, но в день его отъезда получен сигнал от «Пехлевана» – вызов на личную встречу. Что за этим стоит, неизвестно, поскольку объект не может не знать о досрочном выезде Сергея. Проработали вопрос с Центром и остановились на вашей кандидатуре. Уверены, что «Пехлеван» осведомлен о вашем пребывании в Тегеране и встреча не будет для него неожиданностью. С другой стороны, вы лично знаете источника, а это гарантия, что нам не подставят другого человека. Идите, готовьтесь. Операция должна пройти сегодня.

Они выехали почти за час до встречи, крутили по городу, используя все возможные приемы проверки – важно было убедиться в отсутствии наружного наблюдения. Несмотря на все старания, такого не оказалось, и они вышли на конечный маршрут. По сигналу напарника, стараясь не греметь дверью, он выскользнул из машины и тут же ушел в ближайший переулок, где возможность нарваться на патруль сводилась к минимуму. Прохожих почти не было – за все время, пока петлял по переулкам, всего одного и встретил. Наконец, в назначенный час вышел на место встречи – маленькую неосвещенную площадь. Справа от здания отделилась

фигура и двинулась вперед в попутном направлении. Рост, вроде, подходящий для «Пехлевана», но это еще не гарантия его действительного появления. Возможность подставы остается. Догнал, произнес условную фразу и получил заранее обусловленный ответ. Вместе свернули в переулок, прошли два дома, попутчик открыл калитку, и, наконец, появилась возможность говорить.

– Здравствуйте, уважаемый! Теперь, надеюсь, узнали меня. – «Пехлеван» первым начал разговор. – Я был уверен, что на встречу придете именно вы, и внутреннее чутье меня не обмануло.

– Здравствуйте, уважаемый! Рад, что через столько лет нам удалось встретиться, пусть даже по необходимости. Что-то случилось?

– Да. Я полагаю, что задержание Сергея и его вынужденный отъезд из страны лишь часть большой операции, задуманной нашим руководством не без иностранного участия. У меня в этой игре своя роль, большая или маленькая, пока не знаю. Но, чувствую, что кольцо сжимается. Сколько мне остается – неизвестно. С самого начала я знал, что когда-нибудь настанет этот момент. Но сейчас это уже не так страшно. С вашей помощью я смог решить проблему безопасности самых близких для меня людей: жена с сыновьями уже несколько лет живут за границей, переезжали с места на место, получили другие документы, так что моим коллегам непросто будет их достать. Сегодня послал старшему сыну

еще одно предупреждение: пусть уезжают с прежнего места, так будет лучше. К сожалению, у нас с вами очень мало времени, надо торопиться. Возьмите, – в его руке лежала пачка сигарет. – Открывайте осторожно, не засветите пленку. Там отчет по последнему заданию и то, над чем я работал все эти годы, – «Крот», о котором говорил вам еще на первой встрече в Москве, все материалы на него, что мог достать. Он теперь у вас большой человек. Наша служба имела к нему лишь касательное отношение, поэтому были такие трудности, но все-таки я нашел его. Хотя не исключаю, что мои усилия могли вызвать интерес и настороженность коллег. Однако нельзя жалеть о том, что сделано. – Он посмотрел на светящийся циферблат часов. – Извините, мы должны расстаться. Нет, нет. С собой брать ничего не буду, – он отказался от денег и контейнера с заданием. – Как только появится возможность, дам сигнал о продолжении наших встреч...

Сигнала так и не было...

Назир вынужден был прервать воспоминания – опять увидел Нестерова, который шел от стоянки машин к остановке служебных автобусов. «Ну, теперь ты от меня точно не уйдешь!» – подумал Кулиев и, соблюдая приличия, негромко окликнул и помахал рукой.

– Сергей!

Нестеров стал всматриваться, узнал, радостно улыбнулся и прибавил шагу,

– Назир! Ты?! – они подали друг другу руки и, не выдер-

жав, крепко обнялись, как старые боевые товарищи.

– Сергей, поаккуратней, раздавишь еще! – пошутил Кулиев.

– Ага, тебя раздавишь, как же. Смотри, как отъелся! Хан, самый настоящий хан! Помнишь, как ты тогда про своего начальника Гафурова говорил?

– Кто, я? Про товарища Гафурова? Никогда!!! – Назир притворно закатил глаза под небеса. – Слушай, он сейчас большой начальник, товарищ Гафуров. Аккуратней надо. Понимаешь?

– Да Бог с ним, вернее Аллах с ним, с товарищем Гафуровым! – Сергей был безумно рад встрече с Назиром. – Ты-то как здесь?

– Наверное, так же, как и ты. – Они отошли в сторону. – Через год после Универсиады меня откомандировали сюда, в Ясенево. Я так понимаю, что тогда в Москве через иранца на глаза разведке попался, и закрутилось, поехало: вызов в Центр, учеба, одна командировка, вторая. А ты как?

– Меня в семьдесят шестом в Главк взяли. Потом по той же схеме: учеба, командировка. По возвращению, через год, заболел, хотели списать, но подумали, и оставили. Теперь научную основу подвожу под нашу практическую работу.

– Вот судьба! Опера и в науку! Слушай, а чего мы тут стоим? Через час конец рабочего дня. Давай я тебя подожду, посидим где-нибудь, Универсиаду, друзей вспомним: Михалыча, Пал Ефимыча...

– Не могу, дорогой! Через пятнадцать минут – партсобрание. Я – основной выступающий. Давай завтра?

– Завтра в десять утра у меня самолет в Баку, домой возвращаюсь, багаж большой, родные встречать будут.

– Да-а, судьба-а-а, как ты говоришь, – грустно протянул Нестеров. «Может, послать это собрание? – мелькнула шальная мысль. – Да как пошлешь? Нельзя. Парторг уж очень просил, что б неформально было. Сам сколько дней готовился».

Подошел автобус, обнялись на прощание, пообещали друг другу звонить. А будут ли, еще вопрос.

Нестеров побежал в малый актовый зал на собрание, на ходу просматривая выступление, которое готовил несколько дней. Тема собрания более чем серьезная: «О деполитизации правоохранительных органов». Доклад делал заместитель секретаря парторганизации. Сам партийный вождь находился в состоянии крайней тревоги, опасаясь, что за чередой постоянно идущих собраний, одобрявших решение очередного пленума ЦК КПСС, народ равнодушно проглотит эту архиважную тему, касающуюся всех и каждого. Он просто умолял Сергея выступить нешаблонно, от сердца. Дать, если можно так выразиться, отпор ренегатам и уклонистам. Прямо как в революцию семнадцатого года! Нестеров не то, чтобы купился на его уговоры, нет, конечно. Он подозревал, что все переживания секретаря, скорее всего, объясняются установкой и беспокойством большого парткома, оза-

боченного своей собственной судьбой. Но, с другой стороны, безумно надоела вся эта говорильня, звучавшая с высоких и низких трибун! Может, колыхнуть хоть раз? Хотя эффект от выступления лично для него мог быть непредсказуемым. В парторганизации одних генералов человек двенадцать, а уж сколько твердых партийцев-ленинцев – не счесть алмазов... Таких молодых, как Нестеров, кто по состоянию здоровья или другим веским причинам в науке оказался, раз-два и обчелся. Так что, как воспримет старшее поколение его выступление, неизвестно.

Доклад был ровным, без сучка и задоринки, как учили. Слово предоставили Нестерову. Сергей вышел на трибуну, посмотрел в зал: кто газету читает, кто книжку листает, другой от детектива оторваться не может, четвертый – глаза прикрыл и отдыхает. Так, пожалуй, и мировую революцию проспшишь. Он набрал в грудь воздуха и ахнул, как в прорубь, разбудив отдельных спящих.

Товарищи коммунисты!

Когда мне предложили выступить по теме данного собрания, я оказался перед выбором: или, как это нередко бывает, отделаться общими фразами, или же высказать все, что действительно лежит на душе. Я выбрал второй путь. – Несколько человек подняли голову, посмотреть: кто ж там такой смелый? – Должен сказать, что со своих позиций вижу следую-

щие реальности сегодняшнего дня. Сначала в неофициальном, затем в официальном, а теперь и в законодательном порядке ставится вопрос о деполитизации правоохранительной системы, в том числе органов КГБ. Будем смотреть правде в глаза – исключать такого развития событий мы не можем. Что произойдет в этом случае? Видимо, мне, как и всем другим, предложат сдать или партбилет, или удостоверение сотрудника КГБ. Но я не хочу делать ни того, ни другого. И не просто не хочу, я не могу этого сделать. Я с 16 лет мечтал стать чекистом и стал им в 19, я по убеждениям своим коммунист и отстаиваю взгляды в любой аудитории, с любыми оппонентами. Отнять у меня одно или другое – это резать живьем, пополам. – Выступающий говорил резко, эмоционально, напористо и народ начал прислушиваться. – Мне кажется, что в жизни партии на современном этапе наметился застой, который надо преодолеть за счет пополнения наших рядов свежими, молодыми кадрами. Ну а где взять эти свежие силы, если идет интенсивный отток из партии, если партия теряет свою привлекательность? Может быть, мы, чекисты, в состоянии помочь возрождению партии? Ведь глядя на людей, искренне убежденных в верности социалистической идеи, любой молодой человек скажет: «Смотри, какой сильный духом, убежденный человек, интеллектуал. Если он в этой партии, значит, в этом есть смысл». – Кто-то смотрел с интересом, кто-то с неприязнью, главное – равнодушных не было. – Но если мы будем по-прежнему вариться в

своём котле, схватку за массы, а именно это происходит сейчас в нашей стране, проиграем. Пока мы сидим в своём окопе, по полю битвы спокойно расхаживают и укрепляют свои позиции монархисты, анархисты, кадеты и, как говорил мой отец – участник гражданской войны, «вся остальная недобитая белогвардейская сволочь». Нам в народ надо идти, в гущу событий. У себя мы ни анархистов, ни монархистов не найдем. У нас в коллективе лучшие, наиболее преданные сыны Отечества.

Не хочу быть пророком, но если мы в этот переходный, во многом неясный период сами не проявим инициативы и отдадим ее в чьи-то руки, то в лучшем случае очень скоро произойдет та самая деполитизация, а в худшем – польско-немецко-чехословацкий вариант – ликвидация органов государственной безопасности.

Зададимся пока чисто теоретическим вопросом: что будет, если чекисты будут стоять на партийном учете по месту жительства? Первый и, как мне кажется, самый важный ответ – коммунистами в меньшей степени мы не станем. Хотя, возможно, нас будет меньше, чем сейчас. Таким образом, нам может, удастся сохранить коммунистов-чекистов для народа, страны и партии. Я не претендую на истину в последней инстанции, но выход искать надо, а не сидеть и ждать, пока грянет гром и все развалится. Спасибо за внимание.

Он спустился со сцены и, пока шел на место, успел за-

метить растерянного парторга. Кажется, Нестеров загнул куда-то не туда. После Сергея планировалось еще четверо выступающих, но на сцену поднялся только один, последний из записавшихся. Пробубнил что-то по бумажке, после чего председательствующий предложил закрыть прения.

На выход шли вместе с Геной Парминовым.

– А ты молодец, Серега! Хорошо выступил, не в бровь, а в глаз. С чувством, с толком, с расстановкой.

– Подкальываешь, да?

– Нет, серьезно. Особенно хорошо про окоп и белогвардейскую сволочь. – Он повернул голову к Нестерову и с притворной наивностью спросил. – Если не секрет, ты кого имел в виду?

– Ты про сволочь или окоп?

– Не прикидывайся. Тебе это не идет. – Они вышли из здания, до проходной было еще прилично. – Скажи, мой друг и товарищ, кто же те самые, мягко говоря, нерешительные, что боятся вступить в схватку с недобитой белогвардейской сволочью? Кто эти трусы несчастные, укрывшиеся в окопе? Мы, что ли? Товарищи твои? – Нотки иронии исчезли. – Среди нас, между прочим, немало таких, кто без всяких громких слов, произнесенных с трибуны, не раз жизнью своей рисковал, защищая государственные интересы.

– Я имел в виду вообще... – стушевался Нестеров.

– А не надо «вообще». Лучше поименно. Чего стесняться? А то список окопников очень длинный: от членов Полит-

бюро, до нас, рядовых коммунистов. Тебя, конечно, в этом списке нет. Ты у нас – равнодушный.

– Ты еще скажи, что я повыпендриваться решил, потому и вылез на трибуну.

– Зачем мне у других хлеб отбивать, некоторые между собой примерно так и рассуждают, сам слышал.

– А чего ж эти некоторые не вышли и не сказали на собрании, что думают на самом деле? Или лучше на кухне, в кулуарах, в процессе междусобойчика? Поговорим и разойдемся. – Нестеров завелся. Он предполагал, что отдельные личности могут его неправильно понять, но чтоб подозревать в карьеризме!?! – И сколько мы так будем молчать, не знаешь? Посмотри, дорогой Геннадий Андреевич, что вокруг-то происходит! Страна бурлит, как котел: Карабах, Фергана, Тбилиси, соцлагерь на глазах разваливается, а мы каждый месяц очередное постановление пленума ЦК КПСС рассматриваем. Застрелиться можно! – Они остановились, не дойдя нескольких метров до проходной. – Я на днях прихожу домой, а сынуля меня спрашивает: «Пап, а кто такой Юрий Власов?». – «Штангист, что ли? – говорю». – «Не знаю, может, и штангист. Он на съезде выступал, по телевизору показывали, чекистов ругал, говорил, что КГБ надо с площади Дзержинского убрать. Разве можно так говорить?». А у Олега, что б ты понимал, четвертый год портрет Феликса на учебном столе стоит, и профессию себе он выбрал. Я объяснил ему, конечно, как мог, текущую ситуацию, но, сколько

таких, как Власов? Ведь дня не проходит, чтобы не появилось какой-нибудь статейки про расстрелы, что проводило НКВД, тридцать седьмой год, репрессии, зверства и пытки в подвалах Лубянки и все это, между прочим, автоматом переносится на нас с тобой, дорогой Геннадий Андреевич, и наших товарищей. А мы все молчим...

– Ну, почему молчим? Мы не молчим. Вот ты выступил, хорошо сказал. Нет, без дураков! Действительно, хорошо. Только что толку? Думаешь, кто-нибудь тебя поддержит? Фига с маслом. Мы все бойцы, солдаты партии. А это, значит, дисциплина и выполнение установок руководящих органов. И хоть ты слюной захлебнись, пока команды сверху не будет, ничего не изменится.

– Значит, всем молчать в тряпочку?

– Это кому как нравится. Можешь говорить, если нервы не жалко. – Парминов посмотрел на часы. – Пойдем, а то на автобус опоздаем.

– Я на машине...

– Все равно пошли. Или здесь будешь новый рабочий день встречать?

Молча миновали проходную, пожали руки и не в лучшем настроении и хорошем отношении друг к другу разошлись в разные стороны. По дороге на стоянку Нестеров под впечатлением разговора с Андреичем в очередной раз вспомнил свою драгоценную супругу, которая, комментируя разные возникающие с ним ситуации, всегда говорила одну и ту

же фразу: «Вечно тебе, Нестеров, больше всех надо!».

Его «Жигуль»-пикап стоял, скособочившись, – спустило заднее правое. Сергей попытался подкачать – бесполезно, воздух со свистом выходил обратно. Достал запаску, поставил, поднял пробитый баллон над багажником, нагнулся с вытянутыми вперед руками и заорал, как резаный, – страшная боль молнией пронзила позвоночник. Колесо выпало из рук и грохнулось вниз, а Сергей еле-еле разогнулся. Зараза! Старая болячка, радикулит проклятый. Он стал соображать, что делать: «Времени – девятый час, поликлиника закрыта. Вызывать «скорую» на стоянку? До проходной еще дойти надо, метров триста. Может, попробовать самому, потихонечку?». Кое-как залез в кабину, пристроился – вроде ничего, терпимо. Завел машину, тронулся и черепашьям шагом, вскрикивая и ругаясь на каждой кочке, дотащился до дома на Чистых прудах. Они переехали туда, съехавшись с тещей, после смерти в один год его мамы и Любиного папы. Ночью, уже из дома вызвали городскую «скорую» – сил не было терпеть такую боль. После осмотра пожилой врач в категоричной форме предложил госпитализацию и Нестеров, радикулитчик со стажем, согласился. Показал удостоверение и попросил отвезти его в госпиталь КГБ на Пехотную. Там его приняли дежурные врачи, накололи сильнодействующими препаратами и на каталке отправили в неврологию, куда он попал в первый раз с тем же самым диагнозом еще в семьдесят втором году, почти сразу после выпуска из Выш-

ки. Проснулся Нестеров от нестерпимой боли, попросил позвать медсестру или доктора, и через короткое время в палате появилась средних лет женщина с неярко выраженными чертами лица восточного типа. Собственно, разглядывать ее он не пытался, не до того было.

– Здравствуйте, Сергей Владимирович. – В руках несколько листочков, видимо, тех, что заполнили на него в приемном покое. – Я – ваш лечащий врач, Диляром Фархатовна. Давайте посмотрим вас. – Она говорила низким, успокаивающим, приятным на слух голосом.

С этого момента закрутилась, понеслась знакомая лечебная карусель: анализы, процедуры, таблетки, уколы. По кругу прошел всех врачей, как на диспансеризации. Недовольный жизнью, угрюмый терапевт, выяснив, что повышенное артериальное давление у него чуть ли ни с детства, вlepил гипертонию второй степени, что, впрочем, совсем не огорчало – болезнью больше, болезнью меньше: какая разница? Дней через десять радикулит стал отпускать и после завтрака Сергей впервые спустился на первый этаж, где на столике рядом с гардеробом выкладывали свежую прессу. С периодической печатью он опоздал, все смели до него. Расстроенный Нестеров, не обращая внимания на двух мужчин, сдававших в гардероб верхнюю одежду, развернулся и пошел в вестибюль к лифтам.

– Привет симулянтам! – раздалось за спиной.

Сергей обернулся. Перед ним с улыбкой хитрована и чер-

тиками в глазах, чуть улыбаясь, стоял раздавшийся в плечах, возмужавший, с ранней сединой в волосах ежиком, не теряющий ни при каких обстоятельствах чувство юмора Володя Моренов.

– Вовка! – забыв про радикулит, он бросился к нему с распростертыми объятиями.

– Фамильярничаете, товарищ Нестеров! – Слова были чужими, а в голосе слеза проскользнула. – Дай-ка я на тебя посмотрю, золотой ты наш, сто лет не видел. – Моренов раскрыл объятия и, будучи почти на голову выше, сверху вниз оглядел Сергея. – Ничего, не изменился, все такой же, но с усами. Зазнался, правда. Не звонишь, на рюмку чая, как бывало, не приглашаешь...

– Да ладно тебе, можно подумать: вам для полного счастья только меня не хватает. – Нестеров обратил внимание на спутника Моренова, лицо вроде знакомо. – Здравствуйте, мы встречались?

– А ты что, не помнишь? – Не дал ответить своему товарищу Владимир. – Это же Витя Скляренко из нашего отдела...

– Вы уже в Ясенево уходили, а я только пришел, – спокойно, не торопясь, дополнил выступление Моренова его худощавый спутник.

– Тогда понятно. – Нестеров не мог сдержать эмоций, бьющих через край. – Мужики! Как же хорошо, что я вас встретил!

– Слышь, Вить! Это он нас встретил, – с иронией париро-

вал Моренов. – Да если б я тебя не тормознул, ты бы так и усвистал к себе. Ты, кстати, где обретаешься?

– В неврологии, на третьем этаже. А вы куда? Посещений-то нет...

– В урологию, к Позднякову. Помнишь его? – Нестеров кивнул. – Молодец! Он тебя часто вспоминает. Операцию Михалычу сделали, так что к нему без очереди...

– Владимир Андреевич! – Аккуратно вступил в разговор Скляренко. – Может быть, пойдем потихоньку, по дороге и поговорим...

– Видишь, Серега! – Они направились к лифтам. – С какими интеллигентными людьми работаем. Какое обращение: «Владимир Андреевич!». Прямо душу греет, одно удовольствие! – с легкой, но явной подковыркой произнес Моренов, но и Скляренко не остался в долгу.

– Что вы, Владимир Андреевич?! А как же по-другому я должен обращаться к старшему по званию?

– Вот язва! – уже в лифте констатировал Моренов и, обращаясь к Нестерову, вроде как пожаловался: – Никогда в долгу не останется.

– Да как можно, Владимир Андреевич? Я вам всегда уступаю.

– Нет, ты видишь, Серега!?

Они продолжали легкую пикировку, пока шли по коридору, а Нестеров блаженствовал, наслаждался, слушая их, будто окунулся в прежнюю жизнь, что была пятнадцать лет на-

зад. Те же приколы, подтрунивания, розыгрыши. А за ними, если не знаешь, не увидишь совместные дела, операции, захваты с поличным, офицерские собрания в кафешках и шашлычных...

– О! Нам сюда! – Моренов ткнул в палату под номером двенадцать, приоткрыл дверь отдельного бокса и, заслонив проход своей немалой фигурой, пророкотал: – Михалыч, здорово! Мы тебе языка привели, у гардероба тепленького взяли. Увидишь, не поверишь! – и, обернувшись, дал команду. – Заводи!

– Сергей! – Даже не всматриваясь, Поздняков сразу узнал его.

Он полулежал на кровати, худой, бледный, ослабленный и постаревший. Вот только голос молодой, и звучала в нем такая неподдельная радость, что Нестеров не выдержал: с трудом, сколько позволяла больная спина, нагнулся, обнял и расцеловал в небритые щеки своего учителя и друга. Момент был, конечно, сердечный, но на этот раз не суждено было пролиться слезам радости.

– Встреча союзнических войск на Эльбе состоялась! Ура, товарищи! – голосом диктора радио времен Великой Отечественной возвестил Моренов, и Нестерову ничего не оставалось, как сдерживать эмоции и присесть на краешек кровати.

– Как вы, Юрий Михайлович?

– Нормально, держим позиции. Сам как?

Сергей посмотрел на часы.

– В двух словах не расскажешь, я лучше вечером найду, а сейчас, извините, – он запнулся и поправился. – Извини, Михалыч, пойду – на процедуры надо.

– Ну, давай, боец. – Поздняков несильно пожал ему за пястье.

– Пока, мужики! Я побежал здоровье поправлять. Рад был видеть!

– Не понял. – Володиному возмущению не было пределов, да и Скляренко недоуменно смотрел на Сергея. – А координаты? Или в разведке так шифруются, что телефончики даже старым боевым друзьям не дают?

Обменялись позывными, и Нестеров полетел по своим лечебным делам.

После ужина он пришел к Позднякову.

– Заходи, заходи, не стесняйся. – Михалыч обрадовался, будто дорогого родственника встретил. – Ты извини, встать не могу, так что бери стул, подсаживайся. Дай-ка я на тебя посмотрю, а то утром только мельком видел. – Он с интересом стал разглядывать Нестерова. – О! Усы отрастил. Для солидности? Ладно, не обижайся, это я так, для затравки. Рассказывай, как там твои зарубежные гастроли, когда вернулся, куда пропал, почему ни звонка, ни весточки?

До официального отбоя оставалось два часа и Нестеров, постепенно увлекшись, стал живописать Михалычу в разных красках перипетии своей жизни за несколько прошедших лет. Поздняков слушал, не перебивая, и только когда рассказ

был закончен, недоуменно спросил:

– Как же ты выздоровел, Сереж? Или все-таки не выздоровел?

– Сам не знаю, Михалыч. Только после той ночи, как слово себе дал, полегоньку, по капле, шаг за шагом стал выкарабкиваться и дошел до жизни такой, что пью, курю и делаю все остальные безобразия в тех же объемах и количествах, что и пятнадцать лет назад. А еще бегаю, прыгаю, плаваю и в морду могу дать не слабее других...

– Так, может, и не было ничего? Врачебная ошибка, как ты говоришь, неправильный диагноз...

– Может, и так. Только что это меняет, как я смогу все это доказать?

– Да очень просто. – Поздняков оживился, даже румянец на щеках появился. – Ты же в госпитале КГБ. Врач как у тебя: нормальный мужик?

– Нормальная женщина.

– Еще лучше. Присмотрись, очаруй. Посвяти в свою непонятную историю. Может, она поспособствует тебе снять диагноз. А то знаешь: этот профессор, шеф твоей врачихи в институте, ну как его? – Михалыч защелкал пальцами от нетерпения.

– Штульман. Только он в этой истории лицо второе, главное...

– Ничего ты не понимаешь, Серега. Кто шеф, тот и главный. – Поздняков был категоричен, спорить бесполезно. –

Этот Штульман-Пульман, сионист проклятый, мог специально тебе, чекисту, смертельный диагноз впарить. Но ничего, не на тех напал, мы ему сейчас в госпитале КГБ: раз, раз!!! – Поздняков дважды ударил открытой ладонью по сжатому кулаку другой руки.

– Возьмем винтовки новые, на штык флажки! – в настроение запел Нестеров.

– Молодец! Не забыл. Тогда открой тумбочку, – Михалыч был, как прежде, молодой, веселый, энергичный. – На верхней полке белая пластмассовая непрозрачная бутылка из-под лекарств. Видишь? Тащи! И посуду бери, не из горла же «Бакы» пить, самый лучший коньяк Азербайджана. Помнишь Универсиаду, Гафурова с ребятами?

– Да ты что!?! Разве забудешь такое. – Он занес бутылку над стаканом и остановил себя. – А тебе можно, Михалыч? Все-таки после операции...

– Наливай, боец, не бойся. Мне можно. Это у врачей чего не спросишь – все нельзя, а я и без них знаю: мне теперь все можно. – Как-то диссонансом и скрытой грустью прозвучали последние слова.

Нестеров стал разливать и вспомнил встречу с Кулиевым.

– Кстати, об азербайджанцах. Я тут случайно Назира, самого молодого из них встретил...

– Это который первым с иранцем-контрразведчиком контактил? Помню его, хороший парень, толковый. Ничего он про него не знает?

– Времени не было, спросить не успел. А если бы и было, все равно он не сказал бы...

– Тоже правильно. Ну, давай! За здоровье! А за что еще в госпитале пить?

Они просидели до полуночи. Поздняков рассказал о смерти бывшего начальника отделения Короткова Бориса Михайловича, тяжело переживавшего ускорения и перестройку, охаивание органов госбезопасности и скончавшегося прямо на рабочем месте от обширного инфаркта. О реорганизации в родном Управлении и его переименовании, о том, кого, куда и кем назначили. Оказалось, что и Моренов, и Склярченко стали начальниками отделов, только последний – единственный подполковник в этой должности во всем Управлении, потому и называл Моренова с подковыркой старшим по званию. Володька же по линии борьбы с терроризмом за последние год–полтора все горячие точки прошел: Фергану, Карабах, Тбилиси, Баку. Да и Витя ему не уступит, тоже помотало, будь здоров. Сейчас в Управлении для всех лихая пора – как-никак конституцию защищают. Можно подумать, что раньше дядю Федю охраняли. В палату заглянула дежурная медсестра, принесла лекарство и непрерываемо попросила Нестерова освободить помещение. Договорились встретиться завтра, на том же месте, в тот же час.

В следующий вечер без трех минут восемь он подходил, как договаривались, к палате Михалыча.

– Вы к Позднякову, в двенадцатую? – остановила сестра. –

Его перевели. Ваша фамилия Нестеров? Вот, просили передать. – Она протянула вчетверо сложенный листок бумаги.

«Сергей! – почерк был неровный, торопливый. – Меня переводят в какой-то госпиталь Минобороны, даже названия не сказали. Сообщу потом или мужики сами узнают и тебе скажут.

Помни, что говорил тебе. Может, в пику этому еврею-профессору наши военврачи и отменят его приговор. В любом случае, попробовать стоит. А не получится, тоже не дрейфь, прорвешься, я тебя знаю.

Будь здоров, боец! Твой Ю. Поздняков».

Воплощать в жизнь совет старшего товарища оказалось не просто. Это он поначалу из-за боли разглядеть ее не смог, а на самом деле Диляром Фархатовна являла собой образец женщины несравненной восточной красоты: громадные, завораживающие, черные глаза с длинными ресницами, тонкие брови, точеные черты лица, длинные, уложенные в замысловатую прическу, иссини черные волосы, тонкая смуглая кожа, идеальная фигура. Она прекрасно знала, какое впечатление производит на мужчин, и умело пользовалась этим, но четко держала дистанцию. Ко всему прочему, Нестеров чувствовал по отношению к этой женщине то, чего быть, по идее, не может ни при каких обстоятельствах – ему казалось, что она читает его мысли, в том числе, порой, и нескромного характера, и при этом явно подсмеивается над ним. Время шло, а паровоз все стоял на запасном пути, пока

в очередной раз они ни встретились в коридоре отделения.

– Диляром Фархатовна! – Он запнулся, но докторша помогла ему.

– Сергей Владимирович, – она с улыбкой посмотрела на него, и он утонул в ее черных, бездонных, как омут, глазах. – Последние несколько дней вы хотите рассказать мне что-то очень важное для вас, но не решаетесь этого сделать. Если не возражаете, мы могли бы встретиться с вами завтра...

– Завтра суббота, выходной день, – напомнил Нестеров.

– У меня дежурство, так что жду вас в три часа дня в ординаторской, тогда и побеседуем, – красавица Востока чуть улыбнулась, повернулась и пошла, как модель по подиуму, чуть покачивая бедрами и ставя ножки в туфельках четко по одной линии.

С утра приехала Люба, привезла всяких вкусностей и, как просил, копию выписного эпикриза из Института нервных болезней. Сергей рассказал ей о предстоящем разговоре, на что незамедлительно последовала неадекватная, с его точки зрения, реакция,

– Ты смотри, не влюбись в эту Шамаханскую царицу! Вон, как глаз загорелся.

Это был навет, причем явный. В своих моральных качествах и устоях Нестеров был уверен. Почти. Потом были еще посетители, но к трем часам Сергей всех разогнал, заявив, что по распорядку после обеда – сон и ему надо отдохнуть, спина разболелась. Ровно в три, минута в минуту, он посту-

чал в ординаторскую. Доктор сидела за своим столом, заполняла бумаги – собственно, другого он и не ждал. Нестеров занял предложенное ему место и, отвечая по ходу на уточняющие вопросы, со всеми подробностями поведал историю болезни и необъяснимого выздоровления, а потом положил на стол копию выписного эпикриза. Рассказывая, он отметил, как внимательно, делая пометки в рабочем блокноте, слушала его Диляром Фархатовна и точно так же читала заключение Института нервных болезней.

– Да, Сергей Владимирович, очень интересно. С того времени заболевание как-то проявляло себя? Покачивания, дрожание рук, другие симптомы?

– Нет, ничего такого не было.

– Странно, очень странно. Сейчас конец восьмидесят девятого, прошло почти пять лет. Если первоначальный диагноз, прогрессирующий рассеянный склероз, верный, то ваше место, извините, на кладбище, а не в нашем госпитале. Но даже, если у вас острый рассеянный энцефаломиелит, все равно вы бы передо мной не сидели, такой молодой, красивый и сильный мужчина, а скорее лежали в больничной койке худой и ослабленный. Вообще вся ситуация с вами порождает массу вопросов, в том числе к качеству проведенных исследований. В частности, по-моему, пункцию спинного мозга у вас взяли нечисто, видимо, задели кровеносный сосуд, а, если покопаться, можно еще кое-что найти. Однако дело совершенно не в этом. – Она уставилась на него своими

огромными глазами. – Послушайте, вы ведь рассказали мне свою историю с определенной целью. С какой?

– Хочу, чтобы в нашем госпитале сняли диагноз, который мешает мне жить и работать. – «Помоги, красавица Востока, помоги!», – молча просил Нестеров. – Поймите, я не могу забыть, что у меня, как сказали врачи, тяжелая форма рассеянного склероза. Я устал жить под дамокловым мечом, в ожидании, что ни сегодня-завтра вернется эта зараза и жизнь моя закончится. Опять же по работе из-за диагноза, записанного в карту, на меня наложен целый ряд ограничений. То не делай, туда не ходи! Достали уже! Диляром Фархатовна! Не знаю почему, но я уверен, что только вы можете мне помочь! – Он говорил и истинно верил в свои слова.

Она задумалась, лицо стало строгим, но осталось таким же красивым.

– Сергей Владимирович! Вы верите в реальность необъяснимых с научной точки зрения явлений?

– Конечно, верю. В мире много такого, чего быть не должно, а оно есть.

– В таком случае, мне надо еще раз осмотреть вас. Пожалуйста, не беспокойтесь. Я должна быть уверена, что вы правы в своих ощущениях, а я – в своем предчувствии.

Диляром Фархатовна вышла из-за стола и встала за его спиной.

– Расслабьтесь, пожалуйста. Закройте глаза. – Она подняла руки над его головой раскрытыми ладонями вниз. – Пред-

ставьте себе голубое, переходящее в синеву небо...

Получилось не сразу, но как только у Сергея стал формироваться требуемый образ, он почувствовал, что кто-то или что-то, вопреки его воли проникает, лезет ему под черепную коробку...

– Расслабьтесь, не напрягайтесь, пожалуйста. – В голосе была просьба и легкая ирония. – Не волнуйтесь, ваши секреты мне не нужны, я только хочу помочь вам. – Глубокий, грудной голос успокаивал, и он поверил ему. – Итак, представьте небо, голубое небо, чем выше вы поднимаетесь, тем все больше и больше голубизна переходит в синеву. – Его вели по этому пути, и он шел, не сопротивляясь. – Хорошо, очень хорошо. – Ему казалось, что прошло всего несколько секунд, хотя на самом деле – десятки минут. – Теперь встаньте.

Она отодвинула стул, стоящий между ними, и через мгновение Нестеров почувствовал внутреннее тепло, перекачиваемое волной сверху вниз и снизу вверх. Итак, несколько раз. Потом Диляром Фархатовна оказалась перед ним, вытянула вперед руки – расстояние между раскрытыми, поднятыми вертикально вверх ладонями и его телом составляло не больше пяти-семи сантиметров. Медленно руки стали опускаться, и краем глаза Сергей заметил исходящее от ладоней голубое свечение, почувствовал тепло, как и в предыдущий раз. Наконец, все закончилось, он перевел дыхание, втянул ноздрями воздух и почувствовал запах озона, свежескошен-

ной травы, как бывает сразу после грозы.

– Присаживайтесь, Сергей Владимирович, – ее голос был спокойный и ровный. – Вы знаете, я ничего не увидела, в коре головного мозга затемнений, новообразований нет. Внутренние органы тоже в порядке, разве что желчнокаменная болезнь, но она в самой начальной стадии. Так что, по-моему, есть все шансы побороться за вашу реабилитацию. Но для этого надо будет задержаться на несколько дней и пройти ряд дополнительных исследований, в том числе, повторим пункцию спинного мозга. Потом соберем консилиум и уже на основании полученных результатов примем решение. Согласны?

– Конечно, согласен, Диляром... – он запнулся и услышал негромкий журчащий смех.

– Не мучайтесь, зовите меня Дилора...

– Спасибо, доктор Дилора. А что это было? Что вы сейчас со мной делали?

– Я проводила обследование вашего организма, что-то похожее на рентген. Меня научила этому и еще многому другому моя бабушка по материнской линии – Муслима, прорицательница и целительница Саид Алим-хана, последнего эмира Бухары. Что, не верите? – В ее глазах мелькнули смешливые огоньки. – У вас двое детей, мальчик и девочка, мальчик старший, в детстве сильно болел, вы женаты пятнадцать лет, жена старше вас на два года... Продолжать?

Нестеров отрицательно замотал головой, не понимая, от-

куда она все это знает.

– Так что, будем проходить дополнительное обследование?

– Будем!

Консилиум собрали через десять дней. Сестра привела Нестерова на второй этаж к дверям какого-то кабинета, где его ждала доктор Дилора с историей болезни в руках.

– Держитесь, Сергей Владимирович! – Она ободряюще зажмурила глаза, но он услышал серьезное беспокойство в голосе. – Все должно быть хорошо, результаты исследований, анализы – в порядке, никаких отклонений. К тому же приехал наш главный консультант, один из ведущих специалистов в этой области...

– Кто такой, если не секрет?

– Доктор медицинских наук, профессор Штульман Давид Рувимович, заведующий отделением в Институте, где вы лежали.

– Кто? – Нестеров ушам своим не поверил. – Штульман?

Ответить Дилора не успела, пригласили войти. За длинным столом сидело несколько человек в белых халатах и среди них, ровно посередине, на царском месте знакомое лицо – Давид Рувимович Штульман. Лечащий врач зачитала некое информационное сообщение с результатами последних анализов и замолчала в ожидании вопросов. Папку с документами, где сверху лежала копия выписного эпикриза Института нервных болезней, она положила в раскрытом виде пе-

ред председательствующим. Все молчали, и тогда заговорил Штульман, быстро пробежавший бумаги.

– Здравствуйте, Сергей Владимирович! – На губах приветливая улыбка. – Подойдите поближе. Кажется, я вас припоминаю. – «Врет, – констатировал Нестеров, – не может он меня помнить, пять лет прошло, сотни, если не тысячи, больных, да и видел он меня всего два раза». – Вы у кого наблюдались, у Шаповаловой? Очень грамотный и высококвалифицированный специалист, кандидат медицинских наук. Как чувствуете себя, Сергей Владимирович?

– Прекрасно, Давид Рувимович!

– Помните, как меня зовут? – В вопросе прозвучало настороженное недоумение.

– Конечно, разве можно вас забыть... – Получилось двусмысленно, но слово не воробей...

– Что ж, хорошо, – резко сменив интонацию, сказал Штульман.

Он вспомнил: не Нестерова, конечно. Вспомнил, как пять лет назад впервые за все годы работы уговаривала его Наташа Шаповалова, неприступная Снежная королева, изменить диагноз какому-то чекисту. А у него к этой проклятой породе всегда было и есть резко отрицательное отношение – отца, майора государственной безопасности, видную фигуру в системе ГУЛАГа, свои же, чекисты, расстреляли в тридцать девятом. Но, несмотря на это обстоятельство, он тогда почему-то пошел навстречу Наташе, хотя буквально за день до

разговора они диагностировали у Нестерова прогрессирующий рассеянный склероз. Оказывается, мало этому гэбешнику тех послаблений, что получил, все никак не успокоится. Диагноз хочет снять. Ну-ну...

– Курите?

– Как раньше, полпачки в день.

– Выпиваете?

– Не без того, конечно.

– И сколько можете выпить?

– А сколько надо? – Вопросом на вопрос с вызовом ответил Нестеров, и в той же манере продолжил. – С женщинами, Давид Рувимович, у меня тоже все в порядке.

Вопрос – ответ, вопрос – ответ. Диалог походил на словесную дуэль.

– Ну, что ж, прекрасно! – холодно резюмировал Штульман. – Так и продолжайте. Вопросы есть, коллеги? Нет? Желаю вам всего самого хорошего! – выпроваживая неприятного ему Нестерова, он полагал, что на должном уровне завершил встречу.

– А диагноз? – вразрез с желаниями профессора задал вопрос настырный пациент.

– Что диагноз? Он вам мешает? Работаете, живете полноценной жизнью, ни в чем себе не отказываете. Чего вам не хватает?

– Работы, обычной, нормальной оперативной работы, – заметив, как недоуменно полезли вверх тонкие, по-женски

красивые профессорские брови, Сергей продолжил свою мысль. – Вряд ли это что-то для вас значит, но я все-таки постараюсь объяснить. Поймите, меня учили совершенно другим вещам, и я считаюсь высококлассным специалистом, оперативником, умеющим работать с людьми в первую очередь. Но сейчас, в силу поставленного мне диагноза, я отдаю себя на тысячные доли от того, что могу дать на самом деле. Мое место не за столом научных изысканий, а в поле, как говорят в разведке. Мне не с бумагами возиться, а с людьми надо работать, в бою быть, в напряжении. Иначе я – не человек, а так: серединка на половинку. Понимаете меня?

– Нет, не понимаю, – злым, ледяным тоном ответил Штульман. – Более того, считаю, что в первую очередь вы сами не понимаете и не осознаете своего положения. – Давид Рувимович находился в образе профессора, полномочного представителя ведущего научно-практического медицинского учреждения Советского Союза, которое не имеет права на ошибку. Отделить в этом образе личное от профессионального не смог бы никто. – Слушайте меня внимательно! Ваше тяжелое, повторяю, тяжелое заболевание имеет крайне непредсказуемый характер и способность возвращаться в самых неожиданных случаях. И вы хотите, чтобы я разрешил, как вы там выражаетесь, работать в поле? Ни-когда!!! – Он назидательно поднял вверх указательный палец, а потом направил его на Сергея. – На дачу, клубнику, цветочки сажать, грядки пропалывать, там ваше поле! – Хотел

что-то добавить, но сдержал себя. – Прощайте!

Разговор был закончен. Закрылась дверь, и пропала, испарилась, как снег под солнцем, последняя надежда. Сергей понимал, что приговор этого консилиума не отменит никто. Он почувствовал чье-то присутствие за спиной и обернулся – незабвенная Диляром Фархатовна, подарившая надежду. Как же он ненавидел ее в этот момент!

– Сергей Владимирович, не расстраивайтесь, прошу вас. Штульман явно перестраховывается и отстаивает честь мундира. И еще, – она говорила медленно, будто общалась в это время с кем-то другим, – у него есть личные мотивы для неприязни к вам. Пока не понимаю, каким образом, но это связано с его отцом...

Нестеров смотрел на нее злыми глазами и думал: «Пропави ты пропадом, Шамаханская царица, вместе со всей своей чертовщиной!». Но ведь не скажешь, все-таки культурный, воспитанный человек, офицер, в конце концов.

– Спасибо вам, в любом случае, хотя бы за попытку. – Сергей безумно устал, и душа затосковала, запросилась домой. – Скажите, я могу рассчитывать на выписку завтра?

– Да, безусловно. Документы подготовят к тринадцати часам. Меня не будет, так что я вынуждена попрощаться сегодня, прямо сейчас, но мы еще встретимся, придет такое время. Вас ждут изменения в жизни, недолго осталось ждать. Все будет не так, как вы хотите, но лучше, чем можете себе представить сейчас. Еще раз прошу: не расстраивайтесь.

Всего вам самого доброго, Сергей!

Она заглянула Нестерову в глаза, прикоснулась к руке и пошла по коридору, но, сделав два шага, обернулась и вполголоса совершенно серьезно спросила:

– Разве я похожа на Шамаханскую царицу? – И, размышляя, недоуменно заметила: – Она же старая и злая.

Первое время Сергей жалел, что пошел на поводу у Михалыча и затеял всю эту медицинскую историю, а потом смирился. Как в народе говорится, за что боролся, на то и напоролся – теперь в медкарте по гроб жизни черная метка стоять будет. Мужики из контрразведки тоже куда-то пропали, позвонил пару раз Моренову и Склярченко – один в командировке, другой на совещании, а потом желание звонить пропало. Недели через две в трубке раздался до боли знакомый голос.

– Владимирыч, здорово! Узнал? Не узнал, потому и молчишь, вспоминаешь. Моренов это. О! По звуку чувствую: обрадовался. Хотя радоваться, собственно говоря, нечему. – Наступила пауза, а у Нестерова в предчувствии нехорошего замерло сердце. – Сереж, Поздняков умер. – На последнем слове голос Моренова задрожал. – Прощание завтра в морге на Пехотной в одиннадцать, хоронить будут на Кузьминском. Придешь? Тогда до завтра.

Нестеров предполагал, что народу будет много, но чтобы столько?! В зал для прощаний поместилась только половина, а остальные ждали на площадке перед моргом. На клад-

бище поехали тремя большими набитыми под завязку автобусами, не считая катафалка с родственниками. Венки, цветы, рота почетного караула, прощальные речи – хоронили почетного чекиста, полковника Позднякова, и мужики плакали, не скрывая слез. Заполнить душевную пустоту, образовавшуюся с уходом Михалыча, не мог никто. А еще говорят, незаменимых нет!?! Врут, гады! Поминальный стол накрыли в небольшой столовой недалеко от его дома на Щелковской, и рюмку в память о покойном пришлось поднимать в три очереди с хвостиком. Володя Моренов, Витя Скляренко, Борис Сомов, Сергей Нестеров и другие ребята из отдела были в числе первых. Выпили, сказали, что надо и встали из-за стола, что б уступить место другим. Вышли на улицу, закурили, но разговор не клеился.

– Ну что, по домам или продолжим? Как-то не по-человечески получается, – неуверенно предложил Дима Старшинов. Кто-то согласился, у кого-то нашлись другие дела, а Скляренко с Мореновым надо было возвращаться на службу.

– Сергей Владимирович! – позвал Виктор, и они отошли немного в сторону. – Юрий Михайлович перед смертью просил помочь вам. – Он посмотрел на Моренова, стоявшего рядом, и тот кивком головы поддержал его. – Вы как, по-прежнему наукой у себя в разведке занимаетесь, нет желания назад в Управление перебраться?

– Желание есть, – безрадостно усмехнулся Нестеров. – Только здесь, как в анекдоте про слона: «Съисть-то он

съесть, только кто ж ему дать». Кому я нужен со всеми своими болячками, и кто пустит такого «калеку» на оперативную работу?

– А это не твоя забота, – внес свою лепту Моренов. – Если согласие даешь, для начала тебя оформят переводом в аналитический отдел нашего Управления, с одной сидячей работы на другую, медицина в таком случае возражать не будет, мы прорабатывали. Ты сейчас кто?

– Старший помощник начальника отдела, подполковник.

– Нормально. Будет вакансия, с повышением пойдешь, на начальника отделения. А месяца через три тебя ко мне переведут, в отдел по борьбе с терроризмом, на какую должность пока не знаю, там видно будет. Ну что, принимаешь такую перспективу?

– О чем ты говоришь! Но как...

Моренов перебил его, нимало не заботясь о правилах вежливости,

– Детали пусть тебя не волнуют. Предложение поступило – ты согласился. На этом наши с тобой переговоры заканчиваются. Кадры между собой сами договорятся. А сейчас иди, Владимирыч, к мужикам. Помяните нашего дорогого Михалыча по-людски и за нас тоже, а нам с Виктором Александровичем в Управление надо. Так, Виктор Александрович?

– Совершенно с вами согласен, Владимир Андреевич, и спасибо большое за уважение. Недели не прошло, как мне присвоили полковника, а вы со мной уже по имени, отче-

ству...

– Язва, ты все-таки, – беззлобно констатировал Моренов, и они пошли к дежурной машине Управления.

Разговор состоялся, но его последствия стали ощутимыми только через месяц, когда Нестерова вызвал руководитель и стал рисовать заманчивые перспективы его научного будущего. Тут-то Сергей и сообразил: лед тронулся, господа присяжные заседатели! По-настоящему расстроился его уходу Гена Парминов.

– Неугомонный ты все-таки, Сергей! Чего тебе не сидится? Так хорошо вместе работали, у тебя же талант, смотри, как глубоко копаешь. Я скоро на повышение пойду, ты на мое место, через год-два полковника получишь, живи себе и в ус не дуй. Так нет! Все тебя на подвиги тянет. Шило у тебя в заднице, что ли? Хотя, может, за все твои вредные качества я и люблю тебя? Давай обнимемся, бродяга, а то когда еще свидимся.

Перед тем как покинуть Ясенево, где прошли, считай, четырнадцать лет жизни, Сергей зашел к ребятам в отдел, откуда его направляли в загранкомандировку, а потом заглянул в кадры.

– Знал, что не минуешь меня, – Виктор Иванович был один. – Заходи, Сереж. Я в курсе твоего перевода. Николай, твой кадровик, проинформировал, не поленился. Ну что, назад, в родные пенаты?

– Не совсем. В одну воду дважды не войдешь. Там все

изменилось, начиная с названия Управления и руководства, хотя люди, основной костяк, остались. А здесь мне ловить нечего. Высиживать полковника и тихо тянуть до пенсии? Сами знаете, это не для меня. А так, в буче, боевой – кипучей, все веселей.

– Что ж, каждому свое. На контору зла не удержишь?

– Да нет, что вы. Контора – это люди, в массе своей замечательные человеки, а на дерьмо, как говорит отец Александр Челноков, чего внимания обращать? Этого добра везде хватает. Хотя на один вопрос, я, сколько ни пытался, найти ответ, так и не смог.

– Ты про Замятина?

– Про него, про кого ж еще.

– Загадка века, товарищ Замятин. Хотя, по-моему, объяснить можно достаточно просто. Зависть, обыкновенная человеческая зависть! Правда, в гипермасштабе. – И видя, как вскинулся Нестеров, предупреждаясь поднял руку. – Ты подожди возражать, послушай. – И он, как давно выношенное и сто раз обдуманное, стал говорить. – Все началось после твоего возвращения из командировки, когда тебя хотели награждать медалью «За боевые заслуги». Знаю, что представление на награждение принес Фомкин, твой «друг» и «доброжелатель», а за меня тогда оставался Замятин. Как они спелись, понятия не имею, акт, можно сказать, интимного соития, но основания и у одного, и у другого были. Что Фомкина, что Замятина из первой командировки выгнали досроч-

но – одного за пьянство, другого за то, что жену ревновал и бил смертным боем со скандалами на всю вселенную, а тут ты – герой, весь в белом и с медалью на груди. Результат работы твоих личных доброжелателей известен.

– А разве так можно, когда есть решение руководства...

– Решения, положим, не было, только предложение. А можно или нельзя, определяет инструкция наградного отдела ЦК КПСС, в которой прописаны параметры кандидатуры на награждение, и составлена она таким образом, что черт ногу сломит, пока разберется. Так что было бы желание, а возможности привести это желание в соответствие с положениями данного руководящего документа – всегда найдутся, тем более, когда сходятся интересы подразделения и Управления кадров в лице их представителей.

– Понятно...

– А все дальнейшее происходило по принципу алфавита. Сказал: «А», значит, скажешь: «Б».

Когда ты вышел из больницы, Замятин был уверен, что тебя, если не комиссуют, то уж точно пошлют портянки считать в хозяйственное управление, а ты взял и вывернулся – в отделе практически остался, под крышу начали оформлять. Он же все новости о тебе от своего друга-подельника Фомкина получал. Тогда Замятин пошел к нашему начальнику отдела, давно обещавшего ему повышение в должности за достижение конкретного результата, и, проявляя принципиальность, а так же руководствуясь интересами службы, рас-

сказал всю твою реальную историю, что-то, по-моему, даже преувеличив. Тот выше – курирующему заместителю начальника управления. А тот уже самому. В итоге: скандал! Отношения руководства вашего отдела с Управлением кадров – хуже ниже, чем выше. А как результат, ты – в науке, а Замятин через год – полковник.

– Да-а-а, дела. Все сложное – гениально просто. Может, вы и правы, Виктор Иванович, – Нестеров не скрывал разочарования и горечи. – Хотя, когда в Вышке учились, никто такого развития его личности и представить не мог. Да, Бог ему судья! Спасибо вам за все, и счастливо оставаться, может, еще и встретимся. – Нестеров искренне, открыто, широко улыбнулся.

Кадровик встал, вышел из-за стола и протянул руку.

– Счастливо, Сергей Владимирович! Рад нашему с тобой знакомству, и не забывай. Удачи тебе и здоровья!

Американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

Юрий Владимирович Андропов
Председатель КГБ СССР (1967-1982 гг.)

НА ИЗЛОМЕ

Операция «Капкан»

Свободной должности начальника отделения не оказалось, да Нестеров особенно и не рассчитывал, и потому с легкой душой пошел на ступень ниже, заместителем. Два с половиной месяца отработал в информационно-аналитическом отделе и только вышел в хозяйство Моренова, как в госпиталь с язвой загремел его непосредственный начальник – Кузьмин. Первые дни пришлось тяжело. Вставал до зари и уходил за полночь, забыл, как жена, дети и драгоценная теща выглядят. Но потихоньку втянулся, вспомнил, чему учили старшие товарищи в разведке и контрразведке и пошло-поехало...

Моренов при всем желании ничем помочь Сергею не мог. На носу Коллегия КГБ по борьбе с терроризмом. Времени в обрез. Надо готовить, согласовывать материалы: доклад, выступления, решение коллегии – шутка ли, со всего Союза руководители съедутся. А, кроме того, есть вопросы, которые сам, и никто другой, решать должен. Хоть, те же отношения с людьми. Мужики в отделении встретили Нестерова, если не в штыки, то уж без особой радости, это точно. А чего он мог другого ждать? Белая кость – разведка, пришел руководить боевыми офицерами. Но ничего, обошлось. Сергей ненавязчиво дал понять товарищам, с кем они имеют дело, да и комитетский телеграф работает бесперебойно: всегда о чело-

веке можно справки навести, было бы желание...

В дверь кабинета постучали.

– Разрешите, Владимир Андреевич?

– Заходите, Сергей Владимирович! – прозвучал ответ с ехидцей. – Ты чего официоз разводишь, думаешь: зачтется? – с привычной для него подковыркой спросил начальник и продолжил в том же духе. – На снисхождение не рассчитывай, в нашем отделе в случае оперативной необходимости и повинную голову меч сечет.

– И как? Меч не затупился?

– Огрызаешься? Это хорошо. Значит, не зачерствел, человеческое еще осталось. Садись, рассказывай.

После доклада о результатах работы за месяц Моренов подвел черту.

– Ну что? По-моему, нормально. Освоился быстро, в коллектив влился, вроде, как и не уходил. С документами серьезных срывов нет, с людьми успеваешь работать. – Владимир с интересом посмотрел на своего старого товарища, вытолкнул из пачки сигарету, закурил и добавил. – А я, честно говоря, думал, зависнешь. Особенно, когда твой командир в госпитале обосновался. Теперь вижу: не зря покойный Михалыч столько сил положил, чтобы вернуть тебя к нам. Ты Пашу Зитина помнишь?

– А как же!

– Он тебя тоже не забыл, еще со времен Универсиады. Павел Ефимович сейчас в больших кадрах на генеральской

должности. Ругается, на чем свет стоит. Считает, что друзья-недрузи его специально с оперативной стези сняли, что б не зарывался очень. Тоскует по настоящей работе, но, как бывает в жизни, бодливой корове, сам понимаешь... – Моренов стряхнул пепел с сигареты и начал с другого конца. – Михалыч, хоть и послал тебя тогда на бой с мировым сионизмом, знал, что силы не равны, и победителем из этой схватки ты вряд ли выйдешь. Диагноз они не снимут, вернешься на старое место с тоской в душе и болью в сердце, и еще не дай бог пить начнешь. Поэтому он раз десять, если не больше, звонил Паше из госпиталя и мучил его до тех пор, пока они досконально не разработали и не утвердили схему твоего появления в нашем Управлении. Причем, с пониманием того, что могут сказать и как посмотрят товарищи из Ясенево на инициативу твоего перевода в контрразведку, а Медицинское управление – на изменение характера работы. Как только два почетных чекиста договорились обо всем и нужных людей подработали, Юрий Михайлович вызвал меня и Скляренко, рассказал твою историю и поставил боевую задачу по возвращению тебя в Управление и почему-то обязательно в мой отдел. Нет, чтобы к Виктору по старому профилю? А он специально даже подчеркнул: «К тебе, Володь. Найди ему у себя местечко». Почему ко мне, честно говоря, не знаю. Что-то у него свое было на уме. Ну, это так, отступление. – Моренов отмахнулся, как от назойливой мухи. – Потом Михалыч дал нам инструкции: куда и кому звонить,

что говорить, убедился, что все мы поняли правильно и отправил восвояси. А буквально через день позвонила Тамара, жена его, и сказала, что Юра умер. Оказывается, как только мы с Витей ушли, ему полегчало: повеселел, шутки стал откалывать, но недолго. Началось резкое ухудшение, он вырубился и, не приходя в сознание, скончался. – Владимир Андреевич тяжело вздохнул и, как врага ненавистного, задавил окурком в пепельнице. – Вот такое, можно сказать, последнее дело полковника Позднякова. Но не будем о грустном. – Не вставая с кресла, Моренов повернулся вправо, открыл сейф и достал формуляр – личное дело агента. – Помнишь, ты, когда в Ясенево уходил, передал мне «Саблина»?

– Ну?

– Что значит: «Ну»? Еще не запряг, чтобы «нукать». Помнишь или нет?

– Конечно, помню. На память не жалуясь.

– Вот и замечательно. Возвращаю тебе нашего дорогого «Саблина» в целости и сохранности. Агент классный, универсал с редким везением и умением оказаться в нужное время в нужном месте. Никому другому, кроме тебя, такого ценного в нашем деле человека доверить не могу. Я бы и дальше с ним работал, но дефицит времени, сам понимаешь. Так что бери, от сердца отрываю. – Он двинул папку ближе к Нестерову. – Встреча сегодня, в гостинице, в семнадцать часов. Вячеслав перед обедом звонил, какая-то важная информация есть. Было желание с тобой пойти, чтобы все чин

по чину, передать агента, как положено, но не могу, срочное указание сверху спустили. Так что давай сам, справишься, не мне тебя учить.

В пунктуальности «Саблин» себе не изменил и ровно в пять часов, минута в минуту, постучал в дверь номера. Увидев перед собой Нестерова, на секунду замешкался, но быстро справился, радостно улыбнулся и сделал шаг вперед, протягивая руку для приветствия.

– Сергей Владимирович!

– Вячеслав Сергеевич!

– Да бросьте вы! – Улыбнулся он смущенно. – Для вас я всегда Слава, Вячеслав. Надо же, какая приятная неожиданность. Теперь вы со мной будете работать? Надеюсь, Владимир Андреевич жив, здоров, с ним все в порядке?

– Все нормально. Владимир Андреевич в полном здравии и порядке, чего всем нам желает. В силу некоторых внутренних причин принято решение: дальнейшее сотрудничество продолжить в прежнем тандеме. Не возражаешь? – Скорее для проформы, чем по необходимости, спросил Нестеров.

«Саблин» прекрасно все понял и улыбнулся, а Сергей завел разговор на общие темы, чтобы нащупать контакт и восстановить прежние отношения, когда они с полуслова понимали друг друга.

– Много воды утекло с нашей последней встречи. Расскажи: как живешь, чем дышишь? Знаю: женился. Чем супруга занимается?

– Лена, жена моя, Финансовый окончила, ну и дальше пошла по этой линии, сейчас в Минфине работает. Довольно успешно, надо сказать. Заместителем начальника отдела стала, у них это величина, – в голосе Вячеслава прозвучала добродушная ирония вперемешку с гордостью за родного человечка.

– Дети?

– Сын, Родион, на следующий год в школу пойдет. А вы как, Сергей Владимирович?

– Да как? Перевели в разведку, четыре с половиной года командировки в Юго-Восточной Азии, без детей, а у нас их двое, сын и дочь. Вернулся, через год с небольшим заболел, еле выкарабкался, но выезды за рубеж закрыли. Работал в Центре, пока друзья-товарищи вместе с Владимиром Андреевичем не вытащили к себе.

– А я после университета три года переводчиком в Ливане работал, с вашими коллегами был в тесном контакте, потом Институт востоковедения, кандидатскую защитил, преподаю в университете, лекции читаю, веду семинары, дел, в принципе, хватает.

– Это хорошо, когда дел хватает. И сейчас ты, наверняка, по делу звал. Понапрасну в колокол бить да еще накануне праздников – это не в твоём стиле...

«Саблин» посмотрел на Нестерова и рассмеялся.

– Извините, Сергей Владимирович. Вспомнил, как вы почти то же самое сказали, когда я вас с работы дернул и «Ар-

хипелаг ГУЛАГ» Солженицына приташил. – «Саблин» взял небольшую паузу, собираясь с мыслями. – Дело, собственно, в следующем. В университете несколько последних дней обсуждается тема, которую можно назвать: «антидемонстрация». Речь идет об участии в завтрашнем мероприятии тех, кто выступает за ликвидацию КПСС и устранение самого Горбачева, кто против всей этой пустопорожней болтовни и за настоящую перестройку, демократию, гласность и...

– О! – перебил его Нестеров. – Слышу голос солидарности с нарождающимися демократическими силами. Ты как, с ними или сам по себе?

– Если серьезно, – он немного подумал, видимо, решая к какой категории себя отнести, – я, скорее, разделяющий их мнение, хотя и не во всем. Там тоже народ разный, есть нормальные, вменяемые люди, а есть и совершенно оголтелые личности. – Вячеслав, не отводя глаз, смотрел на Нестерова и правдивость его слов не вызвала сомнений. – До меня дошли только обрывки сегодняшнего разговора между двумя преподавателями, так что полной информации не имею, но и того, что слышал, кажется достаточным для понимания серьезности момента. – Сидя в кресле, он подал корпус вперед, акцентируя внимание своего собеседника. – Исключительно из единомышленников формируется колонна демонстрантов для прохождения по Красной площади. По замыслу, когда они окажутся напротив Мавзолея, где на трибуне стоят руководители партии и правительства, будет проведе-

на акция протеста. Что она собой предполагает мне не известно, но настораживает вот что. Они не исключают резкой ответной реакции правоохранительных органов на свои действия, включая аресты, содержание под стражей с последующим судебным преследованием, потому эти два преподавателя и решили не идти на демонстрацию. А если это так, значит, действия лиц, принимающих участие в акции, будут иметь если не криминальный, то антиобщественный характер. Или я не прав?

Нестеров задумался и ответил не сразу.

– Да нет, в твоих рассуждениях есть рациональное зерно, особенно в части реакции органов, обеспечивающих безопасность. – Сергей вспомнил, как в конце шестидесятых–начале семидесятых их жестко инструктировали перед проведением праздничных мероприятий на Красной площади, делая особый упор на пресечение попыток покушения на жизнь руководителей партии и правительства. – Только знаешь, твоя информация носит настолько общий характер, что понять и оценить ее достоверность и ценность для меня лично крайне сложно. Сам пойми: ни формы проведения акции протеста, ни имен, ни целей, ни задач – ничего нет, не за что зацепиться, чтобы проверить серьезность сообщенных тобой сведений.

– Понимаю, Сергей Владимирович. Но вы, надеюсь, не думаете, что я должен был оставить без внимания то, что услышал? Тем более что демонстрация состоится завтра утром.

– Ни в коем случае.

– Тогда с моей стороны такое предложение: я попытаюсь войти в состав участников этой антидемонстрации. – Сергей удивленно поднял брови, и Вячеслав пояснил. – Они собираются у памятника Горькому на площади Белорусского вокзала, вот с ними я и пойду. В вашем голосе отчетливо слышатся нотки сомнения в серьезности моего сообщения, а для меня это, знаете ли, вопрос престижа – интуиция подсказывает, что все не так просто, как может представиться. Я лучше посмотрю на них изнутри и по окончании сообщу, как прошло мероприятие. Да мало ли что...

Губить инициативу – последнее дело. Поэтому Нестеров, заступающий первого мая на дежурство по отделу, наказал звонить ему при любых развитиях ситуации.

Пока шел на работу, Сергей, чертыхаясь про себя, оценивал информацию, которую принес Вячеслав. Безусловно, сигнал серьезный, поскольку за формулировкой «акция протеста» может скрываться все, что угодно, вплоть до угрозы жизни и здоровья первым лицам государства, которые, как всегда на Первомай, будут стоять на трибуне Мавзолея и ручками, так сказать, приветствовать празднично настроенных трудящихся и славных представителей советской интеллигенции. С позиции террориста, они – открытые мишени для поражения. Хотя ждать таких действий от современных демократов – это, кажется, на грани фантастики. Ну, а если? Может быть такое, что некто захочет использовать сложив-

шуюся ситуацию в своих целях и интересах и написать произошедшее на представителей демократического движения? Может. Но, с другой стороны, в сообщении агента нет никакой конкретики: ни имен, ни фамилий – ничего, что помогло бы раскрутить эту тему. Опять же цейтнот: времени, чтобы хоть что-то прояснить, нет – демонстрация завтра утром... Короче, сигнал «Саблина» относится к той категории, про которую говорят: лучше б его не было. Хорошо хоть шефом сейчас Моренов, а не покойный Коротков, который выгнал бы вашей любого с таким агентурным сообщением.

Выслушав Нестерова, Владимир Андреевич, по привычке взъерошив волосы на затылке, откинулся на спинку кресла.

– Был бы кто другой, а не «Саблин», послал бы далеко и надолго, но у нашего Славика нюх на всякие неприятности. – Тяжело вздохнул и тихим голосом, как бы для себя, сказал. – Проигнорируешь такое сообщение, а потом тебя проигнорируют четыре раза, причем с извращениями и особой жестокостью. – И уже громче, приняв решение, заявил: – А мы сейчас подстрахуемся! – Он набрал заместителя начальника Управления. – Георгий Вадимович, еще раз Моренов. У меня сейчас Нестеров, новый замнач отделения, пришел со встречи с нашим надежным проверенным агентом, говорит, что готовится акция протеста во время демонстрации. Есть какая-то информация по участию, как говорится, истинных демократических сил в завтрашнем мероприятии на Красной площади?

В течение минуты–полторы начальник отдела молча, не перебивая, слушал разъяснения заместителя начальника Управления, потом устало вздохнул и сказал:

– Понял, Георгий Вадимович. Но мы все-таки с вашего разрешения своего человечка туда запустим. Спасибо за понимание. Сами знаете: береженого бог бережет. Счастливо.

Моренов опустил трубку и поднял глаза на Нестерова.

– По возможности близко к тексту цитирую руководство: «Решение об участии в первомайской демонстрации представителей независимых общественных сил, как считают в ЦК КПСС, отвечает необходимости расширения гласности, демократии и перестройки и согласовано на самом верху. Они пройдут отдельной колонной после завершения официальной части мероприятия. Ваш сигнал не первый, предупреждающая информация о намерении участников демонстрации использовать лозунги, граничащие с призывами к свержению существующей власти, никакой реакции в инстанциях не вызвала». – И от себя добавил. – Это становится прямо «доброй» традицией – игнорировать все наши предупреждения. – И тут же, прервав дальнейшие рассуждения на эту тему, продолжил в обычной, немного ироничной манере. – Но мы с тобой не политесы разводим и поэтому запускаем нашего «Саблина» в этот муравейник. Пусть посмотрит, а если повезет, а ему всегда везет, и окажется рядом со стрелком или бомбистом, сможет помешать покушению на жизнь руководителей нашего государства. Мужик он подготовлен-

ный и грамотный. В любом случае, его присутствие там не помешает. – Моренов посмотрел на часы и заторопился. – Все, Владимирыч, извини, давай лапу, у меня еще дел по самую макушку.

В начале одиннадцатого следующего праздничного дня позвонил «Саблин»,

– Сергей Владимирович, я на Белорусской. Не пускают меня.

– Не понял?

– А у них списки составлены, они только по ним пропускают.

– Не всех желающих?

– Не-а.

«Это уже интересно, – подумал Нестеров. – А где же демократия и почему они так закрываются?».

– Слава, перезвони минут через пять.

По оперативной связи он набрал Моренова, который хоть и не дежурил, был на месте в своем кабинете. Тот, посоветовавшись с Георгием Вадимовичем, работающим в штабе, принял такое решение: Нестеров встречается с «Саблиным», вместе с ним проходит через милицейско-комитетское оцепление вдоль улицы Горького и запускает агента непосредственно в колонну демократов. Не будет такой возможности – оба идут параллельным с демократами курсом. Во избежание возможной расшифровки в разговоры между собой не вступают.

«Саблин» ждал на углу улиц Горького и Большой Бронной у магазина «Наташа». Первая попытка просочиться в колонну демонстрантов оказалась неудачной: милиция не пропустила, а ответственных от Комитета найти не удалось. Дальше, от Пушкинской площади к Манежу, прохода по тротуарам не было, оцепление стояло насмерть. Тогда Нестеров решил попытать счастья у Моссовета и подойти к нему с тыльной стороны. Хорошо ориентируясь в районе, Сергей повел «Саблина» переулками и проходными дворами. Идти было недалеко, тем не менее их трижды останавливали и проверяли документы милицейско-войсковые мобильные патрули – во всех случаях выручало комитетское удостоверение Нестерова.

По дороге «Саблин» рассказал, что отличительная особенность интересующей их колонны демонстрантов – мрачная решительность. Лозунгов и транспарантов нет, хотя что-то в свернуто-скрученном виде несут с собой, песен не поют, на баяне не играют, оркестра тоже нет – такая тихая, сосредоточенная, целеустремленная масса людей в несколько тысяч человек.

Подойдя к арке ворот у Моссовета, Нестеров через милицейского майора штабного вида вызвал к себе старшего от КГБ, официально представился и объяснил стоящую перед ним задачу. Тот взял его удостоверение и по рации связался с оперативным штабом, доложил обстановку, через небольшую паузу выслушал ответ и дал разрешение на встраива-

ние в проходящую колонну демонстрантов. Лавируя между людьми, Нестеров и «Саблин» оказались среди веселых, подвыпивших работников пятого домостроительного комбината, идущих под красными флагами с песнями и оркестром. Немного дальше, параллельным курсом, взявшись за руки, чтобы не пропустить в свои ряды чужих, шли демократы. Перед входом на Красную площадь, как по команде, они сцепились локтями, а над головами появились неизвестно откуда взявшиеся транспаранты: «Долой Ленина!», «Долой Горбачева!», «Нет КПСС!». Всех лозунгов Нестеров прочитать не успел, поскольку обратил внимание, как, заметив движущуюся колонну, начали переговариваться между собой Горбачев и стоявшие рядом на трибуне Мавзолея партийные и государственные деятели. А демонстранты, разделяемые на потоки шеренгами сотрудников госбезопасности в штатском, от Исторического музея шли по площади дальше. Уже перед самым Мавзолеем представители «независимых общественных сил» остановились. В центре многотысячной массы раздался то ли крик, то ли команда, и люди, как единое, отрепетированное целое, начали скандировать: «Долой КПСС!», «Долой КГБ!». И с каждой секундой их голоса звучали все громче и громче – это была сила, хорошо организованная сила. А Горбачев засуетился, стал размахивать руками, что-то говоря находившимся рядом с ним соратникам. «Ну, что же ты!? Чего молчишь!? – в отчаянии думал Сергей, глядя на все происходящее. – Перед тобой микрофоны,

поговори с людьми, узнай, чего хотят. Ты же любишь это дело – поговорить. Не хочешь, тогда у тебя под рукой сотни чекистов на площади, не считая милицию и солдат кремлевского полка. Одно слово – и через пять минут площадь будет чистой. Только не стой, как истукан, делай хоть что-нибудь. НУ!?!». И вдруг, к стыду и ужасу, Нестеров увидел, как шеренга людей, одетых по кремлевской моде в шляпы и плащи с красными бантами в петлицах, повернулась и стала спускаться с трибуны Мавзолея. И среди них, чуть суетясь, Генеральный секретарь ЦК КПСС. Это было бегство, трусость. Толпа засвистела, заулюлюкала: «Позор!», «Долой Горбачева!», «Катись колбаской по Малой Спасской!». Трибуна опустела, и только что скандировавшие, возбужденные люди, радостно переговариваясь, победителями пошли вниз к Кремлевской набережной мимо храма Василия Блаженного.

Ошарашенные, никак не ожидавшие такого развития событий, «Саблин» и Нестеров, не говоря ни слова, через Солянку вышли к площади Дзержинского.

– Сергей Владимирович! – Вячеслав первым нарушил молчание и с недоумением и вызовом спросил: – А где же «Коммунисты вперед!»? Как на войне, когда политрук людей в атаку поднимал?

Нестеров помолчал, а потом почти через силу произнес: – Наверное, тогда политруки были другие, да и коммунисты тоже. – А что еще он мог сказать после такого позора? –

Вот что, Слава, я думаю, тебе надо туда, к ним. Сам подумай, как это сделать, потом при встрече обсудим. Хорошо? – «Саблин» кивнул, соглашаясь. – А сейчас, разбежались, мне на работу надо.

После доклада Нестерова Моренов не стал скрывать обуревавших его эмоций.

– И что? Взяли и ушли? Им в морду плюнули, а они утерлись и пошли? Ну, это, извини за выражение, полная... Кто б другой рассказал, не поверил бы. Ладно, – Владимир взял себя в руки. – Быстренько подготовь информацию для доклада руководству, и заходи ко мне, разговор есть. Политика политикой, а работа работой. Дело интересное наклеивается.

Сергей поднялся, а Моренов потянулся за «вертушкой».

Встретились через полчаса. Начальник отдела пробежал справку и отложил ее на край стола.

– Пойдет своим чередом, через секретариат. Руководство в курсе, видимо, получили информацию из других источников. Да я и сам позвонил Серегину в Девятое управление, он все подтвердил и сказал, что они были готовы к любому развитию событий, сил и средств хватало на все возможные и невозможные сценарии. – В паузе он провел рукой по волосам на затылке. – Слушай, я чего думаю: месяц с лишним прошел, как ты в отделе, а мы с тобой по-человечески так ни разу и не поговорили. Давай-ка, устраивайся поудобней... Хотя чего, собственно, расслаживаться? – оборвал он себя. –

Сейчас мы с тобой чайку сварганим, мне Наталья бутерброды сделала. Обед не обед, а перекус нормальный будет. Надо бы, конечно, чего-нибудь посуше, но обстановка не та.

Они вышли в приемную, в шкафу у секретарши нашли электрический и заварной чайники, чашки, блюдца, конфеты и печенье. Нестеров сбегал в туалет за водой, а Моренов откопал в укромном углу небольшую скатерть и накрыл в кабинете на приставном столике. Сам сел поближе к телефонам, на всякий случай.

– Володь, – начал разговор Нестеров. – Давно спросить хотел: а чего тогда так спешно Позднякова из госпиталя забрали?

– Так его комитетские врачи два месяца держали, сначала диагноз поставить не могли, потом операцию сделали, но неудачно, ему еще хуже стало. И тогда мы его в Сокольники в госпиталь Мандрыка перевели, а время ушло, там, брат, уже четвертая степень рака...

– Что ж они, собаки, делают? Ведь не первый случай. Год назад мы Колю Степанова с нашего курса хоронили. Не знаешь его, высокий такой? Николая в госпиталь положили, жировик на шее удалять, а в результате, заражение крови и через две недели человека не стало.

– А что ты хочешь? Полы паркетные, врачи анкетные. Поэтому, если есть у кого хоть какая-то возможность, все стараются в других местах лечиться. Да чего я тебе говорю? Ты

и сам все знаешь, на себе испытал.

– На воле тоже гарантий никто не дает, хотя встречаются отдельные лучи света в темном царстве современной медицины. Как дома, Володь, Игорю сколько уже?

– Семнадцать, в этом году в институт поступать будет.

– По нашей линии пойдет?

– Да нет, он по своему складу технарь, какие-то планы строит, но пока молчит. Родители, как всегда, все узнают последними. У тебя как?

– Олегу пятнадцать, Ольге тринадцать. Я, когда пять лет назад из больницы вышел, думал, загнусь через год-два. Перспектива была реальная...

– Да, Михалыч нам рассказывал...

– Так вот. Олегу тогда десять исполнялось и на день его рождения я надел форму и по полной программе представился наследнику. Эффект, я тебе скажу, был поразительный, сам не ожидал. Он тогда так загорелся: хочу быть таким, как ты, пап. Книжки про чекистов стал читать, портрет Феликса на стол поставил. Знаешь, как я его наказывал? – С интересом глядя на Сергея, Моренов молча отхлебнул чайку. – Двойку получил, снимаем Феликса со стола, пока не исправит.

– Ну, ты – садист, Нестеров. Зачем же по хрустальной мечте ребенка бить своими грязными ручищами?

– Зато помогало. Но теперь вся эта лафа кончилась и портрет «Железного Феликса», лежит у него в ящике стола.

– А чего так?

– Насколько я понял, ребята, компания. Мне Оленька, дочь, рассказала, она же с ними крутится. «Ты что, дурак что ли? – говорят. – Дзержинский – палач и враг всех народов, а ты его портрет на стол ставишь». Олег, чтобы не спорить и в кампании остаться, прямо у них на глазах Феликса в ящик спрятал. Так что будет или не будет поступать в нашу альма-матер – это еще вопрос. Как жизнь сложится и история повернется.

– Пока, Сереж, поворачивается не в нашу сторону. – Моренов достал сигареты и предложил Нестерову, тот отказался и вытащил свои. – И откуда только вся эта мразь повылезала? Попы-расстриги, академики-диссиденты. Вон, тот же Олег Калугин. Потомственный чекист, говорят, а сволочь, по-моему, первостатейная. Ребята из Ленинградского управления такого рассказали – не поверишь. Ваш генерал, между прочим, из разведки...

– Да знаю. Мужики говорили: самый молодой генерал. За какие такие заслуги так высоко поднялся, трудно сказать, но отзывы – самые плохие. Его, собственно, в Ленинградское управление из Ясенево и сплавил...

– А колыбель революции – помойка что ли, чтоб всякое дерьмо сплавлять? Да хрен с ним, с Калугиным. Не о нем сейчас речь. Я думаю, во многом мы сами виноваты. Не мы, конечно, с тобой, ну, ты знаешь, кого я имею в виду. Вот именно те, кого я имею в виду, и развели, понимаешь, демо-

кратию, отпустили вожжи, плюрализм мнений развели, одних народных фронтов в республиках создали мерено не мерено. А если фронт, значит – война. С кем? Догадайся сам с трех раз. Правильно! С центром, с Москвой, – и дальше продолжил с едкой иронией. – Мы ведь местные кадры зажигаем, не даем развиваться национальному самосознанию и культуре, не учитываем особенности менталитета коренного населения и так далее, и тому подобное. А какая такая война без оружия? Вот, ручонки к пистолетикам и автоматикам и тянутся. Да чего я тебе все это рассказываю, ты же в информотделе, наверняка, сам все читал...

– И не только читал...

– Точно. Мне еще Дима Старшинов звонил, просил оставить тебя у него в отделе, как выдающегося писателя. Но, сам понимаешь, во-первых, договор дороже денег, а во-вторых, «такая корова нужна самому». – Он хитро улыбнулся и спросил: – Про корову не обижаешься, нет? А то, что я моложе тебя на три года, на год позже Вышку кончал и сейчас начальник отдела, а ты – заместитель начальника отделения и у меня в подчинении?

– Да брось ты, Володь! Я за своих только радуюсь, а вам благодарен, не знаю как, что вытащили меня. Сегодня на площади, может, в первый раз за последние годы человеком себя почувствовал, бойцом, как говорил наш Михалыч. Последний раз что-то подобное было в восемьдесят третьем году, когда источника из облавы вывозили, на автоматы шли.

И сегодня тоже, как в бою. Вот, ты – и вот, противник. Володя, надо было видеть их лица, глаза – сколько ненависти, злобы, когда они сцепились друг с другом и стали орать, как заведенные: «Долой КГБ!», «Долой КГБ!». Если б эти враги, а они – враги нам, это я тебе точно говорю, если б они знали, что я – чекист, живьем бы растоптали.

– Но ведь не растоптали же? – Моренов откинулся на спинку стула и прищурился. – Да кто ж подумает на тебя, что ты – офицер КГБ? Да ни в жизнь! Ну-ка, повернись в профиль – нет, не похож, разрази меня калина! Не похож!

– Прикалываешься?

– А ты волну не гони, спокойней надо. У нас работа такая. – Моренов раздраженно отодвинул свою чашку на край стола. – Думаю, с тех пор, как ты начал работать в Управлении, сумел прочувствовать и понять, что за обстановка в стране и в Москве, в частности. Город сейчас забит чеченцами, эти джигиты все под себя подмяли: гостиницы, рынки, плодоовощные базы, крупные магазины, рестораны. Нет такого места, где крутятся деньги, и не было бы чеченцев. Ведут себя нагло, развязано – хозяева жизни. И попробуй, тронь!? Что мы, что милиция – в одном положении. Они тут же бросаются жаловаться к своим высокопоставленным землякам, и в итоге: дело закрыто, а задержанные отпущены.

Раздался звонок аппарата правительственной связи, Моренов резко встал, быстро подошел к телефону и снял трубку. Услышав голос на том конце провода, заулыбался, напря-

жение спало, звонил кто-то из своих, поздравлял с праздником. Пообещав зайти через полчаса, Владимир Андреевич вернулся на место и продолжил разговор, как будто не прерывался.

– На Даниловском рынке сейчас азербайджанцы работают, цветами торгуют. Они уже где-то с год там обретаются. Создали у себя кооператив: в пригороде Баку построили теплицы, выращивают цветы, в основном, гвоздику, она лучше всего идет. Процесс у них отлажен: цветы собрали, на самолет и в Москву, на Даниловский. Цветы продали – выручку в Баку. И опять цветы в Москву, деньги в Баку – эдакий круговорот гвоздик в природе. Дело цветет и пахнет. Сначала один азербайджанец торговал, потом двое, потом трое, и попали эти ребята в поле зрения чеченцев. Те им объявили, что половину выручки они должны отдавать им. Азербайджанцы возмутились: «С какой стати?». Особенно один из них возник, молодой такой, горячий, Мурад. Этот пришел к нам в приемную на Кузнецком, рассказал все и попросил защиты. Мы, конечно, пообещали и взяли этих чеченцев в разработку. Джигиты оказались серьезными ребятами, данью обложили не только азербайджанцев на Даниловском, еще пять точек. У них и оружие было, четыре ствола Макарова. Но пока мы все это выясняли, они опять наехали на этих азербайджанцев. Лица всем набили, цветы поломали, а Мурада заложником взяли, как самого активного. Держали на квартире в Капотне, били нещадно, до потери сознания. Но он

все-таки исхитрился и позвонил нам, сообщил, что взяли его чеченцы, только адреса, где держат, не знает. Но мы квартиру установили и с группой захвата взяли чеченцев. Работали жестко, мордой в пол и в отработку этих гадов по полной. – Моренов, вспоминая, безрадостно вздохнул. – А Мурада отделали здорово: три ребра сломали, закрытая черепно-мозговая травма, пришлось парня в наш госпиталь везти. Но ничего, подштопали его...

– А чеченцы? – перебил Нестеров.

– Отпустили, по звонку из Верховного Совета. Но, может, и к лучшему. Они всем разнесли, что азербайджанцев на Даниловском крышует КГБ и те стали спокойно цветочками заниматься. К чему я тебе, как Андерсен, все это рассказываю?

– Пока не догадываюсь. Тем более что Андерсен не рассказывал, а все больше писал.

– Ехидное замечание оставляю без внимания, как придирку, и открываю тебе несведущему: пока ты на демонстрации ножками топал, я тут накоротке встретился с Мурадом, который рассказал мне вот какую вещь. – Моренову надоело сидеть, он встал и стал расхаживать по кабинету, благо площадь позволяла. Нестеров остался на стуле и крутил головой, следя за передвижением своего друга и начальника. – На него вышли дагестанцы, джигиты серьезные, злые. Ищут, у кого бы партию оружия купить? А эта тема, как ты понимаешь, наша.

Владимир Андреевич достал из сейфа тонкую папку.

– Это, друг мой, типовой план агентурно-оперативных мероприятий «Капкан», утвержденный заместителем Председателя. Читать тебе необязательно, даже вредно: зачем отягощать память дополнительной секретной информацией? А вот раскрыть тебе главный замысел операции я попросту обязан, и немного позже поймешь, почему. – Он вернул папку на место. – План «Капкан» обобщает пока небольшой, но ценный опыт по пресечению незаконного приобретения оружия преступными формированиями, в том числе представителями отдельных союзных республик, и утверждает схему проведения подобных операций с привлечением сил и средств территориальных и оперативно-технических подразделений Комитета. Сей документ, плод нашей коллективной оперативной мысли, предполагает, что при получении сигналов о появлении лиц, имеющих намерение приобрести партию огнестрельного армейского оружия, отдел по борьбе с террором в качестве «продавца» подставляет своего оперработника. Подчеркиваю: именно наш отдел и наш работник. Товарищи на местах, конечно, поддерживают, но только в деталях, а первая, вторая и десятая скрипки – все наши, как и вся ответственность, если что сорвется, тоже наша. По такой схеме мы без замечаний сработали в Ростовской и Владимирской областях: в первом случае прибалтов взяли, а во втором – чеченцев. Так вот, Серега. – Моренов прежде чем приступить к самому главному сделал паузу. – Сейчас на нашем горизонте появились потенциальные покупатели – да-

гестанцы, а «продавца» у меня нет. Семенов перешел в другое управление, а второй, кто работал на «Капкане», улетел в Сочи, подлечиться после игрушек с чеченцами. Поэтому есть предложение: назначить торговцем оружием тебя. Работашь у нас без году неделя, не засвечен, актер хороший, я твои выступления еще по Высшей школе помню, сыграть прапора, заведующего складом оружия, тебе, как нечего делать. Так что все за тебя. Правда, дагестанцы народ горячий, наверняка, вооружены, могут и жизни лишить, если что не так пойдет. В общем, решать тебе. Ты как, Сергей Владимирович?

– И не надейся, Владимир Андреевич, не откажусь! – Задетый за живое обиженный Нестеров даже привстал.

– Да я и не сомневался. Сиди, чего вскочил. Знал, что согласишься, а вопросик задал так, на всякий пожарный, для подстраховочки. – Чертики, как всегда, прыгали в глазах. – Времени на подготовку у нас неделя – они Мураду сказали, что после Дня Победы приедут. Тебе надо съездить на Даниловский, познакомиться с нашим другом и помощником – привет от меня передашь – отработать условия связи на случай появления дагестанцев и легенду: как познакомились, в каких отношениях находитесь. Телефон дашь свой. Мы за оставшееся время должны подготовить все бумаги, чтобы, как только закрутится, получить санкции руководства на проведение операции. Да! – вспомнил он. – Место? Нужно же еще место подобрать, где будет проходить все

это славное действо. – Моренов подошел к столу, стал перебирать бумаги, бормоча при этом: – Есть у меня, правда, один уголок. Куда ж ты родимый запропастился? Вот! – В руке был лист с напечатанным текстом. – Для прошлой операции подбирали, но не пригодился, а сейчас точно подойдет. Клинская область, Охтинск. Тут и адресок, где оружейные склады, и еще есть плюсик, начальник Управления – мой знакомый, так что все в масть, как говорят. – Владимир Андреевич с трудом скрывал удовлетворение. – Тогда так и порешим. А сейчас, извини, каждый из нас займется своим делом: ты – к себе, дежурить, а мне надо к соседям сходить, пообщаться, с праздником людей поздравить. – Заканчивая последнюю фразу, Моренов открыл дверцу шкафа, где стояла припасенная на особый случай бутылочка армянского коньяка.

Утром Нестеров сменился с дежурства и, не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня, поехал на Даниловский рынок. Народу было немного: люди, используя внеочередной выходной, всюю вкалывали на своих дачных сотках, закладывая будущий урожай картошки, свеклы и морковки. Немного в стороне от практически пустого овощного ряда две тетki из Подмосkовья торговали нарциссами и тюльпанчиками на тонкой ножке, а за ними трое азербайджанцев – белыми и ярко-красными гвоздиками. Мужики завлекали, зазывали покупателя, а женщины напротив – молча лузгали семечки, даже не пытаясь предлагать свой товар.

Оценив представшую картину, Сергей понял, что Мурада на сцене этого театра пока нет. Хотя, кажется, он ошибся. Из-за его спины вынырнул среднего роста молодой мужчина восточной наружности с большой длинной картонной коробкой в руках и направился напрямиком к азербайджанцам. Заувидев его, они заметно активнее стали зазывать потенциального покупателя.

– Простите, уважаемый. День добрый! Не подскажете, где найти Мурада?

Их разделяло всего каких-то пару метров, и Нестерову не составляло особого труда заметить, как человек вздрогнул и напрягся. Он остановился и медленно повернулся: на лице – дежурная восточная улыбка, а холодные, цепкие, раскосые глаза быстро бегают, изучают задавшего вопрос. Наконец, рот открылся и Сергей услышал:

– Это я, уважаемый. Чего желаете?

– Поговорить, уважаемый. Вам привет от Владимира Андреевича.

Мурад растаял, как льдинка на солнце. Широкая открытая улыбка и выражение крайнего, безграничного почтения и уважения.

– Прошу прощения! Одну минуту.

Он передал подбежавшему уже немолодому азербайджанцу коробку, сказал ему что-то и повел Сергея на задворки рынка, где стоял маленький вагончик, служивший «цветочной бригаде» временным пристанищем. Они уселись по раз-

ные стороны выдвижного столика. Мурад поставил на плитку большой чайник, достал два стаканчика-рюмки, из которых азербайджанцы пьют свой прекрасный ароматный чай. Потом появились пахлава, орешки, сухофрукты и кусковой сахар. Трудно было не понять, что Сергея принимают, как дорогого гостя. Пока готовилось угощение, Мурад говорил, не умолкая, вспоминая свое освобождение из чеченского плена. Но как только чай оказался в стаканчиках, перешел к делу.

– Они вчера появились, втроем. Идрис – здоровый такой, высокий, молчал все время. Максуд – ему лет сорок, наверное, может побольше, он у них за старшего, и Умар – молодой, худой, нервный. Подошли, разговорились, познакомились. Я думал: они насчет работы, как здесь да что...

– А почему к вам-то?

– Так, земляки...

– Какие земляки? Вы – азербайджанцы, они – дагестанцы.

– А в Москве, кто не русский, все – земляки, – улыбнулся Мурад. – Разговорились, оказалось, они тоже по торговой части, только товар им нужен особый – оружие.

– Какое?

– Пятьдесят пистолетов Макарова и сто обойм с патронами.

– Для себя или еще кого-то?

– Этого я не знаю, не спрашивал. Зачем лишние вопросы? Я сказал, что узнаю, есть у меня знакомые военные, но твер-

до обещать не могу. Максуд нормально все воспринял, договорились, что они через неделю, после девятого мая, появятся. Я, как только освободился, сразу к Владимиру Андреевичу, он сказал, что от него старый друг придет, вы, значит.

Нестеров отметил про себя, что Моренов уже тогда знал, кто будет работать в этой операции и, получается, специально для него разыграл оперетку с правом «самостоятельного» выбора решения.

– Мурад, дагестанцы из Москвы или приезжие?

– Не москвичи, это точно, по одежде видно. Сказали: из села Новопахское рядом с Чеченской республикой. Остановились, вроде, в Клинске, – он сдвинул брови, вспоминая, – хотя, может, и нет. Врать не буду, не помню точно.

– Ничего, это не страшно. – Нестеров записал для себя имена дагестанцев и подумал, что, если они выйдут через Мурада непосредственно на контакт с ним, дальше дело техники – наружка установит: где живут, что делают, что едят и пьют, чем дышат. Потому начал отработку легенды своего знакомства с хозяином цветочного бизнеса. – Давайте, будем считать, что человека, который им может продать оружие, вы нашли. Он сидит перед вами. Нашли через дальнего родственника, который живет и работает в Охтинске. Знаете такой город?

– Обижаете, я все-таки МИФИ заканчивал, практику там проходил...

– Вот и прекрасно. Меня вы тоже знаете, Нестеров Сергей.

По просьбе вашего родственника я на своей машине привожу ему в Охтинск цветы на реализацию. Что-то, как вы считаете, я от этого имею и, вообще, по вашим наблюдениям, нуждаюсь в деньгах. Вам обо мне известно следующее: квартира, семья – в Москве, служит прапорщиком в Охтинске на складах армейского вооружения и обмундирования. Когда в очередной раз я забирал цветы, вы намекнули мне, что можно хорошо заработать на том, чем я занимаюсь – есть люди, которые очень хотят купить «товар» прямо со складов. Правда, вы не объяснили, что за товар и какое количество нужно. Я не сказал ни «да», ни «нет», но телефон оставил. Записывайте! – Мурад засуетился, но быстро нашел бумажку и ручку. – Двести пятьдесят шесть, четырнадцать, восемьдесят два. Дальше, дело уже не ваше. Да! – опомнился он. – Как только они появятся – тут же звоните по этому телефону. Не будет меня, звоните напрямую Владимиру Андреевичу. Теперь, кажется, все. Спасибо за угощение. Очень вкусный чай, молодость вспомнил: как с друзьями из Баку чай с пахлавой пили. И не только чай. – Нестеров улыбнулся, вспомнив бакинцев и их восточное гостеприимство.

– Друзья остаются на всю жизнь. Друг молодости – друг до старости. – Заметив, что Сергей стал подниматься со своего места, Мурад заторопился. – Не беспокойтесь, я не подведу ни вас, ни Владимира Андреевича. Позвольте, провожу вас.

Они вышли из вагончика. Солнышко уже грело вовсю, почти по-летнему. Сбоку образовался один из торговцев цве-

тами и протянул Нестерову букет из двух красных и трех белых гвоздик, красиво завернутых в целлофан. Мурад удержал Сергея, потянувшегося во внутренний карман за деньгами.

– Прощу вас, не обижайте, уважаемый! Это наше поздравление с праздником для вас и вашей жены.

Отказаться было нельзя. «Восток – дело тонкое», – как говорил красноармеец Сухов.

Дома на лестничной площадке Нестеров столкнулся с сыном, которого видел последний месяц мельком, на бегу. Он отрастил волосы почти до плеч, на шее – платок, на ногах – сапоги, которые почему-то звали «казаки». И где он их только взял? Мать, наверное, купила – вечно она его балует.

– Куда это ты с утра пораньше в таком виде?

– Утро, отец, давно кончилось, и время, как говорили наши предки, близко к полуденю, – съехидничал Олег и, не останавливаясь, еще добавил. – А что касается моего внешнего вида? Странно, что ты только заметил, я так давно хожу.

– А волосы зачем отпустил? Модно, что ль?

– А ты хочешь, чтобы прическа только по уставу была? – Разговор явно не получался. – Извини. Если нет других вопросов, я тороплюсь, ребята ждут.

Цветы, как Сергей и предполагал, вызвали неопишуемый Любин восторг. Поставив гвоздики в вазу, она принялась кормить своего ненаглядного любимого супруга.

– Слушай, Люб! – У Нестерова не выходил из головы раз-

говор с сыном. – А чего это Олег какой-то дерганый и выглядит как стилиста задрипанный? Я с ним сейчас на площадке встретился, двух слов спокойно сказать не может – все с каким-то вызовом, гонором, как будто я у него в неоплатном долгу. «Казачки» у него откуда? Ты, что ль, купила?

Люба вспыхнула, изменилась в лице, но сдержалась.

– Я же у тебя месяц назад спрашивала: можно я мальчику сапоги куплю? Сейчас все носят, модно очень. Ты согласилась, а сейчас меня же и спрашиваешь. – Нестеров мучительно вспоминал и не мог вспомнить этот разговор. – А что касается его поведения – переходный возраст. Чего ты хочешь? Сереж, ты бы лучше выбрал время, поговорил с ним, совсем детей забросил...

– Ладно, поговорю. Только не сейчас, спать очень хочется. – Сказывалась почти бессонная ночь. В кухню с поджатыми губками и скрещенными под грудью руками вошла ненаглядная теща, и он заторопился в спальню.

На следующий день Моренов выслушал доклад Нестерова и радостно потер руки.

– Так, так. Пятьдесят Макаровых и сто обоек – это наша песня. А чего ты целку перед ними ломаешь? Надо сразу вести разговор по пистолетам и отсюда выстраивать всю линию...

– А шел бы ты лесом, товарищ полковник! – Перебил его Сергей. – Можно я как-нибудь сам буду выстраивать свою линию поведения. Где ты видел, чтобы с первых слов, да еще

через посредника, люди под статью подписывались?

Моренов понимал, что Нестеров прав, но и смолчать, уступить тоже не хотел.

– Анекдот знаешь? Идет молодая красивая дамочка. Догоняет ее эдакий фронт расфуфыренный и спрашивает: «Можно вас на минуточку?» – «А успеете за минуточку?» – «Да уж как-нибудь!» – «Как-нибудь у меня и муж может». Так что ты свое «как-нибудь» в разговоре с начальником при себе держи и объясняй все как надо. – Моренов терпеть не мог выговаривать своим подчиненным, тем более старому другу, поэтому быстро сменил тему. – Как ты говоришь зовут этих дагестанцев?

– Идрис, Максуд и Умар. – Сергей и сам теперь почувствовал неловкость ситуации. – Извини, Владимир Андреевич.

– Ладно, проехали. По сути, может, ты и прав, будущее покажет. А сейчас мы вот что сделаем. – Моренов взял справочник правительственной связи, открыл на нужной странице и стал набирать номер, одновременно поясняя свои действия. – Это начальник Клинского управления, знакомец мой хороший, мы с ним пару раз в бане парились. – На том конце провода ответили. – Николай Сергеевич, здорово! Моренов – главный борец с террором. Помнишь? Я тоже забыть не могу, хорошо тогда посидели. Дело есть, Сергеич. Мы тут трех возможных фигурантов разыскиваем – дагестанцы, известны только имена: Идрис, Максуд и Умар. Николай Сергеевич, помоги, пожалуйста. Дай команду: пусть по гостини-

цам проверят, а вдруг они у тебя? Спасибо, дорогой! Баня с меня. – Моренов положил трубку. – Шанс, конечно, мизерный, а вдруг!? Ты иди пока к себе. Если что, я позвоню.

Моренов по оперсвязи позвонил через пару часов.

– Представляешь, на мизере выиграли. Нашли красавцев – гостиница «Зуль», прямо в центре города. А хрен ее знает: почему она так называется! «Зуль» и «Зуль», нам-то какая разница. Главное, хорошая гостиница и оборудована, как надо. Сейчас наших гостей переселяют в правильный номер, а то над ними протечка образовалась. Все пока идет по плану. Главное, чтобы они у тебя образовались. Тогда, совсем хорошо будет. А пока, на всякий пожарный, мы забронировали тебе номер в Охтинске в гостинице «Юбилейная», рядом с железнодорожным вокзалом и автобусной станцией. Пусть там тебя ищут. Вроде, все пока. Работаем дальше.

Прошел День Победы и десятого мая позвонил Мурад и сообщил о прибытии долгожданных гостей, а минут через пять опять зазвонил городской телефон. Нестеров попросил ответить своего напарника по кабинету, чтобы стало понятно: здесь он не один и пускаться в откровенные разговоры ему не с руки.

– Да, слушаю! Сергея? Сейчас. Серега, возьми трубку. Тебя какой-то кавказец спрашивает.

– Алло, слушаю вас. Кто это? Максуд? Здравствуй, Максуд! Сто лет тебя не слышал и еще больше не видел. Как ты, какими судьбами? Из Афгана когда вышел? Ты где остано-

вился? Да, да, понимаю. Сегодня что, четверг? Я в понедельник в Охтинск приеду, от тебя это недалеко. После трех буду в гостинице «Юбилейная», рядом с вокзалом. Спросишь меня по фамилии. Не забыл еще? Нестеров. Тебе скажут, в каком я номере. Ну, все. До встречи!

Закончив разговор, он перевел дыхание и по оперсвязи набрал начальника отдела, доложил о звонке и состоявшемся разговоре и получил указание прибыть к нему в пятнадцать часов.

За малым столом переговоров сидели первый заместитель начальника отдела Куренков и незнакомый Нестерову мужчина. Как оказалось, заместитель начальника Оперативно-технического управления Яковлев Владимир Николаевич. Его в Комитете звали «Кулибин» за постоянные новшества и изобретения, которые он на глазах изумленной «публики» успешно внедрял в процесс оперативно-следственной деятельности.

Все, кому положено, знали, как несколько лет назад, когда генсеком ЦК КПСС еще был Черненко, сначала в одном, потом в другом, потом в третьем лифте университета появилась надпись: «Чукча 11-го года». По неизвестным причинам кто-то наверху решил, что начертанное относится и оскорбляет Константина Устиновича. Да, Черненко был одиннадцатого года рождения, похож вроде на чукчу, но ведь не чукча, а хохол. Как бы там ни было, прошла команда: злоумышленника изловить и примерно наказать. А как его поймать

– большой вопрос. И тогда Яковлев во всех лифтах, где еще не было этой надписи, поставил незаметные для пассажиров телекамеры, изображение с которых передавалось на центральный пульт в комнату милиции на первом этаже. Как он это сделал, никто не знал, аналогов в Союзе и за рубежом не было, но через два дня злоумышленника поймали. Под протокол он клялся и божился, что имел в виду заместителя декана исторического факультета, но никак не высокоуважаемого Генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко. Доказать злой умысел возмутителя университетского спокойствия не смогли, и парня, чтобы отчитаться о проделанной работе, за порчу имущества отчислили. Он уехал на родину, в Донецк, полгода болтался с одного места на другое, а потом подал документы на исторический факультет Киевского государственного университета, и комитетские не стали вставлять ему палки в колеса.

Нестеров был последним из приглашенных и Владимир Андреевич сразу открыл совещание.

– Восьмого апреля в областной центр Клинск прибыли и остановились в гостинице «Зуль» Магомадов Максуд Бекбулатович, 1954 года рождения, Ахмедов Умар Гафурович, 1962 года рождения и Керимов Идрис Зафарович, 1964 года рождения. Все жители села Новопаксское Новопаксского района Дагестанской Автономной Социалистической Республики. По учетам не проходят, у товарищей из Махачкалы материалов по указанным лицам не имеется.

Согласно поступившей информации, Магомадов, Ахмедов и Керимов прибыли с целью приобретения партии армейского огнестрельного оружия – пятьдесят пистолетов Макарова и сто обойм к ним с патронами. Принятыми УКГБ по Клинской области мерами названные жители Дагестана помещены в литерный номер, и за ними установлено наружное наблюдение. Что мы имеем на сегодняшний день? – Моренов поднял глаза и обвел взглядом участников совещания. – Слуховой контроль ничего не дал: у нас есть специалист с аварским языком, а они, по его словам, говорят на лакском, которого он не знает. Средствами визуального контроля, установленными в номере, зафиксировано, что дагестанцы на вооружении имеют холодное оружие: кинжалы, ножи. Что, собственно, вполне объяснимо: какой же горец без кинжала? – попытался он пошутить, но шутка не прошла, и он сухим деловым тоном добавил: – Может, это только начало...

По данным наружного наблюдения, за период с третьего по девятое мая дагестанцами совершено пять поездок по Калужской, Владимирской и Брянской областям. В Москве больше не появлялись. В процессе выездов они встречаются с представителями кавказской диаспоры и через них ищут выходы на военнослужащих, имеющих отношение к складам армейского вооружения. В двух случаях зафиксированы контакты с лицами названной категории, результаты переговоров нам не известны. Через возможности территориаль-

ных органов ведется установка указанных военнослужащих.

В соответствии с планом агентурно-оперативных мероприятий «Капкан», с учетом поступающей информации, приняты меры к организации личной встречи нашего оперработника, заместителя начальника отделения Нестерова, – садись, Сергей Владимирович, – с объектами заинтересованности с целью определения и конкретизации их планов и пресечения преступных действий по незаконному обороту оружия. Встреча намечена на четырнадцатое мая в Охтинске в гостинице «Юбилейная» после пятнадцати ноль-ноль. Нам необходимо намеченный контакт Нестерова с дагестанцами держать под слуховым и визуальным контролем с возможностью максимально быстрого реагирования на изменение ситуации. Нательные микрофоны исключаются, могут обыскать, а тогда мы ему мало чем сможем помочь. Что скажете, Владимир Николаевич? Успеете оборудовать номер или у вас есть другие варианты?

На протяжении всего выступления начальника отдела по борьбе с терроризмом «Кулибин» что-то рисовал у себя в блокноте и к моменту, когда прозвучал вопрос, как раз поставил большую жирную точку.

– Позвольте, Владимир Андреевич, по-одесски, вопросом на вопрос? – Хозяин кабинета только развел руками – пожалуйста, воля ваша. – Скажите, вы можете на эти дни снять два номера подряд? Ну, чтобы их разделяла только стена...

– Думаю, это не проблема...

– Тогда могу предложить такой вариант: вы сидите в своем номере на диване и по телевизору смотрите все, что происходит у вас через стенку, со звуком, естественно. Ну как? Подходит?

– Владимир Николаевич, а как же...

– Технические детали пусть вас не волнуют. Лучше скажите, подходит или нет?

– Да без вопросов. Мы в номере и штаб, и группу захвата держать можем.

– Тогда с вас задание на проведение мероприятия. Деталей, о которых я говорил, не пишите, только цели и задачи, что хотите получить.

– Михаил! – Моренов позвал своего заместителя. – Задание к семнадцати за тобой. Вместе пойдем к начальнику Управления.

– Есть, Владимир Андреевич.

– Теперь, ты, Сергей Владимирович. – Нестеров привстал, но Моренов тут же его осадил. – Да сиди ты! Чего скачешь? Основная нагрузка – на тебя. Тут недоиграть и переиграть нельзя. Поэтому давай домой, собирайся и сегодня же выезжай на своей машине в Охтинск. Выйдешь на начальника горотдела, у него все указания будут, он тебе поможет. Как выглядеть, одеться, сообразишь сам, по ситуации. За кордоном был как свой, здесь для тебя вообще не должно быть трудностей. Все понял?

– Да, Владимир Андреевич.

– Тогда вперед, боец! Смотри, оружие не забудь.

Когда дверь за Нестеровым закрылась, Яковлев недоуменно спросил Моренова:

– А у вас разве оружие на руках? У всех же отобрали...

– Нет, в нашем отделе и в отделе по борьбе с организованной преступностью по отдельному распоряжению Председателя оперсостав пистолеты в сейфах хранит. А то как нам со всей этой мразью воевать?

Дома были все, и неурочное появление главы семейства вызвало легкое волнение, но, узнав, что он здоров – просто предстоит небольшая местная командировка – спокойствие быстро воцарилось. Собирая вещи, Нестеров стал представлять себе, каким должен быть этот прапорщик, берущий подработку на стороне – надо же образ лепить, на себя примерять. Человек этот, наверняка, должен быть с запросами, потому и торгует потихоньку тем, чем заведует. А куда деваться? Деньги всем нужны. Жена, дом, дети. Сам, опять-таки, уважаемый человек, выглядеть должен прилично. Не то, что некоторые...

– Любаш! Мне в командировку нужна не новая, но приличная одежда...

– Может, в чем на дачу ездешь? – Она сразу поняла, что ему подойдет.

Люба полезла по шкафам, а он, складывая туалетные принадлежности, вспоминал: не упустил ли чего важного? «Точно, – его как озарило. – Документы прикрытия». Он взял с

собой в спальню чемодан с частью вещей, телефон и набрал Моренова – ни ответа, ни привета. Тогда перезвонил соседу по кабинету.

– Кирилл, это Сергей. Передай Владимиру Андреевичу, пусть они мне срочно удостоверение сделают от воинской части на прапорщика Нестерова Сергея Владимировича, должность какую-нибудь придумают, чтоб соответствовала, и документик затрут хорошенько, состарят. Это обязательно. Куда переслать, шеф знает, – выслушал пожелание и послал по адресу: – К черту!

Сергей обернулся: прижавшись спиной к закрытой двери, со страхом в глазах на него смотрела жена.

– Ну, ты что, глупенькая? Не волнуйся, – он обнял ее за плечи и легко прижал к себе, – обычная командировка. Недалеко, почти Подмосковье, со связью там плоховато, я сам буду звонить.

– Это опасно? – На душе у нее стало тревожно, как тогда, раньше, когда провожала его на «вечерние прогулки».

Успокоить ее он не успел, в дверь постучали.

– Родители, можно к вам?

В щелку заглянула Ольга. Хоть и было ей тринадцать лет, но выглядела она намного взрослее – вполне оформившаяся девушка.

– Пап, мам! Я все не решалась, но меня Олег убедил, что надо вам все рассказать, – глаза смотрели в пол, внезапно щеки вспыхнули и стали пунцовыми. Она подняла голову и

заговорила решительно, видимо, обдумав все заранее. – Ко мне Павел Романович пристаёт. Это наш классный руководитель, преподаватель английского, – пояснила она для отца, который был в последний раз на родительском собрании, когда она училась в пятом классе. – Сначала руки гладил или до груди вроде случайно дотронется, обнять все пытается, я увернусь, он опять пристаёт. А теперь уже второй раз оставляет меня после уроков, вроде как на дополнительные занятия, и начинает говорить, что рано или поздно я все равно узнаю мужчину, но это может быть больно и грубо, а может принести наслаждение. Поэтому лучше всего для меня, если этим мужчиной будет он, – голос девочки задрожал, а глаза наполнились слезами.

– Чего? – Нестеров, оглушенный услышанным, на мгновение потерял возможность здраво рассуждать и реально воспринимать действительность.

Он вспомнил, как в прошлом году на первое сентября случайно попал к началу торжественной линейки, проходившей на школьном дворе. Эта картинка до сих пор у него перед глазами. Галдящие школьники, торжественные родители и среди стоявших немного в сторонке учителей Павел Романович: молодой, чернявый, лет тридцати, импозантный, красующийся, играющий на публику. «И чего он только в школе делает, лось непуганый? – мелькнула тогда мысль. – Ему бы на подиум Дома моделей или в кино – любовников играть». Теперь понятно, что он в школе делает. От ярости потемне-

ло в глазах: «Убью сволочь!». Сергей рванулся и тут же его ударило: «Куда? Где ты будешь искать эту мразь? В школе? А если найдешь, что будешь делать на глазах у всех?». Желваки заходили на скулах и скрипнули зубы. Спокойным, как ему казалось, голосом он сказал дочери:

– Ни на какие дополнительные занятия больше не ходи, чтобы ни говорил и ни делал Павел Романович. Держись от него подальше. Вернусь из командировки, я с ним разберусь.

Но что-то в его тоне, то, как он сказал последнюю фразу, так напугало мать и дочь, что Люба побелела, как полотно, а слезы на Олиных глазах моментально высохли. Она выпрямила, развернула спину, подняла подбородок и произнесла совсем другим голосом, спокойным и твердым:

– Не надо пап. Если ты разрешаешь, я сама с ним разберусь. Рука у меня такая же тяжелая, как у бабушки Гали. Не волнуйся, все будет нормально. – Она поцеловала отца в обе щеки, ободряюще улыбнулась и вышла из комнаты вместе с матерью.

Время поджимало, надо было до семи попасть в Охтинск. Нестеров быстро переоделся в спальне. Напялил черные, свободного кроя брюки, в которых ездил на дачу, рубашку цвета хаки и пуловер. Темно-коричневая, в меру потертая кожаная куртка и разношенные полуботинки с запросом на недавнюю моду ждали его в прихожей. Пистолет в поясной кобуре, повертев в руках, бросил в чемоданчик. Поцеловав всех на прощанье, включая любимую тещу, Сергей заторо-

пился вниз, а на лестничной площадке осталась Люба, перекрестившая его в спину, чтоб не заметил, и прошептавшая: «Храни тебя Господь!».

Выйдя за МКАД, Сергей посмотрел на часы – без четверти пять. Скоро Володя с замом будут докладывать материалы начальнику Управления.

Генерал слушал их внимательно, ставил вопросы и доходил до самых мелочей. Наконец, выяснив все, что его интересовало, подвел итог.

– Пожалуй, все правильно, убедительно. Значит, по телевизору будете смотреть? Да-а, молодец, все-таки Яковлев, действительно Кулибин. Давайте задание, – подписал и продолжил. – Готовьте записку в Комитет. И вот что еще, согласуйте свои действия со следствием, им же по нашим материалам уголовное дело возбуждать.

– Есть, Владислав Петрович!

Куренков и Моренов, выдав предварительный звонок, отправились на встречу с начальником Следственного отдела, известным законником и казуистом.

Федор Федорович, прочитав от корки до корки материалы и узнав, что товарищи полковники хотели заручиться его согласием на возбуждение уголовного дела по статье двести восемнадцатой УК РСФСР «Незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ» совершенно категорично послал их далеко и надолго, назвав при этом прово-

каторгами и агентами царской охраны. А еще он пригрозил, что заведет на них уголовное дело за превышение служебных полномочий, пособничество и хищение оружия и боеприпасов. Никакие, даже самые разумные доводы, призывы – трезво посмотреть на сложившуюся ситуацию – к положительному результату не привели. Скорее наоборот. Федор Федорович еще больше взъярился и пообещал найти на них управу у самого Председателя. Препирались, ругались часа полтора, и, когда Куренков и Моренов после «содержательной и душевной» беседы оказались у служебной машины, часы показывали начало девятого. Возвращаться в Управление, встретиться с начальником, вести не приятные для них разговоры не хотелось, и они решили отложить до завтра – утро вечера мудренее. Встретились в половине десятого и только начали обсуждать, что будут докладывать Владиславу Петровичу, как от начальника по аппарату прямой связи раздался звонок и голос, не предвещавший ничего хорошего, попросил зайти к нему.

– Слушай, – сделал предположение Моренов, – не иначе как законник командиру пожаловался. Пошли вместе, куда деваться.

Действительность превзошла ожидания. Переступив порог кабинета, Моренов и Куренков увидели язвительно улыбающегося Федора Федоровича. «Нечего было дрыхнуть, – подумал и тот, и другой, каждый в своей интерпретации. – Теперь эта хренова зануда все перевернула с ног на голову».

– Позицию уважаемого Федора Федоровича, насколько вы информирован, вы знаете, – тоном, не терпящим возражений, начал начальник Управления и тут же задал вопрос: – Что скажете, товарищи офицеры? Владимир Андреевич?

– Владислав Петрович! – Без запинки стал отвечать Моренов. – Предполагаю, что уважаемый Федор Федорович квалифицировал наши действия как провокацию по отношению к Магомадову, Ахмедову и Керимову. – Руководитель Управления согласно кивнул. – Однако хочу заметить, что названных лиц мы еще в глаза не видели и выступить инициаторами преступления, то есть провокаторами, не могли. И потом, никто и не собирается толкать их на нарушение закона, они же сами ищут, у кого купить оружие. Но, если мы их сейчас не остановим, они без нашей подсказки найдут нужных людей, и, что будет в этом случае, можно только гадать. Мы ведь даже не знаем, сколько и чего они хотят купить. Может, полсотни пистолетов с патронами – это только так, для затравки, пробный, так сказать...

– А если дагестанцы предложат продать им оружие, ваш сотрудник согласится помочь? – перебил Моренова главный следователь КГБ.

– Посопротивляется, конечно...

– Но, в итоге, согласится?

– Конечно. А зачем встречаться, разговоры разговаривать? В чем тогда смысл всех наших действий?

– Вот! – Федор Федорович встал, ткнул пальцем в сторону

Моренова и Куренкова, и, напрягая голос, с негодованием произнес: – Тогда вы – соучастники преступления! Именно вы создаете условия для его совершения. Вы помогаете им. Вас судить надо!!!

– А вы что предлагаете? Чтобы мы бросили все и эти джигиты паслись сами по себе? Автоматы, пулеметы покупали? – завелся Моренов.

– Не знаю, что вы будете делать, у вас свое начальство есть. Только я ничего возбуждать не буду. И голос на меня попрошу не повышать! – На последнем слове Федор Федорович даже взвизгнул от возмущения и в таком состоянии повернулся к начальнику Управления. – Считаю действия ваших сотрудников преступными и грубо нарушающими принципы и нормы социалистической законности. Готов доказать это на всех уровнях, вплоть до Председателя. Желаю здравствовать!

Начальник Следственного отдела пожал руку генералу, всем остальным коротко кивнул и вышел из кабинета. Наступила неловкая тишина – приплыли, называется.

– Нестеров в Охтинске? – спросил начальник Управления.

– Так точно, Владислав Петрович!

– Ничего отменять не будем. Ясности и понимания в этом деле нет. Пусть работает, готовится. Перед встречей с дагестанцами подробно проинструктировать – ваньку надо повалять и легко не соглашаться. Все, что будет происходить от начала до конца записать, там для нас каждое слово на вес

золота будет. Яковлева с сотрудниками – в Охтинск: что наметил, пусть делает. Записку в Комитет я подпишу, и сегодня она будет у зампреда. Владимир Андреевич, ты возьми это на контроль. Леонида Николаевича знаешь? Значит, тебе и карты в руки.

В Охтинске Нестеров с девяти утра начал осваивать территорию. С местным особистом объездил склады, пообщался с персоналом, посмотрел порядок оформления и вывоза имущества и, в первую очередь, оружия и боеприпасов – система была отлажена, сбоев не давала. Одолжил на несколько дней поношенную форму своего размера: повседневную и парадно-выходную. Все повесил в шкафу в номере гостиницы вместе с другими вещами. Вторую половину дня потратил в поисках места, где будет проходить передача оружия и захват, если он, конечно, сумеет договориться с дагестанцами, но ничего подходящего не нашел. А вечером приехал Яковлев с коллективом и передал ему потрепанное удостоверение личности прапорщика Нестерова – начальника хранилища войсковой части девяносто восемь пятьсот шестьдесят пять. Все шло своим чередом. На следующий день его переселили в другой номер, а в соседнем – обосновался Владимир Николаевич с сотрудниками. Возились они почти двое суток, и после обеда в воскресенье техника заработала: камера с микрофоном, встроенная в телевизор, показывала все, происходящее в номере у Нестерова вне зависимости от того работал «голубой глаз» или нет, изображение в цвете и каче-

ственный звук передавались по антенне на экран телевизора в соседний номер. Видимость и слышимость были прекрасными, за что они за нехитрым ужином символически подняли по рюмке. Больше нельзя – понедельник обещал быть тяжелым.

Утром Сергей заглянул в продмаг, прикупил немного продуктов на обед и поехал с Яковлевым смотреть одно местечко за Охтинском. На проселочной дороге, практически открытое, недалеко от садового товарищества. По мнению Нестерова, ничего примечательного. Но неожиданно именно оно понравилось Владимиру Николаевичу – у него были свои соображения на этот счет. Только вернулись, как на двух машинах подкатило подкрепление – Моренов и четыре крепких сотрудника наружного наблюдения. Мужики в случае чего должны были скрутить дагестанцев, а у каждого кавказца нож или кинжал. Так что брать надо будет, если успеют, конечно, максимально быстро и жестко, чтобы крови не было. Начальник отдела проверил, как работает теле-техника, остался доволен, а потом взялся за своего друга и товарища. Больше часа он мариновал Сергея, объясняя, что надо делать и как сказать, чтобы себя не подставить и на нож не напороться, чтобы не отказывать и не соглашаться, чтобы... В конце концов, Нестеров не выдержал.

– Владимир Андреевич, да успокойся ты, честное слово! Все равно не будет так, как ты представляешь. Поверь мне! Я этих планов понапридумывал и написал море, и все псу под

хвост. Еще ни один не сработал от начала до конца. Главную линию – отказать так, чтоб согласиться после уговоров – я выдержу, а детали – дело десятое. Все надо делать на хорошо подготовленной импровизации. Ты, главное, поспокойнее будь, не дергайся. – Нестеров встал с кресла, тоже сделал и Моренов. – Помнишь, старый фильм «Подвиг разведчика»? Как Кадочников говорил: «Терпение, мой друг, терпение, и ваша щетина превратится в золото!»? – Сергей немного скартавил и получилось не хуже, чем у Кадочникова. – Вали лучше к себе в номер, не мешай, я настраиваться буду.

– Ладно, артист погорелого театра. Смотри, не заиграйся. Мне отвечать за тебя и перед начальством, и перед женой твоей. – Большой, немного неуклюжий Моренов пошел, косясь, к двери номера, и Сергей слышал, как он бубнил себе под нос: – Лучше б я сам, понимаешь. Артист хренов...

Дверь закрылась. В номере было достаточно прохладно, и Нестеров надел куртку. Из прикроватной тумбочки вытащил пистолет, передернул затвор, поставил на предохранитель и засунул его сзади за ремень, закрыв армейской рубашкой на выпуск и кожанкой, пустую кобуру бросил в ящик. Подошел к большому зеркалу: «Так, посмотрим на себя, оценим, что за фрукт. Внешний вид нормальный, не очень чисто выбрит, что для прапорщика простительно. Лицо, правда, напряженное, глаза какие-то холодные, злые. Кулаки зачем-то сжал. Волнуешься? Нет, так не годится. Надо расслабиться, настроиться. Сколько сейчас времени? Без четверти

три. Поестъ бы не мешало. Что там у нас в холодильнике?». Он достал остатки вчерашнего ужина вместе с начатой бутылкой водки, выложил из целлофанового пакета продукты, купленные еще утром в магазине. Накрыл на стол, чем Бог послал, получился неплохой закусон с колбаской и сырком. Оказавшись перед едой и выпивкой, Сергей подумал, что надо начинать играть, вживаться в образ. Для затравки булькнул в стакан грамм пятьдесят–семьдесят, поднял посуду за успех «безнадежного предприятия» и тут вдруг понял: «Все, что выдумал про прапорщика, мелкого воришку и расхитителя, любителя легкой жизни, не пойдет. С такой легендой нельзя отказать покупателю ни за что на свете. Если любишь деньги, и тебе их предлагают: бери! Чего выпендриваться? Можно, конечно, поторговаться, но недолго, а то еще не согласятся и уйдут люди, а с ними и денежки. Нет, тут нужна совершенно другая роль. Чтобы самому сомневаться в правильности своих действий, чтобы тебя уговаривали сделать то, чего ты не хочешь. Надо в угол себя загнать. Преступление по необходимости совершить. А что? Точно! Нужны деньги, много денег на операцию и лечение очень близкого человека. Вспомни «Пехлевана» или того же «Грэга». Но кто это может быть? Жену с детьми упоминать нельзя, примета плохая. Тещу? Не поверят. Наверняка знают, как у нас к тещам относятся. Остаются только мама или отец покойные...».

Бутылку водки и стакан с «напитком жизни» Нестеров в

момент заменил минералкой, и приступил к своей нехитрой трапезе, продумывая дальше детали своего нового образа. Уже в конце «обеда» его застал стук в дверь.

– Открыто! – с набитым ртом крикнул Нестеров и в номер один за другим, настороженно осматриваясь, вошли трое кавказцев: здоровый бугай Идрис, молодой Умар и солидный, культурно небритый Максуд.

– Здравствуйте! – Сергей с трудом проглотил комок еды. – Вы к кому?

– Салам алей, кум! – С ярко выраженным акцентом за всех ответил Максуд. – Нам Сергей Нестеров нужен.

– Вы Максуд? Это с вами я по телефону говорил?

– Со мной.

– Раздевайтесь, присаживайтесь, пожалуйста. Как у нас говорят, в ногах правды нет.

Пока гости, так и не сняв верхнюю одежду, искали себе место, хозяин убрал остатки еды со стола в холодильник.

– Вы из Клинска? Как добрались?

– На электричке, машину оставили у гостиницы, мотор что-то забарахлил. – Разговор вел Максуд, остальные двое молчали. – Мурад сказал, вы начальником на складе работаете?

Нестеров иронично усмехнулся,

– Скорее служу, чем работаю. Служба у меня такая – начальник хранилища. Вам-то что надо? Мурад мне толком ничего не объяснил...

– Что надо? – повторил дагестанец, пристально всматриваясь в Нестерова, и, видимо, какие-то сомнения закрались в его душу. – Что-то не похож ты на прапорщика, вообще на солдата не похож. Ты кто, а? – голос взвился почти до небес.

Он выкрикнул несколько слов на непонятном для Сергея языке, и его спутники тут же пришли в движение. Здоровый Идрис вскочил и сделал два шага к Нестерову, а Умар оказался у двери. Нестеров попытался встать со стула, но «богатырь» легким толчком вернул его в исходное положение, прижал сверху к сиденью и встал за спиной, а через секунду Сергей почувствовал прикосновение к горлу острого лезвия кинжала или ножа. Сопротивление в таком положении теряло всякий смысл. Максуд в это время спокойно встал, подошел к сидящему Нестерову, вытащил из карманов его куртки все содержимое и положил на стол. На деньги не обратил внимания, первым делом взял удостоверение. Шевеля губами, прочитал фамилию, имя, отчество, должность и номер войсковой части, сравнил фотографию с оригиналом. Потом открыл дверцы шкафа, пробежал взглядом по форме, висящей на плечиках, и белью, сложенному на полках. Проверил холодильник, удовлетворенно чмокнул, подошел к кровати и из ящика тумбочки с удивлением на лице достал пустую кобуру.

– Эй, Идрис! – Максуд не удержался от восклицания, и дальше понеслась непонятная для Нестерова речь. Хватка «богатыря» ослабла, нож отошел от горла. В секунду Сергей

схватил Идриса за кисть, сжимавшую клинок, отвел от горла, привстал, опрокинув стул, и резко ударил его кулаком в промежность. Толкнув согнувшегося поперек и мычащего от боли тяжеловеса ближе к Максуду и Умару, он выхватил из-за спины Макаров и снял его с предохранителя.

– Стоять! Руки держать открытыми. Сели на диван, – стволом пистолета он показал направление движения. – Теперь я посмотрю: кто вы такие? И не вздумайте дергаться, я Афган командиром взвода прошел, пристрелю, как нечего делать, и любой суд меня оправдает: вы втроем с ножами на меня одного. А теперь слушать и выполнять, что скажу. – Дагестанцы выглядели растерянными, они привыкли чувствовать себя на высоте положения в любых ситуациях, а здесь вдруг такое. – Оружие и документы на пол перед собой. Сначала ты, теперь ты, теперь ты.

Не спуская глаз с гостей, Нестеров ногой откинул подальше два кавказских кинжала в ножнах и открытый большой выкидной нож Идриса, документы взял себе. Пятясь, добрался до письменного стола, поднял стул, на котором только что сидел, и один за другим проверил паспорта дагестанцев.

– Итак, повторяю свой вопрос: что вам от меня надо? Дагестанцы переглянулись, рот опять открыл Максуд.

– Оружие, – голос был хриплым, надсадным.

– Понятно, что не портянки. Какое оружие, сколько?

– Пятьдесят пистолетов Макарова и сто полных обойм.

– Зачем вам оружие? Вы что, воевать собрались?

– Пистолеты, патроны соседям, чеченцам, нужны. Они наших жен и детей к себе взяли. Сказали: «Если через два месяца оружие не привезете, ни женщин, ни детей больше не увидите».

– Так вы бы в милицию, в КГБ заявили, там быстро на них управу найдут, – совершенно искренне посоветовал Нестеров, удивленный таким поворотом событий.

– Нельзя, – подал голос молодой Умар. – У нас полсела – чеченцы, отомстят.

– Да, дела-а, – протянул в недоумении Сергей, и спохватился. – Ладно, будем считать, что знакомство состоялось. Забирайте свои документы и вещи.

Гостей уговаривать не пришлось. Все расселись по своим местам и Максуд опять взял слово.

– Вы извините, Сергей, что мы так. Сами понимаете: может, вы к Мураду никакого отношения не имеете? Может, из милиции или еще хуже, из КГБ?

– Понятное дело. Мне тоже надо было убедиться, что вы те, за кого себя выдаете. Ладно, обменялись, так сказать, любезностями.

– А пистолет у вас откуда? Вам разве положено?

– Нет, конечно. Пистолет со склада, не мог же я к вам на встречу с голыми руками идти. Вдруг провокация или хуже того, убивать пришли, за мной еще с Афгана хвосты тянутся...

– Так что насчет оружия? – Максуд вернулся к тому с чего начал.

– Оружие? – Сергей, не торопясь, оглядел приезжих. – Вы хоть понимаете, на что идете? Это же, как минимум, по восемь–десять лет тюрьмы каждому!

– Тебе-то какая разница, прапорщик! – Взвился молодой и нервный. – Максуд! Скажи ему: пусть лучше о себе беспокоится, а нас не трогает. Пусть...

Главный из дагестанцев что-то резко сказал, и Умар сник.

– Сергей! – Спокойно, с уважением обратился к Нестерову Максуд. – Мы всё знаем, и про тюрьму знаем, но у нас другого выхода нет. Нам без оружия вернуться нельзя. Там женщины, дети. Вы же мужчина, должны нас понять.

– Понимаю, конечно. Но, если попадетесь, и родных потеряете, и в тюрьму загремите.

– Иншалла! На все воля Аллаха! Но сам подумай: если мы ничего делать не будем, наших родных тем более не увидим. – Максуд не заметил, как перешел на «ты». – Не волнуйся, мы хорошие деньги заплатим. Скажи: сколько стоит что мы хотим?

– Много! Двести сорок! – Бухнул он, а душа ушла в пятки: сейчас встанут и уйдут джигиты, и вся операция полетит к чертям собачьим.

– Это много! Очень много! – Перебивая друг друга, в два голоса возбужденно заговорили Максуд и Умар, и даже силовое прикрытие, поддерживая их, несогласно мотало голо-

вой. Потом они поговорили между собой и успокоились.

– Вы хотите торговаться? – нашел свое объяснение такой цене молодой и нервный.

– Не хочу. Мне нужно ровно двести сорок тысяч рублей и ни копейкой меньше.

– Но почему? Вы можете объяснить?

– Могу, но не хочу. Слушайте, вам-то что? – психанул Сергей. – Не хотите, собирайтесь и уходите! Еще раз говорю: мне нужно ровно двести сорок тысяч. – Немного помолчал и тихо добавил, прикрыв глаза. – Мама в больнице, срочная операция нужна, а очередь до января следующего года. А если без очереди и хороший хирург – двести сорок тысяч, мы узнавали.

«Прапорщик» отвернулся, чтобы скрыть выступившие слезы. Наступила пауза. Неожиданно Сергей вскочил со своего места.

– Нет, не могу. Зачем, что я делаю? Мама никогда не простит мне этого. Я придумаю, обязательно что-нибудь придумаю, достану эти проклятые деньги. Давайте считать, что никакого разговора между нами не было, и встречи этой тоже не было.

Дагестанцы переглянулись и поняли друг друга без слов. Максуд встал, подошел к Нестерову и взял его за руку.

– Своим отказом ты создаешь много проблем, Сергей. Наши жены и дети останутся в плену, твоя мать умрет, и ты тоже умрешь. Откуда мы знаем, что ты не расскажешь о нас,

как только мы уедем отсюда? – Это была ничем неприкрытая угроза. – Соглашайся! Для всех лучше будет. Деньги мы найдем, через неделю привезем. Но это последний срок, дальше откладывать мы не можем. – Заметив, что Нестеров в нерешительности хочет что-то сказать, Максуд опередил его. – Ты что думаешь: ты единственный, кто может нам помочь? Если ты сейчас откажешься, мы с тобой рассчитаемся, как я уже сказал, и пойдем к другому человеку в Ковров. Только долго там все делается, в срок не уложимся...

– Кто ж там такой смелый? Я служил в Коврове, всех знаю.

– Старший прапорщик... – Максуд запнулся, вспоминая фамилию.

– Федорчук, – подсказал молодой Умар.

– Не помню такого, из новеньких, наверное.

– Игорь его зовут, он еще сказал, что с командиром части все решает.

– Точно – из новеньких. При мне Игоря Федорчука не было... – «Начсклада» оборвал себя, задумался, но, поняв, что другого выхода нет, все-таки решился. – Ну что, через неделю? Тогда смотрите, где будем встречаться...

Сергей взял тетрадь с письменного стола и аккуратно, раздвинув скрепки, вытащил из середины сдвоенный лист. Ручка торчала из нагрудного кармана рубашки.

– Это Клинское шоссе. – Он провел две параллельные линии. – Там – Москва, вы едете отсюда. Проезжаете Охтинск, на окраине – светофор, на стрелку – налево. Через желез-

нодорожный переезд выезжаете на проспект Маркса, едете прямо до поворота на деревню Псарьки. Там указатель будет. Поворачиваете направо и километров через пять – проселочная дорога к садовому товариществу. По ней прямо, никуда не сворачивая, выезжаете на большую поляну. Там я буду ждать вас на своей машине – «Жигуль» с московскими номерами, пикап синего цвета. Он сейчас у гостиницы стоит, можете посмотреть. Теперь время? – Нестеров посмотрел на часы, что-то прикидывая. – Час дня. И смотрите без фокусов. Если что, взорву и себя, и вас. У меня на складе гранат хватает.

Сергей еще раз повторил для дагестанцев маршрут движения машины, дал нарисованную схему, после чего проводил «дорогих» гостей. Дверь закрылась, он сделал несколько шагов, бездумно открыл холодильник, взял стакан с водкой, выпил, но вкуса не почувствовал, вода – она и есть вода. На душе было пусто. Тут широко, как ворота, распахнулась дверь, и пространство номера заполнила фигура Моренова.

– Ну, ты артист, Серега! Супер! Все сделал, как надо. – Он стал мять Нестерова в объятьях, как ребенок свою любимую плюшевую игрушку. – Даже связь их в Коврове взял. Молодец! Теперь отдыхай, а я в Клинск, к начальнику Управления.

Восемьдесят километров до областной столицы Владимир Андреевич с водителем пролетели за час с небольшим. Николай Сергеевич принял сразу, как доложили. Моренов рас-

сказал ему о готовящемся на подведомственной Управлению территории тяжком преступлении и в подтверждении своих слов предложил посмотреть видеозапись. Николай Сергеевич, в свою очередь, пригласил начальника следственного отдела. По окончании «киносеанса», начальник Управления вроде как нейтрально обратился к следствию.

– Что скажешь, Григорий Ростиславович?

– А что тут говорить, Николай Сергеевич? Чистая двести восемнадцатая и двести восемнадцатая прим с отягчающими: группа лиц, по предварительному сговору.

– Тогда бери материал и к прокурору, я ему позвоню. Пусть дает санкцию на возбуждение уголовного дела и поручает тебе вести следствие. А Владимир Андреевич со своими орлами, поскольку у него уже все подготовлено, на основании выписанного тобой постановления проведет арест этих субчиков, и передаст их нам под следствие. Правильно я говорю? – Прозвучал один риторический вопрос, а другим – начальник Управления завершил свое выступление. – Что мы здесь всякую тварь пригревать будем?

– Понял, Николай Сергеевич.

Когда дверь кабинета закрылась, начальник Управления понимающе усмехнулся и спросил:

– Ты же этого хотел, Владимир Андреевич? – Моренов ответил улыбкой. – Понимаю тебя, – продолжил Николай Сергеевич. – Тяжеловато бывает с Федором Федоровичем. Чем еще могу помочь?

– Позвонить надо своему руководству.

– Звони, будь ласка. В приемной кабинета спецсвязи. Тебе же без свидетелей надо? А в кабинете я тебя одного оставить не могу, сам понимаешь.

Из приемной Моренов набрал Владислава Петровича, который, как ждал, сразу снял трубку. Не перебивая, он выслушал подробный доклад и, не скрывая удовольствия, сказал:

– Неплохо, Владимир Андреевич! Очень даже неплохо. И территорию грамотно привлек. Леониду Николаевичу звонил? Доложи ему, обязательно доложи. А то по нашей записке ни ответа, ни привета. Посмотрим, что скажет, и давай приезжай, будем думать, что дальше делать.

Заместитель Председателя тоже был на месте.

– Леонид Николаевич, – только начал Моренов, как тот, не дослушав, прервал его. – Можете не представляться, нарушитель социалистической законности Владимир Андреевич. Я думал, ты раньше позвонишь. Чего задержался?

– Дела, Леонид Николаевич. А вам, я так понимаю, уже доложили, обрисовали все как надо. Только поторопился Федор Федорович. Мы работаем исключительно в рамках закона, – и Моренов рассказал большому начальнику основные моменты только что прошедшей операции и реакции на последние события местного комитетского руководства. Вопреки ожиданиям, сообщение особых восторгов не вызвало.

– Неплохо, конечно, только ничего конкретного пока нет, одни слова и договоренности.

– Так все в развитии, Леонид Николаевич! Вы-то как, санкционируете наши предложения?

– А чего санкционировать? Нарушение принципов и норм социалистической законности, как говорит Федор Федорович? Работайте пока, там видно будет...

«И не два, и не полтора! – подумал Моренов. – Попробуй, пойми высоких руководителей: о чем они думают и что у них в головах происходит?». По дороге он заехал в Охтинск, дал необходимые указания и в Москве был уже ближе к полуночи. Нестеров в отличие от своего начальника не стал на ночь глядя возвращаться домой, тем более сам за рулем – сказывались усталость и пережитое нервное напряжение. Яковлев с сотрудниками тоже решили ехать с утра. Так что, недолго помаявшись, вскладчину, общими усилиями накрыли стол и отметили, как полагается, успешный исход оперативного мероприятия. Хотя, какой исход? Начало, главное – впереди.

В полдесятого утра Сергей поставил машину у подъезда, зашел домой, сполоснулся и пешком пошел на Дзержинку, благо от Чистых прудов дворами – всего ничего. По пути вспоминал то дагестанцев, то Ольгу и красавчика Пашу, учителя английского. С первыми разбираться особенно не придется: у него в этом деле роль пассивная – наживка, а с «англичанином» надо что-то делать.

Нестеров в тот же день запустил привычный процесс – проверил субъекта по учетам, однако желаемых результатов не достиг: чист был Паша, аки голубь белокрылый. Что пе-

ред ментами, что перед чекистами. Вообще, наказать его по букве закона, так, чтобы всерьез и надолго, не получалось. Посадить подонка по сто двадцатой за развратные действия по отношению к несовершеннолетним теоритически можно, только для этого его любимой дочке придется пройти все круги ада, то бишь ментовского следствия: рассказывать дяде милиционеру все скабрёзности, пошлые намеки Павла Романовича, описывать действия этого урода. А потом все на суде повторить!? Это же позор для девочки, со стыда можно сгореть! Нет, на это он никогда не согласится! Намучившись от раздумий, Сергей решил, что попросту набьет англичанину морду, с упором на причинное место, без свидетелей и чтоб понимал, за что и почему. Выстраивая план предстоящего свидания, он пришел домой, но не успел сменить обувь, как в прихожей с гордо поднятой головой появилась Оленька.

– Пап, тебя директор в школу вызывает.

– Меня? – Он искренне удивился, поскольку все школьные дела – от успеваемости до поведения – вела Люба. – Что-то случилось?

– Я Павлу Романовичу при всех пощечину закатила. У него щека вот такая, и под глазом фингал. В школе объявили, что английского завтра не будет – Пал Романыч заболел. Директриса, конечно, кричать стала, сказала, что из школы за хулиганство выгонит. В общем, она тебя завтра с утра ждет.

– За дело?

– За дело, пап. Я же твоя дочь. А что у него синяк под глазом и щеку разнесло – сам виноват, нечего было всякие гадости говорить, достал уже. Я ведь сказала, что рука тяжелая, да и копилось давно.

Нестеров, в который раз отметил, как Оленька многими чертами похожа на свою бабушку, его маму, которая легко откручивала прикипевшие пробки у любых флакончиков, бутылочек и бутылей, иногда вместе с горлышками, да и на расправу тоже была скоро, это он еще с малолетства по себе знал.

– Ты не волнуйся, Оль. Я поговорю с директором. Иди, занимайся.

Директорша, Клара Ивановна, настроена была крайне агрессивно. Каких только собак ни повесила на Ольгу: и ведет себя вызывающе, и с девочками дружит меньше, чем с мальчиками, и ребята старшеклассники хороводы вокруг нее водят, и у школы ее встречают, и домой провожают. Смотрит она неправильно, улыбается неправильно, одевается неправильно, танцует не как все. Ненормальный ребенок с аморальными наклонностями. К тому же, членовредительница. Теперь из-за травмы лица, которую нанесла Ольга, учитель английского языка вынужден отказаться от ведения занятий до конца следующей недели, а может быть и дольше. После того, что произошло, вопрос может стоять только так: или Павел Романович, или Ольга Нестерова? Лично для нее никаких сомнений нет, она и школа выбирают Павла Романо-

вича! Он высококлассный преподаватель, замечательный педагог, изумительный человек. И ученики, и учителя души в нем не чают. А ваша Ольга? Она может и в другой школе поучиться...

Поток слов иссяк, пар вышел, а Нестеров молчал, с интересом разглядывая Клару Ивановну, открывшуюся для него новыми гранями. Он уже встречался с ней раньше, когда разбирался в ее конфликте с Олегом. Наследник тогда при свидетелях в ответ на ее замечание и тройку в дневнике заявил и доказал со ссылками на корифеев исторической науки, что она плохо знает предмет, который преподавала лет пятнадцать с лишним. Год назад – это было уязвленное самолюбие специалиста, проигравшего в споре мальчишке – всезнайке. А сейчас в ней говорила обиженная судьбой, малопривлекательная женщина, завидующая черной завистью молодости, свежести, красоте. К тому же, вероятнее всего, и на Пашу у нее есть виды. Глядишь, и достанется кусочек женского счастья, особенно сейчас, когда она худосочной грудью встаёт на его защиту...

Молчание Нестерова хорошо сыграло ему на руку – Клара Ивановна почувствовала себя неуютно под пристальным взглядом этого человека. Сдвинутые брови, две вертикальные глубоки складки между ними. Кажется, он знает то, что она и представить себе не в силах.

– Сергей Владимирович, вы понимаете, о чем я говорю? – Со слабыми остатками прежнего напора, не совсем уверенно

спросила директриса.

– Прекрасно понимаю, Клара Ивановна. – Сергей чуть улыбнулся уголком рта. – Мы сейчас с вами выйдем, и по дороге я объясню сложившуюся ситуацию. Здесь все достаточно непросто.

Не дав что-то сообразить растерявшейся женщине, Нестеров галантно, но достаточно жестко подхватил ее под локоток и вывел из директорского кабинета.

– Вы извините, Клара Ивановна, но прогулка по коридору – мера вынужденная. Помещение, ваш директорский кабинет, наверняка, прослушивается. Знаете, что это такое? – Она испуганно вздрогнула, механически кивнув головой. – Вот и прекрасно. Приятно иметь дело со знающими людьми. – Сергей одобряюще пожал ей запястье. – Вы же прекрасно понимаете, что Павел Романович заработал, заслужил свою пощечину – это не вспышка безумия со стороны моей дочери. Не буду от вас скрывать: Ольга пожаловалась мне на его приставания еще на прошлой неделе, и я решил поинтересоваться личностью вашего сотрудника. К счастью, у меня есть такие возможности. – Директриса сжалась и стала, кажется, меньше ростом. – По моей просьбе компетентные органы проверили вашего преподавателя английского языка, и вот что выяснилось, уважаемая Клара Ивановна. – Нестеров перешел почти на шепот. – Павел Романович – объект пристального внимания органов внутренних дел. Дело в том, что в одно из подразделений центрального ап-

парата МВД поступило заявление о совершении им развратных действий в отношении несовершеннолетних и принуждении к вступлению в половую связь. Среди жертв есть и девочки, и мальчики, причем дети очень влиятельных родителей. – Клара Ивановна передернула плечами, будто ей стало холодно. – Вы должны понять: какие ЭТО может иметь последствия. Не только для школы, но и для вас лично. Хотите в этой ситуации оставить у себя такого учителя? Дело ваше. Только смотрите, чтобы директора, как должностное лицо, не обвинили в соучастии и покровительстве. – Клара Ивановна опустила голову. – А нашу девочку предлагаю оставить в покое. Поверьте: мы с женой в состоянии воспитать ее в правильном понимании чести и достоинства современной женщины. Надеюсь, вы меня поняли. – Скорее утвердительно, чем вопросительно Нестеров завершил свою короткую, но взвешенно эмоциональную речь. – А сейчас извините, я тороплюсь.

Сергей Владимирович оставил директрису в середине длинного школьного коридора и сделал несколько быстрых шагов по направлению к выходу. Потом также стремительно вернулся, опять взял ее за локоть, приблизил к себе и пугающе тихо, четко и внятно произнес:

– Если хоть одно слово из нашего разговора станет известно, кому бы то ни было, особенно вашему протезе... – он прервал себя и сжал ее локоть, так, что она вскрикнула.

Как только Нестеров перешагнул порог своего кабинета,

заиграл тревогу аппарат оперативной связи, и раздраженный голос Моренова приказал незамедлительно предстать пред светлые очи руководства.

– Ты где шляешься? Только не говори, что с утра был на встрече с агентом – изъезженный вариант, все равно не поверю. Лучше молчи, садись и слушай. – Владимир Андреевич закурил, выпустил дым в потолок и посмотрел на сидящего слева от него заместителя Куренкова. – Мы сейчас с Михаилом докладывали начальнику Управления материалы по делу дагестанцев. Там есть, в частности, новые моменты, о которых ты не знаешь, и Владислав Петрович дал указание: сориентировать тебя. – Моренов внимательно, оценивающе посмотрел на Сергея. – На следующий день после того как джигиты обо всем с тобой договорились, они рванули в Ковров, к прапорщику Федорчуку, которого мы установили по первому их контакту. Зафиксировать содержание разговоров не удалось, но проходившие параллельно со встречей телефонные переговоры Федорчука со своим командиром в Москве полковником Спасским записаны. Речь идет о будущей поставке крупной партии оружия, включая автоматы, пулеметы, гранатометы и противоракетные комплексы. Федорчук еще раньше получил «добро» от полковника, и разговор в этот раз шел о стоимости, количестве, а также безопасным способам доставки. В этой связи, покупка ими в Охтинске пятидесяти пистолетов Макарова с боекомплектом выглядит как первый пробный шаг на пути выстраивания по-

стоянно действующей схемы нелегальной доставки оружия в Чечню и Дагестан.

С учетом всех обстоятельств, руководством Управления принято решение о задержании дагестанцев при совершении сделки в Охтинске с использованием сил группы «Альфа» и освещении этой операции в средствах массовой информации. Не раскрывая деталей, мы пригласили двух корреспондентов, которые будут наблюдать за всем происходящим, естественно, без риска для жизни. – Моренов первый раз за время общения улыбнулся. – Владислав Петрович просил тебе передать, чтобы соблюдал особую осторожность. По его мнению, если дагестанцы будут уверены, что с Федорчуком у них все сложится, прапорщик Нестеров больше не нужен – лишний свидетель. И зарезать они тебя могут в любой момент: и в начале, и в середине, и в конце вашей торговой операции. Мы и сделать ничего не успеем. Но лететь впереди паровоза тоже нельзя. Взять их так, чтобы не отвернулись, можно только после того, как оружие погрузят к ним в машину, а деньги перейдут к тебе. Ты не торопись, пересчитай всю сумму и только потом давай отмашку. Детали в понедельник с утра на месте проговоришь с Михал Михалычем, – Моренов кивнул на своего заместителя, – он назначен старшим на захват. А я буду в Охтинске, в горотделе, на связи со всеми: от Москвы до самых до окраин. Все понял?

– Понял, товарищ полковник.

– Не ёрничай, Сергей Владимирович. Дело серьезное.

– Все нормально, Андреич. Какие-то дополнительные указания будут?

– В Охтинск собирайся сегодня. Внимательно осмотришься: как машину поставить, чтобы за спину меньше подходов было. Яковлева заодно проверишь, он со среды там аппаратуру настраивает. Кроме того, поможешь сориентироваться командиру отделения из «Альфы», он через три часа будет на месте. Найдет вас сам. Представится он как, – начальник отдела заглянул в бумаги, лежащие на столе, – Корешков Сергей Викторович. Пароль на все времена один: «Привет от Владимира Андреевича!». – Моренов и Нестеров уже стояли друг против друга. – Ну, давай! Держись, чертяка! – Владимир Андреевич хотел обнять друга, но передумал: чего нежности разводить – работа есть работа.

В Охтинск Нестеров попал к обеду. «Кулибин» был в своем репертуаре. Начиная от поворота с шоссе и дальше, поставил маячков, а саму поляну так утыкал скрытыми камерами видеонаблюдения, что, кажется, живого места не осталось. Наблюдательный пункт, где поставили восемь мониторов, Яковлев разместил на просторном чердаке дачи, стоящей метрах в пятистах на окраине поселка. С хозяином, работающим на местном секретном предприятии, полюбовно договорился оперуполномоченный КГБ, дав честное слово, что ничего в доме не порушат и не поломают.

Около часа Нестеров и Яковлев потратили, пока не нашли

подходящего варианта размещения машины: чтобы и на мониторах все было видно и Сергей зря спину не подставлял. За себя он особенно не беспокоился: как-никак с тринадцати лет боевым самбо занимался, подзабыл, конечно, кое-что, но главные элементы сидели в подкорке четко. Так что в лоб на дурачка его не возьмешь. Опять же, дагестанцы наверняка помнят, как он пригрозил: взорвать их к чертовой матери. Но мало ли, что в их дурные головы ползет?

Когда Сергей с Владимиром Николаевичем стали размечать место, где должен встать Нестеровский «Жигуль», из кустарника, полукругом охватывающим поляну, вышел круглолицый, невысокий, средних лет и комплекции мужчина, одетый в просторную светлую куртку, темно-коричневые брюки, с кепочкой в правой руке.

– День добрый, товарищи! Помощь не нужна?

– Да вроде и сами справляемся, – настороженно ответил Яковлев и в свою очередь спросил нежданного гостя: – Гуляете?

– Можно и так сказать. А кто из вас Нестеров будет? Вы? – Он безошибочно задал свой вопрос Сергею и, получив молчаливое согласие, представился: – Корешков Сергей Викторович. Вам привет от Владимира Андреевича.

«И этот сморчок-мужичок из «Альфы»? Может, штабной?» – В недоумении подумал Нестеров. Он, конечно, знал, что сотрудники наружного наблюдения, откуда все бойцы этого подразделения, должны ничем не выделяться из общей

людской массы. Но все-таки? Пусть хоть комплекцией, что ли, покрупнее будет. Он же на захват террористов идёт, а не на прогулку по бульвару. Интересно посмотреть, как этот мелковатый Корешков будет крутить бугая Идриса?

А сотрудник «Альфы», судя по всему, чувствовал себя вполне комфортно. С легкой, ироничной улыбкой Корешков обратился к будущим соратникам по общему делу.

– Если вы – Нестеров, тогда, вы – Яковлев Владимир Николаевич. Очень приятно. Наслышан про вас. – Яковлев, конечно, был польщен, даже порозовел немного. – Задачу мою вы знаете, поэтому говорить буду по сути. Я здесь больше часа и местность изучил вдоль и поперек. Слева от нас – проселочная дорога, которая просматривается на километр, справа – ее продолжение, метров пятьсот–шестьсот до ворот садового товарищества. Пространство открытое, незаметное передвижение исключается, за кустарником тоже особо не спрячешься. А нам надо за очень короткое время нейтрализовать гостей из славного Дагестана, и, чтобы ко всему прочему, без потерь. Правильно я говорю, Сергей Владимирович? Вы у нас самый заинтересованный в этом отношении человек. – Нестеров заметил, что, несмотря на ироничный тон, Корешков очень внимательно следит за реакцией своих собеседников. – Мое предложение следующее. Если ваша машина, насколько я понимаю, будет стоять здесь, то, примерно, на это место, – «альфовец» показал на точку метрах в пяти–шести, – наши специалисты поставят бортовой трак-

торный прицеп с досками под самую завязку, и под ними будет шесть бойцов, включая меня. Как только дадут команду, мы выйдем наружу и нейтрализуем всех находящихся на поле, в том числе и вас, Сергей Владимирович. На все про все понадобится до тридцати секунд. – Корешков посмотрел на одного, потом на другого и закончил. – Вот, такова диспозиция. Конечно, до утверждения руководством вариант неокончательный, но серьезной альтернативы я не вижу.

«Интересно, как они успеют за это время выскочить из прицепа, под завязку забитого досками?» – задал себе вопрос Нестеров, но ответа, естественно, не услышал. Зато со стороны командира из «Альфы» прозвучало предложение, от которого, памятуя поручение своего непосредственного начальника, он не мог отказаться. Корешков попросил его подробно описать дагестанцев: как выглядят, рост, вес, физическая подготовка, черты характера, на что способны в критических ситуациях. Пообщавшись в наступательной манере минут пятнадцать, офицер «Альфы» по рации вызвал машину и, как-то естественно, необходимо перейдя на «ты», сказал:

– Спасибо, брат. Помог и нам, и себе. Такие нюансы подмечаешь, другой бы и внимания не обратил, чувствуется подготовка. Все будет нормально, не переживай, мы не подведем.

Пока он говорил, на полной скорости подъехала машина и остановилась, подняв облако пыли. Корешков протянул ру-

ку, и по рукопожатию Нестеров понял, какая сила скрыта в этом небольшом по габаритам человеке.

С утра стали расставляться.

Сергей облачился в повседневную форму прапорщика, съездил на склад и по оформленным документам получил пятьдесят пистолетов Макарова и цинк с патронами, после чего выехал к месту проведения операции. Рацию для связи установили в его машине. По ней он и узнал, что группа захвата прибыла на служебном автобусе еще раньше, но к месту операции будет выдвигаться по команде, незадолго до приезда дагестанцев.

Наблюдательный пункт на чердаке дачи занял Куренков с корреспондентами и двумя сотрудниками отдела. С ним Нестеров без свидетелей проговорил, что, когда «делка» пройдет, он снимет и тут же наденет фуражку – это и будет условным знаком, после чего должна пойти команда на захват.

В отличие от вчерашнего, день откровенно не задался: периодически шел мелкий противный дождь, и порывами дул холодный ветер при температуре чуть выше десяти градусов. Нестеров с двенадцати сидел в машине, и, когда становилось совсем холодно, включал двигатель и печку, но приходилось экономить – забыл заправиться, а бензина оставалось на кошкины слезы. Время от времени он запрашивал Куренкова: нет ли новостей с той стороны? И первый заместитель начальника отдела со свойственным ему лаконизмом

без объяснений отвечал: «Приказано ждать, Сергей Владимирович!».

Моренов заступил на вахту в Охтинске с восьмью утра. По телефону его периодически информировали, что происходит в Клинке. Сначала все было в порядке: дорогие гости встали, поели, попили, потом раздался телефонный звонок – и, поговорив, они стали собирать вещи. Затем прошел второй звонок, после чего началась ругань. Что случилось, никто кроме самих дагестанцев не знал – переводчика с лакским языком у них так и не было. А ведь просили, еще как просили. В одиннадцать, крайний срок выезда, к гостинице подъехала забрызганная грязью «Волга» с дагестанскими номерами, из которой вышел заросший до глаз черной бородой мужчина с небольшим чемоданом и быстрым шагом направился в номер к объектам разработки. С его появлением ругань прекратилась. Открылся чемодан: Максуд получил пистолет «ТТ» и ручную гранату, а Идрис и Умар – наганы. Полученную с визуального контроля информацию Моренов тут же передал старшему группы бойцов из «Альфы» и на пункт управления Куренкову, запретив что-то сообщать Нестерову. От гостиницы дагестанцы выехали двумя машинами, но на середине пути «Волга» заглохла. Вчетвером они минут пятнадцать стояли под открытым капотом, что-то дергали, трогали, ругались матом, естественно на русском языке, но сделать ничего не смогли. Тогда из «Волги» в багажник «Жигулей» перегрузили две коробки и, оста-

вив земляка на дороге, Идрис, Умар и Максуд двинулись дальше. К повороту с Клинского шоссе машина подошла почти с часовым опозданием. Дождик не прекращался. Нестеров сидел в холодной машине, зуб на зуб не попадал, бензин кончился и печка, естественно, не работала. Поэтому, когда по рации Куренков передал долгожданную новость, Сергей обрадовался, будто приехали долгожданные, дорогие родственники. И тут же появился трактор с бортовым прицепом, на котором с верхом горой лежали необработанные длинномерные доски, стянутые, к удивлению Нестерова, металлическим тросом. «Японский городской, как же они будут выбираться оттуда? Опять, что ли, самому отмахиваться?» – подумал Сергей, глядя на ушедший грузовой колесный транспорт. Он вышел из машины замерзший, как обезьяна на Северном полюсе, и злой, как сто чертей.

– Салам аллей кум! – традиционно приветствовал Нестерова Максуд и оскорбленный несоблюдением традиций услышал:

– Да пошел ты со своим «саламом»! Я уже битый час вас жду, давно бы уехал к чертовой матери! Только куда я это приданое дену? – Сергей кивнул в сторону багажника своего пикапа.

Чувствуя свою вину, Максуд, отбросив восточную вежливость и необходимые в этом случае извинения, спросил напрямую:

– Привез?

– Все, как договаривались. Проверять будете? – Максуд коротко утвердительно кивнул. – Тогда сами. Багажник открыт, ящик с пистолетами тоже, цинк с патронами я не вскрывал. Если хотите, милости прошу – мне лишние хлопоты ни к чему.

Максуд дал команду, и Идрис с Умаром двинулись к «Жигулям». Сам он хотел подойти к Нестерову, но, сделав первый шаг, услышал:

– Стой, где стоишь! Стреляю без предупреждения! Где деньги?

– В багажнике. Мы всю сумму собрать не успели. Поэтому половину – деньгами и половину – золотом. Кольца, перстни, браслеты, украшения разные...

– Вы что, с ума посходили? – Взвился Нестеров. – Как я это проверять буду? Куда я все это дену? Мне деньги, слышите, деньги нужны, а не какие-то побрякушки.

– Ты не переживай, Сергей. Слово даю, именем отца клянусь: не обманываю тебя, в накладе не останешься. Там золота намного больше, по дешевке в комиссионку сдашь, все возьмут. Еще благодарить будут.

«Прапорщик» понимал, что другого выхода нет – надо принимать навязанные правила игры.

– Ладно. Скажи своим: пусть вытаскивают коробки и ставят сюда, – Сергей указал место рядом с собой. – Я буду проверять деньги и золото. Они – оружие. Никто не подходит ко мне, стреляю на поражение, будете ждать у своей машины.

Закончу, скажу. Тогда все перегрузим. Возражения есть?

– Согласен.

Порядка пятнадцати минут шла процедура проверки. Дагестанцы, быстро пересчитав и проверив оружие, стояли у своей машины, о чем-то переговариваясь между собой. Несколько раз вскидывался Умар, но каждый раз Максуд успокаивал его. Наконец, Нестеров жестом разрешил перегрузку багажа из машины в машину, и, когда процесс был завершен, со словами: «Ну, кажется все», – он быстро снял и надел фуражку. И, казалось, в ту же секунду, несмотря на стягивающие металлические тросы, в воздух взлетели скрепленные между собой особым замком доски, и, как из поднебесья, в невиданных ранее шлемах с забралом, одетые в камуфляж, с автоматами в руках, с устрашающим криком на землю прыгнули люди. Дагестанцы остолбенели, на лицах – страх и ужас. Но насладиться этой прекрасной картиной Нестеров не успел. Получив сильнейший удар в солнечное сплетение, от которого потемнело в глазах и перекрыло дыхание, он оказался прижатым лицом к земле. Еще один нещадящий удар приняли его почки, руки заломили за спину, на запястьях щелкнули наручники, и знакомый голос подал команду: «Пакуйте! Этого отдельно, чтоб не договорились между собой!». Нестеров услышал звук подошедшей машины, которая почти тут же покинула поле боя. Сергея поставили на ноги, и он увидел перед собой улыбающегося Корешкова.

– Извини, брат. Служба, сам понимаешь. Мы как, не очень тебя помяли? Наручники снимите с него.

– Да пошел ты, тезка хренов! Мог бы и полегче, в конце концов.

– Мог бы, но тогда правды жизни нет и наши славные гости догадались бы, что ты – подстава. А нам таких заданий, сам понимаешь, не ставили. Так что еще раз извини, брат, издержки производства. Предлагаю: завтра, в шесть вечера, в пельменной на Кузнецком, рядом с магазином музыкальных инструментов. Там мы проясним характер наших взаимоотношений за счет приглашающей стороны. Идет, брат?

– А куда мне деваться? Еще настучишь по почкам за отказ.

Подошел автобус и Корешков с мужиками в полной амуниции пошли на погрузку.

Моренов после подробного доклада начальнику Управления позвонил заместителю Председателя.

– Леонид Николаевич, здравия желаю! Моренов. – И дальше по бумажке он зачитал заранее подготовленный им текст. – В порядке проведения следственных действий в рамках уголовного дела, возбужденного следственным отделом УКГБ по Клинской области по признакам статей двести восемнадцатая и двести восемнадцатая прим УК РСФСР, при проведении сделки по незаконному приобретению оружия и боеприпасов проведено задержание объектов оперативной разработки: Магомадова Максуда Бикбулатовича, Ахмедова

Умара Гафуровича и Керимова Идриса Зафаровича...

– Хорошо, если в рамках уголовного дела... – протянул зампред.

– А как же по-другому, Леонид Николаевич? Мы только так. Хотел поинтересоваться: вы-то наши предложения, что в записке, одобрили?

– Одобрил.

– И что написали, если не секрет?

– Какой секрет? Все равно записка с резолюцией к вам вернется. – Леонид Николаевич зашуршал бумагами. – Сейчас. Вот, значит: «Согласен. Запятая. При условии строжайшего соблюдения социалистической законности. Точка».

Моренов не выдержал и расхохотался.

– Смейся, смейся, – с обидой загудел Леонид Николаевич. – Федор Федорович с Фемидой в обнимку не только над тобой стоит.

В тот же вечер все, за исключением Яковлева со спецями, снимавшими технику, были в Москве. А через день в «Советской России» на целый разворот появилась большая статья, описывающая подвиги современных чекистов в борьбе с террористами и всякой прочей нечистью. Казалось, что для Нестерова и не только для него, операция «Капкан» завершилась успешно, но это было только на поверхности. Сергею не давало покоя, что чеченцы – заказчики этого преступления остались безнаказанными. Это все равно, как с Пашей – англичанином: ну, ушел он из школы, и что? Устроится в

другую и будет там заниматься своим грязным делом. Неправильно все это – истинное зло всегда должно быть наказано.

Через пару месяцев Нестеров подобрал момент и при очередном докладе Моренову высказал ему все, что думает по поводу раздирающих его душу сомнений.

– Смотрю я на тебя, Серега, и диву даюсь, – с грустью начал говорить его начальник и друг. – Видно, не перевелись еще в нашей чекистской среде идеалисты и романтики. А таких быть не должно – работе мешает. Давай, разберем твой скелет по косточкам. Сначала про дочь, вернее, эту сволочь английского пошива. Как его там?

– Павел, – подсказал Нестеров.

– Вот. Сам же говоришь, что законным путем его не прищучишь. И ты тогда что? Встретишь Пашу в темной подворотне и, чтоб не баловал больше гад, отрежешь ему яйца? – И тут же сам ответил на свой вопрос, специально коверкая русский язык. – И тебя тогда посодют, причем совершенно на законных основаниях. Человечеству, естественно, будет хорошо, а тебе? Ты понимаешь: о чем я говорю? Ты что думаешь: Ольга у тебя одна такая на всем белом свете? Больше за себя постоять некому? Тут, знаешь, каждый сам за себя в ответе. А кто поддается на эти штучки, значит сам или сама, так или иначе этого хотели.

Раздался сигнал селекторной связи. Моренов нажал кнопку и сказал, что занят и перезвонит позднее сам.

– Теперь по дагестанцам. Здесь ты тоже не прав, друг мой

дорогой. Хотя, может, и наша недоработка есть. Куренкову скажу, пусть учтет на будущее. Надо было ознакомить тебя с некоторыми материалами. Дело в том, что мы наконец-то получили перевод их разговоров, и там есть два момента, касающиеся тебя.

Во-первых, история с чеченцами, захватившими жен и детей бедных дагестанцев, легенда, рассчитанная на то, чтобы вызвать сочувствие у таких, как ты, а себя представить в роли жертв, эдакими беленькими овечками. На самом деле, по заказу местного уголовного авторитета они налаживали постоянный канал поставки оружия в Дагестан и Чечню.

Второе. После завершения сделки Идрис и Умар хотели застрелить тебя. Они к тому времени были вооружены, мы не стали говорить тебе, чтоб глупостей не наделал. Не выдержат нервы, и положишь джигитов одного к другому. А спас тебя – Максуд. Как человек, более или менее интеллигентный, он оказался больше всех под впечатлением твоей игры на сцене этого драматического театра, полностью поверил тебе. За что, собственно, и пострадал. К счастью для нас, – через короткую паузу добавил Моренов. – А вообще ты не о том думаешь, Сергей Владимирович. Скоро тебя в Главную военную прокуратуру вызовут в рамках до следственной проверки по факту оказания содействия в совершении преступления полковниками Мореновым и Куренковым и превышения указанными лицами должностных полномочий.

– Не понял... – протянул обескураженный Нестеров.

– А чего тут понимать? Дорогой Федор Федорович не успокоился и подал жалобу на наши действия в Главную военную прокуратуру. Мы с Михаилом уже по первому разу общение со следователем прошли...

– Может, разберутся, и крест поставят на этом деле?

– Вряд ли. Я главного военного прокурора еще по Нагорному Карабаху знаю. Тот еще фрукт, хоть и водку вместе пили. Я уже тогда обратил внимание на его абсолютную безграмотность с точки зрения полномочий и компетенций нашей организации. Он мне в те времена так говорил: «А что, КГБ не может поставить пушки, и расстрелять этих бузотеров». Я отвечаю: «Подожди, дорогой товарищ, какие пушки?». «Ну, у вас же есть танки, самолеты». Я вообще обалдел: «У нас есть горотдел, – говорю, – двенадцать оперативных работников, у них – двенадцать пистолетов и один автомат на всех». «Да? – спрашивает он меня и потом с таким высокомерием и вызовом заявляет: – А я всегда думал, что вы – мощная организация». Я тут, честно тебе скажу, не сдержался – назвал его именем одного подходящего животного, и сказал: «Интересные у тебя понятия. Ты, как в другом государстве живешь. Естественно, мы – мощная организация, но все-таки в другом смысле». Вот такой, Серега, он специалист – правовед. Два сапога пара: Федор Федорович и главный военпрокурор. Гляди, как бы еще не посадили нас. – Моренов задал жгущий пальцы окурков, и завершил внезапно вырвавшиеся откровения двумя фразами. – Извини, это мои про-

блемы. Надеюсь, ты все понял и...

Его прервал звонок аппарата правительственной связи. Моренов поднял трубку, выслушал сообщение и ответил:

– Хорошо, я записал: Главная военная прокуратура, шестнадцатого в одиннадцать часов, четвертый кабинет.

Положил трубку и с тихим вздохом, кажется, сам себя спросил:

– Когда же кончится вся эта тягомотина?

Кончилась она в последней декаде августа тысяча девятьсот девяносто первого года. Не до того стало.

Рассказ командира опергруппы Моренова

«Знаешь, я многое из того, что произошло, прекрасно помню, на всю жизнь в памяти осталось. Да и как забудешь?

Начну, наверное, с субботы, семнадцатого августа девяносто первого года. По-моему, это была первая суббота, когда меня не вызвали по тревоге, потому и запомнил так хорошо. Я тогда с приятелем за грибами поехал в Талдомский район. Все было нормально, ничего не предвещало напряженности. Стоял хороший денёк, мы набрали много грибов и, довольные, счастливые, вернулись в Москву.

Конечно, мы знали из средств массовой информации, что велись какие-то переговоры в Ново-Огарево, где обсуждался никому не нужный, навязанный вопрос, что у нас будет: Конфедерация, Союз нерушимый или ещё какое-то государство? Нам это было непонятно, поскольку в марте прошел референдум, и семьдесят процентов проголосовало за сохранение Союза, а в некоторых республиках эта цифра доходила вообще до девяноста процентов проголосовавших, в том числе и в Прибалтике.

Ну и какие там новоогаревские совещания, зачем они? Мы далеки были от всего этого, никто нас по-настоящему не информировал о происходящих процессах. Но мы и сами чувствовали, что обстановка в стране накаляется. Появились

народные фронты, какие-то боевики. За полгода мы банд шесть ликвидировали. Работали на подставах, сами внедрялись в бандформирования, на местах тоже неплохо работали по боевикам. Результаты были очень даже неплохие, и наш отдел хорошо был известен руководству Комитета в первую очередь по эффективности и значимости своей деятельности.

Восемнадцатого числа, воскресенье, хорошее утро, никакой чрезвычайкой не пахнет. Собрались мы идти в кино. Решили пообедать, а потом махнуть в кинотеатр «Витязь». Только поели, звонок, дежурный по Управлению. Дает сигнал: «Пламя!», а это значит, тревога и надо собираться. Я единственное, что спросил: в штатском или в форме? Уточнить надо было, сам понимаешь: если ехать на боевые действия, то лучше в форме, а если – на оперативные мероприятия, то тогда, конечно, по «гражданке». Дежурный сказал: «Лучше в штатском».

Где-то через час я уже был в приемной начальника Управления, в тамбуре народ толчется. Дежурный по Управлению капитан Петров Виктор, ты его знаешь, он дежурным еще в Управлении контрразведки работал. Так вот, Петров, как только меня увидел, доложил руководству, начальник сразу вышел и говорит: «Заходи». Там уже Саша Ветров, начальник отдела и Толя Сайкин, замнач соседнего отдела. Генерал вводит нас в курс дела: «Зона ответственности нашего Управления вот здесь. – И показывает на карте. – Давайте

выбирайте, кто куда», и обращается к Ветрову: «Ты куда хочешь?» Тот отвечает: «Я, наверное, сюда». Потом ко мне: «А ты куда?» «Да, мне, – говорю, – все равно. А в чем, собственно, дело?» «Да в том, что двадцатого, во вторник, должно быть подписано Новоогаревское соглашение». Я говорю: «Ну, и нехай будет подписано. А нам-то что?» «Да это – конец Советскому Союзу», – говорит генерал. Мы так и выкатили глаза: «Как это конец?». «Да, потому что Союза Советских Социалистических Республик не будет, и создадут конфедерацию государств, независимых и суверенных. А это значит, что в каждой республике, как и положено, в суверенном государстве, будет своя армия, свой КГБ. Все будет свое, и без всякого подчинения единому центру. А это уничтожение того, что создали наши деды и защищали в войне с фашистами наши отцы и старшие братья». – И дальше продолжил в том же духе. – «В республиках сейчас крайне сложная обстановка. Есть абсолютно реальные силы, выступающие за отделение от Союза, и во главе этих сил стоит, что б вы знали, руководство республик. Но, с другой стороны, есть еще значительная часть населения и, в первую очередь, это наши, русские люди, которые не хотят никакого отделения и так называемой независимости. В этой связи, мы не исключаем возможность возникновения массовых беспорядков.

С учетом сложной в политическом и оперативном плане ситуации, принято решение: вас, как специалистов по урегулированию массовых беспорядков, направить во главе опер-

групп, чтобы помочь здоровым силам быстрее стабилизировать положение».

Вот такое объяснение нам было дано руководством КГБ.

– Теперь, – говорит генерал, – идите, набирайте себе оперов.

– Сколько человек? – спрашиваю.

– Ну, набирайте по тринадцать человек, чтобы были специалисты в разных областях: религии, интеллигенции, студенты, другие вопросы.

Я набрал «каждой твари по паре» и получилось тринадцать человек, чертова дюжина. Восемь – из нашего Управления и пять человек – из Управления военной контрразведки.

Обстановка в стране была такая, что устойчивая связь поддерживалась только по линии особых отделов, откуда мы и получали достоверную информацию. А по каналам территориальных органов дело было «швах»: многие руководители подстраивались под местные условия, под народные фронты, и шло целенаправленное искажение информации, а некоторые сотрудники прямо вставляли по другую сторону баррикад, пошло брожение и среди офицерского состава. Ситуация, в принципе, была хреновая.

Когда прибыли ко мне пять «особистов», составили списки и пошли ждать автобус. Он почему-то опаздывал, и мы сначала стояли во внутреннем дворе, а потом вышли на улицу и ждали уже со стороны Кузнецкого моста.

Ты представляешь, август месяц, теплый летний воскресный вечер, в центре города народу никого, ни машин, ни людей. Стоит только группа здоровых мужиков с сумками, и редкие прохожие, глядя на нас, наверное, думали: «Опять эти чекисты собрались куда-то ехать? Чего им все неймется?»

Пришел автобус, отвезли нас во Внуково, где стоял известный всем с черным клювом самолет Председателя КГБ Союза. Туда и посадили наши группы.

Рекомендации были такие: наладить связь с Москвой, по прибытии доложить, быть в состоянии полной боевой готовности, принять меры к изучению оперативной обстановки, все дальнейшие инструкции получать по телефону. Необходимое требование – конспиративно разместиться в городе; встречать будут сотрудники особых отделов, которые подскажут, где можно расположиться.

Первую посадку сделали когда, по-моему, светло еще было. Вторую группу высадили уже затемно, часов десять было. Ну, а мы приземлились вообще часов в одиннадцать или в двенадцать. Нашли своих особистов. Машины они спрятали в кустах, за аэродромом. Прошли, разместились и поехали в дивизию, обыкновенную мотострелковую дивизию.

Всего в ней насчитывалось человек шестьсот солдат, и это, брат, вся дивизия, хотя нормальная дивизия, как ты знаешь, десять тысяч человек. Из этих шестисот, человек четыреста были постоянно на полевых работах, как мы говорим,

на картошке, и двести солдат несли службу. Из этих двухсот – человек восемь отвечало за стадо свиней, которых выращивали, поскольку дивизия по поставкам мяса была на самообеспечении.

Там были солдаты, которые за два года службы вообще автомат не видели и не знали, что такое несение нарядов. Перед ними стояла другая, не менее важная задача: свиней выхаживать, кормить, убирать, выгуливать их, мыть, чистить. Вот чем занимались эти «вооруженные силы».

Разместились мы в особом отделе, часа два ночи уже было. Переговорил я с начальником.

– Ничего не знаю, – говорит. – Никаких инструкций, заданий для вас, товарищ полковник, не передавали. У меня приказ руководства: принять, разместить, накормить, оказывать содействие.

Что он, в общем-то, и делал.

Мы расположились прямо на стульях. Мне, как начальнику, кресло дали. Перед сном пошел представляться командиру дивизии, а у него как раз был заместитель командующего округом Степан Васильевич Соколов. Очень хороший дед, генерал-лейтенант, участник войны. Мы с ним как-то сразу друг друга поняли, подружились.

Первый вопрос генерала:

– Какие у вас указания из Москвы?

– Да никаких пока, – отвечаю. – Завтра наладим связь с Центром, и указания будем получать оттуда. А у вас что?

– Да тоже практически ничего. Знаю только, что в 6 часов утра по Всесоюзному радио выступит Михаил Сергеевич Горбачев, скажет, что заболел и до своего выздоровления передает власть временному Комитету, который будет управлять страной. И последующие как бы действия, все последующие команды должны идти по радио, а мы должны все слушать и выполнять эти указания.

Обалдеть можно! Честно говоря, мне это напомнило картинку из всемирной истории: события в Испании в тысяча девятьсот тридцать шестом году. Тогда командой к началу действий фашистов стала условная фраза: «Над всей Испанией безоблачное небо».

Ну, да ладно. Радио так радио.

Пришла к нам на усиление комендантская рота морских пехотинцев. Их было человек где-то сто восемьдесят – как оказалось, наша основная ударная сила. Очень бравый подполковник, командир роты. Появилась подробная карта города, и всех его, в том числе подземных, коммуникаций.

Там работала русская радиостанция и вокруг нее группировались русскоязычные силы, которые выступали против националистов. И вот этой же ночью пришел руководитель этих людей и говорит, что мы, мол, готовы к выступлению, разбились на отряды, назначили командиров, и передал нам поименные списки с указанием адресов и телефонов. А у них много людей было, больше, чем в нашей мотострелковой дивизии.

А пришел он к нам зачем, как ты думаешь? Правильно, просить оружие. Но мы ему сказали: «Подожди, друг, рано еще, мы тебе дадим знак» и записали его координаты. С тем он расстроенный из дивизии и ушел.

Я еще вот что скажу.

Как мне доложили, за дивизией велось круглосуточное наблюдение. На воротах стояли люди, члены националистических организаций. Они были вооружены и отслеживали, кто входил в дивизию, кто выходил оттуда, из ворот. За некоторыми устанавливали наблюдение. Несколько автомашин у них было, и при необходимости они использовали их для слежки за объектами.

Это нам сильно вредило, достали они нас, гады. Поэтому я дал команду и в течение ночи мы незаметно прокололи у всех машин шины, чтобы прекратить это безобразие. А поутру они проснулись! Очень на нас обиделись, мы же их без транспорта оставили. Зря, конечно, обиделись, мы ведь просто пошутили, немножко похулиганили в нашем стиле и все. Они ведь еще не знали, на что мы по-настоящему способны.

Обо мне персонально и прибытии нашей группы знал первый заместитель Председателя республиканского КГБ Холмогоров Федор Иванович, генерал-майор. Я с ним связался той же ночью, и он сразу прилетел к нам. Пошептались мы с ним вдвоем, выпили для согрева по стаканчику горячительных напитков и улеглись спать. Он на кресле спал, и я на кресле спал, как два начальника. Утром Иваныч, позавтра-

кав, поехал к себе на работу. Ну а мы, естественно, с шести утра уже не спали, притом, что легли где-то часа в четыре – включили радио и телевизор, сидим, слушаем, смотрим.

В шесть утра передают постановление номер один о создании ГКЧП с такими-то функциями и полномочиями, введении чрезвычайного положения в некоторых районах СССР, еще чего-то, а выступления самого Горбачева нет. А ведь, как нам говорил заместитель командующего округом, Михаил Сергеевич должен был выступить и сказать, что он сам передает власть ГКЧП. Значит, думаем, все пошло как бы немножко не так. Какой-то там ГКЧП сам по себе создался, постановление номер один издал, потом постановление номер два, номер три. Форменная хреновина с морковиной, ничего не понятно.

Мы слушали каждый час: в семь, восемь, девять часов, десять, одиннадцать, двенадцать... Ситуация не менялась.

Оперативную, зашифрованную телефонную связь с Москвой удалось установить только через военно-морскую базу кораблей. В дивизии и у командующего округом была специальная военная засекреченная связь, но она не состыковывалась с нашей комитетской системой. Так что с родным КГБ СССР я мог связаться только через базу кораблей. Хорошо у меня в команде был особист – моряк Карамышев Саша. Я его и отправил туда дежурным на телефон. Он пытался связаться с Центром весь понедельник, но так ничего и не добился. На пульте Управления никого из руководства не бы-

ло: ни начальника Управления, ни его замов, никого из ответственных лиц. И нашего куратора, заместителя Председателя Леонида Николаевича, тоже не было. Только дежурный сидел и все. А дежурный, он что? Хоть тот же всезнайка Петров? Сидит и как попка-попугай отвечает, что ничего не знает, никаких указаний не получал, руководство отсутствует.

Пошел второй день – двадцатое августа. Антисоветская, антирусская истерия нагнеталась во всех местных средствах массовой информации. Я был вынужден одного опера определить на радиоэфир и фиксировать в журнале, какие радиостанции чего передают. Другого – посадил перед телевизором, и он записывал, что передают из Москвы. Вроде как два информационщика получилось. Остальные – с личным составом дивизии работали, в чувство их приводили, чтобы офицерами и солдатами себя зря не считали. Ну, а Карамышев по-прежнему круглосуточно сидел на телефоне и добивался связи с Москвой, с руководством Комитета.

Моим замом в группе был Сергей Нестеров – заместитель начальника отделения. Он у нас в Управлении начинал, потом его в Первый главк перевели, в командировке какую-то заразу подцепил, списать хотели, но мы Серегу назад к себе вернули. Да ты его знаешь. Нормальный, боевой офицер. И мы с ним в этот день поехали на разведку, по центру города. Посмотрели на телевидение. Здание напоминало осажденную крепость. Из окон торчат мешки с песком и небритые

морды, вооруженные винтовками и автоматами. Вокруг телецентра – огромные грузовики, груженные щебнем. Между колесами у них – «Жигули», в которых сидят женщины и дети. Расчет простой: они считали, что мы будем пытаться захватить Телецентр, как источник информационного зла для нас, и в этом случае без крови, конечно, не обошлось бы. Ну, а прольется кровь, значит: «кровожадные русские, несчастный Запад» и все подобающие при этом слезы и сопли.

А мысли по поводу Телецентра витали, честно говоря, всякие и разные. Степан Васильевич Соколов, про которого я тебе уже говорил, старый вояка, вынашивал такую идею: «Что это они там про нас всякое дерьмо несут, давай мы их с тобой атакуем». Я, в принципе, не возражал, но после разведки, что провели в городе, приехал и говорю: «Степан Васильевич, не пойдет это дело. Они такую систему обороны выстроили, что если пойдем на штурм, без жертв не обойдемся, а там женщины, дети. Нам такая атака больше минусов даст, чем плюсов».

– А что ж нам делать, ручки сложить, что ли? – спрашивает Степан Васильевич. – Они вон уже независимость свою провозгласили.

– Давай, подумаем, – говорю.

Взял карту, смотрю, а у них телевизионная вышка, ретранслирующая сигнал, за городом стоит, километров двенадцать будет.

– Надо вышку взять, – говорю. – Рубильник выключить и

не будет никакого телевидения, а они пусть охраняют свой телецентр, как хотят.

И тут еще подкрепление прибыло. Своим ходом по шоссе пришел полк воздушно-десантной дивизии из Пескова. Три машины они потеряли на скользкой дороге, в кюветы завалились. Но тем не менее на своей броне пришли. Улетевшие машины потом вытащили, и они тоже подошли. Местные наших десантников нормально встретили, продукты несли, бойцов кормили.

Командовал подразделением полковник Стрельцов Серега. Хороший такой, боевой офицер, афганец. Мы с ним сразу подружились, общий язык нашли. С их прибытием у нас уже ударная сила была, и мы могли штурмовать чего угодно и кого угодно. По этому поводу Степан Васильевич сразу крылья распушил.

Решили отправить на вышку взвод десантников, три машины. Это – немного, десантников двадцать. Я послал с ними опера своего, Сашку Сосновского, который бывал в таких ситуациях и знал, что к чему прикладывать.

Через 30 минут, как уехали, докладывают: рубильники отключили.

Спрашиваю: «Как прошло?»

«Нормально, – говорят. – Пришли, тут охрана. Правда, из оружия всего один пистолет на двенадцать человек. Они, конечно, все сразу сдались, пистолет отдали. Поднялись мы на лифте. На каком-то там тридцатом этаже вышли, смотрим,

валютный бар и четыре проститутки. Мы их вниз, а бармена заставили, как вы приказали, все закрыть, своей печатью опечатать кассу, бар, чтобы к нам претензий потом не было. Он даже поблагодарил нас: «Спасибо, – говорит, – что не ограбили». Каждому десантнику по пачке американских сигарет «Мооре» дал, черные такие.

Вывели мы всех субчиков за территорию, построили в колонну по двое: идите, куда хотите, маршируйте хоть в столицу. Очень они обиделись на нас, эти охранники с проститутками, и говорят: «Может, вы нас хоть подвезете на вашем бронетранспортере?» Ну, мы им, конечно, хрен с редькой показали – пешочком идите, не спеша, и песни пойте. На том и расстались.

Охранение выставили, Владимир Андреевич».

Я их похвалил за грамотные действия и приказал: закрыть все так, чтобы никто на вышку не смог пройти, особенно туда, где пульт управления.

Потом мы со Степаном Васильевичем смотрим: чего бы еще такого сделать? Увидели, что вдоль моря два каких-то ретранслятора идут. Я говорю: «Степан Васильевич, давай и их отключим. Это же связь? Связь. Нам эта связь нужна? Не нужна. Отключаем!»

Послали еще два БТРа: один – на первый ретранслятор, другой – на второй. Ну, где-то, через час–полтора докладывают: отключили и первый, и второй.

В это время раздается звонок в дивизию из правительства:

«Ой, ой, ой! У нас телевизоры не работают, это ваши ребята отключили?». Они-то сначала, когда телевидение перестало работать, не поняли, в чем дело. До той поры, пока сводный отряд охранников и проституток «не допилит» до города, а шли они где-то часа два или три, вот только тогда им стало понятно, как их телевидение перестало функционировать. И они, дорогие, звонят комдиву: мол, так и так, хотим сесть за стол переговоров. Ну, что же, думаем: «Переговоры – дело хорошее».

Мы делегировали двух генералов: комдива и заместителя командующего округом. Они поехали на переговоры, в правительство, а мы сидим и ждем, что будет. Часа через два приезжают, довольные такие. Правительство готово пойти на любые уступки, договорились встретиться еще в четыре часа, чтобы сформулировать и передать им наши требования. А меня уже забрало, азарт захватил. Говорю: «А давайте мы им еще одну угрозу сделаем, мы их дерьмом затопим. Я тут нашел по карте подземных коммуникаций, где можно два крантика завинтить под землей. Закроем их, и весь правительственный квартал в дерьме утонет. Он же на горе, наверху стоит, и, если трубы перекрыть, дерьму деваться будет некуда».

Послал на разведку ту же комендантскую роту, не всех конечно. Приходят довольные такие, докладывают: «Все можно сделать, товарищ полковник, ключи у нас, мы их отобрали и теперь владеем всем городским подземельем».

Ты понимаешь, мы могли все что угодно сделать, хоть русских под ружье поставить – им только скажи.

Вот поэтому я и говорю нашим переговорщикам: «Степан Васильевич, вы им втолкуйте: если будут несговорчивые, мы ведь телебашней не ограничимся, дальше пойдем. Сначала в дерьме утопим, потом электроэнергию отключим, потом еще чего-нибудь сделаем. С нами так шутить не надо. Ишь ты! Разбушевались тут, всякие гадости про нас говорите, независимость объявляете».

Надо было деда видеть: довольный, грудь расправил, силу нашу почувствовал. Все время говорил: «Вова, ты мое спасение!».

А в это время из Москвы показывают, что какой-то генерал перешел на сторону восставших. Думаю, что это за генерал такой, предатель какой-то, засранец, расстрелять бы его сразу. А перед этим, девятнадцатого, показывали гэкачэпистов, Янаева... У него руки трясутся, значит что-то не то... Гена – старый воин, огни, воды и медные трубы прошел. Думаю: чего это он так распереживался? Явно что-то нечисто...

А связи с Москвой у нас как не было, так и нет. Вторник, целый вторник, двадцатое число проходит – ничего, никого нет. Какие указания, чего нам делать?

К вечеру звонит начальник соседнего военного округа, потом командующий другим округом. Оказывается, мы ретрансляторы выключили и прервали связь между нашими войсками и соседними округами. Как только мы со Степаном

Васильевичем узнали, сразу же включили и все заработало. Перестарались немножко. Бывает, сам понимаешь.

И еще один момент – это относится опять к понедельнику, к девятнадцатому числу, самому началу. Я говорю: «Надо выяснить, где штаб националистической вооруженной организации, боевиков этих, которые нам гадости всякие делают?». Дали задание своим в городе. Прошло часа два, появился человек и сообщил, что в настоящее время штаб-квартира находится по такому-то адресу.

Тогда Степан Васильевич вызывает командира комендантской роты и говорит: «Пошли туда человек пять, машину возьми в дивизии, не надо никаких танков. Пусть придут и всем, кто там будет находиться, дадут по шее, как следует. Окна разбить, мебель переломать, а на главном столе, где начальник их заседает, кучу наложить. Понял?» «Понял, товарищ генерал!».

Правда, замыслу нашего деда, фронтовика, не суждено было сбыться. Когда пришли по адресу, там уже никого не было. Наверное, их кто-то предупредил. Но ты представляешь, как надо было «достать» ветерана, чтобы он такие приказы отдавал? А что? Сам подумай! Он же со своей дивизией их от фашистов освобождал, друзей погибших там хоронил, а они его дерьмом обливают, оккупантом, захватчиком называют! Вот, брат, значит как.

Начиная со второй ночи, мы уже ночевали в казарме, вместе с солдатами срочной службы. Хотя некоторые офицеры

шумели: «Что мы тут будем со срочной службой, с солдатами?!». Я им говорю: «Вот что, товарищи офицеры, если хотите нормально жить и работать, делайте, как я вам говорю». Ты знаешь, я оказался прав на сто процентов!

Наша первая опергруппа ничего не придумала лучше, как поселиться в гостинице. Не знаю, что там у них с особистами не заладилось, только после их заезда, на следующее утро, все газеты были в заголовках: «Прибыли московские чекисты!», «Зачем приехали чекисты из Москвы?», «Что будут делать в нашей столице московские чекисты?» За ними тут же установили самое плотное наблюдение, им прохода вообще не было. Так что, всю операцию свели к нулю.

Мы, командиры групп, по телефонам периодически переговаривались между собой, но связь была открытая, поэтому говорили на птичьем языке.

Старшим по всему региону был Саша Ветров. Я ему рассказываю:

– Саша, у меня ситуация более-менее положительно развивается.

– А ты знаешь, – говорит он в ответ, – в Москве-то что творится? Там вообще завал, кто за Союз проигрывают.

– Ну и что, давай отделимся и установим здесь советскую власть – у меня тут все нормально.

Шутка, конечно, хотя не до смеха было.

– А куда нам возвращаться, Володя?

– А, зачем возвращаться? Привезем сюда детей, жен, бу-

дем тут жить.

Шутники, понимаешь. А что еще оставалось делать? Ни инструкций, ни приказов. Вообще, непонятно: в какую сторону грести?

В среду, двадцать первого, мы с Сергеем Нестеровым опять поехали в город на разведку и решили зайти в нашу контору. Позвонили Холмогорову Федору Ивановичу, первому зампреду местного КГБ, тот вышел на улицу, провел нас к себе. Вот там я в первый раз сам добрался до комитетской спецсвязи. Звоню в Москву. Боже ты мой, начальник Управления на месте!

– Здрасьте, – говорю, – Владислав Петрович, я уже соскучился без вас.

Смотрю, чего-то он на мои шутки не реагирует, грустный такой. Я опять в том же духе.

– У нас тут все нормально: телевышку без всякого шума взяли, телевидение отключили, связь военную, правда, ненароком вырубил, но восстановили, переговоры второй день ведем – все как бы в нашу пользу складывается. Мы договорились вплоть до того, что они президента своего поменяют. Он уйдет в отставку, и будут новые выборы. От независимости своей тоже откажутся. Вот такие положительные, продвинутые переговоры у нас. Я думаю: все это потому, что избалованные они очень, в первый раз хоть какой-то отпор получили, а до этого ничего подобного не было. Здесь ни один партийный товарищ не выступил на митинге, никто не оска-

лился – без боя, шаг за шагом, сдавали позиции. Какая-то ненормальная ситуация была. Мы всего-навсего телевизор у них отключили, а они уже во всем на попятную идут, а если...

И вдруг начальник Управления перебивает меня и говорит буквально следующее.

– Все, что вы сделали, хорошо, молодцы. А теперь слушай меня. Значит так! Вышку сдать, переговоры прекратить, через три часа у вас будет председательский самолет, всем погрузиться и лететь в Москву. Понятно? Это – приказ!

«Ни хрена себе, – думаю, – полный финиш». Расстроился, сидим у Холмогорова, обсуждаем ситуацию. А одеты мы были, как отдыхающие, вроде в санаторий или дом отдыха приехали, ковбойки, джинсы. Правда, оружие у нас с собой, конечно, было. Я пистолет на заднице спрятал, под брюками. И надо же такому случиться, когда обо всем уже переговорили, стук в дверь и входит Председатель КГБ Республики. А он меня хорошо знал, поскольку я готовил материалы на Коллегию по борьбе с террором. Это была первая такая коллегия и его вместе с еще одним генералом назначили оппонентами. Они должны были и в хвост, и в гриву критиковать выработанное нами решение, чтобы, значит, родилась истина. Они, вроде как критикуют, а союзный Председатель со своим заместителем стоят, как скала, на страже истины. Коллегия на «ура» прошла, вот почему он знал меня, как облупленного.

Увидел меня, удивился слегка или сделал вид, что удивил-

ся.

– Владимир Андреевич, здорово! Какими судьбами?

– Да вот, отдохнуть приехал.

– А чего же не позвонил, я б тебя встретил.

– Да, – говорю, – у меня Федор Иванович ответственный за отдых, я ведь его лет двадцать знаю, еще с младших оперов.

– Ну, давайте кофейку у меня попьем, – говорит Председатель.

Сели у него на диванчик, сидим, пьем кофе и вдруг чувствую, у меня пистолет вываливается из штанов. Там, оказывается, перетерлась у кобуры ляжка, которая ее держит на брюках, и он у меня раз – и вывалился. Хорошо, я сидел в углу дивана и там его задницей в угол вмял. Сижусь, все уже встали, прощаются, а я сижу, как кот обделывавшийся, как я могу встать? Потом, когда все стали уходить, кое-как исхитрился, встал и пошел за ними, а сам угол держу, чтобы не видно было пистолета. Думаю: «Это же скандал может быть. Кто же на отдых с оружием ездит?». Но, вроде, ничего, обошлось, никто промашки моей не заметил.

С Холмогоровым договорились, что через три часа он подъедет в аэропорт, а мы к этому времени должны быть уже там.

Вернулись в дивизию, пришел я к Степану Васильевичу, а фронтовик наш, генерал, такой окрыленный, энергичный.

– Владимир Андреевич, мы сейчас выйдем на переговоры,

я им еще врежу.

– Степан Васильевич, а у меня команда: возвращаться в Москву.

– Как? Не может быть?

– В Москве, говорят, ситуация очень плохая.

– Да не может этого быть, Володя! Вот только что из Москвы прибыла рота спецназа, прилетели или на поезде приехали, уж не знаю как, но добрались – они же к нам на помощь пришли. У них приказ: развивать все достигнутые нами положительные моменты.

В это время открывается дверь, входит крепко сложенный человек и представляется: майор такой-то, командир роты спецназа ГРУ.

Спрашиваю:

– Сколько человек?

– 30 спецназовцев.

– А указания какие?

– Указание одно: порвать всех националистов в клочья.

– А у меня, – говорю, – приказ: вышку сдать, переговоры прекратить и сматывать удочки. Вот так, мужики.

– Ничего себе.

Они просто тихо «припухли».

Тут еще приунывший Степан Васильевич добавил:

– Я из Генштаба тоже ничего вразумительного не могу получить. Каждый сам в своем котле варится, а они, крысы штабные, молчат.

Приходит комдив. Как узнал новости, так вообще раскис.

– Чего мы без тебя, Владимир Андреевич, будем делать, вы нас бросаете в самую трудную, можно сказать, решающую минуту. Мы же вон каких успехов добились.

– Ну, хочешь, – говорю, – позвони нашему начальнику Управления и скажи, что он не прав.

– Да чего я буду звонить? Там, наверху, видимо, уже приняли решение.

– То-то и оно, он же не от себя говорил, не просто его правая нога так захотела.

А тут мне еще доложили результаты контроля эфира, и я понял, что все проиграно.

Приехали в аэропорт, у нас же рейс специальный, такого в расписании нет. Пошел я в диспетчерскую. Там сидит мужик пьяный вдупель, и вокруг него штуки три, наверное, сильно поддатых женщин. Празднуют чей-то день рождения. Торт стоит, коньячок недопитый, вот такой праздник души. Я им говорю: «Товарищи женщины, товарищ мужик, вы не знаете, когда тут самолетик должен из Москвы прибыть?» Как же они тогда сказали, «неучтенный», что ли? Какое-то у них слово такое есть, специальное, летное, вроде как неопознанный летающий объект. Вот он это слово и говорит: «Этот что ли, из Москвы?»

– Этот, этот.

– А, он только что вылетел из Внуково и курс у него пока другой.

Ни хрена себе, думаю, так это пока он туда допрет, потом за второй группой и только потом за нами, еще часа три-четыре пройдет, не меньше.

– Ладно, – говорю, – а когда он прилетит, как мы на поле выйдем?

Диспетчер, парень русский, вроде подвести не должен. Пьяный, правда, в сосиску.

– Ты нас на поле выведешь? – спрашиваю.

– А бутылку поставишь?

– Поставлю. Даже две.

– В этом случае, без вопросов, выведу. – А сам еле языком ворочает.

– А ключи где?

Он показывает на ящик.

– Тогда, – говорю, – смотри: ключи никому не давай. Понял?

Он кивает, а понимает или нет, пьяная морда, ни фиги не ясно.

Пришел, рассказал все ребятам и говорю:

– Будем ждать самолет и смотреть телевизор, это наш единственный источник информации.

И вот мы три часа сидели и смотрели на экран этого ящика. Выступает министр иностранных дел, фамилия его еще на «К», Козлодоев какой-то. Таковую ахинею нес и всем задницу лизал и все такое прочее. Ну, я понял, что дела в Москве не очень хорошие. А Холмогоров, зампред, хоть и обещал,

но так и не приехал.

Зато, где-то, наверное, часам к семи вечера подходит ко мне сержант милиции и говорит:

– Вы Владимир Андреевич? Я от Федора Ивановича. Вот ключ, я его у диспетчера взял, сам выведу вас на поле.

Я хоть взбодрился немного.

– Спасибо тебе, дорогой. А то на этого диспетчера надежды никакой.

Сержант – нормальный парень, толковый.

– Чтобы здесь не болтаться, я на втором этаже в комнате милиции буду.

– Хорошо, – говорю, – все понял.

Огляделся. Можешь себе представить, какое зрелище мы представляли: четырнадцать здоровых мужиков, ни одной женщины, с огромными сумками, морды небритые и все трезвые, как стеклышки. Еще те курортники. В аэропорту народу практически нет, все напуганы этим ГКЧП. И мы, конечно, как бельмо на глазу. Я уже говорю своим: «Рассредоточьтесь по залу, где три человека, где четыре, где пять». Но это же, как мертвому припарки, никуда особо не скроешься. Зал маленький. Но, слава Богу, в конце концов, прилетел наш самолет.

Вывел нас сержант на поле, построил я всех в колонну по два, сам, как всегда, замыкающим и бегом марш на самолет. А его далеко, собаки, поставили – метров, наверное, пятьсот или шестьсот от здания аэровокзала. Наверняка, диспетчер

пьяный постарался. И вот мы бегом туда со здоровущими сумками, а там оружие, патроны. Все как положено, это же боевой вылет. Загрузились. Смотрим, а самолет полупустой. Спрашиваю: «А где народ-то?». Оказывается, у первой группы какие-то проблемы возникли и самолету сесть не дали. Он покружил над полем и полетел дальше, забрал вторую группу и к нам. Спрашиваю: «А как же Ветров с ребятами, там, что ли, остались?». Потом уже выяснилось, что их поддерживал полк десантуры, и группа выходила на броне аж до самого Пинска. Они на этом еще сутки потеряли и уже оттуда в Москву на поезде приехали. Ну, а мы, когда сели в самолет и наши летчики рассказали, что творится в Москве, сразу поняли: арестовать нас могут прямо в аэропорту, как заговорщиков, гэкачепистов.

В самолете с нами летел генерал Розанов из военной контрразведки. Этот еще там начал выступать по полной: «Я – генерал, начальник...», ну и весь остальной «выпендрей». Я ему говорю: «Вы генерал там, а здесь я командую, я – командир опергруппы». Слава Богу, он не у меня был, а во второй группе. Они потом еще с ним нахлебались.

Знаешь, на все время, пока в командировке были, я ввел «сухой закон». Пока, думаю, боевые действия, пить нельзя. Ну, а когда мы взлетели, у каждого мужика оказалось по одной–две бутылки водки. В командировку же всегда берешь. Закуска тоже нашлась, еще летчики добавили. И мы сзади, в хвосте, накрыли такой обалденный стол, закачаешься. И вот,

пока полтора часа летели, мы все эти запасы уничтожили. В веселом таком, приподнятом настроении садимся во Внуково. Я смотрю, значит, в окошко и говорю: «Приготовить оружие! Будут арестовывать, просто так не сдаваться. Понятно? А сейчас ведем наблюдение через иллюминаторы, поглядим, что нам Родина готовит». Смотрим: оцепления, вроде, нет. Стоит наш автобус ПАЗик и еще к трапу самолета подкатывает черная «Волга». Я думаю: «Чей же такой лимузин?».

Оказывается, это генерал Розанов вызвал свою машину. Идет по салону самолета важный такой. Я говорю: «Ребята, расступитесь, дайте генералу пройти». А он весь надутый, все всерьез воспринимает. Не прощаясь, сел в свою «Волгу» и укатил. Говорю командиру второй группы: «Толь, мог бы и тебя пригласить, как-никак вместе были, опять же два начальника». А Толя в сердцах сказал, как отрезал: «Да пошел он, козел!».

Сели мы в наш ПАЗик, все нормально. Даю команду: «Оружие зачехлить!» И покатались понемногу. Доехали до улицы Миклухо-Маклая, до перекрестка, практически до моего дома, и я попросил остановиться. Попрощался с ребятами, с каждым обнялись, и я им, значит, говорю: «Все, больше я вам не командир и каждый может поступать, как считает нужным. А я снимаю свои полномочия». Вышел из автобуса и остановился. Сердце, знаешь, чего-то защемило. Никогда такого со мной не было, даже задохнулся. Дошел до дома пешком. Вокруг ездят милиционеры, но меня ни разу

не остановили, хотя время было двенадцать ночи. Тогда ведь в Москве ввели комендантский час. Я шел с большой сумкой, в которой пистолет с патронами валялись, так что можно было бы и пристать. Но обошлось как-то.

А в полдевятого утра двадцать второго я уже поднимался в свой кабинет.

Вот такое, брат, ГКЧП у меня было».

Исход

Сквозь сон, откуда-то издалека, Нестеров слышал, что кто-то его зовет. Голос становился все настойчивей и настойчивей: «Любимый! Ну, проснись, пожалуйста, пора вставать, на работу опоздаешь». Собрав в кулак остатки силы и воли, Сергей открыл глаза и увидел перед собой склонившуюся над ним жену.

– Вставай, родной! Уже пятнадцать минут восьмого. Тебе что на завтрак сделать?

Еще до конца не проснувшись, он сразу определился в своих желаниях – последних два утра ему только и снилась эта вкуснятина.

– Глазунью из трех яиц и с колбасой, если можно...

– Можно, но за качество колбасы не ручаюсь, – тихо рассмеялась Люба и пошла на кухню.

После контрастного душа Нестерову полегчало, хоть взбодрился немного. А то вчера или скорее уже сегодня, во втором часу ночи, как с аэродрома приехал, сразу в ванную, снял с себя командировочную грязь, в койку, и, как провалился, родной жене двух слов не сказал.

На плите шкварчала яичница, на столе – крупно нарезанный хлеб, немножко сливочного масла и любимая кружка – блаженство.

– Как вы тут, Любаш?

– Все нормально, Сереж. Дети с мамой на даче, я здесь кручусь. В понедельник, особенно вечером, обзвонились, спрашивали: где ты, когда будешь, как с тобой связаться? Я, как ты просил, всем одно и то же повторяла: «Звоните на работу, дома нет, когда будет: не знаю». Во вторник, после обеда, остался один, он и вчера вечером звонил, Вячеслав его зовут. Знаешь такого?

«Как не знать? – подумал Нестеров, занимаясь глазуньей. – «Саблин». Кто ж еще?». И тут проснулся телефон.

– Скорее всего, это он. – Сомнений у Любы, практически, не было. – Сереж, возьми трубку.

Плохо прожевав, он проглотил застрявший кусок.

– Слушаю вас.

– Доброе утро! Это Вячеслав. Узнали?

– Узнал. Ты где?

– С понедельника безвылазно на горке в большом белом домике сижу. Работы много, поесть некогда. Да и вы, я так понимаю, тоже не бездельничали?

– Это ты прав. Не было меня. Что за работа, интересная?

– Мне нравится. Много информации, обобщение, анализ, подготовка предложений. Опять же люди. Не шушера какая-нибудь. Солидные, авторитетные люди. Сам руководитель, друзья его, самые близкие.

– Что, прям сам?

– Ага.

– Ты откуда звонишь?

– Из телефона-автомата. У нас с аппаратами напряженка.

Один на пятерых.

– Значит, тебе позвонить некуда.

– Не-а.

– Тогда сам звони. Только не мелочись, здоровье береги.

Понимаешь меня?

– Понимаю, чего не понять.

– А встретиться, хотя бы накоротке?

– Нет, мне сейчас отсюда не вырваться. Да и после весь день занят. – Вячеслав замолчал на секунду, обдумывая то, что хотел и должен был сказать дальше. – Где-то после двенадцати у нашего дома большое собрание будет, а ближе к четырем уже у вашего дома. Выступающие готовятся, поддерживающие. Говорят, есть желание в гости к вам зайти...

– Так мы, вроде, не приглашали...

– От вас разве дожدهшься? Живете богато, дом полна чаша, библиотека знаменитая на весь белый свет, книги интересные, из жизни замечательных людей. Так что есть ради чего в гости нагрнуть.

– Понял тебя. Ты-то придешь?

– Как получится. – «Саблин» вздохнул. – Я бы одну книжку у вас обязательно взял, по истории холодного оружия: штыки, палаши, сабли... – последнее слово он специально протянул. – Только, где искать, не знаю.

– Не ищи, Слава. Нет ее.

– Жалко. – Но в голосе ни малейшей нотки сожаления,

скорее наоборот.

– Так что, до связи?

– Договорились! – И «Саблин» повесил трубку, оставив Нестерова в глубокой задумчивости.

Неужели готовится прорыв в здание Комитета? Но они же с ума не сошли? Внутри сотни, если не тысячи офицеров, оружия уйма, постреляем всех к чертовой матери! Но, с другой стороны, если такое задумывается, значит, у них есть основания рассчитывать на успех? Взяли же в Берлине без единого выстрела здание госбезопасности? Взяли. Понятно теперь, что Славика в данной ситуации своя судьба беспокоит – в деле указаны фамилия, имя, отчество и все остальные установочные данные. Я ему, конечно, выдал аванс, сказав, что материалы уничтожены, хотя по факту – дело агента «Саблина» в моем сейфе и как его «ликвиднуть» тоже еще вопрос».

Остатки яичницы остыли, в колбасе оказалось больше бумаги, чем мяса, но Нестеров ничего не замечал, механически двигая челюстями. Частой прерывистой трелью зазвенел межгород. «Да что же за напасть такая? – подумал с тревогой Нестеров. – Кто ж это может быть?».

– Сергей, здорово? – Голос был знакомым. – Как ты, живой?

– Живой. А кто это?

– Юра Перхушков! Не узнал?

– Привет! Ты откуда?

– Мы с Татьяной в Болгарии, на Золотых Песках. Три дня связи с Москвой не было, дозвониться не могли, только новости по телевизору, изволновались все. Ты как? Голос что-то невеселый.

– Да, чего веселиться? Ситуация непонятная, что будет, никто не знает. А так, все живы-здоровы.

– Ну и слава Богу! Мы через неделю будем в Москве, встретимся, поговорим. Любе большой привет.

«Откуда он возник? Чего всколыхнулся?» – спросил себя Нестеров, запивая остатки еды чаем. Но, наверняка, не просто так. Юра – человек тонкий, всегда нос по ветру держит. Один из первых, мобилизованных Московским комитетом КПСС на организацию кооперативного движения. С заведующего лабораторией прикладной математики переквалифицировался на устроителя кафе, ресторанчиков, хлебопекарен и всего такого прочего. Неожиданно для многих, в том числе для себя самого, проснулась хозяйская жилка, и он быстро стал преуспевающим кооператором, эдаким купцом на новый манер. Появились деньги, и немалые: машина, дача, обстановка и все остальное. Но счастье длилось недолго – наехали на него бандюки и для разговора в лес вывезли, чтобы «добровольное» согласие поиметь на участие в его делах. На словах он его дал, чего-то даже подписал и, получив свободу передвижения, в отчаянии бросился за помощью к друзьям-знакомым, среди которых оказался Константин Леонидович Лебединский, милый доктор, неоднократно

но помогавший Нестерову. По его просьбе Сергей через старых друзей нашел концы, переговорил с мужиками из московского управления КГБ, и они взяли Перхушкова под свое крыло, как креатуру МГК КПСС. Утерся, не солоно хлебавши, криминальный элемент и отстал от кооператора. А он, узнав от Лебединского, кому действительно обязан благополучным выходом из сложной ситуации, сделал со своей стороны все, чтобы ненавязчиво отблагодарить и наладить со спасителем самые добрые отношения. Они хоть и дружили с тех пор, можно сказать, домами, но по-настоящему близких отношений так и не возникло. Поэтому для Нестерова было непонятно: чего, собственно, Юрий Иванович так озадачился его судьбой? Раздумывая над всем происшедшим сегодняшним утром, Сергей, хоть и было всего начало девятого, торопился на работу. Информация, как раскаленный уголь, руки жгла.

Моренов, открывая дверь кабинета, услышал, как надрывается телефон оперативной связи. «Японский городской! Кто ж такой настойчивый? Или случилось чего? А чего еще хуже может быть того, что уже случилось?».

– Да, слушаю!

– Ну, наконец-то! – раздался голос Нестерова. – Зайти можно?

– Попробуй тебе откажи, ты ж настырный.

Выглядел Сергей неважно, хотя и его начальник смотрелся не лучше, два сапога – командировочная пара.

– Здорово! – Владимир Андреевич, как обычно, с подковыркой, первым начал разговор. – Давно не виделись, я уже соскучиться успел. Давай, выкладывай, что у тебя.

– «Саблин» нарисовался.

– Та-а-к, – протянул Моренов, подозревая, что последует интересное продолжение. – И что?

Нестеров подробно изложил фактуру произошедшего разговора, без ремарок и комментариев. Выслушав, Моренов вышел из-за стола, размышляя, продефилировал по кабинету и вернулся в исходное положение.

– То, что наш Славик на самом верху, вернее около него, – очень хорошо. Сейчас, – Владимир сделал паузу, – для него и для нас, – хорошо, а что будет хорошо для него и для нас завтра – не знает никто. Мужик он ответственный, к тому же идейный, не за деньги работал и работает, а за идею и по призванию, как и мы с тобой. Так что, несмотря на слова товарища Нестерова, что материалов на человека под псевдонимом «Саблин» нет, информировать нас, точнее тебя и меня, он не перестанет, не предаст нас двоих и Родину в нашем лице. Да и вряд ли Слава поверил тебе. Сказки только в сказках бывают: «Не успел добрый молодец слово молвить, а желание его уже исполнилось!». Но в том, что ты его не бросишь – он не сомневается. Сто процентов. И то, что Славика нам надо беречь как зеницу ока, тоже обсуждению не подлежит. А в целом есть, конечно, над чем подумать: и по поводу его судьбы, и по возможным заходам на нашу терри-

торию. – Он посмотрел на аппарат прямой связи с начальником Управления и продолжил. – На данный момент я, как и ты, не в курсе того, что здесь происходит. Как генерал появится, пойду к нему, введет в обстановку, ну и я в свою очередь поинтересуюсь: чего они нас в «непонятке» двое суток держали? Информацию, что сегодня утром ты получил, тоже доложу. Так что давай пока к себе, если что, позвоню.

Сосед по кабинету был на месте. Стоя спиной к двери, копался в открытом сейфе.

– Привет, Кирилл!

– Здорово, Владимирыч! – Он повернулся и протянул руку. – Как съездил?

– Нормально. Поставленные задачи решили, хотели продолжить, но сыграли отбой, и получилось, зря летали. А вы как? Кузьмин здесь?

– Начальник на больничном, в госпитале, старуха-язва опять обострилась. Ты – за старшего. Так что принимай командование, а то меня совсем замучили: какие задачи, что делать, кто виноват – извечные, но от того не менее сложные для меня вопросы. А теперь ты – начальник, тебе и кормчее весло в руки.

– Шутник! – Иронично и беззлобно откликнулся Сергей. – Так какие, говоришь, задачи ставит наше родное руководство?

– Визуальная разведка, учащенный график встреч с агентурой, сбор информации о положении в Москве и на объ-

ектах обеспечения. Все вкальвуют. Полученные материалы наверх отправляем, что дальше – не знаю. Я сам девятнадцатого и двадцатого по команде к Белому дому ездил.

– И как впечатление?

– Неоднозначно. – Кирилл боком присел на свой стол. – Народу там – куча немереная и вся разношерстная: студенты в стройотрядовских куртках, интеллигенты в костюмах и рубашечках, рабочие, казаки. Ты казаков в Москве, кроме как в ансамбле песни и пляски, видел? Вот и я тоже. У всех глаза горят – революция! Баррикады из чего попало строят, причем, абсолютно без понятия. Ну, какие это баррикады? Плюнь и рассыплется. Для танка или БМП – вообще, не вопрос. Хотя, может в этом есть свой расчет: на баррикадах и за ними – люди, и не будет мальчишка механик-водитель их гусеницами давить. Тем более что стариков, детей, женщин и просто любопытствующих немеряно. Но «революционеров» с горящими глазами все-таки больше. И между ними иногда мелькают люди нашей профессии, своих издалека узнаешь. За кого они? За белых или за красных – трудно сказать. Да и кто сейчас белые, а кто красные тоже неизвестно. В первый день ребят из военной контрразведки там встретил. Поэтому, они тем же, чем и я занимались. Общее настроение у всей громадной толпы – восторг, эйфория, энтузиазм. Все творят историю. Надоела, наверное, тягомотина, говорильня, пустые магазинные полки, все надоело. Свободы хочу!

– А чего так грустно? Что тебя смущает?

– Понимаешь, мне кажется, что многие из тех, кто на баррикадах, до конца не понимают, чего хотят на самом деле. Протест ради протеста. Демократия, свобода... А спроси того или другого студента: а в чем ты не свободен, кто тебя так жестоко угнетает, дорогой ты мой? И вряд ли он сможет ответить на эти вопросы. И потом... – Кирилл нахмурил брови, собираясь с мыслями. – Как-то давно мне на глаза попало и засело в голове высказывание кого-то из великих, – он попытался вспомнить, но не получилось. – Дословно не скажу, но смысл такой: революцию задумывают и делают романтики и лирики, а ее плодами пользуются подлецы и циники. Как бы и здесь того же не было. Тем более не знаю, у кого как, а моя агентура далеко не с лучшей стороны характеризует тех, кто верховодит всем этим процессом. С первого номера – до последнего...

Нестеров, вспомнив первомайскую демонстрацию прошлого года, сообщения «Саблина» и других своих агентов, безрадостно вздохнул.

– Может, ты и прав, Кирюха. – Отчего-то захотелось поменять тему разговора, и Сергей шутливо спросил: – Я когда зашел, ты в сейф смотрел. Искал кого?

– Почти угадал. Проверял, ничего важного не оставил?

– В каком смысле?

– Так вчера с утра команда прошла: документы первой очереди, включая дела на агентуру, упаковать и на эвакуацию, а документы второй очереди – на уничтожение. Вот я

и смотрю: ничего не пропустил?

– Даже так? – «Вот это новость! – подумал Сергей. – Значит, наши уже знают о планах прорыва в здание?». – А мои документы?

– Так кто же в твой сейф полезет? Ключей нет, дубликат у хозяйственников, а оттуда забирать – целая история, сам понимаешь. А тут все срочно надо. – В глаза Сергею Кирилл не смотрел. Забыть о делах своего соседа и начальника не мог – значит, главное – со своим огородом успеть, а там: трава не расти.

Нестеров открыл свое хранилище в рост человека. Да-а-а, полным полна моя коробочка! Забито под завязку. Как у хорошего штабиста, дела – в пронумерованных коробках с наклеенной бумажкой с указанием очереди эвакуации. Коробки на полках, внизу мешки с бирками, пакуй и вывози – все можно сделать, было бы желание. Ну, да чего теперь говорить? Поздно на паперти плакать. Лучше вопрос к соседу, что вольно или невольно подвел его под монастырь.

– Печка работает?

– Еще как! На всю мощь и круглосуточно. – По интонации стало понятно, что Кирилл чувствует себя виноватым, но легче Сергею от этого не стало. А тут еще сосед так продолжил, что настроение вообще в минус ушло. – Только не пробьешься, Владимирыч, живая очередь на несколько суток. А по вывозу материалов – это надо с руководством...

Нестеров не отреагировал на последнюю фразу, гораздо

важнее было другое: какие все-таки документы, дела надо будет уничтожить в самую первую очередь. Для себя он стал выстраивать их в порядке приоритетности, одновременно вручную уничтожая документы из папки «На исполнение», не приобщенные, не подшитые к делам. За этим занятием его и застал вызов к начальнику отдела.

– Проходи, садись! Курить будешь? Ну, и правильно. У меня от никотина тоже скоро уши в трубочку свернутся. – Моренов выглядел раздосадованным и раздраженным. – Ничего не понимаю, Серега! Указаний Центра, оказывается, потому не было, что им, видите ли, сказать нам было нечего. У них, видите ли, самих не было команд и инструкций от Председателя. А этот, подсолнух ясный, тоже, что ли, не имел указаний? А от кого он должен был их получить? Не знаешь? Вот и я не знаю. И что тогда получается? Посылать нас в боевую командировку, придать в подчинение армейские части и силы спецназначения – это они могут! А четко поставить задачу и сказать, что с этими вооруженными, и еще как вооруженными, силами делать – это они не могут. А если бы я послушал деда-генерала и открыл боевые действия и мы бы завоевали все что только можно? И тогда что? Вся наша опергруппа во главе со мной и дедом под трибунал пошла бы? Эх, знать бы, кто всю эту хрень затеял – убил бы сволочь! Гады, предатели, кровососы несчастные! – Моренов не выдержал, закурил и, сделав первую затяжку, уже спокойнее продолжил. – Серега, я так понял нашего начальника, что

личные дела агентуры вчера вывезли. Так что за «Саблина» мы можем пока не беспокоиться. Я правильно говорю?

– Да нет! – Жестко ответил Нестеров, и брови Моренова недоуменно взлетели вверх. – Все мои дела на месте. У Кирилла Голубева, соседа по кабинету, от моего сейфа ключей, естественно, не было, в ХОЗУ обращаться не стали, а вывоз материалов, как он говорит, шел в срочном порядке.

Владимир Андреевич в степени крайнего возмущения невразумительно замычал, наверное, хотел на чистом русском языке выразить свое отношение к данному факту, но сдержался, только рукой махнул, жестом послав все далеко и надолго. Немного успокоившись, с трудом, разделяя слова, заговорил:

– Ладно, дорогой мой Сергей Владимирович! Разберемся, придет такое золотое время. Со всеми разберемся. Хотя, ты знаешь, раз так повернулось, может, и к лучшему. Мы с «Саблиным» в индивидуальном порядке эту задачку решим, надежней будет. – Моренов хитро улыбнулся – видимо, что-то придумал. – Теперь по поводу прорыва в здание. Генерал сказал, что первые сведения поступили сутки назад из Управления по борьбе с организованной преступностью. Похоже на правду. Уголовка ой как даже заинтересована в уничтожении всех материалов: как они друг друга топили и топят – любо-дорого посмотреть. Если что-то наружу выплывет, многим, очень многим не поздоровиться. Наперегонки с ними политики свой интерес усекли, особенно

те, кто нам на регулярной основе информацию поставляет. Тут же, рядышком, спецслужбы всех царств-государств. Короче, то, что сообщил тебе «Саблин» – логическое завершение или, скорее, подтверждение намерений нынешних победителей всех мастей: хапнуть задарма все, что наработано нами и нашими предшественниками в течение многих лет. Схватить, а потом уже разбираться, что к чему. Другое дело, времени у них нет, чтобы объединить свои усилия. Спираль раскручивается с сумасшедшей скоростью. А так, с помощью своих сторонников, тайных и явных, что сидят в наших кабинетах: чего ты глаза удивленные делаешь, не знаешь что ли? Так вот. С помощью своей агентуры и сочувствующих из числа сотрудников центрального аппарата КГБ, объединив усилия, они уже сегодня были бы здесь. Потому и приняли срочные меры превентивного характера. Но все равно много, очень много остается в наших зданиях материалов, которые не должны оказаться в чужих, тем более преступных руках. Даже центральная картотека с настоящими именами и фамилиями, домашними адресами и телефонами всех действующих и архивных агентов до сих пор на своем месте. – Моренов тяжело вздохнул. – Вот, такая брат картина. К тому же мы сейчас без головы, командовать некому – Председатель арестован, а замы бояться пальцем шевельнуть, не сегодня-завтра за ним пойдут...

Заработал аппарат прямой связи с начальником Управления.

– Да, Владислав Петрович! Понял, Владислав Петрович. Даже так? Понятно. – Моренов хмыкнул, аккуратно положил трубку и посмотрел на Нестерова. – Временно исполняющим обязанности Председателя назначили начальника Первого главка. Знаешь его?

– Знаю, конечно. Раза два с последнего ряда амфитеатра видел в большом зале на сцене в президиуме.

– Язва ты, однако. Я слышал: мужик грамотный, спокойный, с оперуполномоченного начинал. Другое дело, что каким бы ни был он умным разумным, хоть гением, в контрразведке ни дня не работал, людей наших, силы и возможности не знает. Ладно! – Моренов хлопнул рукой по столу. – Вернемся к нашим баранам. С личным делом «Саблина» я сам разберусь, есть кое-какие мыслишки, а ты давай на площадь. Все наши окна или во двор, или на Детский мир выходят, а у Феликса народ уже собирается – может, Славика встретишь. Наверняка, что-нибудь новенькое скажет.

Нестеров встал, пошел к двери и в спину услышал:

– Сергей! – он обернулся. – Для сведения. Первое указание нового руководства такое: комендантской службе ни при каких обстоятельствах, даже при попытках проникновения в здание, оружие не применять. Интересно: насколько быстро получают эту новость на той стороне? Может, наш «Саблин» уже в курсе...

Из нового здания, где располагалось Управление и что стояло через дорогу с основным, Нестеров вышел к Детско-

му миру. Несмотря на революцию, здесь жизнь шла своим чередом – импровизированный вещевой рынок продолжал свою работу, может в меньших размерах, но функционировал по-прежнему. На площади Дзержинского толпился народ и слышался непрерывный гул. Нестеров, естественно, пошел туда. Сколько здесь человек, сосчитать невозможно, но людей было много, очень много. Оказавшись рядом с ними, Сергей сразу вспомнил Кирилла, как он делился своими впечатлениями от поездок к Белому дому: одухотворенные, светлые лица, горящие глаза и безграничное, неизвестно откуда свалившееся счастье. Угрозы от них он не чувствовал, ему не верилось, что они могут быть агрессивными, уничтожающими все на своем пути, способными причинить боль. Собой пожертвовать, положить себя на алтарь Отечества – это да, а убить другого человека? В это ему не верилось, не хотелось верить! Хотя он по-настоящему не знал, чего можно ждать от этих людей. Но рядом с ними он видел и других: напряженные, с жесткими лицами и недобрыми глазами, переходящие от одной группы людей к другой, чего-то ищущих. Почти все слушали ораторов, а их здесь хватало, и каждый рассказывал свою историю ненависти к ЧК.

Интеллигентного вида мужчина в очках, худощавого сложения высоким фальцетом выкрикивал имена и фамилии своих родственников, замученных в тридцать седьмом и тридцать восьмом в подвалах Лубянки, где лет двадцать назад столовую сделали. В соседней группе сообщали о тоталь-

ной слежке и преследовании, которым подвергаются любые представители демократических взглядов, стоит им только в переписке или телефонном разговоре возмутиться политикой террора и подавления инакомыслия, что проводит КГБ на всех уровнях. То здесь, то там звучали фамилии Сахарова и Солженицына. Сергей уже подходил к памятнику Дзержинскому, как рядом сквозь общий гул толпы пронзительно, с надрывом, так что кровь в жилах стыла, закричали две пожилые женщины: «Палачи! Мучители! Будьте вы прокляты!». И сразу же подхватил хорошо поставленный мужской голос: «Сотрем в порошок змеюк проклятых! Пошли!». Толпа колыхнулась и остановилась, не пошла, и кто-то опять забубнил про политический террор, развязанный современными чекистами. Нестеров посмотрел в сторону памятника: какой-то парень по бронзовой лепнине – лавровый венок оплетающий меч – взобрался по цоколю и прилепил лист картона, на котором большими буквами было написано: «ХУНТЕ ХАНА!». На постаменте нарисовали пятиконечную звезду с серпом и молотом внутри и под ней фашистскую свастику и эсесовские молнии. А поверх этих несовместимых символов белой краской крупно написали: «ПАЛАЧ! ПОДЛЕЖИТ СНОСУ». Откуда-то появились трое молодых ребят, которые под одобрителные выкрики ловко, практически профессионально, взобрались на памятник. Один из них встал на плечо Феликса и накинул ему на шею сделанную из металлического троса петлю, которую подали с земли. Дру-

гой – завязал канат под рукой памятника... И здесь Нестеров почувствовал на себе злые, изучающие взгляды и понял, что, пока не поздно, надо уходить. Галстук он, конечно, перед выходом снял, но серый костюм, белая рубашка, а главное, выражение лица, абсолютно далекое от царящей на площади атмосферы эйфории, вседозволенности и безнаказанности – этого никуда не спрячешь.

Как только зашел в кабинет, Сергей набрал номер начальника.

– Владимир Андреевич, Нестеров. Зайду?

– Извини, Владимирыч! Только что помощник генерала звонил, пригласил на совещание начальников отделов и заместителей. Ты давай коротко, по телефону.

Нестеров сообщил, что контакт с «Саблиным» установить не удалось, и при таком скоплении народа дальнейшие попытки в этом направлении считает бессмысленными. И тут же рассказал о том, что видел и слышал на площади и свои впечатления в связи с этим. Как ни старался, но коротко не получилось. Начальник слушал, не перебивая.

– Так что, они памятник снести хотят? – Моренов замолчал на некоторое время. – Ладно. Это обдумать надо, и не одним умом. Вернусь, потом переговорим.

Нестеров взялся за работу, начал готовить акт на уничтожение материалов, а Кирилл отправился на очередной перекур. Вернулся, открыл свой сейф, но он был полупустым и скучным, закрыл. Сходил к соседям, пообщался, вернулся,

опять перекурнул. От безделья не знал, куда ему деться. Наконец, не выдержал...

– Сергей Владимирович! Ты же за старшего?! Разреши на площадь, а? Ну чего я тут сижу? Не два и не полтора. А так, хоть на что-нибудь сгожусь.

Понятное дело: вину хочет загладить. Советоваться не с кем, испрашивать разрешение тоже.

– Иди. Хрен с тобой! – Разрешил Нестеров. – Только галстук и пиджакними, рукава закатай и ворот расстегни, а удостоверение, как прапорщика пройдешь, куда-нибудь подальше запрядь. И не лезь, куда ни попадая, поосторожней.

Прошел час. Ни Кирилла, ни начальника отдела. Стемнело. Сергей стал волноваться, особенно за своего соседа. Не дай бог, влипнет куда-нибудь! Наконец, дверь открылась, и на пороге возник Кирилл.

– Явились – не запылились, господа хорошие? – Под внешней бравадой Нестеров попытался скрыть свое беспокойство.

– Да ты что, Владимирыч? Там такое творится! От Детского мира вход в наше здание вообще перекрыт. Пришлось... – эмоциональный всплеск Кирилла прервал звонок аппарата прямой связи с начальником отдела. Сергей поднял трубку.

– Нестеров, Владимир Андреевич!

– Зайди!

– Тут у меня Голубев, только что с площади вернулся, еще доложить не успел.

– Давайте вместе.

Начальник был настроен решительно.

– Садитесь! Голубев, рассказывай, можешь не вставать.

– Владимир Андреевич, ситуация на площади крайне напряженная. Картина сейчас абсолютно другая, чем днем. Я, когда вам Сергей Владимирович докладывал, в кабинете находился, поэтому в курсе, – пояснил свою осведомленность Кирилл. – Так вот. Юношей «со взором горящим», женщин и стариков, любопытных и праздничношатающихся не так-то уж и много. Может, ушли, может, их просто вытеснил озлобленный на все и деклассированный элемент, которого больше, чем достаточно. Некоторые из них поддавши, причем прилично. Мат-перемат. Ненавидят всех: от Маркса до Горбачева. Больше всех достается Дзержинскому, ВЧК, Берию, Андропову и дальше по списку. При мне один мужик призывал освободить заключенных внутренней тюрьмы КГБ, на пятый подъезд показывал, но народ не пошел: то ли не поверил, то ли грамотными стали – про тюрьму в Лефортово не хуже нас знают. Но, главное, почти вся людская масса сейчас вокруг памятника сконцентрировалась. Сначала, когда еще светло было, пытались вручную его свалить: дергали, дергали, но Феликс стоит, как влитой. Потом откуда-то автобус «ПАЗ» пригнали, тросы и канаты подцепили к нему, опять стали дергать. И тут на крыше этого автобуса мужик с мегафоном появился, из Моссовета, кажется. Стал объяснять, что, если памятник рухнет, много людей пострадает, нельзя

сейчас этого делать, еще какие-то разумные слова говорил, но все без толку. Кто-то свистнул, и пошло по новой. Тогда он пообещал вызвать краны и снять памятник прямо у всех на глазах. Вроде, подействовало. Милиция появилась, добровольцы, что-то вроде оцепления соорудили. Народ постоял, постоял, скучать стал, делать-то нечего, я уж уходить хотел, и тут опять закричали, я этот голос запомнил: «Здесь, рядом с нами, вот в этом проклятом здании, в подвалах, за стенках томятся ни в чем неповинные люди. Их подвергают страшным, невероятным пыткам. Сколько можно терпеть? Освободим наших братьев!». Тогда этот из Моссовета, – может он наш? – как крикнет в мегафон: «Те, кто призывает к штурму, – агенты КГБ, задержите их!». И все! Как рукой сняло. Люди тут же успокоились, стали ждать. Немного прошло, подъехали артисты, концерт начался, и я решил, что мне пора. Хотел зайти к нам, где и выходил, со стороны Детского мира, а у входа какие-то мужики, явно не наши, толпятся, чего хотят непонятно, пришлось с Кузнецкого заходить. Вот, вроде, и все.

Наступило молчание. Наконец, начальник отдела поднял голову.

– Хорошо. Спасибо, Кирилл Михайлович. Можешь идти. Дверь закрылась и Моренов с Нестеровым остались одни. Владимир Андреевич первым нарушил молчание.

– Начну с совещания.

Владислав Петрович дал хронологию последних событий

и сообщил о назначении временно исполняющим обязанности Председателя КГБ СССР заместителя Председателя – начальника Первого главного управления. Довел до сведения присутствующих указания и распоряжения, отданные им комендантской службе, включая снятие отдельных внутренних постов и запрет на использование оружия при попытках незаконного проникновения на территорию подразделений. Затем наш генерал обратил внимание на непрерывно поступающую из разных источников информацию о намерениях штурмовать здания центрального аппарата и Московского управления КГБ. «Вам хорошо известно, – сказал он, – что подавляющее большинство оперативных сотрудников не имеют на руках личного оружия и будут не в состоянии эффективно противостоять во много раз превосходящей по численности агрессивно настроенной толпе. В этой связи хочу сообщить, что начальники Погранвойск и Московского управления еще до назначения Президентом СССР исполняющего обязанности Председателя КГБ Союза приняли решение: защищать имущество и документацию всеми имеющимися силами и средствами вплоть до применения огнестрельного оружия. Сведений об отмене данных приказов у нас не имеется». В итоговой части генерал дал указание: вне зависимости от развития обстановки оперсоставу до особого распоряжения рабочие помещения не покидать, документацию и материальные ценности защищать всеми доступными и законными средствами. Без уточнений. С тем

и разошлись. Меня он оставил. – Моренов вышел из-за стола и устроился напротив Нестерова. – Уселись с ним, как мы сейчас с тобой, и Владислав Петрович разъяснил мне, что аналогичное совещание прошло еще в Главном управлении контрразведки. Так они между собой два начальника решили. Цель одна – организовать утечку и довести данную информацию до руководства Белого дома, и тем самым побудить отказаться от реализации планов по захвату зданий госбезопасности. Тем более что это могут быть и не их собственные прожекты. Расчет такой: они должны понимать, что многочисленные человеческие жертвы при совершении незаконных и противоправных действий по силовому проникновению на особо охраняемые объекты лягут черным пятном на репутацию нынешних лидеров. Более того, эти жертвы абсолютно никому не нужны и сыграют исключительно отрицательную роль в достижении поставленных ими политических целей. В этой связи, учитывая нынешнее положение агента «Саблина», Владислав Петрович попросил отследить возможную реакцию в верхнем эшелоне власти российских структур. Я, естественно, согласился и, в свою очередь, рассказал ему о подготовке к сносу памятника Феликсу Эдмундовичу. И вот тут генерал всерьез задумался: «Слушай, – говорит. – Надпись на памятнике, как приговор, молодые люди-скалолазы с неизвестно откуда взявшимися в центре города тросами и канатами, все это не может быть простым совпадением. И очень похоже, что акция готови-

лась заранее. Кроме того, есть еще один момент, который мы обязаны взять в расчет. Нам нельзя исключать, что это могут быть звенья одной цепи.

Допустим, по каким-то причинам не получается, срывается штурм наших зданий, вот тогда вступит в силу второй вариант развития событий: уничтожение, снос памятника. Для нас Дзержинский – святыня, символ служения профессии, Отечеству, государству. Начнется этот вандализм, не выдержат нервы у личного состава и выйдут опера, по команде или без нее, выйдут на площадь и всей гоп-компании тут же конец придет. Жертвы, конечно, могут быть. А не будут, организуют и спишут на нас, как уже было в Тбилиси. Вот тогда уж от души поглумятся друзья-демократы, и всех чекистов разом в преступники запишут. Да-а-а, – говорит, – такое вполне может быть. Надо доложить Председателю». – Подумал немного и добавил: «Еще раз строго-настрого: оперсоставу кабинеты не покидать, до туалета и обратно». Вот, кажется, и все. – Владимир Андреевич встал, Нестеров вслед за ним. – Тебе по «Саблину» понятно? Постарайся от телефона далеко не уходить. Сотрудников предупреди по соблюдению суточного режима. Вопросы есть?

– Просьба. Пока информация попадет в нужный адрес, пока последует ответная реакция, пройдет время. Можно пока схожу к соседям, из окна посмотрю, что на площади происходит?

– К кому конкретно?

– К Саше Снегову из Управления по борьбе с оргпреступностью. У них кабинет на седьмом этаже и окна на площадь.

– Хорошо, только особо не задерживайся. Ты здесь нужен.

Нестеров вернулся к себе, переговорил с Кириллом, обошел кабинеты сотрудников отделения и довел до них указания руководства. Потом спустился вниз и, пройдя по подземному переходу, оказался в основном здании. Прапорщиков на внутренних постах не было, пустые коридоры, но за закрытыми дверями билась жизнь – он знал, чувствовал это.

В кабинете Снегова царил полумрак – настольная лампа, обращенная к стене, горела на полу под дальним от окна столе. Александр познакомил Сергея со своим напарником и командированным в Москву начальником отделения из Краснодара.

– А чего в темноте сидите?

– Такое указание, чтоб не раздражать собравшихся господ-товарищей.

– Понятно. Ну, что тут у вас происходит? – спросил Сергей, подходя к окну.

Внизу на площади широким кольцом стояли люди – их было много, но гораздо меньше, чем днем. Рядом с памятником работала техника. Один из кранов поднял в люльке трех человек: двух рабочих и третьего, старшего с мегафоном. Споры, буднично начались такелажные работы. Один трос прошел под мышкой Дзержинского, который держал руку в кармане шинели, а другой – в виде широкой петли набро-

сили ему на шею. Рабочий выбрал свободный ход и затянул петлю, как делает палач перед повешением. Люлька отошла на безопасное расстояние, и старший в мегафон дал команду: «Вира!». Взревев моторами, краны начали работу, медленно натягивая тросы. Феликс дрогнул: один, другой раз и с трудом начал подниматься в воздух, за ним пошло кольцо постамента, которое тут же рухнуло на место. Вниз на асфальт полетели крошки облицовки и кусок картона с надписью «ХУНТЕ ХАНА!», закрепленный за бронзовым мечом и продержавшийся весь день. Толпа взорвалась ликующим криком и свистом, увидев вздернутый за шею памятник. А поднятый в воздух Дзержинский, как бы осматривая пространство перед собой, невозмутимо повернулся сначала влево, а потом вправо, запоминая происходящее. Наверняка, он видел то, что не могли видеть ликующие и стоящие внизу «победители». Прорвав жидкое оцепление, под памятником со свистом и криками, с риском для жизни какие-то испуганные начали свой нечеловеческий танец, пока их не вернула на место милиция. Дзержинского уложили лицом вниз на платформу, и тут же на ней оказались трое молодых людей спортивного вида, которые стали пинать ногами голову памятника. Наконец их успокоили, и тягач под свист и победные крики медленно тронулся, увлекая за собой прицеп с многотонной фигурой «Железного Феликса». А собравшиеся на площади продолжали праздновать – несколько человек по цоколю взобрались на место, где только что возвыша-

лась фигура первого Председателя ВЧК. Один из них призывно размахивал красно-сине-белым флагом, другой уселся на постамент. Но для Сергея это было уже неинтересно, и никого из присутствовавших в кабинете не трогало.

Нестеров возвращался в Управление тем же путем, по подземному переходу. Гулким эхом отдавались шаги в длинном пустом коридоре, и миллион мыслей и вопросов пчелиным роем гудели в голове.

«Что это было? Символическая казнь первого чекиста, наркома путей сообщения, человека, чьими усилиями была ликвидирована беспризорность в революционной России? Попытка спровоцировать нас на ответные действия? Или все-таки неконтролируемый выплеск эмоций до предела накаленной толпы? – И тут же сам себе ответил: – Нет, только не последнее. Какой там неконтролируемый выплеск, очень даже контролируемый! Выплеск: это когда раз – и все! А тут днем еще началось и завершилось к началу следующих суток. И почему Дзержинский, а не Ленин, Карл Маркс или Энгельс, наконец? Нет, все в этом случае продумано. Интересно, кто-нибудь еще видел весь этот ужас? Нынешний Председатель, почти тридцать лет проработавший в разведке? Офицеры-контрразведчики, воевавшие в Афгане? Оперработники, прошедшие горячие точки на территории Союза и гасившие межнациональные конфликты в республиках Средней Азии и Закавказья? Володя Моренов рассказывал, как при поддержке всего десятка бойцов спецподразделений

они разгоняли многотысячные бунты озлобленных, обманутых декхан. Что для них те, кто собрался сегодня на площади? Семечки! В момент бы всех снесли, ни жертв, никакого безобразия. И, наверняка, все стояли и молча смотрели. А что ты можешь сделать, когда приказа нет?! Тогда спрашивается: кому нужна такая служба, когда у тебя на глазах уничтожают, бросают в грязь, топчут ногами, с дерьмом мешают то, что было и есть святым для тебя, и ты ничего не можешь сделать, потому что приказа нет?! А служить теперь кому: вот этому быдлу, что сегодня изгалялось на площади? Или пахану этой своры?!».

Он не заметил, как добрался до своего кабинета. Видеть никого не хотелось и тем более разговаривать, но делать было нечего, не ночевать же в коридоре. На его счастье, Кирилл у кого-то гостевал, и Нестерову осталось только доложить Моренову. Он снял трубку и коротко рассказал о том, что видел в течение последнего часа. Зайти к начальнику отказался, и Андреич его понял, не стал настаивать – самому тошно было.

Наступившее утро добрых перспектив не сулило. Некоторые революционеры всю ночь провели на площади, а «подкрепление» к ним стало поступать уже с восьми часов. Поодиночке и группами по три–пять человек с неизвестно откуда взявшимися в таком количестве красно-сине-белыми флагами и флажками они концентрировались поначалу вокруг постаamenta снятого памятника. Кто-то опять взобрался

наверх, будто медом там было намазано. Сотрудники, ходившие на разведку, докладывали Нестерову, а он дальше наверх о начавшихся выступлениях про томящихся в подвалах Лубянки заключенных, пытках и зверствах чекистов. Ничего нового по сравнению с предыдущим днем они не придумали. Только градус раздражения и злости растущей толпы медленно, но неуклонно повышался.

Оперсостав, едва перекусив, засел за телефоны и начал обзванивать агентуру на предмет получения информации о положении в городе и на объектах обеспечения – улов, откровенно говоря, был слабенький. Других задач не ставилось и от безделья сотрудники стали скучать, собираясь на длительные перекуры и обсуждая события последних суток. В начале одиннадцатого позвонил «Саблин».

– Сергей Владимирович? Здравствуйте!

– Здорово! Искал тебя вчера, думал: встретимся, переговорим...

– Да вы что? Я и вчера, и сегодня на пульте, безвылазно. А потом чего к вам ходить? У вас ненормальных вон сколько! Люди в гости хотели зайти, а им по башке поленом или еще хуже того, вообще, убили бы. При таком раскладе понятно, что в доме порядка нет, раз по-хорошему договориться не могут. А этого нам не надо. Здесь люди нормальные, спокойные. Доложили самому. Вспыхнул, расстроился, пообещал головы открутить, сказал: «Остановить надо все это». Только легко сказать: «Остановить!». Попробовать попробуют, но,

скорее всего, придется самому ехать, другого не послушают. Он согласился. Только сейчас не получится, дел много. Назначения надо согласовать. У вас, кстати, начальник новый будет, кто именно не знаю. Так что приедет наш не раньше, чем часа через три-четыре. Держитесь. Что вчера не получилось, сегодня хотят сделать. Желание очень большое. Я понятно говорю, Сергей Владимирович?

– Все нормально. Еще что-то есть?

– Про меня не забудьте, Сергей Владимирович.

– Не волнуйся. И я, и Владимир Андреевич помним о тебе. На будущее: сюда звони только в случае крайней необходимости. Лучше домой, скажешь время, а место, где в последний раз встречались. Понял?

– Понял. Если вас нет?

– Я жену предупрежу, она тебе скажет: как и что. Зовут ее Люба. Если никого дома нет, Владимиру Андреевичу звони на домашний. Назовешь только время, можешь жене его сказать, Наталье, а она передаст Владимиру Андреевичу, место встречи – кассы кинотеатра «Художественный». Так, погоди секундочку. Ничего мы с тобой не забыли? – Наступила короткая пауза. – Вроде, все. Ну, давай! О плохом не думай. Мы друг друга никогда не подводили.

– Спасибо за все, Сергей Владимирович! Удачи вам и Владимиру Андреевичу.

Через пять минут Нестеров почти дословно рассказал Моренову свой разговор с «Саблиным».

– Ага, петрушкин корень! – Обрадовался начальник отдела. – Сработало! То-то же. Мастерство, понимаешь, не пропьешь! Не надо нам пугалки устраивать, мы сами с усами, кого хочешь, напугаем. Слушай, как ты думаешь: кого нам назначат? Не знаешь? Я вот тоже теряюсь... – Он взбодрил свой ежик на голове и продолжил. – Это, конечно, важный вопрос, но, все-таки, общего порядка, а у нас с тобой есть остро насущная проблема. Такая острая, что обрежешься. – Моренов открыл сейф и достал два документа. – Это учетная карточка на агента «Саблина», которую по моей просьбе изъяли из центральной картотеки, а это вкладыш к твоему удостоверению на проход без досмотра. Порядок твоих действий следующий: дело «Саблина» – к себе в портфель и домой. У тебя дача есть? Вот и хорошо. Берешь Любашу и на дачу, и все материалы по листочку в костер. Так что никаких актов и других лишних бумаг. Был агент «Саблин» и нет его. И знать о том, что гражданин такой-то на негласной основе добровольно оказывал помощь органам государственной безопасности, будем знать только мы втроем: ты, я и сам Вячеслав. Вопросы есть? Вопросов нет. Тогда, как пел наш незабвенный Михалыч: «Возьмем винтовки новые, на штык флажки...».

Через три часа Нестеровы были на даче. Теща ничуть не удивилась их раннему приезду, ее вообще по жизни трудно было чем-то удивить. И переубедить тоже. Оказавшись перед лицом неоспоримых фактов и доводов, она скрещивала

руки под грудями, отворачивала голову в сторону и, будто делала одолжение, бросала: «Ну, не знаю!». Поворачивалась и уходила. И столько обиды, оскорбленного человеческого достоинства звучало в голосе, что любому, вне зависимости от пола и звания, становилось не по себе: вдруг обидел чем-то добрую старушку?

Теща, судя по невнятной внешней реакции, была даже рада их появлению: «Как раз к обеду. Я вас сейчас оладушками накормлю». Сергей был голодным как волк. Ни ужинать, ни толком позавтракать за прошедшие сутки так и не пришлось. Так что салат из помидоров, редиски, огурцов, жиденький куриный супчик пролетели незамеченными. И вот они долгожданные оладушки с вкуснейшим клубничным вареньем тещино приготовления! Первый горяченький кругляшок, с пылу с жару, прошел сам по себе, без добавок. Второй, отбросив политесы, Нестеров взял рукой, обмакнул в варенье и откусил больше половины. Обжигаясь, начал жевать, и чуть зубы не сломал. Из рта за шляпку он вытащил металлический гвоздь, миллиметров тридцать пять. Зажав его в пальцах правой руки, так чтоб всем было видно, Сергей посмотрел на тещу.

– Это что?

– Не знаю! – отрубил она.

– Гвоздь, ядрена матрена!

– Не знаю, как он туда зашел! – подбородок вздернут, губки поджаты.

– Может, вы и в варенье их напихали? – Нервы у Нестерова были на пределе. Он просто для проформы перевернул чайной ложкой темно-бордовые, почти коричневые ягоды клубники в глубокой розетке и вдруг что-то блеснуло. Сергей подхватил пальцами и вытащил сантиметра на два осколок баночного стекла. – Вы что, бабуля?! Вот этим своих любимых внуков кормите? Или только для меня такой подарочек приготовили, чтобы я окачурился побыстрее?

– Ничего не знаю! – Она схватила и прижала к груди розетку с вареньем, глядя на него испуганными глазами: «А вдруг убьет? С него станется. Изверг!».

– Сама жри, злыдня старая, свои аладушки с гвоздями! – Нестеров резко встал, чуть не опрокинув низенький столик под яблоней, за которым они любили поесть днем.

– Сережа! – вскрикнула предупреждающе Люба, боясь, что он что-нибудь еще скажет обидное для мамы.

– Что Сережа, что Сережа? – закричал он. – Да пошли вы...

До глубокого вечера он копался на участке, поправляя забор, за которым начинался лес. Только ненадолго отвлекся, когда прибежали Ольга с Олегом, что-то похватали и опять улетели к своим друзьям. Работая, Сергей прислушивался к себе. Сразу после того, что случилось на площади, что-то произошло с ним. Внутри, в душе, оборвалась очень важная, необходимая струна, и теперь все его существо говорило совсем по-другому. Он не мог пока разобраться сам с собой –

такое чувство возникло, будто все внутри холодом сковало.

Стало темнеть. На пяточке за забором у леса Нестеров развел костер. Пока прогорали до углей поленья и сучья, подготовил к жарке «ножки Буша», купленные на продовольственном рынке у метро «Киевская». Теща старалась не попадаться на глаза, а жена, не спрашивая ни о чем, копалась в огороде и заодно готовила стол, который вечером по традиции накрывался на двоих подальше от соседских глаз. Разве что дети могли заглянуть.

Люба первой завела разговор.

– Напрасно ты так на маму, – Сергей чуть не взорвался от возмущения. – Она не хотела, честное слово. Мама гвозди в муку бросила, чтобы черви не завелись, – они после войны все так делают – а просеять забыла, лет-то сколько. А стекло в варенье? Банка, когда мама ее открывала, лопнула, она стала переливать, вот стекло и попало, видит плохо...

– Да Бог с ней, с мамой твоей. Я же не за себя, за детей испугался. Меня-то еще в детстве нянечка в больнице приучила: «Жуй, жуй, жуй, глотай!». Я с тех пор все по десять раз жую, малюсенькую косточку замечу и выплюну. А дети наши? Прибежали, бросили в рот, проглотили и дальше понеслись. Представляешь, если б они этих оладушек поели или вареньицем побаловались? – Злость стала уходить. – Ладно, проехали. Не очень дуется на меня?

– Молчит...

Послышались чьи-то шаги на садовой дорожке, и нетрез-

вый голос соседа с участка напротив возвестил:

– Але, Сереж, Люб! Вы чо, спрятались?

Они помогали друг другу по хозяйству, когда была необходимость, а еще Нестеров правильно сориентировал Толиного тестя, когда у него возникла нужда обратиться в компетентные органы. Так что, где работает Сергей, для них секретом не было. Распахнулась калитка в заборе и в проеме возник неожиданный гость...

– А-а-а, вот вы где. Здорово, Нестеровы! – Судя по всему, Толик махнул прилично.

– Здорово, коль не шутишь! Присаживайся!

– А что, и нальете? – с вызовом, задираясь, спросил он.

– Нальем, мы не жадные. – Сергей плеснул страдающему в граненый стакан из-под воды.

– Добавь чуток. О, теперь в самый раз! – Толик без тоста торопливо махнул в одиночку, а на закуску оторвал, приглядевшись, самую толстую куриную ножку. – Ну что, Серега? Прижали вам хвост?

– Ты о чем?

– Ну, как? Феликса вашего сдернули, теперь и вас, наверняка, чикать начнут! – В голосе радость расплескалась.

– А ты-то чего такой довольный, тебе-то какое веселье?

– Радуюсь, что конец вам наступил. Поцарствовали и хватит. – Он хихикнул. – Воли себе много взяли. Кого хочу: сажаю, кого хочу: за границу выгоняю. Все-е-е, отбегались. Ну-ка, налей мне еще!

– Тебе уже хватит, шел бы ты к себе. Люська, небось, с собаками по всему поселку ищет.

– Действительно, – жена поддержала мужа. – Шел бы ты, Толик!

– Что, жалко? – Сосед слабо себя контролировал. – Тогда я сам себе налью.

Он протянул руку к бутылке, Нестеров не выдержал хамства и легонько, так ему казалось, ударил ребром ладони по протянутой руке.

– А-а-а! Больно! – завопил Анатолий. – Сука гэбэшная! Руку покалечил! Думаешь тебе все можно?

Левой – он схватил лежащее рядом полено и рванул на Сергея, уже стоявшего напротив. Нестеров ушел корпусом вправо, подставил ногу и Толик загремел лицом в крапиву, прилично ударившись головой о стоящую на пути его полета березу.

– Ну, сволочь! – Послышалось из зарослей малины вперемешку с крапивой. – Теперь я тебя точно кончать буду!

Нестеров не стал ждать продолжения комедии, вытащил его за одежду, слегка дал в солнечное сплетение, чтоб заткнулся, и, хотя очень хотелось отвести душу и отделать придрка хорошенько, сдержался.

– Слушай и запоминай, Толик! – Голос Сергея дрожал, такое было желание врезать ему в сопатку по-настоящему. – Еще что-нибудь подобное услышу, с работы тебя выгонят, машина сломается, продукты кончатся, дом сгорит, здоровье

порушится, и водку пить запретят. Молчи в тряпочку! Ферштейн?

– Ферштейн! – Язык ворочался плохо.

Нестеров вывел его за пределы участка, не удержался, врезал ногой под задницу и вернулся к жене.

– Извини, Любаш! Мешают тут всякие нашему семейному счастью. Давай выпьем за любовь!

– Давай, Сереженька! За любовь и за тебя, мой единственный. – Она пригубила горький напиток. – Ты ведь мне так ничего и не рассказал. Всю дорогу, пока ехали, молчал. Тяжело было в командировке?

– В командировке? – повторил он. – Нет, Любушка! Вот вчера по-настоящему было тяжело и страшно.

Сергей стал рассказывать, и лед, что сковал все внутри, начал постепенно таять.

– Ты знаешь? – задумчиво произнесла Люба. – По телевизору, когда я смотрела, все представлялось по-другому. – Она замолчала на секунду. – Но то, что ты рассказываешь: это – казнь и ничто другое. К сожалению, сейчас ничего не поделаешь. Ты успокойся, любимый, все пройдет, успокойся. Спать не пора? Может, домой пойдем? Детей ждать бесполезно, я их на костер отпустила.

– Нет, ты иди. Мне надо еще одно дело сделать.

– Ладно. Только не пей много.

Водки осталось больше полбутылки. Он подбросил в костер хвороста и еще пару полешек, огонь поднялся, ста-

ло светлей. Из целлофанового пакета с портретом Валерия Леонтьева достал два дела в жестких картонных переплетах – материалы «Саблина». Анкета с фотографией, рапорт сотрудника особого отдела на вербовку, расписка с обязательством добровольно оказывать органам государственной безопасности помощь в защите интересов Отечества, материалы проверочных мероприятий, расписки в получении денег на оперативные расходы... Листок за листком съедали языки огня, и вслед за ними исчезало важное, много определяющее в жизни Нестерова. Ему казалось, что горят мосты между прошлым, настоящим и будущим. Скрипнула калитка в заборе, и тихо появилась Люба, закутавшись в старенькую, теплую кофту.

– Посиди со мной. – Она покорно села. – Это дело моего лучшего агента, который много, очень много сделал полезного в нашей работе. Другой кадровый сотрудник столько не сделал за все годы службы, сколько он наработал. Рисковать его жизнью и положением мы не имеем права, поэтому, приняв с Володей самостоятельное решение, материалы на него я уничтожаю. Был агент, и нет его. – С этими словами в огонь полетела обложка первого дела, а в горло пошел очередной лафитник водки. – Знаешь, Люб! Убей меня, не могу понять: как такое сальто-мортале произошло? Когда я поступал в Высшую школу, мне было девятнадцать лет, и любой мальчишка мечтал быть на моем месте. Всю жизнь я чувствовал себя уважаемым человеком редкой про-

фессии. Ни я, ни друзья мои никогда не говорили высоких слов о служении Родине, чести, любви к Отечеству. Просто делали свою работу и считали, что она помогает нашим родным, близким, всем, кто живет в нашей стране, чувствовать себя спокойно и уверенно. Через книги, художественные кинофильмы люди знали, кто такие чекисты и не сомневались в том, что они выполняют нужную для всех работу. Как все перевернулось за последние три-четыре года. Убийцы, палачи, мучители!!! Кто? Володя Моренов – мучитель, убийца? Или я – палач? Я, который жизнью чуть не расплатился за ваше спокойствие, дорогие граждане-товарищи, чтоб жили, как раньше, и не боялись, что война вот-вот начнется! Моих дорогих, любимых чуть не угробил: Олега, тебя. И ради кого, чего? – Он рвал по одному, по два листа и бросал их в костер. – Я не знаю, что произошло с этим миром и со мною. Так плохо мне еще никогда не было. Разве что в день маминей смерти. Ты понимаешь, Люб: нет больше дела всей моей жизни. Ведь те, ради кого я работал, считают меня преступником. Возьми того же Тольку: разве это не показатель отношения к нам? Он – тоже народ. Значит, люди, простые люди против нас? Скажи, как в таком случае жить дальше? – Сергей не замечал, что плачет, слезы текли сами по себе. – Кому теперь я могу верить? Отцы-командиры дали в руки оружие, кинули нас за тридевять земель и сказали: действуйте по обстановке, ребята! Мы о вас помним, мы вам скажем, кого и как надо воевать. И тишина. Двое суток тишина. А

когда мы все сделали так, что комар носа не подточит: «Всем спасибо, концерт окончен!». Мы что, скоморохи, петрушки рваные? А вчера? На наших глазах Феликса повесили! И мы молчим! Зубы от скрипа стерли, кулаки намертво сжали, так что кровь из под ногтей. И молчим! Отцы-командиры – предатели вы! Служить под вами не могу, а под теми, кто Феликса скинул, не хочу. С души воротит!

Слезы текли не переставая. Сергей не чувствовал себя пьяным, ему казалось, что водка не берет, хотя уже пустая бутылка валялась на траве. Через некоторое время, поддавшись на уговоры жены, во втором часу ночи он пошел спать. Рано, чуть солнце встало, они отправились за клюквой на дальние болота. Голова гудела, как чугунный котел, во рту отвращение, но поход за ягодой был лучшим вариантом из всего, что следовало придумать в это утро. В поселок вернулись к обеду. У калитки ждал Толька с исцарапанным лицом и тремя бутылками пива – мириться пришел. В упадническом для Нестерова настроении протянулись выходные. А потом наступил понедельник – во всех отношениях тяжелый день для многих обитателей большого дома на площади без памятника.

Нестеров пришел на работу с жуткой головной болью. Полчаса ушло на бесцельное перекладывание материалов в сейфе, потом его вызвал Моренов.

– Здорово, Сергей Владимирович! Ну-ка, дай посмотрю на тебя. Чего смурной такой? Перепил, что ли? Или третья

бутылка несвежая попалась?

– Тебе бы все шуточки шутить, Андреич. Голова дико болит. Таблетки не помогают...

– Вали в поликлинику, здесь сейчас особо делать нечего. Но прежде чем уйдешь, скажи: дело «Саблина» схарчил?

– Как договаривались, все по листочку. Здесь-то что происходит?

– Еще в пятницу на Коллегии принято решение о департизации, бывший партком ведет подготовительную работу. Завтра, может, и сегодня карточки партучета раздадут на руки. Назначили Председателя КГБ, он в восемьдесят восьмом в кресло министра внутренних дел сел. Знаешь, чем прославился сей бывший первый секретарь обкома КПСС? – Моренов со значением прищурил один глаз. – Чуть ли ни на следующий день после назначения затребовал все дела на наиболее ценных источников, включая агентов внутрикамерных разработок, офицеров-подкрышников, сидевших на зонах по многу лет как преступный элемент, и девяносто процентов ликвидировал под корень. Без пенсии, без компенсации – под корень, как класс! И остались наши коллеги глухими и слепыми, а оргпреступность разлилась «окияном» немереным. Вот я и думаю, что у нас он тоже с этого начнет. Только хрен ему на рыжую морду! Мы с тобой по «Саблину» решили, и другие тоже не дураки. Дадим мелочевку всякую, пусть разбирается. – На этом мажорная часть речи Владимира Андреевича закончилась. – Говорят, со дня

на день комиссию специальную создадут по расследованию действий руководителей всех рангов в период ГКЧП. А где руководители, там и исполнители, сам понимаешь. Так что мы с тобой из одного расследования по делу «Капкан» плавно перетекаем в дело ГКЧП. Вот, такие, брат, пироги! А посему, пока суд да дело, иди-ка ты, дорогой мой, в поликлинику, возьми бюллетень и побелей немного, недельки так две, а лучше три. Добро?

– А ты как же?

– Как всегда! Согласно должности и званию. Иди, Серега! За меня не беспокойся, не съедят собаки. Во мне девяносто четыре килограмма живого веса, включая кости – подавятся!

Народу в поликлинике было прилично. Нестеров занял очередь к терапевту, Светлане Алексеевне. Он у нее диспансеризацию проходил и заметил, как она с интересом листала его карту, но лишних вопросов задавать не стала, спросила про самочувствие и все. На приеме выяснилось, что источник его головной боли – высокое давление. Светлана Алексеевна выписала лекарства, дала рекомендации и под конец спросила:

– Уволиться не хотите?

– Как это? – Он сначала даже смысл вопроса не понял.

– Я вас запомнила, когда вы в прошлый раз у меня были, еще удивилась, как вас до сих пор не комиссовали: пояснично-крестцовый посттравматический хронический остеохондроз, гипертоническая болезнь второй степени, энце-

фаломииелит. С таким набором можно инвалидность оформить...

– Ни за что! – испуганно перебил доктора Сергей.

– Тогда у вас есть все основания к увольнению по состоянию здоровья. Пять процентов к пенсии, пусть небольшие, но все-таки деньги. Сейчас время такое – каждая копейка на счету.

Нестеров был в замешательстве.

– Знаете, я как-то не думал об этом. Но на инвалидность точно не пойду – стыдно. Вы сами посмотрите: какой из меня инвалид? На мне еще пахать и пахать...

Светлана Алексеевна, которой было уже за шестьдесят, только грустно улыбнулась.

– Смотрите, Сергей Владимирович. Дело ваше. Надумаете, приходите.

Болезнь, вообще, плохо, а для гипертонии, которая вылезала у Нестерова всегда на нервной почве, требовался покой. Только где ж его взять? Страна бурлит, демократов день ото дня все больше и больше. Газеты, радио, телевидение – все только говорят и показывают о победе демократии, клеймят ГКЧП и его участников. В КГБ свои новости: создана комиссия по расследованию роли и участия должностных лиц органов госбезопасности в событиях девятнадцатого – двадцать первого августа тысяча девятьсот девяносто первого года, на допросы людей потянули; больше десяти или пятнадцати генералов отстранили от занимаемых должно-

стей и подразделения остались без руководства. Кадрам дано указание по пересмотру штатного расписания и подготовке предложений по сокращению личного состава; прошел слух о предстоящей в ближайшее время ликвидации Комитета в прежнем его виде и создании какой-то службы безопасности с неясными функциями и полномочиями. Но сильнее всего ударило, когда новый Председатель, в знак доброй воли, передал американцам план-схему расположения прослушивающих устройств в строящемся здании посольства США. Сволочь проклятая! Да что он, вообще, понимает в вопросах государственной безопасности? Нестеров сразу вспомнил умницу «Кулибина». Сколько таких, как он, ночей не спали, трудились над этим грандиозным проектом? Ну и как тут, скажите, можно выздороветь?

В середине третьей недели позвонил Юра Перхушков, хотя обещал проявиться гораздо раньше.

– Сергей, привет! Звонил на работу, сказали, что ты дома. Ты не уволился случайно?

– Случайно нет. Я – на больничном.

– Серж, помощь твоя нужна. Срочно. Можешь к нам домой приехать? – Голос у Перхуškова выдавал его крайнюю взволнованность.

– Конечно, могу. – «Сто сорок на девяносто не причина, чтобы отказать другу в помощи», – подумал Сергей. – Что случилось, можешь сказать?

– Приходи, сам все увидишь. У тебя пистолет с собой?

– Даже так! Нет, конечно, на работе.

– Все равно приходи, ты нам очень нужен.

До Патриарших прудов, где в одном из переулков жили Перхушковы, Нестеров добрался быстро. У дома стояли «Скорая» и пожарная машины, на входе в подъезд – милиционер.

– Вы к кому, гражданин?

– К Перхушковым. – Нестеров махнул удостоверением.

– Первый этаж налево, квартира номер...

– Знаю! – Перебил его Сергей, отстраняя рукой.

Входная дверь обгорела изнутри, под ногами хлюпала вода, резкий, вонючий запах сгоревшей электропроводки и пластмассы, в коридорах полумрак, света нет, какие-то неясные фигуры бродят. Нестеров заглянул в ближайшую комнату – на полу без движения лежало чье-то тело, накрытое с головой ковром. Из глубины квартиры возник Юра Перхушков, перепачканный золой и сажей.

– Приехал, Сереж? Спасибо тебе, спасибо дорогой. Видишь, что у нас творится?

– Юра, что случилось, пожар что ли?

– Подожгли нас, Сереж. Пойдем на воздух, расскажу...

– А кто там лежит?

– Теща. Татьяну с Ленкой я вытащил, а ее не успел. Задохнулась насмерть.

На улице было лучше. Только вышли, рядом возник милиционер с папкой под мышкой, представился и спро-

сил Сергея:

– А вы, простите, кто будете потерпевшему?

– Подполковник Нестеров, отдел по борьбе террором, – он показал удостоверение.

– Вы по службе?

– А ты лейтенант, как думаешь? Наверное, у меня в такое время других дел нет, как на пожары ездить, рот разевать!

– Да, конечно, понимаю, – смутился молодой оперуполномоченный. – Извините, пожалуйста.

Нестеров с Перхушковым отошли в сторону.

– Что случилось, Юра?

– Подожгли нас. Две или три бутылки с горючкой бросили в окна. Все в момент запылало. Женщины кричат, собака лает, кошка орет – все разом. Сначала сами пытались огонь погасить, но какое там. А у тещи астма, закашлялась и в угол сползла, мы и не заметили. Я еле-еле успел Таню с Леной вывести. Эти сволочи еще под дверь внутрь квартиры бензина налили, все тоже вспыхнуло, огонь до потолка взвился. Как я дверь в огне открыл, не представляю. Вон, видишь: руки обжег. Бабы мои кричат. Я одну за другой через огонь на площадку в подъезд, и сам за ними. Выскочили, Таня кричит: «Мама, мама!», а куда там: как полыхнуло, на метр не подойдешь. Хорошо пожарные быстро приехали, но тещу все равно спасти не успели...

– Жалко, конечно. Нормальная тетка была. У тебя есть какие-то соображения на этот счет? – Сергей кивнул на окна

сторевшей квартиры.

– Это те, которые меня в лес вывозили могилу копать. Они же тогда сказали, как вы меня под защиту взяли: «Ты еще вспомнишь нас! Сто раз вспомнишь!». И вчера позвонил мужчина и передал привет от Климента, старший у них тогда был. Так что связь прямая...

– Понятно. Чем я могу тебе помочь?

– Мне страшно, Сереж! За себя, жену, дочку. Эти же псы сразу возникли, как у вас на площади все случилось. А если тебя со мной будут видеть, поймут, что Комитет меня не бросил. Может, хотя бы первые дни побудешь со мной?

– Ладно, разберемся, – Нестеров соображал, как ему поступить. – Вы же здесь будете? Я часа через полтора–два подъеду.

Моренов был на месте, так сказала секретарь, когда он с дороги позвонил в приемную.

– Здорово, Сергей Владимирович! – Рукопожатие и объятия по-прежнему были крепкими. – Чего не болеется? На допрос вызвали, как активного участника-боевика, гэкачеписта? Нет? А меня уже тягали, да-а-а...

– И как?

– А ты знаешь, ничего, очень даже ничего. Свои же мужики, мы все из одной системы выросли. – Моренов даже повеселел. – Сначала допросили начальника Управления, затем его зама. Дальше очередь до меня дошла. Прихожу, смотрю, у следователя лежит список моей опергруппы. Спрашиваю:

«А это откуда?» Но он мне, конечно, не ответил. Это я потом уже выяснил, что у курирующего нас зампреда до недавнего времени помощник был Станислав, Стасик, я его родного хорошо знаю, в одном дворе выросли. Вот этот Стасик, будучи таким пунктуальным, списки составил и не уничтожил вовремя. Все группы были у него, кто куда поехал, кто заместитель, кто командир – все-все. И когда делали обыски, у Станислава все эти бумаги нашли.

Меня допрашивали где-то часа два. Старший следователь по особо важным делам Главной военной прокуратуры. Знаешь, Сереж, я на него, наверное, сразу хорошее впечатление произвел, и он мне каким-то симпатичным, душевным показался, хоть и следователь. В конце беседы отодвинул мужик бумаги и говорит: «Владимир Андреевич, а если бы поступила команда на штурм и, действительно, надо было бы предпринять решительные действия, вы бы выполнили приказ?» Я говорю: «Безусловно, обязательно бы выполнил, причем, не щадя живота своего». Тот встал из-за стола и руку протянул: «Спасибо, что есть еще такие офицеры. С этой минуты, – говорит, – я все следственные действия, что касается вашей опергруппы, буду согласовывать с вами лично». Обменялись телефонами и на этом расстались. Еще он мне объяснил, что, скорее всего, с нашей группой все закончится достаточно быстро. А почему, как ты думаешь? Им нечего нам предъявить. Смотри: мы не разбили ни одного драгоценного витража на телевизшке, не стащили какого-нибудь паршиво-

го доллара в баре, не побили ни одного охранника, тем более никого не убили и не ранили. Мы, как выключили телевизор, так и включили, рубильник повернули, и все. За время операции не было ни одной жертвы. Какие могут быть к нам претензии? Вот, то-то и оно. Вызвали с моей подачи еще человек пять, на том и отстали. Про тебя следователь спросил, я сказал, что болеешь, и больше вопрос не возникал. Может, дело по нам уже и закрыли. А ты чего прискакал?

Нестеров в деталях рассказал историю с Перхушковым и попросил совета: чем можно помочь в этом случае?

– А чем ты ему поможешь, дорогой ты мой? В Московскую управу обращаться – бесполезный номер. Им не до тебя, и не до Перхушкова твоего. – Моренов почему-то улыбнулся, хотя ничего веселого не было. – Фамилия смешная, Перхушков, – пояснил он, еще раз улыбнулся и вернулся к предмету разговора. – Так что только личное участие. Бери его под свою личную защиту, негласно, но получится вроде как от лица Комитета. Мы же ему защиту обещали? Вот ты и выполняй обещание. – Видя, что Нестеров хочет задать вопрос, начальник предупреждающе поднял руку. – Табельное оружие брать запрещаю!

Нестеров загрузил, что явно читалось на его лице. Владимир Андреевич посмотрел на него, хмыкнул, открыл сейф, достал пистолет в подмышечной кобуре и коробку с патронами.

– На! – Со стуком положил он оружие на стол. – Дарю!

Для себя берег, но тебе нужнее. Смотри, неучтенка, так что все возможные последствия бери на себя.

Сергей потянул за рукоять – «Вальтер», небольшой компактный «Вальтер», то, что нужно.

– Спасибо, Володь! Ты...

– Знаю! – перебил Моренов. – Настоящий друг. Только слез благодарности не надо. Вали лучше отсюда, больной!

Нестеров встал.

– Еще один вопрос, Андреич! – Моренов кивнул. – Я по дороге в туалет зашел: на подоконнике пустая бутылка водки, в кабинке еще две, ошметки колбасные... Мы же на работе никогда не пили...

– А чего ты хочешь? – Голос пошел вверх. – Задач никто не ставит, агентура на связь не выходит, переписки с территорией нет. Командиры с одного допроса на другой ходят. Что остается оперсоставу делать? Водку жрать! Чего еще?! – Сергей даже не предполагал, что своим вопросом так заденет Моренова. – Борюсь, как могу! Только без толку все. От безделья – все беды. Прошу тебя, Сереж: иди подобру-поздорову. Будь человеком!

Когда Нестеров подъехал, ни скорой, ни пожарной у дома Перхушковых не было. Только на скамейке в школьном скверике, что напротив, сидели коротко стриженные два качка в спортивных костюмах типа «Адидас» и, щелкая семечки, лениво наблюдали за происходящим на улице. Сергей беспрепятственно вошел в открытую квартиру. Тело из ближай-

шей к входу комнаты исчезло, во всем остальном обстановка была прежней – неприбранные следы работы пожарных, смятение и беспомощность. Юрий Иванович тоже растерян и никак не может сообразить, что ему нужно делать.

– Юра! – Одернул его Нестеров. – У вас есть, где жить? Есть, куда вы можете переехать хотя бы на время?

– Что? – Очнулся, приходя в себя Перхушков. – Где жить? Да, да, конечно. Мы можем переехать на Октябрьское Поле, там Танина мама живет. Жила, – поправился он.

– Тогда поднимай женщин, пусть соберут все необходимое на первое время, деньги и ценные вещи. – Взгляд Юрия Ивановича стал более осмысленным. – У тебя есть строители, кто бы мог приехать прямо сейчас и хотя бы заколотить фанерой разбитые окна? Раз киваешь, значит, есть. Звони, вызывай, потом договоришься, кто тебе ремонт сделает. Подожди секунду! – Сергей придержал его за руку. – Скажи: как покороче пройти к вашему отделению милиции?

Начальник заседал на очередном совещании, и Нестеров вышел на его заместителя по уголовному розыску. Не вдаваясь в подробности, объяснил: какая от них требуется помощь. К счастью, мужик оказался с пониманием, лишних вопросов не задавал и тут же выделил в его распоряжение того самого молодого опера с пожара с громкой фамилией Орлов. Они договорились встретиться через полчаса на квартире Перхушковых. Когда Нестеров вернулся, Юра уже пришел в себя: руководил женщинами, собиравшими вещи, и

одновременно торговался с бригадиром строителей на предмет будущего ремонта квартиры. Такси он уже заказал. Минут через десять подошел Орлов.

– Ну что, Алексей? – поинтересовался Нестеров. – «Спортсмены» на месте?

– Так точно, Сергей Владимирович!

– Ты один, что ли, пришел?

– Обижаете, Сергей Владимирович. Старшина через дом стоит, в пределах прямой видимости.

– Слушай, как подойдет такси, и мы начнем грузиться, вы притормозите наших друзей-наблюдателей. Сомневаюсь, что они имеют при себе соответствующие документы. И, если так, вези их в отделение и тряси, как дед грушу, пока до признаний не дойдет. Мне сейчас важно, чтобы они не сели нам на хвост и не вышли на новый адрес Перхушкова. Надеюсь на тебя, лейтенант. Телефон мой не потерял?

– Обижаете, Сергей Владимирович.

– Не обижаю, а проверяю. Что будет нового, звони! – Нестеров посмотрел на улицу сквозь единственное неразбитое окно. – Ага, вот и машина подошла. – Он повернулся к Орлову. – Давай, Алексей! Твой выход. Может, повезет: установишь, кто квартиру поджёг.

Пока Орлов со старшиной занимались «спортсменами», погорельцы и Нестеров погрузились и двумя машинами, женщины на такси, мужики на Юрином «Гольфе», спокойно добрались до Октябрьского Поля.

Всю следующую неделю, пока не закрыли бюллетень, Сергей охранял Перхушкова. Хотя доподлинно об этом знали только они вдвоем. Для всех остальных Нестеров был новым компаньоном Юрия Ивановича. Надежным партнером, от которого у Перхушкова нет секретов. Конечно, некоторые догадывались о ведомственной принадлежности Нестерова, а иногда «компаньоны» специально этого не скрывали, особенно, если в будущих участниках сделки просматривалась криминальная составляющая, а таких становилось все больше и больше. Весь день Юрия Ивановича расписывался по минутам. Встречи шли одна за другой. Сергей был поражен обилием связей и контактов Перхушкова, который давно уже оставил созидательную кооперативную стезю и в основном занимался посреднической деятельностью. В деловом мире Москвы все его знали или, по крайней мере, слышали о нем. С утра и до ночи Нестеров находился вместе с Перхушковым. Дня не проходило, чтобы Юрий Иванович ни предлагал Сергею открыть свое дело, обещая помочь и средствами, и знакомствами в любой сфере бизнеса, какой только он захочет заняться. При этом у него сомнений не возникло в состоятельности Нестерова, как предпринимателя. С его-то подготовкой, образованием, интеллектом, умением строить отношения с людьми, знанием психологии? Да у всех вместе взятых начинающих бизнесменов нет и сотой доли того, что есть у Сергея! Нестеров отказывался, как мог, но зерно было брошено и потихоньку начало прорастать...

Климент со своей бригадой не появлялся, и Сергей, закрыв бюллетень, с чувством выполненного долга вышел на работу. Первым делом хотел вернуть «Вальтер», но Моренов отказался, сказал, что своих подарков обратно не принимает, опять же, может еще понадобится. И как в воду смотрел руководитель: как минимум, раз в два дня Перхушков вызывал Нестерова для подстраховки на встречах. Временами Юрию Ивановичу казалось, что за ним установили наблюдение, и надо было ехать и разбираться на месте: насколько обоснованы его подозрения. Сергей, пользуясь поддержкой начальника отдела, был только рад заняться хоть каким-нибудь делом, потому что обстановка на работе становилась невыносимой. Мало того, что делать фактически было нечего, так еще все эти душераздирающие разговоры: кого уволили, кто сам ушел, кого назначили, кого сократили, какое подразделение вывели за штат. Распоряжения нового Председателя тоже энтузиазма не прибавляли: приказы КГБ СССР публиковать в открытых печатных изданиях; заключить с фирмой «Интурсервис» договор на проведение платных, тридцать долларов с человека, экскурсий иностранных туристов по центральному зданию Комитета. Да такое в кошмарном сне присниться не могло! Однако это был не сон, а реальность, в которой жил Сергей и которую ни он, ни многие другие «скрипевшие зубами» не хотели и не могли принять.

В начале ноября Нестерова вызвал к себе Моренов.

– Здорово, Серега! Ты там со своим бизнесменом совсем

друга забыл: ни заходишь, ни звонишь. У тебя совесть есть или нет?

– Виноват, исправлюсь, товарищ полковник! – Нестеров хотел пошутить, но начальник был настроен по-другому.

– Я тебя серьезно, без дураков спрашиваю. Сейчас такие трансформации с людьми происходят, что только держись! Крутицкого из четвертого отдела знаешь? Заместителем секретаря парторганизации был? Сейчас помогает членам комиссии выявлять скрытых гэкачепистов. Как тебе такой разворот человеческой души?

– Вот это да, а вроде нормальный мужик был. Недалекий правда, так не всем же быть семи пядей во лбу. Надеюсь, ты про меня так не думаешь, я-то не Крутицкий – перевертыш.

– Кто есть кто – трибунал разберется. Рассказывай: чего нового?

– Да что у нас может быть новенького, все та же тягомотина. – Но тут Нестеров сообразил, что раз начальник просит, надо хоть что-то поведать. – Хочешь, сон сегодняшний расскажу, раньше никогда таких не снилось...

– А ты веришь в сны? – скептически протянул Моренов.

– Так, они у меня вещи и сбываются, вплоть до деталей.

– Правда, что ль?

– А то? Я даже не знаю, можно ли это сном назвать? – Шутливость Сергея куда-то исчезла. – Предгрозовое небо, тяжелые тучи, почти черные, вдруг пронесится смерч, они смыкаются, и становится темно, наступает глухая ночь. И

тут сверху из темноты раздаётся проникающий в сознание голос: «Обстановка сейчас крайне сложная и беспокойная. В предстоящие месяцы будут две кампании по увольнению сотрудников. Первая – связана с глобальной реорганизацией и направлена на устранение потенциально перспективных сотрудников, имеющих значительные конкретные результаты в работе. Сокращать будут тех, кто может и должен претендовать на занятие руководящих должностей в создаваемых структурах. Вторая – коснется сотрудников, не проявляющих лояльности к новой власти. Ни первая компания, ни вторая – тебя не затронут. Прояви терпение и спокойно работай! А иначе не будешь знать покоя целых двенадцать лет!». Вот такой сон или не знаю, как еще назвать то, что привиделось сегодня ночью...

Нестерова даже дрожь пробрала от воспоминаний прошедшей ночи, а Моренов, наоборот, повеселел и неожиданно расплылся в улыбке.

– А может, сон в руку, Серега? И про тебя, и про меня? То, что моей персоны касается, это без вариантов. Мне тут уже прозрачно намекнули, что работать осталось всего ничего. – Андреич взъерошил волосы на затылке. – Позавчера ввалились гурьбой хозяйственники и открытым текстом: «Вы должны в течение двух часов освободить кабинет! Если хотите, поможем в сборе личных вещей». – «И куда? – спрашиваю». – «Мы этого не знаем. Нам-то какое дело, куда вы денетесь? Сказали кабинет освободить, мы исполняем». Наг-

лые такие придурки, как короли пампасов. Они же не знали, с кем имеют дело. Подхожу вон к тем ящикам, – Моренов кивнул в дальний угол, – и спрашиваю: «Знаете, что это такое? Конфискованное у бандитов оружие. Заряженное, между прочим. А его я куда дену?». Открываю крышку ящика, достаю автомат и передергиваю затвор. Этих субчиков, как ветром сдуло. Только надолго ли? Все равно, не мытьем, так катаньем, скovyрнут меня. Теперь уже никто не скрывает, что есть команда: освободиться от тех, кто работал в Управлении контрразведки – черное пятно, видите ли, в новейшей истории органов госбезопасности. А я еще и активный участник недавних событий, сам знаешь. Да и не хочу я оставаться. Присягу принимал под красным знаменем и, чтобы со мной ни делали, под другим – в бой не пойду. Другое дело – ты. То, что работал в Управлении контрразведки, быльем поросло. Пришел к нам из Первого главка, работаешь чуть больше года, никто тебя трогать не будет, как в твоём вещем сне. Я даже больше скажу: сейчас для тебя нормальные перспективы образуются. В соседнем управлении уходят заместителя начальника отдела, и нужен грамотный, способный офицер. Я сразу про тебя подумал. Через год-другой дадут полковника, потом начальником отдела станешь, какие тебе тут конкуренты, а дальше – и генерал не за горами. Ну что, пойдешь на заместителя начальника отдела?

Нестеров замер. Он знал, что когда-нибудь встанет этот вопрос, и надо будет принимать решение: уходить или оста-

ваться. Хоть и ждал, а случилось все равно неожиданно, как снег на голову. Опять же, если б не Володя, а кто-нибудь другой, может, и легче было бы. Но обмануть Моренова или начать «крутить» тоже нельзя. Перехватило дыхание: сейчас надо будет сказать то, что навсегда изменит всю его дальнейшую жизнь. Сергей собрал всего себя и глухим, дрогнувшим голосом, сказал:

– Прости, Володь! Не пойду.

Моренов опешил.

– Это почему? Я же тебе все русским языком объяснил, и ты – не дурак: все понял.

– Понимаешь, еще когда Феликса снимали, я подумал, что служить всей этой разномастной сволочи, вернее, тем, кто руководит ими, не хочу и не буду. И чем дальше от этих событий, тем все больше убеждаюсь, что работать при нынешней власти, как бы она там дальше ни трансформировалась, не смогу. Для меня они – преступники, Володь! Что та сторона, что эта. И кому я должен честь отдавать: преступникам? Извини, Андреич, не буду, хоть убей меня. Я ухожу...

– Да ты мозгами раскинь, что говоришь? Уходишь и освобождаешь дорогу бездарям, карьеристам, подлецам, лицемерам, которые сейчас лезут в начальники, как мошकारа на огонь летит. А молодежь кто будет учить? Шишкин? Я смотрю, впечатлительный ты очень. Не можешь работать при нынешней власти? А безопасность государства, какое бы оно ни было, кто будет обеспечивать? Эти что ль, кто не знает,

как бы ему быстрее до руководящего кресла добежать, чтобы жрать-пить вволю и сквозь губу сплевывать? Ты сам подумай, Сереж. Нельзя же так...

– Почему это нельзя? Я что, в спасатели вселенной записаться должен? Все в меня упирается? Ты, значит, не можешь под другим знаменем служить? А я могу и должен. Ты такой принципиальный и правильный, а я неправильный, трус и предатель. Бегу с передовой, когда Родина в опасности! Ну, уж нет! Не нравится мне такой расклад, Владимир Андреевич. Хоть убей, не нравится!

– Я же тебе все по-хорошему объяснил. Чего ты изгаляешься?

– Да ничего! Ты просишь понять тебя и не хочешь понять меня. У нас с тобой разговор глухого с немим получается.

– Значит, не хочешь больше служить? – Владимир Андреевич психанул и сжал кулаки.

– Не хочу!

– Тогда рапорт на стол и гуляй Вася! – Моренов резко встал, как и Нестеров.

– Есть, товарищ полковник!

– И постарайся на глаза мне поменьше попадаться.

– Да пошел ты! – Сергей хлопнул дверью так, что стены задрожали.

Нестеров, недавно отметивший свои сорок четыре, вышел из здания Хозяйственного управления и достал из правого кармана пальто только что выданное пенсионное удостоверение. «Интересно, хоть что там написано, – подумал он и стал читать: – Так. Фамилия, имя, отчество, звание, год рождения, личная подпись – это мы все знаем».

Перевернул страничку. На оборотной стороне – стандартная запись типографским шрифтом и ручкой вписаны цифры: «Пенсия назначена за выслугу **26** лет в соответствии с Положением о пенсионном обеспечении лиц офицерского состава, прапорщиков, мичманов, военнослужащих сверхсрочной службы и их семей в размере «**2482**» руб. «**99**» коп. в месяц с «**02**» *февраля* 1992 г.». Старая печать еще КГБ СССР и две подписи финансистов.

А на другом листочке – штамп, где пропечатано, что за ним, как вышедшим в отставку по состоянию здоровья, и членами его семьи сохраняется право на пожизненное обеспечение медицинской помощью и санаторно-курортным лечением.

«Две тысячи четыреста семьдесят рублей в месяц, и это с надбавкой – копейки, конечно. По нынешнему курсу, меньше ста долларов. – Прикинул он в голове. – Одним репетиторам Олега надо в три раза больше отдать. Ну, ничего, другим

нелегче. А кто говорил, что будет легко? Работать надо, а не на пенсию рассчитывать. Руки, ноги, голова на месте – вперед, товарищ Нестеров!». Он сунул пенсионное подальше в карман и полетел к станции метро «Дзержинская», переименованной еще до событий девяносто первого в «Лубянку»...

Послесловие

Так что же произошло в августе тысяча девятьсот девяносто первого года и почему заложниками тех событий стали сотрудники Комитета госбезопасности СССР? На эти вопросы пытались найти ответ многие сотни авторов: публицистов, политиков, ученых, писателей, исследователей. Среди всех точек зрения особое, на мой взгляд, место занимает позиция Анатолия Ивановича Лукьянова, последнего председателя Верховного Совета СССР, которая во многом объясняет значение эпитафии к последней главе моей повести.

Отвечая на вопрос автора книги «1991: измена Родине. Кремль против СССР» о роли, которую сыграли в событиях тех дней наши «зарубежные радетели», Лукьянов А. И. говорит следующее:

– В качестве ответа могу процитировать малоизвестное в России выступление экс-премьер-министра Англии Маргарет Тэтчер, состоявшееся в США, в Хьюстоне, в ноябре 1991 года. В этом выступлении она все назвала своими именами: «Советский Союз – это страна, представляющая серьезную угрозу для Западного мира. Я говорю не о военной угрозе – ее, в сущности, не было, наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием. Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой экономике и сочетанию моральных и материальных стимулов, Советско-

му Союзу удалось достичь высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей. Причем основным было навязывание гонки вооружений. Важное место в нашей политике занимал учет несовершенства Конституции СССР. Формально она допускала немедленный выход из СССР любой пожелавшей этого союзной республики. Причем практически простым большинством голосов членов ее Верховного Совета. Правда, реализация этого права в то время была практически невозможна из-за цементирующей роли компартии и силовых структур. И все-таки в этой конституционной особенности были потенциальные возможности для нашей политики. К сожалению, несмотря на наши усилия, политическая обстановка в СССР долгое время оставалась стабильной. Сложилась весьма трудная для нас ситуация. Однако вскоре поступила информация о ближайшей смерти советского лидера и возможности прихода к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения. Это была оценка моих экспертов – я всегда формировала очень квалифицированную группу экс-

пертов по Советскому Союзу и по мере возможности способствовала эмиграции из СССР нужных специалистов. Этим человеком был Горбачев, который характеризовался экспертами как человек неосторожный, внушаемый и честолюбивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты. И поэтому приход его к власти с нашей помощью был возможен. Большие споры экспертов вызвал вопрос о выдвижении Бориса Ельцина в качестве лидера народного фронта с последующей перспективой избрания его в Верховный Совет Российской Федерации в противовес лидеру СССР Горбачеву. Большинство экспертов были против кандидатуры Ельцина, учитывая его прошлое и особенности личности. Однако состоялись соответствующие контакты и договоренности, и решение о проталкивании Ельцина было принято. С большим трудом Ельцин был избран Председателем Верховного Совета России, и была принята декларация о суверенитете России. Вопрос – от кого, если Советский Союз был в свое время сформирован вокруг России. Это было действительно началом распада СССР. Ельцину была оказана существенная помощь во время событий августа 1991 года. Когда руководящая верхушка СССР блокировала Горбачева, попыталась восстановить систему, обеспечивающую целостность СССР, сторонники Ельцина удержались. Причем он обрел значительную, хотя и не полную реальную власть над силовыми структурами. Все союзные республики воспользовались ситуацией и

объявили о своем суверенитете. Правда, многие сделали это в своеобразной форме, не исключая членства в Союзе. Таким образом, сейчас де-факто произошел распад Советского Союза, однако де-юре – Советский Союз существует. Я уверяю вас, что в течение ближайшего месяца вы услышите о юридическом оформлении распада Советского Союза».

И двадцать шестого декабря тысяча девятьсот девяносто первого года, меньше чем через месяц после выступления Маргарет Тэтчер, Совет Республик Верховного Совета СССР действительно принял декларацию о прекращении существования СССР в связи с образованием СНГ.

И снова в который раз не дает покоя мысль, что все происходило по отработанной веками классической схеме: развал государства начинается с развала, уничтожения спецслужб, лишения смысла их деятельности, утраты ориентиров, преследования и шельмования сотрудников.

Только одного не учли наши западные «друзья», что имеют дело с Россией, великой страной и ее народом, частью которого являются офицеры государственной безопасности. Выстояли, не ушли в небытие чекисты андроповского призыва. Не утратив офицерской чести и человеческого достоинства, прошли через многие бури и испытания лихих девяностых и последующих лет, живут и работают.

Лично у меня жизнь сложилась не хуже, чем у многих моих товарищей. И, когда почти утвердительно спрашивают: «Вы из КГБ генералом ушли?», отвечаю: «Из Комитета го-

сударственной безопасности СССР я уволился в должности и звании, как в свое время Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, старшим помощником начальника отдела, подполковником».

*С уважением,
Руслан Григорьев*